АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

4 (118)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдиев*, д.и.н. *Г. М. Бонгард-Левин*,
к.и.н. *М. Л. Гаспаров*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*,
д.и.н. *К. К. Зельин* (зам. главного редактора), д.и.н. *Д. П. Каллистов*,
к.и.н. *Ю. К. Колосовская* (ответственный секретарь),
д.и.н. *М. А. Коростовцев*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
к.и.н. *Н. М. Постовская*, к.и.н. *О. И. Савостьянова*,
проф. *С. Л. Утченко* (главный редактор), д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Г. Ф. Полякова

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСЕЙ СЕРИИ Cn

ТЕКСТЫ серии Cn, относящиеся к мелким домашним животным, по формальным признакам обычно делятся на три группы. К первой группе относятся следующие документы: Cn 655, 719, 643, 40, 45, 254, 599, 600, 437. Таблички первой группы построены по одному типу—сначала в надписи указано название поселения, затем имя собственное в именительном, родительном (очень редко) или дательном падеже с предлогом pago, далее следует идеограмма и количество животных, например:

Cn 643,2	wi-ja-we-ra$_2$	a-ko-te-u	SUS^f	40
Cn 655,3	ma-ro-pi	ke-ro-wo-jo	OVIS^m	85
Cn 599,5	a$_2$pa-tu-wo-te	pa-ro a-wo-i-jo	CAP^f	50[1]

В некоторых надписях между именем пастуха и идеограммой стоит еще антропоним (как правило, в родительном падеже) или сочетание слова a-ko-ra с родительным падежом имени собственного, например:

Cn 719,1	ma-ro-pi	ka-do-wo	a-ke-o-jo	OVIS^m 40
Cn 655,14	ma-ro-pi	o-pe-re-ta	we-da-ne-wo	OVIS^f 86
Cn 45,10	pa-na-pi	e-ne-ti-jo	a-ko-so-ta-o	CAP^f 24
Cn 655,5	ma-ro-pi	pu-wi-no	a-pi-me-de-o a-ko-ra	OVIS^m 190[2]

Известно лишь несколько случаев употребления термина a-ko-ra в пилосских текстах — они встречаются в Cn 655 (пять раз) и в Cn 453, где речь идет об a-ko-ra a-ko-so-ta-o. В наших табличках термин a-ko-ra неразрывно связан с глаголом a-ke-re (= ᾽αγείρειν), так что общий смысл a-ko-ra установлен довольно точно: сбор, собирание, возможно, стадо[3].

---

[1] Cn 643,2: «В W. Akoteu (имеет) 40 свиней». Cn 655,3: «В M. 85 баранов Kerowo (ke-ro-wo-jo — род. пад. от ke-ro-wo). Cn 599,5: «В A. у Awoijo 50 коз».

[2] Cn 719,1: «В M. Kadowo Алкея (имеет) 40 баранов». Cn 655,14: «В M. Opereta Верданея (имеет) 86 овец». Cn 45,10: «В P. Enetijo Арксоты (имеет) 24 козы». Cn 655,5: «В M. Puwino — сбор Амфимедея — (имеет) 190 баранов». Akeo (Älkeos), Wedaneu (Werdaneus), Akosota (Arksotas), Apimede (Amphimedes) — см. транслитерацию также по Вентрису — Чадвику (M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambr., 1966; далее — Docs).

[3] Docs, стр. 200, 387; L. Palmer, The Interpretation of Mycenaean Greek Texts, Oxf., 1966, стр. 405; P. Ilievski, A Recxamination of PY CN Tablets, «Atti e memorie de I Congresso Internazionale di Micenologia», II, 1967, стр. 92: значение «collection» применимо для akora. В греческом языке от этого корня был образован термин ᾽αγέρτας. См. также L. Stella, La civiltà micenea nei documenti contemporanei, Roma, 1966 стр. 164, прим. 12.

В этой связи особый интерес представляет надпись Cc 660:

a-ke-o a-ke-re

me-ta-pa/pa-ro ka-ra-su-no 30 CAP^{m} [4]

Обратим внимание на фразеологию надписи: a-ke-o a-ke-re (ἀγείρει) в других текстах серии Cn заменено родительным падежом личного имени в сочетании с a-ko-ra или родительным падежом имени без этого термина, например, a-ke-o-jo. В записи, общей для текстов этой группы, наша надпись выглядела бы следующим образом:

me-ta-pa pa-ro ka-ra-su-no a-ke-o-jo CAP^{m} 30

me-ta-pa (pa-ro) ka-ra-su-no a-ke-o-jo a-ko-ra CAP^{m} 30

Сопоставление этих форм записей с Cc 660 может внушить уверенность, что смысл текста не меняется от того, в какой словесной форме он будет выражен, т. е. akeo akere = akeojo akora = akeojo [5]. Правда, сомнения и здесь возможны, особенно тогда, когда ставится как бы обратный вопрос — должны ли мы подразумевать термин akora в сочетании с родительным падежом имен собственных даже в тех случаях, где он отсутствует в тексте, т. е. в Cn 655 в 13 строке стоит we-da-ne-wo a-ko-ra, а в остальных семи строках текста скриптор предпочитает форму we-da-ne-wo (без a-ko-ra) только потому, что нет смыслового различия в этих формах, или именно потому, что он передает различный смысл различными формами [6]? По-видимому, этот вопрос так и останется вопросом, пока не будут найдены какие-то новые тексты для его окончательного решения.

Чтобы закончить формальное описание надписей первой группы, необходимо остановиться еще на одной их особенности: словах pa-ra-jo[7] и wo-ne-we [8]. Эти термины характеризуют овец, о которых идет речь в тексте, занимая в надписях место, предшествующее идеограмме. pa-ra-jo и wo-ne-we никогда не относятся к животным с пометой a-ke-o-jo, we-da-ne-wo, a-pi-me-de-o и a-ko-so-ta-o [9]. В ряде надписей эта категория

[4] «Алкей собирает || В М. у Karasuno 30 козлов».

Авторы *Documents* переводят предлог paro — «from». В настоящее время дается иное понимание этого предлога — paro в дательном падеже в пилосских текстах значит «у»; Илиевский (ук. соч., стр. 93) приводит paro kakeusi — «у кузнецов» (а не от кузнецов). См. также S. Calderone, Remarques sur l'histoire de quelques idées politiques de Mycènes à Homere,—«Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean Symposium», Brno, 1968, стр. 126 сл.: paro damo = dans le damos; paro не выражает идею англ. from, paro + Dat.= apud aliquem. О значении paro в текстах линейного письма *B* см.: F. Householder, Paro and Mycenaean Cases, «Glotta», 38, 1959, стр. 1—10; A. Morpurgo Davies, An Instrumental-Ablative in Mycenaean? — «Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies», Cambr., 1966, стр. 201 сл.; L. Palmer, Some Points for Discussions, там же, стр. 284; M. Lang, Cn Flocks, там же, стр. 250.

[5] Илиевский (ук. соч., стр. 92) пишет, что имя собственное в родительном падеже + akora так же, как и имя собственное в именительном падеже в сочетании с глаголом akere обозначает «collectores» — «собиратели».

[6] Пропуск akora в конце Cn 655 можно было бы объяснить экономией времени и места, такого же типа, как в Cn 328 пропуск слова akanajo (при условии, что we-da-ne-wo a-ko-ra=we-da-ne-wo).

[7] Pa-ra-jo — παλαιοί? В пилосских текстах применяется к колесам, к военному вооружению, к людям и по отношению к SA. В Кноссе это слово (в форме pa-ra-ja) встречается в сочетании с кол есницами, с тканями и рядом еще неизвестных предметов. В табличках, относящихся к домашним животным, pa-ra-jo, столь обычное для Пилоса, не упоминается. Правда, нам известна сокращенная передача какого-то слова силлабограммой *pa*; возможно, что это *pa* соответствует pa-ra-jo (Docs, стр. 197). В настоящее время *pa* = parajo окончательно принято и для Кносса.

[8] wo-ne-we — Fοινῆϝες? — «цвета вина, бараны черной шерсти» (Doria, Лэнг), возможно, для ритуальных целей. Иное толкование предложено Палмером: w onewe — Fόρνον для Fάρνον? Docs, стр. 412 — wonewe — Dat. sing. на -ēwei «титул или товар? » (Palmer, The Interpretation ..., стр. 464).

[9] Lang, ук. соч., стр. 258.

овец вообще не указана: 600, 45, 437(?), 599. О группах pa-ra-jo — wo-ne-we подробнее будет сказано ниже.

Еще одна особенность наших текстов заслуживает специального рассмотрения — это предлог pa-ro. Как можно видеть даже из приведенных примеров, pa-ro не всегда стоит перед антропонимом. В группе надписей — Cn 655, 719, 643 — предлог отсутствует во всех строках текста; есть ряд табличек — Cn 254, 925, 570(?), 40, 599 (в первой строке имя собственное стоит в именительном падеже вместо дательного), где во всех строках текста перед антропонимом пишется pa-ro; наконец, есть таблички — Cn 600, 45 — где лишь иногда отсутствует этот предлог. Cn 600 начинается следующим образом: o-re-e-wo wo-wo pa-ro ke-we-no..., однако в остальных 14 строках текста pa-ro не ставится. М. Лэнг [10] объясняет это тем, что табличка Cn 600 намного у́же табличек подобного типа; на наш взгляд, отсутствие предлога в последних строках документа (особенно в 10, 11, 12) нельзя объяснить недостатком места.

В табличке Cn 45 предлог также отсутствует в последних строках надписи:

Cn 45,9 pu-ro ra-wa-ra-ti-jo pa-ro oqepa$_2$ a-ko-so-ta-o...
Cn 45,10 pa-na-pi e-ne-ti-jo a-ko-so-ta-o...

М. Лэнг [11] ставит употребление (или не употребление) предлога pa-ro в зависимость от писцов, оформлявших документы. Это предположение, на наш взгляд, действительно может объяснить однородный материал табличек (присутствие или отсутствие предлога), но «смешанные» тексты, такие как Cn 600 или Cn 45, остаются по-прежнему необъяснимыми [12].

Наблюдения над табличками, содержащими и не содержащими предлог pa-ro, приводят к мысли, что чем бы ни было вызвано его появление или отсутствие, это не влияет на смысл текста (во всяком случае, если такое различие и существовало, оно пока ускользает от современного исследователя).

Вторая группа документов состоит из следующих табличек: Cn 131, 328 + 285, 202, 1197 [13]. Эти надписи, в отличие от надписей первой группы, имеют однотипный заголовок, состоящий из названия населенного пункта + wereke [14]. Так, Cn 131 относится к pi-*82 и ma-ro-pi we-re-ke; ro-u-so we-re-ke посвящены два текста —Cn 328 и 285; в Cn 202 речь идет

[10] Lang, ук. соч., стр. 250.

[11] Там же.

[12] Может быть, здесь мы встречаемся со сходным методом работы писца, что и в случаях пропуска (?) akora в Cn 655 в конце текста? Интересен также пропуск paro в Cn 131, когда на месте, предназначенном для предлога, стоит название селения ma-ro-pi.

[13] 1197 в начале повреждена: a-si-ja-ti-ja [Слово we-re-ke в тексте отсутствует. На наш взгляд, эта надпись вряд ли относится ко второй группе, так как количество животных, указанных в ней, слишком ничтожно по сравнению с числами, стоящими в других табличках этого типа.

[14] we-re-ke — в Docs (стр.199) дается перевод М. Вентриса — wergei «encloses». Однако, говорится далее, в Cn 131 речь не может идти о полном числе животных, содержащихся в этих местах; к тому же, конструкция кажется несколько странной: pi- *82 we-re-ke переводится как Pi-*82 encloses. Л. Палмер (The Interpretation ..., стр. 463) возводит we-re-ke к Fρέγες «herds»; wereke — это общий (generic) термин для стад. В греческом языке более позднего периода, пишет исследователь, нет точных соответствий для него, однако слово *wreges «enclosures, herds» косвенно засвидетельствовано в др.-инд. vraja «enclosure, herd». Соответственное тематическое существительное — *wrego-. П. Илиевский (ук. соч., стр. 94), соглашаясь с толкованием Палмера, замечает, что глагол ἔργω для стад встречается в Одиссее. Принимая во внимание географические и климатические условия Мессении, говорит автор, состав стад (особенно баранов parajo и козлов), а также цели составления стад (rearing), wereke должны обозначать не зимние, но летние пастбища (enclosures).

о a-ke-re-wa we-re-ke. Чтобы составить представление об этом типе надписей, приведем начало таблички Cn 131:

pi-*82 we-re-ke

pa-ro pi-me-ta	OVIS^{m} 200	pa-ro okuka	OVIS^{m} 130 ×
pa-ro ku-pi-ri-jo	OVIS^{m} 50 ×	pa-ro a-ka-ma-wo	OVIS^{m} 120 ×
pa-ro ko-ru-no	OVIS^{m} 100×	pa-ro ne-ri-to	OVIS^{m} 30 ×
pa-ro po-ro-u-te-we	OVIS^{m} 90 ×	pa-ro o-wa-ko	CAP^{f} 54 ×
ma-ro-pi to-ro-wi	OVIS^{m} 130×	pa-ro a-no-po	OVIS^{m} 130 ×

и т. д.

В тексте перечислено 25 имен в дательном падеже с предлогом pa-ro [15]; рядом с каждым антропонимом стоит идеограмма и число животных. Большинство стад (20 из 25) отмечено крестообразными знаками, которые, как правило, находятся после числа; исключение составляет 12 строка, где знак находится перед идеограммой:

pa-ro do-qo-no × OVIS^{m} 80 pa-ro wo-ki-to × OVIS^{m} 73

Тексты, относящиеся к ro-u-so, занимают не одну, как в Cn 131, а две таблички. В этих надписях, помимо других животных, перечислены стада козлов, которые в Cn 131 не упоминаются. В Cn 328 большинство животных также отмечено крестообразными знаками (их нет в 5 случаях из 14). Были ли такие «крестики» в Cn 285, точно сказать невозможно — надпись повреждена там, где обычно ставились эти знаки [16].

Cn 131, по мнению М. Лэнг [17], состоит из четырех различных частей (sections), в каждой из которых сначала указаны лица со стадами баранов и только потом писец перечисляет группы других животных (овец или коз). Тот факт, что в Cn 131 козлы не упоминаются, Лэнг связывает с неполнотой дошедших текстов: к району pi-*82 — ma-ro-pi, как и к району ro-u-so, также относились две надписи, одна из которых, видимо, содержащая сведения о козлах, не сохранилась [18].

Тексты второй группы тесно связаны с надписями первой группы. Эта общность проявляется прежде всего в сходных антропонимах, а также в том, что один и тот же писец оформлял определенные документы обеих групп. Полностью дошла до нас только одна такая группа текстов — это Cn 131, 719, 655, 643, т. е. документы, относящиеся к району pi-*82 — ma-ro-pi [19].

Многие имена из Cn 131 встречаются в надписях Cn 719 и 655; часто в этих табличках совпадает и наименование селений, и порода, и пол животных [20], однако число животных, составляющих отдельные группы, не всегда одинаково — в Cn 131 стада, как правило, больше. Видимо, в Cn 131 речь идет об одних и тех же группах скота, что и в надписях Cn 655, 719.

В порядке следования антропонимов в Cn 655, 719 и Cn 131 есть также определенное сходство: когда в Cn 131 упоминаются одни и те же лица,

---

[15] Исключение составляет to-ro-wi в шестой строке. Предлог отсутствует, видимо, потому, что имени предшествует ma-ro-pi, см. прим. 12.

[16] Надпись перечисляет 13 стад: в шести случаях знаки явно отсутствуют.

[17] Lang, ук. соч., стр. 253.

[18] Там же, стр. 253.

[19] По мнению Палмера (The Interpretation ..., стр. 167), к району me-ta-pa относится ряд надписей Cn. Первая табличка из этой группы не найдена, но она, вероятно, начиналась словами me-ta-pa we-re-ke. К этим текстам следует присоединить и Cc 660.

[20] Исключение составляет pu-wi-no, который в Cn 131 указан со стадом коз, а в Cn 655 на его попечении находится стадо баранов.

что и в Cn 655, 719, то, как заметил Палмер [21], порядок записи в Cn 131 совпадает с порядком следования их в двух других текстах. Чтобы наглядно представить это, приведем записи антропонимов в Cn 131 — Cn 719, 655.

Cn 131	pi-*82	Cn 719		
	pa-ro o-ku-ka		o-ku-ka	pi-*82
	pa-ro ku-pi-ri-jo		ku-pi-ri-jo	[p-*82]
	pa-ro a-ka-ma-wo		ko-ru-no	[wi]-ja-we-ra$_2$
	pa-ro ko-ru-no		a-ka-ma-wo	wi-ja-we-ra$_2$
Cn 131	ma-ro-pi	Cn 655	ma-ro-pi	
	to-ro-wi		to-ro-wi-ko[22]	
	pa-ro ke-ro-wo		ke-ro-wo	
	pa-ro ra-pa-sa-ko		ra-pa-sa-ko	
	pa-ro a-ri-wo-ne		pu-wi-no[23]	
	pa-ro e-ti-ra-wo		e-ti-ra-wo	
	pa-ro a-ta-ma-ne-we		a-ta-ma-ne-u	
	pa-ro se-no		a-ri-wo	
	pa-ro pu-wi-no		se-no	

Как видно из приведенных примеров, действительно существует явное сходство в порядке следования антропонимов в трех надписях: Cn 131—655 и 719. Правда, в ряде случаев есть некоторые отклонения в последовательности имен: так, pu-wi-no в Cn 655 идет после ra-pa-sa-ko, в Cn 131 он находится в конце таблички. В Cn 131 вслед за ra-pa-sa-ko (вместо pu-wi-no, если следовать Cn 655) стоит a-ri-wo, занимающий в Cn 655 место после e-ti-ra-wo и a-ta-ma-ne-u. То обстоятельство, что есть некоторая последовательность имен в текстах I и II группы, наводит на мысль, что одна надпись (Cn 131) составлялась в зависимости от других табличек — Cn 655 и 719. Если это так, то, видимо, были еще какие-то документы, не дошедшие до нас, в которых упоминались те лица, чьи имена отсутствуют в Cn 655, 719, но находятся в Cn 131.

Как известно, тексты Cn 131, 719, 655, 643 составляют единственно полностью сохранившуюся группу, поэтому проследить соотношение надписей I и II типа удается только на примере этих документов.

Перейдем к рассмотрению текстов III группы: Cn 4, 595. Их характерная особенность — слова ta-to-mo и o-pe-ro в начале документа:

Cn 595	e-ra-te-re-wa-pi ta-to-mo o-pe-ro[24]			
	me-ta-pa a-we-ke-se-u	VIR 1	OVIS + TA	5
	ne-de-we-e		OVIS + TA	9
	u-de-wi-ne	VIR 2	OVIS + TA	8
	ma-to-ro-pu-ro		OVIS + TA	1

(далее надпись сильно разрушена).

[21] Palmer, The Interpretation ..., гл. III.

[22] to-ro-wi-ko — форма не ясна. В Cn 655 обычно все имена стоят в именительном падеже, за исключением имен в 1, 3, 4 и, может быть, 7 строках текста, которые находятся в родительном падеже. Возможно, to-ro-wi-ko также стоит в родительном падеже, а имя to-ro-wi из Cn 131 — форма именительного падежа. П. Шантрен отмечает необычность формы генетива на -i-ko для torowi(s), хотя это окончание и не невозможно. Возможно, что to-ro-wi-ko(s)— именительный падеж. (P. Chantraine, Finales mycéniennes en -iko, «Proceedings the Cambridge Colloquium ...», стр. 174—175).

[23] См. прим. 20.

[24] *ta-to-mo* — σταθμός. Илиевский пишет (ук. соч., стр. 95), что это хорошо построенное сооружение для содержания скота. В надписи Vn 46 говорится о материале для tatomo. В «Илиаде» и «Одиссее» есть упоминание о таких стоянках. О шкурах с овец см. Un 718, 4, 8. Возможно, о таких же шкурах речь идет у Гомера. *o-pe-ro*. Этот термин

Обратим внимание на то, что в заглавии документа упоминается один населенный пункт — e-ra-te-re-wa, тогда как в самом тексте надписи перечислено несколько различных поселений. По всей вероятности, e-ra-te-re-wa и a-si-ja-ti-ja (Cn 4) представляют собой «узловые» центры, в σταθμοί которых должны быть доставлены животные из других поселений.

По сравнению с другими текстами I и II группы в Cn 4 и 595 дифференцируется только порода животных — овцы. Овцы, содержащиеся в таких загонах, предназначены, видимо, для специального откорма [25].

В Cn 4, так же как и в других надписях этой серии, после населенного пункта указано имя собственное (без предлога), а затем идеограмма OVIS + TA.

Строение Cn 595 несколько отлично — писец уделяет внимание не только количеству и породе скота, но и числу людей: так, в первой строке после антропонима стоит идеограмма человека и числовой знак — VIR 1. В следующих строках надписи имена лиц вообще не указаны, вместо них стоит идеограмма человека и числовой знак — VIR 2; в пятой строке текста нет не только антропонима, но даже идеограммы человека: дано название населенного пункта и OVIS + TA.

Существенным отличием формы записи, применяемой в этой табличке, от всех других надписей серии Cn, где ведется учет скота, является ее «безличный» характер — ни в одном из рассматриваемых нами текстов не опускается имя лица, на чьем попечении находятся животные. Такой тип записи, когда речь идет не о том, кто должен доставить недостающих животных, но откуда и куда нужно отправить животных, сближает эту табличку с Cn 608, занимающей особое место среди надписей Cn.

Число дошедших до нас текстов III группы слишком незначительно, чтобы на основе формального анализа документов можно было бы делать далеко идущие выводы; поэтому мы не настаиваем на том, что различие в форме записи связано с принципиальными различиями в смысле текстов, хотя при сопоставлении метода учета недостающих животных в Пилосе и Кноссе эта табличка не лишена определенного интереса.

Обзор документов серии Cn показывает, как, в сущности, трудны для понимания данные, содержащиеся в надписях,— за простотой, трафаретностью, однотипностью текстов скрывается от нас вся конкретность сообщаемых сведений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что серия Cn вызывает самые различные толкования не только частных вопросов, возникающих при изучении надписей, но — и это особенно важно — оценки серии в целом.

Кем были лица, занимающие в надписях второе и третье места (akeo, akosota, wedaneu, apimede), кому принадлежит огромное число животных серии Cn, какова цель составления этих документов — вот основные вопросы, возникающие при изучении данной группы источников из архива пилосского дворца.

Между тем, сами надписи серии Cn не содержат точных и ясных сведений, позволяющих с уверенностью ответить на какой-либо из постав-

---

авторы Documents (стр. 401) переводят как «должный, отсутствующий, недостающий», видя в нем не слово ὄφελος, но part. act. ophelōn и т. д. или part. pas. ophelomenon и т. д.; τὸ ὀφειλόμενον — «долг» у Ксенофонта и других авторов. P a l m e r, The Interpretation ..., стр. 179: opero=ὄφελος. В настоящее время общее значение термина установлено довольно точно; o-pe-ro — «недостает», «нехватает», «кто-то или что-то отсутствует».

[25] Илиевский (ук. соч., стр. 95) отмечает, что животные, содержащиеся в ta-to-mo, требуют много забот, поэтому число баранов (rams, fed in steading) здесь меньше, чем на пастбищах. С этим замечанием Илиевского можно согласиться; правда, мы не уверены, что под OVIS + TA подразумеваются только бараны.

ленных вопросов; однако изучение табличек Кносса и сопоставление их со сходными по применяемой там форме записи домашних животных пилосскими текстами позволило ученым высказать ряд общих соображений, касающихся характера документов из архивов обоих дворцов. Фурумарк первый обратил внимание на круглые числа, выражающие количество животных, и присутствие во многих надписях сокращения «*o*», которое исследователь понимал как орего — «должное». Было замечено, что в большинстве текстов количество животных, закрепленных за одним лицом (пастухом) или населенным пунктом, представлено числами, кратными 50: 50, 100, 150, 200, 250, 300, 400 [26].

Кратность суммы животных 50, присутствие в документах термина «орего» — все, естественно, наводило на мысль, что таблички кносского (и пилосского) архивов не могут относиться к учету реальных стад. Это предположение казалось тем более вероятным, что количество баранов в несколько раз превосходило число овец — основной породы животных, упоминаемых в текстах Пилоса и Кносса [27].

Естественные стада, замечают авторы *Docs*, вряд ли показали бы столь разительную диспропорцию между особями мужского и женского пола, однако количественный перевес баранов мог бы встречаться в действительности, если бы собственникам ежегодно вменялось в обязанность доставлять так много овец. Вероятно, правы ученые, которые видели в табличках запись подати, налагаемой сувереном на своих подданных [28]. Таким образом, круглые цифры (50, 100 и т. д.), диспропорция мужских и женских особей овец, преобладание баранов, термин «орего», встречающийся в текстах, утверждали идею о податном характере кносских и пилосских документов. Между тем эта гипотеза не давала объяснения важным моментам в организации скотоводства и Пилоса, и Кносса. Надписи обоих архивов строго фиксируют пол животных, а в рамках податной теории это явление остается не совсем понятным.

«Если бы дворцовые власти просто получали такое множество овец, то зачем им понадобилась дифференциация животных по полу,— замечает Киллен в статье, посвященной анализу кносского животноводства,— вероятнее всего создание документов преследовало цели, для которых немаловажную роль имеет пол животных» [29]. Работа Киллена знаменует новый этап в понимании кносских текстов. Интересны и выводы ученого, и применяемый им метод. Так, показывая несостоятельность «податной» теории, Киллен исходит не только из анализа самих надписей, но постоянно опирается на материалы по организации овцеводства на Востоке и в средневековой Англии, что позволило ему объяснить многие факты, которые до сих пор оставались непонятными. Общий вывод предшествовавших исследователей о целях составления табличек должен быть пе-

---

[26] De 1151: su-di-ni-ko/we-we-si-jo OVIS^{m} 264 OVIS^{f} 22
da-22-to o. OVIS^{m} 14
«S. (имеет) в D. 264 барана, 22 овцы, недостает 14 баранов. Werwesios (собирает)».

[27] Численный перевес мужских особей свидетельствует, что цель документов серии Cn—приношение (delivery) или налог (assesment) для приношения ради потребления (P a l m e r, The Interpretation ..., стр. 169). С. Я. Лурье, возражая А. Фурумарку, считавшему, что в Cn 40, 45, 254, 599, 600 говорится о скоте, принадлежащем государству (народу) и отданном для ухода за ним частным лицам в различных селениях, пришел к выводу, что в серии Cn речь идет скорее о стадах, взятых для выпаса или в качестве подати у частных лиц (С. Я. Л у р ь е, Язык и культура Микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 169, 244).

[28] *Docs*, стр. 198 сл.; M. F i n l e y, The Mycenaean Tablets and Economic History, in EHR, X, 1957, 2, стр. 130; T. W e b s t e r, From Mycenae to Homer, L., 1958, стр. 19.

[29] I. K i l l e n, The Wool Industry of Crete in the late Bronze Age, ABSA, 1964, 5, стр. 3.

ресмотрен; как показывают, например, манориальные отчеты, обычное количество животных в стаде составляет круглое число, например, 400 валухов, 300 овец, 200 ягнят (стр. 6). Особи, находящиеся в руках одного пастуха, образуют группы от 30 до 400 голов, хотя более частой цифрой для них является 100. Именно эти числа представляют собой действительные размеры отар и в настоящее время, и в микенский период: в современных греческих стадах насчитывается от 50 до 100 животных, а на горных пастбищах известны стада по 400 голов у одного пастуха (стр. 8). Когда собственник распределял по пастухам большое число овец, пишет Киллен, то мы должны ожидать записи, содержащие не только круглые цифры, но и отчет в количестве присутствующих и отсутствующих животных, потому что собственник не может сам осуществлять строгий надзор за поголовьем своего скота, находящегося иногда в разных местах его имения; поэтому в средневековой Англии, во избежание обмана со стороны пастухов, стада пересчитывались обычно один раз в год.

Таким образом, надписи Da-Dg представляют собой перечень реальных стад, состоящих из овец и валухов или из валухов, предназначаемых для производства шерсти, а также баранины; и дифференциация по полу, отмечает Киллен, более необходима в первом случае, нежели во втором (стр. 11, 15); серия Dl, вероятно, является группой табличек, фиксирующих стада, составленные исключительно из овец, которые должны принести определенное количество потомства и шерсти (стр. 13).

Итак, круглые числа, диспропорция баранов и овец, применение термина «opero»,— все, что прежде казалось невозможным при устройстве реальных стад, получило в исследовании Киллена довольно стройное и убедительное толкование.

Кносская администрация, по мнению исследователя, руководствовалась той идеей, которая в средневековой Европе известна под названием target [30]. Это значит, что от определенного числа овец ожидалось определенное количество шерсти и ягнят; когда же дворец устанавливал target на шерсть, то в своих расчетах власти опирались не только на число реально существующих животных, но и на потомство, которое можно было получить от определенного количества овец.

Мысли Киллена об организации кносского животноводства вызвали ряд критических замечаний [31], однако, как бы не относиться к отдельным

[30] target — строго определенное количество продуктов, которое ожидается от земли или стад в зависимости от израсходованного на посев зерна или числа животных, находящихся в хозяйстве. Если target не выполнялся, то ответственные за это лица должны были вернуть владельцу (земли, стад) недостающее количество продуктов (зерна, шерсти и т. д. в зависимости от того, на что устанавливался target). См. I. Killen, The Wool Industry ..., стр. 8.

[31] См. D. Young, Some Puzzles about Minoan Woolgathering, «Kadmos», IV, t 2, 1965, стр. 111—123. Дискуссия Киллена и Янга — «Kadmos», VIII, Ht 1, 1969: Killen, Minoan Woolgathering: a Replay, стр. 23—38; D. Young, Minoan Woolgathering: a Rejoinder, там же, стр 40—45. Мы не будем рассматривать в данной работе дискуссию этих ученых, поскольку речь в ней идет о кносских текстах, хотя одно замечание сделать все-таки необходимо. На наш взгляд, Янг слишком критически относится ко всей интерпретации надписей, предложенной Килленом. Например, Киллен в первой статье утверждает, что есть неизменное (invariably) соотношение между количеством овец и количеством шерсти (Ratio 10 : 1 и 4 : 1). Янг, стремясь показать, что такого строгого соотношения между числом овец и количеством шерсти нет, что во многих надписях Ratio 10 : 1 и 4 : 1 не соблюдается, строит свое изложение так, будто не существует никакого соотношения между числом овец и количеством шерсти. Нам показалась также неуместной ирония Янга при обсуждении Dk 7306: ведь сами издатели кносских табличек прекрасно сознавали неполноту и неясность этого текста, поставив в самом его начале знак вопроса. Интересны наблюдения Янга над соотношением числа овец — ягнят — шерсти, но, повторяем, категоричность выводов исследователя, отвергающего всю интерпретацию надписей D, данную Килленом, не представляется нам убедительной.

положениям, выдвинутым в его статьях, нельзя не признать, что работы Киллена имеют одно и, на наш взгляд, весьма существенное достоинство — в них впервые на большом сравнительном материале дается интерпретация кносских текстов не с точки зрения налоговой теории, а исходя из мысли о естественных стадах, перечисленных в серии D[32].

Но вернемся к пилосским текстам. Мы уже имели возможность убедиться, насколько схематичны наши тексты; поэтому прежде чем давать общую оценку табличек, мы рассмотрим тот материал, который содержится в самих пилосских надписях. Характерная черта наших документов — это два типа записи, применяемых для регистрации животных: перечисление группы скота с именами (a-ke-o, we-da-ne-u, a-ko-so-ta, a-pi-me-de) и перечисление групп скота без этих антропонимов. При описании пилосского скотоводства большой интерес представляет классификация по «владельцам», данная Л. Палмером.

Исходя из самой структуры надписей, все животные серии Cn были классифицированы ученым как формально не имеющие владельцев, если перед идеограммой не стоит имя собственное в родительном падеже; напротив, употребление одного из четырех имен, отмеченных выше, допускает мысль о принадлежности стада этому лицу. Именно a-ke-o, a-ko-so-ta, we-da-ne-u и a-pi-me-de считаются Л. Палмером «владельцами» многочисленных групп животных. Имена лиц, появляющихся в родительном падеже на третьем месте формулы, мы определяем как «собственников»,— пишет Л. Палмер [33]. В исследовании этого ученого предполагается существование двух типов владельцев стад, причем для большего числа животных собственник не указан. Собственник, который для дворцового писца не нуждался в особом упоминании, был по всей видимости, царь — пишет Палмер. Иное понимание роли четырех лиц содержится в труде М. Вентриса и Дж. Чадвика: akeo, wedaneu, apimede, akosota не были владельцами скота, но выступали в качестве представителей государства, ответственных за «собирание» (collecting) животных (*Docs*, стр. 200).

Пилосские таблички не предоставляют возможности прямо считать тех или иных лиц владельцами или только пастухами закрепленных за ними групп различных пород скота, а скудость источников препятствует контролю за результатами текстологического анализа отдельных понятий (например, akora, akere). Нельзя ли восполнить этот недостаток документов сравнительным изучением количественного оформления двух типов стад: стад, названных в текстах с именами определенных лиц, предположим, их владельцев (akeo, akosota, wedaneu, apimede), и стад, упоминаемых без такого рода имен [34]?

Как можно заметить, мы будем давать анализ организации пилосского животноводства в терминах гипотезы Палмера, потому что терминологическое оформление этой гипотезы удобно при описании того деления стад, которое действительно существует в текстах — стада, связанные с именами четырех лиц, и стада, появляющиеся в надписях без этих имен.

К описанию количественного соотношения между этими группами мы непосредственно и приступим.

---

[32] Отметим, что Янг полностью разделяет идею Киллена о «неналоговом» характере этой группы табличек.

[33] P a l m e r, The Interpretation ..., стр. 165; см. также M. D o r i a, Interpretazione di testi micenei. II, Trieste, 1958, стр. 20.

[34] Условно обозначим стада «владельцев» — «стада I группы»; стада, «собственник» которых формально в тексте не указан, отнесем к «стадам II группы». Слова «собственник» и «владелец» не содержат в данной работе никакого терминологического различия.

Основным владельцем отар овец и коз серии Cn выступает a-ke-o, с именем которого связано приблизительно 26 пастухов в различных населенных пунктах Пилоса. Стада баранов пасут 8 человек в районе pi-*82 — ma-ro-pi и только два стада находятся в провинции de-ve-ro-a_3-ko-ra-i-ja. Все овцы a-ke-o распределяются по пяти пастухам: двое из них отмечены в ma-ro-pi и a-te-re-wi-ja, трое — в провинции de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja (в районе ti-mi-to a-ke-e). Шесть пастухов связаны в текстах со стадами коз a-ke-o, четыре стоянки которых расположены в районе pi-*82 — ma-ro-pi, и две группы этих животных находятся в провинции de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja.

Четыре стада козлов a-ke-o упоминаются, главным образом, в pe-ra_3-ko-ra-i-ja и одно стадо указано в другой провинции, в поселении pu-ro ra-wa-ra-ti-jo.

Второе место по количеству скота занимает we-da-ne-u: в его распоряжении находятся 19 пастухов. Поселения, в которых упоминаются его стада, нам хорошо известны. Так, бараны (8 пастухов) сконцентрированы, главным образом, в ma-ro-pi (4 стада) и близлежащих районах, две группы этих животных числятся в провинции de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja [35]. Число лиц, пасущих овец we-da-ne-u (9), несколько превышает число пастухов овец a-ke-o. Эти отары распределены по провинциям почти поровну. В pe-ra_3-ko-ra-i-ja (ma-ro-pi) указано пять стад, в de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja — четыре (в ti-mi-to a-ke-e и других селениях). Последний вид животных, находящихся в распоряжении we-da-ne-u, — козлы, стадо которых указано в ma-ro-pi табличкой Cn 643.

Основное количество животных a-ko-so-ta (16 пастухов) сосредоточено в провинции pe-ra_3-ko-ra-i-ja. Все его пять стад баранов находятся в районе ma-ro-pi; в этой же области указаны три отары овец и одно стадо козлов (a-ne-u-te). Три стада коз этого лица содержатся в провинции de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja. Одно лишь стадо баранов (Cn 655) числится за a-pi-me-de — четвертым «собственником» животных серии Cn.

Следующая таблица показывает распределение по населенным пунктам пилосского государства стад различных пород животных, связанных с именами четырех лиц.

Населенные пункты	«Собственники» стад			
	a-ke-o	we-da-ne-u	a-ko-so-ta	a-pi-me-de
	pe-ra_3-ko-ra-i-ja			
1. ma-ro-pi	CAP, AR, AG	AR, AG, HIR	AG	AR
2. pi-*82	HIR, CAP, AR	—	AG	—
3. wi-ja-we-ra_2	—	—	AR	—
4. a-pa-re-u-pi	—	—	AR	—
5. wa-no-jo wo-wo	HIR, CAP	AR	AR	—
6. a_2-ne-u-te	—	—	AR, HIR,AG	—
7. a_2-pa-tu-wo-te	HIR, CAP	—	—	—
8. e-ko-me-no	—	AR	—	—
9. a-te-re-wi-ja	AG	—	—	—
10. re-pe-u-ri-jo	—	—	AR	—
11. me-ta-pa (Cc 660)	HIR	—	—	—

[35] Какая порода животных находится у a-ri-wo (Cn 655) и у a-ko-to-wo (Cn 254)— неизвестно, так как текст в этом месте неясен.

Продолжение

Населенные пункты	«Собственники» стад			
	a-ke-o	we-da-ne-u	a-ko-so-ta	a-pi-me-de
12. ka-pe-se-wa-o[36] wo-wo	— de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja	—	CAP	—
13. ti-mi-to a-ke-e	AG	AG	—	—
14. re-pa_2-se-wo wo-wo	AR	—	—	—
15. o-re-e-wo wo-wo	AR	—	—	—
16. a-si-ja-ti-ja	×, AG	AR, ×	?	—
17. pu-ro ra-u-ra-ti-jo	CAP, HIR	AG	CAP	—
18. u-po-ra-ki-ri-ja	AG, CAP	AG	CAP	—
19. pa-na-pi	—	—	CAP	—

Как видим, стада a-ke-o, we-da-ne-u, a-ko-so-ta и a-pi-me-de расположены в 19 населенных пунктах обеих провинций Пилоса. В ma-ro-pi единственный раз упоминаются животные всех четырех владельцев; козы и овцы этих лиц, за исключением a-pi-me-de, находятся в трех населенных пунктах: № 5 — в pe-ra_3-ko-ra-i-ja и № 17, 18 — в de-we-ro-a_3-ko-ra-i-ja. В ряде мест засвидетельствовано поголовье скота только одного из трех владельцев: 6 таких селений связано с именем a-ko-so-ta (№ 3, 4, 6, 10, 12, 19); 5 населенных пунктов — с именем a-ke-o (№ 7, 9, 11, 14, 15) и только один (e-ko-me-no) у we-da-ne-u.

Общая сумма (S) животных, находящихся у каждого из этих четырех лиц, может быть представлена следующими числами:

a-ke-o: S = 1533
бараны—662+54[37]
овцы —255
козы —278
козлы —338

we-da-ne-u: S = 1302
бараны—635+60
овцы —507
козлы —100

a-ko-so-ta: S = 745
бараны—431
овцы —170
козы — 99
козлы — 45

a-pi-me-de: S = 190 баранов

Приведенные числа сами по себе не вскрывают механизма распределения голов скота; между тем, в надписях иногда содержатся сведения о стадах двух (трех) «владельцев», и это обстоятельство дает возможность сопоставить в пределах одного поселения одинаковые породы животных, принадлежащих разным «собственникам»:

[36] Местонахождение этого пункта неясно, так как он упоминается лишь в одной табличке Cn 453. Идеограммы даются сокращенно по Inscriptiones Pyliae, Roma, 1961, так как обозначения $OVIS^m$ и т. д. слишком громоздки.

[37] В Cn 655, 12 идеограмма и знак перед цифрой 4 не сохранились. Мы предполагаем, что в этой и следующей строках надписи речь идет о баранах, так как этот вид животных содержится во всех трех a-ko-ra данной таблички. Цифра 54 взята приблизительно; это наименьшее число, указанное для стад баранов в Cn 655.

№ надписей	Селение	Количество животных	Пастухи[38]	«Собственники»
Cn 45	pu-ro ra-u-ra-ti-jo	CAP 50	a-ko-to-wo	a-ke-o
		CAP 40	o-qe-pa$_2$	a-ko-so-ta
	u-po-ra-ki-ri-ja	AG 70	de-mo-qe	we-da-ne-u
		AG 65	pe-qe-we	a-ke-o
		CAP 35	do-ro-jo-jo	a-ko-so-ta
		CAP 15	wi-ja-te-we	a-ke-o
Cn 40	wa-no-jo wo-wo	AR 70	zo-wi-jo	a-ko-so-ta
		AR 60	po-ru-qo-ta	we-da-ne-u
	ma-ro-pi	AR 85	ka-da-ro	we-da-ne-u
		AR 80	tu-ri-ta	a-ke-o
Cn 600	ti-mi-to a-ke-e	AG 60	a-[—]-u	we-da-ne-u
		AG 60	o-pe-se-to	a-ke-o

Если в одном и том же населенном пункте Пилоса одновременно отмечены стада двух или трех «владельцев», то количество особей одного пола одной породы, находящихся в стадах разных владельцев, будет представлено сходными величинами. Например, 50 и 40 коз у a-ke-o и a-ko-so-ta; 70 и 65 овец в стадах we-da-ne-u, a-ke-o и др.

Как было сказано выше, в пилосских текстах имеется значительная группа животных, «собственник» которых в табличках не указан, однако, согласно гипотезе Палмера, им, вероятно, был царь.

Проследим количественное распределение скота по пастухам как внутри этой группы животных, так и в соотношении со стадами, находящимися у пастухов трех «владельцев». В следующей таблице приводятся числовые величины, характеризующие стада, не имеющие «собственников» — стада царя по гипотезе Палмера — параллельно с отарами животных I группы. Эти данные относятся к одному и тому же населенному пункту (см. табл. на стр. 15).

Сопоставление групп скота, формально лишенных собственника, с особями той же породы, принадлежащими трем «владельцам», показывает, что количество голов животных, имеющихся у каждого пастуха a-ke-o и других, в среднем совпадает с их числом в стаде пастухов, не связанных в текстах с именами этих лиц, например, в a$_2$-pa-tu-wo-te 40 коз находится у пастуха a-ke-o и 50 коз в стаде, где собственник не указан, и т. д.

Если в каком-либо населенном пункте отмечено несколько стад одного пола и одной породы, лишенных «владельца», то эти отары содержат или одинаковое число особей, или отличаются друг от друга на 10—20 голов; так, в o-re-e-wo wo-wo у пастухов ke-ro-u-te-u, e-te-re-da и de-ko-to соответственно находится в стадах по 90, 90, 100 баранов; правда, возможны и такие расхождения в числах, как 90—50 особей в отарах ke-ro-u-te-u и ke-we-no, но это редчайший случай количественного соотношения животных в стадах одного типа; показательны, на наш взгляд, такие группы скота, как у ka-wi-ta и wi-ja-te-we (70—80), у e-te-wa-jo и a-no-ze-we (30—36), у po-ma-ko и po-te-u (6—7), наконец, у ke-ro-u-te-u, e-te-re-da, de-ko-to.

Итак, сравнив между собой стада I группы, мы заметили, что величина отар одной породы и одного пола у разных «владельцев» представлена сходными числами, как правило, допуская расхождение в 10—20 голов; подобная картина наблюдается также в стадах одной породы и одного пола II группы. Можно сказать, что группы животных, имеющих «владельца»,

[38] Имена приводятся в той форме, в какой они стоят в надписях.

№ надписи Cn	Селение	Колич. особей		Пастухи	«Собственники»
Cn 599	a_2-pa-tu-wo-te	CAP	40	ru-we-ta	a-ke-o
		CAP	50	a-wo-jo	нет
Cn 600	o-re-e-wo wo-wo	AR	50	ke-we-no	нет
		AR	90	ke-ro-u-te-u	нет
		AR	90	e-te-re-da	нет
		AR	100	de-ko-to	нет
		AR	92	mi-ka-ri-jo	a-ke-o
	re-pa_2-se-wo wo-wo	AG	70	ka-wi-ta	нет
		AG	80	wi-ja-te-we	нет
	ti-mi-to a-ke-e	AG	60	a-[—]-u	we-da-ne-u
		AG	60	o-pe-se-to	a-ke-o
		AG	80	×	нет
		CAP	30	e-te-wa-jo	нет
		CAP	36	a-no-ze-we	нет
Cn 45	pu-ro ra-u-ra-ti-jo	Porca	6	po-ma-ko	нет
		Porca	7	po-te-u	нет
	u-po-ra-ki-ri-ja	CAP	35	do-ro-jo	a-ko-so-ta
		CAP	20	po-ko-ro	нет
		CAP	15	wi-ja-te-we	a-ke-o
Cn 655	ma-ro-pi	AR	85	ke-ro-wo	нет
		AR	69	ra-pa-sa-ko	нет

и группы животных, лишенных «собственника», образуют единый тип количественного оформления стада, ничем не отличаясь друг от друга; сравнение, проведенное по табличкам серии Cn в целом, подтверждает этот вывод.

Насколько позволяют судить наши данные, интервал различия (10—20 ед.), наблюдаемый в группах животных у всех пастухов a-ke-o, we-da-ne-u, a-ko-so-ta, не превышает колебаний, установленных для поголовья скота у всех пастухов II группы. Однако состав стад в этих двух случаях несколько различен: козлы отсутствуют среди животных, формально не имеющих собственника, свиньи — в стадах «владельцев». Следует ли предположить здесь какую-то ускользающую от нас внутреннюю причину распределения пород, вызвано ли это явление недостатком дошедших источников, решить трудно, однако упоминание a-ke-o, a-ko-so-ta, we-da-ne-u и a-pi-me-de преимущественно с поголовьем овец кажется далеко не случайным.

Обратимся к рассмотрению групп скота, состоящих из баранов и сопровождаемых в табличках пометами pa-ra-jo — wo-ne-we. Животные этого типа никогда не упоминаются с именами четырех «владельцев», а стада pa-ra-jo отличаются значительным числом голов, находящимся в руках одного пастуха. Например, в Cn 719 высшая цифра 230 приходится именно на баранов pa-ra-jo.

Общий ряд чисел, характеризующий группы животных pa-ra-jo — wo-ne-we, может быть представлен следующими величинами:

pa-ra-jo			wo-ne-we		
№ надписи Cn	Селение	число особей	№ надписи Cn	Селение	число особей
719	pi-*82	230	643	a-pa-re-u-pi	40
254	a-si-ja-ti-ja	180			
40	ma-ro-pi	150			
40	wa-no-jo wo-wo	140	40	wa-no-jo wo-wo	75
655	ma-ro-pi	136			
	ma-ro-pi	133			
	ma-ro-pi	95			
40	e-ko-me-no	80			
655	ma-ro-pi	70, 70			
719	wi-ja-we-ra$_2$	66	719	wi-ja-we-ra$_2$	100
655	ma-ro-pi	60			

Приведенные числа показывают, что некоторые стада pa-ra-jo превосходят по своим размерам самые большие отары животных, не входящие в эту группу; напротив, стада wo-ne-we, судя по имеющимся трем цифрам, по количеству голов ничем не отличаются от обычных стад овец. Для pa-ra-jo характерно то, что они указываются главным образом в текстах, перечисляющих только стада I группы; составляет исключение лишь Cn 655, где наряду с баранами a-ke-o, a-ko-so-ta и других упоминаются еще два стада II группы (у ra-pa-sa-ko и ke-ro-wo).

Естественно возникает вопрос: не находятся ли в определенном соотношении животные типа pa-ra-jo с отарами четырех «владельцев»? В самом деле, сопоставив стада pa-ra-jo и стада I группы, встречающиеся в одном и том же населенном пункте, мы увидим некоторую закономерность в этих данных:

№ надписи Cn	Селение	Количество pa-ra-jo	Количество баранов «владельцев»	«Владельцы»
655	ma-ro-pi	564 (136, 133, 70, 95, 70, 60)	654 (190, 70, 90, 54, 60, 90, 100)	a-ke-o, a-pi-me-de we-da-ne-u
40	wa-no-jo wo-wo	140	130 (70, 60)	a-ko-so-ta, we-da-ne-u
	e-ko-me-no	80	70	we-da-ne-u
	ma-ro-pi	150	165 (85, 80)	we-da-ne-u, a-ke-o
719	pi-*82	230	220 (70, 90, 60)	a-ke-o
	wi-ja-we-ra$_2$	66	96	a-ko-so-ta
		S = 1240	S = 1335	

Если в селении, указанном в одной надписи, называются стада «владельцев» и стада pa-ra-jo, то количество животных, как правило, будет представлено следующими величинами: 564—654; 140—130; 80—70; 150—165; 230—220; 66—96, т. е. бараны a-ke-o, a-ko-so-ta, we-da-ne-u, a-pi-me-de находятся приблизительно в таком же числовом соотношении, ко-

торое было отмечено для животных I группы и стад, не имеющих собственника, но лишенных в текстах пометы «pa-ra-jo». Хотя хозяйственная цель подобного соотношения нам остается неясной, можно все-таки заметить следующее: отары, сопровождаемые в надписях именами четырех лиц (отары, формально имеющие владельцев), и стада, не связанные в документах с этими лицами (формально не имеющие владельцев, включая pa-ra-jo — wo-ne-we),— все они подчинены одной системе учета, специфика которого заслуживает особого внимания.

В отличие от кносских табличек серии D пилосские тексты не проводят никакого различия между возрастными группами особей обоих полов (за исключением pa-ra-jo) [39]. Среди овец не выделяются ягнята, суягные овцы, т. е. именно тот контингент животных, из которого обычно состоит естественная совокупность стад. Между тем цифры табличек с идеограммой «баран» слишком значительны, чтобы их можно было отнести только к мужским особям-производителям, количество которых в стаде обычно очень невелико [40].

В «Геопониках» сообщается, что одного барана бывает достаточно на 50 овец [41]; интересно отметить, что сходные цифры названы английскими средневековыми источниками — 50—60 маток на 1 барана [42]. Как показывает практика русского животноводства, в некоторых хозяйствах приходилось на одного производителя 30—40 овец.

Так как количество случных баранов составляет в стадах лишь ничтожный процент (1—5%) [43], естественнее всего рассматривать группы, состоящие из мужских особей, как кастрированных животных. Правда, линейное письмо *B* не детализирует в такой степени биологический статус особей, используя, например, для овец только идеограммы «баран», «овца»; например, упоминание рабочих быков сопровождается обычной идеограммой «бык», хотя известно, что рабочим быком может быть только кастрированное животное[44]. Видимо, отсутствие специализированных идеограмм не должно препятствовать сделанному выводу о качественном составе мужских групп.

С другой стороны, невозможно согласиться и с тем, что все перечисленные в пилосских табличках животные были валухами, иначе мы обязаны предположить внешний источник для естественного самовоспроизводства

---

[39] В документах Кносса бараны характеризуются следующими силлабограммами: pa, pe, ki, ne — «старые»? «прошлого года»? «молодые»; овцы и потомство перечислены в надписях Dl.

[40] Варрон, Сельское хозяйство, пер. М. Е. Сергеенко, кн. II, М.— Л., 1963, стр. 81.

[41] Геопоники, Византийская сельскохозяйственная энциклопедия, кн. 18, гл. 1.

[42] См., например, J. Thomas, Sheep, L., 1957, стр. 65; см. Овцеводство в России. Из отчетов инспектора сельского хозяйства С. П. Щепкина, СПб, 1863.

[43] Alan Simpson, The Wealth of the Centry 1540—1660. East Englian Studies, Chicago, Cambr., 1963, стр. 190:

Матки —	1633	1520	1538	1520	1398	1405	1390
Бараны —	60	63	61	57	57	50	43
Год	1589	1590	1592	1593	1594	1595	1596

См. данные, характеризующие процентный состав баранов-производителей и маток в работе А. П. Перепелкина и Н. Н. Дерягина «Исследование современного положения тонкорунного овцеводства Юга России, шерстяной торговли и шерстяных моек и очерк цигейского овцеводства и шерстяной торговли в России».

33% маток — 2,5% баранов
27,2% » 4,7% »

[44] I. Killen, The Wool Industry ..., стр. 10.

пилосских стад. Поэтому уже априори вполне естественной кажется мысль, что под идеограммами пилосских и кносских текстов скрываются и особи производителей, и особи валухов [45]; смысл идеограмм, сопровождаемых большими числами, не нуждался в дополнительных разъяснениях: ведь только производители составляли незначительный процент животных.

Все пилосское скотоводство представляет собой совокупность разделенных по половому признаку стад, каждое из которых закреплено за отдельным пастухом. Практика древнего и современного животноводства знакома с такой картиной, когда одна отара состоит лишь из особей одного пола, или особей разных полов, не способных к самовоспроизводству, например, валухов и овец. «При сформировании стад для пастьбы,— пишет С. Щепкин,— принимают те же четыре главные подразделения, как и в овчарнях, именно, отдельно сводят баранов, отдельно маток, отдельно ягниц и отдельно валухов... Баранов обыкновенно гоняют или отдельно или вместе с валухами» [46]. Как позволяют судить средневековые манориальные документы, в большинстве случаев у собственников скота насчитывалось несколько стад овец, предназначенных для получения потомства и производства шерсти, несколько отар состояло из валухов — основных поставщиков баранины и шерсти — и одно или два стада комплектовались из ягнят в возрасте между первой и второй стрижкой (hoggs). Но бывали случаи, когда потомство не составляло отдельных стад, непосредственно переправляясь в существующие уже отары. Некоторые владельцы группировали смешанные стада из валухов и овец, даже есть один или два примера отар, состоящих целиком из баранов [47].

Устройство стад в кносских табличках, по мнению Киллена, сходно с организацией овцеводства в средневековых английских манорах. Так, серия надписей Da—Dg — это смешанные стада из валухов и овец, или валухов для шерсти и баранины; серия Dl, весьма вероятно, записывает отары, составленные из овец для потомства и шерсти. Но если все овцы кносского архива представлены минимум тремя категориями стад — валухи, смешанные группы, овцы для ягнения,— то таблички Пилоса отмечают лишь отары валухов и овец: никаких следов смешанных стад или стад типа серии Dl Пилос не знает; сама система учета скота здесь построена несколько иначе, чем в Пилосе. Каждый пастух со своей группой животных в надписях D (Кносс) вынесен в отдельную табличку, где может быть также указано и количество недостающих голов «*o*», число старых баранов — «pa» — pa-ra-jo.

---

[45] На Востоке используется общая идеограмма для производителей и кастрированных животных: в документах архива Мари термин udu-nita равным образом применен и к валухам, и к баранам (J. Bottero, Archive Royale de Mari, VII, P., 1957, стр. 248; см. I. Killen, ук. соч., стр. 4).

[46] Щепкин, ук. соч., стр. 109, 145.

[47] K. J. Allison, Flock Management in the 16 and 17 Centuries, EHR, XI, 1 (1958), стр. 101. В статье автор приводит следующую таблицу:

Собственники		Количество стад	Овцы	Валухи	Смешанные стада	Бараны	Ягнята в период 1—2 стрижки
Townsi end	1479	12	5	3	2	—	2
	1545	4	1	2	—	—	1
	1626	3	1	1	—	—	1
Southwell	1544	14	7	3	2	—	2
	1550	14	7	4	2	—	1
	1561	18	5	6	3	2	2
Bedingfeld	1553	8	3	4	—	—	1
Corbett	1556	7	2	3	—	—	2
Fermor	1522	23	12	5	6	—	—

Например, Dg 1158:

we-we-si-jo OVIS^{m} 63 OVIS^{f} 25
a-ni-ja-to/
pa-i-to pa OVIS^{m} 2 o OVIS^{m} 12

Aniatos[48]: В Фесте 63 барана, 25 овец
2 старых барана, недостает 12 баранов
(собиратель) Werwesios.

Животные Пилоса, относящиеся к разряду o-pe-ro, занесены в специальные надписи типа Cn 595, а бараны pa-ra-jo образуют, как мы видели, многочисленные стада.

По сравнению с устройством стад в Кноссе, пилосское овцеводство отличается неким «суммарным» характером, связанным, видимо, с методом ведения учета. Еще одна особенность животноводства Пилоса не может оставаться незамеченной: это диспропорция между особями мужского и женского пола в породе овцы, когда количество баранов почти в 10 раз превосходит число овец. Между тем в животноводческих хозяйствах предпочтение обычно оказывается именно женским особям: так, в России «некоторые овцеводы считают средним числом 40% маток, 40% валухов и 20% ягниц, а число баранов молодых и старых случных по числу маток» [49]. В обеих полосах (северной и южной) преобладающую часть стада составляют матки, за ними ягнята. Количество маток в стаде монгола колеблется от 60—65%, валухи составляют 10—13%, ярки — 20—25% и бараны 2% [50]. Правда, в истории разведения овец известны хозяйства иного типа, где процентный состав женских особей довольно ограничен. Например, овцеводы Северной Шотландии формировали свои стада целиком из валухов, покупая ягнят в южной части страны [51].

Из схемы распределения животных (стр. 18) видно, что лендлорды английских маноров также содержали стада валухов, число которых не уступало стадам овец: отары Саутвелла в 1561 г.; Тауншенда в 1545 г., отары Бедингфелда и Корбета. В четырех случаях стада женских особей превосходят отары валухов, и один раз количество тех и других стад совпадает.

Рассматривая устройство скота нескольких лендлордов, Аллисон отметил, что лучший образец самовосстанавливающихся отар дают стада Саутвелла, так как семь его отар, состоящих из женских особей, легко могли восполнить нужное число валухов, которые были разделены на три стада, тогда как одна отара овец Тауншенда не могла принести должное количество валухов для двух его стад. Если стада Саутвелла представляют тип самовосстанавливающихся отар, то Тауншенд в равной степени зависел от рынка, как и от собственных овец [52].

Мы обратились к этим примерам не случайно: ведь признание за стадами способности или неспособности к самовоспроизводству может оказаться небезразличным и для понимания пилосских табличек. Численный со-

---

[48] Aniatos — лицо, на попечении которого находятся перечисленные в надписи животные, пастух. Werwesios — часто упоминается в кносских текстах. Видимо, в серии D выполняет те же функции, что и *akosota*, *wedaneu*, *akeo*, *apimede*.

[49] Щепкин, ук. соч., стр. 54.

[50] Я. Полферов, Современное состояние овцеводства в России, Пг., стр. 80, 93.

[51] A. Fraser and I. Stamp, Sheep Husbandry and Deceases, L., 1957, стр. 103, 297.

[52] Allison, ук. соч., стр. 102; Simpson, ук. соч., стр. 185—189; см. интересные сведения о стадах Бэкона из Culford'a.

став особей мужского и женского пола в отарах средневековой Англии действительно показывает большую близость с организацией овцеводства микенской Греции и Кносса. Значительное количество валухов в манорах напоминает число их в документах Пилоса; особенно в этом отношении интересны сведения, приведенные в работе Киллена:

Общее число овец различных категорий стад Pickering [53]

Дата	Валухи	Овцы	Hoggets [54]	Ягнята	Сумма
1313—14	473	86	53	49	661
	1407	124	56	61	1648
1325	1194	98	39	55	1386

Соотношение валухов и овец здесь поразительно напоминает картину пилосского овцеводства, когда число женских особей почти в 10 раз меньше поголовья баранов. Можно было бы признать, что хозяйство Pickering соответствует Пилосу по принципам организации своих овец, если бы не одно обстоятельство: отсутствие данных, устанавливающих способность отар Йоркшира к самовоспроизводству.

Примеры стад крупных лендлордов говорят, что как бы ни был велик процент мужских особей, их число не намного превосходит сумму овец. Тем не менее полностью способными к самовоспроизводству были признаны только животные Саутвелла, где овечьи отары имели преимущество в несколько стад перед отарами валухов. Мы видели, что количество валухов уступало женским особям у Тауншенда и его отары уже в какой-то степени зависели от рынка.

Если животноводческое хозяйство, содержащее почти равное число валухов и овец, не может полностью освободиться от внешнего источника, то разве не испытывают в нем потребности стада, где количество женских особей в 10 раз меньше мужских?

Организация отар средневековой Англии, рассматриваемых с точки зрения количественных соотношений полов, дает убедительные примеры реальных стад, в которых валухам отведено значительное место. Но как бы ни был велик удельный вес баранов в общей массе овец, число женских особей лишь немного уступает им; перевес стад, образованных из валухов, над отарами овец грозит потерей способности овцеводческого хозяйства к самовоспроизводству на должном уровне. В своей практике английское животноводство нередко опиралось на внешний источник пополнения стад, когда многие владельцы скота прибегали к помощи рынка для формирования своих отар, если им недоставало потомства от собственных стад или ягнята не обладали нужными свойствами [55]. Что же касается Пилоса, то вряд ли целесообразно полагаться на такую систему организации животноводства, при которой самовосстановление стад покоится не на внутренних ресурсах; поэтому осторожнее было бы признать, что хотя диспропорция мужских и женских особей в наших табличках значительна, но все же количественный разрыв между ними должен быть представлен не столь солидной величиной, как это принято считать в настоящее время. Ряд косвенных соображений убеждает нас в этом, и прежде всего pa-ra-jo.

[53] Таблица взята Килленом из статьи: B. Waites, Wool Production on a Medieval Yorkshire Estate, «Wool Knowelidge», IV, II (1959), 17. Нам с этой работой ознакомиться не удалось.

[54] Hoggets — неостриженные животные в период времени между первой и второй стрижкой.

[55] Allison, ук. соч., стр. 102.

Бараны pa-ra-jo. Животные, сопровождаемые пометой pa-ra-jo, насчитывают около 1410 голов — сумма значительная для этой категории баранов.

Чем же можно объяснить отсутствие овец paraja, если этот термин действительно соответствует греч. παλαιοί [56]?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вновь обратиться к материалам кносских текстов, поскольку они иногда содержат подробные сведения о качественном составе стад. Рассмотрим две таблички серии D:

Dk 1076 (timiza OVIS^{m} 200)
Df 1121 (timiza OVIS^{m} 143 OVIS^{f} 36 pe OVIS^{m} [21)

Можно видеть, пишет Киллен, что в Dk 1076 и Df 1121 стоит то же самое имя пастуха (timiza), сохранено название селений, указано то же самое количество животных, однако качественный состав стада записан не везде одинаково: вместо одних баранов, составляющих стадо в Dk 1076, в Df 1121 появились овцы.

Вряд ли следует допускать, пишет Киллен, что два пастуха, несущие ответственность за то же самое число овец в той же самой местности, были бы различными людьми, связанными с различными стадами. Есть все основания думать, что приведенные надписи фиксируют одних и тех же животных, и как логическое следствие из этого будет вывод, что идеограмма «баран» объединяет оба пола, употребляясь в более широком значении «овца» (sheep) [57].

Если в пилосских табличках, применяющих сходную с Кноссом символику, один знак также мог бы иметь обобщенное значение (типа русск. «овца»), в таком случае стало бы понятным два момента: огромная диспропорция баранов и овец и отсутствие женских особей среди paraja. К сожалению, как-либо доказать этот тезис сейчас не представляется возможным, потому что пилосские документы в отличие от Кносса не содержат развернутого описания стад. Количественное расхождение между особями мужского и женского пола с признанием двойственного смысла идеограммы, безусловно, не уничтожится, но, вероятно, примет размеры, позволяющие считать пилосское овцеводство способным к самовоспроизводству, не зависящему от внешнего источника. Здесь же следует заметить, что диспропорция между мужскими и женскими особями наблюдается не во всех породах, встречающихся в табличках, например, соотношение коз и козлов не показывает той разительной дисгармонии, которая существует среди овец, а количество боровов значительно уступает числу свиней (*Docs*, стр. 198).

Создается впечатление, что фиксирование столь большого числа баранов должно было лучше всего отвечать цели составления табличек. Во

[56] То, что старые овцы составляют в стадах не меньший процент, чем бараны, ясно видно из приведенной таблицы:

Год	Бараны		Матки			Валухи	
	старые	молодые	старые	молодые	брак	старые	молодые
1875	1,1	0,7	33,3	18,7	4,6	23,9	17,5
1876	1,3	0,5	37,2	17,5	3,05	24,4	15,9

(таблица взята из работы: Перепелкин и Дерягин, ук. соч.).

[57] I. Killen, The Wool Industry..., стр. 10, 12 (ki OVIS^{m} также применяется и к мужским и к женским особям). Русское слово «овца» дает как бы обратный пример минойскому символу OVIS^{m} для обозначения породы животных.

многих работах по овцеводству указывается прямая зависимость количества получаемого продукта, например, шерсти, от пола и возраста животного. Существует значительная разница, пишет Аллисон, между весом шерсти овцы и валуха, руно которого отличается помимо этого более высоким качеством, так что количество шерсти, получаемой от стад, составленных только из валухов, превосходило по своему объему настриг ее от смешанных отар [58]. Естественно, что владельцы скота, видевшие в продаже шерсти основной доход своего хозяйства, должны были уделять большое внимание разведению особей мужского пола (пример Англии). То, что получение шерсти играло не последнюю роль для Кносса, свидетельствуют его документы, в которых регистрируется руно от указанных здесь же животных. Хотя надписей подобного типа в пилосском архиве не обнаружено, но самый метод устройства отар, при котором валухам отдается предпочтение, говорит о принципиальном единстве целей организации скотоводческих хозяйств обоих государств.

Действительно, пилосские таблички не содержат сведений о шерсти, однако мы вправе считать, что в тех случаях, когда перечислено большое количество овец и коз, естественнее предположить, что и получение шерсти играло важную роль в разведении этих пород животных, чем исходить из противоположных представлений. Ведь мысль о том, что и овцы и козы разводятся для шерсти, мяса и т. д., совсем не исключает и религиозные цели, например, если wo-ne-we обозначает цвет овец, то вполне вероятно, что именно эта категория животных могла специально предназначаться для жертвоприношений (см сн. 66).

То, что между пилосскими и кносскими текстами, относящимися к поголовью скота, существует некое принципиальное единство, проявляется в такой системе учета, когда все животные и Пилоса и Кносса делятся на две группы — стада, имеющие «собирателей», и стада без «собирателей». Не свидетельствует ли самый факт такого подразделения животных и еще об одном — о функциональном сходстве самих «collectores» в архивах Пилоса и Кносса?

Коснемся некоторых аспектов деятельности интересующих нас лиц. В Пилосе, как и в Кноссе, «собиратели» известны по другим сериям табличек как должностные лица (во всяком случае, это бесспорно относится к a-ko-so-ta). Деятельность a-ke-o (а следовательно, a-ko-so-ta, a-pi-me-de и we-da-ne-u) определяется в пилосских текстах глаголом a-ke-re, который в форме a-ke-re-se (fut. act.), упоминаясь в Sn 64, выражает некое обязательство, лежащее на перечисленных в текстах лицах (доставка предметов, скрытых в идеограмме).

Глагол a-ke-re (a-ke-re-se), так же как и a-ko-ra (ср. a-ko-ra-ja в серии D Кносса), — terminus technicus в пилосских текстах и, конечно, он не случаен в серии Cn. К сожалению, приходится признать, что сущность той деятельности, которая характеризуется этим глаголом (и родственными ему словами), не поддается конкретному определению: ведь толкование роли четырех лиц как «собирателей» слишком широко и довольно неясно [59]. Повторим вслед за Оливье, что эти лица в Пилосе, как и в Кноссе, играли важную роль в экономике дворца, и не так-то просто охарактеризовать их

[58] Allison, ук. соч., стр. 105; J. Drew, Manorial Accounts of St.-Swithun's Priory, Winchester, EHR, XII, 1947, стр. 30 слл. См. многочисленные данные в работах по русскому животноводству.

[59] См. замечание Киллена (Killen, The Minoan Woolgathering, стр. 37): «Пожалуй, можно согласиться с М. Лэнг, что кем бы ни были так называемые „collectors", они вряд ли упоминались бы в табличках просто как collectors подати». М. Лэнг видит в a-ke-o и других трех лицах the officials who first introduced, sponsored or made popular other new breeds: Lang, ук. соч., стр. 258.

деятельность каким-либо одним словом («collecteurs», «propriétaires» или «bénéficiaires») [60]. Препятствия, возникающие при уточнении роли «собирателей» даже на основе кносских текстов, действительно, серьезны, однако и здесь, как нам кажется, был найден единственно возможный метод — метод идентификации лиц серии D и других серий, а также наблюдения над работой писцов, оформлявших документы. Так, изучая группу надписей Od, содержащих слово o-pi (речь в них идет о шерсти), Киллен подчеркивает, что один и тот же писец (№ 103) оформлял большинство табличек серии Ak (перечень женщин), Lc (шерсть и ткань) и Od. Мы можем быть уверены, отмечает исследователь, что Ak и Lc тесно связаны между собой— женщины, которые перечислены в Ak, вероятно, те же самые женщины-ткачихи, чья продукция детально записана в серии Lc. Не вызывает сомнений и взаимосвязь надписей Od и Lc, поскольку общность некоторых лиц в этих текстах также не вызывает сомнений [61].

Таким образом, просопографический анализ и анализ почерка писцов [62] позволил надежно объединить три группы документов — Ak, Lc, Od, но ведь именно в этих надписях встречается we-we-si-jo — один из самых «популярных собирателей» серии D. В Ak и Ap Werwesios выступает как бы «владельцем» женщин, о которых идет речь в табличках, имя его, как и в надписях D (подобно именам четырех «собирателей» в пилосских документах), стоит в родительном падеже, т. е. тексты Ak и Ap с именами «собирателей» [63] сходны по форме записи с текстами серии D. На наш взгляд, не подлежит сомнению, что функции «собирателей» скота и «собственников» в надписях Ak, Ap, Od в какой-то степени одинаковы [64]. Перед нами представители дворцовой администрации, или, говоря современным языком, «организаторы производства», т. е. те, кто несет личную ответственность перед дворцом за некоторые группы животных, дающих шерсть, и за некоторые группы женщин, занятых в производстве тканей [65].

Нам могут возразить: допустим, тексты Кносса позволяют собрать некоторый материал о «collectores» из серии D, но что известно о деятельности a-ke-o и других лиц на основе пилосских текстов? Рассматривая сведения Кносса и Пилоса, мы в настоящий момент отметим только следующее: во-первых, пилосские (как и кносские) «собиратели» встречаются в разных сериях в сходной текстологической ситуации не как рядовые исполнители, но как лица, осуществляющие надзор за исполнением (так же, как и их кносские «коллеги»); во-вторых, поскольку нас интересует в данный момент возможность сближения «собирателей» Пилоса и Кносса еще раз подчеркнем: самый факт существования a-ke-o и других в Пилосе, we-we-si-jo и других в Кноссе в большей степени свидетельствует о функциональном сходстве в характере деятельности этих лиц, чем об их принципиальном различии [66]. Конечно, никакие косвенные соображения, пусть

---

[60] J.-P. Olivier, La serie Dn de Cnossos, «Studi micenei ed egeo-anatolici», II, Roma, 1967, стр. 84.

[61] I. Killen, The Knossos o-pi Tablets, «I Congresso Internazionale di Micenologia ...», стр. 109.

[62] J.-P. Olivier, Les scribes de Cnossos. Essai de classement des archives d'un palais mycénien, Roma, 1967.

[63] См. Olivier, La serie Dn ..., стр. 84, прим. 26, где указаны еще два «собирателя» из серии D.

[64] I. Killen, The Woolgathering ..., стр. 38.

[65] Оливье (La serie Dn ..., стр. 84) в очень осторожной форме спрашивает, не обрабатывают ли ткачихи, допустим, we-we-si-jo ту шерсть, которая получена от стад этого «собирателя».

[66] В работе М. Лэнг (Lang, ук соч., стр. 254, прим. 1) высказывается мысль, что пилосские тексты сильно отличаются от кносских: «the emphasis on wool in the Knossos sheep records makes them very different from the Pylos texts even though the super-

даже весьма вероятные, не в состоянии восполнить недостаток конкретных данных, —а их слишком мало в пилосских текстах. И все же, когда мы хотим понять роль четырех лиц из серии Cn, мы не можем не обращаться к другому, более обильному источнику — кносскому архиву, и не искать там параллелей.

Скажем несколько слов и о пастухах в наших табличках. В пилосских документах некоторые из них перечислены в двух надписях, причем порода животных и имя «собственника» могут не совпадать. Обратим внимание, что несколько пастухов, находясь в одном селении, упомянуты с именами различных «владельцев». Если бы перед нами были сообственники отар, то как мог один и тот же пастух служить в том же году двум владельцам?

В пилосских табличках нередки случаи, когда пастух появляется в разных, хотя и близлежащих селениях, например a-ko-to-wo, wi-ja-te-u, e-zo-wo. Возможно, это связано с разновременностью архивных записей, отмечающих перегон скота, смену пастбищ,— иначе было бы неясно, как допустим, e-zo-wo пас баранов в re-pe-u-ri-jo, а свиней в a_2-pa-tu-wo-te. Не совсем обычным кажется и состав пород, сосредоточенных в руках одного пастуха, например, бараны и свиньи у e-zo-wo. Это тем более удивительно, что в пилосских текстах существуют особые лица, которые связаны с определенными породами животных: po-me = ποιμήν (овчар?)[67], su-qo-ta = συβότης (свинопас), qo-u-ko-ro, qo-qo-ta = βουκόλος, βουβότης (пастух коров), ai-ki-pa-ta=αἰγίπατης (козопас)[68].

Из надписей группы Ae нам известно, что два козопаса и один пастух (овец?) наблюдают за стадами частного лица.

В серии Ea упомянуты два пастуха (овец?), один свинопас и один волопас(?), пастухом (po-me) назван также крупнейший владелец земли ki-ti-me-na ti-pa_2-jo — серия En. Привлекая сюда данные о распределении налога, выражаемого знаком SA, между жителями какого-то населенного пункта (Nn 831), мы обнаружим среди них двух пастухов (po-me-ne) и двух(?) волопасов (qo-u-ko-ro).

Документы класса Ea, En, Nn, таким образом, показывают, что скотоводство в Пилосе было знакомо со специализированным уходом и выпасом различных пород животных. Те же таблички дают нам все основания предположить, что количество пастухов, упоминаемых в каком-либо селении, довольно ограничено.

Обращаясь к текстам Cn, мы видим, что документы этой серии не знают той дифференциации пастухов в зависимости от породы животных, которая наблюдается в группах Ae, Ea, En, Nn 831: в Cn скот распределяется таким образом, что в руках одного лица сосредоточились различные породы животных, т. е. один пастух был и po-me и ai-ki-pa-ta, su-qo-ta и po-me. Далее в некоторых надписях серии Cn поражает число лиц, определяемых пастухами; в одном только ma-ro (Cn 655, 131) их перечислено свыше 20 человек, а в ro-u-so насчитывается около 25 пастухов (Cn 285, 328).

---

ficial similarity is so great». То, что в надписях Пилоса речь идет о значительном числе «менее полезных мужских особей (less useful males)» указывает на то, что цель этих записей — жертвоприношение или мясо.

[67] В наших текстах слово ποιμήν, вероятно, применялось как и в Греции позднейшей эпохи, главным образом к пастухам овечьих отар, так же как ποίμνη часто обозначало в греческом языке стадо овец. Если действительно в обязанность микенского po-me входила забота преимущественно о стадах овец, тогда ποιμήν, συβότης, βουκόλος, αἰγίπατης (позд. αἰπόλος), упоминаемые в пилосских табличках, дают типы пастухов, хорошо известные из дальнейшей истории Греции. βουκόλοι καὶ ποιμένες (Eurip., Bacchae, 714). В I идиллии Феокрита упоминаются ποιμήν (овчар), пастух коз αἰπόλος и пастух коров βουκόλος.

[68] См. Palmer, The Interpretation ..., стр. 169, 407 сл., 450 сл.

Создается впечатление, что организация и учет животноводства в серии Cn построена несколько по иной системе. Дело здесь даже не в том, что количество пастухов в Cn в некоторых селениях превышает число их в Ae, En, Ea, Nn 831, вернее, не только в этом. В надписях Ae, где говорится о стадах ta-ra-ma-ta, его животные названы «qe-to-ro-po-pi» — «четвероногие», без указания их пола и породы. Допустим, что если пастухом выступает ai-ki-pa-ta — козопас, то порода (и только порода) стад тем самым определена. В группе Cn лица, в распоряжении которых находятся отары, не характеризуются пастушескими терминами (po-me, su-qo-ta и т. д.), зато обязательно указан пол (и порода) животных. Различие в методе учета скота было, вероятно, обусловлено различными целями составления записей: для Ae достаточно применить qe-to-ro-po-pi, для Cn необходима четкая дифференциация пола животных. Небольшое число пастухов, которое можно выделить по надписям, не принадлежащим серии Cn, скорее всего дает основание считать, что выпас скота совершался совместно, с обычным правилом отделения особей мужского и женского пола за два месяца до и после случки, — и вся последующая практика греческого животноводства говорит в пользу этого предположения.

Перед нами вырисовывается как бы два способа организации и учета животных. Во-первых, устройство скотоводства базируется на возможностях поселения, характеризуясь естественным соотношением особей мужского и женского пола, наличием небольшого числа пастухов и совместными выпасом животных обоего пола. По своему типу оно напоминает хозяйство античного, средневекового и нового времени, рассчитанное на удовлетворение собственных потребностей, что, впрочем, не исключает производства для продажи. Другой способ организации и учета животных, представленный серией Cn, опирается на совокупность отдельных населенных пунктов. При учете скота главное внимание уделяется породе и полу животных. В руках одного пастуха могут находиться особи различных пород, но как правило, одного пола, сами же лица не названы ни одним из пастушеских терминов (свинопас и т. д.). Система распределения стад по селениям предусматривает такую организацию животноводства, которая должна опираться на все государство в целом. Для подтверждения этой мысли обратимся к примеру средневековой Англии, где стада лендлордов были расположены не в одной деревне, но в группе деревень и маноров, например, отары Вильяма Фермура паслись в 25 местах, а из отчетов крупного скотовладельца Томаса Тауншенда видно, что его четыре стада находились в трех селениях: валухи в одном, овцы в другом и ягнята в третьем, однако устройство всей массы овец было основано не на отдельных манорах, но на всем estate в целом [69]. Распределение всех животных по различным населенным пунктам должно обязательно исходить из какого-то центрального органа, наблюдающего за всем скотоводством. Судя по тому, что пилосские таблички создавались во дворце, а также единая система учета, применяемая в надписях Cn, допускают мысль, что дворец и был тем центром, благодаря которому поддерживалась целостность животноводства в Пилосе.

Роль центра в организации скота, в частности, проявляется в формировании отар parajo. Если перед нами возрастная группа овец, то стада, состоящие целиком из этих особей, являются специально подобранными группами, находящимися в определенном числовом отношении с животными a-ke-o (и других) в тех селениях, где встречаются обе категории стад (parajo и отары, связанные с именами четырех лиц). Устройство

[69] J. Clapham, Economic History of Britain, Cambr., 1951, стр. 105—106; см. Killen, The Wool Industry ..., стр. 13.

скотоводства, известное нам по серии Cn, может быть названо типом хозяйства, организованного в государственном масштабе. Если с этой точки зрения попытаться определить владельца животных, то им вероятнее всего следует признать дворец, государство (и царя, как его представителя?), тогда как a-ke-o и другие выступают как представители государства, ответственными за «сбор» определенного количества овец, коз и шерсти; в этом случае лица, с которыми непосредственно связаны стада животных, могут быть рассмотрены в качестве пастухов, выполняющих функции, сходные с функциями a-ke-o, a-ko-so-ta, we-da-ne-u и a-pi-me-de. Вероятно, обилие пастухов в некоторых населенных пунктах объясняется ролью селений как мест сбора скота, вызванной, быть может, благоприятными географическими условиями. Так как между стадами четырех лиц и отарами, владелец которых не обозначен в тексте, не прослеживается никакого различия, то допустимо предположить, что все пастухи серии Cn находятся в сходном положении по отношению к вышестоящему органу (дворцу), ведающему организацией всего скотоводства.

ON THE INTERPRETATION OF THE *Cn* TEXTS FROM PYLOS

by G. F. Polyakova

The author analyses the numerical ratios between different groups of animals and discusses the character of the Pylos texts of the *Cn* series.

Л. П. Маринович

ПАРАМОНН В ДЕЛЬФИЙСКИХ МАНУМИССИЯХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

ДЕЛЬФИЙСКИЕ манумиссии римского времени составляют только небольшую часть всех отпускных актов из Дельф и представляют поэтому гораздо менее благоприятный материал для изучения. Они лишь спорадически привлекались в работах, посвященных манумиссиям, теряясь среди моря актов эллинистического периода. Сказанное справедливо и по отношению к общим трудам по рабству или работам, в которых рассматриваются отдельные его аспекты. Наконец, немногие книги по истории провинции Ахайи в лучшем случае о них лишь упоминают [1]. В общем, о греческих манумиссиях римского времени нет ни одного специального исследования.

Сказанное, однако, ни в коей мере не означает, что нам не на что было опереться. Отнюдь нет. Данный К. К. Зельиным историографический очерк [2] позволяет ограничиться здесь лишь перечнем тех трудов, которые имели для нас наибольшее значение.

Это прежде всего книги и статьи, имеющие своей целью изучение самих манумиссий, их характера, смысла и значения отдельных клаузул, особенно клаузулы о парамонэ. Начинать следует с П. Фукара [3], книга которого, хотя и была написана более ста лет назад, не потеряла интереса [4]. Назовем также исследования Ж. Колена [5], А. Кальдерини [6], Ж. До [7], Г. Редле [8] и статьи П. Кошакера [9] и А. Е. Сэмюэля [10] о парамонэ. Далее идут

[1] J. A. O. Larsen, Roman Greec, в кн.: An Economic Survey of Ancient Rome, ed. by T. Frank, vol. 4, Baltimor, 1938, стр. 456; О. В. Кудрявцев, Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры, М., 1954, стр. 103 сл.

[2] К. К. Зельин, Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции, в кн. К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период, М., 1969, стр. 120—136 и 145—160.

[3] P. Foucart, Mémoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité d'après les inscriptions de Delphes, P., 1867.

[4] G. Daux, Delphes au IIe et Ir siècle depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à la paix romaine, 191—31 av. J. C., P., 1936, стр. 46.

[5] G. Colin, Notes de chronologie delphique, BCH, 22, 1898 (далее при ссылках на надписи — Colin), стр. 1—200.

[6] A. Calderini, La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia, Milano, 1908.

[7] Daux, Delphes au IIe et Ir siècle ...

[8] H. Rädle, Untersuchungen zur griechischen Freilassugswesen, München, 1969.

[9] P. Koschaker, Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus, «Abhandl. der Sächsisch. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl.», Bd XLII, № 1, 1931.

[10] A. E. Samuel, The Role of Paramone Clauses in Ancient Documents, JJP, XV, 1965, стр. 221—311.

работы более исторического характера, отчасти упомянутая уже книга А. Кальдерини, многочисленные труды А. В. Никитского [11], книги У. Л. Уестермана [12] и Ф. Бемера [13] и, наконец, работа К. К. Зельина — единственное исследование дельфийских манумиссий как источника по истории рабства в Греции эллинистического периода. В последнюю (но отнюдь не по значению) группу входят ученые, благодаря усилиям которых мы можем теперь использовать манумиссии как источник,— эпиграфисты и филологи, изучавшие и издававшие их. Об изданиях речь пойдет немного ниже, здесь же упомянем о грамматике Е. Рюша [14].

В результате трудов целого ряда ученых, среди которых особое место занимают А. В. Никитский и Ж. До, хронология дельфийских надписей изучена достаточно хорошо, за исключением императорского времени. Это отметил и Ж. До в предисловии к своей «Дельфийской хронологии» [15], в которой он подвел итоги всему сделанному в данной области. Сам Ж. До отказался от принятой ранее системы — отмечать должностных лиц каждого года — и разделил все надписи на 14 групп, а внутри — по номерам, согласно архонтам, придерживаясь в общем (но не всегда точно, как он сам предупреждает [16]) хронологического принципа. Система До несколько сложна, но удобна с точки зрения практической [17].

Акты римского времени датируются и сейчас довольно обще — большинство в пределах жречеств, абсолютных цифр очень немного. В данной статье использованы манумиссии, начиная с XXIV жречества и до конца. Чтобы не повторяться, скажем сразу об их хронологии: XXIV и XXV жречества включает примерно последние 20 лет I в. до н. э., XXVI — первые два десятилетия I в. н. э., XXVII жречество продолжалось с 20 по 46 гг., XXVIII — XXXII — примерно с 47 по 66 гг., но более точного деления они не имеют, так как число надписей падает до нескольких в пределах каждого; XXXIII жречество — примерно 67—78 гг., к XXXIV относится едва ли больше четырех манумиссий, помещаемых между 79 и 85 гг. [18]. Это последние по времени отпускные акты из Дельф.

Хотя манумиссии разного времени происходят из различных мест святилища, одна общая закономерность наблюдается — чем позже, тем выше по склону они выбивались, так что бóльшая и самая компактная часть римских манумиссий происходит из театра. В силу своего местоположения подавляющая масса поздних актов стала известна позднее многих других. Впервые их собрал Ж. Колен [19], издав в 1898 г. 121 акт, причем около половины их — римского времени. В вышедшем в этом же году втором томе Корпуса греческих диалектологических надписей [20] содержится лишь немногим более десятка отпускных конца I в. до н. э. — I в. н. э. Раскопки, ведущиеся в Дельфах Французской археологической школой в Афинах с

[11] Особенно «Дельфийские эпиграфические этюды, I—VI», Одесса, 1894/95 и «Исследования в области греческих надписей», Юрьев, 1901.

[12] W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955.

[13] F. Bömer, Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. Bd II. Die sogennante sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλοι) ἱεροί, Wiesbaden, 1960.

[14] E. Rüsch, Grammatik der delphischen Inschriften, B., 1914.

[15] G. Daux, Chronologie delphique, P., 1943.

[16] Там же, стр. 3.

[17] О ней одобрительно отозвался Уестерман (JJP, IV, 1950, стр. 50, прим. 2). Полезность системы До показали последующие публикации, см., например, L. Lerat, Les Locriens de l'Ouest, II, P., 1952, стр. 110; C. Dunant, BCH, 76, 1952, II, стр. 625—650.

[18] Daux, Chronologie ..., стр. 77, 82, 90.

[19] Colin, ук. соч., стр. 9—140.

[20] «Sammlung der griechische Dialektinschriften», hrsg. v. H. Collitz, Bd II, Göttingen, 1898 (Die delphischen Inschriften — von J. Baunack, далее — SGDI).

1891 г., значительно пополнили число надписей, что в свою очередь весьма способствовало уточнению их чтения и хронологии. Результаты этих раскопок публикуются в серии «Fouilles de Delphes», III том которой посвящен всем надписям, когда-либо найденным в Дельфах (издание еще не завершено). Он в свою очередь делится на выпуски, согласно месту нахождения надписей. Больше половины наших манумиссий вошли в 6-й выпуск [21], кроме того, около 30 — во 2-ую часть 3-го выпуска [22] и отдельные акты — в другие выпуски [23]. Но учитывая незавершенность этого издания, а также качество FD, 6 [24], приходится все еще обращаться к SGDI и особенно к собранию Колена в BCH, которые, таким образом, сохраняют свое значение. Привлечены также те немногие акты, которые были изданы позднее [25].

Манумиссии представляют источник весьма своеобразный. Прежде всего, это документ, причем документ, самым непосредственным образом связанный именно с рабом в тот столь важный и желанный для него момент жизни, когда он перестает быть таковым и получает долгожданную свободу. В отличие от разного рода других источников, он носит печать несомненной объективности. Но как всякому юридическому акту, манумиссии присуща определенная заданность и стандартность. Это тип документа, который составлялся по определенной схеме, причем знакомство с отпускными показывает, как, в общем, строго и последовательно сохранялся костяк, особенно отдельные формулы и статьи, в течение нескольких сот лет. Однако скелет этот в каждом конкретном акте обрастает живыми подробностями, придавая манумиссии индивидуальный характер. За каждой отпускной стоят конкретные лица — хозяин, его жена, дети, рабы — со своими судьбами, планами, заботами, печалями. Пожалуй, вряд ли можно встретить две одинаковые манумиссии, хотя некоторые похожи друг на друга чрезвычайно. Так что, как справедливо заметил еще Ж. Колен [26], при всей «утомляющей монотонности» манумиссии — памятник интересный. Есть, кроме того, еще одно обстоятельство, усугубляющее, так сказать, интерес и ценность этого рода источника — количественный момент, что, правда, в большей мере относится к эллинистической эпохе. До нас дошла примерно тысяча манумиссий из Дельф (и несколько сот актов из других полисов), изучение и сопоставление которых дает возможность делать более общие выводы (несмотря на целый ряд трудностей технического характера — лакуны, неверные чтения, невозможность точно установить время [27], а также многочисленные ошибки в самих надписях [28]).

Изучая манумиссии, постоянно испытываешь одно затруднение — как совместить общее и частное. Исследуя отдельные вопросы, как они вырисовываются по манумиссиям, например, вопрос о выкупных ценах или дру-

[21] «Fouilles de Delphes», vol. III — Épigraphie, fasc. 6, Les inscription du Théâtre, par N. Valmin, P., 1939.

[22] Там же, fasc. 3, Inscriptions depuis le Trésor des Athéniens jusqu'aux bases Gélon, livr. 2, par G. Daux, P., 1943.

[23] Там же, fasc. 1, Inscriptions de l'entrée du Sanctuaire au Trésor des Athéniens, par E. Bourguet, P., 1910—1929; fasc. 2, Inscriptions du Trésor des Athéniens, par G. Colin. P., 1909—1913 (далее все ссылки на это издание — FD без указания тома).

[24] Публикация Н. Вальмена вызвала резкую критику Ж. До как за качество издания текстов, так и за слабость комментариев (G. Daux, BCH, 63, 1939, II, стр. 172 слл.). Судя по ссылкам в «Untersuchungen ...», Бемер, видимо, тоже предпочитает пользоваться изданием Колена.

[25] C. Dunant, BCH, 75, 1951, I, стр. 311—312, № 3 (=SEG, XII, 255); она же, BCH, 76, 1952, II, стр. 644—646, № 16(=SEG, XII, 251); стр. 646, № 17 (= SEG, XII, 252); G. Daux, BCH, 83, 1959, II, стр. 489—490, № 20 (= SEG, XVIII, 229); L. Lerat, ук. соч., I, P., 1952, стр. 42—43 (= SEG, XII, 248).

[26] Colin, ук. соч., стр. 1.

[27] Зельин, ук соч., стр. 137.

[28] Colin, ук. соч., стр. 195; Никитский, Дельфийские эпиграфические этюды, стр. 117—121.

гих условиях освобождения, приходится извлекать данные из многих отдельных актов. Но, с другой стороны, при таком подходе — единственно, очевидно, правильном и возможном — каждый раз испытываешь некоторое сожаление: ведь пропадает отдельный документ, за которым стоит определенный, когда-то живший человек. Очевидно, задача и мастерство историка здесь, как впрочем и всегда, и должны заключаться в том, чтобы найти правильное соотношение между общим и индивидуальным.

Всего известны условия освобождения 162 рабов, из которых полную свободу получил 61 человек и выкупился на условии парамонэ 101. Следовательно, примерно 62,3% рабов, заплатив за свое освобождение, оставались при хозяине или (реже) лице, им указанном. Но 26 из них, т. е. 25,7%, получили затем аполисис, т. е. досрочно удалось полностью освободиться приблизительно одному из каждых четырех парамонариев.

Сравнение с эллинистическим периодом показывает ухудшение условий освобождения рабов: по подсчетам К. К. Зельина [29] во II в. до н. э. акты с парамонэ составляли только 26,2%, т. е. их было меньше примерно в 2,5 раза, чем в рассматриваемое время.

Если разделить всех вольноотпущенников согласно условиям их освобождения, учтя пол, возрастную группу, а также данное в манумиссиях определение — σῶμα οἰκογενές, ὁ ἴδιος θρεπτός или просто σῶμα, то мы получим ряд цифр, которые позволяют сделать некоторые, хотя и очень приблизительные (поскольку мы имеем дело с малым числом цифр) наблюдения,

Прежде всего высчитаем в каждой из четырех групп рабов (т. е. женщин, мужчин, κοράσια и παιδάρια) процент отпущенных с парамонэ, а среди них — долю тех, кто добился затем полной свободы досрочно (табл. 1).

Таблица 1

	% с парамонэ	% получивших аполисис от всех парамонариев
σ. γυναικ.	66,3	29,5
σ. ἀνδρ.	80,7	28
κορ.	40,9	11,1
παιδ.	30,8	—
в среднем	62,3	25,7

Как ясно, больше всего на условии парамонэ отпускали мужчин — 80,7%, далее идут женщины — 66,3%, затем κοράσια — 40,9% и меньше всего παιδάρια — 30,8 %. Получить аполисис чаще всего удавалось женщинам, несколько реже мужчинам; иначе обстояло дело с детьми: только 11,1% девочек [30] освободились полностью досрочно, тогда как актов об аполисисе мальчиков совсем нет.

Можно сделать и иначе — подсчитать долю мужчин, женщин, девочек и мальчиков среди вольноотпущенников, парамонариев и имеющих аполисис (табл. 2).

Как и следовало ожидать, картина вырисовывается такая же, как и в первом случае: хотя мужчины составляют 19,1% от всех вольноотпущенни-

[29] Зельин, ук. соч., стр. 141; ср. Westermann, The Slave Systems ..., стр. 35.

[30] Собственно говоря, речь идет только об одной из девяти κοράσια, освобожденных на условии парамонэ, причем, возможно, и ее не следует включать в число досрочно освобожденных, поскольку так она названа лишь в манумиссии, в аполисисе же стоит одно имя; однако выделить ее побуждает то обстоятельство, что запись об аполисисе следует непосредственно за манумиссией, так что представляет одну надпись—FD, 3, 296.

Таблица 2

	% данной группы от всех вольноотпущенников	% их от парамонариев	% их от получивших аполисис
σ. γυναικ.	56,8	60,4	69,2
σ. ἀνδρ.	19,1	24,9	26,9
κορ.	13,6	8,9	3,9
παιδ.	8	3,9	—
?	2,5	1,9	—

ков, среди парамонариев их 24,9%, т. е. мужчин отпускали чаще с парамонэ; далее тоже идут женщины. Аполисис и по этим подсчетам чаще получали женщины: 56,8% от парамонариев и 69,2% от числа имеющих аполисис.

Подсчитав долю доморожденных и «вскормленников» среди вольноотпущенников, парамонариев и получивших аполисис в каждой из четырех групп, мы будем иметь следующие цифры (табл. 3).

Таблица 3

	% доморожденных и «вскормленников» от всех вольноотпущенников	% их от парамонариев	% их от получивших аполисис
σ. γυναικ.	32,6	32,8	66,6
σ. ἀνδρ.	29	28	28,6
κορ.	31,9	22,2	100
παιδ.	23	—	—
в среднем	32,7	30,7	57,7

Таким образом, σώματα οἰκογενῆ и θρεπτοί составляли несколько больше одной трети среди всех вольноотпущенников и примерно столько же среди парамонариев (на 2% меньше), из чего, очевидно, следует, что на условия отпуска в целом не влияло, рос ли раб в доме господина или нет. Однако, как показывают процентные соотношения по каждой группе в отдельности, это положение верно только применительно к женщинам (32,6% и 32,8%) и мужчинам (29% и 28%). У κοράσια соотношение уже иное — 31,9% и 22,2%, а среди родившихся и выросших в доме хозяина мальчиков ни один не был освобожден на условии парамонэ.

Совсем иначе обстоит дело с досрочным выкупом парамонариев: среди получивших аполисис 57,7% — σώματα οἰκογενῆ и θρεπτοί, т. е. доля их возросла чуть ли не в два раза. Следовательно, им чаще, чем остальным парамонариям, удавалось освободиться полностью досрочно. Это изменение произошло за счет прежде всего κοράσια (они все получили аполисис) и женщин (66,6% от получивших аполисис женщин — доморожденные и «вскормленницы» [31]), тогда как из мужчин данной категории смогли получить аполисис только около одной трети (28,6%), а из παιδάρια — ни один. Таблица 3, таким образом, пожалуй, особенно отчетливо показывает, как осторожно следует относиться к средним цифрам, за которыми скрывается гораздо более сложная и разнообразная картина.

[31] Оговоримся, однако, что семь доморожденных рабынь получили аполисис по одному акту (FD, 3, 303), так что не исключен известный элемент случайности.

Наконец, вычислим, какой процент среди всех доморожденных и «вскормленников» — вольноотпущенников, парамонариев и имеющих аполисис — составляют мужчины, женщины, κοράσια и παιδάρια (табл 4.)

Эта таблица в общем подтверждает и уточняет наблюдения, вытекающие из таблиц 2 и 3. Как и вообще мужчин, мужчин — οἰκογενεῖς и θρεπτοί отпускали чаще на условии парамонэ (16,9% среди всех вольноотпущенников рассматриваемой категории и 22,6% от парамонариев). Далее тоже идут женщины (соответственно 57,6% и 64,4%). Правда, при сравнении вторых столбцов таблиц 2 и 4 получается, что среди доморожденных и «вскормленников» на условии парамонэ несколько чаще отпускали женщин (60,4% и 64,4%) и несколько реже мужчин (24,9% и 22,6%), но разница невелика. В числе освобожденных полностью досрочно σώματα οἰκογενῆ и θρεπτοί в еще большей мере возрастает доля женщин (ср. табл. 2—69,2% и табл. 4—80%) и частично κοράσια (соответственно 3,9% и 6,7%) за счет падения доли мужчин — их вдвое меньше (26,9% и 13,3%).

Таблица 4

	% от вольноотпущенников — οἰκ. и θρεπτ.	% от парамонариев—οἰκ. и θρεπτ.	% от получивших аполисис—οἰκ. и θρεπτ.
σ. γυναικ.	57,6	64,4	80
σ. ἀνδρ.	16,9	22,6	13,3
κορ.	13,2	6,5	6,7
παιδ.	5,7	—	—
?	6,6	6,5	—

Анализ числа вольноотпущенников согласно их полу и возрасту рисует, как очевидно, более реальную картину, чем средние проценты от всех выкупившихся на свободу. В заключение еще раз оговоримся, что все эти подсчеты носят, конечно, лишь приблизительный характер, так как цифр немного, в ряде граф они очень маленькие и любая новая находка может в некоторых пунктах весьма существенно изменить соотношения. Но тем не менее, как представляется, вовсе отказаться от такого рода работы не следовало, так как в общем, видимо, таблицы все-таки дают какое-то представление о соотношении между разными условиями выкупа в зависимости от пола, возраста или происхождения раба.

В связи со всем сказанным уместно будет обратиться к выкупным ценам — у мужчин в среднем они несколько меньше, чем у женщин [32], и высказать одно предположение — не выражалась ли бóльшая ценность раба в более частом его отпуске на условии парамонэ. Возможна и другая гипотеза (которая, впрочем, не отвергает первую) — может быть, мужчины имели меньше возможностей, чтобы собрать нужную сумму, и потому были вынуждены чаще, чем другие, становиться парамонариями. Не исключено, наконец, что хозяевам в силу характера выполняемой мужчинами работы было выгоднее именно такого рода их освобождение.

Собственно парамонэ, т. е. требование оставаться при определенном лице, формулируется стандартно. Первая часть: пусть остается такая-то у такой-

[32] Правда, обычная выкупная цена и мужчин, и женщин — от 3 до 5 мин, но для мужчин 5 мин — самая высокая стоимость выкупа, тогда как у женщин есть совсем иные цифры: 7, 8, 10, 13 мин (FD, 6, 44, 35, 31; FD, 3, 318). Следует также учесть стоимость детей, которых некоторые рабыни должны были предоставить названному в манумиссии лицу (о чем см. ниже). Об их цене можно судить по FD, 6, 53, где трехлетнего ребенка разрешается заменить ста денариями (о соотношении мины и денария см. L a r s e n, ук соч., стр. 447, прим. 8 и стр. 489 сл.; H. R a d l e, «Historia», XIX, 1970, № 5, стр. 613 слл.).

то в течение всей ее жизни (παραμεινάτω δὲ Ἀγέλη Εὐφροσύνᾳ πάντα τὸν τᾶς ζωᾶς αὐτᾶς χρόνον—FD, 6, 8)[33]. Как правило, срок парамонэ определяется временем жизни лица, в пользу которого она устанавливается. В некоторых актах добавляется, что в случае его смерти отпущенник получает полную свободу[34]; получение этой свободы выражается двояко — или как в аполисисе, т. е. специальном документе о полном освобождении отпущенного на условии парамонэ раба[35], или так, как обычно в манумиссиях определяется свобода раба[36]. Только одна надпись выделяется своей необычной оговоркой — четыре раба должны стать свободными не позднее, чем через 30 дней после смерти Филона и, вероятно, его дочери (SGDI, 2156). Вполне возможно, что здесь нашли отражение те злоупотребления, которые бывали при вводе в наследство.

Но даже после смерти хозяин стремится извлечь какую-нибудь выгоду из своего бывшего раба — в форме, единственно для него теперь возможной: отпущенник обязан позаботиться об его погребении, «как принято», «как велит обычай». Эта клаузула нередка в манумиссиях[37].

Только в пяти из 61 отпускной предусматривается возможность для отпущенника заменить парамонэ определенной суммой денег; однако лишь в двух из них это право фиксируется как безусловное: Авга может быть совершенно свободна, заплавив 300 денариев[38]. В другом случае[39] сумма не указана, но записано, что тот из рабов (их двое — доморожденные Онасифорон и Сотеро), кто захочет «освободиться от парамонэ скорее, пусть даст сразу столько, сколько убедит (δότω τᾶς ἀπολύσιος ὅ κα διαπείσῃ παραχρῆμα) и будет свободен».

В двух актах парамонэ установлено в пользу двух лиц и только после смерти одного из них парамонарий, если не захочет оставаться, может быть свободен, дав 3 мины[40].

В пятой надписи дело обстоит сложнее — здесь предусматривается возможность развода супругов (в этом случае отпущенная Сотериха остается при мужчине) и их примирения в дальнейшем. Если затем муж умрет и «кто-нибудь наложит руку на Сотериху», то она «пусть будет иметь право, дав половину τῶν τροφῶν (очевидно, издержек на то, чтобы ее вырастить) или три полумины, быть свободной»[41].

Если обратиться к эллинистическим манумиссиям из Дельф, то можно отметить два момента, которые отличают отпускные римского времени с рассматриваемой точки зрения: насколько мы можем судить, в последних нет ни одного случая, когда обязанность оставаться при манумиссоре в самом акте ограничивалась каким-либо определенным сроком в несколько лет, как это бывало в период эллинизма. И, соответственно, в более поздних отпускных нет того разнообразия условий полного освобождения пара-

---

[33] С некоторыми небольшими вариантами — вместо τᾶς ζωᾶς — τοῦ βίου, без πάντα и др.

[34] Таких манумиссий около 20, причем в большинстве о смерти говорится в эвфемической форме: εἰ δέ τι ἀνθρώπινον γένηται (FD, 3, 300, 303, 307, 310, 386; Colin, 81 и др.; εἰ δέ τι πάθοι — FD, 3, 306; FD, 6, 40; Colin, 80 и др.).

[35] Например, FD, 3, 300 и 303.

[36] В таком случае или совсем нет формулы свободы, или эта вторая часть как бы дополняет ее — Colin, 107; FD, 1, 303 и др.

[37] Colin, 81; FD, 1, 303; FD, 3, 329, 333; FD, 6, 40; SEG, XII, 248. Ср. Lucian., Nigr. 30.

[38] Colin, 81; см. также комментарий Ж. Колена (ук. соч., стр. 198).

[39] FD, 3, 313, см. также комментарий Ж. До в FD, 3, стр. 278; Samuel, ук соч., стр. 262.

[40] FD, 6, 108 — Александр за 300 денариев после смерти любого из супругов (Samuel, ук. соч., стр. 260); FD, 3, 306 — Героида после смерти матери Гермия (Samuel, ук соч., стр. 262).

[41] FD, 3, 310; см. также Colin, ук. соч., стр. 197 и прим. 1.

монария еще до смерти манумиссора, которое наблюдалось раньше [42].

Обязанности, которые должен был исполнять вольноотпущенник в годы парамонэ (т. е. вторая часть статьи о ней) определяются кратко и категорично. Пример предельной краткости дает FD, 6, 132 — «делая, что прикажут» — ποιῶν τὰ ἐπιτασσόμενα. Часто добавляется: «беспрекословно», «все возможное» —ἀνεγκλήτως, τὸ δυνατὸν πᾶν, так что наиболее обычна, пожалуй, следующая формула: ποιῶν πᾶν τὸ ἐπιτασσόμενον ἀνεγκλήτως. Только в немногих манумиссиях мы находим отход от данной формулы, причем это преимущественно более ранние из актов — конца I в. до н. э. [43].

По большей части вольноотпущенник оставался при своем бывшем господине, госпоже [44] или обоих хозяевах, обычно супругах [45]. Но были и другие варианты: парамонэ оформлялось в пользу одного из отпускающих раба хозяев, любого из родителей с сыном или дочерью [46] или (очевидно, худший для раба вариант) в пользу детей [47]. Но всегда это родственники манумиссора.

За нарушение условий парамонэ вольноотпущенник нес ответственность: в подавляющей части актов есть клаузула о санкциях за нарушение [48]. Статья эта отличается стабильностью, и можно отметить лишь незначительные отклонения от обычной формы. Она состоит из одной фразы, в начале которой говорится о самом нарушении [49] (глаголы — ποιεῖν, πειθαρχεῖν, реже — παραμένειν в разном сочетании, с отрицанием: εἰ δὲ μὴ ποιῇ μηδὲ πειθαρχῇ — FD, 6, 8 и др.), и далее — о праве манумиссора наказывать [50] отпущенника, как он хочет: ἐξουσίαν ἐχέτω Εὐφροσύνα ἐπιτειμέουσα τρόπῳ ὦ κα θέλῃ. Это обычная формула, которая переходит из одной надписи в другую почти дословно.

Как видим, право манумиссора наказывать любым способом никак не уточняется, и только две надписи выпадают из общего правила. В SGDI, 2156 сказано, что Филон и Евамерида имеют право «бить и вязать и сдавать внаймы» (καὶ ἐγμισθοῦντες τὰν ἐργασίαν) неподчинившегося. Согласно FD, 3, 329, Исиаду можно «бить и связывать и продавать». Заметим, впрочем, что оба акта относятся к числу наиболее ранних, т. е. и здесь мы наблюдаем характерную для римского времени тенденцию к единообразию формулировок в ущерб большей индивидуальности актов эллинистического периода.

Иногда право наказывать предусматривается за любым лицом, кому манумиссор это поручит [51], тогда как один раз, наоборот, специально оговорено, что наказывать может лишь сам отпустивший (FD, 3, 303).

Наказывая нарушившего обязательства парамонэ вольноотпущенника любым способом, имел ли манумиссор право продать его? К сожалению, материал отпускных актов не дает оснований для определенного ответа на этот вопрос. Оговорка в FD, 3, 329 признает это право, но, с другой стороны, в трех других случаях такая продажа запрещается: πλὴν μὴ πωλέοντες —FD, 3,306; πλὰν μὴ πολέων—FD, 6, 6; χωρὶς πράσιος — SGDI, 2156.

---

[42] См. Зельин, ук. соч., стр. 165—167.

[43] Например, FD, 6, 57— Эпиктесис должна оставаться при Никее, не отлучаясь от нее «ни днем, ни ночью»; FD, 3, 329 — Исиада обязана делать все приказанное ὡς δοῦλα.

[44] FD, 6, 8, 13, 19, 22, 29, 31, 38, 43 и многие другие.

[45] FD, 6, 9, 15, 27, 39, 53; Colin, 80 и др.

[46] Например, FD, 3, 300, 306, 386.

[47] FD, 6, 6, 123.

[48] Из надписей, собранных в FD, 6, ее нет только в пяти актах — 43, 57, 123, 124, 126.

[49] Этой части может и не быть совсем — FD, 3, 306 и др.

[50] Как правило, употребляется глагол ἐπιτιμᾶν — юридический термин, означающий «налагать наказание». Отклонения редки — Colin, 80, 107.

[51] FD, 1, 303; SGDI, 2319.

По-видимому, решать этот вопрос надо в связи с более общей проблемой, частью которой он является — становился ли вольноотпущенник в случае нарушения парамонэ вновь рабом? В эллинистический период в основном встречаются два вида санкций: наказание, которое формулируется примерно сходным образом с нашими надписями, и «недействительность купли (ὠνά) со всеми вытекающими отсюда последствиями» [52]. В последнем случае, очевидно, имеется в виду возвращение отпущенника в прежнее рабское состояние. Подобной санкции в отпускных императорского времени мы ни разу не находим, т. е. акт отпуска теперь не ликвидировался. Но следует ли из этого, что по сравнению с эллинизмом произошли какие-либо изменения в статусе парамонария и что нарушение условия парамонэ теперь никогда не угрожало ему рабством? Во всяком случае, оговорка о праве манумиссора продать вольноотпущенника не дает оснований для такого вывода [53].

Когда освобождается рабыня, естественно встает вопрос о судьбе детей, которые родятся в годы парамонэ. Материалы манумиссий рисуют противоречивую картину. Ряд актов, в которых специально оговаривается свобода таких детей, казалось бы, могут свидетельствовать, что обычно они таковую не имели [54]. Это соображение еще более подкрепляется ссылкой в FD, 6, 13 на волю манумиссора (καθὼς ἐβουλόμην). От воли господ зависит и Сострата — ее будущие дети признаются свободными, но остаются (παραμείναντα) у Аристиона и Исиады, если только в случае нужды те не захотят их продать (ἐκτὸς ἐὰν μή τι θέλωντι ... πωλῆσαι πρὸς ἔνδειαν — FD, 6, 39).

Другие господа действовали прямее. Родившиеся у Героиды дети будут, согласно воле продавщицы, принадлежать ее сыну (он — κύριος), который может при желании их продать [55]. Супругам и двум ее сыновьям обязана отдать своих детей Эпакта (FD, 6, 124).

Можно ли на основании приведенных материалов делать вывод об отсутствии каких-либо общих норм в отношении этих детей и считать, что все определялось конкретными обстоятельствами [56]? Мы склонны все-таки предполагать, что на практике преобладало право господина на детей, рожденных их вольноотпущенницами в парамонэ, как это было и во II в. до н. э. [57].

До сих пор, говоря о парамонэ, мы имели в виду обязанность получившего свободу раба оставаться при определенном лице, выполняя его приказания. Действительно, такого рода обязательство встречается во всех актах с парамонэ (кроме двух), но им не ограничивались те путы, которыми хозяин, отпуская раба, привязывал его к себе. Парамонэ понималось иног-

---

[52] Зельин, ук. соч., стр. 162; ср. стр. 171.

[53] Ср. Koschaker, ук. соч., стр. 29; Samuel, ук. соч., стр. 275 сл. Рассматривая парамонария как свободного человека, Сэмюэль считает, что он не может быть порабощен; в случае же нарушения парамонарием условий парамонэ ликвидируется первоначальная (original) манумиссия, и далее речь идет уже о рабе, которого, естественно, можно и продавать.

[54] Это FD, 3, 296, 303, 307; FD, 6, 13, 33, 43. Иногда упоминается об одном ребенке, иногда о детях. В FD, 3, 303 говорится о детях семи одновременно отпущенных рабынь.

[55] FD, 3, 306. О понимании FD, 3, 306 и FD, 6, 39 см. комментарии Колена (ук. соч. стр. 200) и До (FD, 3, стр. 270).

[56] Данному вопросу уделили довольно большое внимание Бемер и Сэмюэль, придя к диаметрально противоположным выводам. Бемер считает, что дети принадлежали хозяину, как и любое другое имущество, приобретенное за годы парамонэ. Отдельные надписи, оговаривающие свободу детей, он рассматривает как исключение (Bömer, ук. соч., II, стр. 42 и особенно прим. 3). Сэмюэль, напротив, трактуя парамонария как свободного человека, одно из доказательств этого видит в его праве распоряжаться своей собственностью, в том числе детьми. Противоречащие этому акты он объясняет как серьезное нарушение прав вольноотпущенника (приводя, однако, далеко не все) (Samuel, ук. соч., стр. 279—282).

[57] Зельин, ук. соч., стр. 169.

да, и не так уж редко, гораздо шире: на парамонария налагались дополнительные обязательства. В самой общей форме они связаны с детьми. В литературе уже отмечалась как черта, характерная для манумиссий римского времени, появление требований, касающихся детей [58]. Действительно, подобная клаузула встречается в 12 надписях [59]. Стоит сказать о каждой в отдельности.

Наиболее простые и сравнительно «легкие» статьи мы находим в трех отпускных. Евфросина с согласия своих сыноей отпускает за 4 мины Агелу на условии обычного парамонэ при себе и предоставления ее сыновьям ребенка, возраст которого не уточнен (FD, 6, 8, XXVII жречество) [60]. С ней сходен другой акт — заключенный тоже в XXVII жречество FD, 6, 36: парамонэ в пользу госпожи, вольноотпущенница — доморожденная Онасифорон, но цена выкупа 3 мины, и действует хозяйка с согласия одного сына, которому рабыня «пусть даст» ребенка; как и в FD, 6, 8, возраст его не указан.

В известной мере с названными надписями можно сопоставить FD, 6, 39 [61]: муж и жена с согласия сына предоставляют за 3 мины свободу σῶμα κοράσιον Сострате, которой вменяется в обязанность оставаться при супругах и дать их сыну двухлетнего ребенка; но здесь содержится еще одна, уже упомянутая, клаузула о детях, которые родятся у Онасифорон за годы парамонэ. Эта статья придает манумиссии совершенно иной характер, отделяя ее от предыдущих; однако, с другой стороны, это не требование в точном смысле слова, вернее, пожалуй, говорить о нем как о потенциальном обязательстве.

Но не все хозяева удовлетворялись одним ребенком, причем в двух из шести манумиссий, о которых сейчас пойдет речь, отпускаются по нескольку рабынь. Никея, видимо, с согласия своей дочери освобождает за 3 мины τὰν ἰδίαν θρεπτάν Эпиктесис, которая обязана оставаться при Никее, вскормив для ее дочери двух двухлетних детей (FD, 6, 57, XXVII жречество). По SEG, XII, 255 [62] Клео за 5 мин отпускает Онасифорон, которая, оставаясь при вскормившей (τᾷ θρεφάσᾳ) ее госпоже, должна в свою очередь вскормить [63] каждому из сыновей Клео [64] по двухлетнему ребенку.

В FD, 6, 53 (XXIX жречество) [65] мы видим сначала знакомую картину: супруги с согласия сына отпускают κοράσιον Онасифорон за 3 мины, но парамонэ в их пользу соединяется с требованием дать сыну ребенка трех

---

[58] Colin, ук. соч., стр. 198 сл.; Daux, BCH, 1939, стр. 174 сл.; Samuel, ук. соч., стр. 262 сл.; Bömer, ук. соч., II, стр. 43 сл. и прим. 2. Бемер отмечает, что эта практика, процветавшая в I в. н. э., возникла, вероятно, лишь постепенно, и ссылается при этом на 4 надписи несколько более раннего времени (XVII—XXI жречеств).

[59] Кроме того, о ребенке, возможно, упоминается в FD, 6, 12. О каком-то требовании, помимо парамонэ, говорится еще в FD, 6, 58, но в чем оно заключалось, неизвестно, так как в лакуне сохранилось только одно слово — παραστησάτω, в других манумиссиях не встречающееся.

[60] Колен считает, что имеются в виду два ребенка — по числу сыновей Евфросины (ук соч., стр. 199). Но в тексте ясно сказано: δότω δὲ Ἀγέλη τοῖς τέκνοις μοῦ παιδίον (ведь совместное владение одним рабом засвидетельствовано в источниках неоднократно).

[61] XXVII жречество. О ней см. Samuel, ук. соч., стр. 281; Bömer, ук. соч., II, стр. 42, прим. 3.

[62] Датируется XXIX—XXX жречеством. См. также Dunant, BCH, 1951, стр. 312; J. Jannoray, REA, 1945, стр. 45 слл.

[63] Восстановление πα[ραθρεψά]τω гипотетично — Dunant, BCH, 1951, стр. 312.

[64] Число их неизвестно, так как конец надписи не сохранился.

[65] О ней см. Colin, ук. соч., стр. 190 и 199; Samuel, ук. соч., стр. 281.

лет или 100 денариев и еще одного ребенка (возраст его не указан — тоже грехлетнего?) за время парамонэ. Кроме того, Онасифорон запрещается растить [66] собственных детей (μὴ ἐξέστω αὐτῇ θρέψαι ἐξ αὐτῆς κατὰ μηδένα τρόπον). Последняя клаузула особенно интересна, так как связана с вопросом, для ответа на который мы по существу не располагаем никаким другим материалом,— кому принадлежало имущество парамонария [67]. В эллинистическое время каких-либо общепринятых норм не было, и парамонарий находился полностью в зависимости от воли хозяина [68]. Исходя из общего характера отпускных римского времени, вряд ли можно думать, что здесь произошли какие-либо изменения в лучшую для раба сторону. Это соображение подкрепляет и FD, 6, 53 — возможно, запрещение воспитывать детей связано со стремлением манумиссора быть единственным наследником вольноотпущенницы.

По крайней мере двух годовалых детей [69] должна была дать своей бывшей господе Лисия, отпущенная за 5 мин Аристодемом и Сосо с согласия их сына (парамонэ в пользу обоих супругов).

Более сложны два других акта, так как в них речь идет о нескольких рабах. Евпория (FD, 6, 38, XXVII жречество) отпускает за 6 мин Эпифанию и Эпафро при условии обеим оставаться при ней. После ее смерти Эпафро получит свободу, если даст внучке Евпории Главкии трех двухлетних детей (βρέφη διετῆ τρία) [70], если же у нее не будет детей (τὰ βρέφη)— 200 денариев (за каждого?). А Эпифания должна дать двух трехлетних детей: одного той же Главкии через три года, а другого через пять лет (тоже после смерти Евпории?) ее сыну Сострату. По другой манумиссии [71] Марк и Плутархис отпускают сразу четырех рабов, каждого за 5 мин. Фисба и Нейко, оставаясь при супругах, обязаны вскормить их сыну, тоже Марку, двух годовалых детей, а Алкиппа и пайдарий Атинктос выполняют парамонэ при Марке младшем, причем Алкиппа «пусть вскормит» Лукию (очевидно, сыну этого Марка) двух детей (тоже годовалых?).

Обособленное рассмотрение последнего акта этой серии диктуется неясным характером дополнительной клаузулы, в зависимости от понимания которой данную надпись следует поместить в ту или другую из выделенных нами групп. Парамон с согласия своего сына Аристея отпускает за 3 мины доморожденную Сотериху, которая δότω ... Ἀριστέᾳ βρέφος ἐνιαυσιαῖον ἐν ἐτέοις τρίοις (FD, 6, 43, XXVII жречество). Грамматически эта фраза допускает двойное толкование: «пусть даст годовалого ребенка в течение трех лет» или «пусть дает в течение трех лет ежегодно по одному ребенку» [72]; однако сравнение с другими манумиссиями [73] позволяет, как нам кажется,

---

[66] Заметим, что говорится именно о воспитании детей, а не о запрещении иметь их.

[67] Вопрос этот, как уже отмечалось, решается в литературе по-разному.

[68] Зельин, ук. соч., стр. 164 сл.

[69] Точное число детей неизвестно из-за лакуны, но мн. ч. παιδία показывает, что речь шла не об одном (FD, 6, 9, XXVII жречество).

[70] Вальмен (FD, 6, стр. 39) допускает и другое чтение — δι' ἔτη τρία, т. е. в течение трех лет. Но в таком случае окажется неизвестным ни число детей, что вряд ли возможно (примеров этого в рассматриваемых актах нет; или придется считать, что Эпафро вынуждена будет давать каждый год по одному ребенку), ни их возраст, что, правда, не исключено (ср. FD, 6, 8 и 36), но для данной надписи маловероятно, так как возраст двух других детей указан, причем в аналогичной форме — τριετές; ср. также FD, 6, 57— βρέφη δύο διετῆ; FD, 6, 39; SEG, XII, 255— βρέφος διετές. Первого чтения (без аргументации) придерживаются также Бемер (ук. соч., II, стр. 43, прим. 2) и Колен (ук. соч., стр. 190 и 199).

[71] FD, 6, 123, XXXI жречество. О ней см. Colin, ук. соч., стр. 199; Samuel, ук. соч., стр. 263.

[72] Valmin, FD, 6, стр. 43; ср. Bömer, ук. соч., II, стр. 43, прим. 2.

[73] Ср. FD, 6, 9 и 123, где годовалые дети — παιδία ἐνιαύσια.

отдать предпочтение первому. После данного требования по крайней мере несколько неожиданно звучит признание Парамоном свободными всех будущих детей Сотерихи.

О детях речь идет еще в двух манумиссиях, которые, правда, выходят за рамки нашей темы — в них нет обычного условия парамонэ. Парамон [74] дает вольную κοράσιον οἰκογενές Сотерихе в обмен на 3 мины и двух детей — одного и двух лет — или их стоимость, ἃ⟨ν⟩ ἂν δόξῃ Παραμόνῳ (FD, 6, 22, XXVII жречество). Совершенно необычные условия поставили своей рабыне Зоил и Сострата, отпускающие вместе со своими сыновьями за 3 мины Эпакту, которая должна ежемесячно платить (δίσει) τοῖς θρεψάντοις по два денария [75] и дать одному из сыновей годовалого ребенка. Далее в тексте небольшая лакуна, после которой читается: προσβαλοῦσα τὰ τροφεῖα (FD, 6, 124, XXXII жречество) [76]. Любопытен некоторый оттенок, так сказать, «справедливости», который можно усмотреть в этой (да и не только в этой) манумиссии — Эпакта платит за то, что ее вырастили [77].

В заключение упомянем еще об одной надписи, в которой дополнительное обязательство к обычной парамонэ заключается в уплате определенной суммы денег. По FD, 6, 6 (XXVII жречество) три раба остаются при хозяйском сыне Дионисии, причем если он умрет, оставив законных детей, вольноотпущенники должны дать этим детям каждый по 60 денариев. Впрочем обязательство это, как и клаузула о рожденных в парамонэ детях, носит потенциальный характер. С другой стороны, отпускная примыкает к тем актам, где получение свободы после естественного окончания парамонэ, т. е. смерти лица, при котором оставался парамонарий, обусловливается какими-нибудь дополнительными требованиями. Данный случай выделяется, однако, тем, что господский сын еще, очевидно, молод и у него нет детей; но это не смущает его предусмотрительных родителей, включающих статью в пользу еще не появившихся внуков.

Перед нами прошли одна за другой целый ряд манумиссий, в которых получение свободы обусловлено, помимо обычного парамонэ, дополнительными обязательствами. При известном разнообразии условий, всем им присущи некоторые общие черты. Самая основная — характер требований, а именно требования предоставить детей, причем детей маленьких — одного, двух, трех лет [78]. Во всех этих случаях отпускают женщин [79]; только в двух актах (FD, 6, 6 и 38) речь идет о мужчине — тогда детей заменяют деньги. Вольноотпущенницы должны были дать от одного до трех детей, иногда при этом указано, когда именно после смерти манумиссора — через

---

[74] Не тот, который в FD, 6, 43 — сын Аристотея, а сын Геракона.

[75] Насколько нам известно, это единственное такого рода требование в манумиссиях римского времени.

[76] Смысл данного выражения не совсем ясен. Вероятнее всего, речь идет о деньгах на воспитание ребенка, которого Эпакта должна дать, προσβαλοῦσα к нему τὰ τροφεῖα. Ср. FD, 3, 310: δοῦσα τῶν τροφήων τὸ ἥμισον — здесь, очевидно, как уже указывалось, имеется в виду стоимость воспитания рабыни.

[77] Ср. FD, 6, 15; SEG, XII, 255. См. также C o l i n, ук. соч., стр. 196.

[78] Дети обозначаются терминами παιδίον, βρέφος. Хотя βρέφος по сравнению с παιδίον означает более маленького ребенка, в общем, они употребляются почти как равнозначные; правда, трехлетний — всегда παιδίον (FD, 6, 38, 53), но двухлетний и παιδίον (FD, 6, 22) и βρέφος (FD, 6, 38, 39, 57; SEG, XII, 255), как и годовалый: παιδίον — FD, 6, 9, 22, 123, 124; βρέφος — FD, 6, 43. В двух случаях возраст не указан: FD, 6, 8 — παιδίον; FD, 6, 36, — βρέμος.

Кроме того, в двух надписях сказано о возрасте не всех детей, а только упомянутых сначала — возможно, во избежание повторения (FD, 6, 53 и 123).

[79] Точнее три из них — κοράσια, вероятно, это девочки-подростки. Об Онасифорон сказано совсем необычно — σῶμα γυναικεῖον κοράσιον. Дальновидные хозяева, очевидно, не захотели упустить тех возможностей, которые в ней заключались.

3 года, через 5 лет или менее точно — за годы парамонэ, иногда о сроке ничего не сказано.

Наконец, еще одна общая черта: почти все парамонарии обязаны дать детей детям (или даже внукам) манумиссоров. Отпуская рабынь на условии парамонэ и гарантируя себе таким образом их труд пожизненно, родители — матери и отцы — вменяли в обязанность этим рабам дать детей своим детям, тем самым обеспечивая и их рабами. А так как среди отпускаемых неоднократно упоминаются «воспитанники» этих хозяев и даже проводится определенная зависимость — «вскормленный» должен сам вскормить вместо себя другого раба, получается определенная преемственность: рабы всегда есть в семье, уходя, они заменяют себя другими; состав рабов постоянно обновляется — отпустив еще не старого раба, но не полностью, а привязав его к себе путем парамонэ и в то же время, очевидно, с большей пользой для себя немного ослабив цепи, хозяин одновременно готовит для семьи замену в лице тех детей, которых парамонарий даст его детям.

Рабыня могла дать своего ребенка, могла иногда заменить его определенной суммой денег. Но прежде всего имели в виду ее собственных детей: не случайно, что эта клаузула встречается только в отпускных женщин. Видимо, на это же указывает и употребление иногда вместо δότω — θρεψάτω. Заметим также, что замена детей деньгами предусмотрена только в трех манумиссиях.

На первый взгляд кажется, что статья о детях касалась лишь немногих рабынь. Действительно, количество актов, содержащих подобную клаузулу, само по себе невелико — всего 10, причем речь в них идет только о 13 рабынях (мы не учитываем двух надписей без парамонэ — FD, 6, 22, и 124). Однако если их сопоставить с общим числом рабынь, освобожденных на условии парамонэ, а их — 55, то положение окажется совсем иным: около одной четверти (точнее 23,6%), т. е. примерно каждая четвертая из получивших свободу на условии парамонэ была связана подобным обязательством.

Когда читаешь манумиссии одну за другой, возникает картина жестокой эксплуатации рабов, картина полного произвола, когда господин, пользуясь своим положением, настойчиво и грубо стремился получить максимум возможного — все определялось интересами хозяев. Закономерен вопрос — в чем же изменились эти интересы или, вернее, какие изменения побудили рабовладельцев Дельф чаще, чем раньше, отпускать рабов на условии парамонэ и ввести новое по сравнению с периодом эллинизма требование [80]?

Ответ надо искать, очевидно, в общем характере развития Греции. Как нам представляется, это были те же причины, которые вызвали уменьшение практики отпуска на волю, столь заметное в течение I в. н. э. Общий упадок страны, спад хозяйственной деятельности, падение численности населения, в том числе и рабского, снижение притока рабов извне, — все это привело к тому, что хозяева должны были, по-видимому, больше заботиться о пополнении рабов — отсюда и появление статей о детях. Эту клаузулу следует рассматривать в двойном аспекте: как свидетельст-

[80] Ср. Bömer, ук. соч., II, стр. 39—45. По мнению Бемера, обязанности вольноотпущенников были настолько тяжелыми, что встает вопрос, можно ли вообще соединять παραμονή со свободой. Развитие идей гуманности в Греции не оказало никакого влияния на практику отпуска рабов в Дельфах, жрецы освящали формулами θεός и ἀγαθᾷ τύχᾳ самые бесчеловечные формы эксплуатации, Аполлон не был защитником рабов, прикрывая своим именем неприглядную деятельность своих жрецов. Причину того, что условия отпуска со временем стали более жестокими, Бемер видит в изменении соотношения спроса и предложения — рабов становилось все меньше, и в надежде на свободу они были готовы на то, чтобы из них выжимали больше.

во усиления эксплуатации рабов — это было новое дополнительное требование, указывающее также на определенные затруднения с пополнением контингента рабов и заинтересованность рабовладельцев в получении малолетних невольников. Таким образом, видимо, был найден более эффективный способ эксплуатации: отпуская раба на условии парамонэ, господин больше заинтересовывал его в результате своего труда, приоткрывая реальную надежду на полное освобождение, и в то же время, заменяя отпущенных новыми молодыми рабами, он, вернее чаще его дети, не терпели никакого урона и могли повторить весь этот круг снова.

Довольно большой процент получивших аполисис (25,7% от всех парамонариев) вовсе не свидетельствует об улучшении условий отпуска — ведь досрочное освобождение требовало дополнительных затрат. В связи с этим возникает предположение — нельзя ли рассматривать парамонэ как способ, с помощью которого рабовладелец мог получить со своего раба больше, чем тот был в состоянии выплатить первоначально. Освобождая раба на условии парамонэ, хозяин несколько расслаблял путы, которые связывали раба, давая ему тем самым больше шансов на свободу, за которую, однако, надо было заплатить еще раз.

С парамонэ отпускались рабы очень разного возраста, в том числе и совсем маленькие. Правда, о возрасте отпускаемых надписи почти никогда не сообщают, но среди четырех, возраст которых известен, оказалась шестимесячная Авга [81], которая тоже стала свободной на условии парамонэ, причем в ее манумиссии предусматривается, что за 300 денариев она может получить аполисис. Возможно, у выкупавшего ее просто не было денег, чтобы выплатить сразу требуемую сумму. С другой стороны, и для хозяев был смысл, взяв за такого младенца 60 денариев, удержать, однако, его самого при себе в расчете на будущего работника или новую сумму денег.

Наконец, и клаузулы о детях, и упоминания о σώματα οἰκογενῆ и особенно о θρεπτοί, и конкретный пример с Авгой,— все это показывает с несомненностью, что воспитание малолетних детей было для господ выгодно [82]. О ценности детей свидетельствуют также и их выкупные цены [83].

Среди отпускных из Дельф наряду с обычными встречаются гораздо более краткие надписи — это аполисисы, т. е. акты, дающие полное освобождение вольноотпущеннику-парамонарию. Манумиссор, отпуская раба на условии парамонэ, лишь приоткрывал для него двери на волю. Аполисис и был тем пределом желаний, к которому, хотя бы в мечтах, стремился раб. Как уже отмечалось, только в пяти примерно из 60 манумиссий предусматривается возможность замены парамонэ определенной суммой денег, но на деле парамонарии получали полную свободу, видимо, гораздо чаще. До нас дошло 15 аполисисов, причем все они имеют и парную надпись о первоначальном освобождении на условии парамонэ [84].

[81] Colin, 81. Кроме нее, это семилетняя Онасо, Премос 40 лет (Colin, 107) и Сосила 20 лет с дочерью, указание на возраст которой на камне не сохранилось (FD, 6, 137).

[82] Ср. Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 55.

[83] Как уже отмечалось, они в общем мало отличались от стоимости выкупа взрослых, особенно если сравнивать цифры в манумиссиях мальчиков и мужчин, где практически нет никакой разницы; наибольший разрыв наблюдается в стоимости выкупа девочек и женщин.

[84] FD, 3, 276—278, 300—302, 303—304, 318—319, 326—327, 329—333; FD, 6, 6—7, 19—18, 27—25, 29—30, 39—40; SGDI, 2156—2157; SEG, XII, 251—252; в FD, 3, 296 и FD, 6, 33 — оба акта вместе. Увеличение числа аполисисов в рассматриваемое время объясняется относительным возрастанием количества отпусков на условии парамонэ (см. Daux, Delphes au IIe et Ir siècle..., стр. 615; он опирается на подсчеты Блоха).

Обычно в аполисисе нет никаких сведений о том, на каком основании парамонарий освобождается от своих обязательств. Наиболее вероятно, однако, видеть причину этого в денежной компенсации [85]. Веским аргументом в пользу данного соображения (помимо упомянутых уже указаний в пяти актах на возможность выкупа) является встречающаяся в четырех аполисисах [86] фраза о том, что такой-то освобождает парамонария, получив записанные в акте о продаже (ἐν τᾷ ὠνᾳ или παραμονᾷ) деньги, причем любопытно, что в соответствующих ὠνά о деньгах нет ни слова. При всей точности, с которой в манумиссиях соблюдалась формальная сторона дела и повторялись, иногда казалось бы с ненужной скрупулезностью, застывшие формулы, видимо, отнюдь не все фактические обстоятельства, касающиеся самого существа сделки и для нас представляющие наибольший интерес, попадали в надписи [87]. Трудно сказать, когда именно договаривались об аполисисе и его размере, были ли здесь какие-то принятые нормы и связь между выкупной ценой и величиной аполисиса. Во всяком случае, те четыре аполисиса, в которых указана стоимость полной воли, скорее позволяют думать, что все диктовалось конкретной обстановкой. Уже упоминавшаяся шестимесячная Авга отпускается за 60 денариев и может получить полную свободу за 300 денариев (Colin, 81), Александр заплатил 5 мин, а аполисис обойдется ему в 3 мины (FD, 6, 108); вдвое меньше, чем за парамонэ, должна дать за аполисис Сотериха (3 и 1,5 мины — FD, 3, 310), тогда как доморожденной Героиде в обоих случаях назначена одинаковая цена — по 3 мины (FD, 3, 306) [88].

Располагая и манумиссией, и аполисисом к ней, естественно задать вопрос — а как скоро после отпуска парамонарий становился совершенно вольным? К сожалению, и здесь мы не можем дать определенного ответа, будучи вынуждены привести только некоторые соображения. Так как жрецы исполняли свои обязанности пожизненно, то продолжительность отдельных жречеств была разной, поэтому датировки по ним использовать нельзя. Не помогают и архонты и булевты, хотя одно очевидно: ни одна пара актов не была совершена при одном и том же архонте или булевте. Расположение надписей на камне дает мало; правда, можно думать, что аполисис, выбитый непосредственно под манумиссией, отделял от нее не очень большой срок, но что значит — не очень большой? Наконец, приведем еще одно наблюдение: половина отпущенников с аполисисом в манумиссиях обозначена как κοράσιον (FD, 3, 300; FD, 6, 19, 29, 39; SEG, XII, 252) или παιδάριον (FD, 3, 276; FD, 6, 27), в аполисисах же они ни разу не названы так [89]. Видимо, это не случайно, и пока, например,

---

[85] S a m u e l, ук. соч., стр. 266 сл. Отсутствие упоминаний об уплате денег в большинстве аполисисов он объясняет тем обстоятельством, что это было общеизвестно.

[86] FD, 3, 296, 304, 327, 333.

[87] Ж. Колен объясняет это соображениями экономии — платить должен был манумиссор, как следует из клаузулы о документе (C o l i n, ук. соч., стр. 193, 196). По поводу того, кто нес расходы на опубликование акта, мнения ученых разошлись. Керамопуллос согласен с Коленом (А. Δ. Κεραμόπουλλος, Ἐπιγραφαὶ ἀπελευθερωτικαὶ ἐξ Ἀμφίσσης, Ἐφ. Ἀρχ., 1904 (1905), стр. 132); иначе — V a l m i n, FD, 6, стр. 15; Т. В. Б л а в а т с к а я в кн.: Т. В. Б л а в а т с к а я, Е. С. Г о л у б ц о в а, А. И. П а в л о в с к а я, Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э., М., 1969, стр. 43 сл. Впрочем, в данной связи это не так и важно, так как экономить мог стремиться любой из них.

[88] Самюэль (ук. соч., стр. 262) считает, что обычно аполисис равнялся выкупной цене (как в FD, 3, 306). Однако поздние надписи не дают оснований для такого суждения. По мнению Колена, досрочное освобождение чаще всего стоило 3 мины (C o l i n, ук. соч., стр. 198).

[89] Ср., например, FD, 6, 29 — κοράσιον τὸ ἴδιον θρεπτόν; FD, 6, 30 — τὴν ἰδίαν θρεπτήν; точно так же в FD, 6, 19 и 18.

Каллион или Афродисии удалось освободиться полностью, прошло несколько лет и они стали взрослыми. А priori ясно, что сроки, отделяющие эти два акта, могли быть весьма различны, как и обстоятельства, приведшие к полной свободе парамонария.

Естественно, что в качестве отпускающих названы те же самые лица, в пользу которых в манумиссиях была оформлена парамонэ, обычно — сами манумиссоры.

Несколько слов о форме самого акта о досрочном полном освобождении [90]. Совершенно обязателен в нем глагол ἀπολύειν, во всех надписях после даты следует: ἀπέλυσε τᾶς παραμονᾶς и имя. Наиболее краткие аполисисы ограничиваются этим, тогда как в других далее идут указания на свободу и независимость — тот же самый набор слов в разном сочетании, которыми определялась свобода в манумиссиях: ἐλεύθερον εἶμεν, ἀνέφαπτον ὑπὸ πάντων τὸν πάντα χρόνον, μηδενὶ μηδὲν προσήκοντα κατὰ μηδένα τρόπον. Заканчиваются они именами свидетелей — жрецов и частных лиц.

Только два аполисиса выделяются своим необычным содержанием и заслуживают особого внимания, представляя в известной мере настоящие завещания. Согласно FD, 6, 39, супруги Аристион и Исиада освободили Сострату, которая, оставаясь при них, должна дать их сыну Клеомантию двухлетнего ребенка. В то же XXVII жречество Сострата получила полную свободу, причем в аполисисе указывается, что в случае смерти Аристиона она вместе с Клеомантием обязана позаботиться об его погребении и все оставленное им (τὰ καταλειφθέντα ὑπ' αὐτοῦ) они поделят поровну [91]. Надпись эта порождает ряд вопросов — почему Аристион сделал своей наследницей, наряду с сыном, свою вольноотпущенницу? Может быть, это была его внебрачная дочь? Но отпустил он ее на довольно суровых условиях. Или уже после отпуска у Состраты родился ребенок от него — предположение не столь уже невероятное, если обратиться к другим манумиссиям. Непонятно также полное умолчание о жене Аристиона Исиаде, которая наравне с ним выступает в обеих сделках.

Зато другая пара выгодно отличается от рассмотренной, давая возможность несколько приоткрыть завесу сухих юридических формул. Мотивы действий хозяина рабыни здесь более понятны: некто Клеомантий, сын Динона, отпустил за две мины (низкая выкупная цена) выросшую в его доме Исиаду, оставив ее при себе; после его смерти она получала полную свободу и должна была позаботиться об его похоронах (FD, 3, 329). За годы парамонэ у Исиады родился сын Никострат, которого Клеомантий усыновляет и, получив записанные в манумиссии деньги, освобождает обоих — и мать, и сына. Далее в аполисисе говорится, что после смерти Клеомантия все имущество переходит к его жене Сосиле, а уже после смерти последней — к Исиаде и ее сыну, ставшему теперь тоже Клеомантием (FD, 3, 333). Вероятнее всего, Никострат был сыном господина, имевшего бездетную жену [92], что, однако, не помешало отцу, сделав сына (вместе с его матерью) своим наследником, взять за их полное освобождение деньги.

В обоих аполисисах, как видим, вольноотпущенники назначаются наследниками своих бывших господ. В поздних надписях известен еще один подобный случай, но в отличие от первых двух, σώματα δύο объявляются

---

[90] В отличие от манумиссий, акты об аполисисах со временем стали короче. Об эволюции их формы см. D a u x, Delphes au IIe et I^{r} siècle ..., стр. 57 и 615—618.

[91] FD, 6, 40. О ней см. C o l i n, ук. соч., стр. 200.

[92] Так же C o l i n, ук. соч., стр. 200; D a u x, FD, 3, ср. 294; ср. K o s c h a k e r, ук. соч., стр. 36, прим. 5.

таковыми в манумиссии — оянфиец Менемах отпускает Зобия и Онасифорон (супругов?), которые остаются при нем, «делая ему все приказанное беспрекословно», и наследуют его имущество (κλαρονόμοι τῶν αὐτοῦ ὑπαρχόντων); они должны также похоронить его, «как полагается» (SEG, XII, 248). К сожалению, в акте нет даже намека на причину, побудившую Менемаха подобным образом распорядиться своим имуществом. Только одно обстоятельство обращает на себя внимание — необычно низкая выкупная цена — 50 драхм за каждого, если только верно восстановление текста [93].

Во всех этих актах вольноотпущенникам в качестве обязательного условия получения наследства манумиссора предписывается позаботиться об его погребении [94], чему греки, как известно, в соответствии со своими верованиями придавали большое значение.

Подведем некоторые итоги. Одна из основных проблем, которая встает при изучении манумиссий с парамонэ и которая, пожалуй, больше всего занимала ученых в последнее время — как понимать статус вольноотпущенника-парамонария [95]. Можно ли рассматривать положение парамонария как состояние полусвободы — взгляд, наиболее полно развитый Кошакером, который таким образом характеризовал его положение, подходя к проблеме с точки зрения юридической. Или парамонарий был все-таки свободным? Последнее мнение получило широкое обоснование в большой статье Сэмюэля, считающего, что нельзя говорить о каких-либо ограничениях в положении парамонария; он свободен и юридически (in law — стр. 278) и фактически (in fact free — стр. 279). Парамонэ — это договор свободного человека, именно потому, что бывший хозяин не имел на вольноотпущенника никаких прав, он стремился наложить обязательства на своего прежнего раба, закрепив их в договоре о парамонэ. Отсюда заметное стремление Сэмюэля смягчить те фактические ограничения свободы, которые встречаются в манумиссиях с парамонэ, и рассматривать акты, противоречающие его взглядам, как нарушение манумиссором существующих норм. Но основное внимание Сэмюэль обращает тоже на выяснение юридического значения клаузулы о парамонэ, и статья его, как уже отметил К. К. Зельин, «мало содействует пониманию этого института как жизненного явления» [96].

Совершенно иной подход мы видим у К. К. Зельина, который, опираясь на материал дельфийских манумиссий эллинистического времени, показал несовпадение юридического и фактического положения. «Юридически свободный оказывался по своему фактическому положению в условиях, сходных с условиями, в которых жил раб, и происходило это потому, что договор заключался между неравноправными сторонами» [97]. По мнению К. К. Зельина, употребленный Кошакером для характеристики юридического состояния парамонария термин «полусвобода», оказывается вполне подходящим для определения фактического положения, юридически же по своему статусу парамонарий свободен (и в этом прав Сэмюэль).

Если раньше и указывалось на отдельные моменты принуждения в положении парамонария, особенно на ограничение свободы передвижения, то К. К. Зельин всесторонне проанализировал этот вопрос, выявив

---

[93] Оно вызывает сомнения и у издателя надписи — L e r a t, ук. соч., I, стр. 42.

[94] Ср. L e r a t, ук. соч., I, стр. 43. Однако перечисленные ранее надписи показывают, что совершать погребальные обряды, «как положено», должны были не только те вольноотпущенники, которые наследовали своему господину.

[95] Историографию вопроса см. З е л ь и н, ук соч. стр. 145—160.

[96] Там же, стр. 159.

[97] Там же, стр. 160.

черты принуждения в ряде других статей — о санкции в случае нарушения парамонэ, о требованиях, предъявляемых к работе парамонария, в статьях об имуществе отпущенного на свободу, о судьбе самого парамонария в случае смерти манумиссора, в клаузулах о детях вольноотпущенников. При этом К. К. Зельин отмечает влияние трех факторов — внеэкономического принуждения, развития товарного производства и традиции в их сочетании и взаимодействии [98].

Материал манумиссий римского времени полностью подтверждает выводы К. К. Зельина — как в юридическом, так и в фактическом положении парамонариев никаких изменений по существу не произошло. Говоря это, мы подходим к проблеме в самой общей форме, не касаясь известных изменений в положении самих рабов. Действительно, с юридической точки зрения, как и раньше, парамонарий был свободным человеком. Об этом свидетельствует уже хотя бы тот факт, что в самой форме манумиссии по сравнению с эллинистической эпохой ничего нового не наблюдается. Как и раньше, оформление отпуска происходило в виде договора, означавшего, какими бы неравными ни были заключавшие его, двустороннее соглашение, по которому обе стороны брали на себя определенные обязательства, а сама манумиссия фиксировала момент перехода раба в качественно новое состояние. Далее, определение свободы, которую получал парамонарий, дается в тех же самых выражениях, что и в отпускных без парамонэ. Совершенно обязательными для актов с парамонэ (как и без оных) являются гарантии свободы — в случае попытки порабощения продавец и поручитель должны подтвердить факт освобождения; кроме того, любой человек имеет право освободить парамонария, не неся при этом никакой ответственности, поскольку вольноотпущенник — свободный. Вообще, кроме статьи о собственно парамонэ (и иногда других обязательств) манумиссии с парамонэ абсолютно ничем не отличаются от актов, дающих полную свободу.

Те черты, которые отличают римские манумиссии, совершенно не касаются статуса парамонария, идут только по линии большей тщательности оформления самого акта и отчасти связаны с изменениями в процедуре отпуска раба и хранении документов [99].

Что касается фактического положения парамонария, то здесь мы тоже находим много общего с эпохой эллинизма — прежде всего, самое обязательство оставаться при прежнем господине или лице, им указанном, не отлучаться от него «ни днем, ни ночью». Заметим, кстати, что полное освобождение отождествлялось со свободой передвижения, что недвусмысленно явствует из некоторых надписей. Так, в FD, 3, 306 говорится, что после смерти манумиссоров вольноопущенники ὑπαγέτωσαν πᾷ κα θέλωντι. В Colin, 81 право выкупиться полностью выражается в следующих словах: εἰ δὲ βούλοιτο ἀπὸ Σωστράτας ἀποχωρῆσαι.

Зависимость парамонария проявляется, далее, в фактически ничем не ограниченном праве бывшего господина на труд освободившегося, который обязан «беспрекословно» делать «все, что ему прикажут». Наконец, клаузулы о детях, оговорки о том, что рожденные в парамонэ принадлежат хозяину, запрещение растить собственных детей, требование дать малолетнего ребенка, и даже не одного,—во всех этих условиях отчетливо выступает прямое внеэкономическое принуждение, характеризующее состояние рабства.

---

[98] Зельин, ук. соч., стр. 161 слл.

[99] Структура манумиссий была неоднократно предметом изучения, но преимущественно на материале эллинистического времени. Поэтому сошлемся здесь только на статью Ж. Колена (BCH, 1898), который, публикуя значительную часть поздних актов, первый и, пожалуй, наиболее подробно выяснил новое в их форме.

Вместе с тем, возможно выделить, несомненно, некоторые новые черты (помимо статей о поручителях, подписях и хранении документов), характерные для манумиссий римского времени. Мы не находим в них целого ряда выражений, которые встречались ранее, указаний на то, что вольноотпущенник должен оставаться «работая, как раб». Вряд ли, однако, в этом можно видеть отражение какого-либо изменения в положении парамонария. Дело было, видимо, в некотором упрощении манумиссий (в данном случае — их формы).

Эта же черта еще отчетливее обнаруживается в условиях освобождения, причем — подчеркнем это еще раз — существа положения парамонариев как социального типа (а не отдельных лиц) эти изменения не затрагивают и все ранее сказанное об их юридическом статусе и реальных условиях существования остается в силе. Манумиссии с парамонэ императорского времени поддаются довольно четкому разделению на две большие группы — акты с обычным парамонэ (иногда с ним добавляется требование похоронить манумиссора, но тогда парамонарий уже полностью свободен) и надписи, где парамонэ комбинируется с обязательствами, касающимися преимущественно детей. Как правило, срок парамонэ не определен и зависит от продолжительности жизни манумиссора, его жены, а то и детей; совсем нет парамонэ, заранее ограниченного несколькими годами, что бывало в эллинистический период. Вовсе нет актов, в которых как-то регулировался бы вопрос об имуществе парамонария. В общем, теперь мы не находим того поистине не поддающегося обобщению разнообразия в условиях парамонэ, которое характерно для предыдущей эпохи.

Наконец, еще одна черта, видимо, отличает манумиссии римского времени — в них сравнительно мало говорится о деньгах (что, в свою очередь, также делает их более однообразными). Почти нет надписей, которые свидетельствовали бы о каких-то денежных расчетах между хозяином и рабом (помимо выкупных цен), о долгах и займах. Только три раза разрешается заменить детей деньгами, редко оговаривается право парамонария полностью выкупиться на свободу.

Есть ли какая-либо связь между уменьшением места денег в манумиссиях и появлением совершенно новых клаузул о детях? Видимо, будет направомерным усматривать здесь прямую и непосредственную зависимость и обусловленность, ставя вопрос о том, что было первичным, а что — вторичным. Связь, как нам кажется, существовала, но в более широком смысле, в том смысле, что оба эти явления имели общие причины, корни которых лежат в характере развития провинции Ахайи в раннеимператорское время.

Некоторое упрощение и большее единообразие условий освобождения вовсе не означало, что в римское время получить свободу стало легче; напротив, манумиссии, особенно новые клаузулы о детях, где наиболее отчетливо выявляется полный произвол господ, свидетельствуют скорее об обратном. Не случайно, по-видимому, из известных нам отпущенников, которые прошли все три ступени: раб — парамонарий — полностью свободный, лишь двое помимо обычного парамонэ были обязаны нести дополнительные расходы[100]. На ухудшение условий освобождения указывает и увеличение доли актов с парамонэ: 62,3% от всех манумиссий по сравнению с 26,2% во II в. до н.э. Судя по дельфийским манумиссиям, в римское время сети, которыми были опутаны и рабы, и парамонарии, стали более грубыми и более прочными.

---

[100] FD, 6, 6 и 7 — аполисис получил только один из трех братьев; в FD, 3, 329 и 333 можно предполагать, как уже отмечалось, какие-то иные, нежели чисто деловые, отношения между бывшим хозяином и его вольноотпущенницей.

ΠΑΡΑΜΟΝΗ IN DELPHIC MANUMISSIONS OF THE ROMAN PERIOD

by L. P. Marinovich

The author discusses manumissions from the end of the I century B. C. and the I century A. D. which contain *paramone* and *apolysis* clauses. Comparison with the Hellenistic period shows a relative increase in the number of manumissions modified by the *paramone* condition. Altogether new in the Roman period is the requirement made of the slavewoman who buys her freedom on condition of *paramone* that she provide the manumittor or his assignee with a child. From this and certain other features of the manumissions recorded for this period it may be inferred that the conditions for acquiring freedom in Delphi became harder in Roman times. There is also the question of the actual status of the *paramonarius*: he (or she) has become *de jure* free but *de facto* remains in some degree dependent upon the former owner.

К. В. Голенко

ЗАМЕТКИ ОБ ОБРАЩЕНИИ РИМСКОЙ МОНЕТЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

ОБЩЕИЗВЕСТНО значение монет в качестве исторического первоисточника. Так называемые «варварские подражания» — монеты, чеканенные на периферии античных государств в подражание тем или иным образцам греческого, а затем и римского чекана,— представляют особый интерес. Часто ввиду скудости письменных источников, ординарности археологических памятников или недостаточной археологической исследовательности какого-либо района эти монеты, имевшие очень ограниченную сферу обращения, служат наиболее выразительными реалиями местной культуры.

Не отрицая важности ранних подражаний — греческим монетам,— следует особо подчеркнуть большое значение подражаний монетам римским. Оно станет понятным, если мы вспомним, что в классический и эллинистический периоды, при пестроте обращавшейся монеты, популярность тех или иных видов монет на внешних рынках не была непреодолимым препятствием для появления местных оригинальных монет. Иными словами, политический аспект чеканки (прерогатива власти) не всегда мог быть отрицаем экономическим аспектом (конъюнктурой на данном денежном рынке). В «римское время», которое для Закавказья почти совпадает с императорским периодом, высококачественная стандартная монета римского чекана, в огромном количестве перехлестнувшая границы Империи, практически становится всеобщим мерилом стоимости. Сохранившаяся кое-где местная чеканка серебра и золота (некоторые провинциальные центры Малой Азии, Боспор, Александрия и т. д.), несмотря на свою кажущуюся значительность, всегда локальна и всецело зависит от общеимперского монетного дела.

Отсюда — парадоксальная картина псевдодеградации денежного обращения молодых государств. Здесь достаточен пример Закавказья. В Колхиде, где с VI в. до н. э. чеканились местные оригинальные монеты, а позже — подражания статерам Александра и Лисимаха [1], лишь при Помпее эпизодически чеканилась монета местного династа Аристарха [2]. По существу драхмы Аристарха — не «римская монета», а один из последних образцов позднеэллинистического чекана. В соседней Иберии, где

[1] См., например, Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 31 слл.; D. M. Lang, Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia, NNM, № 130 (1955), стр. 6 слл.

[2] См., например, О. Ретовский, Драхма Аристарха Колхидского из собрания Императорского Эрмитажа, ТМНО, т. III, вып. 2 (1903), стр. 1 слл.; G. K. Jenkins, Recent Acquisitions of Greek Coins by the British Museum, NC, 1959, стр. 32.

сложилось государство эллинистического типа, местной оригинальной монеты нет. Чекан царей Армении в императорский период затухает. В Кавказской Албании, где в I в. до н. э. выпускались подражания драхмам Александра Великого [3], для более позднего времени местные монеты не известны. Этот кажущийся упадок во время укрепления государств Закавказья и понятного для «буферных государств» стремления к показной независимости — упадок, выразившийся в отказе от одной из наиболее эффектных прерогатив власти — выпуска собственной монеты, может быть объяснен только тем, что рынки Закавказья были наводнены римской и парфянской монетой, экономически сводившей на нет потенциальную местную чеканку со всеми ее политическими преимуществами.

В связи со сказанным большое значение находимых в Грузии подражаний римским монетам очевидно. Эти монеты, будучи местными памятниками, служат в то же время свидетельством перебоя в поступлении римских монет и позволяют уяснить некоторые особенности денежного обращения в Закавказье в эту эпоху. Подражания из Грузии делятся на две группы [4]: *1*) монеты, копирующие денарии Августа, и *2*) подражания ауреусам. Что касается первых, то прототипом для них послужил только один образец: денарии с изображением на оборотной стороне Гая и Луция Цезарей (усыновленные Августом его внуки — дети дочери Юлии и Агриппы). Монеты этого типа [5] (наряду с денариями и ауреусы) должны быть отнесены к выпускам монетного двора в Лугдуне 2 г. до н. э.— 11 г. н. э. Однако огромное число монет этого типа не оставляет сомнения в том, что перед нами самая многочисленная группа августовских монет [6] которая, возможно, чеканилась в нескольких местах и более продолжительное время, чем это предполагает формальный анализ самих монет [7]. Популярность этих денариев Августа [8], о которой подробнее будет сказано ниже, привела к появлению подражаний. Помимо грузинской, известны индийская и германская группы подражания [9], к последней почти наверняка должны быть отнесены и монеты, изданные В. В. Кропоткиным [10].

Появление грузинских подражаний вызвано широким распространением в Закавказье денариев Августа, которые наряду с драхмами Артабана II (10/11—38 гг.) (или «Готарза», следуя устаревшей, но принятой еще

---

[3] Эти подражания стали известны только недавно благодаря находке Хинислынского клада: Е. А. Пахомов, Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н. э., «Труды Музея истории Азербайджана», V, Баку, 1962, стр. 74 слл.; он же, Монетные клады Азербайджана и других руспублик, краев и областей Кавказа, вып. IX, Баку, 1966, № 2080.

[4] Здесь мы не будем касаться находок в Цагери и Пицунде подражаний денариям северокавказского происхождения.

[5] См., например, H. Mattingly, BMC, Emp. I (1923), стр. 88—91, № 513—543; A. S. Robertson, Roman Imperial Coins in the Hunter Coin Cabinet, University of Glasgow, I, Augustus to Nerva, Oxf., 1962, стр. 41—42, № 216—221.

[6] Решение проблем, связанных с этими монетами, на наш взгляд, невозможно до появления исчерпывающего свода материала.

[7] См., например, M. Grant, From Imperium to Auctoritas, Cambr., 1946, стр. 467; он же, The Mints of Roman Gold and Silver in the Early Principate, NC, 1955, стр. 39 слл.; C. H. V. Sutherland, On 'Mints' under Augustus, «Congres International de Numismatique. Paris, 1953», II, P., 1957, стр. 229 слл.

[8] Далее, говоря о денариях Августа, мы будем иметь в виду только монеты данного типа.

[9] См., например, BMC, Emp. I, табл. 14, *5—7*; Robertson, ук. соч., стр. 42—43, № 222—224; P. Berghaus, Nachahmungen Augusteischer Denare aus Westfalen, «Studien aus Alteuropa», II, Köln — Graz, 1965, стр. 182 слл.

[10] Клады римских монет на территории СССР, САИ, вып. Г4—4 (1961), рис. 34. В связи с этими монетами ср. замечания Л. Н. Казамановой (ВДИ, 1965, № 4, стр. 182) и П. Бергхауза (Berghaus, ук. соч., стр. 185).

в нашей литературе атрибуции)[11], составляли основу местного денежного обращения. Впервые кавказская группа подражаний была выделена и описана И. А. Бартоломеем[12], которому столь многим обязано кавказоведение. И. А. Бартоломей предложил формальную классификацию монет, повторяемую и современными исследователями. Несмотря на безусловность этой классификации она очень обща и приложима, фактически, к любой достаточно значительной группе подражаний. С точки зрения происхождения монет и популярности денариев Августа подражаниями занимались Е. А. Пахомов, А. Н. Зограф[13], Д. Г. Капанадзе. Перу последнего принадлежит несколько работ, где в той или иной мере рассматриваются эти памятники. В частности, им изданы все подражания из собрания ГМГ и названы все случаи находки монет такого рода[14]. Беглое замечание Бартоломея об обилии подражаний, принимаемое некоторыми исследователями за доказанный факт, не подтверждается материалом — зарегистрировано только шесть находок таких монет (II/1[15]), а всех подражаний бесспорно кавказского происхождения известно не более двух десятков, и многие из них чеканены общими штемпелями[16]. Это заставляет рассматривать подражания денариям Августа как сравнительно немногочисленную группу монет, выпускавшуюся недолго.

В отличие от первой группы подражаний, кавказские подражания ауреусам выявлены относительно недавно. Впервые на теоретическую возможность существования таких подражаний было обращено внимание А. Н. Зографом в статье[17], опубликованной в 1936 г. К сожалению, им не было учтено «варварское подражание римским ауреусам V в.», найденное в 1903 г. близ Тбилиси[18] (II/2, *4*). В находке в селе Агаяни (II/2, *2*) подражания ауреусу Нумериана Зограф[19] нашел реализацию своей гипотезы. После этого в различных пунктах Грузии (только в одном случае Западной, в остальных — Восточной) было обнаружено еще 10 подобных подражаний. Поскольку сведения обо всех этих монетах приведены в недавно вышедшей статье Д. Г. Капанадзе[20], мы ограничимся ссылкой на нее и на наши Приложения II/2 и III, в последнем приведены подробные определения прототипов подражаний. Возможно, к этим 11 монетам следует присоединить подражание солиду Константина I из ГМГ (III, *13*), а также близкий по типу подражанию из Вашловани (II/2, *3*) экземпляр из собрания Государственного музея истории Азербайджана[21]

---

[11] W. Wroth, BMC, Parth., стр. 165—167, № 34—39 (как Готарз). Об окончательной переатрибуции этих монет см. G. Le Rider, Souse sous les Séleucides et les Parthes. Les trovailles monétaires et l'histoire de la ville, MMAI, XXVIII, P., 1955, стр. 419 слл.

[12] J. Bartholomaei, Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie, SPb, 1859, стр. 22 слл.

[13] Е. А. Пахомов, Монеты Грузии, Тбилиси, 1970, стр. 13 слл.; А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ I (1945), стр. 44 слл.

[14] Д. Г. Капанадзе, О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии, СА, 1962, № 4, стр. 59 слл.

[15] При ссылках на Приложения I (I/1 и I/2), II (II/1 и II/2) и III к настоящей статье слово «Приложение» для краткости опускается.

[16] Подсчет монет и наблюдения над общими штемпелями — К. В. Голенко, Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964, стр. 48.

[17] Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, стр. 186.

[18] ОАК за 1903 г., стр. 83; Пахомов, Монетные клады ..., вып. III, Баку, 1940, № 787.

[19] Зограф, Распространение ..., стр. 31 сл.

[20] Д. Г. Капанадзе, Новые находки подражаний римским ауреусам в Грузии, ВДИ, 1970, № 4, стр. 81 слл.; см. также он же, Ауреусы Армазского некрополя, СА, 1957, № 3, стр. 165 слл.

[21] Любезно предоставлена для публикации А. М. Раджабли.

(рис. 1; 3, 64 г., III, *12*); место находки этих монет неизвестно, но вторая монета приобретена у лица, постоянно проживающего на Кавказе.

Подражания, найденные в Грузии, несколько раз публиковались Д. Г. Капанадзе, доказавшим их иберийское происхождение и подвергшим справедливой критике взгляд, согласно которому эти подражания не имели характера монет и изготовлялись специально для погребальных целей [22].

Много внимания подражаниям римским монетам, в том числе и из Грузии, было уделено В. В. Кропоткиным. Одна из статей, написанная совместно с Л. Н. Казамановой [23], специально посвящена изданию 50 подражаний ауреусам — из собраний СССР и ГДР [24]. Эти материалы весьма интересны, и к ним мы еще будет возвращаться. Что касается выводов этой работы, то безусловно может быть принят только один — о том, что по месту находки подражания делятся на не связанные друг с другом группы: украинскую (5 находок) и грузинскую (9), а происхождение остальных неясно [25]. Далее, делая наблюдения о редкости подражаний ауреусам, пестроте их веса [26], отсутствии этих подражаний в кладах, разновременности и разнотипности прототипов подражаний (в основном монеты II—III вв.) и редкости находок ауреусов, авторы предлагают — в очень осторожной форме и со многими оговорками — несколько выводов общего характера. Так, ставится под сомнение местное, иберское происхождение наших подражаний на том основании, что их мало, и они могли быть занесены вместе с обычными римскими ауреусами. Далее, по мнению авторов, «отсутствие реальной потребности в обращении золота на рассматриваемой территории (т. е. на территории СССР.— *К. Г.*) заставляет считать эти монеты (ауреусы.— *К. Г.*) скорее сокровищем, чем средством обращения» (стр. 146—147). В данной связи авторы считают возможным, что ауреусы служили сырьем для ювелирного промысла, а подражания предназначались для погребальных целей.

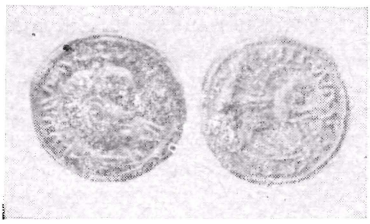

Рис. 1

Чтобы не возвращаться более к вопросу о месте изготовления и функциональном назначении подражаний из Грузии, отметим два факта. Во-первых, из 11 монет 7 чеканены общими штемпелями — трудно найти более убедительный аргумент в пользу местного происхождения монет.

---

[22] С. И. Макалатия, Археологические находки в селении Ахриси (Картли), ВДИ, 1951, № 3, стр. 186; Д. Г. Капанадзе, О назначении монет так называемой «варваризированной» чеканки, находимых на территории Грузии. (По поводу статьи С. И. Макалатия), ВДИ, 1953, № 1, стр. 210 слл.

[23] Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин, Подражания римским золотым монетам II—III вв., ВДИ, 1964, № 1, стр. 140 слл., см. также ВДИ, 1964, № 3, стр. 272, где отмечены опечатки к этой статье.

[24] В более поздней работе (В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э., М., 1967, стр. 34 слл.) к этим материалам были присоединены и монеты польских коллекций.

[25] К сожалению, в этой связи внимание авторов не привлек каталог римских монет Британского Музея и корпус императорского чекана («Roman Imperial Coinage»), где учтены практически все публикации подражаний ауреусам, многие из которых найдены в Паннонии, откуда наверняка поступала римская монета и на территорию европейской части СССР.

[26] В этом видят указание на немонетный характер подражаний. Между тем, данное явление не оригинально; например, кельтские золотые монеты также имеют неустойчивый вес и, как полагают исследователи, в процессе обращения индивидуально взвешивались.

Во-вторых, в тех случаях, для которых известны подробности находки подражаний (Агаяни, Цхинвали, Мцхета, Уреки, Магранети — II/2, *2*; *8*; *6*; *1*; *5*;), они были обнаружены в погребениях с инвентарем, включавшим и другие монеты, в том числе и ауреусы (кроме Агаяни, II/2, *2*). Если учесть, что только монета из Уреки (II/2, *1*) пробита и могла использоваться как украшение, то, следуя названным авторам, в погребальных комплексах пришлось бы различать три рода монет: для обращения (серебро), сокровища (ауреусы), погребальный инвентарь или технически не оформленные украшения (подражания ауреусам).

Вместе с тем, объективные наблюдения над подражаниями ауреусам, приведенные исследователями, делают эти монеты чрезвычайно интересным и в то же время трудным объектом для изучения. Сравним обе группы подражаний: денариям Августа и ауреусам.

В первом случае перед нами классический пример возникновения подражаний. Оригиналом при имитации служит монета строго определенного типа, высокий вес которой обеспечивает ей господство на местном рынке на протяжении длительного времени. Очевидно прекращение ввоза денариев Августа и устоявшаяся привычка к этим монетам привели к появлению подражаний. Во втором случае картина совершенно отлична. В качестве прототипов (Прил. III) мы не находим монет какого-либо определенного образца, имитируются ауреусы различных императоров, из которых иные правили очень недолго. Впечатление случайности и полного безразличия к прототипу усиливается наличием среди подражаний «гибридных» монет, при чеканке которых следовали двум (III, *2*; *7*) или даже трем (III, *3*; *4—6*) разнотипным и разновременным образцам для одной монеты-подражания. В одном случае (III, *8*) в качестве прототипа был избран даже не ауреус, а антониниан — серебряная монета, не имевшая распространения во внутренних районах Закавказья. Вместе с тем, подражания ауреусам составляют хронологически очень компактную группу монет. Если не принимать во внимание подражания из Глдани (II/2, *4*) как очень позднего, то из 11 подражаний, происходящих из Грузии, 8 или 9 следуют прототипам, чеканенным на протяжении менее полувека (от Филиппа Старшего до Нумериана). Что касается подражаний из Симониат-хеви, Магранети, Уреки, то по времени их (хотя и не их прототипов) изготовления они, бесспорно, должны быть отнесены к тому же времени. Так, позднейшими монетами в урекском и в одном из магранетских (с гибридными подражанием монетам Августа/Коммода) комплексов надо считать ауреусы Тацита (275—276) и Карина (283—285), в то время как в армазском погребении с подражаниями и ауреусами первой половины — середины III в. позднейшими монетами окажутся сами подражания. Из этого хронологического круга не выпадает и подражание августовского типа, найденное в Симониат-хеви (II/2, *7*), поскольку оно чеканено общим штемпелем с упомянутым гибридным подражанием из Магранети. Если обратиться к найденным в Грузии ауреусам (I/2), то монет примерно одновременных подражаниям окажется не так уж много. Но если говорить о золоте III в., это число находок придется считать весьма значительным, поскольку на данный период времени падает самый жестокий и продолжительный денежный кризис за все время существования Империи.

Таким образом, казалось бы, все объективные условия противоречили появлению в Иберии подражаний римскому золоту III в. А между тем, эти подражания существуют и требуют своего объяснения. Изолированное решение проблемы неизбежно приводит к неприемлемому на наш взгляд, выводу, согласно которому «варварские подражания римским ауреусам, найденные в Грузии и на Украине, нельзя сближать с

монетами варварской чеканки, подражающими римским денариям»[27].

Все это требует от нас рассмотреть особенности обращения римской монеты в Закавказье. Прежде чем обратиться к конкретному материалу, следует, по-видимому, напомнить о том, что в позднеэллинистическое — римское время в Закавказье существовал единый внутренний денежный рынок, который обслуживала одинаковая монета, поступавшая из единого источника. Исключение, бесспорно, составляет только Западная Грузия (Колхида), денежное обращение которой рассмотрено нами в другой работе[28]. Здесь отметим лишь, что для Колхиды наиболее характерно провинциальное (Кесария Каппадокийская) серебро, поступавшее туда морем. Концентрация находок денариев Августа в восточных районах Колхиды предполагает поступление этих монет именно из Иберии. Поэтому, говоря здесь о Закавказье, мы будем иметь в виду Армению, западные районы Азербайджана и особенно Восточную Грузию, откуда нам известна большая часть находок римских монет[29], хотя и будем обращаться к западногрузинским материалам.

Находок римских республиканских денариев в Закавказье (I/1, *2*; *3*; *13*; *25*; *26*; *34*; *41*; *46*; *51*; *69*; *75*; *77*; *83*; *87*; *89*)[30] сравнительно немного, почти все они принадлежат позднейшим выпускам и должны быть поставлены в связь с походами Помпея и шире — с проникновением римлян в Закавказье. Систематически консульские денарии начали поступать, по-видимому, только с 60-х гг. до н. э.[31], но они никогда не играли решающей роли в местном денежном обращении; одновременные им аршакидские драхмы и сохранявшиеся еще (во всяком случае, на территории Азербайджана) тетрадрахмы Селевкидов, безусловно, служили основным платежным средством на местных рынках.

Главную массу римского серебра в Закавказье, как уже говорилось, составляют денарии Августа с изображением Гая и Луция Цезарей[32]. Огромное число этих монет в находках и обнаружение их в весьма поздних комплексах делает абсурдной датировку проникновения всех этих монет (и археологических комплексов, в которые они входят) временем Августа или, в более общей форме, — I в. н. э. Остается единственный путь — датировка денариев сопутствующими им материалами, в первую очередь нумизматическими же. Хотя эти монеты почти всегда встречаются вместе с драхмами Артабана II (которые в находках тоже не могут быть датированы временем их выпуска)[33], есть сравнительно много весьма

---

[27] Казаманова, Кропоткин, ук. соч., стр. 146.

[28] Голенко, ук. соч.

[29] Кавказские находки подражаний ауреусам и самих ауреусов сосредоточены почти исключительно в Восточной Грузии. Едва ли это может служить основанием для предположения о большей степени развития товарно-денежных отношений в Иберии, чем, например, в Армении или Колхиде. Следует принять во внимание, что все золотые римские монеты, когда точно известно их происхождение из Восточной Грузии, обнаружены там в богатейших погребальных комплексах, почти не известных для этого времени в других частях Закавказья.

[30] К этим находкам нужно присоединить и два денария из района Адлера (Пахомов, Монетные клады ..., вып. VIII, Баку, 1959, № 1915, 1916): Кая Эгнатуллия — Bell., 872—879 = Syd., 588, около 100 г. до н. э.; Луция Кассия — Bell., 1598—1599 = Syd., 779, около 76 г. до н. э.).

[31] Только в двух находках известны денарии самого конца II в. до н. э. (II/1, *13*; *75*), причем один из них входит в клад времени М. Антония, и лишь в четырех (II/1, *13*; *41*; *69*; *89*) чеканенные до 60 г. до н. э.

[32] За одним исключением: I/1, *45* — денарий Августа, формально принадлежащий еще республиканскому периоду.

[33] Смешанный состав денежного обращения Закавказья предопределен, по-видимому, общим источником поступления монет (Месопотамия и прилегающие к ней районы). К сожалению, об этом можно только догадываться, поскольку массовые находки оттуда не опубликованы. Если причины популярности денариев Августа и ясны в общих

поздних комплексов с денариями Августа. Благодаря находке в 1951 г. близ железнодорожной станции Мцхета (I/1, *39*; I/2, *12*) богатого погребения [34], мы располагаем надежным и весьма выразительным комплексом, анализ которого, как кажется, дает указание на время поступления денариев Августа в Закавказье. Монетная часть этого комплекса состояла из 9 золотых (подражания статерам Александра, ауреусы) и 56 серебряных (драхмы Аршакидов, Полемона II Понтийского, денарий Августа) монет. Наличие в погребении только одного денария («блестящей сохранности», как пишет издатель) заставляет думать, что эта монета принадлежит к числу первых, поступивших на Кавказ. Дата погребения, несомненно,— время Веспасиана. Действительно, позднейшие серебряные монеты — потертые драхмы Полемона II [35], среди золотых — монета Веспасиана.

Что касается периода обращения денариев Августа, то факты обнаружения этих монет в поздних комплексах, собранные Д. Г. Капанадзе [36], достаточно многочисленны и красноречивы, чтобы их не повторять. Здесь мы отметим только позднейшие находки. Оставляя в стороне три мцхетских погребения, датируемые ювелирными изделиями «III в.», назовем: *1*) Мцхета (I/1, *39*), погребение с драхмой Шапура I (240—271); *2*) Мцхета (I/2, *12*), уже упоминавшееся погребение с ауреусами и четырьмя подражаниями им; *3*) Цхинвали (I/1, *52*), погребение с подражанием ауреусу Нумериана; *4*) Магранети (I/1, *36*), погребение с ауреусом Гордиана III и подражанием ауреусам Филиппа Старшего/Волусиана. Таким образом, в трех случаях дата зарытия — начало второй половины III в., в одном — конец III в. Для монет Августа это весьма поздние даты, однако эти комплексы все-таки не могут рассматриваться как подтверждающие мнение об обращении денариев в IV и даже V вв. [37]. Напротив, находки заставляют думать, что после середины III в. обращение денариев Августа становится редким, а в конце века — исключительным явлением. На это указывают материалы тех же некрополей в Грузии, где могилы не содержат денариев Августа, хотя в них находят весьма редкие золотые монеты (I/2, *12*, *8*, *9*, *4*): *1*) Мцхета, позднейшая монета — Валериана; *2*) Мцхета— монета Констанция II; *3*) Згудери — Александра Севера; *4*) Згудери — Гордиана III; *5*) Магранети — монета Кара; *6*) Агаяни — Константина I. Здесь же следует вспомнить и о кладе из Чухур-Кабалы [38], состоявшем примерно из 200 драхм Варахрана II (275—283) и трех аршакидских драхм, отсутствие в нем денариев Августа нельзя объяснять преобладанием персидского влияния в Азербайджане в это время, поскольку в кладе присутствуют и пять денариев: от Отона до Адриана. Таким образом, обращение денариев Августа в Закавказье продолжалось примерно двести лет: с середины — второй половины I в. по середину III в. Конечно, эти хронологические рамки не безусловны, возможны более ранние или, наоборот, более поздние находки, но в целом предлагаемые даты весьма вероятны. Принимая их, остается пойти дальше и предположить, что выпуск подражаний денариям Августа падает на время, близкое середине

чертах, то этого нельзя сказать о столь же многочисленных в находках драхмах «Готарза».

[34] Точнее — его остатков (погребение грабленное). К сожалению, этот интереснейший комплекс не издан, в работах Д. Г. Капанадзе приведен лишь краткий перечень монет.

[35] Единственный случай находки таких монет вне Колхиды, где драхмы Полемона II имели известное распространение.

[36] Капанадзе, О продолжительности обращения ...

[37] См., например, Капанадзе, О продолжительности обращения ...; он же Новые находки ...

[38] Клад, к сожалению, не издан; краткое сообщение о нем А. М. Раджабли см. в сборнике: «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. (Тезисы докладов)», Баку, 1965, стр. 166 слл.

III в. К сожалению, мы не располагаем находками подражаний в комплексах; единственное исключение — клад, найденный в Багинети [39], состоявший из 21 денария Августа и одного подражания, с точки зрения хронологии ничего не дает.

Помимо денариев Августа, в Закавказье встречается и серебро других императоров. Применительно к I — началу III в. нам известны 43 таких монеты из 30 находок (случайные находки, погребения — мцхетские 12 монет из восьми могил) и три клада (I/1, *22*; *65*; *90*). Исключив три денария Тиберия (типа: BMC I, № 34 слл.), которые в обращении за пределами Империи неразрывно связаны с августовским серебром, мы находим, что подавляющее большинство этих монет принадлежит выпускам Домициана — Септимия Севера [40]. О комплексах, в которые входят эти поздние монеты, нельзя сказать, что они производят впечатление более поздних, чем комплексы, содержащие только денарии Августа. Однако отсутствие августовских монет во многих из этих погребений и, что более показательно, во всех трех кладах заставляет думать, что серебро второй половины I—II вв. поступало в обращение позже и участвовало в нем дольше, чем денарии Августа [41].

Характеризуя в целом римское серебро из находок в Закавказье, неизбежно следует повторить те наблюдения общего порядка, которые были уже сделаны [42]. Как показали исследования ряда нумизматов, внутри Империи развитое, динамичное обращение стирало грань между отдельными видами монет. На периферии Империи, где экономические отношения стояли на более низком уровне, «варварские» рынки отдавали предпочтение, иногда решающее, монете, наиболее полноценной с точки зрения как веса, так и металлического содержания. В этой связи весьма красноречиво часто цитируемое свидетельство Тацита (Germ. 5), согласно которому во времена Нерона германцы принимали в уплату только консульские денарии определенного вида, обнаруживая тем самым практическое знание монеты в большей степени, чем некоторые современные исследователи.

В данном аспекте кавказские находки выглядят предельно выразительными. Явное предпочтение, оказывавшееся ранним императорским монетам и специально денариям Августа и Тиберия, вызвано монетной реформой 64 г., результатом которой явилось изменение пробы серебра и понижение веса монет. Именно с этого момента варварская периферия различает дореформенные и пореформенные выпуски императорской монеты; римские купцы в I—II вв. специально выводят за пределы Империи августовские денарии. Европейские и индийские материалы [43] указывают на то, что многие (если не большинство) комплексов с этими монетами относятся ко времени Адриана. Вполне понятная нехватка ранних денариев принуждает местные рынки принимать и более позднюю, не столь полноценную монету. Но на всех внешних рынках существует хронологический предел (по времени чеканки, но не по времени ввоза или обращения монет) для римского серебра — рубеж II—III вв.; более поздние монеты ввиду их низкого качества варварская периферия отвергает.

---

[39] Капанадзе, О продолжительности обращения ...

[40] Большинство поздних монет (например Септимия Севера) происходит из Западной Грузии. Это не случайно — в приморских городах Колхиды свободно обращались все виды имперского чекана.

[41] В частности, об этом свидетельствует тот факт, что многие поздние денарии пробиты или снабжены ушком, чего мы почти не находим среди денариев Августа.

[42] Голенко, Денежное обращение ...,стр. 38 слл.

[43] См., например, D. W. MacDowall, Numismatic Evidence for the Date of Kaniṣka, «Papers on the Date of Kaniṣka — Australian National University, Centre of Oriental Studies, Oriental Monograph Series», IV, Leiden, 1968, стр. 137 слл.

По-видимому, большинство послеавгустовских денариев из Закавказья завезено в этот период или даже в еще более позднее время (помимо кладов, см. I/1, *5*; *6*; *9*; *11*; *87*; мцхетские погребения: S. 144, Б. 1).

Поверхностное сравнение контингента находок римских монет в Закавказье и, например, в Европейской части СССР создает впечатление, что в первом случае перед нами памятники очень статичного недифференцированного и малоразвитого обращения, в то время как во втором случае обращение представляется более гибким и подвижным. Действительно, в кавказских находках преобладают монеты только одного типа, в восточноевропейских же — огромное разнообразие денариев. Но это впечатление, основанное, казалось бы, на объективных данных, ложно. В украинских находках, например, практически нет комплексов, содержащих монеты дореформенных эмиссий, в них преобладает чекан II в., и там сравнительно много поздних (конца II — начала III в.) денариев. Все это заставляет думать о позднем массовом поступлении серебра, которое наверняка относится ко времени после Адриана. Возвращаясь, в связи со сказанным, к закавказским находкам, приходится отметить, что местное денежное обращение представляется чрезвычайно требовательным и чутким к римской монете, поскольку вплоть до III в. на местных рынках господствовали денарии Августа — наиболее ценимый сорт римского серебра. Все это опосредованно свидетельствует об активной внешней торговле и о заинтересованности римских купцов в кавказских рынках.

Но, помимо серебра, в денежном обращении Закавказья участвовали и ауреусы — практически единственный вид золота в это время. Обнаружение ауреусов в комплексах, содержащих и серебряные монеты, снимает, как нам кажется, вопрос о каком-то «особом назначении» золота, ставящем под сомнение его участие в денежном обращении. Участившиеся находки ауреусов в Грузии позволяют со всей очевидностью констатировать, что золото было достаточно привычным платежным средством не только на столичном рынке (Мцхета), но и во всей области долины Куры — наиболее населенной части страны, через которую проходил основной торговый путь Иберии, связывающий ее с Колхидой, с одной стороны, и Арменией и Албанией, с другой.

Приводимая здесь таблица (см. стр. 56), иллюстрирующая в самой общей форме хронологическое распределение монет[44] римских эмиссий из находок в Закавказье, позволяет сделать несколько наблюдений. Здесь мы остановимся на нескольких из них. Так, несмотря на примерно близкое количество золотых монет, приходящихся на I и II вв., а также на первую—третью четверти III в. (соответственно: 17; 20; 25 экз.), впечатление о достаточно равномерном поступлении ауреусов окажется неверным перед лицом более дробного хронологического членения материала. Действительно, из 17 экз. I в. только 2 экз. приходится на первую половину столетия, остальные принадлежат времени Нерона — Флавиев. И для II в. следует отметить известную неравномерность распределения ауреусов: так, первая половина века (Траян — Антонин Пий) дает 15 экз., вторая (Марк Аврелий — Коммод) — только 5 экз. В целом основная масса монет приходится на время Нерона — Марка Аврелия, причем нельзя заметить явного преобладания монет какого-либо определенного вида. Это заставляет думать о сравнительно позднем завозе золота, поскольку местный рынок явно не отдавал предпочтения ауреусам, чеканенным до

[44] Поскольку не все монеты определены точно, они распределены по годам единоличных правлений императоров (хотя это и не лучший способ датировки римских монет).

Таблица

Хронологическое распределение римских монет императорского периода из находок в Закавказье *

	серебро	золото
Август (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.)	181(+25)**	1
Тиберий (14—37)	3	1
Калигула (37—41)	1	—
Нерон (54—68)	—	5
Гальба (68—69)	—	1
Вителлий (69)	—	1
Веспасиан (69—79)	—	3
Тит (79—81)	—	3
Домициан (81—96)	6	2
Нерва (96—98)	1	—
Траян (98—117)	5	1
Адриан (117—138)	6	7
Антонин Пий (138—161) и Фаустина Старшая	6	7
Марк Аврелий (161—180) и Фаустина Младшая	3	2
Коммод (180—192)	1	3
Септимий Север (193—211) и Юлия Домна	6	2
Каракалла (211—217) и Плавтилла	1	2
Элагабал (218—222)	—	3
Александр Север (222—235)	—	4
Гордиан III (238—244)	—	5
Филипп Старший (244—249) и Филипп Младший	—	2
Валериан (253—260)	—	1
Тацит (275—276)	—	1
Кар (282—283)	—	1
Карин (283—285)	—	1
Диоклетиан (285—306)	—	1
Констанций Хлор (293—306)	—	1
Константин I (306—337)	—	1
Констанций II (337—361)	—	1
Валент (364—378)	1	—
Феодосий I (379—395)	—	2
Гонорий (395—423)	—	2

* В эту таблицу не включены монеты из кладов, равно как антониниаиы, найденные на Черноморском побережье, поскольку последние служили средством обращения в греческих городах, не отражая состава денежного обращения в Закавказье в целом.

** Монеты, точное число которых не указано в публикациях.

середины правления Нерона [45]. Действительно, все достаточно крупные комплексы, содержащие золото I—II вв. [46], следуя младшей монете, достаточно поздние, хотя и не выходят за пределы II в.: мцхетские погребения — Адриан, Коммод, Марк Аврелий, Антоний Пий; Згудери — Коммод. Золото III в. еще более неравномерно представлено в находках:

[45] Реформа Нерона коснулась и золота: вес ауреуса был уменьшен с 7,64 г. до до 7,31 г., но несмотря на тенденцию к падению веса он оставался стабильным вплоть до Септимия Севера (7,25 г., монетный двор Рима). Здесь уместно заметить, что все пять ауреусов Нерона из находок относятся к пореформенному периоду.

[46] Исключая мцхетское погребение 1951 г. и погребения, не содержавшие других монет, кроме денариев Августа и драхм «Готарза».

период 193—235 гг. — 11 экз., 238—260 гг.— 5. В отличие от более ранних комплексов с золотом комплексы погребений III в. представляются хронологически гораздо более компактными; они, как правило, не содержат ауреусов, чеканенных до Септимия Севера — Александра Севера, а наиболее часты монеты времени Элагабала — Филиппа Старшего. Более поздние монеты представлены уже единичными экземплярами.

Сопоставляя находки римского серебра и золота (см. табл.), можно сразу же констатировать в общей форме, что в денежном обращении Иберии и, очевидно, всего Закавказья в целом параллельно сокращению ввоза серебра идет постепенное увеличение поступления золота, иными словами, в обращении золото вытесняет серебро. Этот процесс не был, разумеется, вполне закончен, хотя можно указать на несколько погребений, содержащих только золотые монеты — явление, неизвестное для I—II вв. Несомненно, охарактеризованный процесс был вызван общей конъюнктурой на денежном рынке, а именно — падением пробы серебра денария — металла, который во всей варварской периферии служил мерилом стоимости [47]. То обстоятельство, что в Закавказье золото практически заменило высококачественные денарии Августа [48], служит свидетельством высокой степени развития местного денежного рынка: Лишним свидетельством этого служит и достаточная интенсивность поступления золота, выпуск которого в Империи со второй половины II в. падает.

Совершенно очевидно, что исходя из приведенных наблюдений и следует рассматривать факт появления подражаний денариям Августа и более поздним ауреусам.

Еще раз подробно остановимся на ауреусах III в. и подражаниях им. Общеизвестно, что одним из внешних выражений кризиса Империи в III в. был денежный кризис. Суть его [49] сводилась к катастрофическому обесценению серебряной монеты (денария, затем антониниана) — основной монеты Империи. Обесценение монеты компенсировалось новыми эмиссиями, появилась новая счетно-денежная единица — follis («мешок», т. е. мешок денег). Но наряду с этим продолжала чеканиться и золотая монета. На внутреннем рынке образовались две сферы обращения. Прогрессировавшая разница в цене золотой и формально серебряной монеты достигла такого уровня, что практически обмен ауреуса на антониниаиы стал невозможен. В этих условиях ауреус теряет в весе, и эмиссии золота сокращаются. Так, уже при Марке Аврелии выпуск золота сокращается, при Коммоде — Александре Севере еще более уменьшается, а при Гордианах ауреус становится редкостью [50]. В редкости, нехватке золота на рынках Закавказья уже можно видеть причину появления подражаний. Однако спешное хаотическое использование образцов для подражания при их хронологической близости заставляет искать более непосредственную причину появления этих монет.

Если вспомнить, что подражания ауреусам Августа, Коммода, Луциллы (на формирование типа последнего оказали влияние, вероятно, и

---

[47] О таких явлениях см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 109 сл.

[48] Ввиду разницы ценности золотой и серебряной монеты представление о том, что волото могло стать непосредственной заменой серебра в качестве основного валютного металла, может показаться искусственным. Однако это не так: укажем хотя бы на пример Колхиды, где статеры Александра и Лисимаха и подражания им оказались преемниками серебряных колхидок и предшественниками понтийского и римского серебра.

[49] См., например, H. Mattingly, Roman Coins, L. 1960, стр. 180.

[50] В качестве конкретного примера приводим сведения, почерпнутые из BMC IV—VI: Антонин Пий — средний вес ауреуса 7,21 г. (248 экз.); Марк Аврелий — 7,25 г (137 экз.); Септимий Север и Каракалла, совместное правление — 7,25 г. (81 экз.); Александр Север— 6,39 г. (58 экз.); Гордиан III — 4,86 г.; Филипп Старший и Траян Деций — 4,31 г. (средние веса по RIC IV/3).

монеты Гордиана III — III,*3*) связаны с поздними комплексами, то анализ находок ауреусов и подражаний им времени от Гордиана III до конца III в. позволяет прийти к небезынтересным выводам.

Так, к периоду около 20 лет (238—260 гг. [51]) относится 13 монет (из них — 6 подражаний), к периоду более 20 лет (260—282) только 1 (подражаний нет), к периоду более 20 лет (283—306) — 6 монет (3 подражания). Создается впечатление, что примерно до середины III в. золото в Закавказье поступало сравнительно равномерно, затем ввоз ослабевает и, наконец, в 260—275 гг. прерывается совсем с тем, чтобы после 275 г. начаться в ограниченном масштабе. Рассмотрение под этим углом зрения подражаний ауреусам показывает, что их прототипы в большинстве своем принадлежат ко времени до 260 г. (от Гордиана III до Валериана) и только в трех — к середине 80-х гг. III в. (Карин, Нумериан). По-видимому, не остается места для сомнения в том, что все подражания (кроме II/2, *4*), независимо от даты прототипов, выпущены в период 250/60 — 285 гг. и должны были восполнить нехватку подлинных ауреусов на внутреннем рынке. Восстановление, правда в очень скромных размерах, ввоза римского золота после 275 г. свело на нет выпуск подражаний, хотя то обстоятельство, что подражание ауреусу Нумериана было встречено в одном комплексе с монетой Константина I (II/2, *2*), говорит о том, что потребность в золоте полностью удовлетворена не была и в начале IV в. [52]. Но вместе с тем явная эпизодичность и спешность в изготовлении подражаний объясняют, очевидно, их характерные черты: близость к прототипам при случайном выборе последних [53]. Эта особенность не может быть объяснена тем, что в обращении все виды римского золота рассматривались как однородная и равноценная монета. Мы видели уже, что ауреусы как по различию в весе, так и по степени распространения были далеко не однородны и не в меньшей степени, чем денарии, представляли собой благодарный материал для выделения наиболее ценных и популярных в обращении видов монет. То обстоятельство, что кавказский рынок не выделял этих видов ауреусов, служит лишним свидетельством позднего поступления туда золота именно в тот период, когда ауреусы становятся редкими и, вероятно, в торговой практике требовали индивидуального взвешивания. Что касается выбора в качестве прототипов для подражания редких, маловесных и к тому же разнотипных ауреусов III в., то это обстоятельство требует специального объяснения.

Хотя внешнеполитические события не всегда отражались на международной торговле, именно внешнеполитические факторы привели, на наш взгляд, к ослаблению и перерыву ввоза римского золота и, таким образом, к появлению подражаний.

Факты римской истории около середины III в. подробно освещены В. Н. Дьяковым [54], что избавляет нас от необходимости подробного исторического экскурса. Отметим только, что в 253 —268 гг. Империя находилась на грани гибели. Восток в это время был полностью потерян Римом, и регулярные военные действия в Малой Азии делали практически невоз-

---

[51] Даты относятся к римским монетам и прототипам подражаний.

[52] Д. Г. Капанадзе (ВДИ, 1970, № 4, стр. 85, табл. I, *13—14*) опубликовал два «солида Констанция и Константина Великого, изготовленные из меди, обтянутой довольно плотной золотой пленкой», найденные в 1968 г. в Восточной Грузии. Издатель допускает возможность видеть в них местные подражания, хотя и не настаивает на этом мнении. Отсутствие, судя по репродукции в статье, каких-либо искажений типа этих монет заставляет нас воздержаться от отнесения их к категории подражаний.

[53] Примечательно, что наибольшую степень деградации первоначального типа демонстрируют подражания, следующие позднейшим прототипам (Карин, Нумериан).

[54] В. Н. Дьяков, Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в., ВДИ, 1961, № 1, стр. 84 слл.

можной торговлю Закавказья через внутренние районы Малой Азии и по Черному морю. Действительно, на 252—260 гг. падают победы Сасанидского Ирана над Римом, которые привели к пленению Валериана. Около десяти лет — начало 260 — начало 270 г.— римская Азия служила ареной соперничества Ирана и Пальмиры. В этой связи следует вспомнить и о готах, с 255 г. господствовавших на Черном море.

Стабилизация внешнеполитических позиций Империи относится к началу 70-х гг. III в. В эти годы было нанесено сокрушительное поражение готам, разрушена Пальмира и римская власть в Азии постепенно восстановлена. Находка в Грузии нескольких ауреусов, чеканенных после 275 г., служит, как нам кажется, скромным свидетельством возрождения торговли государств Закавказья с Империей [55].

Несомненно, позднеримское золото постепенно восстановило свои позиции на кавказских рынках, но оно никогда более не занимало там столь прочного положения, как в конце II — первой половине III в., даже после реформы Константина I, введшего новую золотую монету—солид, которая стала основной денежной единицей Империи. Находок римских монет IV в. немного, среди них имеются и полноценные серебряные монеты, чеканка которых восстановлена была при Диоклетиане.

Возможно, редкость позднеримских монет — результат случайности [56], но несомненно другое: массовое появление в Закавказье серебра Сасанидов, которое вытесняет там римскую монету. Проблема взаимоотношений на рынках Закавказья сасанидских драхм и византийских солидов V—VII вв. еще нуждается в исследовании. Однако уже сейчас очевидно неполное совпадение ареалов распространения византийского золота (в основном — Западная Грузия) и иранского серебра (внутренние районы Закавказья). Из этого, на наш взгляд, следует, что применительно к Кавказу нельзя рассматривать солиды в качестве безусловных преемников римских ауреусов.

Но, принимая все сказанное, нельзя забывать и о том, что количество монет, относящихся ко второй половине III — началу IV в., при всех условиях остается в находках ничтожно малым, по сравнению с монетами более раннего периода. Находок римско-византийского золота этого времени немного, еще меньше находок раннесасанидского серебра. Хотя Кабалинский клад 1963 г. (I/1, *90*) с предельной ясностью свидетельствует о преемственности в обращении между римским и парфянским серебром, с одной стороны, и сасанидскими драхмами, с другой, эта находка единична и, если не считать мцхетского погребения S. 89, лишена аналогий. Создается впечатление, что в IV—V вв. денежное обращение в Закавказье затухает и, возможно, в некоторых районах циркуляция чеканенной монеты прекращается вообще. Сказанное не дает оснований для предположения о социально-экономическом регрессе стран Закавказья. Несомненно, степень развития денежного обращения служит отражением экономического развития данного общества. Но это не всегда следует понимать так буквально, конкретная ситуация на рынках допускает возможность

[55] Примечательно, что в большинстве случаев найденные ауреусы III в. и прототипы подражаний ауреусам, когда это можно установить, принадлежат малоазийским монетным дворам (Антиохия, Кизик, Никомедия).

[56] Случайности, впрочем, совершенно закономерной. Впечатление о значительном распространении в Закавказье римского золота II—III вв. почти целиком основано на находках в богатых погребениях Восточной Грузии. Клады таких монет неизвестны. Между тем, в связи с распространением христианства (в Армении оно было принято в качестве официальной религии около 301 г., в Картли — около 337 г.) исчезает обычай помещать богатый инвентарь (в том числе и монеты) в погребения. Таким образом, в IV в. мы лишаемся важнейшего источника для суждения о местном денежном обращении — факт, который не может быть обойден молчанием.

отказа от обращения чеканенной монеты, ее замену сырым металлом, ремесленными изделиями [57] при оживлении натурального обмена, который в античное и раннесредневековое время никогда не прекращался полностью. По-видимому, такая ситуация в той или иной мере имела место в ряде районов Закавказья в IV—V вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК НАХОДОК РИМСКИХ СЕРЕБРЯНЫХ И ЗОЛОТЫХ МОНЕТ В ЗАКАВКАЗЬЕ *

1. НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ

Западная Грузия

Абхазская АССР

1. Герзеули, 1926, Август (1 экз.) в кладе серебряных монет Кесарии Каппадокийской (от Нерона до Луция Вера; всего 467 экз.). Иващенко, ИГАИМК, VII, вып. 10· Клады II, 346; ТОНГЭ, 133, 179; Кропоткин, 1577; Кропоткин доп., 202.

2. Гумуруши, 1930, Т. Каризий (Bell. 2074—78=Syd. 982 *a—b*; около 45 г. до н.э.); Август (2). Клады II, 339; ТОНГЭ, 120, 135; Кропоткин, 1584.

3. Назоделаво, 1897, клад: консульские денарии (не определены, 23); Август (тип не указан; 2); драхма Архелая Каппадокийского. ОАК за 1897 г., стр. 66, 175; Клады I, 29; ТОНГЭ, 118, 145, 172; Клады VIII, к 29; Кропоткин, 1635; Crawford, 541.

4. Пицунда, 1886, «серебряная римская монета Марка Аврелия». Клады V, 1418.

5. Пицунда, при раскопках 1954—1960. Антонин Пий, Септимий Север, «кистофор» Адриана (RIC II, 482), медные монеты, в основном антониниаиы: Филипп I (1), Филипп II (1), Волусиан (1), Галлиен (4), Клавдий II (6), Аврелиан (9), Северина (2), Проб (3), Диоклетиан (9), Максимиан Геркул (1), Констанций Хлор (3). Голенко, 57, стр. 33; Кропоткин доп., 207; Капанадзе, ВДИ, 1966, № 4.

6. р. Псоу (на границе с РСФСР), 1953. Юлия Домна (BMC V, 22—23; 198—209 гг.), Клады VIII, 1922 (как Юлия Меза, ошибочно).

7. Псирцха, 1935. Антониниан Требониана Галла (RIC IV/3, 39; 251—253 гг.). Голенко, 58; Кропоткин доп., 206.

8. Сухуми. Несколько монет, среди которых определены Марка Антония и Августа. Древности XII, Протоколы, стр. 93; Клады VII, 1736; Кропоткин, 1654.

9. Сухуми, 1954, при раскопках римской сторожевой башни. Коммод (BMC IV, 208; 186—187 гг.), Септимий Север (BMC V, 131; 195—196 гг.), Септимий Север (BMC V, 162; 196—197 гг.) Кропоткин, 1657 (неточно); Голенко, 61; Кропоткин доп., 211.

[57] Разительный пример этого дает «безмонетный период» на Руси в XII — первой половине XIV вв. В это время единственными реальными металлическими деньгами были громадные слитки-гривны из серебра. В обращении им предшествовали куфические дирхемы и западноевропейские денарии, а сменяют гривны на рынках татарские дирхемы и пражские гроши (ср. И. Г. Спасский, Русская монетная система, Л., 1970, стр. 60 слл.).

* В список включены находки римских монет общеимперского чекана. Список, поскольку он составлен в основном на материалах уже опубликованных, предельно сжат: в частности, опущены указания на район (как единицу административно-территориального деления) находки (кроме тех случаев, когда сведения публикуются впервые), обстоятельства находки указываются только тогда, когда они имеют отношение к археологической ситуации, при которой обнаружены монеты.

Определения монет, когда это возможно, приводятся точные. Антониниаиы III в. рассматриваются как серебряные монеты. Указание на монетный двор Рима для краткости опускается; для денариев и ауреусов номинал не указывается; предполагается, что все денарии Августа, кроме оговоренных особо, принадлежат одному типу (BMC I, 519 слл.)

Список принятых в Приложениях сокращений см. в конце статьи.

10. Сухуми, при раскопках крепости, 1959. Антониан Нумериана (RIC V/2, 466; Антиохия). Голенко, 60; Кропоткин доп., 213.

Бывшая Кутаисская обл.

11. Бори, при раскопках, 1902. Август (12); Калигула (BMC I, 102—103; Кесария Каппадокийская, 37—38 гг.); Траян (BMC III, 175; 103—111 гг.), Фаустина Младшая (BMC IV, 89—90; 161—176 гг.), Юлия Домна (BMC V, 593—597; Лаодикея, 196—202 гг. или позже). Клады III, 773 (1909 г., ошибочно); ТОНГЭ, 129, 148; Кропоткин, 1571.

12. Бори, при раскопках, 1907. Август (16). Клады I, 33; ТОНГЭ, 130; Кропоткин доп., 201.

13. Вани, Ванский р-н, при раскопках, 1966 и 1967 гг. Квинт Цецилий Метелл (Bell. 598—599=Syd. 509; около 119—110 гг.), Луций Кальпурний Пизон Фруги (Bell. 1164=Syd. около 90—89 гг.). Г. А. Лордкипанидзе, К истории древней Колхиды Тбилиси, 1970, стр. 106.

14. Дидо-Лало, в погребении. Август вместе с драхмой «Готарза» *. Голенко, 68, 84; Кропоткин доп., 203.

15. Зестафони, 1907—1908 гг. Август («до десятка»). Клады I, 36; ТОНГЭ, 132; Кропоткин, 1589.

16. Зестафони, 1930. Тиберий (BMC I, 22 слл., 42 слл., Лугдун, 14—37 гг.). Клады III, 769; ТОНГЭ, 147; Кропоткин, 1590.

17. Зугдидский р-н, 1931. Нерва. ТОНГЭ, 153; Клады V, 1406; Кропоткин, 1591.

18. Кицхе, 1907. Август. ТОНГЭ, 131; Клады IV, 1033; Клады V, 1389 (повторно); Кропоткин, 1593.

19. Клдеети, некрополь, 1941 и 1942 гг. 1-е погребение: Август (10), подражания статерам Александра Великого (6), дидрахма Антонина Пия (Кесария Каппадокийская), драхмы «Готарза» (6); 2-е погребение: Август (3), подражания статерам Александра Великого (6), драхмы «Готарза» (3). Клады IV, 1012, 1013; Г. А. Ломтатидзе, Некрополь II в. н. э. в Клдеети, Тбилиси, 1957; Кропоткин, 1594, 1595; Голенко, 29, 73, 73а, 88, 88а, 102, 102а.

20. Близ Кутаиси, 1931. «серебряная римская монета Траяна». ТОНГЭ, 160; Клады V, 1407; Кропоткин, 1598.

21. Обча, 1918—1919. Август. Клады IV, 1035; Кропоткин, 1642.

22. Сепиети, 1931. клад: денарии: Траян (2), Антонин Пий (2), Марк Аврелий 5), Коммод (33), Криспина (1), Клодий Альбин (7), Пертинакс (1), Песценний Нигер 1), Септимий Север (263), Юлия Домна (24), Гета (9), Каракалла (22), Элагабал (5), Александр Север (32); Кесария Каппадокийская, драхмы: Септимий Север (5), Юлия Домна (2), Каракалла (2), Гета (1). Клады II, 349; Клады III, 785; Макалатия, ВГМГ XII-B; ТОНГЭ, 158, 184; Кропоткин, 1651.

23. Уреки, 1942. в погребении: Септимий Север; Кесария Каппадокийская: Адриан (4), Каракалла (1), ауреус Тацита, подражание ауреусам Луциллы/Александра Севера/Гордиана III. Клады IV, 1051; Апакидзе, ВГМГ XIV-B; Клады VIII, 1923 (повторно); Кропоткин, 1665; Голенко, 31, 76.

Аджарская АССР

24. Батуми, 1930 гг. Домициан (76 г.) ТОНГЭ, 151; Клады V, 1405; Кропоткин, 1569.

Восточная Грузия

Бывшая Тбилисская обл.

25. Абиси. Л. Плавтий Планк (Bell. 1995—1996=Syd. 959; около 47 г. до н. э.); Клады III, 761 (неточно); ТОНГЭ, 122; Клады V, к 761; Кропоткин, 1565.

* Определения парфянских монет здесь и далее по BMC, Parth.

26. Гори, 1900 гг. Август («несколько денариев»), кистофор М. Антония и Клеопатры (BMC, Galatia, 53). Клады I, 28, 37; ТОНГЭ, 128, 171; Кропоткин, 1579.

27. Гори, 1936. Август. ТОНГЭ, 127; Клады V, 1395; Кропоткин, 1580.

28. Гори, в погребениях, 1938. Август («денарии»). Клады V, 1396; Кропоткин, 1581 (1928 г. ошибочно).

29. Гори, 1940. Август. Клады IV, 1036; Кропоткин, 1582.

29а. Гори конец XIX—начало XX в. Адриан (BMC, III, 686; 134—138 гг.). Сообщение В. А. Барановой, передавшей монету ГМИИ.

30. Дампали, в погребениях, 1939. Август (3). Клады IV, 1024; Кропоткин, 1585.

31. Дигоми, в погребении, 1924. Август, драхма «Готарза». Макалатия, ВГМГ XI-B; ТОНГЭ, 126; Клады IV, 1038; Кропоткин, 1586.

32. Згудери, некрополь, 1964—1965. погребение 7: Август (11), Фаустина Старшая (BMC IV, 400; после 141 г.), ауреусы — Домициан, Фаустина Старшая, Антонин Пий, Коммод, драхмы «Готарза» (5); из разрушенных погребений: Август (4). Голенко, Капанадзе, ВДИ, 1968, № 1.

33. Земо-Авчала, в погребении, 1924. Август (2). Макалатия ВГМГ XI-B; Клады IV, 1037; Кропоткин, 1588 (вероятно, та же находка, что и Клады II, 352; Кропоткин, 1587).

34. Кавтисхеви, в погребении, 1939. «Республиканские денарии» (2), драхмы Орода I (2). Клады IV, 1022.

35. Бывшая Карсская обл., 1895. Домициан. ОАК за 1895, стр. 61, 185; Клады I, 42; ТОНГЭ, 152.

36. Магранети, в погребении, 1966. Август (4), ауреус Гордиана III, подражание ауреусам Филиппа Старшего/Гордиана III/Волусиана, драхмы «Готарза» (2). Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4.

37. Мцхета, при раскопках Самтаврского могильника Байерном. Август («денарии», тип не указан). Клады I, 34; ТОНГЭ, 144.

38. Мцхета, при раскопках Уваровой, около 1885. Август. Древности X, стр. 13—14; Клады II, 341; ТОНГЭ, 125; Кропоткин, 1602.

39. Мцхета, при раскопках, 1937—1948 и 1951 гг.

Самтаврский некрополь

1938 г.

погребение S. 1: Август, Домициан (BMC II, 240—242; 77—78 гг.); погребение N. 28: Адриан (BMC III, 719; 134—138 гг.); погребение S. 30: Август (3), Антонин Пий (BMC IV, 197—198; 140—144 гг.), драхмы «Готарза» (5); погребение S. 32: Август, драхмы «Готарза» (2); погребение S. 63: Тиберий (тип: BMC I, 34 слл.: Лугдун), драхма «Готарза».

1939 г.

погребение SA: Август, Тиберий (BMC I, 40—45; Лугдун) *; погребение S. 83: Август, драхмы «Готарза» (3); погребение S. 86: Домициан (BMC II, 240—242; 77—78 гг.), Адриан (BMC III, 463—464; 125—128 гг.); погребение S. 89: Август (2), сасанидская драхма Шапура I; погребение S. 108: Август. погребение S. 116: Август (4), драхмы «Готарза» (2); погребение S. 120: Август, драхмы «Готарза» (2); погребение S. 136: Август (2); погребение S. 140: Август (4), драхмы «Готарза» (3); погребение S. 144: Август (6), Траян (BMC III, 577; 112—117 гг.), Фаустина Старшая (BMC IV, 316; 141 г. и позже), драхмы «Готарза» (4).

1940 г.

погребение S. 182: Август, драхма «Готарза»; погребение S. 212: Август (7), драхмы «Готарза» (9); погребение S. 221: Август.

* В литературе обе эти монеты ошибочно отнесены к Августу.

Армазский некрополь

1940 г.

погребение А. 1: Август, ауреусы: Тит, Траян, Адриан (4); погребение А. 3: Август (3), драхма «Готарза», ауреусы Гордиана III (2), подражания ауреусам (4); погребение А.6: Август (3), драхмы «Готарза» (11), ауреусы: Нерон (2), Гальба, Адриан, Антонин Пий, Коммод; погребение А. 9: Август (4), ауреус Фаустины Старшей.

1941 г.

погребение А. 18: Август (2).

1946 г.

погребение А. 3: Август.

Багинетский участок, 1946 г.

погребение Б. 1: Август, Траян (BMC III, 516—517?; 112—117 гг.), Адриан (BMC III, 426—428? или 497—500?; 125—132 гг.), Фаустина Старшая? (с надписью AETERNITAS), ауреусы: Веспасиан (2), Тит, Адриан (2).

Территория г. Мцхета

1947 г. погребение НН. 1: Август (3); погребение НН. 1/2: Август.

1951 г. погребение близ храма Свети Цховели: Август (3), драхма «Готарза», статер Александра Великого.

Мавзолей близ железнодорожной станции, 1951 г.

Август, ауреусы: Тиберий, Нерон, Вителлий, Веспасиан, парфянские драхмы: Артабан II, Синатрук, Фраат III, Ород II (47), Фраат IV, драхмы Полемона II Понтийского (2), подражания статерам Александра Великого (5).

Случайные находки

Самтавро, 1939 и 1941 гг. Август (3), силиква Валента (RIC IX, 34/b_2, Антиохия, 367—375 гг.). Армази, 1941 г. Август (2), Багинети, 1944 г. клад: Август (21), подражание денарию Августа.

А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Мцхета I, Армазис-хеви, Тбилиси, 1958; Клады IV, 1040, 1042; Клады V, 1400, 1413, 1414, 1426; Клады VII, 1733—1735, 1738, 1740, 1756; Клады VIII, 1909, 1918; Капанадзе, ВДИ, 1955, № 1; МАГК I, 1955; СА, 1957, № 3; СА, 1962, № 4.

40. Наоза, 1941. Август (2). Клады IV, 1034; Кропоткин, 1637.

41. Наримановка (на границе с Армянской ССР), 1954 г. или ранее. Квинт Антоний Бальб (Bell. 1443=Syd. 742; Пиза? 81 г. до н. э.). Кропоткин доп., 198 (Армянская ССР, ошибочно).

42. Ничбиси, в погребениях, 1937. «Несколько серебряных аршакидских драхм и денариев Августа обычного типа». Клады IV, 1032; Кропоткин, 1639.

43. Степан-Цминда, при раскопках, 1888. Август. ОАК за 1882—1888, стр. CCLXXXI; ТОНГЭ, 143а; Клады V, 1387; Кропоткин, 1653.

44. Тбилиси, Август. Клады I, 35; ТОНГЭ, 124; Кропоткин, 1661.

45. Тбилиси, 1937. Август (BMC I, 615; восточные мон. дв., 31—29 гг.). ТОНГЭ, 121; Клады V, 1386; Кропоткин, 1662.

46. Тбилиси, 1948. Квинт Цепион Брут (Bell., 1779—82=Syd. 907; около 60 г. до н. э.). Сообщение Д. Г. Капанадзе.

47. Уплис-цихе, в погребении, 1963. Август (9), ауреус Тита, драхмы «Готарза»(2). Д. Хахутайшвили, Уплисцихе, Тбилиси, 1964.

48. Цалка, 1919? Адриан (BMC III, 122—123; 119—138 гг.). ТОНГЭ, 154; Клады V, 1415; Кропоткин, 1668.

49. Цалка, в погребении, 1939. Август. ТОНГЭ, 166 (как подражание, ошибочно); Клады V, 1397; Кропоткин, 1669.

50. Цинцкаро, 1936. Август. Клады III, 768; ТОНГЭ, 143; Кропоткин 1671.

Юго-Осетинская АО

51. Стырфаз, в погребениях. М. Антоний («с изображением галеры») Август. Техов, Известия Юго-Осетинского НИИ, V, Цхинвали, 1956; Кропоткин доп., 210.

52. Цхинвали, в погребении, 1939. Август, подражание ауреусу Нумериана. Клады IV, 1057; Кропоткин, 1652.

Армения

53. Агванадзор, 1956. Г. Юлий Цезарь (Bell. 1891—97 = Syd. 1006 галльский монетный двор, 54—51 гг.). Кропоткин доп., 195.

54. Адиаман, 1936. Август. ТОНГЭ, 142; Клады V, 1394; Кропоткин, 1541.

55. Арбазия, 1930. Л. Ливиний Регул (Bell.2197=Syd. 1109; 42 г. до н. э.). ТОНГЭ, 119; Клады V, 1385; Кропоткин, 1542.

56. Аркила, 1934. Август. ТОНГЭ, 140; Клады V, 1392; Кропоткин, 1543.

57. Арпа, 1935—1936. Адриан (BMC III, 635—640; 134—138 гг.). ТОНГЭ, 155; Клады V, 1412; Кропоткин 1544.

58—59. Арпа, 1941 г. или ранее. Август. Клады VI, 1552; Кропоткин, 1545.

60. Арташат, 1947. Домициан (BMC II, 226; 95 г.). Клады VI, 1554; Кропоткин, 1546; Х. А. Мушегян, Денежное обращение Двина по нумизматическим данным, Ереван, 1962, № 526.

61. Ашнак-Апарана, в кургане, 1909. «Серебряная монета Августа». Клады I, 38; ТОНГЭ, 146; Кропоткин, 1547.

62. Бадикян, Нор-Баязетский р-н, 1939. Август. Сообщение Х. А. Мушегяна.

63. Бжни, 1930. Август. ТОНГЭ, 136; Клады V, 1390; Кропоткин, 1548.

64. Гарни, в погребениях, 1949—1950. Август (2). Б. Аракелян, Гарни I, Ереван, 1951.

65. Гарни, при раскопках, 1955. Клад денариев: Веспасиан (6), Тит (1), Домициан (2), Траян (3), Адриан (14), Антонин Пий (9), Фаустина Старшая (2), Луцилла (1), Марк Аврелий (7), Фаустина Младшая (2), Криспина (1), Коммод (1); Б. Н. Аракелян, Гарни. Результаты раскопок 1951—1955, Ереван, 1957; Кропоткин, 1549.

66. Гулиджан, 1927. Домициан (BMC II, 234; 77—78 гг.) ТОНГЭ, 150; Клады V, 1403; Кропоткин, 1550.

67. Близ Двина, 1946. Август (2). Мушегян, Ден. обр., № 524.

68. Ереван, 1907. Клад серебряных монет: Феодосий I, Гонорий, Валентиниан II, Клады I, 51; ТОНГЭ, 159; Кропоткин, 1552.

69. Ереван, 1952—1953. Квинт Минуций Терм (Bell. 889—892=Syd. 592; около 96—95 гг.); Кропоткин доп., 196.

70. Канарситское ущелье (близ Канакера), 1940. Август. Клады VI, 1551; Кропоткин, 1553.

71. Кош, 1934. Август. ТОНГЭ, 139; Клады V, 1391; Кропоткин, 1555.

72. Ленинакан, 1935. Август. ТОНГЭ, 141; Клады V, 1393; Кропоткин, 1556.

73. Ордаклу, в погребении, 1930 гг. Август. ТОНГЭ, 137; Клады V, 1398; Кропоткин, 1557.

74. Ором, Артикский р-н, 1937. Траян (BMC III, 130; 101—102 гг.). Сообщение Х. А. Мушегяна.

75. Сирнакунк, 1945. Клад серебряных монет: 93 денария — наиболее ранний из определенных — Г. Абурий Гемина (Bell. 572—573=Syd. 490; около 119—110 гг.); позднейшие — малоазийские М. Антония и Клеопатры (Bell. 2305—07=Syd. 1210; 32—31 гг.); кистофоры М. Антония и Клеопатры (4); Селевкиды, от Александра I Бала до Филиппа I (30); Аршакиды, от Митридата II до Орода I (по BMC) (8); Армения, Тигран II (1), Артавазд (1); Тир (24); Сидон (1); Арад (1); Митридат VI Понтийский (1); Пергамские кистофоры (4); цари Каппадокии (3) [определения и порядок строго по Пахомову]. Шахназарьян, Труды ГИМ Армении, № 2; Клады VI, 1536; Кропоткин, 1558; Crawford, 455 (зарытие в период 44—27 гг., по Кроуфорду).

76. Степанаванский р-н, 1930 гг. Август. ТОНГЭ, 138; Клады V, 1399; Кропоткин, 1559.

77. Тоуз, 1955. М. Антоний Триумвир (Bell. 1174=Syd. 1233; 32—31 гг.); Кропоткин доп., 199.

78. Уш, 1948. Август. Клады VI, 1553; Кропоткин, 1561.

79. Ширазлу, 1939. Август. Клады VI, 1550; Кропоткин, 1563.

80. Армения (подробнее не известно). Марк Аврелий (BMC IV, 627; 174—175 гг.). Сообщение Х. А. Мушегяна.

Азербайджанская ССР

Нахичеванская АССР

81. Карабагляр, 1927. Август. Клады II, 340; ТОНГЭ, 134; Кропоткин, 1530.

82. Нахичевань, 1931. Фаустина Младшая. Клады III, 772; ТОНГЭ, 157; Кропоткин, 1536.

83. Ялойлу-тапа, в погребении, 1926. Г. Вибий Панса (Bell. 1953—58=Syd. 946; 49—48 гг.), подражание драхме Александра Великого. Клады IX, 2081; Кропоткин доп., 194.

Нагорно-Карабахская АО

84. Доланлар, 1935. «Монеты времени Августа». Клады III, 766; Кропоткин, 1529.

85. Суараси, 1935. Август. Клады IV, 1039; Кропоткин, 1537.

Собственно Азербайджан

86. Барда, 1925. Август. Клады II, 342; Кропоткин, 1528.

87. Мингечаур, при раскопках. Кувшинное погребение 1949 г.: Л. Скрибоний Либон (Bell. 1870—77=Syd. 928; ок. 55 г. до н. э.), Гн. Помпей Младший (Bell. 2058—62=Syd. 1035; 46—45 гг.), Л. Плавтий Планк (2 экз.) (Bell. 1995—96=Syd. 959*b*; 47 г.), тетрадрахмы Тиграна II (2), Клады VI, 1548; Пахомов, «Материальная культура Азербайджана» II; Кропоткин, 1533; Crawford, 387 (зарытие в период 49—45 гг.); кувшинное погребение 1949 г.: Август. Клады VI, 1549; Пахомов, «Мат. культ. Азерб.» II; Кропоткин, 1532. Срубное погребение 1947 г.: Антонин Пий (BMC IV, 204—206 вар.; 140—144 гг.), Плавтилла (BMC V, 406—410; 202—205? гг.). Клады VI, 1558; Пахомов, «Мат. культ. Азерб.» II; Кропоткин, 1531.

88. Тазакенд, 1955. Клад: «около дюжины» монет, из них известна одна — Август. Клады VII, 1737; Кропоткин, 1538.

89. Хинислы, 1958. Клад серебряных монет: Г. Лициний Макр (Bell. 1361—65==Syd. 732; около 83 г. до н. э.); Афины «нового стиля» (5); Фракия, Лисимах (3); Вифиния, Никомед II и III (9); Митридат VI Понтийский (1); Селевкиды, от Антиоха IV до Филиппа I (84); Аршакиды, от Фраата I до «неизвестного царя» (по BMC) (161; среди драхм Митридата II много подражаний); подражания драхмам Александра Великого (72) [подсчет монет и определения строго по Пахомову]. Клады IX, 2080; Кропоткин, 1540; Crawford, 246 (зарытие в период 96—79 гг.).

90. Чухур-Кабала, 1963. Клад серебряных монет: Отон, Веспасиан (посмертный выпуск, при Тите, BMC II, 129—134; 80—81 гг.), Траян, Адриан (2); парфянские драхмы: «Готарз» (2), Вологез III; сасанидские драхмы: Варахран II (около 200); Кропоткин доп., 193.

2. НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ

Западная Грузия

Абхазская АССР

1. Гагра, 1904. «Золотая монета Гонория». ИАК, 23, стр. 107; ИГАИМК, 110, 57а; Клады III, 780; Кропоткин, 1575.

2. Пицунда, 1928. Нерон (BMC I, 56—59; 64—68 гг.); ИГАИМК, 110, 54; Клады II, 344; Кропоткин, 1644.

Бывшая Кутаисская обл.

3. Уреки, в погребении, 1942. Тацит (RIC V/1, 115; Тицин, 275—276 гг.), подражание ауреусам Луциллы/Александра Севера/Гордиана III, денарий Септимия Севера, Кесария Каппадокийская: Адриан (4), Каракалла (1). Апакидзе, ВГМГ XIV-B; Клады IV, 1051; Клады VIII, 1923 (повторно); Кропоткин, 1665; Голенко, 31, 76.

Восточная Грузия

4. Агаяни, 1928, в погребении. Солид Константина I (тип: Coh. VII, 574; Alföldi, Goldprägung, 658—660; Никомидия, 3-я маст., 315—317 гг.), подражание ауреусу Нумериана. Макалатия, ВГМГ XI-B, СА, V; Клады III, 778; ТОНГЭ, 20, 23; Клады IV, к 778; Кропоткин, 1566.

5. Арашенда, 1947. Феодосий I, «золотая монета». Капанадзе, СА, 1957, № 3, стр. 175.

6. Ахалкалаки, 1967. Констанций Хлор, «золотая монета». Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4, стр. 88, № 56.

7. Горийский уезд, 1900 гг. Карин. Клады I, 50; ИГАИМК, 110, 55; Кропоткин, 1583.

8. Згудери, некрополь, 1964—1965. погребение 3: Гордиан III (ауреус не описан, антониниан того же типа — RIC IV/3, 38; 240 г.); погребение 4: Александр Север (BMC VI, 372 вар.; 226 г.); погребение 7: Домициан (BMC II, 237—238; 77—78 гг.), Фаустина Старшая (BMC IV, 310), Антонин Пий (BMC IV, 727; 150—151 гг.), Коммод (BMC IV, 285; 190 г.); денарии: Август (28), Фаустина Старшая; драхмы «Готарза» (5); из разрушенных погребений: Коммод (BMC IV, 648; 175—176 гг.), Каракалла (BMC V, 121; 198—199 гг.), Каракалла (BMC V, стр. 249, № * вар.; 204 г.), Элагабал (BMC V, 10; 218—219 гг.), Элагабал (BMC V не описана; восточные монетные дворы; 218—219 гг.), Элагабал (BMC V, 195 вар.=Coh. V, 4; 220—222 гг.), Александр Север (BMC VI, 451; 228 г.) Голенко, Капанадзе, ВДИ, 1968, № 1.

9. Магранети, некрополь, 1966. Погребение 1: Александр Север, Кар; подражание ауреусам Августа/Коммода; погребение 2: Гордиан III; подражание ауреусу Филиппа Старшего; денарии Августа (4), драхмы «Готарза» (2); обстоятельства находки не указаны: «золотые монеты» — Гордиан III, Диоклетиан. Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4.

10. Мцхета, 1902. Август (тип не указан). ОАК за 1902 г., стр. 92; Клады I, 32; ИГАИМК, 110, 53.

11. близ Мцхеты, 1930 гг. Веспасиан (тип: BMC II, 95 или 107—109; 73 г.). Клады IV, 1041; Кропоткин, 1604.

12. Мцхета, при раскопках, 1937—1948 и 1951 гг.

Самтаврский некрополь, 1941 г.

погребение 378: Домициан (BMC II, 196—197 вар.=Coh. I, 46; 76 г.).

Армазский некрополь
1940 г.

погребение 1: Тит (BMC II, 185; 76 г.), Траян (BMC III, 612; 112—117 гг.); Адриан (BMC III, 108; 119—122 гг. или позже), Адриан (BMC III, 134 вар.; 119—122 гг. или позже), Адриан (BMC III, 183 вар.; 119—122 гг. или позже) Адриан (BMC III, 378; 125—128 гг.); денарий Августа; погребение 2: Септимий Север (BMC V, 255; 201 г.),

Септимий Север (гибридный экз.— BMC V, 18—24 — лиц. ст., 60 — об. ст.; 210—211 гг.), Филипп II (RIC IV/3, 216; 244—246 гг.), Валериан (RIC V/1, 276; Антиохия?); погребение 3: Гордиан III (RIC IV/3, 99; 241—243 гг.), Гордиан III (RIC IV/3, 108; 241—243 гг.), Филипп I (RIC IV/3, 28; 244—247 гг.); подражания ауреусам (4); денарии Августа (3), драхма «Готарза»; погребение 6: Нерон (BMC I, 77—78; 64—69 гг.), Гальба (BMC I, 38, вар.=Coh. I, 235; 68—69 гг.), Адриан (BMC III, 125, вар., 119+139 гг.), Антонин Пий (BMC IV, 862; 155—156 гг.), Коммод (BMC IV, 282; 190 г.); денарии Августа (3), драхмы «Готарза» (11); погребение 7: Нерон (BMC I, 77—78; 64—68 гг.), Нерон (BMC I, 79?; 64—68 гг.), Антонин Пий (BMC IV, стр. 103, № + =Coh. IV, 245; 150—151 гг.), Марк Аврелий (BMC IV, 778 вар.; 151—152 гг.), Фаустина Старшая (BMC IV, 370 вар.), Марк Аврелий (BMC IV, 890 вар.; 156—157 гг.), Фаустина Младшая (BMC IV, 1089); погребение 9: Фаустина Старшая (BMC IV, 310 вар.); денарии Августа (4).

1944 г.

погребение 43: солид Констанция II (Coh. VII, 112; Антиохия, около 357 г.).

Багинетский участок, 1946 г.

погребение 1: Веспасиан (BMC II, 204; 77—78 гг.), Тит (BMC II, 42; 80 г.); Адриан (BMC III, 117—118; 119—138 гг.), Адриан (BMC III, 732; 134—138 гг.); денарии: Август, Траян, Адриан, Фаустина Старшая.

Мавзолей близ железнодорожной станции, 1951 г.

Тиберий (BMC I, 30 слл.; Лугдун), Нерон (BMC I, 67—73; 64—68 гг.), Вителлий (BMC I, 38; 69 г.), Веспасиан (BMC II, 339—400; Лугдун, 71 г.); денарий Августа; парфянские драхмы: Артабан II, Синатрук, Фраат III, Ород II (47), Фраат IV; драхмы Полемона II Понтийского (2); подражания статерам Александра Великого (5).

Случайные находки, Багинети, 1946 г.

«золотая монета» Феодосия I (или II?).

Апакидзе и др., Мцхета I, Армазис-хеви, Тбилиси, 1958; Клады IV, 1040, 1042; Клады V, 1413, 1414, 1426, 1431; Клады VII, 1738, 1756; Клады VIII, к 1040; Капанадзе, ВДИ, 1955, № 1; МАГК I, 1955; СА, 1957, № 3; Кропоткин, 1611—12, 1616—21, 1625, 1628, 1633—34.

13. Ничбиси, 1930 гг. Александр Север (BMC V, 10; 222 г.) Клады IV, 1050; Кропоткин, 1638.

14. Руиси, 1939 г. Каракалла (BMC V, стр. 207, примечание к №* =Coh. IV, 57; 201—206 гг.) Клады IV, 1049; Кропоткин, 1649; Г. Дундуа, сб. «Друзья памятников культуры», № 13, Тбилиси, 1967.

15. Уплис-цихе, в погребении, 1963. Тит (BMC II, 120; 73 г.); денарии Августа (9), драхмы «Готарза» (2). Д. Хахутайшвили, Уплис-цихе, Тбилиси, 1964.

Азербайджан, Нахичеванская АССР

16. Хараба-гилян. 1912. Солид Гонория. Клады II, 354; Кропоткин, 1539.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК НАХОДОК ПОДРАЖАНИЙ РИМСКИМ МОНЕТАМ В ЗАКАВКАЗЬЕ

1. НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ

Западная Грузия

1. «Сванетия». Подражание денарию Августа. Капанадзе, СА, 1962, № 4.

2. «Лечхуми», для одной монеты — более точно — Цагери. Подражания денариям Августа (2). Капанадзе, СА, 1962, № 4.

3. Чиатура, подражание денарию Августа. Капанадзе, СА, 1962, № 4.

Восточная Грузия

4. Ахалцихский р-н. Подражание денарию Августа. ТОНГЭ, 165; Клады V, 1401.

5. Мцхета, Багинети, 1944. Подражание денарию Августа в кладе, вместе с 21 денарием Августа. Капанадзе, СА, 1962, № 4.

6. Уплис-цихе, в погребении, около 1930. Подражание денарию Августа. Клады II, 343; ТОНГЭ, 164; Кропоткин, 1664.

2. НАХОДКИ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ

Западная Грузия

1. Уреки, в погребении, 1942 г. Субэратное подражание «гибридного» типа: Луцилла/Александр Север?/Гордиан III, вместе с другими монетами (литературу см. I/1, *23*; I/2, *3*).

Восточная Грузия

2. Агаяни, в погребении, 1928. Подражание ауреусу Нумериана, вместе с солидом Константина I (I/2, *4*).

3. Вашловани, 1958. Подражание ауреусу Карина. Кропоткин, 1574.

4. Глдани, при раскопках Э. А. Реслера, 1903. «Золотой брактеат, варварское подражание римским ауреусам V в. н. э.» *.

5. Магранети, в погребениях, 1966. Подражания ауреусам — Августа/Коммода; Филиппа I/Гордиана III или Волузиана (I/2, *9*).

6. Мцхета, в погребении, 1940. Подражания ауреусам: Филиппа I/Гордиана III или Волусиана (2 экз. общих штемпелей с II/2, *5*), Волусиана/Филиппа I/Валериана, подражание в золоте антониниану Валериана; ауреус Валериана вместе с другими монетами (I/2, *12*).

7. Симониат-хеви, в погребении, 1967. Подражание монете Августа (общего штемпеля с II/2, *5*). Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4.

Юго-Осетинская АО

8. Цхинвали, в погребении, 1939. Подражание ауреусу Нумериана (общих штемпелей с II/2, *2*) вместе с денарием Августа (I/1, *52*).

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ПОДРАЖАНИЯ АУРЕУСАМ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИХ ПРОТОТИПОВ **

1. Монета (3,52 г.), найденная в погребении в сел. Симониат-хеви, 1967 (II/2, *7*) ***. Издание: Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *11*, табл. II, *2*. Определение в литературе: подражание ауреусу Августа.

Л. ст.: голова императора в венке вправо, легенда; об. ст.: две стоящие фигуры с круглыми щитами и копьями, легенда.

---

* Несмотря на неточность определения, замечание о «брактеате» заставляет вспомнить о «брактеатах» — подражаниях византийским монетам V—VIII вв., находимых на Северном Кавказе (ср. В. В. Кропоткин, Клады византийских монет на территории СССР, САИ Е4—4, 1962, № 133, 137, 138). Представляется наиболее вероятным, что монета из Глдани принадлежит к северо-кавказской группе подражаний и не является, следовательно, памятником закавказского происхождения.

** Автор считает своим непременным долгом принести искреннюю признательность г-ну Р. А. Дж. Карсону, хранителю собрания римских монет Британского музея, который любезно взял на себя большой труд по проверке, уточнению и исправлению определений прототипов подражаний, предложенных автором.

*** Все перечисленные здесь подражания, кроме *12*, принадлежат собранию ГМГ.

Монета принадлежит к первоначальной стадии подражания и прототип определяется без труда — вслед за Д. Г. Капанадзе в нем нужно видеть монету Августа с изображением Гая и Луция Цезарей. Д. Г. Капанадзе считает, что образцом при копировании послужил ауреус; действительно, ауреусы такого типа известны (BMC I, № 514 слл.) и многочисленны. Однако для Закавказья отмечена только одна находка ауреуса Августа (I/2, *10*; тип неизвестен), и это позволяет предположить, что прототипом явился денарий, принадлежащий, как мы видели, к самой многочисленной в находках группе монет. Одна из мцхетских монет (III, *8*) указывает на возможность использования серебряной монеты в качестве прототипа подражания из золота.

2. Монета (3,10 г.), найденная в погребении (с ауреусами Александра Севера и Кара) у сел. Магранети, 1966 (II/2, *5*). Издание: Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *9*; табл. II, *1*. Определение в литературе: подражание ауреусам Августа и Коммода.

С определением Д. Г. Капанадзе нельзя не согласиться, как и с тем, что одна из сторон этой монеты (Август) чеканена общим штемпелем с предыдущей монетой (III, *1*). Что касается более точного определения прототипа другой стороны монеты, где помещено изображение курчавого бородатого императора в венке, панцире и палудаменте, то, бесспорно, его нужно искать среди поздних эмиссий Коммода. В конце легенды, переданной с небольшими искажениями, можно, кажется, видеть... AVG BRIT PP. Если это так, то прототип принадлежит к выпускам 189—191 гг. римского монетного двора (ср. ауреусы BMC IV, табл. 97, *14*, *17*, *18*; табл. 98, *5*, *7*, *14*, *17*, *18*).

Перед нами подражание гибридного типа, при чеканке которого прототипами служили разновременные монеты, причем для обеих сторон подражания образцами являлись лицевые стороны.

3. Монета (6,43 г., пробита), найденная в погребении (с ауреусом Тацита и серебряными монетами Адриана и Септимия Севера) в совхозе Уреки, 1942 (II/2, *1*). Издание: Капанадзе, СА, 1957, № 3, рис. 2, *3*; Казаманова, Кропоткин, 7. Определение в литературе: отсутствует («тип не установлен», «подражание ауреусу III в.»). В своей статье (ВДИ, 1970, № 4) Д. Г. Капанадзе впервые указывает, что данный экземпляр субэратный — серебряное ядро, обтянутое золотой пленкой,— по-видимому, единственный случай для подражания ауреусам из Грузии.

Л. ст.: погрудное изображение императрицы в плаще вправо, легенда; об. ст.: мужская фигура в короткой тунике, идущая влево, в правой руке копье «наперевес», на левую, полусогнутую, накинут плащ, легенда.

Несмотря на значительную степень искажения первоначального типа, характерные признаки изображений и легенды позволяют с достаточной степенью точности определить прототип. Что касается л. ст., то ясно видимое начало легенды — IVCIII ПО... нельзя понять иначе, как LVCILLAE...; трактовка волос императрицы — четыре продольные ряда, последний из которых более длинный и оканчивается маленьким круглым пучком,— все это твердо указывает на монету Луциллы в качестве прототипа. В каталоге Британского музея все монеты Луциллы датированы 164—169 (или позже, 183?) гг. Если принять во внимание сложную длинную легенду и трактовку пучка волос маленьким шариком на нашей монете, то прототип следует искать среди монет первой группы супруги Луция Вера (BMC IV, стр. 426—430), точнее — монет, имеющих сплошную, без разрывов легенду, т. е. ауреусов типа: BMC IV, табл. 58, *16*, *19*. Говоря об об. ст. подражания, сразу же нужно отметить, что ее тип не мог принадлежать монете Луциллы, поскольку он вообще несвойствен монетам императриц. Первая половина легенды содержит знаки IIOIVIOИS..., которые не могут быть поняты иначе, как искаженное IOVI CONSERVATORI. Такая легенда — одна из самых распространенных для римских монет III — начала IV в.— искать прототип в этих условиях бессмысленно, но следует отметить, что впервые она была применена, по-видимому, в 222 г. для монет Александра Севера, среди которых имеются и ауреусы (BMC VI, стр. 120, № 55, табл. 3). Однако указанная легенда всегда сопровождает изображение Юпитера, которого нельзя видеть на нашей монете. Мужская фигура в тунике, бесспорно, принадлежит императору и тип в целом — это император в воинском облачении с копьем в правой руке и сферой в левой (последний атрибут, по-

видимому, не был понят резчиком штемпелей подражания и опущен). Этот тип изображения также поздний и впервые он был применен, видимо, для денариев Александра Севера (BMC VI, стр. 175, № 616, табл. 21), но ведущую роль на монетах, в их числе и ауреусах (RIC IV/3, стр. 26, № 105), он получает только при Гордиане III, в эмиссиях 241—243 гг.

Таким образом, перед нами редкий экземпляр гибридного типа, для которого прототипом служили три разновременные монеты: Луциллы (л. ст.), Александра Севера или позже (легенда об. ст.), Гордиана III (изображение об. ст.). По самым скромным подсчетам хронологический разрыв между этими прототипами составляет более 60 лет (164—183? — 238—243 гг.).

4—6. Монеты (4,01 г.; 3,45 г.; 3,87 г.), чеканенные одной парой штемпелей; две первые найдены в мцхетском погребении 3, 1940 (с двумя подражаниями ауреусам, тремя денариями Августа и драхмой «Готарза»); третья найдена в погребении (с ауреусом Гордиана III, четырьмя денариями Августа и двумя драхмами «Готарза») в сел. Магранети, 1966 (II/2, *5*, *6*). Издание: Капанадзе, Гр. нум.[1], 25; Гр. нум.[2], 26; Гр. нум.[3], 28; СА, 1957, № 3, рис. 1, *4—5*; ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *3—4*, *10*; Казаманова, Кропоткин, 2. Определение в литературе: подражание ауреусу Филиппа I.

Л. ст.: погрудное изображение императора в венке, в панцире и палудаменте вправо, легенда; об. ст.: мужская фигура в воинском облачении, в шлеме, вправо, с головой, повернутой влево, правая рука опирается на вертикально поставленное копье, левая — на круглом щите, стоящем у ног, легенда.

Ясно читаемая часть легенды л. ст. ...ILIPPVS AVG (= PHILIPPVS AVG) и портрет императора указывают на прототип для этой монеты — один из ауреусов Филиппа I, если легенда в целом на прототипе имела вид IMP PHILIPPVS AVG, а это наиболее вероятно, то копировались ауреусы типа: RIC IV/3, стр. 70 слл., № 14, 25, 27, 28, 34—38, 40, 44, 48, 49. Первая половина легенды об. ст. имеет вид ΛNNOI..., несомненно искаженное ANNONA AVG. Ауреусы с такой надписью известны как в чеканке Филиппа I (RIC IV/3, стр. 71, № 28), так и его предшественников и преемников. Указанная легенда поясняет изображение Анноны *, персонификацией которой всегда служило женское изображение. Здесь же мы видим другой тип изображения, которое должно быть понято как олицетворение Доблести (Virtus). Поскольку резчик штемпелей подражания несколько изменил положение фигуры и безусловной аналогии в римских монетах указать нельзя, следует отметить, что наиболее близкое изображение «Доблести» мы видим не на монетах Филиппа I, а на ближайших ему по времени ауреусах Гордиана III (RIC IV/3, стр. 16 сл., № 12, 25) и Волусиана (RIC IV/3, стр. 179, № 162). Таким образом, перед нами вновь редкий случай подражаний, прототипами которому служили три различные монеты.

7. Монета (4,80 г.), найденная в мцхетском погребении 3 (о находках в нем см. 4—6) (II/2, *6*). Издание: Капанадзе, Гр. нум.[1], 27 (л. ст.), 28 (об. ст.) **; Гр. нум.[2], 27 (л. ст.), 28 (об. ст.); Гр. нум.[3], 29; СА, 1957, № 3, рис. 1, *6*; ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *5*; Казаманова, Кропоткин, 5 (л. ст.), 6 (об. ст.). Определение в литературе: подражание ауреусу Гостилиана.

Л. ст. погрудное изображение императора в венке, палудаменте вправо, легенда; об. ст. изображение «Анноны» — женская фигура, стоящая влево перед модиусом с колосьями, в правой руке — колосья, в левой — рог изобилия и край одежды, легенда (резчик не понял сложного изображения и превратил модиус в круг на низкой подставке, а свисающий край одежды — в два змееобразных отростка).

Как заметил издатель (СА, 1957, № 3, стр. 166), легенда л. ст. «с некоторой долей уверенности» дает возможность прочесть HOSTILIANVS. Однако положение предполагаемой надписи в легенде и та форма легенды, которая была принята для монет

---

* Здесь: Изобилие — символ богатого урожая хлеба.

** В указанных изданиях л. ст. *7* была соединена с об. ст. *8*, и, наоборот,— л. ст. *8* с об. ст. *7*.

Гостилиана * исключает подобное определение прототипа. Особенности портрета императора и легенда делают наиболее вероятным предположение о монете Волусиана в качестве прототипа л. ст. данного подражания. Изображение на об. ст. и легенда — ΛNNOIΛC... (= ANNONA AVG) без труда позволяют определить первоначальный тип — персонификации Анноны с поясняющей изображение надписью. Но монеты такого типа не известны в чеканке Волусиана, ближайшие по времени — это ауреусы Филиппа I (RIC IV/3, стр. 71, № 28) ** и Валериана (RIC V/1, стр. 41, № 31). Таким образом, и данное подражание принадлежит к гибридному типу.

8. Монета (3,73 г.), найденная в мцхетском погребении 3 (о находках в нем см. —6) (II/2, *6*). Издание: Капанадзе, Гр. нум.[1], 27 (об. ст.), 28 (л. ст.); Гр. нум.[2], 27 (об. ст.), 28 (л. ст.); Гр. нум.[3], 30; СА, 1957, № 3, рис. 1, *7*; «Numismatické Listy», 1967, № 5 —6, 11; ВДИ, 1970; № 4, табл. I, *6*; Казаманова, Кропоткин 5 (об. ст.), 6 (л. ст.). 4Определение в литературе: подражание ауреусу Траяна Деция.

Л. ст.: погрудное изображение императора в радиальной короне, палудаменте вправо, легенда; об. ст.: персонификация Согласия (Concordia) в виде женской фигуры, стоящей перед алтарем влево, в левой руке патера, в правой — рог изобилия, легенда.

В легенде л. ст. Д. Г. Капанадзе «с некоторой долей уверенности» видел ...ANVS DEC... (СА, 1957, № 3, стр. 166). Однако конец надписи явствен— ...VS P AVC, что не подходит к легендам на монетах Траяна Деция, но имеет соответствие в надписях на монетах Валериана (IMP VALERIANVS P AVG). Подобную атрибуцию поддерживает и портретное сходство с Валерианом персонажа, помещенного на подражании. Что касается об. ст., то надпись CONCORDIA⊂⊨XERCT легко понимается как CONCORDIA EXERCITI. Просмотр реверсных типов монет, начиная с Гордиана III, с целью выявления прототипа данному подражанию позволил найти аналогию только в чекане Валериана. Таким образом, можно считать установленным, что объектом копирования служила монета этого императора (Антиохия, RIC V/1, стр. 56, № 235). Но прототипом явился, по всей видимости, не ауреус, а антониниан, поскольку золотые монеты этого типа в эмиссиях Валериана неизвестны ***.

9. Монета (3,51 г.), случайная находка в сел. Вашловани, 30-е гг. XX в. или 1958 (II/2, *3*). Издание: Казаманова, Кропоткин, 9; Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *8*. Определение в литературе: подражание ауреусу Валериана.

Л. ст.: погрудное изображение императора в венке (?) и палудаменте (?), легенда; об. ст.: Виктория на биге **** влево, легенда.

Надписи на обеих сторонах монеты искажены до неузнаваемости; тип монеты, бывший популярным еще при Северах, получил наибольшее распространение во второй половине III в., в том числе и в чеканке Валериана. Однако особенности изображения деталей об. ст. заставляют видеть ауреус Карина в качестве прототипа данного подражания (Кизик, RIC V/2, стр. 178, № 319, VICTORIA GERMANICA).

10—11. Монеты (3,52 г.; 2,68 г.), чеканенные одной парой штемпелей; первая найдена в погребении (с солидом Константина I) в сел. Агаяни, 1935; вторая в погребении (с денарием Августа) в Цхинвали, 1939 (II/2, *2*; *8*). Издание: Капанадзе, Гр. нум.[1], 29; Гр. нум.[2], 29; Гр. нум.[3], 31; СА, 1957, № 3, рис. 2, *1—2*; ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *1—2*; Казаманова, Кропоткин, 3—4. Определение в литературе: подражание ауреусу Нумериана.

Л. ст.: погрудное изображение императора в венке, в панцыре и палудаменте влево, легенда; об. ст.: Виктория с венком и пальмовой ветвью в руках, идущая влево, легенда.

---

* Наиболее пространные варианты легенды монет Гостилиана: C VALENS HOSTIL MES QVINTVS N C; IMP CAE C VAL HOS MES QVINTVS AVG; C OVAL MES OSTIL COVINTVS CAESAR.

** Кстати, ауреус такого типа найден в том же погребении, что и данное подражание (Капанадзе, СА, 1957, № 3, рис. 1, *3*).

*** Конечно, существует теоретическая возможность того, что прототипом послужил ауреус неизвестного типа, но возможность эта очень мала.

**** В статье Казамановой и Кропоткина (стр. 143) — «четверка лошадей».

А. Н. Зограф (ТОНГЭ, стр. 31 сл.), специально занимавшийся определением прототипа монеты из Агаяни, нашел, что это подражание представляет собой зеркальное повторение ауреуса, очевидно, антиохийского монетного двора (тип: Cohen, VI, № 99). С подобным определением прототипа (=Антиохия, RIC V/2, стр. 201, № 464) нельзя не согласиться.

* * *

12. Монета (3,64 г.), место находки неизвестно; Гос. музей истории Азербайджана, Издание: публикуется впервые (стр. 50, рис. 1).

Л. ст.: погрудное изображение императора в венке, панцыре и палудаменте вправо, легенда; об. ст.: Виктория с бичом в руке на биге, вправо, легенда.

Общий тип монет как и *9*; на об. ст. легенда, прерванная слева, может быть восстановлена как VICTORIAE AVGG. Оборотная сторона, особенности портрета императора и некоторые сочетания знаков легенды л. ст. позволяют с уверенностью опознать прототип — ауреус Валериана (Антиохия, RIC V/1, стр. 59, № 276).

13. Монета (вес неизвестен), место находки неизвестно *. Издание Казаманова, Кропоткин, 8; Капанадзе, ВДИ, 1970, № 4, табл. I, *12*. Определение в литературе: «неопределенная позднеримская монета V в.» (Кропоткин).

Л. ст.: голова императора в диадеме вправо, легенда; об. ст.: идущая или стоящая фигура с венком (?) в руке, легенда.

Несмотря на большую степень искажения прототипа, надпись на л. ст. может быть понята как содержащая имя Константина I — ƆOSITIINTVHO подобному определению не препятствует и известное портретное сходство Константина с персонажем на подражании. В этом случае наиболее вероятный прототип—солид Константина 335 г. (Сисция RIC VII, стр. 457, № 244) с легендой VICTORIA CONSTANTINI AVG и изображением Виктории со щитом, идущей вправо и попирающей сидящего пленника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИЛОЖЕНИЯХ

Голенко — К. В. Голенко, *Денежное обращение Колхиды в римское время* Л., 1964.

ИГАИМК, 110 — А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, 1935.

Капанадзе, Гр. нум.[1]; Гр. нум.[2]; Гр. нум.[3]; СА, 1957, № 3; Numismatické Listy, 1967, № 5—6; ВДИ, 1970, № 4 — Грузинская нумизматика (на грузинском языке), Тбилиси, 1950, табл. II; Грузинская нумизматика (2-е издание), М., 1955, табл. II; Грузинская нумизматика (3-е издание, на грузинском языке), Тбилиси, 1969, табл. II; Ауреусы Армазского некрополя, СА, 1957, № 3, стр. 159 слл., рис. 1—2; Z historie gruzínského mincovnictví, «Numismatické Listy», 1967, № 5—6, стр. 129 слл., табл. I; Новые находки подражаний римским ауреусам, ВДИ, 1970, № 4, стр. 81 слл., табл. I.

Казаманова, Кропоткин — Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин, *Подражания римским золотым монетам II—III вв. н. э.*, ВДИ, 1964, № 1, стр. 140 слл., табл. I.

Клады I—IX — Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, [вып. I], «Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 3», Баку, 1926; Клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа; вып. II, «Труды Ин-та истории, языка и литературы Азерб. ФАН СССР», т. II/41, Баку, 1938; Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. III—IX, Баку, 1940—1966.

Кропоткин — В. В. Кропоткин, Клады римских монет на территории СССР, САИ, вып. Г4—4, 1964.

Кропоткин доп.— В. В. Кропоткин, Новые находки римских монет в СССР (дополнение к САИ, вып. Г4—4), НЭ, VI, 1966.

---

* Казаманова и Кропоткин (стр. 143) пишут о находке этого подражания в Глдани, 1903 (II/2, *4*). Однако Капанадзе (ВДИ, 1970, № 4, стр. 84) отмечает, что данная монета «к сожалению, не снабжена паспортными данными», говоря же о типе подражания, найденного некогда в Глдани, пишет: «сведений нет» (СА, 1957, № 3, стр. 175; ВДИ, 1970, № 4, стр. 89, № 1). Мы следуем здесь за Д. Г. Капанадзе, который на протяжении ряда лет был хранителем собрания ГМГ.

ТОНГЭ — А. Н. Зограф, Распространение античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, Л., 1945.
Alföldi, Goldprägung — M. R. Alföldi, Die Constantinische Goldprägung. Untersuchungen zu ihrer Bedeutung für Kaiserpolitik und Hofkunst, Mainz, 1963.
Bell.— G. G. Belloni, Le monete romane dell'età repubblicana (Catalogo delle racolte numismatiche. Comune di Milano), Milano, 1960.
BMC I—VI — H. Mattingly, Coins of the Roman Empire in the British Museum, vol. I—V, L., 1923—1950 (I—IV, переиздание, L., 1965—1968); R. A. G. Carson, Coins..., vol. VI, L., 1962.
Coh. I—VIII — H. Cohen, Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, 2e éd., vol. I—VIII, P., 1880—1892.
RIC, II, IV/3, V/1, V/2, VII, IX — H. Mattingly, E. A. Sydenham, The Roman Imperial Coinage, vol. II, L., 1926; H. Mattingly, E. A. Sydenham, C. H. V. Sutherland, RIC, vol. IV, part 3, L., 1949; H. Mattingly, E. A. Sydenham, P. H. Webb, RIC, vol. V, part. 1, L., 1927; H. Mattingly, E. A. Sydenham, RIC, vol. V, part. 2, L., 1933; P. Bruun, RIC, vol. VII, L., 1966; H. Mattingly, C. H. V. Sutherland, R.A.G. Carson, RIC, vol. IX, L., 1951.
Syd.— E. A. Sydenham, The Coinage of the Roman Republiic, L., 1952.

NOTES ON THE CIRCULATION OF ROMAN COINS IN THE TRANSCAUCASIA

by C. V. Golenko

Among the Roman silver and gold circulating in the Transcaucasia in the period under review (I-III centuries A. D.) coin finds show that the field was clearly dominated by the denarius of Augustus portraying Gaius and Lucius Caesar (*BMC*, *Emp.*, I, Nos. 513—43), the fullest-value coin of all Roman imperial silver. About 110 examples are on record of the denarii of Augustus and Tiberius (*BMC*, I, Nos. 22 ff., 42 ff.), while the later denarii (Domitian — Caracalla) are represented by only 35 examples. In the author's opinion the earliest arrivals of the Augustus denarii in the Caucasus may be dated in the Augustan-Flavian period; they disappear from circulation towards the middle of the III century. Occasional finds of barbarian imitations of the Augustus denarii may be ascribed to the latter period. Aurei are also found in the Caucasus (almost exclusively in Eastern Georgia). Their issue dates, for the most part in the period Nero — Gordian III, and the variety of their types show that Roman gold came to this region comparatively late. Their arrival is probably to be connected with a shortage of full-weight denarii and their consequent replacement in circulation by gold. The author devotes special attention to 11 imitation aurei, of which 10 were found in Eastern Georgia, one in Western Georgia. The presence of hybrid types among these imitations, the variety of their prototypes and the limited period during which they were struck (with one exception, in the years 250/60 — 285) suggest that the issue was undertaken in haste, in answer to a temporary need. Among these coins are several examples struck from common dies, which shows the modest size of the emission. The whole picture suggests a spontaneous reaction of the Caucasus market to the interruption in the flow of Roman coins caused by the events of 250-270 in the East (wars with Iran, Palmyra, the Goths). The rarity of Roman coin finds from the IV-V centuries may be explained, first, by the massive influx into the Caucasus of Sasanid silver. Another factor affecting the change in the situation in the III-V centuries as compared with the I-III (lst half) was of course the dissemination of Christianity in the Caucasus: the great majority of Roman coin finds come from burials, and the Christian rite did not allow coins to be into graves. In appendixes to the articles the author lists all the finds of Roman coins and identifies the prototypes of the imitation aurei, which are not always correctly indicated in the literature. Monetary circulation in Colchis (Western Georgia) is not covered in the article, since the author has published a separate study on this. The numerous finds of Parthian drachms are also not discussed; to them the author means to return in another article.

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. Г. Виноградов

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГРЕЧЕСКОЕ ПИСЬМО С ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

КОГДА известный австрийский эпиграфист А. Вильхельм переиздал в 1904 г. первое ставшее известным науке письмо на свинце, он назвал свою статью «Древнейшее греческое письмо» (Der älteste griechische Brief). Впоследствии на свет появилось еще несколько не менее древних писем. Но раскопочный сезон 1970 г. на о-ве Березань ознаменовался новым особенным открытием — автору этой статьи, принимавшему участие в работах Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством К. С. Горбуновой, посчастливилось сделать интересную находку — древнейшее греческое письмо на свинцовой пластинке, свернутой в свиток, обнаруженное не при раскопках, а случайно,— в обрыве крутого берега. Место находки расположено в юго-восточной части острова, за маяком, на берегу, обращенном в сторону гор. Очакова. В этом месте культурный слой сходит на нет и несколько южнее совсем исчезает — в древности здесь была окраина поселения. Разведочный шурф, заложенный позднее на месте обнаружения письма, показал, что слой толщиной примерно 0,5 м состоит из твердого глинистого грунта с включениями отдельных мелких фрагментов невыразительной амфорной керамики, не поддающейся датировке. Свинцовый свиток находился, однако, не в самом слое, а в яме (сначала, вероятно, зерновой, а потом превращенной в свалку для мусора). Профили двух таких ям трапециевидной формы четко выделяются в береговом обрыве в нескольких метрах к северу. Однако эта яма не просто обвалилась при абразионном разрушении берега, но, будучи заполненной мягким грунтом, вероятно, была еще и промыта дождевыми водами, которые образовали на ее месте небольшую лощину, спускающуюся вниз на несколько метров. Поэтому при ее доследовании выяснилось, что слой, ее заполнявший, целиком исчез. Тем не менее, в этой лощине в непосредственной близости от места залегания свитка еще до шурфовки был обнаружен фрагмент расписного сосуда, о котором речь пойдет ниже.

Таким образом, археологический контекст находки ясен целиком и полностью — письмо попало с другим мусором в яму, прорезанную в синхронном ей однородном, почти стерильном слое на самом краю поселения.

Находка поступила в Государственный Эрмитаж, где свиток был развернут и реставрирован. Необходимо отметить, что только благодаря

великолепному мастерству реставратора О. В. Васильевой для науки сохранен ценнейший документ, подвергшийся разрушительному влиянию времени. В первоначальном виде предмет представлял собой свинцовую пластинку, свернутую в свиток в 3—4 витка, длиной 65 мм и внешним диаметром около 17 мм (рис. 1). В развернутом виде пластинка имеет форму прямоугольника с закругленными углами размером 153 × 65 мм и толщиной (после реставрации) 1 мм. На внутренней стороне рукой автора письма был нанесен текст послания, после чего пластинка была скатана в свиток и на внешней стороне (in tergo) был надписан адрес. Высота букв текста и адреса 2—4 мм, только в последней строке основного текста из-за недостатка места писавшему пришлось уменьшить высоту шрифта до 2—3 мм. Документ предстает в исключительной сохранности — не пропало не только ни одной строчки, но даже ни одной буквы текста. Повреждено лишь несколько букв, попавших на трещины, неизбежные из-за ветхости материала, да в последней строке текста из-за коррозии частично отломались две буквы. Повреждения эти настолько незначительны, что они не изменили существенно облика порченых букв, так что последние легко восстанавливаются (это хорошо видно по фотографии). Таким образом, вряд ли можно сомневаться в предложенной ниже транслитерации текста.

Текст послания был написан в 13 строк (рис. 2), по левому краю пластинки проведена по линейке вертикальная черта, служившая, вероятно, отметкой для более ровного расположения строк относительно их начала. В то же время концы строк находятся на самом различном расстоянии от правого края — некоторые оставляют довольно значительное свободное пространство, в котором могло бы поместиться даже целое слово. Строки 1 и 12 загибаются соответственно вверх и вниз, следуя скругленным углам пластинки. Интересно, что все строки оканчиваются на полные слова — даже в одном месте (стк. 3), где резчику не хватило места для окончания имени, он предпочел не перенести его на следующую строчку, а подписать под этой же оставшиеся три буквы в манере бустрофедон. Иную картину мы наблюдаем в адресе на обороте (рис. 3): здесь писавший распределил три строки по всей длине свитка (соответственно по ширине пластинки), причем не побоялся переноса в первой строке. Вместе с адресом письмо состоит из 110 слов и 526 букв.

После изучения оригинала можно предложить следующую транскрипцию и эмендации текста (обоснование такого чтения и, соответственно, интерпретации дается ниже) *.

1 Ὦ Πρωταγόρη, ὁ πατήρ τοι ἐπιστέλλε̄· ἀδικε̄ται
ὑπὸ Ματάσυος, δολο̄ται γάρ μιγ καὶ τὸ
φορτηγεσίο̄ ἀπεστέρεσεν. ἐλθῶμ παρ' Ἀναξαγό|ρην ←——
ἀπήγησαι, φησὶ γὰρ αὐτὸν Ἀνξαγόρεω
5 δο̄λον ἔνχι μυθεόμενος·„τὰμ' Ἀνα(ξα)γόρης ἔχε̄·
καὶ δο̄λο̄ς καὶ δο̄λας κοϊκίας", ὁ δὲ ἀναβῶι τε
καὶ οὔ φησιν ἔνχι οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Ματάσ(υι)
καί φησιν ἔνχι ἐλεόθερος καὶ οὐδὲν ἔνχι ἑωυτ(ῶ)ι

* В работе над чтением и интерпретацией документа мне во многом помогали и содействовали своими советами, предложениями и консультациями Е. Б. Веселаго, Э. Л. Грейс, К. К. Зельин, Г. А. Таронян, М. К. Трофимова. Лучшей благодарностью с моей стороны явилось бы признание того, что предлагаемые чтение и понимание текста — плод коллективного сотрудничества всех перечисленных специалистов. Особенно хотелось бы отметить активную помощь Э. Л. Грейс, которой я обязан многими сведениями из области древнегреческих социально-правовых отношений. Выражаю также свою глубокую признательность заведующей отделом античного искусства Гос. Эрмитажа и руководителю Березанской археологической экспедиции К. С. Горбуновой, дружеская помощь которой содействовала успешной обработке надписи.

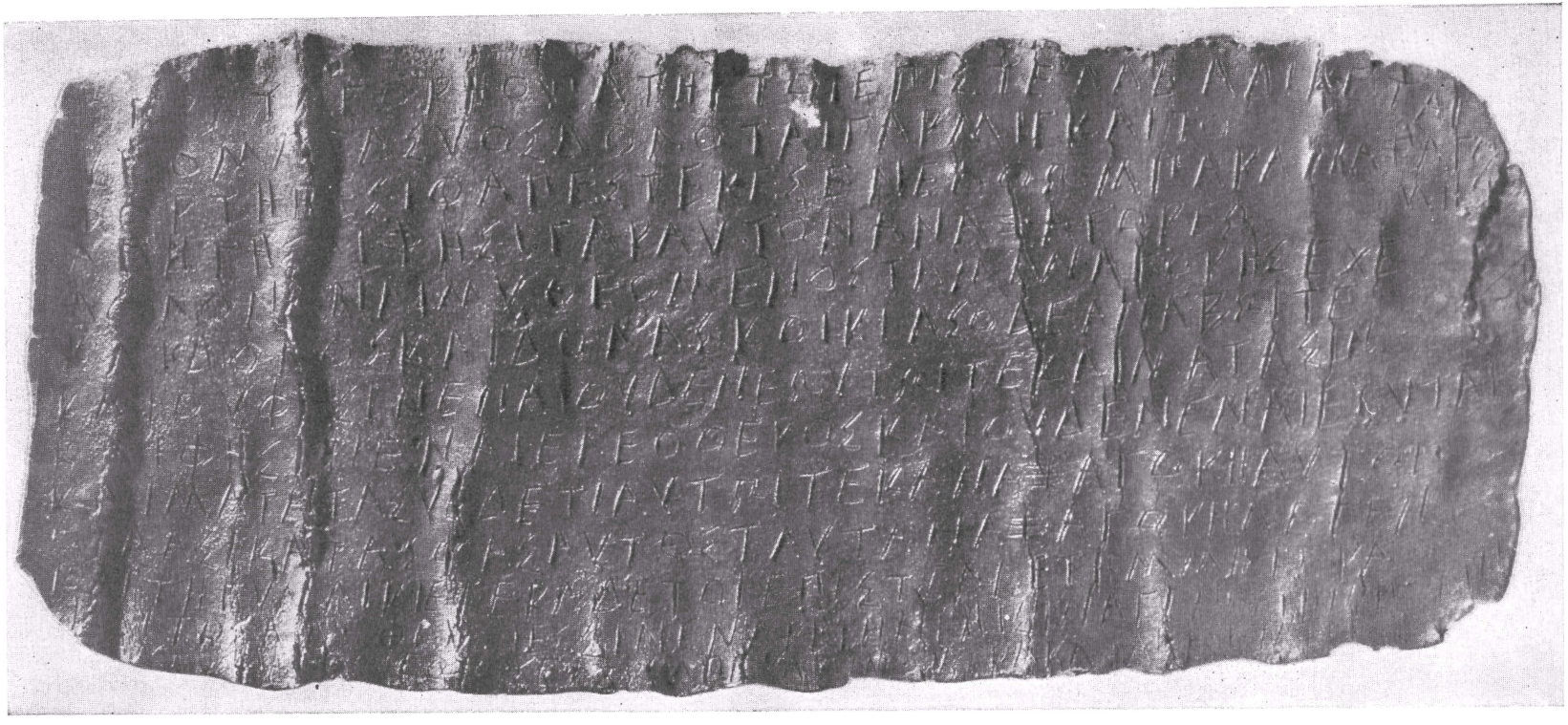

Рис. 1. Древнегреческое письмо на свинцовой пластинке с о-ва Березань **(в развернутом виде)**

καὶ Ματά⟨τα⟩συ(ι). τί δὲ αὐτῶι τε κ'Αναξαγόρη αὐτοὶ
10 οἴδασι κατὰ σφᾶς αὐτός. ταῦτ' 'Αναξαγόρη λέγεν
καὶ τῆ γυναικί. ἕτερα δέ τοι ἐπιστέλλε· τὴμ μητέρα
καὶ τὸς ἀδε(λ)φεὸς ἔεσσιν ἐν ἄρ(τ)' ἴνα τήιειν ἄγεν ἐς τὴμ πόλιν,
αὐτὸς δὲ Εὔνεορος ἐλθὼμ παρά μιν θυωρὰ καταβήσεται.

In tergo: 'Αχιλλοδώρō τὸ μολί-
βδιον παρὰ τὸμ παῖδα
κ'Αναξαγόρην.

Стк. 3 — 'Αναξαγό | ρην: — ρην написано бустрофедоном.
Стк. 4 — ἀπήγγησαι: сперва вместо первой η была написана α, а потом уже переправлена.
Стк. 5 — 'Ανα(ξα)γόρης: ориг. — ΑΝΑΓΟΡΗΣ.
Стк. 7 — Ματάσ(υι): ориг. — ΜΑΤΑΣΙΝ.
Стк. 8 — ἑωυτ(ῶ)ι: ориг. — ΕΩΥΤΑΙ.
Стк. 9 — Ματά⟨τα⟩συ(ι): ориг. — ΜΑΤΑΤΑΣΥΕ; τί δὲ: ориг. — ΔΕΤΙ.
Стк. 12 — ἀδε(λ)φεὸς: ориг. — ΑΔΕΦΕΥΣ; ἄρ(τ)': ориг. — ΑΡΒ; τήιειν: сначала, как в стк. 4, была поставлена α, а потом уже переправлена на η.

Очень важен вопрос о датировке документа. Письмо написано шрифтом, который может относиться ко второй половине VI и первой половине V в. до н. э. Особенно характерны для указанного времени формы таких букв, как *альфа* с перекладиной, имеющей легкий наклон вправо, но не

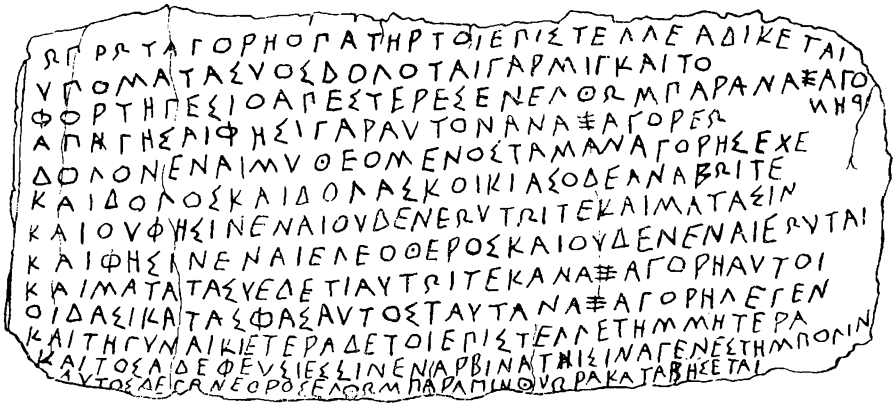

Рис. 4. Прорись текста письма на свинце

смыкающейся с концом правой наклонной гасты; *дельта* имеет перекладину с легким уклоном влево, что объясняется, по-видимому, скорописью; *эпсилон* также слегка наклонен вперед, однако параллельные гасты его уже горизонтальны и не имеют того наклона, который наблюдается в первой половине VI в.; *тета* — с точкой, а не с перекрестием, но, тем не менее, это не должно рассматриваться как признак более позднего времени — в алфавите некоторых центров подобное явление встречается уже в VIII в., кроме того, оно присутствует в надписи одного родосца из Ольвии, датируемой началом VI в.[1]; у *каппы* нижний усик немного короче верхнего и расположен почти перпендикулярно к вертикальной гасте; у *ламбды* правая гаста заметно короче левой — это уводит ее в глубь VI в.; у *мю* средние палочки, как правило, не доходят до уровня основания крайних, но почти всегда смыкаются так, что кончик правой средней гасты продолжен немного ниже места их соприкосновения — это также признак

[1] См. СА, 1971, № 2, стр. 232—238.

VI в.; *ню* всегда имеет наклон вправо, причем крайние черточки выступают соответственно вниз и вверх за общие габариты буквы; поперечная черточка *кси* перекрещивает три параллельные равные линии так, что концы ее выступают сверху и снизу; *омикрон* по своим размерам лишь немного меньше остальных букв; у *пи* перекладина слегка наклонена влево и правая вертикальная гаста короче левой, что, впрочем, наблюдается и в более позднее время; *ро*, как и *бета*, имеет оригинальную скорописную форму с уголком вместо полукружия, которому иногда приданы мягкие скругленные очертания, *сигма* в общем характерна для VI—IV вв., но

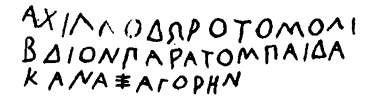

Рис. 5. Прорись адреса

имеет несколько небрежный скорописный вид; *ипсилон* всегда имеет вид перевернутой *ламбды* классического периода; кружок *фи* довольно велик — он равняется по размеру *омикрону*, перекрещивающая его черта выступает сверху и снизу. Особенно интересна форма *омеги*, характерная для VI и V вв.,— она имеет неравно наклоненные усики (часто расположенные чуть ли не под прямым углом друг к другу), но при этом она приобрела неряшливое округленное скорописное начертание. Все эти формы букв находят себе многочисленные параллели в памятниках VI—V вв. как из Северного Причерноморья, так и из Греции [1a]. При этом надо учитывать, что палеография письма на свинце (к тому же, как у нас, скорописная) стоит ближе к палеографии граффити, чем к лапидарной. Формы же букв граффити прогрессировали быстрее и поэтому опережали в своем развитии лапидарные формы. Интересно уже упоминавшееся выше окончание стк. 3, выполненное в манере бустрофедон. Это говорит о том, что подобный способ письма совсем недавно исчез из употребления, что также заставляет отнести надпись к VI в. Ясно, что здесь бустрофедон — не простая прихоть писавшего, ведь он мог подписать эти буквы под строкой и слева направо.

Очень архаичный диалект надписи (см. ниже), не имеющий близких параллелей с эпиграфическими памятниками из Северного Причерноморья по обилию ионийских форм, также свидетельствует о VI в. как о времени составления надписи. И, наконец, решающим аргументом, на мой взгляд, служит археологический контекст. Уже упоминалось, что в самом месте находки письма был подобран фрагмент горла родосской амфоры с орнаментом в виде плетенки, датируемый VI в. до н. э. Он не может происходить ниоткуда, кроме той же ямы, в которую попало и письмо. Следовательно, все показатели в комплексе определяют дату разбираемого письма — вторая половина VI в. до н. э., самое позднее, конец этого столетия.

Прежде чем перейти к исследованию языка письма и его содержания, необходимо кратко остановиться на вопросе об употреблении в грекоримском мире писем на свинцовых пластинках. О существовании такого обычая и о его распространенности говорят упоминания древних авторов. До нас дошли свидетельства четырех писателей: Парфения (Parthen., IX, 5), Диона Кассия (Dio Cass., XLVI,36), Плутарха (Plut., de mul. virt.,

[1a] Ср. L. H. Jeffery, The Local Scripts of Archaic Greece, Oxf., 1961, стр. 325, табл. 63, № 8, 13; 64, 33, 50; 66, 61, 63; M. Guarducci, Epigrafia greca, I, Roma, 1967, стр. 259 сл., 261, № 3; 264, № 6; И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.— Л., 1953, № 10, 15, 41, 59, 108, 129; сб. «Ольвия», М.— Л., 1964, стр. 141 сл., рис. 8—10, 16, 17, 21, 35.

p. 254D) и Фронтина (Phront., Strat. III, 13, 7). Все эти авторы относятся к римской эпохе — I в. до н. э.— I в. н. э. При этом все письма, до нас дошедшие, принадлежат более раннему времени — VI—III вв. до н. э. Кроме разобранного здесь, мне известно еще четыре письма. Ранее других было найдено письмо из местечка Хаидари близ Дафни в Аттике, его впервые опубликовал Р. Вюнш [2], а затем повторно издал в новом чтении А. Вильхельм [3]. Это письмо, верно датированное обоими учеными IV в. до н. э., так же как и наше, имеет адрес. Однако в отличие от нашего оно было не свернуто в свиток, а сложено пополам, а потом на внешней правой стороне поперек пластинки был надписан адрес. После обычных приветствий письмо содержит следующее (перевод автора по ревидированному изданию А. Вильхельма) [4]: некий Мнесиэрг просит, очевидно, из деревни, где его, по всей вероятности, застали зимние холода, своих домашних: «Если вы хотите послать какое-то покрытие (στέγασμα), то (пошлите) или овечьи, или козьи шкуры, как можно более простые (εὐτελεστάτας) и не покрытые мехом (μὴ σισυρωτάς), и сандалии (или подошвы — κατύματα); при случае отдам».

Второе письмо происходит из коллекции очаковского собирателя отца Левицкого. Бóльшую часть его собрания составляют березанские находки, но было в нем и ничтожное количество ольвийского материала. Впоследствии письмо было приобретено Археологической комиссией и передано в музей Историко-филологического института в Петербурге. В. В. Латышев, впервые опубликовавший этот документ [5], считал, что оно происходит из Ольвии, хотя, учитывая приведенные выше соображения о коллекции Левицкого, с большей долей вероятности надо связывать место находки с Березанью. В. В. Латышев, а за ним и остальные исследователи датировали это письмо IV в. до н. э. (первый издатель высказывается, правда, осторожнее: «не позднее первой половины IV в. до Р. Х.»), однако наблюдения над шрифтом позволяют мне отнести его еще к V в. до н. э. Текст сохранился почти полностью, однако оригинальный лаконичный язык затрудняет его ясную интерпретацию. Я предлагаю здесь следующий перевод контекста [6] (адреса письмо не имело): «Артикон приветствует своих домашних. Если вас выгонит из дома Миллион, то (переселяйтесь) в комнату к Атаку, если он позволит, если же нет, то в [комнаты?] к Агатарху. Пусть он взыщет с Кердона часть шерсти». Таким образом, здесь идет речь о какой-то семье, не имеющей своего жилья и вынужденной снимать угол у других лиц. Если бы их кто-то пустил к себе, то он должен был получить часть шерсти (в качестве квар-

[2] IG, III, p. III, Append. R. Wuensch, Defixionum tabellae, стр. 3 сл.

[3] A. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, «Oesterr. Jahreshefte», VII, 1904, стр. 94—105. Ср. S. Witkowski, Epistulae privatae Graecae, quae in papyris aetatis Lagidarum servantur, Lipsiae, 1911 [2], стр. 135; Syll.[3], № 1259.

[4] Подробно останавливаться здесь на содержании всех писем нет возможности, это должно явиться темой специальной работы, которую я надеюсь подготовить в ближайшем будущем.

[5] В. В. Латышев, Эпиграфические находки 1901—1903 гг., ИАК, вып. 1, 1904, стр. 10—13. Впоследствии несколько раз переиздавалось и обсуждалось, см. G. S., Ein griechisches Originalbriefchen, «Beilage zur Allgemeinen Zeitung», 1904, № 227. (=ИАК, вып. 14, 1905, стр. 138 сл.); A. Wilhelm, Der Brief des Artikon, «Oesterr. Jahreshefte», XII, 1909, стр. 118—126; W. Crönert, «Rh. Mus.», 65, 1910, стр. 158 сл.; A. J. Reinach, Bulletin épigraphique, REG, 23, 1910, стр. 312 сл.; Witkowski, ук. соч., стр. 135; O. Hoffman, SGDI, IV, 4, 2, 1914, стр. 865 сл., № 39; Syll.[3], № 1260; Т. Н. Книпович, МИА, № 50, 1956, стр. 122.

[6] К сожалению, по соображениям места, я не могу подробно аргументировать свое толкование, однако замечу, что все указанные эпиграфисты переводили и понимали форму aor. imper. med. κομισάσθω (последнее слово), как «пускай снесет». Это приводило к невозможности связать более или менее ясно обе части письма, тогда как другое возможное значение глагола в такой форме — «пускай заберет», «взыщет» хорошо связывает весь контекст.

тирной платы) от Кердона, который, вероятно, задолжал эту шерсть автору письма Артикону. Итак, оба эти письма, как и наше, бытового содержания.

Еще одно письмо было найдено при хищнических раскопках Ольвии и поступило затем в Археологическую комиссию [7]. В. В. Шкорпил датировал его первой половиной I в. до н. э. только на основании ономастического материала, однако, исходя из современного состояния палеографической науки, правильнее отнести его к III в. до н. э. или несколько позднее. Это письмо, как и наше, было первоначально свернуто в трубочку, а потом разломано неумелой рукой при развертывании. Отсюда — неполная сохранность этого чрезвычайно интересного документа, которая вместе с небрежным исполнением (большое число ошибок) делает весьма затруднительным детальное понимание текста. Поэтому я воздерживаюсь от перевода этого письма до подробного исследования. Э. В. Диль видел в этой свинцовой пластинке судебный наговор, однако я считаю нужным присоединиться к мнению В. В. Шкорпила и Т. Н. Книпович, усматривавших в ней письмо судье с предложением взятки. Наконец, еще одно письмо на свинце найдено в 1962 г. при раскопках ольвийского некрополя экспедицией ИА АН УССР в разграбленной могиле без инвентаря. Как любезно сообщила мне руководитель отряда экспедиции Ю. И. Козуб, этот участок некрополя относится к IV—III вв. до н. э. Письмо хранится сейчас в Институте археологии АН УССР. Оно не опубликовано. Н. В. Шебалин, предоставивший мне информацию, считает, что письмо послано неким Батиконом Дифилу. Автор письма сообщает о постигших его самого и его семью неудачах в судебном разбирательстве. Интересно, что и это письмо в момент находки выглядело как трубочка.

Таковы все известные мне параллели нашей находке [8]. Обращает на себя внимание интересный факт — большинство писем на свинце (4 из 5) найдены в одном районе Северо-Западного Причерноморья — на Березани и в Ольвии. Все перечисленные эпистолы гораздо меньше нашей по объему, как видно из приведенных ниже данных: 1) письмо Мнесиэрга — 215 букв, 44 слова; 2) письмо Артикона — 140 букв, 33 слова; 3) письмо судье — 266 букв, 52 слова; 4) письмо Батикона — точных данных у меня нет, но, судя по фотографии, и оно меньше нашего; 5) письмо Ахиллодора — 526 букв, 110 слов. Новонайденное березанское письмо является самым древним, самым длинным, лучше всего сохранившимся и, как покажет дальнейшее изложение, самым интересным греческим письмом на свинце.

Приступая к рассмотрению языка нашего письма, необходимо прежде всего заметить, что оно представляет собой наиболее интересный и многообразный памятник ионийского диалекта из тех, которые когда-либо были найдены на территории нашего Юга, и занимает одно из видных мест среди ионийских диалектальных документов вообще. Я буду рассматривать диалект письма систематически в конспективном порядке, постоянно приводя имеющиеся параллели [9].

---

[7] Издал В. В. Шкорпил, Пластинки с надписями из Ольвии, ИАК, вып. 27, 1908, стр. 71—73, Ср. Э. В. Диль, ИАК, вып. 58, 1915, стр. 48, прим. 1; Книпович, ук. соч., стр. 122.

[8] Разумеется, я не претендую на то, что все опубликованные, а тем более неизданные письма на свинце находятся в моем поле зрения; я основываюсь в основном на просмотренных мною выпусках SEG.

[9] Здесь я опираюсь на справочник по греческим диалектам А. Тумба, А. Шерера: A. Thumb, A. Scherer, Handbuch der griechischen Dialekte, II². Heidelberg, 1959 (далее — Thumb) и на прекрасный очерк ионийского диалекта, построенный исключительно на эпиграфических документах: P. Gärtchen, O. Hoffmann, Grammatik zu den ionischen Inschriften, SGDI, Bd IV, Ht 2, Abt. 2, 1914 (далее — SGDI).

I. *Фонетика*

1. Замена исконно греческой *ᾱ* на η даже после ρ (ε, ι) — основной признак ионийского диалекта.

Сткк. 1, 3, 5, 9, 10, адрес, стк. 3 — voc. Πρωταγόρη и разные падежи имени Ἀναξαγόρης. См. Thumb, стр. 251.

2. ō = ου.

a) Genitivus на -ō имен с основой на -o-.

Сткк. 2, 3 — τō φορτηγεσίō; адрес, стк. 1 — Ἀχιλλοδώρō. Обычное явление вплоть до IV в. до н. э., см. Thumb, стр. 252; SGDI, стр. 906, 933.

b) стк. 5 — δōλον=δοῦλον; стк. 6 — δōλōς=δούλους, δōλας=δούλας; стк. 10 — αὐτōς=αὐτούς; стк. 12 — τōς=τούς. См. Thumb, там же; SGDI, стр. 911. Только «echte Diphtonge» выражаются через ου: ср. отрицания οὐ, οὐδέν.

c) verba contracta на -οω: стк. 2 — δολōται=δολοῦται (ср. § 17).

3. ē=ει.

a) во флексиях: сткк. 1, 11 — ἐπιστέλλē=ἐπιστέλλει; стк. 5 — ἔχē=ἔχει (или εἶχε). См. Thumb, там же; SGDI, стр. 906.

b) verba contracta на -εω: стк. 1 — ἀδικēται=ἀδικεῖται (ср. § 17).

c) окончание infin. praes., стк. 10 — λέγēν = λέγειν; стк. 12 — ἄγēν = ἄγειν. См. SGDI, стр. 946.

d) -ειν- из -εσν-: сткк. 5, 7, 8 — ἔναι = εἶναι. См. SGDI, стр. 907.

Дифтонги

4. εο = ευ.

Стк. 8 — ἐλεόθερος = ἐλεύθερος; стк. 13 — Εὔνεορος = Εὔνευρος. См. Thumb, стр. 253; SGDI, стр. 911, 916. Ср., однако, устойчивость дифтонга αυ: αὐτός, αὐτόν, αὐτῶι, ταῦτα — регулярно.

Очень долго держалось, да и сейчас еще порой встречается мнение, что распадение дифтонга ευ наблюдается в диалекте Восточной Ионии начиная с конца V в. до н. э. [10]. Насколько мне известно, только А. Шерер (см. Thumb, стр. 253) обратил внимание на то, что, если это наблюдение и верно для малоазийской Ионии в целом, все же в одном центре — в Милете, рассматриваемый процесс начал проходить уже в VI в. до н. э. Наш материал лишний раз подтвердил это наблюдение. Но, с другой стороны, это позволяет сделать вывод о том, что березанское письмо писал не просто иониец, но милетянин или его потомок. Этот факт лишний раз напоминает нам, насколько сильны были культурно-языковые традиции метрополии в милетских апойкиях по берегам Днепровского лимана в архаическую пору (см. ВДИ, 1969, № 3, стр. 146 сл.).

Контракция гласных

5. ε + ου = ε + ō = ευ.

Стк. 12 — ἀδελφεῦς = ἀδελφεούς. См. SGDI, стр. 917; ср. § 17.

6. ο + αι = ωι.

Стк. 6 — ἀναβῶι = ἀναβοᾷ, ср. βῶσαι = βοάσαι — SGDI, стр. 917.

Монофтонгизация дифтонгов

7. η = ηι.

В dat. sing.: сткк. 9, 10 — Ἀναξαγόρη = Ἀναξαγόρηι; стк. 11 — τῆ = τῆι. См. SGDI, стр. 911 сл.; Thumb, стр. 254 (в Малой Азии — с VI в.). Ср., од-

---

[10] См. первое издание справочника Тумба (Heidelberg, 1909, стр. 347); из новых работ — последнее издание руководства Бака (C. D. Buck, The Greek Dialects, Chicago — London, 1968, стр. 33).

нако, постоянное йотирование dat. sing. местоимений с основой на -ο-: сткк. 7—9— ἑωυτῶι, αὐτῶι — регулярно. Это явление представляет, на мой взгляд, параллель явлению, описанному в § 4, т. е. дифтонги αυ и ωι проявляют бо́льшую устойчивость, чем ευ и ηι.

Ассимиляция

8. Регулярная ассимиляция звука n (6 раз) перед губными и гортанными аспиратами и перед носовыми (m) — явление, весьма характерное для эпиграфики. Ср., однако, сткк. 10 сл. — λέγῑν καί здесь ассимиляция не произошла, по-моему, из-за наличия дифтонга ῑ = ει. Точная природа этого явления мне не ясна.

II. *Морфология*

Существительные

9. Собственные имена на -ης, gen. sing. на -εω.
Стк. 4 — Ἀναξαγόρεω. См. Thumb, стр. 255; SGDI, стр. 931.

10. dat. sing. см. § 7.

11. Основы на -ο-, см. § 2a.

12. Основы на υ/ι.
Стк. 9 — Ματά⟨τα⟩συε = Ματάσυϊ, вероятно, ошибка резчика, отражающая, впрочем, редукцию атонной финальной гласной.

Местоимения

Личные

13. Сткк. 1, 11 — τοι = σοι, passim у Hom. и Her.

Указательные

14. Стк. 12 — τῆισιν = ταῖς, passim у Hom. и Her., ср. SGDI, стр. 940 (τῆις).
Интересно колебание резчика (см. выше аппарат к тексту).

15. Сткк. 2, 3 — μιν = αὐτόν, passim у Hom. и Her., SGDI, стр. 942.

Возвратные

16. Сткк. 7, 8 — ἑωυτῶι. См. Thumb, стр. 276; SGDI, стр. 941.

Глаголы

Окончания — см. §§ 2c; 3a — d; 6.

17. Verba contracta
Сткк. 1, 2 — ἀδικεῖται = ἀδικεῖται, δολῶται = δολοῦται из ἀδικέεται и δολοεται (ῑ = ει. ō = ου, см. §§ 2, 3). Характерно, что регулярно проходит процесс контракции, а не разделения гласных, последнее часто имеет место у Гомера и Геродота. Интересен случай с μυθεόμενος (стк. 5). Мы видим, что в verba contr. гласные сливаются (ε + ε > > ει > ῑ, ο + ε > ου > ō), а в этом случае как будто контракции не наблюдается. На самом деле, это впечатление обманчиво, и здесь процесс шел следующим путем: μυθεόμενος > μυθεύμενος > μυθεόμενος, т. е. ε + ŏ > ευ > εο. Формально ничего не изменилось, но качественно процесс контракции прошел, и только потом уже дифтонг ευ был выражен фонетически, соответственно графически через εο. Ср. качественно иной процесс (§ 5): ἀδελφεῦς = ἀδελφεούς, т. е. ε + ου = ε + + ō > ευ. Здесь последняя стадия контракции не могла прогрессировать дальше, так как в ε + ō — ο долгий звук, в то время как в разобранном выше случае ο — краткий. Соответственно, ευ в ἀδελφεῦς имел качественно иную фонетическую окраску и звучание, чем εο в μυθεόμενος.

18. Aoristus sigmaticus

Стк. 3 — ἀπεστέρεσεν = ἀπεστέρησεν, т. е. без удлинения конечной гласной основы в verba contr. перед сигмой, ср. SGDI, стр. 950 (ἐπαινέσαι — надписи SGDI, №№ 5366, 5464, 5589, но это, кажется, единично).

Ср., впрочем, ἀπήγησαι (стк. 4).

Редкие формы глаголов

19. Стк. 10 — οἴδασι = ἴσασι, см. Liddell — Scott, s. v. οἶδα (примеры: Herod. II, 17, 43; Xen. Oec. 20, 14 codd.; Anth. Pal. XII, 81 — Meleager).

20. Стк. 12 — ἴεσσιν = ἵησιν. Форма, насколько мне известно, не засвидетельствована. По своей природе здесь произошла заменительная геминация ἒ + σ > ἔ + σσ.

Varia[11]

21. Стк. 3, 5, 9, адрес, стк. 3 — постоянная элизия ἄ и αι перед начальной *альфой* в имени Ἀναξαγόρης. Интересно, что ἒ не элидируется даже перед ε. Случай с элизией ι (стк. 12) не разбирается по причине эмендации.

Итак, язык надписи содержит наиболее характерные особенности не только ионийского диалекта в целом, но, в частности, его милетского варианта VI в. (ср. § 4). Кроме того, письмо дает новую глагольную форму (§ 20), не засвидетельствованную ранее в языке.

Прежде чем перейти непосредственно к чтению и интерпретации текста, необходимо кратко остановиться на стилистических особенностях письма. Как уже было сказано, документ представляет собой древнейшее греческое оригинальное письмо и потому не имеет прямых современных ему аналогий. Ближе всего по времени стоят к нему письма Артикона (V в.) и Мнесиэрга (IV в.). Письмо судье из Ольвии написано при таких необычных обстоятельствах и настолько оригинально по стилю, что в качестве аналогии привлекаться не может. Самые ранние частные письма на папирусах встречаются только со времени Лагидов, т. е. с конца IV в. Кроме этого, мы имеем ряд писем в передаче античных авторов, из которых здесь привлекаются лишь наиболее ранние историки — Геродот и Фукидид[12]. Но основной упор делается на упомянутые послания на свинце, самые близкие по времени и по типу (частная переписка). Нас будет интересовать, главным образом, формула обращения, а также способ и общий характер изложения.

Письмо начинается несколько необычным обращением: ὦ Πρωταγόρη — «Протагор!». Такой формулы мы не имеем ни в одном оригинальном письме. Так, даже весьма лаконичное письмо Артикона начинается словами: Ἀρτικῶν τοῖς ἐν οἴκωι χαίρειν — «Артикон приветствует своих домашних». Письмо Мнесиэрга начинается более пространной формулой приветствия: Μνησίεργος ἐπέστελε τοῖς οἴκοι χαίρειν καὶ ὑγιαίνειν καὶ αὐτὸς οὕτως ἔφασκε ἔχεν — Мнесиэрг посылает письмо своим домашним с приветом и (пожеланием)

[11] Везде в транскрипции текста густое придыхание заменено на тонкое, поскольку, как показывают стк. 4 (ἀπήγησαι), стк. 3 (φορτηγεσίῳ) и другие эпиграфические памятники (см. Thumb, стр. 265 сл.), для раннего ионийского диалекта характерна псилоза.

[12] Разумеется, текст писем не всегда дословно передавался этими писателями, особенно Геродотом. Однако нас здесь это не интересует, так как оба историка в своем воспроизведении писем должны были следовать формальным стилистическим особенностям писем данного типа, иными словами, эпистолярному стилю, характерному для времени их написания или, по крайней мере, для времени творчества обоих писателей. Здесь я не буду рассматривать произведения эпистолографии как особого литературного жанра, так как они имеют минимальное отношение к нашему материалу оригиналов.

здравствовать, он сообщает, что и у него дела идут так же»[13]. Здесь формула обращения развивается дальше и включает уже второй элемент — сообщение о состоянии дел у самого автора. Эта формула получила большое распространение в эллинистической эпистолографии и стала основной в большинстве посланий, насколько мы можем судить по дошедшим до нас письмам на папирусах из Египта[14]. Первый элемент продолжает развиваться дальше, и в целом вся преамбула приобретает примерно следующий вид с небольшими модуляциями: ὁ δεῖνος τῶι δεῖνι χαίρειν. εἰ ἔρρωσαι καὶ τἄλλα σοι κατὰ λόγον ἐστίν, εἴη ἂν ὡς ἐγὼ θέλω, ὑγιαίνω δὲ καὶ αὐτός.— «Такой-то такому-то привет! Если ты здравствуешь и все остальное идет у тебя по желанию, пусть будет так, как я хочу; и сам я здравствую». Ни одно из просмотренных мною оригинальных писем не начинается без привета или пожелания здравия, это превратилось в чистую формальность, соответствующую нашему эпистолярному обращению «Дорогой (или глубокоуважаемый) такой-то!». Обращения без χαίρειν мы встречаем только у Геродота и Фукидида, однако, цитируемые ими письма едва ли могут привлекаться как аналогии нашему, поскольку это послания владык или крупных политических деятелей другим высокопоставленным особам (царям, сатрапам, полководцам — по большей части, восточных владык греческим или наоборот) или целым народам; тем не менее, рассмотреть их необходимо. В них мы встречаем три типа обращения[15].

I. Преамбула типа нашего письма с простым упоминанием имени адресата без χαίρειν или подобного приветствия.

1. Письмо Гарпага Киру (Herod., I, 124): ὦ παῖ Καμβύσεω.

2. Письмо Дария (Багая) персам Оройта (Herod., III, 128): ὦ Πέρσαι.

3. Донесение Никия афинянам (Thuc., VII, 11—16): τὰ μὲν πρότερον πραχθέντα, ὦ Ἀθηναῖοι, ἐν ἄλλαις ἐπιστολαῖς ἴστε κτλ[16].

II. Типично «царское» обращение, не частно-деловая информация, а изъявление воли владыки.

1. Письмо Амасиса Поликрату (Herod., III, 40):

Ἄμασις Πολυκράτει ὧδε λέγει.

2. Письмо Ксеркса Павсанию[17] (Thuc., I, 129, 3): ὧδε λέγει βασιλεὺς Ξέρξης Παυσανίᾳ.

3. Письмо Дария I Гадату, около 500 г. до н. э. (Syll.[3], № 22; R. Meiggs, D. Lewis, A Selection of Greek Historical Inscriptions, Oxf., 1969, № 12: Βασιλεὺς βασιλέων Δαρεῖος ὁ Ὑστάσπεω Γαδάται δούλωι τάδε λέγει.

III. Письмо начинается без всякого обращения, возможно, в некоторых случаях, если не в исключительном большинстве, оно просто пропущено цитирующим его автором, и подразумевается из предыдущего изложения. Создается впечатление, что автор приводит не все письмо, а только ту его часть, которая наиболее важна для повествования, так что, вполне вероятно,— это не самостоятельный тип преамбулы.

---

[13] Прошедшее время глаголов надо рассматривать как стилистический прием и потому переводить настоящим временем (см. W i l h e l m, Der älteste griechische Brief, стр. 104).

[14] См. W i t k o w s k i, ук. соч. (сборник содержит 72 письма, начиная с эпохи Птолемеев).

[15] Этот материал исследован А. Вильхельмом, специально занимавшимся эпистолографией (A. W i l h e l m, Griechische Königsbriefe, «Klio», Beiheft XLVIII, 35, 1943). К сожалению, эта работа осталась мне недоступной.

[16] Это послание по своему обращению производит впечатление не письма, а ораторской речи.

[17] Это письмо разобрано в статье: A. T. O l m s t e a d, A Persia Letter in Thucydides, AJSL, XLIX, 1933, стр. 154—161; ср. M. J. B a l c e r, The Medizing of the Regent Pausanias, «Actes du I Congrès international des études balcaniques et sud-est européennes», II, Sofia, 1969, стр. 107.

1. Второе письмо Дария (Багая) персам Оройта (Herod., III, 128): βασιλεὺς Δαρεῖος Πέρσῃσι τοῖσι ἐν Σάρδισι ἐντέλλεται κτείνειν Ὀροίτεα[18].

2. Письмо Павсания Ксерксу[17] (Thuc., I, 128, 7): Παυσανίας ὁ ἡγεμὼν τῆς Σπάρτης τούσδε τέ σοι χαρίζεσθαι βουλόμενος ἀποπέμπει κτλ.

3. Письмо Фемистокла к Артаксерксу (Thuc., I, 137,4): Θεμιστοκλῆς ἥκω παρὰ σέ κτλ.

Итак, мы видим, что в частно-бытовых письмах не содержится аналогий преамбуле нашего послания. Не исключена возможность, что столь оригинальная преамбула в письме Ахиллодора объясняется поспешностью, с которой автор писал его, это могло отразиться и на стиле[19].

Не менее интересен вопрос и об оригинальном способе изложения в березанском документе, в котором оно постоянно ведется от третьего лица. Во всех известных мне письмах частных лиц изложение построено по иному принципу: автор начинает письмо с обращения в третьем лице по схеме ὁ δεῖνα τῷι δεῖνι ἐπιστέλλει, а потом тут же переходит на первое лицо. Это было настолько распространенным обычаем, что выдерживалось регулярно и стало стандартом. Практикуется это и в современном эпистолярном стиле как в начале, так и в заключительной части письма (например, «С уважением, Ваш такой-то»). Мне известно только одно исключение, содержащееся в царских письмах Дария, написанных Багаем и адресованным персам — телохранителям Оройта (Herod., III, 128; см. наши №№ I, 2 и III, 1). Однако и эти письма, даже если делать скидку на их «царское» авторство, не могут, на мой взгляд, служить аналогиями стилю письма Ахиллодора по двум причинам. Во-первых, письма, приведенные у нас полностью, состоят, условно говоря, из одной преамбулы, т. е. выражения ἀπαγορεύει и ἐντέλλεται надо рассматривать как адекватные ἐπιστέλλει. Во-вторых, царь, собственно, не пишет персам-телохранителям, а им через γραμματιστής изъявляют свою волю[20].

Таким образом, наше письмо в плане стилистики стоит особняком среди всей греческой переписки. Однако на ум может прийти и другая мысль — не является ли повествование от третьего лица свидетельством того, что письмо составлял не сам Ахиллодор, не знавший грамоты, а какой-нибудь грамотей вместо него? Не исключая возможности этого варианта, я все же считаю что он имеет ничуть не больше прав на существование, чем первый, учитывая высокую грамотность и культуру граждан Ольвии и Березани уже с ранних времен[21], а также то соображение, что и писец, исполнявший надпись за Ахиллодора (что, кстати, не требует никаких специальных навыков), мог воспроизвести его диктовку дословно; это часто делалось в эллинистическую эпоху. Иными словами, я полагаю, что такой стиль «от третьего лица» — не признак какой-то иной руки, кроме руки самого отца,— перед нами автограф Ахиллодора,— а оригинальный способ изложения — особенность эпистолографического стиля.

---

[18] Здесь обращение пропущено Геродотом, возможно, потому, что он приводит его в первом письме несколькими строками выше (см. наш тип I, 2). С другой стороны, обращение заключено в словах Πέρσῃσι τοῖσι ἐν Σάρδισι.

[19] Единственной более или менее близкой параллелью разбираемой формуле обращения может служить, как мне кажется, преамбула оригинального письма III в. до н. э. из Ольвии, нацарапанного на глиняном черепке-остраконе [см. Н. В. Шебалин, К ольвийским государственным древностям (по материалам граффити), сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 296—299]. Отсутствие обычного пожелания здравствовать в форме обращения этой эпистолы (τοῖς ναοκλήροις τοῖς πρὸ ἡμῶν) объясняется, по справедливому замечанию издателя, необычным «угрожающим» характером содержания.

[20] Ср. выражения οἱ δὲ ἀκούσαντες τούτων и οἱ δὲ δορυφόροι ὡς ἤκουσαν ταῦτα, идущие сразу после текстов первого и второго послания. Иными словами, персы не читали письма царя, а слушали через секретаря его приказания.

[21] См. ВДИ, 1969, № 3, стр. 146—150.

Строго в форме гипотезы (за отсутствием материала) можно предположить, что подобная манера изложения имела в VI в. какое-то более или менее узкое распространение как один из вариантов, но в дальнейшем не привилась из-за трудностей в понимании содержания даже для самих адресатов. Поэтому впоследствии, начиная с V в. от нее сохранились только рудименты в преамбуле типа: ὁ δεῖνά σοι ἐπιστέλλει, получившей всеобщее признание во всей античности и дожившей как устойчивый стилистический троп и до наших дней в зачине письма, типа: «Пишет Вам такой-то». Но далее продолжают всегда так: «Я делаю то-то и то-то». Эту гипотезу, разумеется, сможет подтвердить только вновь добытый материал.

Переходя к разбору содержания письма, надо в первую очередь остановиться на адресе. Адрес, надписанный на обороте пластинки, после того как она была скатана в свиток, читается довольно легко: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Интересно здесь прежде всего употребление специального термина для обозначения письма на свинце— τὸ μολίβδιον. Насколько мне известно, точно такого слова в греческом языке не встречалось. По своей форме данное слово — deminutivum от существ. ὁ μόλιβδος = «свинец». Как известно, в греческом языке имелось несколько адекватных выражений для обозначения свинца, родственных по своей основе: *1*) ὁ (ἡ) μόλυβδος, *2*) ὁ μόλιβδος, *3*) ὁ μόλιβος. Словарь Liddell — Scott дает следующие deminutiva от этих основ: *1*) τὸ μολύβδιον = = «свинцовая гирька, разновес» (Hippocr. Art. 14), второе значение этого слова — особый медицинский инструмент «sound for the uterus» (Hippocr., Mul. I, 11), *2*) τὸ μολίβιον = «свинцовая трубка» (Antyll. ap. Orib. X, 19, 5), параллельный термин с тем же значением — τὸ μολιβίδιον (Hero Aut. 30, 3). Второй термин синонимичен нашему, но образован от другой основы. Едва ли можно предполагать, что наше образование получилось из μολιβίδιον с выпадением *йоты*. Скорее всего — это новый дериват от основы μόλιβδος. В нашем контексте он имеет не только узкотехническое значение «свинцовая трубка», но и более широкое семантически производное — «письмо, написанное на свинцовой трубке», «письмо на свинце». Это лишний раз показывает, что автор представлял себе свое письмо не в виде таблички, а уже в готовом свернутом виде — в образе свитка, на котором он и надписал адрес. Интересны параллельные termini technici, употреблявшиеся для обозначения заклятий на свинце [22]: ὁ μόλυβδος, πλάτυμμα μολυβοῦν, ἱλασμοὶ μολυβδινοί. Однако здесь они всегда ассоциировались не со свитком или трубочкой, а с пластинкой, отсюда: ἡ λεπίς, τὸ λεπίδιον, τὸ πέταλον [23].

В целом, единственную параллель нашему адресу (я не беру письма на папирусах) представляет адрес письма Мнесиэрга, где он, однако, более развит [24]: φέρεν ἰς τὸν κέραμον τὸγ χυτρικόν· ἀποδόνχι δὲ Ναυσίαι ἢ Θρασυκλῆι ἢ ϑ'υἱῶι «Отнести на керамический рынок горшечников, отдать Навсию или Трасиклею или сыну». Здесь в адресе не указан автор послания, зато содержится указание на точное место доставки. Наш адрес, к сожалению, более лаконичен.

Приступая к чтению основного текста, мы сразу замечаем, что он резко распадается на два раздела, которые вводятся словами ἐπιστέλλε̄ (стк. 1) и ἕτερα ... ἐπιστέλλε̄ (стк. 11). Первый раздел (сткк. 1—11) повествует о деловых неудачах автора письма, в то время как второй раздел (сткк.

---

[22] См. E. G. Kagarow, Griechische Fluchtafeln, Eus. suppl., vol. 4, Leopol.— Paris, 1929, стр. 25.

[23] Парфений употребляет для письма термин μολυβδίνη ἐπιστολή (Parth., IX, 5).

[24] Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 95.

11—13), меньший по своему объему, касается сугубо семейных дел Ахиллодора.

Переходя к исследованию первого, главного и наиболее интересного для нас раздела, надо сделать прежде всего ряд замечаний о тех объективных трудностях, которые препятствуют однозначному пониманию содержания. Трудности эти вызваны тремя причинами. Во-первых, архаический ионийский диалект и его особенности (см. выше) допускает многозначное толкование некоторых слов, например, слово ΔΟΛΟΣ (стк. 6), взятое вне контекста, может означать и δόλος «хитрость, обман», и δούλος «раб», и δούλους «рабов». Во-вторых, основной термин ὁ φορτηγέσιος или τὸ φορτηγέσιον, как будет показано ниже, впервые встречается в греческом языке и потому может означать любой объект, укладывающийся в рамки его семантической структуры. И, наконец, в-третьих, основная трудность, как уже было показано, письмо написано оригинальным стилем, «от третьего лица», отсюда и все действующие лица выступают от третьего лица. Поэтому без исследования контекста нельзя, например, определить, кто говорит фразу, начинающуюся словами φηοὶ γάρ... (стк. 4), т. е. для каждой законченной конструкции мы можем предполагать несколько подлежащих, соответственно, несколько вариантов интерпретации. Эти трудности, взятые в комплексе, лишают нас абсолютной уверенности в правильности тех вариантов, которым мы отдадим предпочтение перед прочими, т. е. делают их лишь наиболее вероятными из многих. По этой причине я вынужден подробно разобрать все возникающие варианты, чтобы у читателя не возникло впечатления неиспользованных для интерпретации возможностей.

Самое начало первого раздела (сткк. 1—4) может быть прочтено и понято, на мой взгляд, однозначно, а именно: «Протагор! Отец пишет тебе: (его) обижает Матасий (дословно он обижается Матасием), поскольку он обманывает его и лишил фортегесия [25]. Придя к Анаксагору, расскажи...». Т. е. отец Ахиллодор обращается к своему сыну Протагору, которому вместе с Анаксагором адресовано письмо, с жалобой на некоего Матасия, который обманывает отца и лишил его какого-то объекта, обозначенного термином τὸ φορτηγεσίο. Кроме того, он просит передать дальнейшее содержание письма Анаксагору, второму после сына адресату послания. Это тоже довольно оригинальная особенность — формально отец обращается к сыну, хотя письмо адресовано и ему и Анаксагору. Но последнему содержание эпистолы должен был передать сам сын Протагор, устно или показав табличку. Кроме предложенного толкования, этот отрывок может дать еще только один вариант: глагол δολῶται, который я читаю, как δολοῦται «он обманывает», можно еще прочесть, как δουλοῦται «он порабощает, превращает в раба». Причем слово «он» здесь может обозначать только Матасия, так как пояснительный союз γάρ указывает на то, в чем заключалась суть обиды, нанесенной Матасием отцу [26]. Кажется совершенно невероятным, что какое-то неизвестное лицо (Матасий) может сделать рабом явно свободного гражданина (подробнее об этом см. ниже) и, кроме того, еще и лишить его какого-то объекта, что в общем не требовалось после акта порабощения, поскольку тогда имущество раба так или иначе переходило к господину. Поэтому я останавливаюсь на единственно реальном варианте: δολῶται = δολοῦται, т. е. «он (Матасий) обманывает». Итак, обидел (ἀδικεῖται) Матасий отца тем, что, во-первых, он обманывает Ахиллодора, и, во-вторых, он лишил его фортегесия.

---

[25] Слово τὸ φορτηγεσίο оставляю пока без перевода.

[26] Кроме того, энклитическое местоимение μιν, в отличие от αὐτόν прилагается автором письма к своей собственной особе (ср. стк. 13).

Далее мы можем четко выделить самый конец первого раздела (сткк. 10 сл. со слова ταῦτ'), в котором infin. λέγεν=λέγειν употреблен pro imperativo — довольно распространенная его функция [27]. Я перевожу фразу так: «Это скажи Анаксагору и его жене». Т. е. здесь повторяется еще раз та же просьба, которая высказана отцом выше (сткк. 4—5), но уже в резюмирующем порядке. Теперь, если внимательно рассмотреть оставшийся отрывок первого раздела (сткк. 4—10), можно заметить, что он распадается на две самостоятельные части, группирующиеся вокруг двух подлежащих (содержащихся в глаголах). Первая часть (сткк. 4—6) — φησὶ γάρ...κοίκίας, вторая часть (сткк. 6—10) явно меняет подлежащее, судя по противопоставляющей частице δέ в ὁ δὲ ἀναβῶι. К субъекту второй части должно относиться логически и последнее предложение этого отрывка (сткк. 9—10): τί δὲ αὐτῶι τε κ'Ανάξαγόρη αὐτοὶ οἴδασι κατὰ σφᾶς αὐτῶς [28], хотя формально здесь меняется подлежащее — αὐτοί. Эту фразу можно рассматривать, как дополнительное предложение, относящееся к сказуемому главного φησιν (стк. 8) и противопоставляющееся через частицу δέ предыдущим словам (об одной синтаксической неувязке см. ниже).

Итак, наша главная задача состоит в том, чтобы, учитывая все перечисленные трудности, определить субъектов первой и второй части. Для этого рассмотрим сначала слово τῶ φορτηγεσίο и все возможные значения его. Насколько мне известно, этот термин — ἅπαξ εἰρημένον, при этом мы не знаем его исходной формы — nominativus его мог быть ὁ φορτηγέσιος и τὸ φορτηγέσιον. Подробный семантический анализ термина занимает много места и поэтому будет разобран в особой статье, пока можно лишь предположить все основные категории значений этого слова. Исходя из выражения τῶ φορτηγεσίο ἀπεστέρεσεν (сткк. 2—3), надо полагать, что Матасий нанес отцу не моральный, а какой-то материальный ущерб, т. е. ὁ (τὸ) φορτηγέσιος (-ον) не абстрактное, а вполне материальное понятие, оно может означать вещь, деньги, человека.

Теперь рассмотрим всех действующих лиц письма как потенциальных субъектов первой и второй частей отрывка. Ими могут быть: 1) Ахиллодор — отец, 2) Матасий, 3) Анаксагор [29], 4) фортегесий (если принимать третью группу значений = «человек»). Анаксагор едва ли мог быть подлежащим в одной из этих частей, поскольку он выступает субъектом только в одном месте (стк. 5), да и то в прямой речи другого лица. Кроме того, если допустить что Анаксагор является субъектом речи, то кажется невероятным, чтобы отец просил сына (сткк. 3—4 и 10—11, см. выше) передать Анаксагору его же собственные слова. И наконец, еще аргумент — действие происходит в одном месте (там, где находится Ахиллодор и где написано письмо), а Протагор (сын) и Анаксагор (второй адресат) живут в другом месте, куда и посылалось письмо, так что едва ли Анаксагор принимал участие

---

[27] См. R. Kühner, B. Gerth, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, II, Hannover — Lpz, 1904, стр. 19 сл.

[28] Я предпочитаю усматривать здесь местоимение αὐτῶς = αὐτούς, а не = αὐτός, и присоединять его к выражению κατὰ σφᾶς = αὐτούς, т. е. κατ' ἑωυτούς, в котором предлог κατά имеет разделительное значение — «каждый сам по себе» (см., например, словарь Дворецкого — Соболевского, s. v. κατά, §§ 5, 6). Не исключено, но менее вероятно, что это местоимение αὐτός надо относить к резюмирующей просьбе и отводить ему роль личного местоимения, что также встречается при императивных инфинитивах (см. Kühner, Gerth, ук. соч., II, стр. 21 — среди многочисленных примеров все же нет ни одного с αὐτός, а только с σύ или ὑμεῖς).

[29] В стк. 5 вместо 'Αναγόρης я предлагаю эмендацию 'Ανα (ξα) γόρης, поскольку Анагор больше нигде не фигурирует в письме, в то время как Анаксагор упоминается в тексте еще четыре раза, при этом он был одним из адресатов (об имени «Анагор» см. ниже). Ясно, что и Протагор по тем же соображениям не может произнос ить излагаемые в письме речи.

в излагаемом разговоре, т. е. его надо исключить из списка возможных субъектов.

Остановимся сначала на второй части отрывка — ὁ δὲ ἀναβῶι ...αὐτός (сткк. 6—10). Предположим сначала, что «фортегесий» означал неодушевленный предмет. Тогда у нас остается два потенциальных субъекта, обозначенных местоимением ὁ (стк. 6); отец и Матасий (т. е. мы получаем как бы уравнение с двумя неизвестными).

Рассмотрим право каждого из них играть эту роль. Прежде всего обращает на себя внимание структура одного и того же речевого оборота, повторяющаяся в этой части три раза: *1*) стк. 7 — ἔνει οὐδὲν ἑωυτῶι τε καὶ Μάτασιν, *2*) сткк. 8—9 — οὐδὲν ἔνει ἑωυτ(ῶ)ι καὶ Ματά⟨τα⟩συ(ι), *3*) стк. 9 — τί δὲ αὐτῶι τε κ'Ἀναξαγόρη. Считают, что такой оборот типа τί ἐστιν ἐμοὶ καὶ σοί «что общего у меня с тобой?» происходит из обиходной речи и оттуда попал в литературный язык, где он встречается повсеместно [30]. Поэтому я исправляю в стк. 7 acc. Μάτασιν на dat. Ματάσυι [31]. Из противопоставления субъекта речи (ἑωυτῶι) и Матасия вытекает, что последний не может быть подлежащим во второй части отрывка, т. е. к нему не могут относиться слова ὁ δὲ ἀναβῶι κτλ.

Далее из стк. 8 видно, что лицо, произносящее вторую часть отрывка, утверждает, что оно свободно (ἐλεύθερος), тем самым как бы оправдываясь от обвинения в какой-то социальной зависимости. Совершенно ясно, что такое оправдание мог высказывать только человек, который потенциально или реально был зависимым. Но оставшийся в качестве претендента на роль субъекта Ахиллодор был абсолютно свободным гражданином. Это явственно вытекает из того, что, во-первых, он и его сын носят чисто ионийские имена Ахиллодор и Протагор, которые иногда называют «благородными» (первое имя к тому же теофорное), во-вторых, у него есть семья — жена и по крайней мере трое сыновей, их он свободно посылает, куда хочет (стк. 12), в-третьих, он имеет права на фортегесия (стк. 3), которого у него отбирает Матасий. Всех этих аргументов в комплексе, я думаю, достаточно, чтобы признать, что Ахиллодор не должен был оправдывать свой независимый статус, иными словами, и отец не мог быть автором слов ὁ δὲ ἀναβῶι κτλ. Итак, возвращаясь к высказанному выше условию, надо полагать, что если под словом ὁ (τὸ) φορτηγέσιος(-ον) понимать неодушевленный предмет (вещь или деньги), то слова ὁ δὲ ἀναβῶι κτλ. сказать просто н е к о м у. Отсюда логически надо заключить, что, во-первых, ὁ φορτηγέσιος (будем теперь называть его так) — человек, и, во-вторых, он субъект второй части отрывка.

Теперь остановим свое внимание на том, что в первой и второй частях отрывка содержится отчетливо прослеживаемое противопоставление. В первой части какой-то еще не выясненный субъект говорит про другого человека, что «он раб Анаксагора» (φησὶ γὰρ αὐτὸν Ἀναξαγόρεω δῶλον ἔναι — сткк. 4—5)[32]. А во второй части, как мы уже определили, фортегесий

[30] См. K ü h n e r, G e r t h, ук. соч., I (1898), стр. 417, § 423, 16, прим 20a.

[31] В такой ошибке нет ничего невероятного, поскольку само имя Μάτασυς для автора письма представляло, очевидно, трудности графической передачи фонем. Ведь здесь мы должны были бы ожидать Μάτασυν, да и в стк. 9 имя сильно искажено описками — Ματατασυε вместо Ματάσυι (подробнее об этом см. ниже). Двойной союз τε καί служит для усиления связи соотносящихся друг с другом объектов (см. K ü h n e r, G e r t h, ук. соч., II, стр. 249, сл.).

[32] Под словом ΔΟΛΟΝ я понимаю δοῦλον = «раба», а не δόλον — «обман», поскольку оно согласовано с личным местоимением αὐτόν. Кроме того, надо заметить, что этот αὐτόν — объект, а не субъект речи, т. е. не он говорит (φησι) эти слова. В противном случае стоял бы оборот nominativus cum infinitivo. Правда, иногда для акцентации может стоять в такой ситуации и acc. c. inf. (см. K ü h n e r, G e r t h, ук. соч., II, стр. 30 сл.), но тогда почти исключительно ставится ἑαυτόν, а не αὐτον. Кюнер и Герт приводят лишь два исключения — второе, по их же словам, весьма сомнительно.

говорит, что он свободный (стк. 8 — καί φησιν ἔνχι ἐλεόθερος) Антитеза — δοῦλος — ἐλεύθερος, как известно, постоянно встречается у авторов, касающихся рабов, в частности — у Демосфена [33]. Итак, из имеющейся у нас антитезы можно установить, что фортегесий, утверждающий в стк. 8, что он свободен, скрывается под объектом αὐτόν в стк. 4, где к нему прилагают понятие δοῦλος. Для завершения анализа второй части отрывка необходимо выяснить, кто скрывается под словом αὐτῶι в стк. 9. Из четырех имеющихся у нас действующих лиц — Матасий, отец, фортегесий, Анаксагор — два последних отпадают сразу; фортегесий — потому что он как субъект второй части был бы обозначен местоимением ἑωυτῶι, Анаксагор — потому что он уже фигурирует в этой фразе и через парный союз τε καί связывается со словом αὐτῶι. Кандидатура Ахиллодора также должна быть отклонена, поскольку последний раз он фигурирует в тексте очень давно (по крайней мере в стк. 5) и поэтому в данном месте был бы обозначен местоимением ἐκείνωι. Таким образом, остается один Матасий, в том, что он скрывается под местоимением αὐτωι в стк. 9, лишний раз убеждает присутствие его имени в предыдущем слове.

Закончив анализ второй части отрывка, перейдем к его первой части (сткк. 4—6). Уже ясно, что αὐτὸν... δῶλον (сткк. 4—5) — это фортегесий. Остается только определить субъекта речи, скрывающегося под словами φησί и μυθεόμενος. Теперь мы знаем, что можно выбирать только из двух кандидатур — Ахиллодора или Матасия. В своих рассуждениях мы должны исходить из общего смысла первого раздела письма и из общих задач, которые его автор ставил перед собой. С самого начала было ясно, что Ахиллодор жалуется Анаксагору через своего сына на обманные, незаконные действия Матасия, отнявшего у него фортегесия. Обращает на себя внимание пояснительный союз γάρ, имеющий здесь то же значение, что и в стк. 2, а именно, раскрыть сущность действий Матасия, обозначенных словами δολῶται γάρ μιγ καὶ τῶ φορτηγεσίο ἀπεστέρεσεν (сткк. 2—3). Если разбираемую нами фразу φησὶ γάρ κτλ.) произнес Матасий, то он ставил себе целью аргументировать свои действия и как-то оправдать их. Если же отец — то он старался доказать незаконность его акций и раскрыть настоящее положение вещей.

Если мы предположим, что эти слова принадлежат Ахиллодору, то, во-первых, остается неясным, каким же все-таки путем Матасий сумел его обмануть и лишить фортегесия. Во-вторых, тогда перед третейским судом Анаксагора (судом, кстати, небеспристрастным) аргументы Ахиллодора противоречили бы доводам фортегесия, лица, в сохранении которого отец явно был заинтересован, а именно, отец якобы говорил, что фортегесий — раб Анаксагора, а тот уверяет, что он свободен. Да и из ситуации

[33] Второе вероятное чтение ἐλεοθερος = ἐλευθέρους приходится отвергнуть по следующим соображениям: если предполагать здесь acc. plur., то тогда это слово может относиться только к δῶλῶς καὶ δῶλας κοἰκίας (стк. 6) и должно обозначать не что иное, чем «свободные» в социальном смысле. Действительно, у Демосфена, или вернее в том, что мы называем Демосфеновским корпусом, несколько раз встречается слово ἐλεύθερος, означающее «свободный от ипотеки, от заклада» и прилагаемое к имуществу, к собственности, движимой или недвижимой (Dem., XXXIV, 21, 22; XLII, 19). Допуская возможность подобного значения термина и для нашего контекста, от формы acc. plur. и тем самым от такого толкования слова ἐλεοθερος приходится отказаться, потому что форма acc. pl. masc. может относиться только к δῶλῦς = δούλους, но остаются еще и формы fem.—δῶλας κοἰκίας, и тогда, если бы этот термин относился только к рабам мужского пола, то автор поставил бы в стк. 8 для ясности что-нибудь наподобие ὅτῶς δῶλῶς ἐλεοθέρῶς ἔναι. Если же этот термин прилагался ко всему имуществу в целом, то необходимо было бы согласовать его с обобщающим словом τὰμ' = τὰ ἐμά, т. е. мы должны были бы ожидать форму ἐλεόθερα. Любое объяснение перечисленных трудностей было бы натяжкой, поэтому я придерживаюсь первого чтения, согласующегося с контекстом.

ясно, что и фортегесий должен был противопоставлять свои слова утверждениям не Ахиллодора, а Матасия, незаконным и обманным путем (ср. выражения ἀδικεῖται и δολοῦται) отобравшего его у отца. Отсюда напрашивается только одно решение — слова φησὶ γὰρ κτλ. говорит не Ахиллодор, а Матасий, т. е. в своем письме-жалобе отец излагает Анаксагору доводы Матасия, оправдывающего свои незаконные (с точки зрения автора послания) акции, и противопоставляет им контраргументы фортегесия.

Для окончательного реконструирования реальной ситуации нам остается выяснить, чье имущество имеется в виду под определением τάμ' = = τὰ ἐμά (стк. 6), состоявшее из рабов, рабынь и каких-то жилых построек (δοῦλος [34] καὶ δοῦλας οἰκίας). Понятно, что выражение τάμ' может относиться только к двум лицам: либо к Ахиллодору как к автору всего письма (тогда здесь употреблено придаточное дополнительное предложение без ὅτι), либо к Матасию как непосредственному автору (μυθεόμενος) этих слов (тогда здесь прямая речь). Первая посылка возможна, хотя и менее вероятна, поскольку все письмо написано отцом от третьего лица, и только здесь, в одном месте появляется первое лицо. Чтобы окончательно решить этот вопрос, необходимо разобраться, в какой связи Матасий приводит два факта: *1*) фортегесий — раб Анаксагора, *2*) имуществом (его или отца) — рабами, рабынями и домами — владеет Анаксагор [35].

Прежде всего обращает на себя внимание употребление в этих двух положениях одного и того же термина— δοῦλον и δοῦλος. Действительно, если рассуждать логически, то можно предположить, что фортегесий, являясь рабом Анаксагора (по словам Матасия), входит как часть в целое — в число тех рабов, которыми владеет среди прочего имущества Анаксагор. В этом нас укрепляет и то положение, что если бы эти два факта никак не были связаны друг с другом, то Матасию незачем было бы перечислять это имущество, в том числе и рабов, он мог бы просто ограничиться выражением τάμά. Тем не менее, остается непонятным, каким образом эти два факта могли помочь Матасию аргументировать его незаконный увод фортегесия. Но в его доводах странным кажется и еще одно звено — имущество-то он определяет, как «мое» — τάμά (пока неясно, его или Ахиллодора), а владеет им (ἔχει) Анаксагор. Отсюда ясно, что это состояние не перешло в полную собственность Анаксагора, а он держит его на каких-то условиях, т. е. мы имеем дело не с отношениями полной собственности, а с формами владения или держания [36].

Этот факт, очевидно, так и остался бы необъяснимым, если мы не имели бы одного крайне интересного места у Демосфена [37]. В первой речи против Афоба автор упоминает о том, что его отец Демосфен на ссуду в 40 мин получил в качестве залога эргастерий, состоявший из 20 рабов-мебельщиков, который и оставил своему сыну в наследство (Dem., XXVII, 9). В качестве процентов на эту ссуду Демосфен-отец, а впоследствии и опекуны его сына получали прибыль, произведенную руками этих рабов. И несмотря на то, что должник мог в любой момент выкупить заложенный эргастерий, последний рассматривается в речи везде как имущество Де-

[34] Совершенно ясно, что здесь надо понимать δολος = δούλους, а не δόλος, так как следующие образования acc. pl. fem. δόλας никак нельзя вывести от существительного м. р. δόλος («обман»).

[35] Оправдание конъектуры Ἀνα(ξα)γόρης см. выше.

[36] Разница между этими двумя категориями разбирается К. К. Зельиным (К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода, М., 1969, стр. 19 сл.) и И. М. Дьяконовым («Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.», ВДИ, 1967, № 4, стр. 14 сл.).

[37] Указанием на него я обязан Э. Л. Грейс. Оно подробно разбирается в ее работе «О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э.», ВДИ, 1958, № 2, стр. 34 сл.

мосфена (XXVII, 28, 31). Такая параллель наводит на мысль, что и в нашем случае имела место сходная ситуация, т. е. чье-то имущество было заложено, очевидно, в виде ипотеки под заем Анаксагору, и хотя последний владеет (ἔχε) [38] всеми этими рабами, рабынями и домами и, вероятно, может эксплуатировать их по своему усмотрению и получать от этого прибыль, все равно должник рассматривает это имущество как свое (τάμά). Другое предположение, что имущество было получено Анаксагором в полную собственность за невыплаченный долг, кажется менее вероятным, как противоречащее словоупотреблению контекста.

Так кто же был все-таки собственником этого имущества? Несмотря на то, что отмеченный выше странный переход от третьего лица к первому уменьшает шансы Ахиллодора на «право» собственности, все же это слишком слабый аргумент, чтобы отказаться от такого предположения. В таком случае реальная ситуация должна была быть следующей. Отец заложил свое имущество Анаксагору, в том числе и рабов. Приходит Матасий (какое-то доверенное лицо Анаксагора, его агент) и забирает у отца фортегесия, мотивируя это тем, что последний, являясь рабом Ахиллодора, должен влиться в заложенное имущество, т. е. фактически является рабом Анаксагора. При этом видно, что и в этом и в рассматриваемом далее варианте в доводах Матасия эллиптически пропущен один элемент, который мы можем восстановить — фортегесий был раньше чьим-то рабом (отца или Матасия), ниже я отмечаю этот вариант квадратными скобками. Однако странным кажется, что Ахиллодор не сам парирует доводы Матасия, а приводит лишь оправдания самого фортегесия. И наконец, последнее, что заставляет «лишить» отца прав на это имущество — это анализ структуры всего отрывка. Из общего содержания видно, что Матасий, оправдывая свои действия, как бы «обвиняет» фортегесия (разумеется, эти «обвинения» не должны рассматриваться как прямая инвектива, поскольку они сами являются оправдательными аргументами). На эти «обвинения» фортегесий отвечает отклоняющими их «оправданиями». Рассмотрим, в чем заключались те и другие.

Аргументы Матасия

1. Фортегесий — раб Анаксагора.
2. [Фортегесий раньше был рабом (отца или Матасия)].
3. Имуществом (отца или Матасия) владеет Анаксагор.

Возражения фортегесия

1. Он сам — свободный человек.
2. У него нет ничего общего с Матасием (повторяет два раза).
3. Что общего у Матасия с Анаксагором, они знают каждый сам по себе (т. е. ему до этого дела нет) [39].

Если мы будем исходить из первого предположения, что данное имущество — собственность отца, то увидим, что только первые два пункта «обвинения» парируются фортегесием, остальные же остаются без ответа.

---

[38] Слово ΕΧΕ, учитывая диалектальные особенности языка, можно понимать и как imp. de conatu εἶχε, это более подходило бы для аргументации Матасия, а именно — имуществом не владеет, а стал владеть Анаксагор. Однако, предпочтительность такого чтения обосновать практически нечем, поэтому я и не вношу его в текст. Смысл фразы не меняется, примем ли мы тот или иной вариант.

[39] В этой фразе в оригинале допущена синтаксическая погрешность δὲ τί αὐτῶι κτλ. вместо τί δὲ αὐτῶι κτλ. Можно предполагать здесь простую описку, но ее можно объяснять и тем, что писавший имел перед глазами слово Ματάσυι, предшествующее частице δέ, но принадлежащее другому предложению. Отсюда — он мог подразумевать его и в данной фразе, а именно: Ματάσυι δὲ τί αὐτῶι κτλ. Эта фраза — все равно стилистически корявая, но грамматически уже не невозможная.

Теперь «наделим» собственностью Матасия. Ситуация будет почти такая же: Матасий заложил свое имущество Анаксагору, т. е. и его рабы перешли к последнему. Он приходит к Ахиллодору и забирает фортегесия, который, судя по вышеразобранной связи между δῶλον и δῶλος, был раньше якобы рабом самого Матасия, а теперь входит в заложенное имущество, т. е. он — раб Анаксагора. И вот, если принять второй вариант, все становится на свои места, а именно, на каждый из трех аргументов Матасия (включая эллиптический) фортегесий приводит особый контрдовод. Так, на утверждение Матасия, что фортегесий раб Анаксагора, фортегесий отвечает, что он свободен; подразумевающийся довод о том, что фортегесий прежде был рабом самого Матасия, он дважды парирует своим контраргументом, что между ним и Матасием нет ничего общего. В данном контексте под этим надо понимать, что он не состоит ни в какой зависимости от Матасия. И наконец, на последнюю реплику о закладе Матасием имущества Анаксагору фортегесий отвечает: «а какие общие дела между ним (т. е. Матасием) и Анаксагором, они знают каждый сам по себе», т. е. ему до этого нет никакого дела.

Таким образом, приведенная аргументация более убедительна и заставляет отдать предпочтение второму предположению, а именно — под словом τἀμά имеется в виду собственность Матасия, а не отца. Единственный момент, который, на мой взгляд, мог бы противоречить данной презумпции — это негреческое происхождение Матасия, владеющего при этом богатым имуществом, в том числе рабами, рабынями и домами. Действительно, имя Μάτασυς не зафиксировано ни в одном из известных ономастических справочников (Папе — Бензелера, Бехтеля — Фика, Дорнзайфа — Хансена, Зольмзена — Френкеля). Не встречалось оно и в Северном Причерноморье (его нет в известной монографии Згусты и в эпиграфических изданиях). Имя это, скорее всего, не греческое, его этимология ματα+συς представляется мне искусственной. Оно не встречено ни среди иранских имен Северного Причерноморья, ни среди фракийского [40] или малоазийского [41] ономастического материала. На варварское происхождение этого имени указывает еще одно обстоятельство. Ионийцу — автору письма явно доставляет большие трудности точно транскрибировать по-гречески фонетические особенности варвароязычного имени: в одном случае он передает gen. его как Ματάσυος, в другом — acc. как Μάτασιν вместо Μάτασυν, в третьем — вообще сильно искажает dat. описками — Ματατασυε. Подобное явление часто имеет место как у древних авторов [42], так и в эпиграфике [43]. Разумеется, дело здесь не только в небрежности авторов или в закономерности фонетических переходов. Главное в том, что чужеязычная фонетика не укладывалась в прокрустово ложе греческой транслитерации — отсюда и возникали графические варианты одного и того же имени. В нашем случае, например, в атонной финали стоял какой-то нейтральный звук, средний между i и ü, который и дал в косвенных падежах различные модификации.

Итак, могло бы показаться странным, что на фоне таких граждан-ионийцев, какими были Ахиллодор, Протагор и Анаксагор, варвар Ма-

[40] См. В. Бешевлиев, Проучвания върху личните имена у траките, София, 1965.

[41] См. L. Zgusta, Kleinasiatische Personennamen, Prag, 1964.

[42] См., например, сопоставление имен заговорщиков —убийц Бардии в Бехистунской надписи, у Геродота и у Ктесия, проведенное М. А. Дандамаевым (Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 172 сл.): *1.* Vidafarnā — Ἰνταφρένης — Ἀταφέρνης; *4.* Vidarna — Ὑδάρνης — Ἰδέρνης; впрочем, Дандамаев склонен объяснять искажение Ктесием первого имени свойственной последнему небрежностью (там же, прим. 218).

[43] См. надпись с Березани римского времени (НО, № 90): Ρευρομαρος — Ροιρομαρος.

тасий, скорее всего не обладавший правами гражданства, владеет движимой (рабы и рабыни) и недвижимой (дома) собственностью и занимается какими-то коммерческими операциями. Тем не менее, в том обществе, социально-экономическое устройство которого нам лучше известно благодаря сравнительному обилию источников — в Афинах IV в. до н. э., мы на каждом шагу встречаемся с такой же ситуацией. Частноправовые речи Демосфеновского корпуса пестрят многочисленными примерами богатых неграждан (большей частью метеков) из иноземцев или вольноотпущенников, владеющих огромными состояниями, в собственности которых были эргастерии, трапезы, корабли, крупные суммы денег, рабы. Они занимались ремесленным производством, ссудными операциями, морской торговлей, эксплуатацией рудников и т. д. И если нам возразят, что невозможно себе представить, чтобы в раннегреческом обществе второй половины VI в. могло встретиться столь же развитое экономическое положение одновременно со сравнительно бесправным социальным статусом лиц, подобных Матасию, мы могли бы ответить, что в таком случае для этой эпохи казались бы немыслимыми и те высокоразвитые дифференцированные правовые и имущественные отношения, которые мы извлекаем из нашего источника.

Чтобы окончательно завершить анализ первого раздела письма, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Принимая тот или иной из обоих последних вариантов, все равно кажется странным, что Матасий (к тому же, вероятно, негражданин) имеет возможность беспрепятственно прийти и отобрать фортегесия у отца, обвинив первого в рабской зависимости (на совершенность акта «уведения» указывает аористная форма глагола ἀπεστέρεσεν). И всем этим незаконным, по его словам, действиям, отец ничего не может противопоставить, кроме жалобы Анаксагору на Матасия. Вероятно, у последнего были еще какие-то основания для подобных акций, и эти основания мы должны искать в самом тексте, а не за его пределами. Прежде всего коснемся тональности всего документа. Мы уже говорили, что Ахиллодор пишет не непосредственно Анаксагору, а жалуется ему через сына. Но нас интересует главным образом не этот факт, а то *как* он излагает свою жалобу. Если мы отбросим вводные слова, обращенные к сыну, и обратим внимание на тот отрывок, который начинается и заканчивается просьбой передать это (ταῦτα) Анаксагору (сткк. 3—11), то мы заметим, что в своей жалобе Ахиллодор не приводит ни одного собственного аргумента, но лишь излагает сначала доводы Матасия, а потом возражения фортегесия, т. е. передает их диалог. Это-то и налагает на все слова отца какой-то оттенок неуверенности в справедливости контраргументов фортегесия. Он не прямо обвиняет Матасия, а предоставляет дело на рассмотрение Анаксагора, который, вероятно, был более осведомлен об отношениях между спорящими сторонами. Очевидно, в этих отношениях было что-то такое, что придавало Матасию бо́льшую уверенность в своих действиях и что прямо не вытекает из источника. Поэтому обратимся еще раз к словам фортегесия, в частности, к его утверждению, что он свободен (ἔνχι ἐλεύθερος). Словарь Liddell — Scott под словом ἐλεύθερος дает несколько значений, все они сходятся к понятию свободы: «свободный» как в социальном (ὁ ἐλεύθερος «гражданин»; ἡ ἐλευθέρα «госпожа»), так и в переносном значении (с определением — φόνου, αἰτίας и т. п.). Выражение ἐλεύθερον εἶνχί τινι означает «кому-то разрешено, доступно». Очень часто мы встречаем имеющуюся у нас антитезу ἐλεύθερος — δοῦλος, где ἐλεύθερος противопоставляется рабу, как свободный в социальном смысле человек. Но в одной из речей Демосфена мы находим место, которое, как мне кажется, проливает свет на поставленную выше проблему и помогает решить ее. В третьей речи против Афоба о лже-

свидетельстве Фана (Dem., XXIX) Афоб требует, чтобы некий человек по имени Милиас, который два года управлял эргастерием μαχαιροποιῶν (Dem., XXVII, 19), был допрошен под пыткой (βασανίζειν), поскольку он был рабом (δοῦλον). На это Демосфен отвечает (XXIX, 25), что Милиас был отпущен на волю его отцом (ἀφεθέντα τοῦτον, τὸν ἄνθρωπον τοῦτον ἀφεῖναι) и потому он ἐλεύθερος, и его нельзя подвергать пытке. Т. е. фактически здесь вольноотпущенник (ἀφεθεῖς), который обычно обозначался словом ὁ ἀπελεύθερος, назван оратором ἐλεύθερος, очевидно, для усиления антитезы δοῦλος — ἐλεύθερος. Но тогда и для нашей ситуации мы можем предположить, что в пылу спора[44] для противопоставления обвинению в том, что он δοῦλος, фортегесий — вольноотпущенник, который должен был называться ἀπελεύθερος, с целью усиления антитезы называет себя ἐλεύθερος — здесь играла роль простая логика: раз он отпущен на волю и уже не раб, то значит он свободен (ἐλεύθερος)[45]. Если принять эту гипотезу, то становится понятным неуверенный тон жалобы Ахиллодора: фортегесий ведь не отрицал, что он вольноотпущенник — отсюда у отца могли зародиться сомнения в его полной независимости от Матасия.

Второй раздел письма (сткк. 11—13) — более короткий и в силу этого, а также необычного словоупотребления, более непонятный. Он состоит из двух фраз, вторая из них противопоставляется первой через частицу δέ. Отсутствие в греческом языке слова, скрывающегося под тремя буквами APB, заставляет меня предложить в первой фразе конъектуру ἐν ἄρ(τ)' = ἐν ἄρτι «сейчас же, немедленно». Непонятным остается и употребление ἵνα с inf. ἄγεν, незасвидетельствованное в греческом синтаксисе. Ни одно значение глагола ἄγω, образованное от семантической основы «вести», не подходит для нашего контекста, поскольку у нас нет прямого дополнения в acc., если только не принимать за таковой непонятное слово αρβινα. Поэтому остается предположить, что здесь ἄγω имеет значение с подразумеваемым ἑαυτόν «идти, ехать». Местоимение τῆισιν также для нас непонятно, скорее всего оно имеет временную функцию и подразумевает слово ἡμέρηισιν или скорее ἑορτῆισιν «на эти дни», «на эти праздники» (если принять во внимание θυωρά в стк. 13). Во второй фразе отец сообщает, что к нему пришел некий Эвневр. Последние два слова в своей связи представляют известные лексические трудности. θυωρά = = acc. pl. neutr. от θυωρός, означающего «заботящийся о жертвоприношениях» (Liddell — Scott,s. v.— «taking care of offerings»), ἡ θυωρός «стол для жертвоприношений», «стол у богов». В нашем контексте это слово надо скорее всего понимать обобщенно, как «обстоятельства, связанные с жертвоприношениями» или просто «жертвенные обряды».

Для того чтобы окончательно разобраться в интерпретации второго раздела (и всего письма в целом), надо рассмотреть один вопрос непосредственно с ним связанный — вопрос о месте отправки и месте адресата, и, соответственно, о местонахождении в тот момент всех действующих лиц. Эта проблема очень важна, потому что только после того, как будет

---

[44] Душевное волнение фортегесия передано, как мне кажется, глаголом ἀναβοάω, имеющим значение «громко кричать, восклицать, громко оплакивать», а также, возможно, плеонастическим повторением одной и той же фразы οὐδὲν ἔναι ἐωυτῶι τε καὶ Ματάσυι (сткк. 7—9).

[45] Как мне сообщил К. К. Зельин, в тексте дельфийских манумиссий эллинистической эпохи не употреблялись termini technici для освобождаемых лиц типа ἀπελεύθερος или ἀφεθεῖς, но постоянно присутствует термин ἐλεύθερος. Это лишний раз подтверждает выдвинутую мной гипотезу. Интересно также, что термин ἀπελεύθερος за исключением одной гортинской надписи первой половины V в. появляется у авторов и в эпиграфических памятниках только с конца V столетия (см. Ю. В. Андреев, К вопросу о так называемых «вольноотпущенниках» на Крите, ВДИ, 1963, № 4, стр. 117 сл.).

достигнута полная ясность, мы сможем все данные о социально-экономических отношениях столь раннего периода, вытекающие из содержания письма, связать с определенным географическим и историческим районом. Пока мы имеем только одну точку, за которую можно зацепиться, это место находки — Березань. Но факт находки письма в этом месте еще не означает, что остров был пунктом назначения, ведь мы не должны сбрасывать со счетов и возможность того, что письмо вообще могло быть не отправлено. Конечно, естественно прежде всего предположить, что Протагор получил на Березани письмо от отца, развернул его, прочитал, снова свернул (хотя, замечу, этого вовсе не требовалось) и выбросил. Но такому вполне естественному решению противоречит ряд соображений, возникающих прежде всего при анализе второго раздела эпистолы.

Из первой фразы при всех затруднениях совершенно ясно, что отец посылает свою семью в какой-то город (ἐς τὴμ πόλιν), причем, судя по члену τήν, хорошо известный как Ахиллодору, так и его сыну. Вероятнее всего предположить, что это и был тот самый город, в котором жил Протагор, Анаксагор с женой, пункт, откуда прибыл Матасий. И вот на каком основании. Во-первых, абсолютно ясно, что все они жили действительно в большом городе, так как даже Матасий имел в нем несколько жилых построек и определенное количество рабов. Во-вторых, судя по тому, что отец употребляет выражение ἐς τὴμ πόλιν, не упоминая названия этого полиса, складывается впечатление, что он посылает семью откуда-то с периферии в центр. Я думаю, что этот центр (πόλις) и был тем полисом, где жил Протагор, иначе Ахиллодор был бы вынужден указать название города, так как не только современному читателю, но даже самому сыну его было бы неясно, посылает ли отец мать и братьев к нему или в какой-то другой город. В противном случае надо предположить, что Протагор знал то, что отец может послать его родственников только в какой-то один город и никакой другой, а это менее всего вероятно.

Если это предположение верно, в таком случае Березань не может быть местом получения письма, так как она никогда не называлась πόλις (вопросу о названии острова в древности я собираюсь посвятить другую работу). Значит письмо не было отправлено Ахиллодором с Березани, где он находился в тот момент с семьей — он только написал его, свернул. а потом потерял. Последняя гипотеза подтверждается рядом соображений. Анализ двух других писем на свинце (письмо судье и ольвийское письмо 1962 г. мы не принимаем во внимание) показывает, что они тоже не были отправлены. Письмо из Аттики, найденное в Хаидари, адресовано, как доказал А. Вильхельм, в Афины на рынок горшечников [46]. Письмо с Березани, о котором В. В. Латышев писал, как о найденном в Ольвии [47], адресовалось, очевидно, в Ольвию и также не было отправлено. Об этом можно судить по тому развитому домостроительству, о котором идет речь в документе: адресаты — домочадцы Артикона имеют возможность сменить по крайней мере трех хозяев, сдающих целые дома или комнаты. Ученые недоумевали [48], чем объяснить такую диспропорцию между количеством упоминаний авторов (правда поздних) — четыре, и числом сохранившихся писем на свинце — теперь пять. И вот разгадка пришла: находка писем на свинце — чистая случайность, если они доходили до адресата, он пускал материал снова в дело; свинец употреблялся в хозяйстве для починки керамики, для грузил, свинцовых разновесов и т. п., наконец, пластинку можно было снова раскатать и написать на ней ответное послание или, например, магическое заклятие. Кстати, последние представляют со-

[46] I. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 96.
[47] Латышев, ук. соч., стр. 10.
[48] См. Wilhelm, Der älteste griechische Brief, стр. 103.

бой полную противоположность письмам на свинце — их писали, а потом клали в определенное место: в могилы, колодцы, источники, храмы и т. д. [49]. Поэтому-то их находят сотнями, а синцовых писем — единицы. Свинец был не такой редкостный металл, как золото или серебро, но все же достаточно ценный. Поэтому при первой возможности его снова пускали в дело [50].

Итак, что за πόλις упоминается в надписи? Обратимся снова к анализу контекста. Он нам подсказывает прежде всего, что этот город находился где-то поблизости от места отправки (точнее утери) письма. Для такого вывода есть свои основания. Прежде всего ясно, что отец торопился с отправкой письма, поскольку ему нужно было как можно скорее возвратить фортегесия, уведенного Матасием [51]. Фортегесий, как я покажу в другом месте, был вероятнее всего торговым агентом Ахиллодора, и последний собирался использовать его для сопровождения своих товаров в данном навигационном сезоне. Если ему не удастся возвратить своего агента, то у него прогорает торговое предприятие этого года, поэтому он и просит Анаксагора разрешить его дело.

Исходя из этих наблюдений, мы берем на себя смелость утверждать, что под выражением ἐς τὴμ πόλιν понимался город, в котором жил Протагор, и этим городом был ближайший к Березани полис — Ольвия [52]. Такой вывод подкрепляет ряд других фактов. Во-первых, Березань уже в VI в. до н. э. была связана тесными экономическими узами с Ольвией; это видно хотя бы по тому, что при большом количестве ранних ольвийских монет, найденных на острове, до сих пор попалась только одна иноземная монета — самосская гемидрахма [53]. В отдельной работе я попытаюсь доказать, что связи Березани и Ольвии были не только экономическими, но и политическими. И наконец, решение вопроса, как мне кажется, предоставляет последнее слово надписи — καταβήσεται (стк. 13).

Для того чтобы разобраться в довольно темном контексте этого места надписи, необходимо проанализировать значения данного глагола. Прежде всего надо отметить, что этот глагол движения имеет приставку κατά. Соответствующий предлог κατά с асс. имеет ряд значений, в частности, для указания распространения, движения сверху вниз, например, вниз с горы, из глубины страны к морю, от центра к периферии, вниз по течению реки и т. д. [54]. Соответствующие направления принимает и глагол движения καταβαίνω с асс. Далее надо выяснить, как связан этот глагол в нашем контексте со словом θυρά. Как известно, в греческом языке многие непереходные глаголы благодаря соединению с предлогами ста-

[49] См. Kagarow, ук. соч., стр. 19 сл.

[50] Например, в известном ольвийском алтаре после реконструкции оставили символически только одну свинцовую скрепу, все остальные были сняты (см. А. Н. Карасев, Монументальные памятники ольвийского теменоса, «Ольвия», М.— Л., 1964, стр. 80).

[51] Интересно сравнить употребление времен в сткк. 1—3: δολῶται и ἀδικεῖται поставлены в praes., а ἀπεστέρεσεν — в аор., т. е. Матасий уже лишил отца фортегесия (совершенное действие), но обида и обман еще продолжаются. Не хотел ли автор подчеркнуть этим, что он надеется на скорое возвращение лица, в котором он был заинтересован?

[52] Ольвия называется πόλις у Геродота (IV, 79), т. е. в эпоху, близкую времени составления нашего документа. Кроме того, Геродот говорит (IV, 18), что борисфениты самих себя называют ольвиополитами, т. е. жителями Ольвии-полиса. Другие ближайшие к Березани полисы находились все же на значительном от нее расстоянии, так, по свидетельству того же Геродота (IV, 101), плавание от Борисфена до Истра (т. е. и до полиса Истрии), равно как и до Меотиды (т. е. и до полисов Боспора), длилось 10 дней, что равняется по его системе исчисления 2000 стадиев.

[53] См. В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 141.

[54] См. словари Liddell — Scott и Дворецкого — Соболевского.

новятся переходными и как таковые принимают объект в acc.[55]. Далее, глаголы движения часто связываются с acc., обозначающим цель, место или предмет, на которые направлено движение [56]. Кроме того, мы знаем, что предлог κατά + acc. имеет не только пространственное, но и каузально-финальное значение, которое не исключает первое, а только придает ему особый целевой оттенок [57], например: κατὰ λῃῖην ἐκπλώσαντες (Herod., II, 152), κατὰ θέαν ἥκειν (Thuc., VI, 31), κατ' ἐμπορίαν ἀπεδήμει (Lycurg., 58), ἐξέπεμψεν ἅμα κατ' ἐμπορίαν καὶ κατὰ θεωρίαν (Isocr., 17, 4). Итак, учитывая эти две функции предлога κατά, надо перевести выражение θυωρὰ καταβήσεται, как «вернется на жертвоприношения», «возвратится для совершения жертвенных обрядов». При этом учитывая, что пункт, куда собрался прибыть Эвневр для принесения жертв, нам известен — это Березань, маршрут его путешествия мог быть только одним единственным — из Ольвии на Березань [58] (не обязательно водным путем, вполне вероятно, что и посуху). Иными словами, автор не мог бы найти лучшего выражения, чтобы передать, во-первых, цель поездки, а, во-вторых, ее направление: из глубины страны к морю, из центра к периферии, вниз, вдоль по лиману, а именно, из Ольвии на Березань.

Выводы, к которым мы пришли, подтверждает и антропонимия письма. Такие имена, как 'Ανάξαγόρης и Πρωταγόρης, весьма типичные для Ионии, встречались и в Ольвии, причем уже в раннее время [59]. Интересно, что и имя 'Αναγόρης в его варианте ж. р. также встречено, но уже только в Ольвии [60], может быть, в нашем случае это не описка, а только сокращенная модификация имени 'Ανάξαγόρης, но высказываться на этот счет определенно я не решаюсь. Имена Εὔνευρος и 'Αχιλλόδωρος не засвидетельствованы ни в одном справочнике по греческой ономастике (Папе — Бензелер, Бехтель — Фик, Дорнзайф — Хансен, Зольмзен — Френкель, Прайсигке), однако, последнее имя с отчеством 'Αχιλλόδωρος Τελεσικράτεος встречено в Ольвии в наговоре IV в. до н. э. [61]. Причем Э. Диль, первый издатель надписи, принимая во внимание культ Ахилла, широко распространенный в этом районе уже с ранней эпохи, справедливо замечает (стр. 50): «имя Ахиллодора мы назвали бы понтийским и даже ольвийским по преимуществу». Таким образом, ономастика еще теснее связывает наше письмо с окружением Ольвии.

Проведенный анализ, как мне кажется, ставит последнюю точку в вопросе об отождествлении упомянутого в надписи полиса с Ольвией. Но для окончательного решения вопроса о месте отправки письма и реконструкции реальной ситуации надо выяснить, с какой целью автор написал последнюю фразу и от кого к кому собирался приехать Эвневр. Мы можем точно установить два факта: *1*) к моменту составления письма Эвневр уже пришел к Ахиллодору; *2*) он собирался в будущем спуститься из Ольвии на Березань для совершения жертвенных обрядов. Предположим, что отец послал письмо сыну из Ольвии на Березань, и последний получил его там. Казалось бы, все замечательно сходится — сейчас Эвневр в городе, а потом он прибудет на Березань. Но все дело в том, что Эвневр прибудет на Березань уже после того, как сын получит письмо, и тогда нас ставят в недоумение два обстоятельства: *1*) в какой связи состоит эта ин-

[55] См. Kühner, Gerth, ук. соч., I, стр. 300.
[56] Там же, стр. 311.
[57] Там же, стр. 477.
[58] Этой мыслью я обязан В. П. Яйленко.
[59] 'Αναξαγόρης (-ας) — *1*) сб. «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 151, рис. 21, *2* (VI в. до н. э.); *2*) IOSPE I², № 195 (IV в. до н. э.); *3*) патронимик — IOSPE I², № 35 (II в. до н. э.). Πρωταγόρης — CA, XXVIII, 1958, стр. 78 сл. (V в. до н. э.).
[60] Толстой, ук. соч., № 13 (V в. до н. э.).
[61] Э. Диль, ИАК, вып. 58, стр. 40 сл.; Толстой, ук. соч., № 63.

формация с указанием о посылке в город семьи Ахиллодора и как она ему противопоставляется; *2*) почему отец пишет αὐτὸς Εὔνεορος — «сам Эвневр», если раньше в письме Эвневр не упоминался? Последнее обстоятельство можно объяснить только тем, что в момент прочтения письма Протагор должен был иметь Эвневра непосредственно перед глазами, т. е. скорее всего последний и должен был доставить письмо Протагору. Но если мы будем придерживаться первого предположения, то сразу наталкиваемся на противоречие: письмо-то ведь к тому времени уже дошло бы до Протагора, а Эвневр только потом прибыл бы на Березань. А теперь, если мы примем вторую, ранее выдвинутую гипотезу — письмо отправлялось с Березани в Ольвию, не достигло адресата и было потеряно на острове, то все становится на свои места и прекрасно сходится. Отец посылает эпистолу сыну с Эвневром и сообщает, что последний, который сейчас (т. е. в момент написания) пришел к отцу, чтобы забрать письмо, еще вернется на Березань. Цель этого сообщения в том, что отец указывал Протагору на возможность передачи ответного послания все через того же Эвневра. Тогда становится понятным и противопоставление второй части этого раздела первой: ведь Ахиллодор посылает семью только в город, а Эвневр прибудет в город, а потом еще и вернется на Березань. Кроме того, лишний раз подтверждается и наше отождествление полиса, упомянутого в надписи, с Ольвией; если исходить из того, что жертвоприношения (θυωρά) совершались в те (τῆισιν) праздники, на которые Ахиллодор немедленно (ἐν ἄρτι) посылает своих домочадцев в город, то Эвневр должен был быстро возвратиться на остров, значит Березань находилась недалеко от этого полиса, т. е. этим полисом была Ольвия.

Надо заметить, что нас могут упрекнуть в том, что сделанные здесь выводы шатки и ненадежны, так как они основаны на гипотезах, презумпциях и реконструкциях. Но мы все же должны возразить, что, во-первых, мы имеем перед собой подлинный документ абсолютной сохранности, который при всех возникающих трудностях требует своей интерпретации. А во-вторых, все приведенные гипотезы и доводы не цепляются друг за друга, выстраиваясь в цепочку, а независимо складываются в единый аргументационный комплекс, который и приближает решение встающих перед нами проблем к максимальной вероятности.

Таким образом, мы предлагаем следующий окончательный перевод текста письма и адреса:

«Протагор! Отец пишет тебе: его (т. е. отца) обижает Матасий, поскольку он (т. е. Матасий) обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору расскажи, ведь он (т. е. Матасий) говорит, что тот (т. е. фортегесий) — раб Анаксагора, утверждая: „Мое имущество держит Анаксагор — рабов, рабынь и дома“, а тот (т. е. фортегесий) кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен и общего с Матасием нет у него ничего, а что общего у него (т. е. Матасия) с Анаксагором, они знают каждый сам по себе. Это скажи Анаксагору и его жене. Во-вторых, он тебе сообщает: мать и братьев твоих он посылает немедленно, чтобы они на эти (праздники или дни?) прибыли (?) в город, а сам Эвневр, пришедший к нему, вернется для (совершения) жертвенных обрядов». *Адрес*: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору».

Итак, мы реконструируем следующую реальную ситуацию тех событий, о которых говорится в письме. Ахиллодор нанимает фортегесия для выполнения работ, связанных с перевозкой его товаров. Но тут к отцу приходит некий Матасий и отнимает у него этого человека. Свои действия он мотивирует тем, что фортегесий якобы его раб, а поскольку сам Матасий заложил свое имущество и в том числе своих рабов Анаксагору, то и фортегесий фактически становится рабом Анаксагора. На все эти заявления

фортегесий отвечает тем, что он вольноотпущенник Матасия, причем отпуск на волю был безусловным, и теперь у него нет никакой зависимости от последнего [62]. Что же касается коммерческих дел Матасия вместе с Анаксагором, то они их знают сами, а его это никак не касается. После такой полемики Ахиллодор, хоть и убежденный в правоте аргументов фортегесия, все же сознает, что у вольноотпущенника могла оставаться какая-то зависимость от его бывшего господина, поэтому он не требует у Анаксагора отдать ему фортегесия (ставшего теперь его рабом) или заставить сделать это Матасия, а просто просит его разобраться во всем этом деле, чтобы восстановить справедливость. Только таким, на основании всей высказанной аргументации, мне кажется действительный ход событий, описанных в первом разделе письма Ахиллодора.

Во втором разделе сообщается, что сразу вслед за отправлением письма отец посылает в этот же город (по моему мнению, в Ольвию) свою семью — жену и сыновей, очевидно, на какие-то праздники [63]. А Эвневр, который должен был доставить письмо адресату, в скором времени собирался снова вернуться на Березань, поэтому Протагор мог передать с ним ответное послание.

В заключение мы хотим сказать, что представленная работа составляет лишь собственно публикацию — начальный, предварительный этап исследования. И если этим интереснейшим документом заинтересуются широкие круги специалистов-антиковедов, принимая или отвергая сделанные здесь выводы, то мы считали бы это самым большим успехом работы.

A GREEK LETTER FROM BEREZAN

by Yu. G. Vinogradov

In the summer of 1970, when the Berezan archaeological expedition was at work on the island, the author made an interesting find: an ancient Greek letter inscribed on lead. The letter was found by chance in the face of a high bank along the shore. The lead tablet on which it was written (153 × 65 × 1 mm.) had been rolled up in scroll form with the direction written on the scroll. The find was taken to the Hermitage, unrolled and very skilfully restored. The document is in an excellent state of preservation (not a letter is missing in the 13 lines of text and three of the direction) and is very rare of its kind: this in the fifth, and the earliest, Greek letter inscribed on lead to have been found to date. Of the others three come from Olbia and Berezan, the fourth from Attica. On palaeographic, linguistic and archaeological grounds our letter may be assigned with certainty to the second half of the VI century B. C. It is written in the archaic Ionic dialect, whose many peculiarities are richly represented on epigraphical monuments from the North Black Sea coast and Ionia. With the help of this new sample the author makes several observations on the development of the Ionic dialect in general and in particular of its North Pontic variant.

The text of the letter presents several difficulties which make it impossible to arrive at one firm interpretation: (1) the archaic dialect allows of more than one meaning for

[62] Возможно, что первый раз слова фортегесия, что «у него самого нет ничего общего с Матасием», должны доказывать незаконность действий Матасия вообще, а второй раз (после слова ἐλεύθερος) — специально подчеркивать безусловный отпуск на волю.

[63] Домочадцы Ахиллодора отправлялись в город, несомненно, после доставки письма, а не вместе с ним, ибо в таком случае об этом не надо было писать сыну. Писалось только о том, что случилось или что произойдет, именно поэтому отец не пишет, что письмо доставит Эвневр. Протагор и так узнал бы об этом.

several of the words used; (2) one word which is crucial to the interpretation of the text as a whole (τὸ φορτηγεσίο) has not been found elsewhere; (3) the letter is written in the third person, which makes it rather hard to know who makes (or is reported to have made) which of various statements. The author proposes the following interpretation. The letter, which is addressed by Achillodoros to his son and to Anaxagoras, has two parts. In the first Achillodoros complains, through his son, to Anaxagoras that a certain Matasys has fraudulently deprived him of a φορτηγέσιος, which must be something on the order of a commercial agent. Achillodoros reports what Matasys said about this and also the counterassertions of the *phortegesios*. The second part of the letter refers to family matters: Achillodoros writes that he has for some purpose sent his wife and other sons to the city, and that a certain Euneuros is to come to him to take part in a sacrifice.

Analysis of all the available letters inscribed on lead tablets suggests that most of them did not arrive at their destination and were for this reason preserved. This in turn may explain why only five such letters have been found, though the practice of sending them was common enough to have been mentioned four times in extant literary sources. Study of the text and onomastic content of the new Berezan letter led the author to suppose that it was addressed from Berezan to Olbia, though it never got there.

The conclusions reached in the present article represent only the first stage of a full investigation of this extremely interesting epigraphical monument.

Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе

НОВЫЕ МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ БАКТРИИ

СУРХАН-ДАРЬИНСКАЯ область Узбекской ССР, охватывающая обширную часть былой Бактрии-Тохаристана, с каждым годом пополняет нумизматические сборы находками монет греко-бактрийской, сако-юеджийской и кушанской поры. Настоящая публикация посвящена характеристике монетных находок, полученных при раскопках и сборах Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) в течение 1966—1969 гг.[1], а также ряда новых поступлений Термезского Музея [2]. Описание монет сведено нами в прилагаемую таблицу (см. ниже, стр. 107—113), которой считаем необходимым предпослать краткую справку об упоминаемых в ней пунктах (следуя с юго-запада на северо-восток).

1. Шор-тепе в Ангорском районе; пункт раскопок УзИскЭ в 1963—1966 гг. [3].

2. Старый Термез — крупнейшее городище на среднем течении Аму-Дарьи, греко-бактрийская Демєтрия, чрезвычайно разросшаяся в кушанское время. Новые монеты из подъемного материала переданы в Термезский музей.

3. Восточная окраина современного Термеза, в 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью. Монеты найдены при работах земснаряда в русле реки и переданы бригадиром В. Рябовым в Термезский музей.

4. Хатын-Рабат — остатки крупного античного селения в 40 км к востоку от Термеза, на правом берегу Аму-Дарьи; пункт раскопок УзИскЭ в 1966—1967 гг.

5. Ялпак-тепе — прямоугольное в плане тепе высотой до 10 м, расположено в 2 км к югу от Джар-Кургана. Обследовано УзИскЭ в 1969 г.

6. Хаитабад-тепе — большое городище с мощными фортификационными сооружениями в 7 км к северу от Джар-Кургана, на землях колхоза «Большевик». Обследовано УзИскЭ в 1969 г.

---

[1] Основные участники археологических работ экспедиции: Г. А. Пугаченкова (руководитель), Т. В. Беляева, И. С. Морозов, Э. В. Ртвеладзе, Б. А. Тургунов, З. А. Хакимов.

[2] Монеты Термезского музея осмотрены нами благодаря любезности В. А. Козловского и Н. В. Султановой, которым приносим благодарность.

[3] Основные монетные находки из Шор-тепе уже опубликованы — см. Г. А. Пугаченкова, К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии, ВДИ, 1967, № 3, стр. 71 сл.

7. Барат-тепе и три расположенных неподалеку безымянных тепе, лежащих в 37 км к северо-востоку от Термеза среди полей совхоза «Сурхан» в Джар-Курганском районе, входили в систему какого-то крупного населенного пункта кушанской поры. Обследованы УзИскЭ в 1969 г.

8. Куль-тепе — остатки большого античного селения в 5 км к северу от райцентра Шурчи. Обследовано УзИскЭ в 1967—1968 гг.

9. Тарагай-тепе — бугор к северу от Шурчи, у предгорьев Байсун-тау. Обследован УзИскЭ в 1968 г.

10. Дальверзин-тепе. Огромное городище в 12 км к северо-востоку от Шурчи, на правом берегу Сурхан-Дарьи. Раскопки ведутся здесь УзИскЭ с 1967 г. в нескольких пунктах.

11. Денау — современный райцентр, неподалеку от которого лежит крупное античное городище Халчаян.

В таблице монетные находки распределены хронологически, по правителям, следуя от наиболее крупных в диаметре кружков к наименьшим [4].

В графе «Место находки» указаны также (для монет, обнаруженных в раскопе) полевые шифры (ХР, ДТ) и археологические ярусы (обозначены римской цифрой — счет от нулевого репера через каждые 50 см). В графе «Сохранность» приняты следующие обозначения: C_1 — хорошая сохранность, отчетливые изображения; C_2 — изображения видны лишь частично; C_3 — изображения едва видны или неразличимы. Общий состав приведенных в таблице монет довольно обычен для Правобережной Бактрии, но среди них есть и монеты с новыми, любопытными деталями.

Антимах

Монета Антимаха Теоса (первая половина II в. до н. э.) представлена экземпляром малого диаметра. Тип его обычен, но если монетные кружки этого государя (вообще говоря, не очень многочисленные) известны преимущественно в крупных номиналах, а наименьшие имеют в диаметре 20 мм [5], то термезская монета достигает лишь 17 мм,— очевидно, это какой-то иной номинал. Что касается изображений, то они традиционны: на лицевой стороне — профиль царя в характерном беретообразном головном уборе, который одни нумизматы называют kausia, а другие — petasos, на оборотной — Посейдон с трезубцем и пальмовой ветвью. Образ морского бога был бы непонятен для столь отдаленной от морей страны, как Бактрия, но поскольку Посейдон олицетворял и водную стихию вообще, то избрание его Антимахом в качестве божества-покровителя находит закономерное объяснение в условиях среднеазиатского края, вся жизнь которого была связана с орошением, с водами великой Аму-Дарьи и ее многочисленных притоков.

Находок монет Антимаха из района Термеза до сих пор не было известно. Любопытно место находки данного экземпляра в 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью, к востоку от Термеза. Судя по тому, что здесь же было обнаружено немало кушанских монет, это место в античную пору служило, по-видимому, торговой пристанью у места переправы через Сурхан-Дарью на древней караванной дороге, идущей из Деметрии-Термеза вдоль Аму-Дарьи через Айртам, Хатын-Рабат, Айвадж и далее в окраинные восточные районы Северной Бактрии. Свое значение эта переправа сохраняла еще в конце XIV — начале XV в., так как здесь

---

[4] К сожалению, авторы не имели возможности взвесить и сфотографировать монеты из собрания Термезского музея.

[5] См., например, V. A. Smith, Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta, Oxf., 1906, стр. 11, табл. III; R. B. Whitehead, Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahor, I, Oxf., 1914, стр. 18—19, табл. II, *54*, *58*.

же было обнаружено около сотни монет, чеканенных в различных городах Ирана от имени Тимура и Султан Махмуд-хана.

«Варварский Гелиокл»

Группа монет, выбитых в подражание монетам греко-бактрийского царя Гелиокла, еще недавно исчислялась в составе нумизматических собраний единичными экземплярами. За последнее десятилетие число их значительно возросло, притом за счет находок хорошо локализованных археологическими исследованиями. Только для городищ и поселений долины Сурхан-Дарьи зафиксировано уже 27 этих монет, т. е. значительно больше, чем для других районов Северной Бактрии [6].

Анализ этих монет привел к заключению, что выпуск и обращение «варварских подражаний Гелиоклу» локализуется в основном в области Северной Бактрии и охватывает период, начинающийся спустя некоторое время после удара сакских племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство, и заканчивающийся с началом формирования державы Великих Кушан при Кадфизе I — т. е. с конца II в. до н. э. и примерно до рубежа н. э. [7]. Эти монеты имели хождение еще в начале правления этого кушанского государя, но вскоре были вытеснены его собственными массовыми монетными эмиссиями, особенно группы «Сотер Мегас». Характерно, что на Айртаме, например, при раскопках обнаружены рядом три монеты, одна из которых — «варварского Гелиокла», а две — «Сотера Мегаса» [8].

Публикуемые в нашей таблице монеты соответствуют обычным весовым и линейным номиналам. Шесть монет (*№ 2—7*) принадлежат к наиболее распространенному типу: массивная голова царя вправо на лицевой стороне и стоящий Зевс на оборотной. Седьмая же монета (*№ 8*) имеет на оборотной стороне изображение коня с приподнятой передней ногой, стоящего влево. Оба типа общеизвестны, однако для некоторых экземпляров можно отметить особенности в деталях изображения или легенды. Так, фигуре Зевса на *№ 4* присущ характерный для его изображения на подлинных монетах Гелиокла мягкий изгиб, связанный с традициями эллинистического ваяния, в то время как на остальных экземплярах корпус его передан более прямо и жестко. На *№ 2* и *3* над правым плечом Зевса прослеживается рельефная дужка, над левым плечом кружок, а на *№ 6* рельефные дужки помещены над обоими плечами. Значение этих деталей, очевидно символических, остается пока неясным. Чрезвычайно интересно, что на *№ 1* на ногах Зевса невысокие поколенные сапожки с широкими отворотами. Такая деталь в чекане «варварского Гелиокла» еще не отмечалась,— по-видимому, она отражает какие-то местные азиатские вкусы и представления, ибо в греко-римском искусстве владыка Олимпа всегда бос. Форма обуви напоминает как о тех коротких сапожках с отворотами, в какие обут Арес на ритонах из парфянской Нисы (II в. до н. э.) [9], так

[6] Ошибочно утверждение, будто наибольшее количество подобных монет в Северной Бактрии найдено в Гисарской долине (см. Е. А. Давидович, А. Мухтаров, Страницы из истории Гисара, Душанбе, 1969), ибо там их пока обнаружено лишь семь экземпляров, в то время как один лишь Халчаян или Термез дали больше.

[7] В. М. Массон, Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 63 сл.; Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г., «Труды АН ТаджССР», XXXVII, 1957, стр. 95; она же, Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., «Труды АН ТаджССР», XCI, 1959, стр. 171 сл.; Г. А. Пугаченкова, Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 111 сл.; она же, К стратиграфии ..., стр. 81 сл.

[8] Пугаченкова, К стратиграфии ..., стр. 82.

[9] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы. Текст, Ашхабад, 1959, стр. 165, 172; Альбом, Москва — Ашхабад, 1956—1959, табл. I, IV, VI, XIII и др.

и об обуви в изображениях таких чисто азиатских божеств, как Фарро, Мох, Михро на монетах Великих Кушан [10].

Укажем на необычность на *№ 2* монограммы ⊓Δ⊓, представляющей как бы сочетание *сигмы* с *альфой*, что еще ни разу не отмечено на монетах данной группы. К ней близка монограмма на монете из Айртама, но там знак в центре *сигмы* более похож на *дельту* ⊓Δ⊓ [11].

Небезынтересны и наблюдения над начертанием отдельных букв. Так, конечная *сигма* в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ имеет квадратную форму, что также впервые отмечается на монетах данной группы, хотя В. М. Массон уже допускал подобное начертание конечной *сигмы* на монете с городища Кайковат [12]. *О-микроны* в слове ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ на нашей монете изображены в виде некрупных и слаборельефных кружков, которые обычно на монетах «варварского Гелиокла» не передаются.

В части топографического распределения монет интересны находки их в Хатын-Рабате, Хаитабад-тепе и Дальверзин-тепе, сделанные здесь впервые. В стратиграфическом отношении существенное значение имеет *№ 8*. Он обнаружен в слое, зажатом между лежащим ниже греко-бактрийским и расположенным выше кушанским, определяемым находками монет Кадфиза I, Кадфиза II и Канишки, что еще раз подтверждает промежуточную датировку чекана «варварского Гелиокла».

Сопоставление значительного числа монет «варварского Гелиокла», локализуемых по месту находки, приводит к следующему наблюдению. Если тип I (государь — Зевс) был распространен повсеместно в Северной Бактрии, то тип II (государь — конь) встречается, в основном, начиная от области по среднему течению Сурхан-Дарьи в направлении на северо-восток (Дальверзин-тепе, Халчаян, Шахринау). До сих пор ни одной подобной монеты не найдено на городищах приамударьинской области, хотя отсюда происходит уже 24 экземпляра монет «варварского Гелиокла» типа «государь — Зевс». И хотя единичный экземпляр II типа оказался в Таксиле, Дж. Маршалл не случайно поместил его в разряд «редких и уникальных монет» [13]. Следует также отметить, что в Кафирнигане и в Гисарской долине имел хождение и иной тип «варварских подражаний» греко-бактрийскому чекану (а именно монетам Евкратида), притом битых не из меди, а из серебра [14].

В объяснение отмеченной локализации II типа монет «варварского Гелиокла» можно допустить следующую гипотезу. К концу II в. до н. э. юеджийские племена занимают области Северной Бактрии и оседают здесь на десятилетия. В сфере денежного обращения они сохраняют привычный для местного населения тип монет последнего для этих областей греко-бактрийского царя. Но оставляя на аверсе его огрубленный портрет, они со временем заменяют на реверсе греческого бога более близким им образом коня, культ которого был всегда очень силен у народов полукочевнического уклада. Причем замена эта происходит в основном в тех районах, где формируется первоначальное ядро кушанской державы. А этим районом, судя по исследованиям Халчаяна и Дальверзин-тепе, скульптур-

[10] Smith, ук. соч., табл. XI—XIII; Whitehead, ук. соч., табл. XVII, XVIII.

[11] Пугаченкова, К стратиграфии ..., табл. I, *3 б*.

[12] В. М. Массон, ук. соч., стр. 71.

[13] J. Marshall, Taxila, т. II, Cambr., 1951, стр. 836; т. III, табл. 236, *67*.

[14] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА, № 15, 1953, стр. 171, табл. 85; А. М. Мандельштам, Кочевники на путях в Индию, МИА, № 136, 1966, стр. 138 сл.

ные композиции которых прославляют ранних и Великих Кушан, были именно те долины, лежащие между современным Джар-Курганом и Душанбе, на городищах которых в основном и были встречены монеты «варварского Гелиокла» с конем на оборотной стороне.

«Сотер Мегас»

Из пяти публикуемых монет этой группы четыре (*№ 9 — 12*) по своим весовым нормам и типу входят в традиционную массовую эмиссию так называемого «безымянного царя» или «Сотера Мегаса». Они выпускались во второй половине правления Куджулы Кадфиза, но, видимо, имели хождение и в начальные годы воцарения Вимы Кадфиза. *№ 13* принадлежит к тому редкому мелкому номиналу, который, однако, уже зафиксирован в Южном Узбекистане на ряде городищ [15].

Вима Кадфиз

Девять монетных кружков Кадфиза II (*№ 14—22*) передают его наиболее традиционный монетный тип (царь в высокой шапке и широкополом кафтане, стоящий у алтаря, и Шива с быком Нанду). По своим метрическим и иконографическим особенностям они почти одинаковы [16]. При всем том монеты эти различаются между собой расположением деталей и масштабами изображений, что говорит о различных штемпелях, применявшихся при их чеканке.

В стратиграфическом отношении принципиальный интерес имеет находка уже упомянутой монетки «Сотера Мегаса» (*№ 13*) и монеты Вимы Кадфиза (№ *20*) на полу одного из помещений буддийского святилища на Дальверзин-тепе, позволяющая датировать возведение этого здания правлением Кадфиза II. Последний, как известно, завершил начатое Кадфизом I завоевание Индии, и хотя сам он, судя по монетному чекану, был сторонником шиваизма, а не буддизма, это завоевание способствовало продвижению буддийских колоний и пропаганде буддизма по всему Кушанскому царству, в том числе и на его бактрийской территории.

Канишка

Чекан Канишки представлен 14 монетами в основном крупного номинала. Все они достаточно традиционны, но характерно здесь соотношение изображений на оборотной стороне. Пять экземпляров передают фигуру стоящего влево божества. На одном из них (*№ 24*) изображен, судя по типу одеяния и следам легенды, видимо, бог огня Атеш = АѲРО; прочих определить не удалось. На других пяти монетах изображение бегущего влево божества воздушной стихии Вадо. Таким образом, подтверждается сделанное на основании предшествующих монетных находок наблюдение о наибольшем распространении в Северной Бактрии медных монет Канишки именно с изображением Вадо [17]. Не было ли связано его почитание с той ролью, какую играют в жизни этих сельскохозяйственных

---

[15] Л. И. Альбаум, Балалык-Тепе, Ташкент, 1960, стр. 40; Пугаченкова, К стратиграфии ..., стр. 76, 83. Несколько миниатюрных монетных кружков данного типа были отмечены Г. А. Пугаченковой среди множества монет «Сотера Мегаса», собранных на городище древнего Балха и хранящихся в Мазари-Шерифском музее (Афганистан).

[16] Весовые колебания приведенных в таблице монет Вимы Кадфиза связаны в основном с большей или меньшей потертостью самих монетных кружков или утратами при их очистке находчиками.

[17] Пугаченкова, К стратиграфии ..., стр. 85.

районов то горячий, подобный самуму, доносящийся из-за Аму-Дарьи из пустыни ветер «афганец», то благодатный ветер, веющий с севера, с гор, приносящий столь желанный дождь на поля и сады?

Распространение в Северной Бактрии монет Канишки с определенным кругом божеств (среди них следует отметить и божество Окшо), по-видимому, не случайно. Оно связано, на наш взгляд, с религиозными воззрениями населения этой области, основная масса которого, несмотря на то, что буддизм занимал здесь уже достаточно крепкие позиции, поклонялась местным божествам авестийского круга, что хорошо прослеживается и в мелкой терракотовой пластике.

Хувишка

Из пяти публикуемых халков Хувишки четыре принадлежат к весьма распространенному в его чекане типу: на лицевой стороне — государь, сидящий на слоне вправо, а на оборотной стороне — стоящее прямо божество ОКРО = Окшо, имя которого ассоциируется с Оксом древних авторов и с Вахшем, одним из главных притоков Аму-Дарьи. На *№ 40* при такой же лицевой стороне на обороте изображено лунное божество МОХ.

Судя по весу, большинство монет относится к выделяемой Д. Мак-Доуэллом второй хронологической группе медного чекана Хувишки [18]. Любопытна монета *№ 39* весом 14,4 г, форма которой не круглая, а вытянутая, с оттянутым с одного края отростком. Можно полагать, что она не чеканенная, а литая, на что указывает нечеткость изображения и форма одного из краев, где монета, вероятно, подходила к устью литника.

Касаясь количества и мест находок медных монет Хувишки в Северной Бактрии, можно заметить, что их найдено гораздо меньше, чем монет других кушанских государей, притом пока лишь в шести пунктах (Старый Термез [19], Зар-тепе [20], Хатын-Рабат, Барат-тепе, Халчаян и Сина [21]). Причина этого пока неясна. Следует лишь оговорить, что помимо описанных здесь имели хождение и монеты иного типа — с изображением сидящего или полулежащего на низком троне государя на лицевой стороне и фигурами различных божеств на оборотной.

Васудева I и Васудева II

Крупные (диаметр 22—24 мм) и среднеразмерные (диаметр 18—19 мм) халки Васудевы I повторяют традиционный тип: вооруженный государь у алтаря на лицевой стороне и Шива с быком, стоящим влево, на оборотной.

Столь же традиционны и халки Васудевы II (диаметр 18—19 мм) с фигурой царя и сидящей богиней Ордохшо. Но существенные отличия их не только в изображениях, но в весовых показателях, ибо при том же, что и у среднеразмерных халков Васудевы I, диаметре 18—19 мм монеты Васудевы II имеют значительно меньший вес (2,6—5,8 г против 6,9—8,5 г у Васудевы I). Кроме того, изображение на реверсе монет Васудевы II часто заключено в круг из крупных, рельефных точек, которого нет у его предшественника.

---

[18] D. W. MacD o w a l l, The Weight Standarts of the Gold and Copper Coinage of the Kushans Dynasty from Wima Kadphises to Vasudeva, «Journal of the Numismatic Society of India», XXII, 1960, стр. 71 сл.

[19] М. Е. М а с с о н, Работы Термезской археологической комплексной экспедиции 1937 и 1938 г., «Труды АН УзССР, сер. I. Термезская археологическая экспедиция», II, Ташкент, 1945, стр. 5; Б. Я. С т а в и с к и й, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., в кн. «Кара-тепе», М., 1964, стр. 42.

[20] А л ь б а у м, Балалык-тепе, стр. 38, рис. 28, 7; стр. 40.

[21] П у г а ч е н к о в а, Халчаян, стр. 119 сл., 249.

Рис. 1. Монеты из Правобережной Бактрии

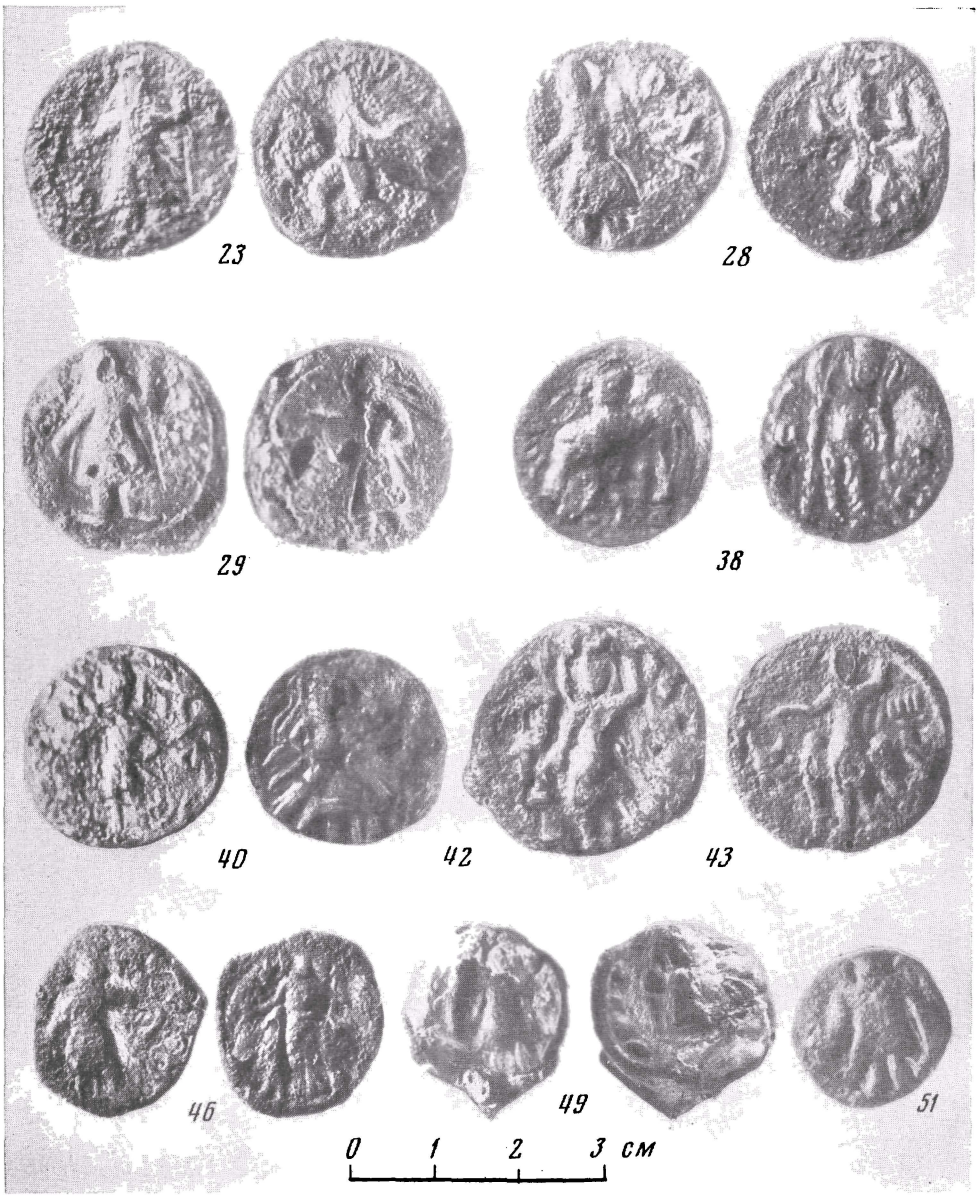

Рис. 2. Монеты из Правобережной Бактрии

Таблица монетных находок

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм	Вес в гр.	Сохранность лиц. ст./об. ст.
			Серебро				
			Греко-бактрийские монеты				
1	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	Антимах	Погрудное изображение царя в плоском головном уборе и диадеме вправо; ободок из мелких черточек	Посейдон, стоящий впрямь, с трезубцем в правой руке и пальмовой ветвью в левой	17		C_1/C_1
			Бронза				
			Подражания греко-бактрийским монетам				
2	Шор-тепе; подъемная	«Варварский Гелиокл»	Погрудное изображение царя вправо; волосы повязаны двойной диадемой, концы которой развеваются за головой, плечи окутаны драпирующимся плащом (табл. I)	Зевс, стоящий впрямь. Вокруг головы рельефные штришки нимба, над правым плечом дужка, над левым — кружок. В полуопущенной правой руке крупный перун, в приподнятой левой — жезл, под ним монограмма [A]. Плотное одеяние до колен, на ногах сапожки с широкими отворотами. Справа: ..ΑΣΙΛΕΠΣ, слева: ..ΛΙ·ΓΛΕ·ΥΣ, внизу: ΔΙΓΑΙ·Υ (табл. I)	31	13,1	C_1/C_1
3	Хатын-Рабат, ХР-2, яр. X	То же	Голова государя в диадеме вправо	То же. Над правым плечом дужка, над левым рельефный кружок. Справа: ...ΣΙΛ.., слева: ΗΛΙΙΛΕΥΣ, внизу под чертой ...Α...	30	14,4	C_2/C_2

Продолжение

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм	Вес в гр.	Сохранность лиц. ст./об. ст.
4	Хаитабад-тепе, подъемная	«Варварский Гелиокл»	То же. Ободок из чередующихся точек и черточек (табл. I)	То же. Вокруг головы лучистый нимб. Корпус изогнут в талии, верхняя часть его отклонена вправо. Справа: ΒΑΣΙΛΕ... (табл. I)	30		C_2/C_2
5	Хатын-Рабат, подъемная	То же	То же. Волосы разделаны в несколько рядов выпуклыми штришками и подхвачены двойной диадемой (табл. I)	То же. Корпус прямой; под перуном монограмма ⊓. Справа: ...ΙΛΕΠΙ, слева: .ΙΙΛΕΥ., внизу под чертой ..ΔΙΥ.. (табл. I)	28	11,4	C_2/C_3
6	Дальверзин-тепе, подъемная, в 100 м к югу от буддийского святилища	»	То же. Волосы разделаны под двойной диадемой петельками, а ниже — спиралевидными завитками	То же; монограмма ⊓. Над плечами две рельефные дужки, вокруг головы лучистый нимб. В левой поднятой руке кольцо или навершие жезла. Справа: ...ΑΣΙΛΕ.., слева ..ΙΙΙΛ...	27		C_1/C_2
7	Старый Термез, в карьере кирпичного завода	»	То же	То же	27		
8	Дальверзин-тепе, ДТ-2, пом. 5, яр. IV	»	То же (табл. I)	Силуэт коня влево с поднятой правой передней ногой (табл. I).	28	11	C_3/C_3
			Кушанские монеты				
9	Барат-тепе. Шурф, верхний горизонт	«Сотер Мегас»	Погрудное изображение царя в диадеме вправо, со скипетром в правой руке (табл. I)	Царь на коне вправо с клевцом в вытянутой правой руке, с развевающимися за спиной лентами. Конь стоит на черте. Справа в поле, под мордой коня трехзубчатая на кружке с перекрестием тамга ⚲. Легенда ..ΛΕΥΣΒΑΣΙΛΕΩΝΣΩΤ... (табл. I)	21—20	7,4	C_2/C_1

Продолжение

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм	Вес. в гр.	Сохранность лиц. ст./об.ст.
10	Там же, подъемная	«Сотер Мегас»	То же?	Изображение неразличимо	19	5,2	C_3/C_3
11	Дальверзин-тепе, ДТ-2, пом. 9, яр. IV	То же	То же; за головой следы тамги (табл. I)	То же	19	7,2	C_2/C_2
12	Старый Термез, близ Кара-тепе	»	То же. За головой трехзубчатая тамга на кружке с перекрестием	Как *№ 9*. Легенда ... ΒΑϹΙΛ .. ΣΩΤ ..	19		C_1/C_2
13	Дальверзин-тепе, ДТ-1, пом. 6, над полом	»	То же (различим лишь силуэт), за головой следы тамги	Изображение неразличимо	13	3,2	C_3/C_3
14	Дальверзин-тепе, ДТ-2, пом. 5, яр. IV, в 10 см над полом	Кадфиз II	Царь в высоком головном уборе и диадеме с развевающимися лентами, стоит впрямь, голова вправо, правая рука над алтарем, левая у бедра. В поле слева трезубец, в поле справа четырехзубчатая с боковыми отростками тамга , под локтем левой руки справа ΒΑΓΙΛΕ.ϹΒΑϹΙΛ (табл. I)	Шива, стоящий впрямь перед горбатым быком, обращенным вправо. В правой руке трезубец, локтем левой руки опирается на быка, над крупом которого часть тамги (табл. I)	27	14,2	C_1/C_2
15	Дальверзин-тепе, ДТ-2, пом. 11, яр. IV, у стены	То же	То же	То же	27—26	15	C_1/C_2
16	Хатын-Рабат, ХР-2, пом. 12, над полом	»	То же	То же	27—26	16,4	C_3/C_3
17	Хатын-Рабат, ХР-2, Кв. 18, яр. I	»	То же	То же	26	16,7	C_3/C_3
18	Барат-тепе, подъемная	»	То же (табл. I)	То же	26	14,7	C_2/C_3
19	Денау, на поле у автостанции	»	То же (табл. I)	То же. Над крупом быка трехзубчатая с боковыми отростками тамга на круглом основании , по кругу следы легенды.	25	14,8	C_2/C_2

Продолжение

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм.	Вес. в гр.	Сохранность лиц. ст./об. ст.
20	Дальверзин-тепе, ДТ-1, пом. 6, в смазке пола	Кадфиз II	То же (табл. I)	То же, но изображение более мелкое	25	16,6	C_3/C_3
21	г. Термез, во дворе дома № 6 по ул. Огородной	То же	То же	То же	25		C_2/C_3
22	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	»	То же	То же	25		C_2/C_3
23	Хатын-Рабат, подъемная	Канишка	Бородатый царь в высоком головном уборе и широкополом кафтане, стоящий впрямь, голова влево, правая рука над алтарем, в левой руке копье (табл. II)	Бог Вадо, бегущий влево, с согнутыми в коленях ногами и воздетыми руками. Слева под рукой четырехзубчатая тамга ☙	25—24	13,2	C_2/C_3
24	Хатын-Рабат, подъемная	»	То же	Стоящее влево божество в длинном кафтане, правая рука простерта вперед, согнутая левая покоится на бедре. Справа ...РО (м. б. АѲРО)	24	16,7	C_2/C_2
25	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	»	То же	Как *№ 24*; в поле справа четырехзубчатая тамга	24		C_2/C_2
26	Там же	»	То же	Фигура божества, стоящего влево	24		C_2/C_2
27	Там же	»	То же	Бог Вадо, бегущий влево, слева в поле четырехзубчатая тамга	24		C_2/C_2
28	Дальверзин-тепе, ДТ-2, яр. IV	»	То же. Справа ...ОРАО... (табл. II)	Бог Вадо, бегущий влево (табл. II)	24—23	16,6	C_3/C_3
29	Куль-тепе, подъемная	»	То же (табл. II)	Стоящее влево стройное мужское божество в длинном кафтане, с протянутой правой рукой, левая лука покоится у бедра на рукояти меча; вокруг головы нимб (табл. II)	24	16,5	C_2/C_2

Продолжение

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм	Вес. в гр.	Сохранность лиц. ст./об. ст.
30	Ялпак-тепе, подъемная	Канишка	То же (табл. II)	Бог Вадо, бегущий влево	24	14,3	C_2/C_2
31	Барат-тепе, подъемная	»	То же	Изображение неразличимо	24	13,1	C_2/C_3
32	Барат-тепе, подъемная	»	Изображение неразличимо	Бог Вадо, бегущий влево	23—22	13,7	C_3/C_3
33	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	»	Как *№ 23*	Фигура божества, стоящего влево	22		C_2/C_2
34	Там же	»	То же (различим силуэт фигуры)	Изображение неразличимо	19		C_2/C_3
35	Там же	»	То же (различим силуэт фигуры)	Изображение неразличимо	18		C_3/C_3
36	Там же (половина монеты)	»	То же	Изображение неразличимо	18		C_3/C_3
37	Хатын-Рабат, ХР-2 яр. I, на полу мастерской	Хувишка	Государь на слоне вправо, в правой руке скипетр, в вытянутой левой — стрекало. Слева и внизу следы круговой легенды	Стоящее прямо божество с опущенной левой рукой, в поднятой правой копье, слева в поле следы четырехзубчатой тамги	24	10,3	C_2/C_2
38	Хатын-Рабат, подъемная	»	То же (табл. II)	То же (табл. II)	22	9,6	C_2/C_2
39	Барат-тепе, подъемная	»	То же	Изображение неразличимо	23	14,4	C_3/C_3
40	Барат-тепе, подъемная	»	То же (табл. II)	Стоящее влево лунное божество с полумесяцем за плечами, с протянутой правой рукой и опертой у бедра на меч левой, справа легенда MA... (табл. II)	23	9,5	C_3/C_3
41	Барат-тепе, подъемная	»	Изображение неразличимо	Как *№ 37*; слева в поле четырехзубчатая тамга	22	6,9	C_3/C_3

Продолжение

№	Место и обстоятельства находки	Правитель	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Диам. в мм	Вес. в гр.	Сохранность лиц. ст./об. ст.
42	Дальверзин-тепе, шурф I, ср. IV	Васудева I	Царь в шлеме и панцире, стоящий прямо, голова влево; правая рука над алтарем, в левой трезубец. Вокруг головы нимб, на поясе меч (табл. II)	Шива, стоящий впрямь, с трезубцем в левой руке и неясным предметом в правой, позади него горбатый бык, стоящий влево	24	10,1	C_2/C_2
43	Хатын-Рабат, ХР-2, двор, над полом у стены	То же	То же	То же; над крупом быка четырехзубчатая тамга $\frac{\varphi\,\varphi}{\Lambda}$ (табл. II)	24—23	9,4	C_3/C_3
44	Тарагай-тепе, подъемная	»	То же	То же	22	9,4	C_2/C_2
45	Барат-тепе, подъемная	»	То же	То же	22	6,9	C_3/C_3
46	Тарагай-тепе, подъемная	»	То же (табл. II)	То же (табл. II)	19	8,5	C_3/C_3
47	Хатын-Рабат, подъемная	»	То же	То же, ободок из крупных точек	19	6,9	C_2/C_2
48	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	»	То же	То же	18		C_2/C_2
49	Куль-тепе, подъемная	Васудева II	Стоящий прямо царь в просторном кафтане, с раздвинутыми руками (табл. II)	Сидящая богиня, ободок из крупных точек (табл. II)	19	5,8	C_3/C_3
50	В 2 км к северу от впадения Сурхан-Дарьи в Аму-Дарью	»	То же	То же	19		C_2/C_2
51	Хатын-Рабат, подъемная	»	То же (табл. II)	То же	18	2,6	C_2/C_2
52	Барат-тепе, подъемная (половина монеты)	»	То же	То же	18		C_2/C_3

На публикуемых монетах Васудевы I заметны отличия в пропорциях изображений — так, на *№ 45* оно мельче, а на *№ 43* фигуры царя и божества изящнее, чем на остальных,— все это показатель разнообразия штемпелей, из-под которых выходили монетные кружки. Что касается монет Васудевы II, то почти как правило изображение попадало на них со штемпеля не целиком, а частично. По-видимому, экономя на металле, чеканщики брали значительно меньшую, чем следовало, заготовку.

Обращает на себя внимание широкий ареал распространения монет Васудевы I в Северной Бактрии — от Аму-Дарьи до предгорьев Байсунтау, причем монеты эти найдены как на крупных городищах типа Дальверзин-тепе, так и на малых сельских поселениях типа Тарагай-тепе.

Среди новых монетных находок с городищ долины Сурхан-Дарьи имеется несколько мелких, тонких монетных кружков локального чекана, подражающих чеканам Васудевы I и Васудевы II или же вполне оригинальных по типу, которые отмечают период упадка денежного хозяйства в Бактрии-Тохаристане после крушения государства Великих Кушан. Но эти нумизматические объекты требуют еще дополнительного изучения.

NEW COIN FINDS FROM NORTH BACTRIA

by G. A. Pugachenkova and E. V. Rtveladze

The authors publish a mixed group of 52 coins, some of which were found in the course of surveys and excavations conducted in 1966-69 by the Uzbekistan expedition of Art Historians at several sites in the Surkhan-Darya region, while others are new accessions to the Termez museum from Old and New Termez. The group includes coins of Antimachus (1), the «Barbarian Heliocles» (7), Soter Megas (5), Kadphises II (9), Kanishka (14), Huvishka (5), Vasudeva I (7) and II (4). The single coin of Antimachus (Poseidon on the rev.) belongs to a little known silver denomination, small in format (diam. 17 mm.). The other coins are all bronze. Among them are six coins of the «Barbarian Heliocles» type with Zeus on the reverse and one with a horse on the reverse. The first type is found all over North Bactria, the second is localised mainly to the area between modern Djar-Kurgan and Dushanbe. Coins of the Great Kushan minting are typical. Among the Soter Megas coins 12 belong to his mass emission, one is of a rarer small denomination (diam. 13 mm.; 3.2 gr.). Coins of Soter Megas and Vima Kadphises (king at altar; Shiva with a bull), found in a Buddha sanctuary in Dalverzin-tepe, indicate the consolidation of Buddhist colonies in North Bactria even before Kanishka. The provenance of the Kanishka coins (east of New Termez, Khatun-Rabat, Yalpaq-tepe, Barat-tepe, Kul-tepe, Dalverzin-tepe) confirms our earlier observation about the main diffusion area of coins depicting OADO (the god of air) and OKPO (Vaksh-Oxus); the latter appears also on coins of Huvishka, which also bear the image of the divinity MOH. These gods were obviously worshipped particularly in this region. Coins of Vasudeva I (Shiva with bull on rev.) and Vasudeva II (seated goddess ORDOKSHO on rev.) usually mark the final phase in the life of many of the North Bactrian towns and hamlets.

Б. Н. Аракелян

ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ ИЗ СТОЛИЦЫ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ — АРТАШАТА

В КОНЦЕ апреля 1967 г. в Институт археологии и этнографии АН Армянской ССР поступило сообщение о том, что при проведении канавы для водопровода на южной окраине селения Кичик Веди, расположенного на территории древнеармянской столицы Арташата, обнаружены каменные плиты с латинской надписью. Эти плиты, найденные на глубине 1 м 40 см от дневной поверхности ровного поля, принадлежали одной надписи, оказавшейся расколотой на четыре части. На одной из плит было имя императора Траяна. Вся надпись была высечена на плите из крупнозернистого известняка, добывавшегося недалеко от Арташата. Одновременно были найдены также база колонны из мелкозернистого известняка, камень от кладки с гнездами для металлических скреп и две зернотерки. Разведочными раскопками был обнаружен еще ряд обломков других плит с надписями, зернотерки, часть вымостки пола из неотесанных камней, куски раствора, которым был покрыт пол, и множество керамических черепков II в. до н. э.— III в. н. э., в том числе фрагменты росписной керамики II—I вв. до н. э. На расстоянии 150 м от места находки была найдена еще одна база из известняка.

Место находки надписей расположено примерно на 2,5 км севернее Хорвирапских холмов, где некогда возвышалась цитадель Арташата, кварталы которого доходили до нынешнего селения Кичик Веди. Об этом свидетельствуют не только указанные выше находки, но и повсеместно находимые в пашнях многочисленные черепки керамики. На одном участке между селением и холмами было обнаружено множество обломков кровельной черепицы, а также фрагменты стенной росписи с характерными для античного времени ясными и благородными красками до 7—8 оттенков.

Как известно, Армения и ее столица Арташат занимали не последнее место в завоевательных планах Рима на Востоке. Еще Лукулл угрожал сравнять с землей «армянский Карфаген». Сто с лишним лет спустя, в 58 г. н. э., другой римский полководец — Корбулон — в самом деле сравнял Арташат с землей, но с утверждением царства армянских Аршакидов столица Армении вновь встала из пепла и сыграла немалую роль в упрочении власти новой династии. Но ее ожидали новые испытания, поскольку Рим не отказался от мысли захватить Армению.

Император Траян после одержанных им побед над Дакией замышлял покорить Армянское и Парфянское царства. В 114 г. он вторгся в Армению, и армянский царь Парфамасир, представившись ему, снял корону

и положил ее перед римским императором в надежде, что получит обратно, как некогда Тигран получил обратно корону от Помпея и Тиридат — от Нерона. Но времена изменились, и соотношение противоборствующих сил было иным. Траян вторгся в Армению с намерением превратить ее в римскую провинцию (Cass. Dio, LXVIII, 19, 20). Парфамасир был изгнан из страны и убит при сопротивлении, а Армения стала римской провинцией. При этом Каппадокия и Малая Армения были отделены от Галатии и вместе с Великой Арменией образовали отдельную провинцию, наместником которой был назначен Катилий Север [1]. Войска Траяна взяли Арташат, часть их оставалась там до 117 г.

Найденные на территории Арташата латинские надписи относятся к этим временам. Большая надпись с именем Траяна состоит из трех строк. Она высечена на пяти плитах, высота которых 80 см и общая протяженность 8,5 м. Буквы крупные, высотой 20 см в первой строке и 16 см во 2 и 3 строках; вырезаны они глубоко и красиво. Надпись состоит в основном из титулатуры римского императора и несмотря на недостающие части восстанавливается и читается удовлетворительно (рис. 1). Восстановление 1 и 2 строк надписи трудности не представляет и сомнения не вызывает. В начале 3 строки указывается, сколько раз Траян был облачен трибунской властью. Однако после цифрового знака X сохранились верхняя и нижняя части следующего знака, а продолжение было на следующей плите, начала которой недостает, следовательно, цифра подлежит восстановлению. На продолжении строки сохранились — — — P XIII (т. е. IMP XIII раз), далее COS V, и после цифры V сохранилась верхняя часть следующего знака, значит и эта цифра подлежит уточнению.

Сопоставив данные нашей надписи с сообщениями Кассия Диона, нетрудно определить недостающие знаки и установить, сколько раз Траян был трибуном и консулом к моменту составления надписи, а также выяснить дату последней. К полной титулатуре Траяна прибавлено еще Parthicus, а этот победный титул был ему присвоен римским сенатом 20 или 21 февраля 116 г. [2], трибуном в XX раз он был до 10 декабря того же 116 г., когда был облачен трибунской властью в XXI раз. Буквы первой надписи, как было указано, крупные, вырезаны свободно, слова отделены друг от друга особым знаком в виде листика. По расчетам после цифрового знака X мог бы поместиться еще один такой знак, но не два, следовательно, трибунской властью Траян в это время был облачен XX раз, значит надпись могла бы быть поставлена между февралем и декабрем 116 г. Но эти грани можно еще сузить. Траян тринадцатый раз был провозглашен императором в середине лета 116 г., а надпись могла быть поставлена до вспыхнувшего в Армении осенью того же года восстания.

На отсутствующей части надписи после указания числа консульств могли бы поместиться семь букв. В подобных надписях здесь обычно стоят слова Pater Patriae. На нашей плите сохранились еще заметные кончики горизонтальных линий от буквы E и сохранилась буква R, которыми кончалось первое слово [3].

Надпись читается следующим образом:

IMP(erator) Caesar Di[vi] Ner[va]e f(ilius) [N]erva Traianus/

---

[1] CAH, XI, стр. 220 и 243; ILS, 1041; 1338; Я. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа, т. II, ч. 1, Ереван, 1957, стр. 25—26.

[2] RE, Spbd X, стб. 1098—1101.

[3] Имея в виду, что в надписях, составленных от имени императоров, при перечислении их титулатуры слова Pater Patriae почти обязательны, и исходя их того факта, что в харбердской надписи 64 г. имеется форма Pat. P., я в первой публикации арташатской надписи на армянском языке (см. Историко-филологический журнал, 1967, № 4, стр. 302—311) счел возможным чтение Pat. Pater.

Рис. 1. Строительная надпись Траяна из Арташата

Optimus Aug(ustus) Germ(anicus) Dacicus Parthicus pont(ifex) max(imus)/ trib(unicia) pot(estate) XX imp(erator) XIII co(n)s(ul) VI ..... ER leg(io) IIII Scythica fecit/

«Император Цезарь Нерва Траян, божественного Нервы сын, наилучший Август, Германский, Дакийский, Парфянский, великий понтифик, облеченный трибунской властью XX раз, провозглашенный императором XIII раз, консулом VI раз [.....?] IIII Скифский легион сделал».

Эта огромная по размерам надпись была закреплена на каком-то сооружении, о чем свидетельствует также заметно расширяющаяся нижняя часть плит (толщина плит в верхней части 16 см, в нижней — 20—21 см). Сохранившиеся незначительные архитектурные остатки и ограниченные разведочные раскопки не позволяют установить характер этого здания, построенного легионом и посвященного императору.

Вторая надпись является эпитафией римского воина. Размеры плиты — 72 × 167. Надпись состояла из десяти строк, вырезанных на известняке мелкими буквами. Хорошо сохранились первые четыре строки. От остальных строк остались отдельные буквы.

1. D(IS) M(ANIBUS)
2. C(AIUS) VAL[(ERIUS)] CRE [...]
3. MIL(ES) VEX(ILLATIONIS) LEG(IONIS) I
4. ITALIC[A]E MILIT(AVIT)
5. — — — — — — — — — — —
6. — — — — — — — — — — —
7. — — — — — — — — — — —
8. — — — — — — — — — — —
9. — — — — — — — — — — —
10. M.....P(OSUERUNT)

«Боган Манам. Гай Валерий Кре[сцент?], воин вексилляции I Италийского легиона, служил ... монумент [?] поставили».

Из первой надписи явствует, что в столице Армении, провозглашенной римской провинцией, дислоцировался IV Скифский легион; вторая надпись показывает, что там находилась также по крайней мере одна из вексилляций I Италийского легиона. С этим согласуется сообщение Кассия Диона о том, что в удобных местах Армении Траян поставил гарнизоны (Cass. Dio, LXVIII, 21, 1). Уже высказывалось предположение, что Траян захватил не всю Армению и что северная ее часть осталась непокоренной. Я. А. Манандян, однако, отметил, что этот вопрос нуждается в специальном исследовании [4]. Наличие данной надписи Траяна не оставляет сомнений в том, что Арташат и Араратская долина были захвачены римлянами, а если и остались непокоренные районы, то их надо искать дальше, к северу и востоку от Араратской долины, скажем, в горных областях Гогарены и Сюника.

Латинские надписи на территории Армении были известны и раньше. Три из них происходят из района города Харберд (Харпут) у нижнего течения р. Арацани (Восточный Евфрат) и, вероятно, свидетельствуют о строительстве укрепления или моста [5] войсками Корбулона в 64 г. Две надписи происходят из Вагаршапата и связаны, возможно, со строительством укреплений (там же, стр. 262—270). Еще одна надпись, вырезанная на фрагменте столба (высота 45 см, диаметр 49 см), найдена в селении Алетлу, на правом берегу Аракса, напротив Арташата, недалеко от того

[4] Манандян, ук. соч., стр. 26, прим. 4.

[5] К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.— Л. 1953, стр. 223 сл.

места, где в древности стоял мост Таперакан, откуда брала начало дорога, связывавшая Арташат с Тигранакертом. Эта последняя надпись состоит из трех слов IMP(ERATOP) CAESAR DIVI, как в начале первой арташатской надписи. К. В. Тревер предполагает, что перед старым арташатским мостом «римлянами был воздвигнут или памятный столб, или здание с колоннами» (там же, стр. 224). Но форма столба и надпись на нем скорее позволяют полагать, что это был мильный столб — дорожный указатель, поставленный в начале важной магистрали, ведущей из Арташата в Тигранакерт и дальше в Месопотамию и Сирию. К. В. Тревер датирует надпись I—III вв., указывая, что для более точной датировки мы пока данными не располагаем, а далее справедливо отмечает, что надпись может свидетельствовать о стратегическом значении данного района в период римской оккупации (там же).

Рис. 3. Прорисовка надписи на надгробии римского легионера

Новые арташатские надписи позволяют считать, что алетлинская надпись синхронна, а IMP. CEASAR DIVI может обозначать Траяна. Этому не противоречили бы также эпиграфические особенности надписи. Если такое предположение близко к истине, тогда может быть установлен также маршрут похода Траяна против парфян. Я. А. Манандян, указывая, что маршрут похода Траяна на юг через Армению остается пока не исследованным, считал возможным предположить, что римские войска из Элегии, располагавшейся возле будущего Эрзерума в Высокой Армении, пройдя через Хнус и Маназкерт, вышли к Мушской равнине и отсюда через Тигранакерт к Инзибниу [6]. Найденные в Арташате надписи дают основание предполагать, что Траян из Высокой Армении продвигался до Арташата и отсюда направился к Тигранакерту через магистральную дорогу. Этим он обеспечивал и безопасность тыла своих войск.

Известно, что после захвата Армении Траян в 114 г. покорил Месопотамию, а в 115 г. Адиабену и Вавилонию, а также взял парфянскую столицу Ктезифон. В 116 г. он достиг Персидского залива, нанеся тяжкое поражение Парфии. Однако вскоре против римлян вспыхнули восстания. К осени 116 г., когда Траян вновь оказался в Вавилоне, он получил известие, что против него восстала вся Армения, Северная Месопотамия, Осроена. Несмотря на суровую расправу с повстанцами в Месопотамии и Осроене, Траян в 117 г. не смог взять Хатру, восставшую против римлян. Не было подавлено также восстание в Армении, возглавленное царевичем Валаршом. Вскоре заключается перемирие между Валаршом и Катилием Севером, и Траян вынужден был признать власть Валарша над частью (вероятно северо-восточной) Армении. Борьба против римского проник-

[6] Манандян, ук соч., стр. 27.

Рис. 2. Надгробие римского легионера

новения на Восток усиливается, и все труднее становится держать в подчинении покоренные Траяном страны. В начале 117 г. уже больной император отправился обратно в Рим, но в августе умер в Киликии. Адриан был вынужден возвратить Парфянскому царству Месопотамию и Адиабену. Одновременно восстановила свою независимость Армения, и Валарш I был провозглашен царем Великой Армении. На Востоке вновь устанавливается сравнительно длительный мир. Воспользовавшись этим, Валарш I (117—141) занимается строительством и основывает город Вагаршапат. Арташат и после этого продолжал быть первой столицей страны, пока не был разрушен Шапуром II в 60-х гг. IV в.

В связи с находкой латинских надписей на территории Арташата вновь стал вопрос о необходимости раскопок этого крупнейшего и важнейшего центра древней Армении. Раскопки Арташата были начаты в 1970 г. и дальнейшие работы обещают быть результативными.

LATIN INSCRIPTIONS FROM ARTASHAT, CAPITAL OF ANCIENT ARMENIA

by B. N. Arakelyan

The inscriptions were found when water was laid down in the village of Kichik Vedi in the northeastern part of ancient Artashat (the Ἀρτάξατα of the Greek sources). One inscription was cut on five blocks of local limestone (height 0.80 m., thickness 0.15—0.21 m., original length 8.5 m. of which 7.30 m. are preserved). The inscription reads: *IMP (erator) Caesar Di[vi] Ner[va]e f(ilius) [N]erva Traianus/ Optimus Aug(ustus) Germ(anicus) Dacicus Parthicus pont(ifex) max(imus)/ trib(unicia) pot(estate) XX imp(erator) XIII co(n)s(ul) VI . . . . . ER leg(io) IIII Scythica fecit/*

Another inscription is cut on a gravestone, also of local limestone (0.72 m. × 1.67 m.). It consisted of ten lines four of which are well preserved:

1. D(IS) M(ANIBUS)
2. C(AIUS) VAL[(ERIUS)] CRE[...]
3. MIL(ES) VEX(ILLATIONIS) LEG(IONIS) I
4. ITALIC[A]E MILIT(AVIT)
5. . . . . .
6. . . . . .
7. . . . . .
8. . . . . .
9. . . . . .
10. M. . . . . .P(OSUERUNT)

In the same area were found two limestone bases, a small section of pavement made of ragged stone, vessels for grinding grain, fragments of ancient pottery, etc.

Armenia was taken by Trajan and proclaimed a Roman province in 114 A.D., but the Romans were able to hold out against rebellious Armenia only until 117. The large inscription comes from this period but may be dated more closely: Trajan was proclaimed emperor for the thirteenth time in midsummer of 116 and was made tribune for the twenty-first time on 10 December of the same year.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

АММОНИТСКАЯ НАДПИСЬ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.

В ходе археологических раскопок, проводившихся в 1961 г. иорданским археологом Р. Даяни на юго-западном склоне крепостного холма Джебель эль-Кала'а, на месте древней цитадели Раббат-Аммон, в районе современного Аммана, была обнаружена надпись, которая значительно пополнила известный до того времени эпиграфический материал памятников древней аммонитской культуры. От надписи сохранилось семь строк текста. По сравнению с известными ранее эпиграфическими документами она может считаться весьма объемистой: до 1961 г. было найдено лишь 12 аммонитских печатей с именами их владельцев, надпись из неполных трех слов на основании небольшой статуэтки и краткая фрагментированная надпись из римского театра в Аммане (на вторично использованном камне) [1].

В первом сообщении о новой находке [2] говорилось, что надпись была обнаружена под линией римской крепостной стены железного века среди погребальных предметов на месте древнего захоронения. Опубликовал ее только в 1969 г. Г. Горн [3].

Надпись вырезана на плите желтого мелкозернистого известняка. Первоначальный размер плиты неизвестен, поскольку впоследствии она оказалась обрубленной до формы близкой к прямоугольному параллелепипеду с лицевой плоскостью около 26×19 см. В правом нижнем углу имеется аккуратный прямоугольный вырез, доходящий до шестой строки и по ширине занимающий пространство, на котором могли быть помещены три буквы текста. Хотя верхняя линия выреза приходится ровно под шестой строкой, не повреждая ее, есть основания допустить, что вырез также более позднего происхождения, поскольку левая его граница рассекает едва ли не посередине достаточно хорошо различимую правую крайнюю букву восьмой строки: š или w. Допустимо, однако, что поверхность плиты по границе выреза могла впоследствии обкрошиться. Сам вырез, во всяком случае, мог служить для подгонки плиты к тому месту, где она была помещена.

Можно согласиться с мнением Г. Горна (ук. соч., стр. 4), что верхняя строка надписи действительно была ее первой строкой, ибо расстояние между строками постоянно, и над верхней остается достаточно места для еще одной строки или же нижних концов ее букв. Но нет данных для суждения ни о длине строк, ни о том, была ли восьмая строка последней.

Несмотря на то, что почти все буквы надписи (100 из 108) более или менее хорошо различимы, ни одна строка не дает законченного смысла. Разделительные знаки между

---

[1] Весь известный к настоящему времени материал собран в обзорной работе: G. Garbini, La lingua degli Ammoniti, AION, 30, 1970, стр. 249—258.

[2] RB, LXIX, 1962, стр. 86; подробный отчет о раскопках еще не опубликован.

[3] См. Siegfried H. Horn, The Amman Citadel Inscription, BASOR, 193, 1969, стр. 2—13.

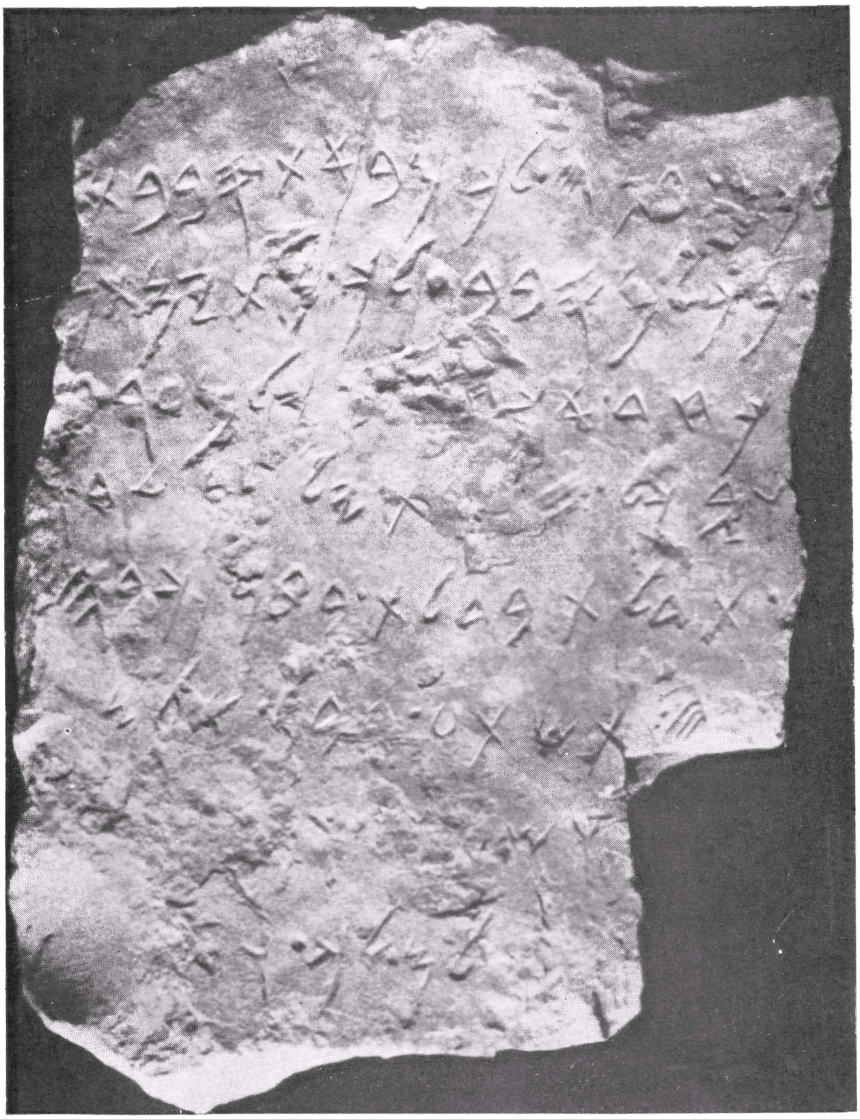

Рис. 1. Аммонитская надпись I тыс. до н. э.

словами употребляются непоследовательно, что иногда может ввести в заблуждение при чтении.

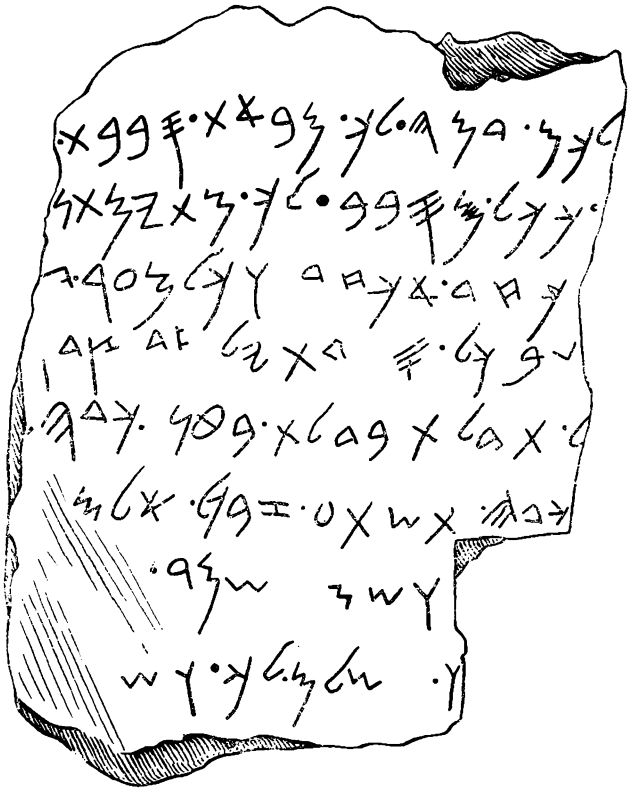

Рис. 2. Прорисовка текста надписи

Проведенный нами эпиграфический анализ позволил дать следующую транслитерацию текста:

1 m]lkm.bmh.lk.mbʾt sbbt[
2].kkl.msbb.lk.mtymtn[
3]kḫd.ʾkḫd.wklmʿr.ḃ[
4]wbkl. s[b]ṫylḫd ṣdḫ[
5]l.tblṭbdlt.bṭn krḫ[
6]krḫ.tštʿ.zbl.ʾlm[
7 wšm[r h] šmr[
8 w. [??] šlm.lk.wšl[m

Хотя письмо найденного памятника мало чем отличается от письма моавитской надписи царя Меши (IX в. до н. э.) [4], некоторые черты сближают его с арамейскими документами, особенно—со стелой Закира конца IX — начала VIII в. до н. э.[5]. Указывают прежде всего на изогнутое h первой строки, k восьмой строки и ṣ, форма которого совпадает с формой, представленной на стеле Закира, но в котором продолжения второй слева

[4] M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, Weimar, 1898, стр. 415, табл. I.

[5] H. Donner — W. Rölling, Kanaanäische und Aramäische Inschriften, Wiesbaden, 1962—1964, I—III, № 202.

(наклонной) и четвертой (горизонтальной) линий придают этой букве несвойственную ей форму. Однако при ближайшем рассмотрении различима третья (вторая вертикальная) линия, составляющая второе звено характерного для ṣ зигзага. Продолжения же наклонной и горизонтальной линий вызваны либо широким движением резца, либо фактурой камня, давшего в этих местах трещины. Форма буквы w, совпадающая с таковой в гезерской надписи X в.[6], отличает письмо нашего памятника от арамейских. ḫ с двумя перекладинами вместо трех встречается в моавитской надписи и в нескольких острака из Самарии (VIII в.) [7]. y с наклонным нижним хвостом напоминает y арамейских надписей Закира и Киламувы (вторая половина IX в.) [8], к последней близок и наклонный характер зигзага m, что, однако, встречается и в финикийских надписях. Исключительна овальная форма буквы ṭ с одной поперечной чертой; подобная форма ṭ, но с крестом внутри, встречается в надписи Хадада [9] из Зенджирли и в Сефирской стеле I [10], относящихся соответственно к началу и середне VIII в. до н. э.

Указанные черты позволяют датировать памятник началом VIII в., а близость письма к арамейским документам — особенно к надписи Закира — свидетельствует об арамейском влиянии. Нельзя согласиться с методом Ф. Кросса [11], который в качестве одного из доказательств архаичности памятника обращает внимание на то, что вертикальная линия буквы ʾ сдвинута вправо, как в раннефиникийских надписях и в надписях IX в. Упомянутая особенность не может иметь значения при датировке документов в пределах трех-четырех столетий, поскольку многое зависит от фактуры материала, на котором пишут, и от индивидуальной манеры писца. Заметим, что и в таком раннем памятнике, как Гезерский календарь, указанная особенность буквы ʾ отсутствует. Не существенна для датировки нашей надписи и форма ʿ. В четвертой строке он имеет форму замкнутого круга, а в шестой — открыт. Г. Горн обращает внимание на то, что открытая форма ʿ появляется в надписях, датируемых начиная с V в., хотя и признает, что на основании одной этой буквы нельзя делать вывода о столь позднем времени создания памятника (ук. соч., стр. 6—8). Но появление открытого ʿ явилось результатом развития курсивного письма, в нашем же памятнике признаки курсива отсутствуют. Наличие в нем отрытого ʿ на самом деле могло быть вызвано простой случайностью, либо же характером фактуры. При датировке надписей, помимо фактуры и особенностей почерка, не следует забывать и о соотношении между случайными и закономерными формами. О закономерности какой-либо формы можно судить лишь при наличии большого количества надписей, относящихся к конкретному периоду и месту.

Первая строка. Все исследователи единодушно видят в первых трех буквах lkm остаток имени божества Мильком, хотя текст не дает на то прямых указаний. Допустимы и другие варианты, например, lkm «для вас».

Второе слово читается всеми, на наш взгляд, предвзято — из стремления видеть в тексте строительную надпись. Ф. Кросс так и говорит: «Перевод первой строки надписи является решающим для всего остального» (ук. соч., стр. 18). Однако заключение о характере всей надписи делается на основании сомнительного чтения второго слова 1 стк. Хорошо различимый простым глазом полностью прорисованный зигзаг буквы m делает чтение n невозможным. Подобные формы m имеются в 8 и 2 сткк. Итак, вместо bnh «построил его» следует читать bmh «в том, что», «тем, что», прямой объект «то, что» или же — «жертвенная высота». Поскольку ничто не препятствует видеть в третьем слове lk сочетания предлога с местоименным суффиксом, мы не будем в настоящей статье рассматривать предложения Дж. Гарбини (ук. соч., стр. 225) читать lk как единую частицу, существовавшую в древнем южноарабском.

[6] Там же, № 182.

[7] G. A. Reisner, C. S. Fisher, D. G. Lyon, Harvard Excavations at Samaria, Cambr., 1924.

[8] «Ausgrabungen in Sendschirli», IV (1911), рис. 273.

[9] Lidzbarski, Handbuch..., табл. XXII.

[10] A. Dupont-Sommer, Les inscriptions araméennes de Sfiré, P., 1958, табл. XXIX.

[11] Frank M. Cross, Epigraphic Notes on the Amman Citadel Inscription, BASOR, 193, 1969, стр. 14.

Четвертое слово 1 стк.— mb't — можно понимать не только как имя места от глагола bw', т. е. «входы» или же «вход» с сохранившимся показателем женского рода единственного числа «t», как в моавитской надписи [12], но и как сочетание предлога min с отглагольным именем того же корня, также означающим «вход», «вхождение». Мы будем придерживаться первого варианта, хотя чтение bmh «в том, что» хорошо согласуется и со вторым. Сравни также msbb lk во 2 стк. Слово sbbt, вероятно,— множественное число с женским окончанием от единственного sbb. Такая форма в значении «вокруг», «окружение» типична для древнееврейского языка.

Вторая строка. Первое слово выделено разделительными знаками и потому может быть прочитано только как «в соответствии со всем, что» или «как все, что».

Следующие два слова msbb lk «от (из) того (всего), что вокруг тебя», «из твоего окружения» отделены друг от друга крупным разделительным знаком, который, по нашему мнению, не следует принимать за ʿ. Подобные крупные разделители встречаются и в других местах надписи,— например, в начале 2 стк. и, возможно, в середине 3 стк. перед сочетанием wkl. Последние шесть букв 2 стк. мы вслед за Кроссом (ук. соч., стр. 18) будем читать ʾmt ymtn «смертию умрут». Г. Горн предлагает составное имя собственное Mati-matan (ср. аккадское Mati-nuru), а также сочетание предлога min с топонимом tymtn (ук. соч., стр. 10).

Третья строка. Первые два слова читаются, несомненно, kḥd ʾkḥd. Так читает и Ф. Кросс («уничтожением уничтожу (его)»). Г. Горн в третьей букве второго слова видит h, хотя это маловероятно. Такая форма буквы h противоречила бы основным характерным для нее чертам, представленным в данном памятнике. В нем h не имеет таких острых углов, а вертикальный хвост его гораздо длиннее и плавно изогнут. То, что кажется третьей горизонтальной (верхней) чертой, на самом деле такой же дефект поверхности камня, как и продольное горизонтальное углубление, начинающееся на 3—4 мм выше описываемой и продолжающееся над предшествующей буквой k. К тому же описываемая буква имеет отчетливо различимую вертикальную черту слева, делающую идентификацию ḥ несомненной. Третья буква второго слова может быть d, b и r. Принимая во внимание распространенность парономасии в семитических конструкциях и то, что вторая и третья буквы совпадают по форме с первыми двумя буквами предшествующего слова, чтение b и r можем считать неприемлемым. Написание конечного d выше строки было вызвано особенностями фактуры. Следующая буква w также написана выше строки. Между ней и d можно различить остатки разделительного знака, напоминающего разделитель между словами msbb и lk предшествующей строки. За буквой w следует сочетание klmʿr, которое мы предлагаем читать вместе с w — wkl mʿr. Сопоставляя слово mʿr с выражением kḥd ʾkḥd, можно дать следующий перевод всей строке: «... уничтожением уничтожу!— всякий стирающий...». Это напоминает, к примеру, некоторые выражения из финикийско-хеттской билингвы (Каратепе): «Если же какой-нибудь царь из царей [....] решится стереть имя Азитавадда с этого божественного изображения [....], если даже пожелает этого города и скажет: „Сделаю другое изображение!“ — и он поместит свое имя на нем [....]» [13]. В конце строки едва различимы следы первой буквы слова, обозначающего либо прямой объект после причастия «стирающий», либо предлог прямого объекта. Глагол kḥd в значении «искоренять», «уничтожать» встречается в древнееврейском языке в породе Hiph. Слово mʿr при нашей интерпретации должно быть рассматриваемо как причастие Hiph. от глаголов ʿrr или ʿwr. В дневнееврейском эти глаголы употребляются в породах Qal, Niph., Po, Pil. со значением «обнажаться», «оголять». Первоначальное значение корня— «быть истертым, шершавым», «тереть». Употребление каузатива Niph. для усиления переходности основной породы—«стирать»—кажется вполне вероятным. Последняя буква 3 стк., может быть, b; в таком случае допустимо видеть здесь предлог с последующим

[12] См. S. Segert, Die Sprache der Moabitischen Königsinschrift, ArOr., 29, 1961, стр. 221.

[13] См. KAI 26, сткк. 13—18; об этой надписи см. также И. Н. Винников Вновь найденные финикийские надписи, ЭВ, V, 1951, стр. 121—133.

возвратным местоимением, относящимся к тому, что должно быть стерто,—это слово находилось в утерянной начальной части третьей строки или же в утерянной конечной части второй. Предлог с последующим местоименным суффиксом является, таким образом, предлогом прямого объекта.

Ф. Кросс понимает окончание строки kol mēʿīr как «каждого, кто подстрекает (побуждает)», допуская и вариант «каждого из города». При этом он считает, что после слова mʿr имеется разделительный знак. Хотя такое заключение обосновано, однако и отсутствие разделительного знака не могло бы мешать видеть в mʿr отдельное слово. Г. Горн читает последнюю букву строки как b, которую относит к предшествующим трем буквам, что вместе дает сочетание предлога min со словом ʿrb «запад» (ук. соч., стр. 10).

Четвертая строка. Первое слово wbkl. Затем следует s, после которой одна буква совершенно стерта. В следующей букве различима b (или r, или d), за которой написана t. Сопоставление sbbt конца 1 стк. и kkl msbb второй наводит на мысль, что и начало 4 стк. следует читать wbkl sbbt. После t следуют буквы yl и затем хорошо сохранившийся левый штрих буквы, которая может быть только ḫ. Г. Горн видит в ней остаток n. Но ни в одном эпиграфическом памятнике XI—VII вв. первый крайний штрих n по отношению к третьему не наклонен влево; он может быть либо вертикален, либо наклонен вправо, как и в нашей надписи (ср. ymtn во 2 стк. и bṭn в 5 стк.). Это правило абсолютно не только для северо-западной, но и для южносемитской эпиграфики [14]. Чуть выше нижнего конца рассматриваемого штриха различим след идущей вправо горизонтальной черты; такой же след, переходящий затем в неровную линию, появившуюся, возможно, позднее вследствие повреждения поверхности камня, различим чуть ниже верхнего конца штриха. Наличие этих двух горизонтальных линий подтверждает, что мы имеем дело с буквой ḫ.

Четвертая после t буква — d. Не сохранилось никаких следов, которые позволяли бы видеть в ней r или b. Принимая во внимание все изложенное, мы предлагаем читать в этом месте форму корня lḫd. Глагол laḫada хорошо известен из классического арабского языка. В северо-западносемитских, а также в южноарабских документах он не засвидетельствован. В арабском этот глагол испытал следующее семантическое развитие: клониться — уклоняться от (верного пути, религии) — отрицать религию; быть склонным ко злу — совершить зло (особенно — в отношении святыни) — нарушить святость, осквернить что-либо. С первоначальным значением или же со значением возвратной породы от него (склониться к кому-либо, обратиться в поисках убежища), возможно, связано происхождение слова laḥd — продольное углубление в боковой стороне могилы, в котором помещают труп (ср. multaḥad «место прибежища»). Отсюда laḥada — широко известный глагол «рыть могилу», т. е. «делать laḥd». Из изложенного ясно, что последнее значение сравнительно позднего происхождения и не может выходить за пределы арабско-мусульманского ареала. С другой стороны, значение «нарушить святость», «осквернить», возникшее из развития «клониться — уклоняться» и стоящее гораздо ближе к первоначальному, как более древнее, может быть приемлемо для эпохи нашего памятника.

Конечные буквы строки — ṣ, d (полностью повторяет форму предшествующего d) и либо h, либо q. Последнее предполагает форму ṣdq, первое — ṣdh, т. е. сочетание слова ṣd с местоименным суффиксом, относящимся к слову, находившемуся за пределами сохранившегося текста. Вспомним финикийскую стелу из Карфагена (KAI 78, 5—6), о которой сказано: pny mbʾ | hšmš wṣdʾ mṣʾ hšmš «лицо ее на восток, а сторона ее на запад». Подобного выражения можно ожидать и в рассматриваемом случае.

Ф. Кросс также читает ḫ после l, но далее не d, а n. Мы уже обращали внимание на сходство последней буквы со второй буквой следующего слова, которую тот же Ф. Кросс читает как d. То, что ученый принял за нижний вертикальный штрих n, по

[14] Исключение составляет обратный наклон n в лихьянских надписях, что, возможно, связано с недостаточно установившимся направлением письма справа налево. В позднелихьянских (деданских) памятниках встречается и обратное направление, а в сафаитских надписях в IV в н. э. еще употребляется бустрофедон (см. H. Jensen, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, B., 1969, стр. 329—332).

нашему мнению, является левой верхней стороной С-образного многогранника, образовавшегося, возможно, на месте отколовшейся от поверхности камня пластинки. Наше мнение подтверждается и тем, что имеется большой разрыв между нижним участком рассматриваемого штриха и верхней частью буквы.

Пятая строка. За конечной буквой l несохранившегося слова безо всякого разделения следуют восемь букв, которые мы предлагаем разделить и читать так: tblt bdlt. На то, что вторая буква первого слова b, указывает остаток нижнего наклонного штриха у самого основания правой вертикальной линии. В предпоследней букве второго слова эта линия резко обрывается. Этого различия не замечали и читали в обоих случаях слово dlt. При этом буква t перед первым словом оказывалась лишней, и она потому либо вообще игнорировалась (Кросс), либо объяснялась как диттография (Горн). Выражение переводилось как «двери», «дверь при двери» (ср. Ezek, 41, 23—26 с предлогом l, а не b — Кросс), неудачно сравнивалось и с древнееврейским ywm bywm (Горн). Мы предлагаем читать tablīt «истребление, погибель» — слово от интенсива глагола blh, которое находим в кн. Jes. 10, 25 — wĕʾappī ʿal-tablītām «Мой гнев на погибель им».

Относительно слова bṯn предположение Г. Горна, что оно могло быть употреблено при имени «дверь» как определение, «чтобы обозначить внутреннюю дверь в отличие от внешней» (ук. соч., стр. 12), кажется вполне убедительным.

Следующее слово читаем как krh — форма 3 л. ед. ч. м. р. перфекта глагола krh «копать, выдалбливать» с местоименным суффиксом 3 л. ед. ч. ж. р., относящимся к существительному dlt.

Шестая строка. Едва различимые следы первых двух букв наряду со следующей за ними буквой h при наличии krh в конце предыдущей строки дают основание предполагать повторение того же слова. Затем читаем tštʿ как форму возвратной породы глагола šʿy в значении «ты будешь остерегаться» или «остерегайся». Ф. Кросс предлагает читать возвратно-пассивную форму глагола šʿy с другим значением: «приносить жертву» (ук. соч., стр. 19).

Следующее слово — zbl «обиталище». Значение обычно для библейских текстов. Первая буква плохо сохранилась и причудливые сочетания выпуклостей и царапин в этом месте поверхности камня создают впечатление то буквы b (Горн, Кросс), то g (Горн). При внимательном рассмотрении можно обнаружить достаточно четкие следы двух горизонтальных параллельных полос и соединяющего их в центре вертикального штриха, имеющего наклон влево. Читаемая таким образом буква z по форме близка к z моавитской надписи. Последняя буква слова — четкая l, в узкое пространство между которой и буквой b вписана буква k. То, что вертикальный штрих последней сверху выходит далеко за пересечение с идущей влево вниз чертой, исключает всякую возможность видеть в сочетании букв, рассматриваемых нами как k и l, букву n. Именно как n трактуют ее Г. Горн и Ф. Кросс. Следующее слово читаем ʾlm «боги». Если бы не расстояния между двумя буквами (на которые, правда, нельзя слишком полагаться в подобных надписях), можно было бы попытаться увидеть в z местоимение, так что вся строка с последующим bklʾlm дала бы значение «ты будешь внимательно смотреть (остерегаться) этого среди всех богов». Тем не менее выделение предпоследнего слова разделителями, регулярные промежутки между z, b и k + l, а также аномальное написание kl, где буквы едва не пересекают друг друга, заставляет предположить простую описку писца, который, поместив после b букву k, исправил эту ошибку написанием l почти поверх k.

Желая во что бы то ни стало видеть в рассматриваемом документе строительную надпись, и Г. Горн, и Ф. Кросс читают последнее слово как ʾūlām или ʾēlām «портик», «пилон» (ср. I Reg. 6, 3; 7, 6 — 8, 12—21 и т. д.).

Можно сомневаться, были ли у древних аммонитян указанной эпохи (которую Ф. Кросс отодвигает в IX в.) сооружения с портиками и пилонами, но нам кажется, никак нельзя читать в подобной якобы строительной надписи bibĕnē ʾūlām «среди людей портика», как это делает Г. Горн, неудачно сравнивая свое чтение с выражением «сыновья пророков» в значении «членов пророческой профессии» (ук. соч., стр. 13). Впрочем, в примечании он соглашается с Ф. Кроссом, переводящим строку: «...пусть

оно будет принесено в жертву посреди портика». Ф. Кросс, подчеркивая, что в орфографической практике этого периода принято обозначать конечные гласные с помощью matres lectiones (не потому ли, что вместо них тогда читалось дифтонгическое сочетание?), предлагает рассматривать bbn как эквивалент древнееврейскому bĕbēn «среди». Он же предлагает и другой вариант чтения: «Ты будешь опасаться среди богов» (ук. соч., стр. 19, прим. 17, 16).

Седьмая строка. От первого слова сохранилась буква š с предшествующим союзом w и след буквы m. От второго слова сохранилось š, следы букв m и r и разделительная точка после них. Поскольку разделительные знаки употребляются в надписи непоследовательно, а кое-где (mtymtn; tbltbdlt) не соблюдены даже промежутки между словами, в последней строке можем читать написанное подряд šmrhšmr, т. е. «остереганием остерегайся!».

Восьмая строка. От первого слова сохранился след буквы š, затем l и m. После разделителя следует lk, за которым читаются w, š и след l. Читаем šlmlk wšlm... Ф. Кросс во втором m 7 стк. видит k, а в первом š 8 стк.— ʾ, читая седьмую —..]wš [...].wk̇[.., восьмую —..]ʾlm.lk(портик тебе).wš [....

Перевод:

1 ... Ми]льком то, что у тебя. Входы вокруг [....
2 ....] как и все из того, что вокруг тебя, смертью умрут [....
3 ....] уничтожением уничтожу!» — и всякий, стирающий (это) [....
4 ....] и повсюду вокруг осквернит, сторона его (ее?) [....
5 ....] (?) истребление. В проход, который продолбил [....
6 ....] продолбил его, бойся обиталища богов [....
7 остереганием остерегайся [....
8 (??) мир тебе и мир [....

Итак, мы имеем дело с надписью, которая, вероятнее всего, была помещена у входа в святилище (zbl ʾlm— 6 стк.), связанное, возможно, с культом умерших и ритуалом погребения (см. ниже). В первых двух строках читатель именем Милькома под страхом смерти заклинается не причинять священному месту никакого вреда, именно (как явствует из 3, 4 и 5 строк): не уничтожать святилища, не стирать надписи, не нарушать святости ни внутри, ни вокруг и ни у одной из сторон его, ибо за это преступника постигнет истребление. Нельзя и вообще входить внутрь. Шестая и седьмая строки, напротив, говорят о том, как надо себя вести: надо благоговейно трепетать пред сим жилищем богов и остерегаться последних. За это читателю обещается благословение, которым, возможно, надпись и кончалась. Соединение в одном тексте благословения и проклятия не новость в такого рода документах — достаточно вспомнить финикийско-хеттскую билингву из Каратепе, которой мы уже касались выше, и другие надписи.

Несмотря на свою фрагментированность, надпись значительно пополняет наши сведения об истории культуры Заиорданья. Она является подтверждением раннего распространения письма и в этом районе, что говорит о сформировавшейся уже в это время государственности. К тому же выводу приходит Г. Ландес [15], который определяет цивилизацию, существовавшую в Аммоне в XII—VI вв., как «живую и динамичную» (ук. соч., стр. 86). «Число и прочность аммонитских жилищ-крепостей наряду с продуманным планом их устройства говорит о динамичной организации с хорошо сложенным центром политической власти» (там же, стр. 74). Тем не менее на материале имеющихся данных Г. Ландес приходит к выводу, что аммониты вплоть до VII в. «сохраняли социальную структуру существенно кочевого типа» (там же, стр. 84) с такой характерной для этого уклада чертой, как сравнительно высокое положение женщины, что свидетельствует о неполном развитии патриархата [16]. Если предложенная нами ин-

[15] См. G. Landes, The Material Civilization of the Ammonites, BA, vol. XXIV, № 3, стр. 66—86.

[16] Ср. мнение М. Гельцера в его рецензии на книгу Г. Ландеса — ВИ, 1962, № 12, стр. 183.

терпретация текста верна, можно сделать вывод, что аммониты IX—VIII вв. имели вырубленные в скальных породах святилища (стк. 5). С неменьшим основанием можно заключить, что такие святилища были связаны с ритуалом погребения и, возможно, с культом предков,— М. Гельцер, например, считает обнаруженные аммонитские гробницы родовыми усыпальницами (ук. рец.). Вспомним, что и наша надпись найдена на месте древнего захоронения.

Все предполагаемые аммонитские гробницы, которые нам известны, выдолблены в скалистых склонах холмов. Гробница, найденная в 59 км (8 милях) от Аммана в деревне Сахаб и получившая условное название Сахаб Б,— самая большая из обнаруженных. Гардинг датирует ее IX—VIII вв., т. е. периодом, к которому относится и наша надпись. Это четырехугольное помещение, каждая из сторон которого достигает 7 м 60 см (25 футов). Посреди юго-западной стороны расположен очаг, который, по мнению Г. Ландеса (ук. соч., стр. 76), мог быть связан с погребальными обрядами и культом. Гробница, обнаруженная в Аммане (так называемая Гробница А), в южной стене восточной своей части имела вырубленную чашеобразную нишу, наполненную костями животных, и такую же нишу, но пустую — в противоположной северной стене. По мнению Гардинга, в нише находились кости жертвенных животных [17]. О ритуальном характере помещения говорит и то, что из упомянутых костей были выделены кости суставов, находившиеся отдельно.

Очаг, обнаруженный в пещере Сахаб Б,— единственный в своем роде на территории Палестины, если не считать Гезерской пещеры 2. I периода халколита, служившей крематорием. Подобное сооружение найдено Кэтон-Томпсон в Хурейде в Хадрамауте. Как отметил Гардинг, «Заиорданье этнологически было, вероятно, более связано с Аравией, нежели с Палестиной, и похоже, что коммерческие связи между Аммоном и Южной Аравией существовали со времен великой торговой экспансии на древнем Ближнем Востоке (X—IX вв.)» [18].

Об аравийском влиянии свидетельствует и лексика аммонитских текстов. Примером служит уже разбиравшийся нами глагол lḥd. Дж. Гарбини в своей статье «Язык аммонитов» приводит достаточно аммонитско-южноарабских и аммонитско-тамудских лексических параллелей. Поставленный Дж. Гарбини вопрос об аммонитско-арабских контактах, ввиду наличия корней, объяснимых лишь на почве арабского языка, заслуживает специального исследования.

С другой стороны, сходство письма с письмом арамейских надписей IX—VIII вв. говорит о контактах с арамейской Сирией. Арамейские черты заметны и в формах ряда букв на некоторых арамейских печатях. Все это очень существенно для проблемы распространения и развития арамейского шрифта. Дальнейшее изучение имеющегося аммонитского материала, а также исследование открытой в 60-х годах в Телль Дейр Алла выполненной арамейским шрифтом надписи (еще не издана), которую Й. Навэ датирует серединой VIII в. [19], будет содействовать решению затронутых вопросов.

Л. Палмайтис

THE FIRST ANCIENT AMMONITE INSCRIPTION OF THE I MILLENNIUM B. C.

by L. Palmaitis

The inscription was found in Jordan in 1961. The author of the article proposes new readings of several letters in it, and in this connection offers a new interpretation of the text, which runs contrary to the earlier opinion that this was a building inscription.

---

[17] L a n d e s, ук. соч., стр. 77.

[18] Цитируется по книге: L a n d e s, ук. соч., стр. 77.

[19] См. J. N a v e h, The Date of the Deir ʿAlla Inscription in Aramaic Script, IEJ, 7, 1967, № 4, стр. 256—258.

НОВЫЕ РАБОТЫ О ФИЛОСОФИИ АНАКСИМАНДРА

В настоящем сообщении дается разбор и характеристика нескольких новых работ о философии Анаксимандра. С какими целями предпринят этот разбор?

Стремление представить себе в определенной связи и понять основные идеи ионийских философов, их подход к решению проблемы мира и человека наталкивается на огромные трудности. Не только утрачены их произведения за немногими исключениями, но и состояние традиции, в которой сохранились их фрагменты, таково, что часто нельзя сказать, действительно ли принадлежит данный фрагмент, вырванный из первоначального контекста, помещенный в контекст совсем иных понятий и мировоззрения, истолкованный в свете этих позднейших понятий, тому философу, которому приписывает его доксографическая традиция. Поэтому понятна оговорка, с которой начинает свое обширное исследование о космологии Анаксимандра один из современных ученых: «Поскольку произведение Анаксимандра известно нам лишь по одной краткой цитате у позднейшего автора, для которого оригинал был уже утрачен, может показаться актом безрассудства намерение предпринять детальное изучение его (Анаксимандра.— *К. З.*) мыслей» [1].

Все те скудные и разбросанные известия о ранней греческой философии, которые дошли до нас, давно собраны, пересматривались много раз и можно сказать, что по отношению к бóльшей части ее представителей нового материала почти не прибавляется. Тем не менее внимание ученых все вновь и вновь обращается к исследованию этого, казалось бы, уже изученного материала. И это понятно. Не только по отношению к древней истории, но даже и по отношению к такой точной науке, как математика, высказывалась мысль, что все уже исследовано в этой области, что ничего нового добыто не будет. Действительность полностью опровергала каждый раз подобные выводы [2]. То же самое относится и к древней истории, и к любой другой области знания: никто не может поставить какие-то границы человеческой любознательности и способности познавать все новые связи и закономерности. Поток книг и статей по истории древней философии свидетельствует о сознании связи этой философии с современностью, с ее живыми запросами и попытками разрешить те или иные проблемы.

В дальнейшем я предполагаю остановиться лишь на немногих вопросах, как-то: на некоторых результатах источниковедческого анализа, на вопросе о значении изучения истории ранней греческой мысли в ее отношении к современной науке и философии, ее генезиса и связи с современной ионийским философам эпохой. В результате разбора хотелось бы получить более или менее ясное представление о задачах, стоящих перед нами при исследовании философии Анаксимандра (а тем самым и других представителей ионийской школы), но и только: самое решение этих задач, разумеется, не может войти в содержание настоящего сообщения, а должно явиться предметом специального исследования.

Из огромной и все увеличивающейся литературы об Анаксимандре взяты в основном лишь три работы, представляющие в некоторых отношениях (главным образом с источниковедческой точки зрения) нечто сходное, но очень различные по целям, которые ставили перед собой их авторы, по характеру постановки изучаемых ими вопросов и по тем выводам, к которым приходит каждый исследователь. Это — книги Селигмэна, Кана и работа Гуарихлиа [3]. Рассмотрение их содержания и методов, применяемых авторами, должно способствовать выяснению вопроса о том, что остается еще недостаточно изученным и в каком направлении желательно вести это изучение.

---

[1] Ch. H. Kahn, Anaximandros and the Origins of Greek Cosmology, New York, 1960, стр. 3.

[2] H. Poincaré, Science et Methode, P., 1914, стр. 19 сл.

[3] P. Seligman, The Apeiron of Anaximander. A Study in the Origin and Function of Metaphysical Ideas, L., 1962; Kahn, ук. соч.; O. N. Guarigliа, Anaximandro de Mileto. Fragmento B I (Diels — Kranz), Anales de Filologia Clasica, IX, Buenos Aires, 1966, стр. 23—155.

В исследовании ранней греческой мысли можно наметить два основных направления. Одни ученые особенно настаивают на тесной связи милетской философии с мифологической традицией, в частности с Гесиодом. Они проводят резкую грань между этой философией и научным мышлением нового времени, подчеркивают примитивизм картины мира, отсутствие использования элементарных опытных данных, религиозный характер мышления первых греческих философов. Наиболее яркими представителями такого подхода являются Корнфорд, Егер, Гигон, Мах и др.

Другие — и в их числе выдающиеся современные физики — выделяют в ранней греческой философии совсем иные черты. Они усматривают резкое отличие между ней и сознанием предшествующей эпохи, переход к рационализму, начало настоящей науки, предвосхищение многих основных взглядов на природу, характеризующих современную физику. Милетские философы, по их мнению,— открыватели новых путей в деятельности человеческого мышления, от них идет победное шествие науки в новое время. Среди представителей этого направления были и историки философии— Барнет, Френкель и др., и физики — Гейзенберг, Шрёдингер, Самбурский, и историки науки — Джинс.

Естественно, что в зависимости от этих общих воззрений на значение философии VI — начала V в. до н. э. находилась и оценка взглядов Анаксимандра. Гигон утверждал, что Анаксимандра следует понимать, исходя из Гесиода. Смысл термина ἀρχή у первого тот же, что у автора «Теогонии». Эпитеты «безграничное» (ἄπειρον) —«непреходящее», «бессмертное»— это те эпитеты, которыми в эпосе характеризуются боги. Исходя из мысли о противоположности взглядов досократиков иррелигиозному мировоззрению, Егер обращает главное внимание не на попытки естественного объяснения явлений (которые он признает у Анаксимандра), а на его «теологию». Апейрон, по его мнению, нечто активное и божественное (τὸ θεῖον), безграничное, бессмертное, бесконечное. Корнфорд настаивает на догматическом характере представления о мире у Анаксимандра, как и у других греческих философов, и энергично возражает против сближения взглядов милетского мыслителя с положениями современной науки (например, по вопросу о происхождении человека). Взгляды Анаксимандра на вселенную представляют собою перенесение на космос сезонных изменений: чередования лета, осени, зимы, весны, изменений наступающих и преходящих, противоположных друг другу и долженствующих иметь возмездие «за несправедливость по отношению друг к другу». Действие солнечного тепла на влагу в терминах физики воспроизводит брак неба и земли у Гесиода и т. д.

Наоборот, представители второго направления рассматривали Анаксимандра как предшественника науки наших дней. По мнению Джинса, он определенно ближе к точке зрения современных ученых, чем кто-либо из его современников. Он родился на две тысячи лет раньше. Милетская школа была группой мыслителей с ясно выраженной точкой зрения и научными целями и внесла важнейший вклад в сокровищницу западной мысли [4]. Самбурский указывал, что Анаксимандру принадлежит создание механической модели в целях научного объяснения, что его соображения об отсутствии достаточного основания, которым Анаксимандр объяснял положение земли в пространстве, то же, что и положение Лапласа в его «Теории вероятности», и т. д.

Оба направления представляются нам односторонними, но как бы ни решать вопрос о связи ранней греческой философии с дофилософским мышлением, с одной стороны, и с наукой нового времени, с другой, все же надо признать, что подход представителей того и другого направления определяется заинтересованностью в развитии современной науки, их отношением к течениям современной философской мысли.

Анаксимандр, наряду с Фалесом, знаменует начало греческой философии и науки, начало рационалистической мысли. Поэтому, стремясь уяснить проблему возникновения и первоначального развития этой мысли, мы не можем не обращаться к учению

[4] J. Jeans, The Growth of Physical Science, Cambr., 1947, стр. 24.

Анаксимандра, к его основным понятиям. В частности, представляет большой интерес сущность и дальнейшее развитие понятия «безграничного» (ἄπειρον). Конечно, это понятие тесно связано с другими элементами философской системы Анаксимандра и должно рассматриваться не обособленно от них. Русский логик и историк философии М. И. Каринский в свое время писал: «Несмотря на особое внимание, которое в историко-философской литературе нового времени обращено было на разъяснение философского мировоззрения Анаксимандра, самое важнейшее учение этого выдающегося мыслителя древности, учение о бесконечном и доселе представляет много спорного» [5]. Несмотря на то, что прошло более 80 лет с тех пор как были написаны эти строки, они могут быть применены и к современному положению вопроса: и сейчас взгляды на существо и значение понятия «апейрон» и вообще на характер философии Анаксимандра продолжают расходиться. Это вовсе не значит, что работа, проведенная за эти 80 лет над фрагментом Анаксимандра и доксографическими известиями о нем, оказалась бесплодной. Ряд положений был установлен, тщательно выяснялось отношение учения милетского философа к предшествовавшей стадии в развитии греческой мысли, понятие «безграничного» рассматривалось с новых точек зрения и, в частности, в связи с успехами современной науки.

В 1962 г. появилась небольшая работа P. Seligman'a «Апейрон Анаксимандра. Исследование возникновения и функции метафизических идей» [6]. Автор ставит перед собой две задачи: выяснить некоторые аспекты понятия и проблемы апейрон, до сих пор, по его мнению, не привлекавшие внимания исследователей, и содействовать пониманию значения спекулятивной философии вообще путем рассмотрения вопроса о том, что может дать исследование метафизики с точки зрения ее ключевых идей (стр. 2). Как видно из сказанного, автора интересует не космология Анаксимандра или его взгляды на происхождение живых существ и т. д., но лишь основные философские понятия, притом в очень широком аспекте: в связи с современными философскими спорами и кризисом метафизики. К вопросам о характере и значении ранней греческой философии он подходит с иной стороны, чем названные выше исследователи, и в этом отношении его труд, основанный на тщательном рассмотрении данных об Анаксимандре и обширной историко-философской литературы, характеризует один из современных подходов к изучению античной мысли.

Философия Анаксимандра представляет, по мнению Селигмэна, особый интерес как прототип позднейших умозрений. Анаксимандр пытался разрешить те проблемы и противоречия, которые получили развитие в предшествующий, дофилософский период. Его учение позволяет проследить корни философии в период ее зарождения, когда конкретные и персонифицированные способы интерпретации окружающего мира сменились интерпретацией в аспекте определенных общих идей [7]. Этот период и ознаменовался возникновением метафизики. В это время, т. е. в VI в. до н. э., к метафизическому решению наметившихся философских проблем призывало, по мнению автора, сознание предшествующей появлению учения Анаксимандра ситуации во всей ее реальности, тогда как позднее развитие метафизики стимулировалось преимущественно стремлением преодолеть и охватить в новом синтезе присущие предшествующим философским системам противоречия [8].

Эти системы, утверждает Селигмэн, необходимо рассматривать с точки зрения их ключевых идей, которые знакомят нас с последними принципами действительности, как их представлял данный философ, которые служат для объединения опыта, но сами не являются результатом этого опыта. Будучи плодом интуиции и отличаясь трансцендентальным характером,

---

[5] М. И. Каринский, Бесконечное Анаксимандра, СПб, 1890, стр. 1.

[6] Seligman, ук. соч. Под функцией автор понимает modus operandi соответствующей идеи. О книге Селигмэна см. довольно суровую рецензию: M. C. Stokes, JHS, 84, 1967. См. фрагмент Анаксимандра в конце статьи.

[7] Seligman, ук. соч., стр. 1.

[8] Там же, стр. 6.

они не могут быть даже и определены прямым путем: представление о них можно получить лишь косвенным образом посредством негативного описания (т. е. отрицанием всяких ограничений), посредством аналогии или использования других ключевых идей [9]. Они не представляют собою понятий с определенными границами их применения, но имеют предметом бесконечное целое. Автор с сочувствием цитирует слова Уайтхэда: «Философия мистична, но ее цель — рационализировать мистическое» [10]. Все метафизические системы являются попытками прорваться через границы нашего ограниченного опыта, достигнуть безусловного и вечного. Задача книги и заключается в том, чтобы выяснить природу метафизической ключевой идеи посредством показа трансформации мысли, которую она производит, ее modus'a operandi.

Дометафизическая ситуация рассматривается как некоторая проблема, ключевая идея — как ее решение. Эта идея априорна, она должна охватить всю область опыта (the natural area), но это не значит, что она не зависит от опыта: с его расширением ключевые идеи, характеризующие, по мнению автора, исконную потребность человеческой природы, сменяют друг друга. Ни одна из них не может достигнуть поставленной цели вследствие присущих им внутренних ограничений: они не могут охватить всю действительность и не в состоянии удовлетворительно объяснить связь между трансцендентальной сферой и областью опыта, между бесконечным и конечным, единым и многим, явлением и реальностью, результатом аналитической мысли и мысли, направленной на познание целого [11].

Ключевая идея Анаксимандра — это идея беспредельного, безграничного (ἄπειρον). Селигмэн очень настойчиво проводит мысль, что апейрон нельзя понимать как нечто пространственное: как «беспредельное», заполняющее пространство. Оно не представляет также начала, в котором находятся в смешении те или иные противоположные элементы (например, теплое и холодное и т. п.), выделяющиеся из него [12]. Оно не ἀρχή и не στοιχεῖον в смысле Аристотеля и его школы. В этом отношении Селигмэн основывается на работах по критике понимания Аристотелем ранней греческой философии в аспекте собственных теоретических положений последнего и, в частности, противопоставления материи и формы.

Апейрон — нечто не только безграничное, но и неопределенное, некое божественное начало, неисчерпаемое, вечно движущееся. Оно не является обожествленной природой, но противопоставляется всему существующему (πάντα τὰ ὄντα). Апейрон нельзя рассматривать и как некую духовную сущность (spiritual or mental) в противоположность материи, так как такое представление еще не существовало во времена Анаксимандра. Апейрон — вневременный принцип всего временно существующего. «Вещи» (τὰ ὄντα) исходят из него и возвращаются в него, оно охватывает их и управляет (κυβερνᾶν) ими. Но это «управление» нельзя понимать как провидение, так как не апейрон воздает «вещам» за совершаемую ими несправедливость (ἀδικία); это воздаяние — выражение некоторого универсального закона.

Связь апейрона и существующих вещей и определяется у Анаксимандра учением о «несправедливости», царящей в мире природы. Проблема «несправедливости» была той проблемой, которую поставила и разрешила в мифологической персонифицированной форме «дофилософская ситуация» (в частности Гесиод). Анаксимандр разрешает эту проблему по-новому посредством своей ключевой идеи. В его эпоху еще нет противоположности между живой природой (человеком и другими организмами) и неживой: вся природа представляется живой, движение это то же, что и жизнь, а человек — часть всего космоса. Жизненный процесс в подлунном мире представляется у Анаксимандра как восстановление справедливости, нарушаемой «несправедливостью» всех существующих «вещей». Анаксимандр сформулировал универсальный закон своего рода — прототип всех последующих метафизических систем. Совершая несправедливость,— что обусловлено сознанием конечности своего существования, его ограни-

[9] Seligman, ук. соч., стр. 2.
[10] Там же, стр. 4.
[11] Там же, стр. 163, 155.
[12] Там же, стр. 40 слл.

ченности,—«вещи» переступают эти ограничения (πείρατα), пытаются сделать свое существование абсолютным за счет других «вещей» [13]. Но все они, все существующее должны получить за это возмездие (τίσις). «Вещь» кончает свое существование, умирает и возвращается в ἄπειρον. Но «возмездие» является в свою очередь «несправедливостью», которая влечет за собою новую τίσις, и т. д. Происходит непрерывный процесс совершения «несправедливости» и «возмездия» за нее. Теория Анаксимандра носит, как выражается Селигмэн, катастрофический характер.

Автор обстоятельно останавливается на характеристике «дофилософской ситуации», главным образом на сходстве и отличиях между Гесиодом и Анаксимандром. У Селигмэна внимание направлено на то основное, что он усматривает у Анаксимандра и что отличает последнего от автора «Теогонии». Это основное заключается в противопоставлении ἄπειρον и τὰ ὄντα. У Гесиода мы видим противопоставление поколений богов, противоположность носит личный характер. Указывая на это отличие, Селигмэн, как и многие другие исследователи, констатирует отсутствие разрыва между эпосом и философией. Анаксимандр развивает и ставит по-новому ту проблему, которая уже стояла ранее и нашла разрешение в гесиодовском эпосе. Исходя из этой мысли, Селигмэн дает интересный экскурс, посвященный генеалогическому и персонифицирующему методу Гесиода (гл. VIII—X). У Анаксимандра же ключевая идея носит абстрактный характер. Поэтому и идеи «несправедливости» и «возмездия», совершаемых у Гесиода богами разных поколений, становятся универсальным законом всего существующего в мире. Такова трансформация совокупности идей, выработанных в предшествующий период, благодаря возникновению метафизики, ее ключевой идее.

Помимо исследования сущности идей Анаксимандра и их соотношения с идейным комплексом дофилософской эпохи, Селигмэн дает и широкое обобщение результатов этого исследования и ряд иллюстраций из позднейшей истории философии. Эти выводы общего характера представляют интерес главным образом для определения философской позиции автора рассматриваемой работы и в связи с проблемой взаимоотношений между религией, наукой и философией.

Селигмэн предвидит возражения метафизике с двух сторон [14]. Представитель науки (его автор обозначает символом S), ограничиваясь изучением области опыта, не сможет признать претензии метафизики на трансцензус. Предоставляя это изучение отдельным научным дисциплинам, он воздерживается якобы от попытки понять то целое, которое представляет собою мир. Представитель религии (обозначаемый у автора буквой R), признавая закономерность стремления познать это целое, считает непригодной систему понятий, которыми пользуется метафизик для достижения этой цели, полагая, что понимание целого может проистекать лишь из чувства личного общения человека с божеством. Селигмэн думает, что обе позиции односторонни, что именно метафизика снимает непримиримую противоположность между наукой и религией и в новом синтезе благодаря ключевым идеям намечает целостное понимание мира: мы принадлежим, по его мнению, и области опыта (the natural area) и трансцендентальной области, «... мы — дети природы и божества». Непосредственная связь между этими областями утрачена со времен Гесиода, но понимание ее дает метафизика, которая всегда пытается установить отношение между ними, которая всегда представляет собою мост, синтез.

Таковы основные идеи и выводы автора. Книга Селигмэна представляет интерес как одна из попыток общей характеристики философской системы Анаксимандра, если читатель и не может разделить выводы автора. В его труде не только дан обстоятельный (хотя и не всегда столь оригинальный, как это представляется автору) [15] разбор состояния традиции о философии милетского мыслителя, но и содержится ряд более или менее убедительных критических замечаний по поводу трудов новейших исследователей (Барнета, Дильса, Корнфорда, Керниса, Егера, Кана и др.). Самая

[13] Seligman, ук. соч., стр. 119.
[14] Там же, стр. 170—172
[15] См. Guariglia, ук. соч., стр. 101.

постановка вопроса о возникновении метафизики и ее роли в дальнейшем развитии философских воззрений заслуживает полного внимания. Можно быть противником всякой метафизики, но нельзя отрицать огромного значения ее в истории человеческой мысли. Исторический подход к изучению ее развития поэтому необходим, если мы хотим понять вообще историю идеологии. В частности, особенное внимание привлекают к себе в этом отношении периоды, когда метафизика только возникает, как это было в Греции VI в. до н. э., и мировоззрение первого философа, давшего, притом, стройную и глубокую систему. Из сочинений Аристотеля видно, каким большим влиянием пользовалась еще и в его время философия Анаксимандра, если учесть те места из этих сочинений, где Анаксимандр хотя и не назван, но несомненно или с большой вероятностью имеется в виду.

Однако нам кажется, что для получения исторически важных и убедительных выводов необходимо соблюдение некоторых условий общего характера, которые мы нередко не встречаем или находим лишь в недостаточном виде в трудах, посвященных интересующей нас теме и в частности в работах, рассматриваемых в настоящем сообщении.

Хотя автор, конечно, имеет право как угодно ограничить свою тему, но ее разработка все же должна проходить на каком-то общем фоне, поскольку предметом такого ограниченного рассмотрения бывает обычно лишь тот или иной элемент более сложной системы. В особенности это соображение приходится учитывать при исследовании памятников философской мысли, так как значение самых основных понятий философа нельзя достаточно выяснить, если не сопоставить их со всем его мировоззрением, с его научной деятельностью, отношением к религии, политическими взглядами, вообще со всем его духовным обликом. Ограничение одной филиацией философских идей, как это нередко делалось при изложении истории философии, едва ли можно признать плодотворным методом.

С другой стороны, всякую философскую систему необходимо, как нам представляется, поставить в известный контекст с другими системами — современными рассматриваемой, предшествующими ей или более поздними, так как лишь при таком сопоставлении можно выяснить и ее генезис и ее трансформационные связи. В данном случае особенное значение имеет сравнение основных понятий, терминов и общего характера философии Анаксимандра с соответствующими элементами и характером систем других досократиков и с мировоззрением ближайших предшественников философского движения в Греции — прежде всего Гесиода.

Наконец, поскольку философская мысль принадлежит представителям общества с присущей ему структурой и условиями жизни общества, находившегося на определенной и в высшей степени важной ступени своего развития, казалось бы, трудно пройти мимо вопроса о степени обусловленности философского мышления социальными и политическими факторами, о взаимодействии между отвлеченной мыслью и нуждами, стремлениями и борьбой людей того времени. Были ли те понятия и приемы исследования, которыми оперирует данный мыслитель, подсказаны ему исторической обстановкой его эпохи, или мы встречаем в них те формы мысли, которые повторяются и в другие периоды исторического развития и связаны, очевидно, с самой организацией человеческого ума? Нашли ли себе отражение намеченные вопросы в книге Селигмэна и если нашли, то в какой мере и насколько убедительно предлагаемое автором их решение?

Как показывает уже самое заглавие книги Селигмэна, автор исследует лишь основное понятие философии Анаксимандра — понятие апейрона (ἄπειρον). Он лишь мимоходом касается космологии и космогонии Анаксимандра, не говоря о приписываемых последнему научных изобретениях (гномон, карта земли и др.). Такой способ рассмотрения придает изложению большую цельность, а попытка связать идеи Анаксимандра с позднейшим развитием спекулятивной философии — и значительный интерес. Но здесь таится и опасность: сосредоточив внимание на понятии апейрон,—и в сущности ограничиваясь этим,—автор легко может пройти мимо тех вопросов, которые имеют значение и для выяснения генезиса системы Анаксимандра и для уста-

новления его связи с позднейшей философской мыслью. Правда, автор, как уже было сказано, тщательно анализирует противоположность между поколениями богов и их смену, как они рисуются у Гесиода. Но анализ этот сосредоточен не на сопоставлении мировоззрения Гесиода и Анаксимандра в целом, но лишь на выяснении того, чем была эта противоположность в изображении Гесиода по сравнению с теорией «несправедливости» (ἀδικία) Анаксимандра. Поэтому ряд вопросов остается в изложении Селигмэна недостаточно затронутым. В этой связи следует отметить и тот факт, что самое понятие перехода от образа к идее (пользуясь выражением Селигмэна), т. е. проблема возникновения рационалитической мысли, остается не вполне ясным.

Другая сторона рассматриваемой работы, оставляющая известное чувство неудовлетворенности у читателя,— это характер сопоставлений философии Анаксимандра, его «ключевой идеи» с идеями других философов. В противоположность обстоятельному, хотя и одностороннему по подбору материала сопоставлению с «Теогонией», сходства и различия Анаксимандра с другими мыслителями Греции затрагиваются недостаточно и также очень односторонне. Автор не раз сравнивает идеи Анаксимандра со взглядами Платона и Пифагора, подробно показывает различие в трактовке философских проблем у Анаксимандра и Аристотеля в связи с оценкой известий Аристотеля о ранних философах, как историческом источнике, но даже не упоминает Демокрита, почти вовсе не называет Анаксагора и лишь изредка вспоминает об Эмпедокле. Между тем, в этом отношении прав Кан, указывая, что следует учитывать не только (а по его мнению, даже не столько) различия, сколько сходства в идеях ранних греческих философов.

Придавая огромное значение тому, что он называет «предметафизической ситуацией», Селигмэн не выходит, однако, при характеристике этой ситуации за пределы идей о мире и его генезисе, выраженных в произведениях Гомера и Гесиода. Во всем его труде не делается даже попытки связать как-то развитие идеологии с исторической обстановкой, с социально-политическими условиями развития раннегреческого общества, хотя, казалось бы, автор не раз вплотную подходит к этому вопросу, в особенности тогда, когда анализирует основное учение Анаксимандра о «несправедливости». Он пишет [16], например, что доктрина (об ἀδικία) имеет применение к двум царствам: царству природы и царству человека, которые связаны аналогиями, происходящими от последнего (ἀδικία, τίσις). А по поводу «Теогонии» он замечает, что внешне в «Теогонии» дело идет о силах, которые управляют миром и человеческим обществом, но в глубине мы можем усмотреть раннюю попытку согласования с основной моделью, обусловливающей самое существование человека (последовательность поколений) [17]. Проблема, которая приводит в движение мысль Анаксимандра, — это главная человеческая забота: беспорядок в «основной модели», присущей жизненному процессу [18].

Конечно, мир, в котором, согласно Анаксимандру, господствует закон несправедливости (ἀδικία), не ограничивается человеческим обществом [19], но это означает, как нам представляется, лишь, что Анаксимандр широко применяет обобщение, несомненно возникшее из наблюдений над человеческими отношениями. Между тем у Селигмэна мы находим категорическое противоположное утверждение: понятия «несправедливости» и «возмездия» — это основная «болезнь» всякого существования (стр. 128), они характеризуют то, что совершается в мире естественных явлений, а вовсе не представляют собой, по его мнению, понятий, которые были перенесены от города-государства на космос. Едва ли, однако, можно избежать альтернативного решения: если ἀδικία представляет собою закон всякого существования, то эта идея должна была иметь опытное происхождение, т. е. она могла быть навеяна наблюдениями либо над природными явлениями, либо над тем, что происходило в обществе того времени. Некоторые указания на последнее мы находим у самого автора рассматриваемого труда. Он пишет, например, что понятие справедливости (δίκη)

[16] Seligman, ук. соч., стр. 86.
[17] Там же, стр. 102.
[18] Там же, стр. 164 слл.
[19] Там же, стр. 75 сл.

у Анаксимандра имеет примитивный характер: его содержание не выходит за пределы принципа «око за око, зуб за зуб» (стр. 48). Это — мысль VI в. до н. э. δίκη — кара, виновная сторона терпит наказание и должна дать возмещение, соответствующее нанесенному ущербу (стр. 72).

Самые понятия δίκη, ἀδικία, τίσις носят на себе печать человеческих отношений, а потому и доктрина, основанная на них, не могла не быть абстракцией этих отношений. Поэтому задачей историка, исследующего содержание и возникновение «ключевых идей», не может не быть выяснение условий всякого рода (общественных, культурных, психологических), при которых эти человеческие понятия легли в основу универсального закона, охватывающего весь космос.

Все высказанные соображения, однако, имеют более или менее частный характер по сравнению с основным вопросом о значении метафизики и ее отношении к науке и религии. Правильно ли Селигмэн представляет себе это отношение, выступая со своей апологией метафизических ключевых идей? Ведь те три критерия, которые, по его мнению, следует применить ко всякой метафизической системе — степень ее связанности, охват ею всей «естественной области» (the natural area) и способы разрешения ею противоречий, наметившихся в предметафизический период,— могут быть применены и к системам религии и науки, так же как и «внутренние ограничения», присущие метафизике [20]. Если автор утверждает, что роль метафизической ключевой идеи заключается в объяснении и интерпретации опыта, то ведь и религия и наука также по-своему решают эту задачу.

В связи с этим представляется особенно характерным содержание заключительной главы книги «О ценности умозрительной философии», в которой автор пытается реабилитировать эту философию и в которой выступают воображаемые оппоненты метафизика, выдвигающие свои возражения с точки зрения науки и религии [21]. По поводу этих рассуждений Селигмэна можно только сказать, что у автора не вполне верное представление о науке, особенно в современном ее развитии, для которого характерно установление тесных и плодотворных связей между научными дисциплинами (по выражению Селигмэна, departements), иногда различного характера. Специализация, получившая крайнее развитие, как оказалось, представляет собою лишь одну сторону процесса, другой является интеграция, сближение наук, казалось бы, не имеющих ничего общего. Ясно обозначилась тенденция к обобщению результатов специального исследования. Одна из причин такого ограниченного представления о науке, какое мы наблюдаем у Селигмэна, как нам кажется, это то, что он не проводит необходимого различия между метафизикой и абстракцией. Наука не пользуется метафизическими ключевыми идями, но она постоянно использует метод абстрагирования и идеализации эмпирического материала. То, что автор приписывает представителю науки (S), не соответствует действительному положению вещей. Но есть доля истины в утверждении этого воображаемого оппонента умозрительной философии, что последние проблемы метафизики, попытки перехода через ограничения (peirata) могут служить ареной поисков историка (a hunting ground the historian [22]), что эти попытки, имеющие субъективный характер, должны рассматриваться специалистами, а именно социологами и психоаналитиками [23], а также, добавим от себя, историками. S в изложении Селигмэна — представитель научной ф и л о с о ф и и [24] (разрядка моя.— *К. З.*). Раз это так, то следовательно, помимо метафизики существует и научная философия. Но тогда возникает вопрос, что понимает автор под философией, поскольку, помимо различия, он, по-видимому, считает, что есть и нечто общее между научной и метафизической философией. Очевидно, это общее заключается в том, что научная философия как-то обобщает данные отдельных наук. Но если это так, то оказывается неверным утверждение автора (см. выше, стр. 131), что представитель науки всегда лишь отсылает

[20] S e l i g m a n, ук. соч., стр. 156 сл.
[21] Там же, стр. 167 слл.
[22] Там же, стр. 169.
[23] Там же, стр. 168.
[24] Там же. 167.

за разъяснениями к отдельным дисциплинам, воздерживаясь от более широких обобщений.

Если наука не призывает к проникновению в область трансцендентального [25], то религия признает законной задачу, которую ставит перед собой метафизика, но не ее метод. Характерной внутренней чертой дометафизической ситуации, по мнению автора, было основное противоречие, но не между идеализмом и материализмом, а между наукой и религией. Заметим, однако, что и религию Селигмэн понимает слишком узко. Она вовсе не сводилась в истории лишь к личному отношению между человеком и божеством. С другой стороны, вызывает сомнение характеристика самого противоречия. Автор утверждает, что S не одобряет метафизики потому, что она одним концом касается того, что не может быть проверено, трансцендентального, а другим — фактов, опыта. Но эта черта присуща не только метафизике, но и религии.

Сторонник религии (R), по мнению Селигмэна, видит божество как нечто конкретное и личное, он против его рационализации, против рационалистического и наукообразного аспекта метафизики. Однако это неверно, так как убежденные представители религиозного мировоззрения постоянно стремились рационализировать религию (отцы церкви III—IV вв., Фома Аквинат и др.). Ф. И. Щербатской был прав, когда писал, что «...во всякой развитой форме религии необходимо содержится и философская часть, так как она сама представляет собою известное мировоззрение и противополагает его мировоззрению других религий, или мировоззрению, разработанному современной ей наукой» [26].

Метафизик, утверждает Селигмэн, принимает и соединяет обе позиции: для него природа — объект научной интерпретации, но позади ключевой идеи можно различить интуитивное и глубоко прочувствованное сознание божества [27]. Но если так, то снятие метафизикой противоречий между наукой и религией оказывается мнимым, так как ведь с точки зрения Селигмэна ключевая идея — это главное, то, что позволяет понять область опыта, а за ней, как это видно из последней фразы, мы находим интуитивное и глубокое религиозное чувство. Приоритет, согласно Селигмэну, остается, по существу, за этим чувством, хотя бы и использующим абстрактные понятия метафизики.

Что дело обстоит именно так, видно и из утверждения Селигмэна относительно философии Анаксимандра, явившейся, по его мнению, прообразом для последующих метафизических систем. Апейрон, т. е. основное понятие этой философии, пишет он,— теологический принцип (разрядка моя.—*К.З.*), хотя и не предмет культа[28]. В этом отношении примечательно, что и сам автор отмечает родство своего положения о мучительном сознании человеком собственной ограниченности со сходным понятием «страха» в философии экзистенциализма (стр. 165). У читателя возникает и ряд других вопросов. Ключевая идея Анаксимандра — универсальный закон. Но автор нигде не разъясняет, что́ он понимает под термином «закон», не стремится выяснить, как возникло самое понятие «закона» у Анаксимандра, какова его логическая природа.

В связи с двойной задачей, поставленной автором в его исследовании (см. выше, стр. 129), он неоднократно обращается к параллелям из истории новой философии (Спиноза, Кант). Основная противоположность у Анаксимандра — это противоположность между апейрон и «вещами» (τὰ ὄντα). В понимании автора рецензируемой книги эта противоположность имеет тот же характер, что и противоположность между «вещью в себе» и явлением у Канта [29], между единой божественной субстанцией и атрибутами и модусами у Спинозы, между идеями и феноменами у Платона. Но возникает естественно вопрос, является ли эта противоположность абсолютной или относительной. И если сохранять термины Селигмэна, то нельзя ли основную противополож-

[25] Seligman, ук. соч., стр. 170 сл.

[26] Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 1, СПб, 1903, стр. VIII—IX.

[27] Seligman, ук. соч., стр. 173.

[28] Там же, стр. 60.

[29] Эту мысль высказал уже Ницше: апейрон «должен поэтому считаться равным по значению кантовской вещи в себе», т. I, стр. 336 (цитировано по кн.: Михайлова и Чанышев, Ионийская философия, стр. 54, прим. 19).

ность между ключевой идеей и «естественной областью», между априорной интуицией и опытом «снять» «новой» (на самом деле, далеко не новой) ключевой идеей о «недостаточности всех полярных противоположностей», о том, что абсолютное познается нами в сумме относительных истин» [30].

Если в вопросе об абсолютной и относительной истине подход Селигмэна не похож на метод диалектики, то, знакомясь с его рассмотрением развития метафизических ключевых идей, с положением о снятии противоположностей в высшем синтезе новой ключевой идеи и с самим пониманием идеологического развития как некоего самостоятельного поступательного движения идей, читатель невольно вспоминает Гегеля. Однако и априорные идеи не рождаются произвольно в сознании философа, а обусловливаются — как это заметил и сам автор — масштабом и качеством опыта в широком смысле этого слова. Конечно, непосредственное суждение о целом недоступно человеку с его peirata, но представление об этом целом можно создавать или подчиняя опытные данные интуитивной, априорной, неизвестно откуда появившейся идее, или же руководствуясь опытом и восходя ко все более и более общим понятиям.

В сравнении с работой Селигмэна книга Кана охватывает гораздо более широкий материал и представляется более убедительной по методу исследования. В противоположность Корнфорду и другим, стремившимся ассимилировать Анаксимандра и Гесиода, Кан подчеркивает радикальное различие их взглядов на природу. Греческая натурфилософия — а Кан считает, что она представляла нечто цельное, комплекс некоторых общих идей,— сохраняла эти общие черты и в позднейший период (в V в. до н. э.). Она рассматривала мир как космос, организованный законом. В ней играли огромную роль космологические и космогонические представления — идеи об образовании небес, о причинах метеорологических явлений, о начале жизни на земле. Представление о функциях космического божества у ранних философов (Ксенофана, Алкмеона, Гераклита, Парменида) совершенно иное, чем у Гесиода.

В основе и начале этой философии был милетский прототип. Уже Парменида можно понять только на фоне новых рационалистических воззрений на мир. Его представления о φύσις и κόσμος не являются продуктом его творчества. С другой стороны, Кан не признает оригинальности Пифагора: италийская школа была, по его мнению, не соперником, но отпрыском милетской, в противоположность, заметим, утверждению Ф. Энрикеса и Г. де Сантильяна, которые, наоборот, отмечали крайнее отличие первой от второй [31]. От раннего милетского прототипа остались его многочисленные потомки и поздние доксографические парафразы. Кан и думает, что можно восстановить его на основании фамильного сходства у его потомков. В связи с этим он полагает, что до сих пор большее внимание уделяли различию между представителями ранней греческой философии, а между тем важнее выяснить их сходство, общие черты, что и должно подтвердить идею целостности греческой натурфилософии. Во главе философского развития стоял, по мнению Кана, один человек, а именно Анаксимандр. Его система означает приход на Запад рационалистического взгляда на мир [32].

Метод Кана прямо противоположен методу Селигмэна. Если последний исходит из общей «ключевой» идеи Анаксимандра — представления об апейроне, интересуется в сущности лишь ею, ее содержанием, возникновением, отношением к другим ключевым идеям, то Кан, наоборот, считает, что непонимание и искажение мысли древних философов позднейшими авторами сказывалось прежде всего на основных формулах доктрины, а не на специфически физических их теориях [33]. Поэтому, думает он, единственный подлинный фрагмент Анаксимандра является последним по порядку из всего того, что мы в состоянии интерпретировать. Кан отмечает парадоксальность того факта, что физические умозрения Анаксимандра, о которых нам известно лишь из позднейших

---

[30] В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 137—138; ср. Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1945, стр. 167.

[31] F. Enriques et G. de Santillana, Histoire de la pensée scientifique, I. Les Ioniens et la Nature des Choses, P., 1934, стр. 6.

[32] Kahn, ук. соч., стр. 7.

[33] Там же, стр. 75 сл.

их перефразировок, оказываются более доступными для нас, чем общая формулировка доктрины, сохранившаяся частично в собственных словах философа [34]. Именно эти физические теории и составляют, по мнению Кана, твердое основание для понимания фрагмента, лишь они могут дать нам подлинный его контекст. В связи с таким, основным для автора, положением рассуждение об апейроне и о космосе мы находим у него в виде некоего привеска в конце книги (Appendices I и II), хотя самый фрагмент подробно разбирается в разделе о космологии Анаксимандра (стр. 166—169).

Труд Кана состоит из следующих главных частей. После краткого введения следует раздел, посвященный данным о взглядах Анаксимандра (стр. 11—71). Здесь рассматривается вопрос об относительной точности сообщений Аристотеля и Теофраста при использовании ими материала по истории ранней философии, причем преимущество отдается второму. Теофраст вовсе не следовал слепо за своим учителем, но обладал независимым критическим суждением и обращался непосредственно к источникам (стр. 21). Кан настойчиво указывает на частые неточности у Аристотеля и возражает Мак-Дайармиду, который утверждал, будто по отношению к досократикам Теофраст менее достоин доверия, чем Аристотель.

Далее следует «приведение в порядок» (Arrangement) доксографических известий. Оно заключается в том, что автор, составив список тем (topics) Анаксимандра по сообщениям доксографов (всего 23 темы), распределяет по этим темам отдельные фразы или небольшие абзацы, относимые в традиции к Анаксимандру, сравнивает их слово за словом и сопровождает это своими, часто очень обстоятельными комментариями источниковедческого и отчасти филологического характера. Он уточняет значение отдельных слов, устанавливает отношение между различными представителями доксографической традиции, определяет, могла ли принадлежать Анаксимандру самая мысль и восходит ли к нему и форма ее выражения.

Основная часть книги —«Космогония Анаксимандра». Она в свою очередь состоит из трех частей: I. Милетская теория природы (стр. 75—118); II. Элементы и противоположности, члены мира (стр. 119—154) и III. Фрагмент Анаксимандра: Универсум, управляемый законом (стр. 166—196).

В связи со взглядами на относительную ценность различных составных частей доксографической традиции автор снова возвращается в первой главе II раздела книги к темам, которые были намечены им раньше. На этот раз он дает переводы греческих фраз, приведенных им в разделе о доксографии, и анализирует их содержание, стремится выяснить основные черты космологии Анаксимандра, или, вернее сказать, вообще милетской школы: представления о форме земли и небесных тел, об образовании небес, звезд и солнца, их объеме, расстоянии от земли и т. д.

Точка зрения Анаксимандра на землю, которая, по его мнению, покоится в состоянии равновесия в центре вселенной,— самое замечательное достижение научной мысли Милета VI в. до н. э., как думает Кан. Она одна гарантирует Анаксимандру место среди создателей рационалистической науки о природе [35]. Самое поразительное в ней — ее специфически математический характер. Она представляет собой геометрическую модель — общее выражение принципа симметрии. В этой оценке Кан идет тем же путем, что и некоторые другие современные ученые, как, например, Самбурский [36]. Кан утверждает, что этот принцип Анаксимандра — то же, что у Лейбница принцип достаточного основания и что подобные соображения о симметрии не перестали играть роль и в современной математической мысли. Анаксимандр отверг таким образом привычную идею о направлении «вниз», куда якобы тяготеют все тела. Его идея не была забыта в V в. до н. э. Равновесие характеризует, согласно мысли Анаксимандра, порядок в природе. Соображения о симметрии привели его к представлению о стороне земли (которая, по его мнению, имеет форму цилиндра) противоположной (ἀντίθετον) той, на которой мы находимся, и, может быть, к представлению

[34] K a h n, ук. соч., стр. 76.
[35] Там же, стр. 77.
[36] Ср. S. S a m b u r s k y, The physical World of the Greeks, L., 1962, стр. 12 сл.

об антиподах. Своей идеей Анаксимандр подготовил чисто геометрический подход к астрономии впоследствии, хотя этот подход и был оставлен его непосредственными преемниками.

Далее Кан разбирает известия о карте экумены, составленной Анаксимандром, и касается не раз вопроса о зависимости милетской науки от восточной традиции. Астрономические наблюдения, сделанные в Месопотамии, были несомненно известны в Ионии VI в. Но то, чего не дают клинописные тексты,— ясная геометрическая модель для координации различных эмпирических данных — достижение гения Анаксимандра.

Наши сведения о космогонии Анаксимандра ограничены, и мы можем представить его взгляды на возникновение вселенной лишь в общих чертах. Это возникновение произошло путем выделения из апейрона семени или зародыша, из которого в свою очередь выделилась сфера пламени. Пламя и ἀήρ — конкретные представители принципа тепла и холода. Эмбрион мира развился путем разделения на внутреннее холодное ядро и внешнюю теплую оболочку. Сферы огня выделились из мирового пламени и были окружены газом или туманом (ἀήρ). Огонь солнца и луны выходит проходами в виде труб и образует видимые диски. Такова небесная модель Анаксимандра. Хотя его преемники не следовали его идее умозрительной симметрии, все же ионийская схема вселенной представляет естественное развитие идей Анаксимандра о распространении огня и воздуха в небесах. Позднее же у Платона и Эвдокса господствует математическая схема мира.

Взгляды Анаксимандра нельзя, думает Кан, возводить к мифологии. «Более подходяще говорить о рационалистических элементах в Ведах, чем о мифических элементах в милетской космологии». Анаксимандр верил, что Универсум управляем математическим отношением, хотя мы не знаем, как он получил свои числовые результаты. Анаксимандр — самый ранний образец физика, пользующегося математическим методом (of a mathematical physicist). Милетская концепция мира как геометрического организма, исполненного жизни, является архетипом античной философии и стимулом для всех подобных попыток в новое время (Лейбниц, Уайтхэд) интерпретировать все процессы в природе в терминах органической жизни. В отношении этого геометрического духа Анаксимандр— предшественник современного мышления.

В метеорологии положение, по мнению Кана, меняется «к худшему»: сказывается отсутствие научного эксперимента. Однако все же все последующие метеорологические теории античности представляют лишь варианты милетской доктрины VI в. до н. э. Кан подробно останавливается на объяснении ветров, дождя, грома и молнии, на происхождении моря и начале жизни на земле и дает, в частности, интересное и обстоятельное исследование развития значения понятия ἀήρ, первоначально обозначавшего «туман» или «газ».

Вторая глава раздела о космологии посвящена элементам и их противоположности. И здесь Кан следует своему методу — идти от более позднего к более раннему. Термин «элемент» (στοιχεῖον) лишь с Аристотеля является абстрактным выражением, лишенным всякого метафорического значения. Согласно Аристотелю (как и много раньше) элементов четыре. В отличие от «так называемых» элементов — земли, воды воздуха и огня — Аристотель признает элементами горячее, холодное, сухое, влажное, подразумевая под ними первоначальные простые ингредиенты сложных тел. Согласно классической доктрине V—IV вв. четыре элемента — члены или части мира. Их трансформация происходит циклично, возвращаясь снова к тому, с чего развитие начиналось. Общей греческой идеей была мысль о том, что мир находится в постоянном движении, представляет собою непрерывное течение (flux) элементов, смену одних из них другими. Учение о смешении (μῖξις) и разделении — существенный элемент уже в учениях Эмпедокла и Анаксагора. Теория элементов и их противоположности давала не только описание, но и объяснение причин изменений в природе, существо которой состоит в динамическом взаимодействии между конфликтными силами. И в этом отношении Кан, ссылаясь в поддержку себе на Дильса, констатирует единство воззрений в Греции, начиная с милетской школы и кончая V—IVвв.

Истоки доктрины о противоположных силах налицо уже у Гомера и Гесиода. Кан вовсе не хочет упускать из виду этот дофилософский фон (pre-philosophical background). Он считает наивностью думать, что греческий рационализм внезапно появился в Ионии VI в., подобно Афине из головы Зевса (ук. соч., стр. 133 и 134). Исторически ионийскую философию следует рассматривать как звено между двумя периодами — периодом архаической поэзии и временем философии классического периода. Уже в «Теогонии» намечаются части мира — земля, море, небо, подземная область. Космогония — наследие теологии (там же, стр. 150). Поэтическая тетрада помогает понять позднейшее учение о четырех элементах, но тем не менее между ними глубокая пропасть. Учение об элементах позднее связано с представлением о сферической форме как небесных тел, так и земли.

Решающей явилась эволюция идеи воздуха. Первоначальное различие между ἀήρ и αἰθήρ не имело локального характера, было не различием двух областей, но различием видимости: туманного воздуха (ἀήρ) и залитого светом эфира (αἰθήρ). Небесными сферами они стали позднее, когда понятие ἀήρ стало включать и воздух, которым мы дышим, и тот, в котором летают птицы, и который составляет существо ветров и облаков и область которого распространяется вместе с земными испарениями до сфер солнца и звезд (стр. 148). Взаимодействие огня, воздуха и земных вод стало объяснять все события между землей и небом. Так был создан мост для классической теории о земле, воде, воздухе и огне как «частях» мира. Это произошло уже при ионийцах.

Идея постоянной трансформации также принадлежит милетцам, хотя истоки ее опять-таки очень древние. Теории космогонии и метеорологии одни и те же. Времена года иллюстрируют прошлое вселенной. Обе теории связаны с центральным понятием ἀήρ. У милетцев присоединились наблюдения над испарением. Они соединили все в одну доктрину для объяснения явлений на земле и на небе. Таким образом, и как части мира и как фазы в цепи изменений элементы надо датировать милетской школой. Но до Эмпедокла их не было четыре.

Труднее проследить возникновение понятия элемента как такового. Оно характеризуется: 1) тем, что элементы непреходящи, и 2) тем, что из их соединения и разделения образуются все вещи (Эмпедокл). Но и Эмпедокл и Анаксагор в этом отношении зависели от Парменида с его полемикой против теории генезиса и гибели, что знаменовало разрыв с предшествующими учениями. Различие между VI и V вв. Кан и усматривает в переходе не от монизма к плюрализму, но от мира рождения и уничтожения к миру смешения и разделения (ук. соч., стр. 155). Позднее же (у Платона и Аристотеля) мы наблюдаем возвращение к идее цикла генезиса и гибели.

Связь с теологическим мышлением у милетцев можно проследить. Великие составные части видимого мира — старшие дети своего родителя — первое поколение в жизни цикла вселенной. Это — реинтерпретация мифологической космогонии. Во взаимодействии элементов важнейшую роль играют их противоречия — теплое и холодное, сухое и влажное, мрак и свет, мужское и женское начало и т. д. Самое понятие отделения (ἀποκρίνεσθαι) включает представление о возникновении контрастных форм. За четкой четверной схемой Эмпедокла мы можем разглядеть более древнюю и менее выработанную схему. В изложении учения Анаксимандра у Симпликия четыре элемента — анахронизм так же как и понятие τὸ ὑποκείμενον. Но циклическое изменение элементарных форм было хорошо известно Анаксимандру и другим представителям милетской школы и побуждало их искать некоторый посторонний источник космической эволюции. Этим источником у Анаксимандра и было ἄπειρον.

Третья часть раздела «Космология Анаксимандра» посвящена фрагменту. Различение «первичных принципов» или ἀρχαί неизменно служило у историков философии для противоположения одного философа другому. Кан видит, как уже говорилось, свою задачу в том, чтобы найти не различие, а сходство в воззрениях ранних (и даже не только ранних) философов. Переходя к фрагменту Анаксимандра, он обращает внимание на то, что для Симпликия фрагмент иллюстрирует лишь одну мысль: почему источником при образовании всей вселенной не мог быть один из элементов. «Поэти-

ческие» выражения, по мнению Кана, относятся именно к элементам (στοιχεῖα). Возмездие воздают друг другу не вещи и не апейрон, но элементы (διδόναι γὰρ αὐτὰ δίκην). Поэтому фраза, приводимая Симпликием, объясняет происхождение вещей (τὰ ὄντα) и их распадение на элементы как репарацию, которую совершает один элемент по отношению к другому за обиду, нанесенную последним. Ни по содержанию, ни грамматически, по мнению Кана, нельзя признать субъектом предложения апейрон. В этом отношении Кан возражает Кернису, Властосу, Френкелю и др. Он подробно исследует язык фрагмента и приходит к выводу о несомненной его подлинности, т. е. принадлежности Анаксимандру, хотя несколько дальше признает, что нет метода, чтобы определить, какие слова стояли в оригинальном тексте.

Противоположные элементы естественно и неизбежно находятся в конфликте друг с другом и выгода одних из них — ущерб (φθορά) для других. Смена рождений неизбежна подобно справедливости богов. То, что является жизнью для одного,— смерть для другого. Основной закон мира — закон возмездия (стр. 183). Фрагмент не дает объяснения последней цели всего существующего, но говорит лишь о последовательных изменениях противоположных форм или сил, что составляет общую тему и Гераклита, Эпихарма, Мелисса, Платона. Фрагмент не говорит о рождении вещей из апейрона. Принцип геометрической пропорции проявляется в нем в соотношении элементов (стр. 187). Этот принцип гарантирует неизменное существование мира. Древняя милетская теория элементов характеризуется, таким образом, той же геометрической симметрией, что и небесная схема Анаксимандра. Кан подчеркивает единство принципа в его космологии и философии. Хотя милетский философ и не говорит о космосе, но в его концепции мир природы — космос, прекрасно организованный.

Здесь — на исходном пункте западной науки и философии — мы находим, что естественный порядок ясно понимается как «порядок Времени» (τάξις τοῦ χρόνου). Это — древнейшая формула естественного закона; в ней акцентируется то же понятие периодичности, которое играет важную роль в современной физической мысли (стр. 191, со ссылкой на Уайтхэда). Кан хорошо видит, что такие термины, как δίκη, τίσις, τάξις, взяты из практики человеческого общества. Значение Анаксимандра и вообще милетской школы в том, что персональные факторы мифологии были заменены правильно действующими и хорошо определяемыми законами.

В небольшом «Заключении» (стр. 199—215) Кан подводит итоги своего исследования. Они в общем сводятся к следующему. Концепция мира, которую мы находим у Анаксимандра,— прототип греческой точки зрения на природу как на космос, т. е. «гармоническое царство», внутри которого возрастают и блекнут силы элементов соответственно астрономическим циклам. Именно этот ритмический «порядок Времени» нашел себе выражение во фрагменте. Поскольку наша концепция законов природы ведет свое происхождение из Греции, постольку и ее начатки могут быть прослежены до Анаксимандра. Он и его последователи положили начало науке и натурфилософии. Анаксимандр рассматривал жизнь мира как процесс постепенной эволюции и дифференциации апейрона. Основными силами при этом были тепло и холод. В результате их взаимодействия были созданы земля и небеса. Появились живые существа в море, приспособившиеся потом к жизни на суше, и, наконец,— человек. Но жизнь на земле не будет продолжаться вечно.

Для ранней греческой философии, как и для всех древних обществ, характерно стремление определить начало всех вещей, начало мира, жизни, человека и его социальных институтов; из какого источника и каким путем все это возникает? Первоначально с термином φύσις соединялось представление о процессе возникновения вещей, о том, откуда и как они появились. У Аристотеля этот подход оставлен. Ἀρχή уже не исходный пункт, но «основной принцип» (ук. соч., стр. 203). Ионийское исследование вышло из школы Анаксимандра. Анаксимен, Ксенофан, Гераклит — его ученики. У всех них принцип милетской школы — регулярные конфликты элементов и их взаимодействие. Все они стремились определить главным образом место человека в космосе. Анаксагор испытал влияние критицизма Парменида, но последующая

стадия в развитии космогонии и теории «отделения» (ἀπόκρισις) элементов идет от более раннего времени. Кан прослеживает наследие Анаксимандра у Анаксимена, Диогена из Аполлонии, Парменида, пифагорейцев, атомистов и, наконец, у Платона, чтобы еще раз прийти к выводу о том, что греческая натурфилософия VI—IV вв.— крепкое единство (a close knit unity). Атомы и пустота, четыре элемента Эмпедокла, Нус Анаксагора и пр.— важные достижения отдельных личностей, но конкретное описание мира у всех них представляется в традиционных чертах, каждый раз сооружается лишь новое основание все для того же здания.

Книга Кана очень содержательна, автор ставит и решает много существенных вопросов, связанных с истолкованием развития ранней греческой философии. Отмечу некоторые моменты, характерные для его работы.

По сравнению с книгой Селигмэна исследование Кана имеет несомненные преимущества. Главным из них является то, что Кан рассматривает космологию Анаксимандра в широком историческом аспекте, привлекая не только ранних ионийских философов, но и атомистов, и Платона, и медицинскую литературу, датировка которой, правда, не может быть прочно установлена. Этот метод оказывается во многих случаях плодотворным. Идя от более поздних данных к более ранним, Кан стремится выяснить общие черты греческой натурфилософии и делает это с большим успехом, показывая, что в этом отношении нет разрыва между VI и V вв. Непрерывность развития в области космологии и в метеорологических воззрениях представляется очень убедительной. Автору действительно удалось в этом отношении поставить Анаксимандра и вообще милетскую школу в широкий контекст идейного развития.

С другой стороны, им не оставлена без внимания и связь рационалистической философской мысли с представлениями дофилософской эпохи. Подчеркивая радикальный характер изменений в понимании и объяснении мира в ионийской философии по сравнению с эпосом, Кан не раз констатирует преемственную связь между ними, показывая, как тесно связаны первые философские понятия с теми образами, которыми пользуется мифология при объяснении мировых явлений. Он считает, что от милетцев и до Эмпедокла господствовала общая теологическая схема — перетолкование мифической космогонии. Элементы — потомки божественного отца и родители смертных вещей.

Однако указанное достоинство его труда переходит в недостаток благодаря тому, что автор не дифференцирует последующих этапов развития философии и науки, а сопоставляет понятия досократиков то с выражениями Гераклита или Парменида, то с Платоном и Демокритом, то с Аристотелем [37]. Притом то сходное, что ему удалось уловить, относится к области космогонии и метеорологии, то же, что представляет особенный интерес для истории философской мысли и в чем именно и проявлялись различия в учениях отдельных направлений и отдельных мыслителей, остается нераскрытым. Это, нам кажется, связано и с тем, что автор вовсе не останавливается на вопросе о соотношении науки и философии для рассматриваемого им периода.

Следует отметить, что Кану не чуждо стремление как-то сопоставить способы мышления и даже отдельные формулировки, проявившиеся в пору первоначального развития философии, с тем, к чему пришла современная наука. Однако подобные сопоставления, как нередко и в других работах по истории науки и философии (у Самбурского, Гейзенберга и др.), представляются не очень убедительными, так как не обосновываются более глубокими логическими соображениями и анализом соответствующих понятий. Если Кан утверждает, например, что уже у Анаксимандра имеется с современной точки зрения первая формула закона сохранения энергии и материи [38], то это утверждение является некритическим применением понятий современной науки к мышлению той эпохи, когда еще не существовало ни понятия

---

[37] Ср. также K a h n, ук. соч., стр. 170; сопоставление Симпликия, Эсхила, Софокла и Пиндара.

[38] K a h n, ук. соч., стр. 188.

энергии, ни понятия материи. В таком же свете представляется и другое его утверждение, что уже у Анаксимандра имеется основа астрономии Коперника и Кеплера (ук. соч., стр. 99).

Основательнее и интереснее соображение, связанное не с содержанием определенного понятия, а скорее с подходом к объяснению явлений, с формой мысли. Оно касается истолкования природы в терминах органической жизни, которое действительно характерно не только для архаической эпохи, но встречается не раз и позднее в истории науки и философии. Чтобы прийти к понятию энергии и ее сохранения, необходим был гораздо более обширный и точный опыт, чем тот скудный опыт, которым располагали первые философы, тогда как в последнем случае мы имеем дело с формой мысли, которая независимо от объема опытных данных могла быть в наличии в различные эпохи.

В своем анализе доксографии Кан делает много ценных наблюдений, многое уточняет в интерпретации используемых им текстов. Но мы в сущности все время имеем дело с отдельными темами (topics), с вырванными из контекста фрагментами. Такой дробный анализ несомненно полезен, он способствует выяснению соответствия между источниками, пониманию характера изложения учений досократиков у Аристотеля и Теофраста, но ограничиться им все же, как нам кажется, нельзя. Взял ли данный доксограф свое сообщение у Аристотеля или Теофраста, принадлежит ли одному из них тот или иной термин, или же он восходит к Анаксимандру, решить не всегда возможно, мнения здесь очень расходятся. А главное, тот или иной фрагмент, раздробленный у Кана нередко на еще более мелкие части, не позволяет учесть контекст: у читателя не получается представления о том «потоке» мыслей, который нашел себе выражение в этом контексте, а иногда даже и представления о связи мыслей у ранних философов. Для нас важно выяснить не только, как понимал и объяснял Анаксимандр такие явления, как молния или дождь, но что представляла собою вся его философская система в целом.

Фразы, вырванные из контекста, не дают также сведений о ходе мысли тех древних авторов, которые писали о первых философах, о том, что в системах последних и почему особенно интересовало доксографов. Справедливо отметив, что Симпликий допускает явный анахронизм, говоря в связи с философией Анаксимандра и о четырех элементах и о субстанции (τὸ ὑποκείμενον), Кан и сам, однако, следует за Симпликием и Аристотелем, объясняя фрагмент Анаксимандра исключительно с точки зрения учения об элементах, причем содержание этого понятия в сущности не очень отличается от содержания понятия «элемент», как его определял Аристотель.

С этим связан и тот факт, что понятие апейрона, которое интерпретировали по-разному, но в котором все же видели оригинальную и главную мысль философского учения Анаксимандра [39], у Кана, можно сказать, вообще — и в частности при истолковании фрагмента — не играет большой роли. Это истолкование построено исключительно на применении понятия «элементы» и их противоположности.

Следует отметить также, что автор, давая обстоятельный и интересный подбор материала, иллюстрирующего те или иные понятия (например, ἀήρ, элементы и др.), не останавливается на определении тех понятий, которыми он сам оперирует. Он не раз утверждает, например, что уже для Анаксимандра мир природы, это — космос, управляемый законом. Но что такое этот закон, как возникло это понятие, совпадает ли оно с тем понятием (или вернее понятиями) естественного закона, которым пользуется современное естествознание,— все эти вопросы остаются за пределами его изложения. То же можно сказать и относительно некоторых других понятий (например, аналогии). В общем труд Кана представляется работой, без которой не сможет обойтись ни один исследователь воззрений милетской школы, но методические и методологические вопросы, которые он затрагивает, нуждаются в некоторых отношениях в дальнейшей разработке и дополнениях.

---

[39] Ср., например, выше о взглядах Селигмэна.

Фрагмент Анаксимандра и, в частности, его представление об ἄπειρον, в последнее время снова привлекли внимание. Мы имеем в виду обстоятельную работу Осв. Гуарихлиа «Анаксимандр Милетский. Фрагмент *B* 1». Задачу, которую ставил перед собою этот исследователь, он ясно формулирует не в начале, а в самом конце своего труда. Она заключается в том, чтобы реконструировать новую позицию (разрядка моя.— *К. З.*), которую занял Анаксимандр, судя по дошедшему до нас фрагменту, и которая открывает новый путь в развитии архаического мышления. Милетский философ сделал попытку объяснить мир посредством признания связи всех вещей.

Во введении Гуарихлиа дает сжатую характеристику главных источников (Симпликия, Ипполита, Псевдо-Плутарха, Аэция и Диогена Лаэртия), в анализе которых он в общем следует за Дильсом. Наиболее полно и точно, по его мнению, передает содержание произведения Анаксимандра Ипполит, который, как, впрочем, и Симпликий и вся доксография, использует произведения Теофраста. Мы можем представить себе характер сочинения Теофраста, которое являлось своего рода схемой, намечавшей серию тем в систематическом порядке, сформулированных в свете задач, ставившихся самим Теофрастом и вообще Ликеем. Материал по истории предшественников Аристотеля и излагался согласно этой схеме. Было бы ошибочно предполагать, что тематическая связь в ней представляет собою ту связь, которая была у Анаксимандра. Важно поэтому выяснить значение Теофраста как историка философии и степень его зависимости от Аристотеля. Как известно, на последний вопрос в литературе давались различные ответы. Гуарихлиа занимает среднюю позицию. Теофраст, по его мнению, в организации содержания своего труда и в интерпретации рассматриваемых им взглядов следовал изложению своего учителя, но все же он работал, зная полные произведения тех авторов, теории которых он излагал. Для выяснения истинной степени его зависимости от Аристотеля, автор в дальнейшем и переходит к анализу понятия апейрон в интерпретации того и другого [40].

В экскурсах по истории ранней греческой философии Аристотель ограничивается анализом первых принципов, исходя из своей теории четырех причин, подтверждением которой и должен служить этот анализ. Изложение философской традиции стало в глазах Аристотеля и его последователей историей постепенного открытия теории четырех причин в ее последовательных этапах. У первых философов, т. е. у ионийцев, мы находим, согласно Аристотелю, лишь первую причину — материю (ὕλη). Свою теорию генезиса Аристотель представляет как логическое и необходимое следствие теорий своих предшественников, которые он и рассматривает в аспекте своих понятий — изменения (ἀλλοίωσις) и генезиса элементов.

Гуарихлиа подробно останавливается на спорном истолковании апейрона у Аристотеля как чего-то «промежуточного» (μεταξύ) между теми или иными элементами и приходит к выводу, что в этих местах своих работ Аристотель имеет в виду Анаксимандра, хотя и не называет его, и что апейрон и есть это «промежуточное». Вторая характеристика апейрона как «смеси» элементов (τὸ μῖγμα) также возбуждала споры в новое время. Аристотель стремился связать понятие апейрон у Анаксимандра с системой четырех элементов. Это казалось ему возможным, если апейрон — первоначальный их источник и представляет нечто другое, чем сами эти элементы, а именно — первоначальную материю, качественно не характеризуемую. Она содержит оба противоположные элемента (например, тепло и холод) и в этом смысле представляет нечто «промежуточное» [41]. Гуарихлиа приходит к выводу, что в книге Анаксимандра не содержалось данных для какой-то качественной интерпретации апейрона. Апейрон как «принцип» и «элемент» возник исключительно из интерпретации Аристотеля. Понятие первоначальной недифференцированной материи уже предполагает три других аристотелевских причины. В общем учение Анаксимандра не входило удобным образом в классификацию Аристотеля и этим объясняется его непоследовательность и колебания каждый раз в суждениях об Анаксимандре.

---

[40] Guariglia, ук. соч., стр. 31—87.
[41] Там же., стр. 37 сл.

Переходя к Теофрасту, Гуарихлиа признает, как уже было сказано, зависимость последнего в плане и изложении учений досократиков от Аристотеля, но настаивает на его бо́льшей точности и объективности при обработке текстов. Так же, как его учитель, Теофраст утверждал, что все ионийцы направляли свои исследования на выяснение материальной причины [42]. Он продолжил дело представления (букв. «переливания», de transvasar) мысли досократиков в рамках физико-концептуальной структуры идейной системы перипатетиков [43]. Тем не менее для нас, по мнению Гуарихлиа, нет другого выхода, как пытаться выделить аристотельские элементы, отличить, где Теофраст следует за Аристотелем и где он передает подлинную мысль Анаксимандра, хотя подобный метод и приводит к произвольности (ук. соч., стр. 52). И Теофраст, следуя за Аристотелем, характеризует апейрон отрицательно в отношении четырех канонических элементов, но в более осторожной формулировке [«другая неопределенная природа» (φύσις)]. Он воздерживается истолковывать апейрон как «промежуточный» элемент и как смешение. Все же общий вывод Гуарихлиа неутешителен: «Теофраст внес больше путаницы, чем ясности» (ук. соч., стр. 56).

Далее автор переходит к вопросу о космологии Анаксимандра по сообщениям Теофраста, ограничивая свою задачу лишь выяснением роли апейрона в этой космологии. Он отвергает принадлежность Анаксимандру мысли о множественности миров, которую можно найти только у атомистов, и настаивает на том, что известие Симпликия (из Теофраста) не содержит ничего о порождении небес апейроном, а наоборот, содержит ясное различие (una relacion de distancia) небес и порядка в них (el orden en ellos) и *апейрона*.

Термин γόνιμον не принадлежит, по мнению Гуарихлиа, Анаксимандру. Фантастическими являются попытки увидеть в нем мифическое представление о рождении небесных тел из апейрона. Гуарихлиа считает на основании разбора пассажей у Теофраста и Аристотеля, где встречается термин γόνιμον, что выражение τὸ γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ означает способность холода и тепла порождать (те или иные явления) [44]. Он возражает Рейнхардту, который полагал, что Парменид первый установил две абсолютно противоположные формы — Свет и Мрак, тогда как милетцы видели (по мнению Рейнхардта) в противоположностях лишь агрегат одной и той же материи. Парменид же превратил их в первоначальную материю, из смешения которой и образовался мир. Противоположности, по мнению Гуарихлиа, уже у милетцев не «свойства», но силы (δυνάμεις), т. е. способности, которые проявляются так или иначе, характеризуя себя в этом проявлении. Φύσις и δύναμις — аверс и реверс одной и той же монеты. Предполагать «субстанцию» как носителя этих сил значит вносить позднейшую онтологию. В этом представлении о «силах» Гуарихлиа видит (подобно Кану) общее наследие милетской школы, то общее, что мы находим и у Гераклита, и у Анаксагора, и в медицинской литературе (ук. соч., стр. 70). В этом значение пассажа Анаксимандра, в котором мы находим то, что оказалось в центре последующего «физического» умозрения: противоположные силы — тепло и холод.

В связи со сказанным Гуарихлиа толкует и термин ἀποκρίνεσθαι — «обнаруживаться как таковое», «отличаться в своем своеобразии» (ук. соч., стр. 72). Апокрисис — это и разделение и в то же время соединение двух противоположных сил, которое определяет существование и природу обеих. В то же время это — движение (κίνησις), жизнь, порождающая жизнь. Апокрисис как генезис и жизнь противоположных сил как таковых одновременно заключает в себе и генезис мирового порядка (D.— K. I, 84, 5). Пространство и время суть основные модусы обнаружения апокрисиса и в свою очередь они присущи фундаментальному явлению — движению.

После этого предварительного источниковедческого и филологического анализа Гуарихлиа переходит к основной своей теме — разбору фрагмента Анаксимандра. То, что Дильс выделял как такой фрагмент, по мнению исследователя, стоит особняком внутри контекста сообщения Симпликия. Вследствие общего характера и неясности

[42] Guariglia, ук. соч., стр. 49.
[43] Там же, стр. 51.
[44] Там же, стр. 64.

этого сообщения его можно истолковывать различным образом. Оно построено посредством последовательных отрывистых предложений, вводимых координирующей связкой δέ. Фрагмент и представляет одно из этих предложений внутри косвенной речи, зависящей от глагола λέγει (стр. 89). Анализ его должно вести по трем пунктам: 1) необходимо установить его связь с контекстом, 2) выяснить по возможности значение фрагмента Анаксимандра и отделить его от слов Теофраста, 3) дать его интерпретацию.

Останавливаясь на вопросе о значении формулы ἐξ ὧν .... εἰς ταῦτα, Гуарихлиа признает, что она не чужда Теофрасту, но считает необходимым присмотреться к тому, как ее употребляет Аристотель. У последнего она неразрывно связана с процессом анализа (Metaph. D 25). Элементы (στοιχεῖα) представляют собой последнее понятие, которого можно достигнуть путем анализа, последний шаг в логическом методе, приводившем к разделению на формы (εἴδη), и имеют значение лишь в связи с процессом анализа. Решающий момент и состоял в применении метода логического анализа, выработавшегося у греков в связи с развитием математики, к физике. Здесь элементы, — это тела, более не анализируемые в другие εἴδη, элементарные формы материи. Отсюда представление, что все первоначальные тела, о которых говорили предшественники Аристотеля, являются «принципами и элементами» в смысле последних элементов анализа.

Формула ἐξ ὧν... — развитие содержания понятия элемент (στοιχεῖον). Теофраст распространил аналитический метод исследования природы на интерпретацию теорий досократиков, что привело к редукции основных положений последних к категориям ἀρχή и στοιχεῖον. Это оправдывалось посредством дополнения физического процесса, интерпретируемого аналитически. Такова была и интерпретация Теофрастом Анаксимандра: апейрон — ἀρχή и элемент всего существующего. Параграф, начинающийся со слов ἐξῶν, служит оправданием этого утверждения, необходимым дополнением: описанием процесса, в котором апейрон играет роль элемента, и этим подтверждается то его определение, которое было дано выше (D. — K. I, 83, I. 1 сл.). Выражение ἐξ ὧν ... εἰς ταῦτα, доказывает Гуарихлиа, относится к апейрону, а не к элементам, как считают Кан и Маддалена. Pluralis (ἐξ ὧν) решающего значения не имеет [45]. Первая часть параграфа начинается со слов ἐξ ὧν, вторая часть (начиная со слов διδόναι γάρ ...) является повторением и оправданием (γάρ) первой и должна быть интерпретирована в том же смысле: этот смысл заключается в том, что все вещи происходят из ἄπειρον и возвращаются в него.

Рассматривая интерпретации, которые давались фрагменту в XIX и XX вв. (Целлер, Барнет, Хейдель, Кан и др.), Гуарихлиа приходит к выводу, что они драматически показывают отсутствие связи между двумя частями, которым мы обязаны Теофрасту. Но именно эта непоследовательность и должна служить путеводной нитью, чтобы установить трансформацию смысла слов Анаксимандра (ук. соч., стр. 103). Идя этим путем, Гуарихлиа надеется охватить проблему в целом и преодолеть при решении вопроса о подлинности исключительно стилистическую точку зрения, сводившуюся к вопросу о терминах.

Интерес Аристотеля и Теофраста сосредоточивался на протагонистах явлений, т. е. на элементах, с одной стороны, и на вещах (τὰ ὄντα), составленных из этих элементов, с другой, а также на функциях каждого из элементов, т. е. на роли апейрона как примитивной формы материи и на процессе, который подтверждает, по их мнению, эту роль. Между тем во фрагменте на первое место выступают не «элементы» и «вещи», но «возникновение» (γένεσις) и «гибель» (φθορά). В этом Гуарихлиа видит доказательство подлинности первой части фрагмента (придавая при этом значение употребленным здесь грамматическим формам существительных и глаголов). Все известие подчинено этим двум первоначальным явлениям. Перед нами формула A : B = C : A — «маятниковая» конструкция (Pendelschlag), колебания между противоположностями, характерное выражение архаического стиля и мышления. Это мышление (ук. соч., стр. 106), которое раскрывается посредством противоположностей, находит здесь

[45] Guariglia, ук. соч., стр. 98, прим. 27.

адекватное выражение в утверждении о действительности (vigencia) и независимости двух первоначальных феноменов — рождения и гибели — в лоне существующих вещей. Таким образом, приходит Гуарихлиа к не совсем новому выводу — в тексте фрагмента два слоя: верхний от Теофраста и нижний — от Анаксимандра.

Выражение τοῖς οὖσι также надо признать подлинным (ук. соч., стр. 109). Гуарихлиа приводит соответствующие места из произведений Гомера и Гесиода, настаивая на понимании древними поэтами философской «множественности» как единства и «целостности» как множества. Позднее гомеровские формулы (Il. I, 69—70) упрощаются (πάντα τὰ ὄντα). Теофраст находится под влиянием двух противоположных воздействий: стремления сохранить верность перефразируемому тексту, с одной стороны, и интерпретации Аристотеля, с другой. В целом текст фрагмента представляет собою результат компромисса между обеими силами, к счастью, еще ясно различимыми.

Первая часть фрагмента — утверждение о рождении и гибели согласно «необходимости» [46] (γένεσις καὶ φθορὰ κατὰ τὸ χρεών) — делается понятной, если учесть открытие «физической» области (т. е. физики и метафизики). Понимание обоих явлений было определено для позднейшего времени (начиная с V в.) постановкой проблемы у Парменида. Основным в аспекте Парменида и других был отрицательный характер существования, который получили оба эти явления в противоположность положительному понятию τὸ ἐόν. «Генезис» и «гибель» должны были уйти с того места, которое они занимали [47]. Это основное отношение между «рождением» и «гибелью», с одной стороны, и «бытием», с другой, должно быть исходным пунктом при восстановлении контекста, в котором первоначально они были. Чтобы ясно представить их взаимоотношение, Гуарихлиа стремится определить первоначальное значение обоих терминов. По его мнению, во всех пассажах у Гераклита, Софокла и Геродота «генезис» имеет два аспекта (ук. соч., стр. 122): 1) рождение нового индивидуума со всей его оригинальностью и новизной, 2) условия, чуждые этому индивидууму, но необходимо определявшие его рождение — в первую очередь его прародители и конкретные обстоятельства социально-исторического характера. Единение между прародителями и потомством необходимо: оно обусловливает взаимное существование. Абсолютное становление — Πόρος (здесь Гуарихлиа пользуется фрагментами поэмы Алкмана)— неразрывно связано с самого первого момента с «Пределом» (Τέκμωρ) [48]. Возникновение чего-либо никогда не является чем-то неопределимым или незаконным, но в каждом случае имеет «предел», который и определяет его смысл. «Предел» следует понимать во всех его значениях: пространственном, временном и по существу. Он делает понятным мир и его существование.

Значение генезиса обусловливается тем, что «рождение» связано с обнаружением «природы» (índole) индивидуума, а с другой стороны, со всем целым, с совокупностью всех вещей. Генезис всегда является выражением этой совокупности. Он неразрывно сопряжен с гибелью (φθορά). Всеобщая власть этой сопряженности выражает единство во множественности всего существующего, что и составляет содержание конца первой части фрагмента.

Гуарихлиа подробно останавливается на выражении κατὰ τὸ χρεών. По его мнению, существующие переводы этого выражения не выяснили смысла термина [49], который встречается уже у Гомера (сущ. ж. р.). В силу перемены рода существительного (во фрагменте: ср. р.) он получил более безличный характер и обозначает состояние недостатка, отсутствия (carencia) в общем и абстрактном смысле. Γένεσις и φθορά господствуют над всем существующим, поскольку на все существующее распространяется состояние «недостатка». Все, что существует, является перманентной актуализацией сочленения рождения и гибели. Τὸ χρεών образует всеобщее единство, которое

[46] Так обычно переводят слова κατὰ τὸ χφεών.

[47] Guariglia, ук. соч., стр. 119, ссылка на DK 28 138, 26—27.

[48] Первоначальное значение слова Πόρος, замечает Гуарихлиа,—«вступление» (acceso), в данном случае «вступление в существование», el acceso a la existencia. См. стр. 125 сл.

[49] По Дильсу, χρεών — необходимость, согласно Кану — наиболее безличная греческяа формула Рока. Guariglia, ук. соч., стр. 131, прим. 118.

скрывается за множественностью вещей. Существование и есть пребывание в сопряжении рождения и гибели.

Вторая часть фрагмента — следствие первой: αὐτά в ней соответствуют τοῖς οὖσι в первой части. В первой говорилось о сопряжении двух основных феноменов — генезиса и φθορά — и о единстве, обнаруживающемся во множестве. Природа всего существующего, говорится в анализе второй части фрагмента, находит себе выражение «на горизонте Взаимности» (взаимодействия, reciprocidad), составляющей первоначальное и существенное отношение во всей структуре мира как следствие пребывания существующего в сопряжении рождения и гибели. Взаимосвязь обеспечивает каждой вещи развитие присущей ей природы. Как это происходит? И снова Гуарихлиа углубляется в филологический анализ. Обычный перевод выражения διδόναι δίκην «искупать вину»— несовершенен. Его истинный смысл: допустить, чтобы дело было решено путем разбирательства на суде, путем приговора. Δίκη неразрывно связана с актом суда. В ее значении два аспекта: 1) она связана с конфликтной ситуацией, выступлением двух сторон и 2) с решением конфликта путем присвоения каждой стороне того, что ей соответствует. Дике означает установление равновесия между двумя сторонами посредством нанесения ущерба одной из них. Анаксимандр и утверждал, что Дике характеризует ситуацию всего, что существует. Все существующее, находясь в конфликте одно с другим, достигает того, что оно собою представляет, обнаруживает свою природу (índole), свою Дике. Это значение Дике как «противостояния» всему, что есть, заключает в себе Взаимодействие и определяет его как противостояние. Фрагмент открывает таким образом два аспекта Дике: как противостояния и как обнаружения каждой вещью ее природы. Акт воздаяния является победой над несправедливостью, ее возмещением. Процесс, который начинался с противоположности и несправедливости, заканчивается возмещением несправедливости. Область господства Дике — сопряженность рождения и гибели. И в первой и во второй части фрагмента говорится о том же — о структуре всего, что существует, но в разных аспектах.

Гуарихлиа переходит далее к подробному разъяснению значения другой формулы κατὰ τάξιν τοῦ χρόνου. Как Дике не есть просто наказание, но вместе — и ошибка и возмездие за нее, так и Время (Χρόνος) не является лишь обозначением срока, но характеризует всеобщую связь вещей. Время покажет (δείξει) истинную природу всего существующего также в двух аспектах: и как односторонность данного существования и в связи его с целым. Τάξις — это не приказ или решение времени (как переводили этот термин), но «Порядок времени», включающий несправедливость (ἀδικία), возмездие и Дике. Концепция времени у Анаксимандра занимает центральное место в греческой архаической мысли между лирикой и позднейшей философией. Так Гуарихлиа решает ту задачу, которую он поставил перед собою,— определить новую позицию, занятую Анаксимандром.

Работа Гуарихлиа по своему характеру и по тем выводам, которые делает автор на основании анализа фрагмента Анаксимандра, очень отличается от двух трудов, разобранных нами в предшествующем изложении, но в то же время обнаруживает и сходство с ними в некоторых отношениях. Эти черты различия и сходства будут яснее видны из последующих замечаний. В исследовании Гуарихлиа несомненно имеется ряд верных наблюдений, а обобщения автора представляют большой интерес, несмотря на строгое самоограничение, которое было установлено им по отношению к своей задаче. Очень тонко он анализирует характер композиции фрагмента, соотношение его частей. Верно также, как нам кажется, намечены основные линии при разборе главных источников доксографической традиции, т. е. Аристотеля и Теофраста [50]. Нельзя, в частности, не согласиться с критикой положения Кана и Маддалена о том, что во фрагменте и под ἐξ ὧν и под ἀλλήλοις следует разуметь обязательно элементы (там же, стр. 97—99). Кан не принял достаточно во внимание связь концепции элементов (στοιχεῖα) со взглядами Аристотеля [51].

[50] Guariglia, ук. соч., стр. 31 слл.
[51] Kahn, ук. соч., стр. 124.

Очень интересны в работе Гуарихлиа экскурсы филологического характера при установлении смысла тех или иных выражений в тексте фрагмента (χρεών, χρόνος, τάξις). Наконец, наиболее важными представляются те положения, которые автор развивает, анализируя понятия рождения и гибели, Взаимодействия, Дике и их соотношение, связывая постоянно их с идеей единства во множественности мировых явлений.

Однако в целом исследование Гуарихлиа оставляет все же известную неудовлетворенность, причины которой отчасти те же, что и в исследовании Селигмэна: автор ограничил свою задачу изучением фрагмента, причем нельзя сказать, чтобы он не чувствовал необходимости характеристики соответствующего «фона», на котором выступает тезис Анаксимандра. Но фон этот рисуется односторонне: он рассматривается на основании сравнительного анализа значения сообщений об Анаксимандре Аристотеля и Теофраста и, с другой стороны, на основании сопоставления того или иного выражения в этих сообщениях с соответствующим словоупотреблением Гомера, Гесиода, лирических поэтов, трагиков и Геродота. Тот широкий фон, привлечение которого составляет положительную сторону в исследовании Кана, у Гуарихлиа затрагивается эпизодически, хотя с методической точки зрения иногда более осторожно и последовательно, чем у Кана.

Характеристику философии Анаксимандра Гуарихлиа дает в сущности лишь на основании анализа фрагмента. Но как ни важен этот единственный текст, содержащий (хотя далеко не в полном и чистом виде) подлинные слова милетского философа — все же одного его явно недостаточно для решения задачи, поставленной автором рассматриваемого исследования: чтобы определить ту новую позицию, которую, по его мнению, занял Анаксимандр, развивая свои взгляды на мир, необходим более широкий контекст и притом контекст не чисто филологический, но исторический, т. е. необходимо сопоставление не только со словоупотреблением Гомера или Эсхила, но — и прежде всего — с теми взглядами, приемами и формулировками, которые мы находим у ближайших к Анаксимандру философов Ионии, а также и в дальнейшем развитии греческой философии.

Если Кан, стремясь выяснить космологию милетцев и проследить влияние их взглядов на философию V в., упускал при этом в известной мере значение этапов идеологического развития и различие подхода отдельных философов, то Гуарихлиа несомненно недооценивает значение космологии для понимания мировоззрения Анаксимандра и не дает достаточного представления о том месте, которое этот мыслитель занимает в процессе развития философии и науки в VI—V вв. до н. э. Поэтому некоторые стороны этого развития остаются недостаточно выясненными. В его труде мы не находим такой широкой и поучительной картины развития понятия «элементы» и их противоположности, какая имеется у Кана, не говоря об анализе полярности как формы мышления, который предпринял Ллойд [52].

Постоянно обращаясь к прошлому и выясняя значение, которое данное выражение имело у Гомера или Гесиода, автор нередко, к сожалению, не сопоставляет полученные им результаты со словоупотреблением младших современников и преемников Анаксимандра (Гераклита, Анаксимена и других). Так, например, он поступает с термином τὸ χρεών, тогда как этот термин (или сходные выражения, образованные от того же корня) встречаются и у Гераклита, и у Диогена из Аполлонии, у Парменида и Демокрита. Поэтому филологический и идейный контекст остается неполным.

Труд Гуарихлиа показывает и плодотворность филологического исследования философских текстов и его недостаточность. В конце концов путем анализа терминов едва ли можно достигнуть поставленной автором цели: выделить и отбросить то, что идет от Аристотеля и Теофраста, сохранив подлинные слова Анаксимандра.

Интерпретация фрагмента у Гуарихлиа отличается большой отвлеченностью. Соображения о том, что «Порядок времени» есть не что иное, как Дике, возмездие (τίσις) и ἀδικία, что «временность» (temporalidad) возникает из той же самой структу-

[52] G. E. R. Lloyd, Polarity and Analogy, Cambr., 1966.

ры мира, т. е. из противоположностей с их собственной своеобразной природой, что концепция времени неразрывно объединена с «Истиной» (verdad) [53], поскольку эта структура основана на состоянии «Недостаточности» (carencia), в котором находится все, что существует, представляются слишком сложными и абстрактными для Анаксимандра и его времени. Если ценным является упор, который Гуарихлиа делает на идее связи единичного и целого, на значении структуры, которая в изображении автора, если применить терминологию Селигмэна, составляет ключевую идею Анаксимандра, то все же принцип ἀδικία, ее возмещения и роль апейрона при этом не раскрыты автором полностью. В связи с этим нельзя не отметить, что и Гуарихлиа, вплотную подходя к рассмотрению теории Анаксимандра в социальном аспекте, ограничивается лишь замечанием очень общего характера (ук. соч., стр. 140). Изучение реальных исторических условий (стр. 152), о которых Гуарихлиа мимоходом упоминает, но которые элиминирует из сферы своего исследования, необходимо для понимания философии Анаксимандра и для выяснения той новой позиции, которую он занял.

Каждая из трех работ, содержание которых мы подробно рассмотрели, обладает большими, хотя и неравными достоинствами. И соображения о значении ключевых идей у Селигмэна, и метод включения представлений Анаксимандра в контекст не только ионийской, но и всей философии VI—V вв. до н. э., примененный Каном, и тщательное исследование философского содержания фрагмента в связи с сравнительным анализом данных об Анаксимандре у Аристотеля и Теофраста в работе Гуарихлиа несомненно заслуживают внимания и в некоторых отношениях дальнейшей разработки.

Вместе с тем, нельзя не признать известной односторонности методов и результатов изучения у каждого из этих авторов. Однако этот вопрос неразрывно связан с общими проблемами исследования истории древнейшей греческой философии и требует специального рассмотрения. Мы предполагаем вернуться к нему в одном из следующих сообщений.

DK* I, 12, A 9; B I

τῶν δὲ ἓν καὶ κινούμενον καὶ ἄπειρον λεγόντων Ἀναξίμανδρος μὲν Πραξιάδου Μιλήσιος θαλοῦ γενόμενος διάδοχος καὶ μαθητὴς ἀρχήν τε καὶ στοιχεῖον εἴρηκε τῶν ὄντων τὸ ἄπειρον, πρῶτος τοῦτο τοὔνομα κομίσας τῆς ἀρχῆς. λέγει δ' αὐτὴν μήτε ὕδωρ μήτε ἄλλο τι τῶν καλουμένων εἶναι στοιχεῖον, ἀλλ' ἑτέραν τινὰ φύσιν ἄπειρον, ἐξ ἧς ἅπαντας γίνεσθαι τοὺς οὐρανοὺς καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κόσμους· ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών· διδόναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν, ποιητικωτέροις οὕτως ὀνόμασιν αὐτὰ λέγων...

К. К. Зельин

NEW WORKS ON THE PHILOSOPHY OF ANAXIMANDER

by K. K. Zelyin

Three new works on the philosophy of Anaximander are discussed, those of Seligman, Kahn and Guariglia. Their contents and methods are considered with a view to ascertaining what aspects of the subject need further study, and along what lines the enquiry might best be pursued.

Seligman's object is to define the essence and significance of Anaximander's *apeiron*— the «key idea» of this concept and its *modus operandi* — in order to gain an insight into the meaning of speculative philosophy in general. Besides examining Anaximander's ideas in their relation to the conceptual context of the pre-philosophic epoch, Seligman generalises the results of his study in a number reflections on the history of later philosophy. But he does not discuss Anaximander's philosophy as a whole, and the resolution by metaphysics of the contradiction between science and religion proves illusory.

[53] Guariglia, ук. соч., стр. 150.

* H. Diels — W. Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker [12], I, Dublin—Zürich, 1966.

Kahn's book embraces a much wider range of material and his method is more convincing. In his view early Greek philosophy is one body of thought, a complex of several general ideas, and these common features were preserved in the later period. This philosophy regarded the world as a *kosmos* governed by law and was based on the Milesian prototype created by Anaximander. Kahn gives particular attention to the doctrine of elements and their opposition. But though he discusses Anaximander's cosmology in its broad historical aspect he does not differentiate the stages in the development of philosophy and science, and the resemblances he is able to show relate mainly to the sphere of cosmogony and meteorology rather than to philosophy as a whole.

Guariglia tries to determine the new position taken by Anaximander, as one may judge of it from a surviving fragment. The fragment contains a thought process which unfolds in opposites and finds expression in a statement about the reality of two primordial phenomena — birth and death - in the midst of existing things. Interconnectedness secures to each thing development according to its nature. The author gives a detailed analysis of the concepts Δίκη, τάξις, χρεών, χρόνος. The book contains many valuable observations, but in essence Guariglia characterises the philosophy of Anaximander only on the basis of this fragment. Moreover, like first two authors, Guariglia eliminates from the area of his study the real historical setting.

Each of the three books under review has undoubted, though unequal, merits, but it must be remarked that the methods applied and the results obtained in each case suffer from onesidedness. However, this question cannot be considered apart from general problems besetting the study of early Greek philosophy and must be left for separate consideration.

ТЕМА ТИРАНИИ В ПОЭЗИИ ФЕОГНИДА

Когда современный исследователь желает ознакомиться с источниками о ранней тирании в Греции, он открывает прежде всего сочинения Геродота и Аристотеля. В трудах этих авторов можно найти сведения о полисах, которые пережили период тирании, узнать имена тиранов, прочесть об истинных, а нередко и о легендарных подробностях их правления. Как ни ценны для нас сведения Геродота и Аристотеля о ранней греческой тирании, все же нельзя забыть, что оба автора не были ее современниками. Они почерпнули свои сведения из источников разной степени достоверности, а также привнесли в оценку тирании свои взгляды, свойственные их поколению, но не современникам рассматриваемой формы правления. Поэтому следует с особым вниманием прислушаться к голосам Алкея, Феогнида, Солона, непосредственных свидетелей тирании. Стихи этих поэтов — единственный дошедший до настоящего времени письменный источник, современный эпохе ранней греческой тирании. Правда, сохранившиеся стихи не дают полной картины политической жизни какого-либо государства; и все же для нас только в творчестве этих поэтов запечатлелось в какой-то мере отношение современников к той или иной форме государственной власти.

В настоящей работе рассматриваются упоминания Феогнида [1] о тирании. Период ранней тирании пережили Милет, Эфес, Митилена, Коринф, Самос, Линд, Наксос,

---

[1] По мнению большинства современных ученых, поэт Феогнид был уроженцем и гражданином Мегар Нисейских. См., например, R. Reizenstein, Epigramm und Scolion, Giessen, 1893, стр. 58 сл., 84 и др.; A. et M. Croiset, Histoire de la littérature grecque, II², P., 1898, стр. 142; E. Harrison, Studies in Theognis together with a Text of the Poems, Cambr., 1902, стр. 268 слл. Упоминание Платона о поэте Феогниде — гражданине Мегар Сицилийских (Plat., Leg. I 630 A) — мы рассматриваем как свидетельство того, что, будучи изгнанником, Феогнид получил права гражданства в Мегарах Сицилийских.

Мегары, Афины и некоторые другие государства Греции, за исключением только земледельческих и отсталых областей, например, Беотии или Лаконии.

Однако прогрессивное значение тирании как власти, сокрушившей могущество старой аристократии, быстро исчерпывалось. Стремясь укрепить собственное могущество и основать династию, тираны вступали в острый конфликт с теми общественными силами, которые некогда их поддерживали. После победы над аристократией демос уже не нуждался в охране от нее в лице тирана. Его власть превращалась в тяжелое бремя, от которого все желали избавиться. Таким образом, ранняя тирания была лишь переходной ступенью от господства родовой аристократии к господству демократии. Поэтому неудивительно, что продолжительность тираний была невелика: одно, два, очень редко три поколения [2], после чего тирана либо убивали, либо изгоняли.

Связного изложения истории Мегар до нашего времени не дошло. Что касается тирании, то известен лишь тиран Феаген, упоминаемый Аристотелем (Pol. VIII, 5; 1305a). Единственной опорой для датировки правления Феагена является сообщение о выдаче тираном замуж своей дочери за афинянина Килона. Последний потерпел неудачу около 640 г. до н. э. при попытке установить тираническую власть в Афинах. Значит, тирания Феагена приходится на годы, примыкающие к этой дате. Правление мегарского тирана, по-видимому, окончилось изгнанием и не было особенно продолжительным, так как Аристотель не упоминает мегарскую тиранию в числе тех, которые существовали долгое время.

Имеется два мнения относительно датировки жизни Феогнида. На основании свидетельства Суды γεγονὼς ἐν τῇ νθ' Ὠλυμπιάδι (Suid. s. v. Θέογνις) одни полагают, что поэт был взрослым человеком в 59 Олимпиаду (т. е. 544—540 гг. до н. э.) [3], другие считают, что он родился в это время [4]. Мы принимаем последнюю точку зрения, но даже если разделить мнение сторонников первого утверждения, все же Феогнид не мог быть современником Феагена, и не его он имеет в виду в своих стихах, говоря о ненависти к тирану.

Начнем рассмотрение стихов Феогнида о тирании с самого большого стихотворения, посвященного этой теме (ст. 39—52) [5].

«Кирн, город беременен, и я боюсь, как бы он не родил мужа, который покончит с нашей дурной дерзостью. Граждане пока еще благоразумны, но вожди склонны впасть в большую испорченность. Хорошие мужи, Кирн, никогда не загубили никакой город, но всякий раз, как дурным угодно быть наглыми, они портят народ и отдают суды несправедливым ради личной выгоды и власти (другое толкование: решают судебные дела в пользу несправедливых). Жди, что недолго этот город будет оставаться в покое, даже если сейчас находится в полном спокойствии, когда дурным людям становятся милыми такие выгоды, которые приходят вместе с народной бедой. Отсюда раздоры, убийства мужей, принадлежащих к одной филе, и единовластители. Пусть никогда это не будет угодно этому городу».

На первый взгляд кажется, что если в этом стихотворении и подразумевается угроза появления тирана, то прямо он не назван. Однако слово μούναρχος (единовластитель) в последней строке этого стихотворения эквивалентно у Феогнида слову τύραννος (ср. ст. 823, 1181, 1204). Так же употребляют для обозначения тирана оба эти слова Алкей и Солон.

Ранняя тирания была фактическим господством, никак не оформленным юридически, поэтому у тиранов не было никакой официальной титулатуры. Неофициально они именовались как заимствованным с Востока словом τύραννος, так и греческим

---

[2] Arist., Pol. V, 9, 21—23; 1315b.

[3] F. Cauer, Parteien und Politiker in Megara und Athen, Stuttgart, 1890, стр. 31 сл.; J. Carrière, Théognis, Poemes élégiaques, P., 1948 (Introduction, стр. 5); E. L. Highbarger, History and Civilization of Ancient Megara, Baltimore, 1927, стр. 141.

[4] W. Aly, RE, s. v. Theognis, 1,2 Reihe, Bd. V, 1934, стб. 1972 сл.

[5] Текст и перевод стихов Феогнида дается по изданию: Anthologia lyrica graeca, ed. E. Diehl, Lipsiae, 1955, fasc. 2.

μόνοαρχος. После падения тирании законодательство греческих рабовладельческих демократий приняло и узаконило слово τύραννος как политический термин [6]. Геродот, например (не говоря уже о более поздних авторах), не применяет к тиранам слов μόναρχος, μοναρχία, μοναρχέω.

В рассматриваемом стихотворении, как и во многих других стихах Феогнида, противопоставляются действия ἀγαθοί — людей хороших, благородных, аристократического происхождения — и κακοί — низких, дурных, людей простого звания. Возможный «единовластитель» выйдет, конечно, из последних. Ведь «хорошие мужи» никогда еще, по словам Феогнида, не губили государство (οὐδεμίαν πω, Κύρν' ἀγαθοὶ πόλιν ὤλεσαν ἄνδρες, ст. 43).

Из слов Феогнида видно, что тирании в Мегарах нет, но есть тревожные признаки возможности ее появления. Какова тирания на деле, поэт знал не только из рассказов о тирании Феагена и о тирании целой династии Кипселидов в Коринфе — государстве, пограничном с Мегарами. На глазах у Феогнида под властью тиранов находился ближайший сосед Мегар — Афины. Тиран Афин Писистрат должен был быть особенно ненавистен мегарцам, так как в молодости он отличился во время борьбы за Саламин и завоевал мегарскую гавань Нисеи [7].

Повторение первого четверостишия рассматриваемого стихотворения встречается в другом месте феогнидовского сборника (ст. 1081—1082b). Было высказано мнение, что в данном и в ряде других подобных случаев имеет место небрежность составителя сборника, не заметившего повторения. Однако Д. Янг, внимательно проанализировав все подобные места феогнидовского сборника, показал, что точного повторения нигде не встречается [8]. Незначительные изменения, сделанные поэтом, наполняют старые стихи новым содержанием. Соглашаясь полностью с этим общим наблюдением Д. Янга, мы не можем принять его толкование данного места Феогнида (там же, стр. 368 сл.) [8]. Д. Янг рассматривает ст. 1081—1082b как продолжение мысли предыдущих ст. 1079—1080, где говорится: «Я не стану осмеивать никакого своего врага, если он благороден (ἐσθλός), и не стану хвалить, если он низок (δειλός)». Д. Янг переводит ἐσθλὸν ἐόντα как «ведущего себя хорошо», а δειλὸν ἐόντα как «ведущего себя плохо». Следующие же стихи Янг толкует как желание Феогнида предостеречь Кирна от стремления стать тираном. Думается, что для такого рискованного утверждения нет достаточных оснований.

Нам кажется, что ἐσθλόν и δειλόν в ст. 1079—1080 следует понять в социальном плане, как в других стихах ἀγαθός и κακός [9]. Смысл двустишия вполне феогнидовский: если благородный человек окажется моим личным врагом, я не стану из-за этого его порочить и, наоборот, не стану менять свои взгляды и хвалить человека низкого звания, если он будет ко мне дружественно настроен. В известной «Истории греческой литературы» В. Шмида и О. Штелина говорится, что сборник Феогнида учит в трудные времена стойко сохранять достоинство знатного человека, быть верным товарищам своего круга во время борьбы с народной массой, быть в строгом отчуждении от людей низкого звания, с упорством и стойкостью переносить превратности судьбы [10]. Стихи 1079—1080 — одна из ярких иллюстраций к этому положению, и их надо, на наш взгляд, рассматривать как самостоятельное законченное стихотворение.

---

[6] А. И. Доватур, Повествовательный и научный стиль Геродота, I, 1957, стр. 46—52.

[7] Herod., I, 59; Arist., Ath. Pol. 14, 1.

[8] D. Young, Borrowing and Self-adaptation in Theognis. Miscellanea critica, Teil I, Lpz, 1964, стр. 307—390.

[9] Ср., например, ст. 189—190, где говорится о том, что деньги заставляют заключать браки между представителями аристократических и незнатных родов (καὶ ἐξ κακοῦ ἐσθλὸς ἔγημε καὶ κακὸς ἐξ ἀγαθοῦ. Πλοῦτος ἔμειξε γένος). В данном месте несомненно слово ἐσθλός употреблено Феогнидом в социальном плане наряду с κακός и ἀγαθός.

[10] W. Schmid und O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, Teil I, Bd I, München, 1959, стр. 377.

Во времена Феогнида в Мегарах не раз могла возникать ситуация, благоприятная для появления тирана. И естественно, что Феогнид неоднократно откликался на это в своем творчестве. Один раз он написал довольно длинное стихотворение на эту тему (ст. 39—59), а другой раз (ст. 1081—1082b) повторил свое прежнее предостережение, процитировав в несколько измененном виде первое четверостишие стихотворения, написанного ранее [11]. Э. Гаррисон полагает, что первый раз поэт предостерегал от опасности появления тирана, а во второй раз Феогнид в сходных обстоятельствах предостерегает от опасности появления сильного политического вождя «violent party-leader» [12]. Нам кажется неправдоподобным такое предположение английского исследователя.

Сравним стихи 40 и 1032, которые отличают одну редакцию Феогнида от другой: *ст. 40* (ἄνδρα) εὐθυντῆρα κακῆς ὕβριος ἡμετέρης; *ст. 1082* (ἄνδρα) ὑβριστήν, χαλεπῆς ἡγεμόνα στάσιος. Думается, что и в ст. 1032 речь идет о тиране: ведь тиран, как правило, начинал свою карьеру, возглавляя народное восстание, или был, по словам Феогнида, ἡγεμὼν χαλεπῆς στάσιος. Припоминая свое прежнее стихотворение, поэт изменил одну строку, наполнив ее более конкретным содержанием: городу грозит опасный мятеж, предводитель которого может стать тираном.

Перейдем к рассмотрению двух других стихотворений о тиранах, которые на первый взгляд кажутся исключающими одно другое.

«Не помогай укрепиться тирану, надеясь на выгоду, и не убивай его, если ты установил с ним клятву богов» [13] (ст. 823—824).

«Кирн, почитай богов и бойся их; это препятствует мужу совершать и произносить нечестивое. А ниспровергнуть тирана, каким способом ты хочешь, тут нет никакого возмездия от богов» (ст. 1179—1182).

В последних стихах Д. Янг усматривает ответ Феогнида Кирну на сообщение о намерении последнего участвовать в убийстве какого-то тирана. Современный исследователь предполагает, что изгнанные из Мегар Феогнид с Кирном отправились в соседние Афины. Там они общались с поэтами Ономакритом и Симонидом Кеосским (имена этих поэтов упоминаются в стихах Феогнида — ст. 503, 469, 667 и 1349). Последние были при дворе сыновей Писистрата. Поэтому в ст. 823 и 1181 имеются в виду Гиппий или Гиппарх. Против этих тиранов, как известно из «Афинской политии» Аристотеля, Алкмеониды составили заговор, к которому, согласно мнению Д. Янга, они привлекли мегарского аристократа Кирна [14].

Это сложное построение, на наш взгляд, не имеет никакого обоснования в рассматриваемых стихах Феогнида, равно как и фантастическое предположение того же исследователя, что ст. 1191—1194 могли быть написаны под впечатлением вида убитого тирана Гиппарха, лежащего на смертном одре.

Противоречие между стихами 823—824 и 1179—1182 можно объяснить противоречивыми настроениями самого Феогнида. Смена настроений часто отражается в стихах разных поэтов. Характерно это было, по-видимому, и для Феогнида, испытавшего немало жестоких ударов судьбы. Яростный противник демократического движения и тирании, Феогнид призывал к непримиримой борьбе с ней. С этой точки зрения понятно его заявление, что свержение тирании — дело, угодное богам. В то же время Феогниду мало что удалось в жизни: он — неудачник, изгнанник, которому свойственно разочарование и глубоко пессимистическое настроение. Стихи 823—824 можно понять

---

[11] Впрочем, так как сборник Феогнида составлен не в хронологическом порядке написания стихов, и у нас нет данных, чтобы восстановить этот порядок, то возможно предположение, что поэт сначала написал четверостишие об угрозе тирании, а позже развил его в длинное стихотворение. По нашему мнению, принципиального значения этот вопрос не имеет.

[12] Harrison, ук. соч., стр. 137.

[13] Последнее можно понять либо как «если ты вступил в союз, связанный клятвой (т. е. заговор)», либо — «не убивай тирана, если ты с ним связан клятвой во имя богов». См. Harrison, ук. соч., стр. 125 сл.

[14] Young, ук. соч., стр. 377 сл.

как совет идти средним путем, не вмешиваясь в политику: не помогай тирану ради личной выгоды, но и не рискуй своей жизнью, вступая в заговор против тирании.

Достаточно убедительно толкование, предложенное Э. Гаррисоном [15]. Феогнид высказывается не против убийства тирана, а против нарушения клятвы, данной во имя богов. Не надо давать клятву в неблаговидном деле, но если уж она дана, то не следует ее нарушать. В ст. 1181—1182 говорится о намерении убить тирана, и, как считает Феогнид, самое это действие, совершаемое по благородному побуждению, не может вызвать гнева богов.

Есть еще одно стихотворение Феогнида, в котором упоминается тиран (ст. 1203—1206). Поэт заявляет, что он не станет горевать о смерти тирана и не пойдет на его похороны; Феогнид не ждет, что тирана опечалит его смерть и тот будет плакать на могиле поэта.

Как справедливо отметил Гронинген, в данном стихотворении, говоря довольно обще τύραννος ἀνήρ, Феогнид имел в виду тирана вообще, а не определенного человека [16]. Мы полагаем, что для выражения своего отвращения к тирании Феогнид хотел нарисовать не реальное событие, а изобразил почти невероятное, чтобы ярче высказать свои чувства: даже в самых трагических обстоятельствах поэт отказывается от сочувствия человека, могущего быть тираном; и сам Феогнид не пожалеет тирана даже в случае самого непоправимого для всякого — его смерти.

Некоторые ученые присоединяют к стихам Феогнида о тирании, кроме уже названных, еще несколько других, в которых, по их мнению, поэт пишет о тирании аллегорически.

Рассмотрим один из примеров такого рода. Дж. Эдмондс полагает, что в ст. 257—260 речь идет о городе, управляемом тираном [17]: «Я — прекрасная кобылица, берущая призы,— говорится у Феогнида,— но несу на себе ужасного мужа, и это для меня самое нестерпимое. Часто я вознамеривалась, разорвав узду, бежать, сбросив с себя дурного всадника».

Другие комментаторы в отличие от Эдмондса предлагают иные толкования. Так, например, Т. Вильямс [18] и А. Гарциа [19] усматривают здесь жалобу женщины на недостойного любовника. Ж. Карьер попытался увидеть в данном стихотворении не аллегорию, а описание реальной лошади. Для этого он привлек на помощь рассказ Павсания о кобылице, получившей на Олимпийских играх приз, несмотря на то, что она во время состязаний сбросила своего возницу (Paus., VI, 13, 484) [20]. Такое толкование, имеющее на первый взгляд прочную опору в тексте Феогнида, все же не может быть признано удовлетворительным. Можно высказать против этой интерпретации следующие возражения. Во-первых, у Феогнида говорится, что кобылице часто (πολλάκι) хотелось сбросить негодного возницу и убежать. Случай же, описанный у Павсания, был единичным, исключительным. Во-вторых, Феогнид употребляет глагол φεύγειν «убежать». У Павсания же кобылица не убегает от возницы, а сама продолжает бежать к финишу по заданному пути. В таком случае больше подходил бы глагол τρέχειν.

Наиболее отвечающим духу всего феогнидовского сборника представляется объяснение Гронингена [21]. В стихотворении аллегорически говорится о молодой женщине аристократического происхождения. Выданная против своей воли замуж за человека низкого звания (который, возможно, прельстил своим богатством ее отца), она жалуется на несчастную судьбу. Впрочем, и толкование Гронингена — более или менее удачный домысел, ни на чем конкретном не основанный. Ведь сейчас ничего не известно с достаточными подробностями об обстоятельствах жизни Феогнида, а тем

---

[15] Harrison, ук. соч., стр. 126.
[16] Théognis. Le premier livre édité avec un commentaire, B. A. van Groningen, Amsterdam, 1966, ad loc.
[17] J. M. Edmonds, Elegy and Jambus, I, L., 1931, стр. 257—260.
[18] T. H. Williams, The Elegies of Theognis, L., 1910, ad loc.
[19] A. Garzia, Teognide. Elegie, Firenze, 1955, ad loc.
[20] J. Carrière, REG, 67, 1954, стр. 50.
[21] Van Groningen, ук. соч., ad loc.

более о творческой истории его произведений. Поэтому строить гипотезы нам представляется целесообразным лишь в тех случаях, когда есть хоть какие-то более или менее определенные данные, от которых можно оттолкнуться.

Для темы, раскрывающей отношение Феогнида к тирании, такими данными, по нашему мнению, может служить лишь прямое упоминание тирана в стихах поэта. Поэтому в предлагаемой работе были рассмотрены только те стихи Феогнида, которые отвечают этому требованию, хотя автор в принципе не отвергает предположения, что Феогнид мог пользоваться и аллегорией, говоря о тирании. Но не располагая для подобных выводов никакими другими свидетельствами, современному исследователю приходится вступать на очень скользкий путь, где нет никаких четких критериев для определения истинности замысла поэта, но зато появляется необычайный простор для любых невероятных фантазий.

Сохранившиеся до настоящего времени сведения о политической жизни Мегар VI в. до н. э. крайне скудны и хронологически расплывчаты. Указывается обычно на три места из «Политики» Аристотеля (Pol. VIII, 3, 1302b; VIII, 4, 1304b; VII 15, 1300a) и одно место из Плутарха (Quaest. graec. XVIII, 295 c—d). По этим свидетельствам можно заключить, что в течение всего VI в. до н. э. в Мегарах шла острая политическая и социальная борьба, форма правления несколько раз менялась, находясь то в руках олигархии, то в руках демократии. По словам Плутарха вслед за недолгим умеренным правлением, установившимся после ниспровержения тирании Феагена, наступила «чрезмерная свобода» (ἄκρατος ἐλευθερία), сопровождавшаяся насилием бедных над богатыми. Аристотель пишет о массовых изгнаниях и о том, что изгнанники, объединившись, вернулись на родину, усмирили демос и установили τὴν δημοκρατίαν, т. е. известную демократию.

В рассматриваемом месте форма ссылок Аристотеля на мегарскую историю дается как на что-то известное, недавнее, каковой не могла подразумеваться история Мегар VI в. до н. э. Возвращение изгнанников и установление «известной демократии» произошло уже не на глазах у Феогнида. Недаром об этих событиях, которые должны были доставить ему радость, нет никаких упоминаний в его поэзии. В остальном данные Аристотеля и Плутарха находят подтверждение в стихах Феогнида.

Не сохранилось ни одного свидетельства о существовании тирании в Мегарах, кроме тирании Феагена. По-видимому, это отвечает действительности, и в стихах Феогнида упоминается не какой-то определенный тиран Мегар, о котором нам ничего не известно из других источников (как полагали некоторые ученые), а слышится беспокойство, вызванное постоянной угрозой появления тирании. В VI в. до н. э. опасность политических переворотов, в результате которых устанавливалась тирания, была вполне реальной для многих греческих государств. Мы знаем с достаточными подробностями, как это произошло в Афинах. Тираны Писистрат, Гиппий и Гиппарх — современники Феогнида, и в Мегарах, конечно, прекрасно были осведомлены о делах в соседнем с ними государстве.

Из-за скудости источников по истории Мегар все же нельзя с определенностью утверждать, что во времена Феогнида на его родине не существовало никакой, даже кратковременной, тирании. Однако то или иное решение этого вопроса не представляет принципиального значения для оценки творчества Феогнида. В любом случае он остается важным источником наших сведений о ранней греческой тирании. Фактом своего выступления против тирании Феогнид устами современника характеризует ее, указывает на ее антиаристократический характер. Феогнид не раз пытался силой своего поэтического слова предостеречь «благоразумных граждан» от грозящей беды. Но в отличие от Солона, сумевшего направить афинян по тому пути, который он считал верным, политическим идеалам Феогнида не дано было претвориться в жизнь, потому что обращены они были в прошлое, к классу, сходящему с политической арены. Жестокие социальные противоречия, политические перевороты потрясали Мегары в течение всей жизни Феогнида. Он сам стал их жертвой, вынужден был покинуть отечество, жил в бедности на чужбине и поэтому придерживался глубоко пессимистических взглядов на жизнь.

Резко отрицательное отношение Феогнида к тирании оказалось созвучным отношению к ней авторов V и более поздних веков. Вот, например, какова оценка тирании у Геродота и Аристотеля. Τοῦ (scil. χρήματος i. e. τυραννίδος) οὔτε ἀδικώτερόν ἐστι οὐδὲν κατ' ἀνθρώπους, οὔτε μιαιφονώτερον. (Herod V, 92a — нет ничего у людей более несправедливого и кровожадного, чем тирания). Ἡτυραννίς... βλαβερωτάτη τοῖς ἀρχομένοις ἐστίν. (Arist., Pol. V, 8, 1; 1310a — тирания — самый вредный для подданных тип государственного строя).

Следует, однако, помнить, что критика тирании ведется с разных позиций: Феогнид выражает мнение отступающей аристократии; источники же Геродота и Аристотеля и, разделяя их взгляды, сами эти авторы критикуют раннюю греческую тиранию с позиций тех, кому в свое время она расчищала путь и, только выполнив ту функцию, стала препятствием.

М. В. Скржинская

THE THEME OF TYRANNY IN THE POETRY OF THEOGNIS

by M. V. Skrzhinskaya

Theognis is one of the few contemporary sources on early Greek tyranny, and the author of the article examines all the passages in his poetry which contain definite allusions to the tyrannical form of rule. Since the poet stands for the aristocratic interest, his criticism of tyranny stresses its anti-aristocratic bias. In several passages Theognis warns «thoughtful» citizens against the danger that tyranny may come to Megara. No documentary evidence on tyranny can be found in Theognis's verse (such evidence appears only in later sources), but his comments reproduce the political atmosphere of those times with the vivid actuality which is found only in a contemporary source. The author is sceptical about the opinion held by some scholars that in certain passages Theognis describes actual tyranny in allegorical form. In these passages tyrants are not directly mentioned and the imagery employed allows the most widely differing interpretations. In the author's opinion the alternate use of τύραννος and μόναρχος to designate the tyrant in Theognis's verse may be explained by the fact that early tyranny was a type of autocratic rule not yet formulated in law, hence without official nomenclature.

О ТАВРАХ И КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В первой половине I тыс. до н. э. в Северном Причерноморье с основанием древнегреческих городов-колоний столкнулись два мира — античный и варварский. Интерес древних греков к варварской периферии отразился не только в мифологических сюжетах (мифы об Ифигении и аргонавтах) и древнегреческой литературе. Северное Причерноморье привлекло к себе внимание историков и географов древности, у которых мы находим более или менее достоверные описания быта и нравов соседних варварских племен. Первое упоминание о племенах, населявших горный Крым — таврах — имеется у Геродота (Herod., IV, 99). Позднее этот этнический термин фигурирует в письменных источниках почти целое тысячелетие. С первых веков нашей эры в ряде письменных источников, и в первую очередь у Плиния, Птолемея, Плутарха и Арриана появляются новые сложные наименования: тавроскифы и скифотавры. Анализ источников, касающихся населения Крыма в античное время и в эпоху раннего средневековья показывает, что некоторые из них восходят к древней литературной

традиции, другие содержат в себе только географические сведения [1] и поэтому крайне недостаточны для изучения истории племен, населявших древний Крым.

При скудости письменных свидетельств наши представления о населении горного Крыма могут быть восполнены изучением археологических памятников. Основное затруднение, однако, при сопоставлении данных письменной истории с археологическими и антропологическими данными сводится к идентификации этнического термина, известного из свидетельств древних авторов, с археологической культурой.

На территории Юго-Западного горного Крыма, особенно на южном берегу и в Байдарской долине, известно большое число могильников, которые вошли в научную литературу под названием мегалитических памятников Крыма, или крымских дольменов (рис. 1). Мнение об этнической принадлежности крымских дольменов таврам впервые было высказано Ф. Дюбуа де Монпере, его разделяли Н. И. Репников и С. А. Семенов-Зусер. Н. Чекалев считал дольмены кельтскими жертвенниками. Ф. Брун и А. Подберезский относили их к киммерийским древностям [2].

Призывая к осторожности в изучении истории киммерийцев, чтобы не отнести к киммерийцам то, что им, может быть, и не принадлежит, акад. С. А. Жебелев на основании топонимических данных времени Геродота (Боспор Киммерийский, киммерийские переправы и др.) предполагал, что главное местопребывание киммерийцев было сосредоточено в пределах Керченского полуострова и, хотя граница киммерийских владений в западном направлении остается под вопросом, он с большой долей вероятности допускал, что им принадлежал Крым [3]. Остатками же киммерийцев, принявших участие в походе на Малую Азию и осевших в Крыму, по мнению М. Эберта и С. А. Жебелева, скорее всего были одно из киммерийских племен — тавры. Так как эта версия получила довольно широкое распространение, следует сопоставить археологические данные со свидетельствами древних авторов и попытаться выяснить, насколько серьезные основания имеются для такого предположения.

Археологические памятники горного и предгорного Юго-Западного Крыма этого периода представлены в основном двумя категориями: могильниками и поселениями [4]. Помимо так называемых мегалитических сооружений горного Крыма, известных уже с конца XVIII в. и впоследствии раскопанных Ю. Д. Филимоновым, А. С. Уваровым, Н. И. Репниковым и другими исследователями, в предгорном Крыму, между второй и третьей грядами Крымских гор в 20-е годы Г. А. Бонч-Осмоловским были открыты

---

[1] Е. І. Соломонік, Про значення терміна «тавроскіфи», АП, т. XI, Київ, 1962, стр. 153 сл.

[2] П. С. Паллас, Путешествие в Крым в 1793—1794 г, ЗООИД, т. XII, 1881, стр. 203; Н. Чекалев, Предполагаемые кельтийские жертвенники на южном берегу Крыма, ЗООИД, т. VI, 1867, стр. 516; Ф. Брун, О киммериянах Геродота и о переселении кимрского племени, ЗООИД, т. XII, 1868, стр. 235; А. Подберезский, Киммерийские памятники, ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 427, сл.; А. С. Уваров, Каталог собрания древностей, М., 1887, стр. 33, сл.; М. Сосногорова, Мегалитические памятники в Крыму, «Русский вестник», т. 118, 1875, кн. 7, стр. 266, сл.; Ю. Д. Филимонов, О доисторической культуре в Крыму. Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка, М., 1879 г., т. 3, ч. 1, стр. 223 сл.; Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, вып. 30, 1909; он же, О так называемых дольменах Крыма, ИТУАК, № 44, 1910, стр. 12 сл.; он же, О новейших раскопках крымских дольменов, ИГАИМК, вып. 117, 1935; С. А. Семенов-Зусер, Таврские мегалиты, «Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту», вып. V, 1940, стр. 157; он же, Раскопки крымских дольменов, СГАИМК, № 7, 1931, стр. 23 сл.

[3] С. А. Жебелев, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, СП, М.—Л., 1953, стр. 225.

[4] Укрепления в прибрежной части горного Крыма (на горе Кастель, Сераус, Ай-Йори, на Аю-Даге, на мысе Ай-Тодор и горе Кошка), которые часто в литературе фигурируют под названием укрепленных убежищ тавров, по архитектуре различны. Так, некоторые из них — стены на Аю-Даге и Ай-Тодоре — представляют собой остатки циклопических крепостей. Отсутствие датирующего материала первой половины и середины I тыс. до н. э. не позволяет пока рассматривать их как памятники материальной культуры тавров Геродотовой поры.

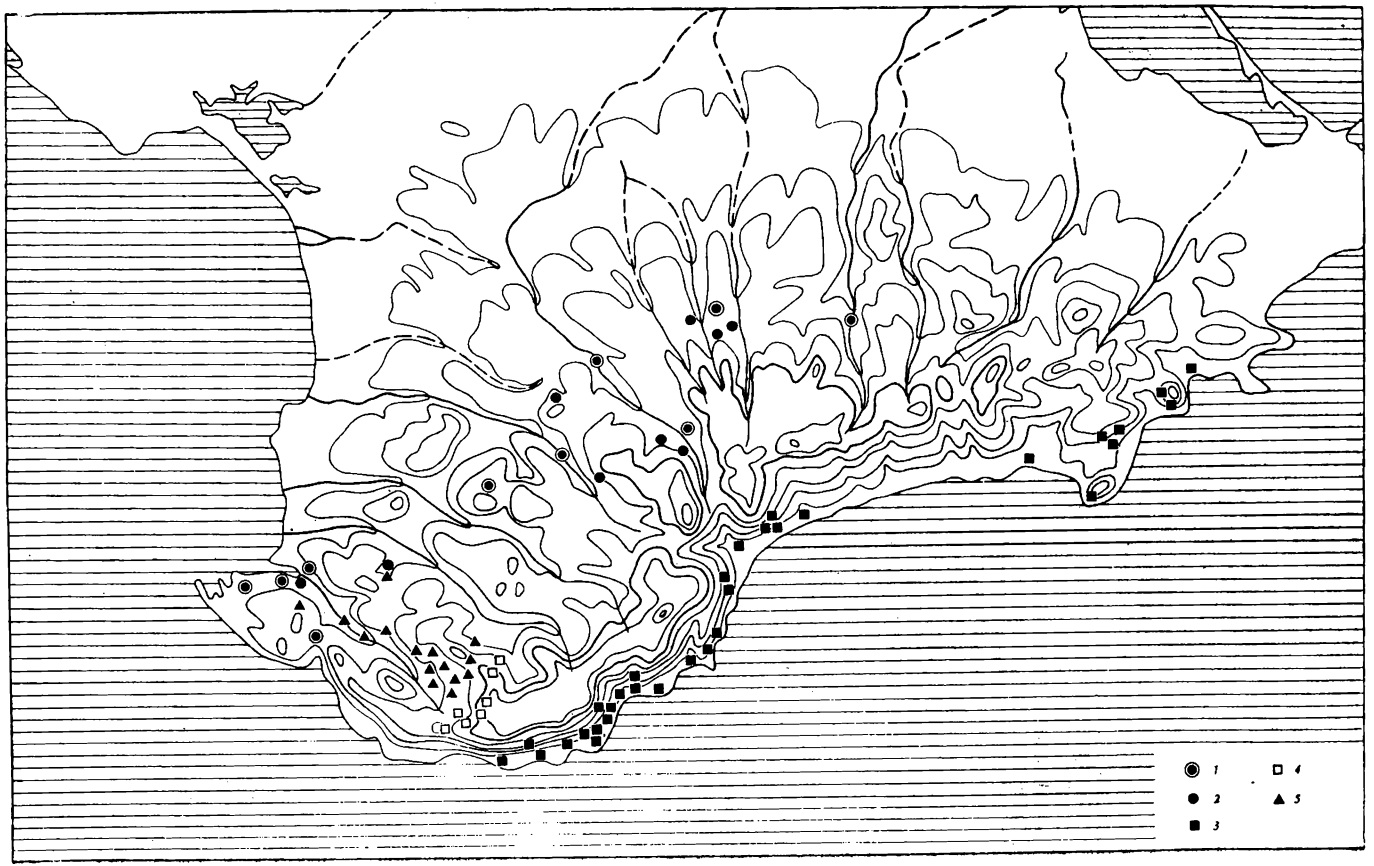

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников VIII — V в. до н. э. в горной и предгорной части Юго-Западного Крыма: *1* — исследование поселения кизил-кобинской культуры; *2* — могильники предгорной группы; *3* — могильники южнобережной группы; *4* — могильники южнобайдарской группы; *5* — могильники северобайдарской группы

могильники и поселения так называемой кизил-кобинской культуры [5]. О тождественности погребенных в этих могильниках предгорного района и основателей поселений кизил-кобинской культуры с троглодитами-таврами, о которых упоминает Геродот, Г. А. Бонч-Осмоловский высказывался лишь в предположительной форме.

В послевоенные годы был исследован ряд поселений кизил-кобинской культуры, а также могильники горного и предгорного Крыма. Этот новый материал, как и результаты прежних исследований послужили источником изучения истории материальной культуры и этнической принадлежности племен, населявших горный и предгорный Крым во второй четверти I тыс. до н. э., накануне греческой колонизации.

Оставляя пока в стороне вопрос терминологический (равнозначное употребление терминов «кизил-кобинская» и «таврская культура» часто встречается в статьях и публикациях), обратимся к рассмотрению указанных основных категорий археологических памятников. Археологические памятники интересующего нас периода, как уже упоминалось, представлены поселениями и могильниками. В настоящее время известны десятки поселений, которые вошли в научную литературу под названием поселений кизил-кобинской культуры [6]. Они расположены, в основном, в предгорных районах Крыма, между второй и третьей грядой Крымских гор (рис. 1). Отсутствие оборонительных сооружений говорит о мирном характере поселений кизил-кобинской культуры. О значительной роли земледелия можно судить не только по расположению поселений в плодородных долинах, но и большому числу зерновых ям на поселениях, которые в некоторых случаях по размерам не уступали зернохранилищам Нимфея и Неаполя Скифского [7].

Археологические раскопки, проведенные на поселениях, открыли своеобразную по своему облику материальную культуру, которая возникает в конце IX в. до н. э. и существует до VI—V вв. до н. э. Ранний этап этой культуры протекает в конце бронзового века, когда в Северном Причерноморье не только широко применялся металл, но существовали центры древней металлургии на Северном Кавказе и в Нижнем Поднепровье. Между тем на раннем этапе своего развития поселения кизил-кобинской культуры лишены металлических изделий, здесь еще широко применялись орудия из камня, в том числе и кремневые, что свойственно культурам бронзового века, бедным металлом [8]. Архаичный облик выделяет кизил-кобинскую культуру из соседних синхронных культур; отличия существуют не только в орудиях труда, но и в керамике. Несмотря на отдельные черты сходства с другими культурами (так формы лощеной керамики поселений кизил-кобинской культуры несут черты влияния культур Фракийского гальштата, а простая кухонная посуда в некоторых случаях находит аналогии в керамике поселений конца бронзового века Нижнего Поднепровья), по сумме признаков не наблюдается близкого сходства кизил-кобинской культуры с известными нам синхронными культурами.

---

[5] Г. А. Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, «Крым», № 2, 1926, стр. 91—94.

[6] С. Ф. Стрželецкий, Раскопки в Инкермане в 1940 г., СА, IX, 1947; стр. 283—285; А. К. Тахтай, Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг., КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 122 сл.; О. Д. Дашевская, Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 110—119; она же, Симферопольское раннетаврское поселение, СА, 1958, № 3, стр., 193—197; Х. И. Крис, Раннетаврское поселение в Инкермане, ИАДК, Киев, 1957, стр. 47—53; она же, Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере, ИАДК, Киев, 1957, стр. 40—46; она же, Таврские каменные ящики Гаспры, КСИА, вып. 107, 1966, стр. 75—79; А. А. Щепинский, Новые памятники кизил-кобинской культуры, КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 235—272; А. М. Лесков, Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму, КСИА, вып. 10, 1960, стр. 77 сл.

[7] Х. И. Крис, Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане, КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 40 сл.

[8] Х. И. Крис, Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая, СА, XXIV, 1955, стр. 184—196; она же, К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры, СА, 1961, № 4, стр. 66—77.

Кизил-кобинская культура, как позволяет об этом говорить керамика поселений, представляет собой устойчивый и единый комплекс. Значительное число форм керамики бытуют на протяжении всего периода существования этой культуры, изменяя лишь орнаментацию [9]. Однако несмотря на единство этой культуры, которое проявилось не только в керамике, но и в длительности существования поселений (некоторые из поселений существовали весь период этой культуры), в VII в. до н. э. кизил-кобинская культура претерпела значительные изменения, которые повлекли за собой проникновение железа в Крым. С этого времени, по-видимому, нарушается ее культурная изоляция, оживляются связи с соседними племенами; проникают предметы вооружения и конского убора, широко распространенные у племен в Северном Причерноморье (наконечники стрел, псалии). По данным археологии кизил-кобинская культура рисуется как культура земледельческо-скотоводческих племен с сезонными откочевками для выпаса в засушливое время года на яйлу (в пещерах найдены следы временного пребывания скотоводов). Основывая свои поселения в местах, удобных для земледелия (площадь поселений иногда доходила до 2 *га*), они, вероятно, мало связаны были с морем. Раковины съедобных моллюсков, находимые на поселениях, свидетельствуют лишь о прибрежном морском промысле.

До настоящего времени поселения кизил-кобинской культуры принято было относить к памятникам материальной культуры тавров. Такая же идентификация терминов «таврская» и «кизил-кобинская» культура имеет место при рассмотрении могильников Юго-Западного Крыма конца первой половины I тыс. до н. э. Относя их к трем хронологическим группам с IX по II вв. до н. э., А. М. Лесков считает, что каждая из групп соответствует определенному этапу в развитии таврской культуры [10].

Изучение этой группы памятников позволило прийти к иным выводам [11]. Различная ориентировка гробниц, форма и строительные приемы, детали погребального обряда и инвентарь погребений говорят о наличии четырех территориальных групп могильников в Юго-Западном Крыму в VI — Vвв. до н. э. Три из них находятся в горном районе (южнобережная, южнобайдарская и северобайдарская), а четвертая — в предгорьях, в том же районе, где расположены поселения кизил-кобинской культуры (рис. 1). Сравнивая формы могильных сооружений четырех указанных групп могильников, прежде всего необходимо отметить резкие различия между предгорными и горными могильниками. В предгорном районе нет тех монументальных сооружений в виде каменных ящиков, которые столь характерны для горных районов и которые Дюбуа де Монпере сравнивал с мегалитическими памятниками Кавказа и Бретани. В могильниках предгорной группы отсутствуют столь характерные для горных групп строгие геометрические формы каменных ящиков с сильно выступающими концами долевых плит и мощной плитой покрытия, толщина которой достигает полуметра. В предгорьях в большинстве случаев ящики меньших размеров, или вместо ящика могильная яма выложена обломками рваного камня [12]. Для могильников предгорной группы характерно отсутствие устойчивой ориентировки гробниц, в то время как горные группы имеют четкую ориентировку каменных ящиков (в южнобережной — запад-восток; в южнобайдарской — север-юг; в северобайдарской — северо-восток — юго-запад) [13].

Особенно ощутимы различия между предгорными и горными могильниками в составе погребального инвентаря. Если для могильников предгорной группы наиболее характерной частью сопровождающего инвентаря является керамика

---

[9] Х. И. Крис. Некоторые новые формы сосудов поселений кизил-кобинской культуры, КСИА, вып. 123, 1970, стр. 111—113.

[10] А. М. Лесков, Горный Крым в первом тысячелетии до н. э., Киев, 1965, стр. 91 сл.

[11] Х. И. Крис, Классификация таврских каменных ящиков, КСИА, вып. 112, 1967, стр. 23—30.

[12] Бонч-Осмоловский, Доисторические культуры Крыма, стр. 94.

[13] Крис, Классификация..., стр. 30.

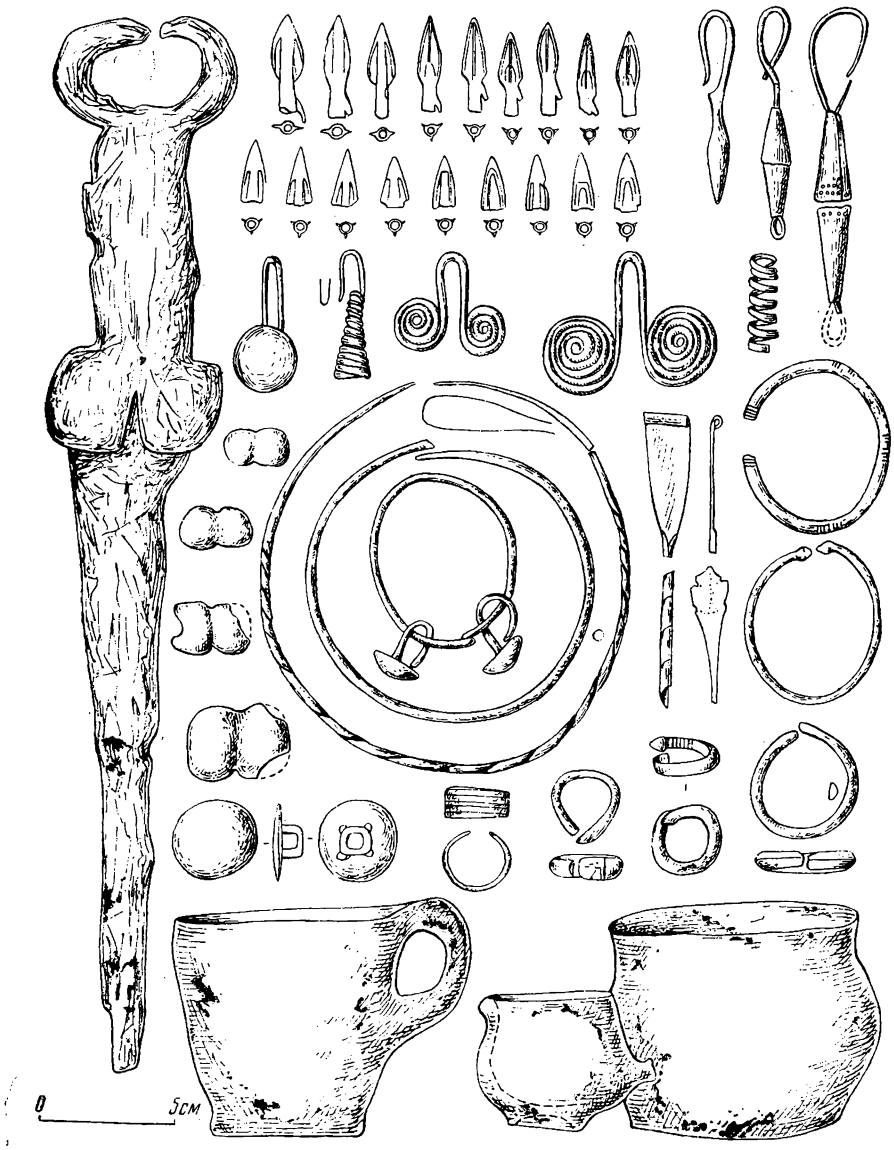

Рис. 2. Инвентарь из погребений горных могильников

(один или два сосуда малых размеров — кубки и миски), то во всех трех могильниках горных групп только в одном случае найдены три сосуда в каменном ящике в урочище Мал-Муз, которые по форме и отделке поверхности резко отличаются от сосудов из предгорных могильников (рис. 2; рис. 3). В то время как в могильниках горного района, несмотря на ограбления их в древности и кладоискательские раскопки, найдены в сравнительно большом количестве предметы вооружения (в одном из каменных ящиков Черкес-Керменского могильника найдено около полусотни бронзовых наконечников стрел) и предметы конской узды, эти предметы в могильниках предгорной группы почти отсутствуют (рис. 2; рис. 3). В единичных случаях там найдены и предметы украшения, столь характерные для могильников горного района, из которых происходят остатки бронзовых украшений головного и шейного убора, одежды, рук (различного рода височные кольца и привески, серьги, шейные гривны из глад-

Рис. 3. Инвентарь из погребений предгорных могильников

кого и перевитого бронзового жгута, браслеты и перстни, булавки, бусы). Погребальные комплексы, таким образом, позволяют говорить и о различном облике материальной культуры у племен горных районов и предгорий. Идентичность керамики из могильников предгорного Крыма и поселений кизил-кобинской культуры, а также совпадение районов распространения предгорных могильников и поселений кизил-кобинской культуры (рис. 1) свидетельствуют о принадлежности могильников предгорной группы к погребальным памятникам племен кизил-кобинской культуры.

Три группы горных могильников, датирующиеся VI—V вв. до н. э., являются памятниками материальной культуры тавров в период, предшествовавший возникновению Херсонеса. Как это видно на карте расположения могильников, наибольшее их число находится на побережье между Судаком и Балаклавой, особенно в местах с наиболее сильно изрезанной береговой линией. Любопытной деталью в расположении могильников южнобережной группы является их близость к источникам воды, что характерно для размещения поселений.

Попытаемся сопоставить данные письменной истории и археологические источники, чтобы, насколько это возможно, выяснить вопрос о том, можно ли предполагать пребывание исторических киммерийцев в районах горного и предгорного Крыма.

Историческая традиция сохранила сведения о киммерийских походах в Переднюю Азию, но до настоящего времени нет достаточно четкого представления об их археологических памятниках. Клады бронзовых изделий и литейные мастерские, обнаруженные в низовьях Днепра и Южного Буга, датирующиеся XI—VIII вв. до н. э., синхронны поселениям этого района — у Белозерского лимана, Ушкалке, Бабино IV, Нижнему Рогачику и др. Некоторые исследователи склонны рассматривать эти поселения как археологические памятники киммерийцев, а прекращение жизни на этих поселениях связывают с изгнанием киммерийцев скифами [14].

Прекращение жизни на поселениях Нижнего Днепра в VIII в. до н. э. и появление поселений кизил-кобинской культуры с некоторыми близкими формами керамики безусловно позволяют предположить связь между этими событиями. В основании поселений кизил-кобинской культуры, возможно, принимало участие население, обитавшее прежде на поселениях Нижнего Днепра. Однако следует отметить, что керамика поселений кизил-кобинской культуры не абсолютно идентична керамике поселений Нижнего Днепра. В отличие от последней большое место в керамическом комплексе кизил-кобинской культуры занимает лощеная керамика, в том числе крупные лощеные сосуды с рельефным и канеллированным орнаментом, аналогии которым известны в западных областях, в частности, в памятниках предскифского времени лесостепной Молдавии. В этом можно видеть влияние на кизил-кобинскую культуру культуры Фракийского гальштата. Не располагая в настоящее время достаточными данными, которые позволили бы говорить о том, что киммерийцы были основателями поселений кизил-кобинской культуры, можно, однако, думать, что возникновение этой культуры в IX—VIII вв. до н. э. связано с историческими событиями в Северном Причерноморье, о которых повествуют памятники письменной истории. Таковы объективные данные археологических амятников горного и предгорного Крыма VIII—V вв. до н. э. Они позволяют вновь обратиться к некоторым вопросам истории Крыма в предскифское и скифское время, в эпоху ранней колонизации берегов Понта.

В свете археологических источников, а также свидетельств письменной истории, попытаемся еще раз коснуться вопроса о том, согласуются ли имеющиеся данные со сложившимися представлениями о роли киммерийцев в создании кизил-кобинской культуры, являются ли идентичными понятия кизил-кобинская и таврская культура. Сложность этой проблемы заключается прежде всего в том, что материальная культура киммерийцев и тавров нам мало известна. Если даже учитывать, что в горном Крыму сохранились, хоть и в потревоженном виде, многочисленные каменные ящики, которые можно относить к памятникам материальной культуры тавров, то следует помнить, что эти памятники относятся к сравнительно короткому промежутку времени —VI— началу V в. до н. э. и поэтому не могут характеризовать культуру этих племен в предшествующее и последующее время. Остается, однако, возможность сравнения памятников материальной культуры горного и предгорного Крыма в VI—V вв. до н. э., что также само по себе представляет интерес.

Не располагая археологическими источниками, которые позволили бы определить роль киммерийских племен в истории предгорного и горного Крыма, обратимся к данным письменной истории. В свидетельстве Плутарха Б. Н. Граков усматривает древнюю традицию, согласно которой о киммерийском народе говорится, что изгнаны были не все киммерийцы, а только часть их была вытеснена скифами (Plut., Mar. XI). Оставшиеся, по мнению Б. Н. Гракова, могли быть ассимилированы скифскими племенами. Это мнение Б. Н. Гракова представляется наиболее убедительным: оно подтверждается сходством в уровне развития киммерийцев и скифов, характером хозяйства и образом жизни, о чем можно судить по письменным источникам, рассказываю-

[14] И. В. Яценко, Скифия VII—V вв. до н. э., «Труды ГИМ», вып. 36, М., 1959, стр. 21, 23.

щим о походах киммерийцев и скифов в малую Азию [15]. Свидетельства об этих событиях сохранились в клинописных ассиро-вавилонских источниках. В них говорится о появлении киммерийцев на границах Урарту до 714 г. до н. э. и неоднократных походах в течение VII в. до н. э. Снаряжать значительные военные отряды в столь дальние походы возможно было для народов с началами кочевого типа в хозяйстве и быту, в чем можно усмотреть близкий уклад жизни киммерийских и скифских племен. Во время этих походов не исключена была возможность появления киммерийцев и в крымских степях, о чем говорит характер погребения в кургане близ Симферополя [16]. Остается, однако, неясным, осела ли часть киммерийских племен в горном и предгорном Крыму, они ли основали поселения кизил-кобинской культуры? Ни письменные источники, ни археологические памятники пока не дают оснований для окончательного решения этого вопроса. Наоборот, отсутствие металлических изделий, и бронзовых и железных, на поселениях кизил-кобинской культуры в период их возникновения и широкое применение каменных и костяных орудий труда скорее позволяют предполагать культурную изоляцию этой группы населения, когда железо повсеместно входило в обиход в Северном Причерноморье. Бурные события этого времени как бы прошли стороной и не затронули их. Таким образом, в археологических данных, полученных при изучении памятников предгорного Крыма — поселений и могильников кизил-кобинской культуры, мы не находим отголоска свидетельств о киммерийцах, упоминаемых в письменных источниках.

Самое раннее письменное свидетельство о племенах, обитавших в горном Крыму, — таврах — принадлежит Геродоту [17]. Оно относится к 512 г. до н. э., к моменту начала похода Дария на скифов. В ответ на призыв скифов оказать сопротивление персидскому царю цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров отказались выступить в составе скифского войска. Хотя события эти происходили почти за сто лет до Геродота, Б. Н. Граков отмечает наличие реальных моментов во всем повествовании о войне. К ним, например, он относит союз со скифами тех племен, через территории которых проходил торговый путь от скифов на восток и отказ в этом союзе соседних племен, мимо которых шел этот путь или которых он вовсе не касался [18]. Аргументируя свой отказ выступить на стороне скифов, они говорили, что «ни тогда ничем не обидели этот народ (персов.— *Х. К.*), ни теперь не станем первые обижать его; если враг ворвется и в нашу землю и первый обидит нас, то и мы не стерпим этого, но пока этого не увидим, мы остаемся в нашей земле» (Herod., IV, 119). В этом ответе, может быть, угадывается еще более раннее свидетельство о таврах, которые тогда, т. е. во времена скифских походов в VII в. до н. э. на Переднюю Азию не принимали в них участия, что позволяет говорить о существовании этнического термина — тавры в VII в. до н. э.

Приведенный отрывок из Геродота представляет интерес и в другом отношении. Не является ли некоторым свидетельством характера «внешней политики» отказ перечисленных племен участвовать в скифских походах в Переднюю Азию? Как и прежде, они отказываются участвовать в завоевательных походах и готовы дать отпор, если вторгнутся в их земли. Таким образом, тавры как бы исключаются из возможных участников походов в Переднюю Азию, которые совершались киммерийцами и скифами. Приведенный отрывок интересен еще и тем, что рисует некую стабильную картину в размещении указанных племен на протяжении двух столетий, что также несовместимо с предположением о том, что тавры — загнанная в горы ветвь киммерийских племен.

В рассмотрении вопроса о возможной генетической связи тавров и киммерийцев следует обратиться также к имеющимся в нашем распоряжении данным, характе-

[15] Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954, стр. 11 сл.; он же, Скифы, М., 1971, стр. 19—21.

[16] А. А. Щепинский, Погребение начала железного века у Симферополя, КСИА, вып. 12, Киев, 1962, стр. 57 сл.

[17] «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе», пер. В. В. Латышева, СПб, 1900—1906.

[18] Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 15.

ризующим основной уклад жизни указанных племен. Киммерийцы (судя по упоминаниям о совершенных ими походах в Переднюю Азию), преследуемые скифами, рисуются как племена, у которых далеко не последнюю роль играло коневодство, что характерно для племен с ярко выраженным развитием скотоводства. Не исключено, что часть этого народа занималась и земледелием, но основным видом хозяйства, вероятно как и у скифов, было скотоводство. Что мы знаем о таврах, их образе жизни и основных видах хозяйства? Археологические источники лишь частично, в очень небольшой степени отвечают на этот вопрос. К достоверным археологическим памятникам тавров относятся каменные ящики, просуществовавшие с VI до первой половины V в. до н. э. Первое же письменное упоминание позволяет говорить о таврах с VII в. до н. э. Геродот, как и последующие древние авторы, пишет о том, что тавры занимались морским разбоем. Живя в горах, они, вероятно, занимались также охотой, скотоводством и другими промыслами.

Многие исследователи отрицали достоверность литературных источников, рисующих тавров пиратами. Между тем пиратство на Черном море, неоднократно описываемое древними авторами во время правления боспорского царя Евмела, достигло таких масштабов, что для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с «варварами», обыкновенно занимавшимися пиратством — геннохами, таврами и ахайями (Diod., XX, 25). Значение античного пиратства определено К. Марксом: «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы, посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» [19]. Характерной особенностью античного пиратства является то, что кадры пиратов вербуются среди племен и народностей, для которых морской разбой и охота на людей являются чем-то вроде национальной индустрии [20]. Значительную роль в развитии пиратства в древности играл географический фактор. Действительно, сильно изрезанная береговая линия, прибрежные островки, почти недоступные для крупных военных кораблей, но чрезвычайно удобные для легких пиратских судов..., гористая местность, далекая видимость — вот географическая среда, способствующая возникновению пиратства. Однако решающую роль играли не географические, а социально-экономические факторы.

Уже древние авторы считали занятия грабежом соответствующими определенному образу жизни людей и склонны были связывать его со сравнительно примитивной ступенью общественного и экономического развития [21]. По мнению Я. А. Ленцмана, «эллинистическое пиратство, возникшее среди отсталых племен со значительными пережитками родового строя, включалось благодаря торговле рабами в систему рабовладельческой экономики Средиземноморья и играло в ней весьма существенную роль, будучи одним из основных поставщиков рабочей силы — рабов» [22]. В описаниях племен Средиземноморья у Страбона имеются весьма интересные сведения о племенах горцев (для которых разбой служил постоянным источником существования) в их взаимоотношениях с земледельческими племенами. О горцах Сардинии он говорит, что, хотя они владеют некоторым количеством годной для посева земли, засевают ее небрежно. Они грабят поля земледельцев не только тех, что живут на острове, но и поля на материке..., к которым они переправляются морем (Strabo, V, 2, 7). В Альпах взаимоотношения населения плодородных долин с жителями скудных горных местностей складывались, по Страбону, следующим образом. Около горных вершин, в местности, бедной вследствие неблагоприятных природных условий, обитали разбойники. «В силу скудости пищи и других предметов первой необ-

---

[19] К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 24, стр. 544.

[20] Я. А. Ленцман, К вопросу об источниках эллинистического пиратства, ВДИ, 1946, № 4, стр. 219, 221.

[21] К. К. Зельин, М. К. Трофимова, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода, М., 1969.

[22] Ленцман, ук. соч., стр. 219.

ходимости они иногда щадили жителей равнин, чтобы те поставляли им продукты; в обмен они давали древесную смолу, деготь, смолистую лучину, воск, мед, сыр, ибо этих продуктов у них было много» (Strabo, IV, 6, 9). Страбон упоминает и о племенах, живущих морским разбоем на пустынном каменистом берегу Понта, который тянется от Аполлонии до Кианеев; потерпевших кораблекрушение грабили асты, названные Страбоном фракийским племенем.

Приведенные примеры позволяют нам с достаточным доверием отнестись к описанию тавров, которое имеется у Геродота и других авторов. Обычай приносить в жертву потерпевших кораблекрушение и обычай отрубать голову врагу исключают предположение о том, что тавры времени Геродота играли роль посредников или поставщиков в работорговле. В отличие от пиратов эллинистического времени, которые благодаря торговле рабами были включены в систему рабовладельческой экономики, тавры, о которых упоминает Геродот, находились на более примитивной ступени общественного и экономического развития. Наличие в некоторых гробницах тавров остатков богатых бронзовых украшений, возможно,— результат имущественного расслоения в среде тавров, появляющийся, по Ф. Энгельсу, как и пиратство, на высшей ступени варварства [23].

Естественно встает вопрос: если тавры занимались морским разбоем, то где же были места их прибрежных поселений? Археологические разведки на побережье пока не дали положительных результатов. Однако пребывание этих племен в Крыму и занятия их пиратством, неоднократно засвидетельствованные древними авторами, заставляют хотя бы гипотетически допустить, что поселения их находились на побережье. Следует вспомнить, что многочисленные могильники из каменных ящиков на южном берегу Крыма находятся вблизи источников воды, что является характерной чертой для расположения поселений. Могильники, как правило, располагаются на 1—1,5 км выше береговой линии. Можно предположить, что поселения находились у берега моря, возможно, некоторые из них — на местах современных городов. По свидетельству Плиния на побережье были порты тавров (Plin., HN, IV, 86). Создание искусственного берега в наше время и строительство курортов, вероятно, резко изменило первоначальную береговую линию, а строительство современных городов, возможно, окончательно стерло с лица земли остатки таврских пиратских селений на берегу. Трудно предположить, чтобы племена пиратов, промысел которых постоянно был связан с морем, создавали поселения в предгорьях, отдаленных от моря не только горами, но и расстоянием в 30—50 км.

Поселения земледельцев и скотоводов в предгорной части Крыма, которые принадлежали племенам кизил-кобинской культуры, вероятно, как и в приведенных примерах из истории племен Средиземноморья в античный период, иногда подвергались нападениям пиратов. Конфликтные отношения между племенами кизил-кобинской культуры и таврами можно предположить на основании разорения таврских могильников, расположенных территориально ближе к предгорьям, где обитали племена кизил-кобинской культуры. Здесь имело место не только ограбление могил, но и полное или частичное их разрушение (Малаба и Эклези-Бурун, Черкес-Керменский могильник). Эти примеры позволяют думать, что перевес в борьбе иногда был на стороне племен кизил-кобинской культуры. У нас пока очень мало данных, которые позволили бы говорить об обмене между таврами и кизил-кобинцами, если не считать, что в незначительном количестве в могильниках предгорной группы известны бронзовые украшения. Несравненно большее число этих украшений, найденных в трех горных группах могильников, едва ли позволяет предположить, что в горы они поступали из предгорий. Скорее всего — морским путем. Это легко себе представить, учитывая то, что для пиратов морские пути были привычнее сухопутных.

Слишком мало данных имеется для того, чтобы высказывать предположения о путях проникновения в Крым тавров. Варварский облик украшений и предметов

[23] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1949, стр. 25.

вооружения, происходящих из таврских каменных ящиков VI— первой половины V в. до н. э. и полное отсутствие античных предметов в них свидетельствуют о культурной обособленности таврских племен в VI—V вв. до н. э. в отношении античных городов.

Рассмотрим вопрос, как согласуются наши представления о таврах, занимавшихся пиратством на берегах Северного Понта с предположением о том, что тавры — ветвь киммерийцев. Киммерийцы по письменным источникам представляются как племена в основном с кочевой формой хозяйства и быта, подобно скифским племенам. Возможно ли было в короткий срок осуществить переход от кочевого образа жизни к образу жизни морских пиратов. Успех морского разбоя, жертвами которого становились греческие торговые суда, безусловно зависел от ловкости и умения пиратов управлять своими судами, что было бы невозможным без знания моря, длительно приобретавшихся навыков и традиций, передававшихся от поколения к поколению. Не исключено, что и в среде киммерийских племен происходил процесс оседания на землю, но переход от кочевых форм хозяйства к пиратству в короткий промежуток времени едва ли возможен. Маловероятно также, что часть кочевников, в данном случае киммерийцы, осевшие на берегах Понта, могли бы успешно соперничать с профессиональными пиратами, известными в Средиземном и Эгейском морях и в более раннее время. Самое раннее упоминание о таврах с VII в. до н. э. как раз и приходится на время киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию; таким образом, трудно предположить, что тавров можно считать ветвью киммерийских племен, изгнанных в Крым скифами в период переднеазиатских походов.

В рассказе Геродота об обращении скифов к таврам, как и к другим соседним народам оказать сопротивление персидскому царю, так же, как и в ответе тавров, которые упоминают, что и тогда (во время скифского похода в Переднюю Азию) не обидели этот народ — нельзя усмотреть намека на кочевой образ жизни тавров. В другом отрывке из Геродота рассказывается о том, что скифы «должны были идти прямо по направлению к тем землям, которые отказывали им в союзе, с целью вовлечь их в войну: если же они не пожелали добровольно воевать с персами, то втянуть их в войну поневоле» (Herod., IV, 120). В дальнейшем повествовании о походе Дария Геродот сообщает, что «так как Дарий шел за ними (т. е. скифами. — *Х. К.*) неотступно, то скифы, согласно принятому решению, убегали в землю народов, отказавших им в союзе, именно прежде всего в землю меланхленов..., затем... во владения андрофагов..., в Невриду..., а потом к агафирсам...» (Herod., IV, 125). В перечислении этих народов мы не находим упоминания о таврах, которые отказали скифам в союзе. Отсутствие такого упоминания среди остальных племен, отказавших в союзе скифам, особенно в той части описания войны с персами, где излагается последовательность событий, быть может, является неслучайным и найдет свое объяснение, если окажется, что тавры не граничили со скифскими землями.

Мы не знаем, простирались ли скифские земли непосредственно до Керкинитиды, но сам город, основанный в VI—V вв. до н. э. не был в этот период скифским городом [24]. Геродот следующим образом определяет район обитания тавров: «От Истра уже начинается собственная (старая) Скифия, обращенная к полудню и ветру ноту до города, называемого Каркинитидою; отсюда страну, прилегающую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого Скалистого полуострова; этот последний выступает в море, омывающее его с востока» (Herod., IV, 99). В приведенном тексте Геродота, если слово «отсюда» понимать как непосредственно примыкающую к Керкинитиде область, содержится некоторое противоречие, ибо тут же страну тавров Геродот описывает как гористую. А горы начинаются значительно южнее, между ними и Каркинитидою находится степь и предгорья. Вероятно, слово «отсюда» у Геродота имеет иной оттенок, не уточняя четкой границы таврских

[24] О. Д. Дашевская, О происхождении названия города Керкинитиды. ВДИ, 1970, № 2, стр. 122.

и скифских земель. А. И. Тюменев, анализируя текст Геродота, приходит к выводу о том, что тавры обитали в южной, горной части Крымского полуострова [25].

Археологические разведки, проведенные в Западном Крыму, также не обнаружили памятников VI—V вв. до н. э. Это свидетельствует о том, что прибрежная полоса между Херсонесом и Керкинитидой в эпоху Геродота не была заселена [26]. Любопытно, что и Гераклейский полуостров лишен каменных ящиков, хотя значительные строительные работы в античный период на полуострове сильно его преобразили [27].

Все эти данные приближают нас к определению страны тавров, которое имеется в тексте Геродота, как страны гористой. Лучше всего это доказывает расположение таврских могильников, которые находятся в горном районе и прибрежной полосе между Балаклавой и Судаком, восточнее которого таврские каменные ящики не известны.

Едва ли можно считать удачной попытку А. М. Лескова расширить границы Таврии в VI—V вв. до н. э., включив в нее прибрежные районы Керченского полуострова [28]. Отождествление каменных ящиков Керченского полуострова, раскопанных А. А. Дириным на мысе Зюк [29] и А. М. Лесковым близ дер. Рыбное, с каменными ящиками горного и южнобережного Крыма не оправдано. Эти памятники синхронны, но различия в инвентаре дают основание для отнесения тех и других к различным культурным и, вероятно, этническим группам. Обобщив значительный материал рядовых скифских погребений Восточного Крыма, Э. В. Яковенко пришла к выводу, что «...набор инвентаря в этих гробницах ... идентичен инвентарю в подкурганных скифских склепах, а ... восточная ориентация погребенных наблюдается и в скифских погребениях Нимфейского некрополя» [30]. Следы таврской культуры на Керченском полуострове А. М. Лесков усматривает также в лощеной орнаментированной керамике, находимой в слоях, предшествующих колонизационному периоду. Имея значительный ареал, включающий все Северное Причерноморье — от Березани до Северного Кавказа, эта керамика не может рассматриваться как характерная только для племен, обитавших в Крыму. Кроме того, этот керамический материал крайне фрагментарен и в большинстве случаев количественно незначителен, что затрудняет выявление локальных черт керамических комплексов. Эта керамика, свойственная поселениям кизил-кобинской культуры, для таврских каменных ящиков не характерна. Таким образом, восточная граница распространения таврских племен, обозначенная Геродотом, находит подтверждение в археологическом материале. Восточнее Судака мы не знаем могильников, которые по всему комплексу признаков были бы идентичны таврским каменным ящикам собственно горной части Крыма.

Могильный инвентарь трех горных групп каменных ящиков, несмотря на их неоднократное использование и ограбления, в отличие от предгорной группы могильников состоит из разнообразных бронзовых украшений и предметов вооружения. Отсутствие в Крыму местной сырьевой базы для изготовления изделий из бронзы привлекает интерес к этой группе предметов. Типологический анализ предметов вооружения и украшений из погребального инвентаря показывает, что их ареал достаточно велик. Спектральный анализ бронзовых изделий из каменных ящиков горного Крыма, проведенный Е. Н. Черныхом и Т. Б. Барцевой [31], показал, что металл не един, а пред-

---

[25] А. И. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1955, № 2, стр. 41.

[26] А. Н. Щеглов, О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху, ВДИ, 1966, № 4, стр. 151.

[27] Картотека памятников Гераклейского полуострова. Архив Государственного Херсонесского Музея.

[28] А. М. Лесков, Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове, СА, 1961, № 1, стр. 265.

[29] А. А. Дирин, Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки, ЗООИД, XIX, 1896, стр. 128.

[30] Э. В. Яковенко, Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. Древности Восточного Крыма, Киев, 1970, стр. 134.

[31] Анализы произведены в Лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР.

ставлен, как минимум, двумя группами, отличающимися исходными районами своего производства. Хотя эти наблюдения нуждаются в дополнительной проверке, статистической обработке более многочисленного материала в сравнении с металлом памятников раннего железного века соседних областей, Е. Н. Черных отмечает, что, возможно, металл 8 предметов из 21 может быть связан с металлом, господствующим в это время на Северном Кавказе (могильники Луговой, Нестеровский и др.); остальную, большую часть, при предварительных сравнениях не удается отождествить с кавказским металлом, и поэтому ее рудные источники или исконные районы производства следует искать в иных областях.

Эти предварительные выводы заставляют вспомнить, что некоторые бронзовые украшения из Лугового и Нестеровского могильников, не характерные для памятников Северного Кавказа предшествующего времени и широко распространенные в Северном Причерноморье в эпоху раннего железного века, как и предметы скифского вооружения, возможно, появляются на Северном Кавказе в результате скифских походов в Переднюю Азию, что неоднократно отмечалось исследователями.

Металлические изделия из каменных ящиков горного Крыма, находящие многочисленные аналогии в синхронных памятниках Северного Причерноморья лишь в ничтожном числе встречены в могильниках предгорной группы, относящейся к кизил-кобинской культуре. Этот факт свидетельствует о том, что жители горного района получали их не из предгорий, а скорее всего морским путем, что вполне соответствует сложившимся представлениям о таврах. Ничтожное количество бронзовых украшений и предметов вооружения скифского типа в могильниках предгорной группы, возможно, говорит об отсутствии оживленных связей племен кизил-кобинской культуры с другими племенами Северного Причерноморья.

Могильники Юго-Западного Крыма VI—V вв. до н. э. позволяют, таким образом, наметить границу между тремя горными группами, бесспорно относящимися к геродотовым таврам, и предгорной — кизил-кобинской — не только благодаря различиям в конструкции погребальных сооружений и обряде, но также в характере материальной культуры, который сказался в составе погребального инвентаря. Граница между этими двумя группами населения, вероятно, проходила между второй и первой грядой Крымских гор, а владения тех и других племен разделены были нейтральной зоной. Может быть, именно на этой территории происходили конфликты, свидетелями чему служат разоренные могильники Эклези-Бурун, на горе Малаба и, вероятно, в районе Черкес-Кермена. Нужно, однако, думать, что неукрепленный характер поселений кизил-кобинской культуры позволяет говорить о сравнительно стабильных и относительно мирных отношениях между племенами кизил-кобинской культуры и таврами. При том, что тавры, возможно, и посягали на имущество своих северных соседей, они, вероятно, подобно средиземноморским пиратам, занимаясь грабежом, одновременно старались сохранить для себя этот источник получения продуктов скотоводства и особенно земледелия.

Таким образом, на территории Юго-Западного горного и предгорного Крыма можно видеть две группы населения с различным обликом материальной культуры, вероятно, разноэтничные, одна из которых может быть отождествлена с историческими таврами Геродота в горном Крыму, а другая — с земледельческо-скотоводческими племенами, носителями кизил-кобинской культуры в предгорьях. В V в. до н. э. прекращают свое существование большинство поселений и могильников кизил-кобинской культуры и таврские мегалиты. Можно предположить, что племена кизил-кобинский культуры были ассимилированы в результате постепенного оседания кочевых скифских племен в предгорных районах Крыма. По-видимому, одной из причин, повлиявших на изменение облика материальной культуры тавров эпохи Геродота, было основание Херсонеса в конце V в. до н. э.

Х. И. Крис

THE TAURIANS AND THE KIZIL-KOBIN CULTURE

by H. I. Kris

The author publishes the results of a combined study of VIII-V century B. C. archaeological material from the mountain and foothill regions of southwestern Crimea and the testimony of ancient authors. These sources show that there are no grounds for connecting the name of the Cimmerian tribes with the history of these regions. Study of the material culture of the tribes inhabiting the mountain and foothill regions of Crimea on the eve of Greek colonisation reveals the absence of data which would support an identification of the Taurians with the Kiril-Kobin culture and makes it probable that the population of these regions belonged to different ethnic groups. The historical Taurians, as Herodotus writes, lived in the mountainous part of Crimea, while the foothills were occupied by tribes of the Kizil-Kobin culture.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ ИЗ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Одесском Археологическом музее в экспозиции одного из залов находится мраморная голова женщины[1] высотой 0,27 м, отколотая от какого-то более крупного изваяния — бюста, статуи или рельефа. На волосы ее наброшено покрывало, оставляющее открытой прическу спереди, уши и часть шеи.

С первого взгляда на лицо женщины наше внимание привлекает глубокая внутренняя сосредоточенность, запечатленная в конкретных, индивидуально-неповторимых чертах, убеждающих в том, что это — портрет точно передающий облик вполне определенного человека (рис. 1, 2, 3).

Характер и особенности материала — белого мелкозернистого мрамора, из которого исполнен портрет, в частности такие, как шероховатая, покрытая серовато-коричневой патиной, фактура его поверхности, следы таких инструментов, как скарпель, а также манера изображения глаз, да и сам образ женщины с наброшенной на голову тканью, типичны для скульптурных портретов античности,— точнее римской эпохи, когда на смену эллинской идеализации и обобщенности пришли точность и конкретность изображения индивидуальных лиц и интерес к передаче характера и настроений человека.

Лицо женщины в одесском памятнике трактовано очень индивидуально. Таким точным в передаче всех деталей и черт мог быть только скульптор, работавший в эпоху, когда создавались поражающие до сих пор своим «веризмом» древнеримские портреты. Мастер показал плотные, особенно хорошо видные в профиль, надбровные дуги, несомненно индивидуальный, немного резкий изгиб бровей, выступающие скулы, сильно выдающийся вперед нос, очевидно с горбинкой, но сколотый на конце. Исполнивший одесский портрет скульптор не мог не обратить внимания на глубокие складки на щеках, идущие от носа к губам, некрасивый, но характерный рисунок губ. С особенной тщательностью он высекал из мрамора пряди волос, левое ухо и складки наброшенной на голову ткани. Лицо женщины в одесском портрете примечательно не только своей жизненной конкретностью в изображении деталей, но прежде всего силой воли, собранностью глубоких чувств, сдержанностью эмоций.

Сохранность портрета относительно хорошая. Лицо не потеряло своей выразительности, несмотря на сбитый кончик носа, обнажающий углубления ноздрей, сколотый подбородок, отбитую правую часть головы и мелкие сбои на щеках, веках, шее и волосах. Повреждена также поверхность волос и покрывала над левым ухом женщины.

---

[1] Инвентарный номер: ОГАМ 50277 Па 28.

В исполнении этого памятника заметна особенность — принципиально важная, проливающая свет на первоначальный характер произведения. Обращает на себя внимание большая разница в обработке поверхности мрамора при исполнении деталей правой и левой сторон лица и головы. Левая сторона портрета подвергалась тщательной обработке. Здесь детальнее обозначены пряди волос, точно передана форма уха, с помощью бурава показаны складки ткани, свешивающейся с головы. Напротив, правая сторона менее тщательно обрабатывалась. Здесь не так отчетливо проведены пряди волос, их границы кажутся смазанными, поверхность мрамора правой стороны лица более шероховата, чем левой. Правая сторона обработана так, что, кажется, скульптор и не предполагал изображения правого уха, суммарно трактована и поверхность камня. Подобное же различие выступает и в обработке поверхности шеи. Справа мрамор имеет более шероховатую фактуру, нежели слева, где он более гладкий. Создается впечатление, что мастер старается обратить внимание прежде всего на левую сторону лица.

Подобное отношение к обработке мрамора трудно представить себе в круглых скульптурных произведениях (в статуях или бюстах), предназначенных для обозрения с разных сторон. Такое исполнение деталей в римскую эпоху было возможно и встречается сплошь и рядом в горельефах, где обращается особенное внимание на обработку прежде всего той стороны лица, которая ближе к зрителю. В этой связи особенно важно учесть то, что вся тыльная правая часть одесской мраморной головы, начиная с затылка, отсутствует, и скол очень похож на те, что типичны для мраморных голов, отбитых от рельефов. Это заставляет предположить, что одесский женский портрет не принадлежал статуе или бюсту, но является частью большого горельефа. Возможно — это часть надгробной плиты, украшенной портретным изображением, позднее отколотым от фона.

Портретная женская голова из Одессы связывается с Ольвией. Однако остается неизвестным, где — на городище или некрополе обнаружили памятник и кому принадлежит честь его находки. Не выясненной остается также и дата находки этого древнего портрета. То обстоятельство, что в одесский музей поступали в XIX в. памятники древности от частных лиц, весьма приблизительно, а иногда и заведомо неверно указывавших историю приобретения, заставляет отнестись осторожнее и к сообщению об ольвийском происхождении портрета. Нередко в собрание одесского музея поступали памятники из древних городов Западного Крыма (Херсонес), Восточного Крыма (Пантикапей) и других районов Северного Причерноморья.

Одесский женский портрет, естественно, не остался вне поля зрения ученых-антиковедов, внимание которых эта голова привлекла как «одна из лучших портретных голов эпохи Империи». Так писал о ней хранитель одесского музея Э. Р. фон Штерн в сноске к очень краткой, снабженной одним изображением этой головы, статье С. А. Жебелева [2]. Отмечал достоинства одесского портрета и сам С. А. Жебелев, утверждавший, что «по характерности работы ольвийскую голову можно смело сопоставить с лучшими портретными женскими головами эпохи Империи» [3]. С. А. Жебелев добавлял, что «судя по прическе и головному убору ольвийская голова — III в. по р. Х.». Кроме того Э. Р. фон Штерн замечал, что, по его мнению, есть несомненное сходство лица, изображенного в ольвийском мраморном портрете из Одессы с лицом римской императрицы III в. н. э. Юлии Мезы. Позднее этот — на самом деле выдающийся — скульптурный женский портрет древнеримской эпохи больше не привлекал внимания исследователей, не был предметом более пристального изучения и утвердился не только в экспозиции одесского музея, но и в научной литературе как портрет Юлии Мезы III в. н. э. [4].

---

[2] С. Жебелев, «Памятники классической скульптуры, хранящейся в Одесском музее», ЗООИД, 1900, т. 22, стр. 71—72, рис. 5.

[3] Там же.

[4] «Одесский Археологический музей. Путеводитель», Одесса, 1970, стр. 25; М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура, в сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.— Л., 1955, стр. 306.

Рис. 1. Женский портрет I в. до н. э.

Изучение женского портрета из Одесского Археологического музея и его сравнение с другими портретами III в. н. э., а также с портретами Юлии Мезы заставило усомниться в этих выводах. Действительно ли это Юлия Меза?

Юлия Меза была очень активным действующим лицом в римской истории III в. Сестра Юлии Домны, тетка Каракаллы, мать Соэмии и Маммеи, бабка Элагабала, она принадлежала к той группе женщин, которые долгое время, оттеснив на второй план малолетних императоров, всецело держали в своих руках управление Империей. Именно ей был обязан ее внук Бассиан Элагабал тем, что стал императором. Именно Юлия Меза начала распространять слух, что отцом Бассиана, сына Соэмии, был не кто иной,

Рис. 2. Женский портрет I в. до н. э.

как Каракалла. Растущее в войсках недовольство уничтожившим Каракаллу Макрином открыло Бассиану путь к власти, а богатые подачки его бабки солдатам привели к тому, что в результате заговора Макрин и его сын Диадумен были убиты, и войска провозгласили императором внука Юлии Мезы Элагабала. Именно Юлии Мезе пришла позднее на ум мысль подготовить замену непопулярному Элагабалу в лице сына другой ее дочери, Маммеи,— Александра Севера. После убийства Элагабала на престоле оказался Александр Север, но по существу управляли Империей его мать Маммея и бабка — Меза. Умерла Юлия Меза вскоре после воцарения Александра Севера.

И все же, как ни велико было значение этой женщины в истории Рима III в. н. э., достоверных скульптурных портретных изображений Юлии Мезы в мраморе до сих

Рис. 3.

пор не известно [5]. Тем интереснее казалось предположение, выдвинутое Э. Р. фон Штерном. Представить себе облик Мезы можно, так как сохранились ее портреты на геммах и монетах [6],— они дают такое четкое и хорошее изображение лица императрицы, что вряд ли можно сомневаться в его точности.

[5] M. Floriani Squarciapino, Giulia Mesa, «Enciclopedia dell àrte antica, classica e orientale», III, Roma, 1960, стр. 925.

[6] J. J. Bernoulli, Römische Ikonographie, II, 3, стр. 95 сл.; H. Cohen, Description historique des monnaies frappees sous l'Empire romain, IV, стр. 391 сл.; Floriani Squarciapino, ук. соч. стр. 924 сл.; A. Furtwängler Gem-

Рис. 4.

Профильное изображение Юлии Мезы на серебряной монете (рис. 5) целесообразно сравнить с одесским мраморным портретом, и тогда будут заметны различия представленных персонажей [7]. В прическе этих женщин действительно есть некоторое сходство — волосы расчесаны на прямой пробор. Но, пожалуй, это единственная общая черта. У Юлии Мезы в портрете на серебряных монетах волосы закрывают уши. В одесском портрете они открыты и прядь волос зачесана за ухо. Это достаточно хорошо видно на той стороне ольвийского портрета, где сохранилось ухо.

men, Monaco, 1900, табл. XLVIII, № 27; H. Mattingly — V. Sydenham, The Roman Imperial Coinage, I—IV, L., 1923—1952.

[7] Floriani Squarciapino, ук. соч., рис. 1157.

Рис. 5.

Скульптор изобразил на монете у глаз Юлии Мезы легкий веер морщин, очевидно присущий ее лицу. Эту деталь римский портретист не мог бы опустить в мраморном изваянии и обязательно показал бы. Но ее нет в и без того выразительном лице женщины одесского портрета. Обращает внимание также различие возрастов. В одесском портрете изображена женщина несколько более молодая, нежели Юлия Меза, представленная на монете. Изображение в одесском памятнике воспринимается как посмертный портрет с горельефного надгробия не только своим исполнением (нагробные скульптурные изображения были очень распространены в древнем Риме [8]), но прежде всего настроением некоторой отрешенности, свойственным надгробным образам. В то же время известно, что Юлия Меза дожила до преклонных лет, и, стало быть, женщина, изображенная в одесском портрете, вряд ли Юлия Меза.

Итак, сравнение лица в одесском портрете с лицом Юлии Мезы на серебряной монете заставляет усомниться в идентификации, которую предлагал Э. Р. фон Штерн.

Сомнения вызывает также принятая датировка одесского женского портрета. Можно ли относить его к III в. н. э.?

Портретисты III в. н. э. создали много прекрасных женских образов, известных по мраморным бюстам и статуям, рельефам на монетах и медалях, резным изображениям на геммах и камеях. Опыт у скульпторов-портретистов III в. был огромный. Традиции республиканских ваятелей с их точным изображением лица, несомненно, были ими восприняты. Изысканность почти графических форм августовского скульптурного портрета не могла остаться им незнакомой. Помпезность флавиевских образов [9], «псевдореспубликанская» добродетель ликов времен Траяна [10], печаль и задумчивость персонажей в портретах антониновской эпохи [11] — все это лежало за плечами скульпторов-портретистов III в. н. э. Все это так или иначе в переработанном виде скрывается за холодной оболочкой мраморных портретов III в. н. э. Сложные люди со сложной, порой изломанной их временем психологией: то беспредельно жестокие, то вяло-пассивные, быстро сменявшиеся императоры III в., то кокетливо-манерные императрицы вроде Салонины в мраморном бюсте Эрмитажа [12], то замкнутые, подобно Юлии Маммее в портрете из Лондонского Британского музея [13], проходят в памяти человека, обратившегося к III веку н. э. — сложнейшему, полному глубоких противоречий времени, которое когда-либо переживала Римская империя за все века своего существования. Образы III века всегда многогранны и многозначны в своих характеристиках.

В женских портретах времени Северов нашла отражение внутренняя динамичность чувств, которая явилась следствием огромной работы всех предшествующих римских портретистов и своеобразной реакцией на модную в недавнюю эпоху Антонинов пассивность и меланхоличность портретных образов. Этой сложной противоречивостью

---

[8] A. Hekler, Die Bildniskunst der Griechen und Römer, Stuttgart, 1912, рис. 133, 134 и др.; O. Vessberg, Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik, Lpz, 1941, табл. XXVII и др.

[9] Hekler, ук. соч., стр. 218 слл.

[10] Там же, стр. 232 слл.

[11] M. Wegner, Die Herrscherbildnisse in antoninischen Zeit, B., 1939, илл. 1 и сл.

[12] М. Лесницкая, Два римских портрета III в. из собрания Эрмитажа, СА, 1963, № 2, стр. 171, рис. 5

[13] Floriani Squarciapino, ук. соч., рис. 1156.

одесский портрет не обладает. Выразительность его характеристики покоится на несвойственной портретам III в. н. э. цельности образа. Сдержанная простота и искренность чувств, общее выражение погруженности человека в мир собственных мыслей, отрешенность, замкнутость присущи одесскому портрету.

Этот характер ольвийского памятника, несвойственный портретам III в. н. э., заставил внимательнее отнестись к нему и рассмотреть не только выразительность его образа, но пластическое решение портрета и технические особенности его исполнения.

Больше всего ассоциаций вызывает одесский портрет с памятниками Республики. На голову наброшена ткань, оставляющая открытыми не только лицо, но и переднюю часть волос; складки этой ткани обозначены резко и глубоко, как это бывает в республиканских портретах [14]. Скульптор III в. обязательно показал бы здесь красивый изгиб складок. Простота их проведения вызывает в памяти стиль позднереспубликанских портретов, непритязательность и скромность выразительных средств которых — одно из их самых ярких качеств.

Характерна для портретов Республики еще одна особенность, свойственная и одесскому портрету. В портретах времен Республики четко выступает обычно структурная основа, костяк, остов пластического образа. В республиканских портретах поэтому так проступают обычно скулы, челюсти, черепные кости, будто обтянутые тонким слоем кожи. Эти портреты очень конструктивны, четки в своих пластических формах [15]. Уже в портретах времени Августа подход к пластике портретов будет иной. С помощью моделировки поверхности мрамора скульптор сгладит те угловатости, резкие выступы черепа, которые обычно делают республиканские портреты словно «колючими». Важно подчеркнуть, что отмеченная конструктивность республиканских портретов не есть качество, присущее лишь портретной скульптуре или пластике вообще этого времени. Подобная лапидарность форм выступает и в архитектуре республиканского Рима. Достаточно сравнить прямоугольный храм на Бычьем рынке с очень похожим на него храмом в Ниме, чтобы увидеть как увеличивается значение декора, лепнины, как постепенно скрывается за пластической декорацией конструктивность республиканской постройки. Одесский женский портрет по своей откровенно, даже несколько резко, высказанной конструктивности вполне республиканский.

Обработка поверхности мрамора также убеждает в том, что этот портрет не может относиться к III в. н. э. Скульпторы III в. в обработке поверхности мраморных портретов, особенно северовского периода, создавали сложную градацию оттенков для изображения фактуры кожи, волос, тканей [16]. За италийскими скульпторами, особенно преуспевавшими в такой обработке мрамора, следовали и подчас не отставали греческие и малоазийские портретисты III в. н. э. [17] У мастеров III в. это получалось уже не так искусно, как у скульпторов II в., которые были виртуозами [18], но все же подобная выучка еще держалась от золотого антониновского века портрета. В одесском же памятнике поверхность мрамора на лице, волосах, покрывале обработана очень общо, что характерно для республиканских портретов.

Свидетельством того, что одесский портрет выполнен не в III в. н. э. может служить и отсутствие врезанных зрачков, которые появляются в мраморных римских и провинциальных портретах, только начиная с середины II в. н. э. Трудно представить себе, чтобы скульптор III в. н. э. сознательно оставил бы глазницы без зрачков и изобразил бы их краской, как это делали мастера до середины II в. н. э. Отсутствие зрачков решительно заставляет отодвинуть дату исполнения портрета из Одессы назад, от III в. н. э.

---

[14] Hekler, ук. соч., стр. 129, 133, 134, 137.

[15] Н. А. Сидорова, Мужской портрет I в. до н. э. из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, «Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», М. 1960, стр. 21, рис. 1, 2.

[16] H. P. L'Orange, Studien zur Geschichte des Spätantiken Porträts, Oslo, 1933, табл. 1 и др.

[17] I. Inan and E. Rosenbaum. Roman and Early Byzantine Portrait Sculpture, L., 1966, табл. 45, 147 и др.

[18] Wegner, ук. соч, табл. 53, 54.

Почему же С. А. Жебелев — крупнейший ученый антиковед определял этот портрет как произведение III в. н. э.? Одесский памятник близок портретам III в. свойственной ему асимметрией лица, особенно выступающей в образах обоих периодов. Мастером подчеркивается здесь прежде всего характерность и необычность физиономического облика, непохожесть именно этого человека на других, то, что несколько сглаживалось в портретах времени Августа и Антонинов. Асимметричны очертания губ женщины в одесском портрете, верхняя справа чуть приподнята, асимметричны правая и левая стороны лица, рисунок прядей волос. Но, пожалуй, более сближает портреты III в. н. э. и портреты республиканского времени их внутренняя настроенность. В характере людей в портретах поздней Республики и III в. н. э. много общего. Бесконечные внутренние раздоры, кровопролитные войны, государственные заговоры, политические убийства, почти никогда не прекращавшиеся в истории Рима, именно в эти периоды были особенно часты. Люди жили в состоянии постоянного напряжения и страха не только за свое благосостояние, но прежде всего за жизнь. Все это, очевидно, накладывало на лица людей поздней Республики и III века н. э. общий отпечаток, более естественный и откровенный для портретов Республики и завуалированный в III в. сложным комплексом уже маскирующих истинное состояние духа человека качеств. Не случайно С. А. Жебелев поэтому остановился на III веке н. э., когда датировал портрет из Одессы, но эта датировка была, возможно, сделана несколько поспешно.

Предположение, что одесский портрет относится к республиканскому времени, а не к III в. н. э., представляется особенно убедительным при сравнении его с находкой из итальянской деревушки Фалькониана, расположенной на территории древней Кампании. Здесь во время сельскохозяйственных работ был найден скульптурный женский портрет, исполненный в манере, близкой одесскому портрету. Этот портрет опубликован и текст снабжен двумя фотографиями — общим видом найденного памятника и деталью — крупным планом лица женщины [19] (рис. 4 и 6).

Найденный в деревне Фалькониана женский портрет представляет собой почти поясное изображение женщины средних лет, исполненное в мраморе в технике высокого рельефа, почти круглой скульптуры, служившее надгробной стелой. Общая высота найденного надгробного портрета — 0,65 м, ширина — 0,58 м. Изображенная в портрете из Фальконианы римлянка одета в тунику, поверх которой наброшен плащ, охватывающий затылок и плечи, укутывающий руку, видную лишь в кисти и пальцах. Оставлены открытыми передняя часть головы и прическа. Правой рукой, поднятой к левому плечу, женщина держит покрывало и, слегка повернувшись вправо (от зрителя — влево), смотрит вдаль. Довольно сильный поворот головы наводит на мысль, что этот портрет создавался как парный другому, вероятно, мужскому, располагавшемуся рядом.

Де Росси датирует этот памятник второй половиной I в. до н. э. — точнее 40—30 гг. до н. э., временем поздней Республики, подчеркивая, что эпоха Суллы и Цезаря уже за спиной мастера этого портрета, но время идеализированного августовского портрета еще не наступило. Итальянский исследователь выдвигает предположение, что изображенная была, возможно, женой одного из владельцев многочисленных в этих местах римских вилл.

В этом портрете много общего с портретом из одесского музея. Совпадают размеры голов, сходны, хотя и не совсем идентичны прически. И в одном и в другом портрете волосы расчесаны на прямой пробор и слегка вьются. Прическа и там и здесь сдержана и скромна. Манера изображения наброшенного на голову покрывала одинакова в обоих памятниках. Более того, исполнение складок покрывала, глубоко прорезанных буравом, почти тождественно в своей простоте. Для обоих портретов характерен поворот головы влево. Особенность исполнения лица, отмеченная выше для одесского портрета, при которой одна сторона подвергается тщательной обработке, а другая беглой,

[19] G. M. De Rossi, Materiali archeologici dalla Campagna Romana, «Archeologia Classica», XX, fasc. 2, Roma, 1968, стр. 249—259, табл. XCIX—C.

Рис. 6.

присуща и портрету из Фальконианы, являющемуся частью надгробия с сохранившейся плитой фона. Идентична в обоих портретах трактовка бровей и глаз, одинаково изображены веки, нижнее и верхнее; отсутствуют — как это характерно для республиканских портретов — рельефно обозначенные зрачки. Есть и другие общие черты в трактовке лица. Резкость черт, которую отмечает Де Росси в своей статье, свойственна и портрету из Одессы. Глубокие складки на щеках, выступающие скулы подчеркнуты скульптором.

Конечно близость этих портретов не в физиономическом сходстве — его здесь не может быть, так как изображены разные лица,— но в общей манере исполнения лица, прически. Не менее важно отметить здесь и сходное настроение, пронизывающее тот и другой образ: погруженность в мир собственных чувств, что характерно для надгробий времен Республики. В портретах III в. н. э., как отмечалось выше, преобладали изображения житейских чувств: нередко скульптором подчеркивались манерность, капризность, кокетство или порой откровенная жестокость человека. В портретах поздней Империи выступало сложное переплетение в одном лице различных качеств характера, различных настроений.

Свидетельство Де Росси о том, что портрет из Фальконианы — часть надгробия с горельефным изображением головы заставляет вспомнить те отмеченные выше особенности одесского портрета, которые склоняли к мысли, что одесский портрет — часть рельефного надгробия. И, действительно, в эпоху римской поздней Республики были распространены надгробные плиты с рельефным изображением нескольких, в том числе и двух фигур, обычно супружеской четы. Подобные фигуры исполнялись в высоком рельефе, изображались порой во весь рост, и лишь плита фона сзади свидетельствовала, что это все же не круглая скульптура, а рельефное надгробие.

Образцом подобной надгробной плиты может служить памятник, хранящийся в Палаццо Консерваторов в Риме [20]. Голова женщины с этого надгробия изображает римлянку более молодую, с более сложной прической, нежели в портретах одесского музея и из Фальконианы, но характер покрывала, наброшенного на голову, общая манера исполнения, характер погребальной скульптуры — общие для этих памятников.

Портрет римлянки из Фальконианы подкрепляет, таким образом, предположение, что хранящийся в одесском музее женский портрет относится не к III в. н. э., а ко второй половине I в. до н. э.— времени, когда Ольвия после гетского нашествия вновь начинает чеканить свою монету, времени, когда экономика и культурная жизнь Ольвии начинает вновь оживать и в городе могли ставиться мраморные надгробия-памятники; фрагментом от такого монумента, возможно, и является одесский портрет.

Отличный по качеству мрамор, первоклассная пластическая выразительность образа склоняют к мысли, что одесский памятник возник не в италийской, но в какой-то малоазийской скульптурной мастерской и был привезен затем в Причерноморье. Не исключена, конечно, вероятность и местного его происхождения, однако, она требует таких доказательств существования в Ольвии скульптурной мастерской, каких в настоящее время еще мало.

Г. И. Соколов

FEMALE PORTRAIT HEAD IN THE ODESSA ARCHAEOLOGICAL MUSEUM

by G. I. Sokolov

The head (OGAM 50277 Pa28, height 0.27 m.) was acquired by the museum from a private person at the end of the XIX century. The head was broken off probably from a grave monument decorated in high relief, and not from a statue or bust, as is shown by the particularly careful finish of the left side of the face, the absence of any back to the head, and the character of the break. The time and place of the head's discovery are obscure but it is generally associated with Olbia. S. A. Zhebelev dated it in the III century A. D., E. R. von Stern saw in it a facial resemblance to Julia Maesa, and these opinions were adopted in the literature. However, comparison with the coin portrait of Julia Maesa throws doubt on the identification, and there are also grounds for questioning the date. The manner of working the marble in the Odessa portrait and, what is especially important, the fact that the pupils of the eyes are not sculpturally executed, are not characteristic features of III century Roman portraiture, but are typical of portrait sculpture in the I century B. C. A good analogy may be seen in a marble female portrait found recently in the Italian village of Falconiana (Campania). The Italian portrait, dated at the end of the I century B. C., resembles the Odessa head in the working of the marble and treatment of the hair, and is also part of a grave stele. The analogy is close enough to warrant dating the Odessa head in the same period. Where the Odessa head was made is hard to say; one may hazard the guess that it came from some workshop in Asia Minor.

[20] B. Schweitzer, Die Bildniskunst der römischen Republik, Lpz, 1948, рис. 114; W. Lübke, E. Pernice, Die Kunst der Römer, Wien — Berlin — Stuttgart, 1958, стр. 178, рис. 165.

ВОСПРИЯТИЕ РАЗНОВЫСОТНЫХ ЗВУКОВЫХ ОБЛАСТЕЙ В АНТИЧНОМ МУЗЫКАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

(Положения античного музыкознания как отражение практики искусства)

Переоценка теоретического подхода к вопросам музыкального искусства всегда связана с поиском объективных законов музыкального мышления, являющихся особой формой отражения действительности. Эта переоценка в XX в. приняла большой размах, обусловленный как изменениями в музыкальном мышлении современности, так и усиливающимся стремлением к познанию его объективных явлений. Музыкальное мышление на разных этапах развития различалось как по уровню, так и по содержанию. Поэтому основным методом изучения музыкального мышления должен быть историзм, который и способен привести к выявлению процесса его эволюции. Эта задача требует исследования основных закономерностей музыкального мышления не только ближайших к нам периодов, но и более отдаленных, в том числе и античности.

Между тем, за последние несколько десятилетий не появилось ни одной фундаментальной работы, которая была бы посвящена специально вопросам античной музыки [1]. Недостаточное внимание исторического музыкознания к малоизученным эпохам вызывает озабоченность среди исследователей [2]. Однако и возрождающийся сейчас интерес к музыкальному мышлению таких эпох направлен в первую очередь на исследование музыки лишь средневековья и Возрождения.

Трудности, стоящие перед музыкальным антиковедением, невозможно переоценить. Малочисленность и дефектность образцов древнего музыкального искусства, которые даже при самой квалифицированной дешифровке не могут служить основным подспорьем при выявлении особенностей музыкального мышления, а лишь помогают в определении некоторых побочных деталей (как известно, никакая нотная запись не в состоянии передать специфических тонкостей музицирования), заставляет обращаться к музыкально-теоретическим источникам [3]. Если же принять во внимание многочисленность дошедших до нас специальных трактатов (около 30), а также фрагментарность и отрывочность многих из них, то становится ясно, что объем работы увеличивается прямо пропорционально привлекаемому материалу. Состояние изучения музыкально-теоретической терминологии пока еще неудовлетворительно. Вопрос об одноголосии древнегреческой музыки, особенно бурно дискутировавшийся на протяжении трех последних столетий, так и не решен. Правда, распространено мнение об одноголосии всех этапов развития античной музыки. Такая концепция не доказана и требует основательной проверки. Необходимо также разрешение проблемы взаимоотношения пифагорова строя и практики античного музыкального искусства. Смысл темперации Аристоксена во многом остается непонятным, внимание исследователей сосредоточивается на ее общности с современным равномерно-темперированным строем, тогда как в историческом аспекте полезнее, целесообразнее проследить разницу этих темпераций, отразивших различные этапы эволюции музыкального мышления. Остаются загадкой принципы строения античных тетрахордов с интервалами меньшими, чем полтона. Не исследованы функциональные нагрузки звуков этих тетрахордов, без чего трудно распознать многие закономерности

---

[1] Ср. хотя бы тематику диссертационных работ, выполненных при Московской и Ленинградской консерваториях («Московская консерватория 1866—1966», М., 1966, стр. 633—640; «Музыкальный Ленинград», Л., 1958, стр. 304—313).

[2] В. Конен, В защиту исторической науки, «Советская музыка», 1967, № 6; см. также «История и современность», «Советская музыка», 1968, № 3, стр. 2—23.

[3] О задачах нашего музыкознания в области источниковедения см. «История и современность», стр. 11 (выступление Ю. Келдыша).

античного ладового мышления. Требует также уточнения вопрос о специфике тонального мышления. античности и т. д.

В настоящей статье рассматривается специфика восприятия античным мышлением музыкальных звуков различной высоты. Это имеет немаловажное значение для выявления многих черт музыкальной практики античности и для определения некоторых закономерностей древнего музыкального искусства вообще.

Прежде всего, необходимо выяснить, служило ли высотное положение звуков для античного мышления критерием, при помощи которого слуховое восприятие их дифференцировало? Если рассмотрение материала приведет к положительному ответу на этот вопрос, то необходимо будет остановиться и на иных аспектах проблемы. Как происходило разграничение такого рода и какой основной принцип лежал в его основе? Соответствует ли освещение этого принципа в античных музыкально-теоретических источниках объективному процессу эволюции музыкального мышления? Как влияло различие в восприятии звуков противоположных регистров на все остальные его компоненты и на музыкальную практику античности?

Обращаясь к свидетельствам музыкально-теоретической мысли античности, можно констатировать, что Псевдо-Аристотель [4] (XIX, 49) говорит о низких звуках как о «мягких» и «спокойных», а о высоких — как о «резких»; чтобы «мелодия была более мягкой, в ней должно быть больше низких звуков: это придает ей мягкость». Несколько ранее (XIX, 4) тот же автор пишет о динамичности высокого звука. При этом он считает, что «высокий звук хуже низкого» (XIX, 2) так как «низкий звук в сравнении с высоким благороднее и благозвучнее» (XIX, 33).

Боэций (I, 1) рассказывает популярную легенду о том, как «бурная разнузданность юношей успокоилась под влиянием медлительности напева и низкого тона поющего» (tarditate modorum et gravitate canentis), благодаря тому что Пифагор, решивший успокоить бушевавшие страсти, «понизил тон (собств. inflexisse modum) напева и, таким образом, усмирил неистовство юношей» [5].

Приведенные фрагменты свидетельствуют о том, что античность воспринимала низкие звуки как спокойные, а высокие как резкие, динамичные [6]. Но не была ли такая трактовка различий восприятия плодом узко теоретических рассуждений отвечала ли подобная дифференциация музыкальной практике?

Подобные приведенным высказывания мы встречаем у Птолемея (Harm. I, 4) и Никомаха (Harm. enchiridium 4), определявших высокие звуки как «трубные» «визгливые», «завывающие». Можно привести много примеров того, как у древнегреческих авторов характер восприятия высоких звуков определяется эпитетами подобного рода [7]. Это говорит о том, что слуховое восприятие античности [8] по-разному оценивало зву-

[4] Фрагменты Περὶ μουσικῶν ἀγόνων Псевдо-Аристотеля цит. по изд.: Scriptores musici, ed. C. Jan, 1895.

[5] Фрагменты трактата Боэция «De institutione musica» цит. по изд.: Boethius, ed. G. Friedlein, Lipsiae, 1867.

[6] Термин «динамизм» в данной статье применяется для характеристики восприятия того или иного явления, при котором необходима активность более высокая, чем для восприятия явления, аналогичного по природе, но находящегося на другом уровне; напряженность восприятия первого, при сопоставлении со вторым, может быть определена как динамизация.

[7] Словарь И. Х. Дворецкого (И. Х. Дворецкий, Древнегреческо-русский словарь, М., 1958) среди значений слова ὀξύς приводит такие: «острый», «мучительный» (Гомер), «резкий», «пронизывающий» (Пиндар, Софокл), «пронзительный», «громкий» (Гомер, Аристофан) и т. д.

[8] Есть свидетельства того, что не только в древней Греции высокие звуки воспринимались таким образом. Бхарата (I в. н. э.) в «Гиталанкаре» пишет: «Если песня исполняется в верхней октаве ... то такое пение называется резким» («Музыкальная эстетика стран Востока», под ред. В. П. Шестакова, М., 1967, стр. 87—88). В древнем Китае Сун-Юн (около 290—233 гг. до н. э.) приходит к мысли, что «чем выше песнь, тем меньше тех, кто вторит ей» (там же, стр. 218). И даже уже в XVII в. в церковной хоровой музыке России, где, как видно, традиции древности были относительно сохранены в ритуально-обязательных предписаниях, «высокий напев» считался неприемлемым (см. «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века», вып. 2, М., 1897, стр. 166).

ковые регистры: нижний — как область звуков спокойных, уравновешенных, а верхний — резких, неприятных. Их различная качественная оценка явилась одним из краеугольных положений античной музыкальной эстетики и теории. Средневековье переняло эти положения (см. Boeth., De inst. mus., V, 2; Martianus Capella; Harm. IX, 933, 10 и др.) как нечто само собой разумеющееся, как определенную данность, не требующую доказательств. Для древнегреческой же музыкально-теоретической мысли охарактеризованное явление было фиксацией одного из важнейших феноменов музыкального мышления того периода.

Какие же аргументы выдвигала древнегреческая философия, эстетика и музыкальная теория для обоснования именно таких различий в восприятии регистров? Платон (Tim. XXIX 67 B—C), Псевдо-Эвклид (Sectio canonis), Халкидий (In Plat. Tim. comment. III, 44), Боэций (De inst. mus. 1, 3) и другие авторы считали, что низкие звуки порождаются медленным движением, а высокие быстрым [9]. Для античности любой звук — результат движения. Звук без движения существовать не может: «Когда наступает неподвижность и покой — наступает безмолвие» (Псевдо-Эвклид, Введение) [10]. Движение — непременное условие звукового бытия и, по античным представлениям, движение, создающее музыкальные звуки, способствует реализации этоса музыки (Aristot., Probl. XIX, 27). Движению придается этическая направленность и этический смысл[11]. Псевдо-Аристотель подчеркивал (XI, 19), что «зона высокого напряжения» получается вследствие узости струи воздуха, где воздух очень уплотнен [12]. Плотность здесь также является характеристикой высокого звукового пространства. Если же вспомнить положение античной атомистики о «плотном» и «неплотном» (Arist. Metaph. A 4, 985, B 4) и принять во внимание ее влияние на древнегреческое музыкознание, то станет понятнее участие «плотного» и «неплотного» в обосновании восприятия звуковой высоты. Это же подтверждают и слова Птолемея (Harm. I, 3): «Для более высокого пения звучание должно быть более плотным, а для низкого — разреженным» [13]. Такая характеристика высоты звука при помощи «плотности» и «разреженности» тоже является следствием динамичности звукового восприятия. Эти же характеристики звуковых категорий проявились и в антитезе «плачущие» — «смеющиеся» (Псевдо-Аристотель, XI, 13; 15; 50), где основное противопоставление основывается на уже указанных характеристиках восприятия низких и высоких звуков (быстрое движение — медленное движение)[14].

---

[9] Следует различать античные тексты, трактующие связь между движением и звуком как философско-эстетическую концепцию, и тексты, рассматривающие такую связь на основе акустических принципов. Е. Муцопулос, исследуя музыкальную эстетику Платона, приходит к выводу, что вся платоновская теория ощущения звука создана на уверенности в том, что высокие звуки имеют более быстрое движение, чем низкие (E. Moutsopoulos, La musique dans l'oeuvre de Platon, P., 1959, стр. 45).

[10] Трактат Псевдо-Эвклида Κατατομὴ κανόνος цит. по изд.: Antiquae musicae auctores septem Graece et Latine, M. Meibomius restituit ac notis explicavit, I, Amstel., 1652.

[11] Еще атомистическая теория Демокрита трактовала звук как продукт движения «потока атомов» (ῥεῦμα ἀτόμων — Gell., Noct. Att. V, 15, 8). Материалистический характер этого объяснения звуковой реальности подтверждает и мнение той же школы, что «звук — тело» (σῶμα) (Scholia in Dionysium Thracem, ed. A. Hilgard, стр. 482, а также Grammaticus Byzantinus in codice Parisino 2555, apud J. Bekkerum, Anecdota Graeca, стр. 1168) — см. С. Я. Лурье, Демокрит, Л., 1970, стр. 123. фр. 492—493. Аналогичное явление можно наблюдать и в древнеиндийской философско-эстетической мысли: «...*акаша* — высший источник движения. *Акаша* — высшая и лучшая мелодия...» («Чхандогья упанишада», 1—2, М., 1965). Позднее теория *акаши* — субстанции эфира как материального носителя звука — получила широкое распространение в древнеиндийском учении о мелодии и музыкальном исполнительстве.

[12] Довольно часто под «плотностью» звучания древнегреческие музыкальные теоретики понимали и плотность звучащей струны (Ptol., Harm. I, 11).

[13] Фрагменты трактата Птолемея Ἁρμονικά цит. по изд.: Claudii Ptolemaei Harmonica, ed. J. Wallis, Oxon., 1682.

[14] В древнегреческой литературе состояние, связанное с плачем, является выражением непрекрасного, неаполлоновского начала и всегда подчеркивает динамизм ситуации или образа (Aesch., Agam. 1050—1060 и т. д.).

В своем трактате Псевдо-Аристотель (XIX, 8) сравнивает низкий звук с широким телом, а высокий — с узким. Дается также характеристика низкого звука как тупого угла, а высокого — как острого. Тот же автор утверждает (XIX, 13), что низкий звук более широк, чем высокий [15].

Все эти данные свидетельствуют о том, что в древнегреческой музыкальной цивилизации вопрос о восприятии низких и высоких звуков был актуален — античные теоретики излагают его как требующий определенных доказательств. Объясняется это, прежде всего, тем, что дифференциация звуков по высоте была сравнительно недавним завоеванием музыкального сознания, без которого невозможно было бы его последующее развитие. Такая дифференциация дала толчок дальнейшей эволюции музыкального мышления и оказала решающее влияние на другие, более сложные его компоненты.

Факторы, характеризующие восприятие низких и высоких звуков, отражают общее восприятие различных сторон звуковой действительности, которая представлялась античному мышлению не «всеобщим звуковым порядком», а борьбой противоположных начал, противопоставлением взаимоисключающих элементов.

Как можно видеть, категории, характеризующие восприятие высоких звуков, более динамичны, чем категории, характеризующие восприятие низких: стремительность быстрого движения противопоставляется малой активности медленного, сильное напряжение — слабому, плотность — разреженности и т. д. Итак, всякое отражение звуковой реальности в музыкальном мышлении древних греков — явление динамичное, а не статичное.

Подобная разница в восприятии звуков контрастно-противоположных регистров присуща не только музыкальному мышлению древней Греции, но и звуковому сознанию других цивилизаций. Значит данное явление должно основываться на объективных закономерностях. Соответствует ли это действительности?

И. П. Павлов экспериментально доказал, что низкие звуки создают в клетках мозга очаги возбуждения более сильные, чем высокие [16]. Это общепризнанное в современной психофизиологии [17] положение находит подтверждение при анализе характера звукового восприятия одной из ранних стадий развития музыкального мышления. В сознании античной эпохи весьма отчетливо заметны отпечатки значительно более древнего восприятия, отразившегося в философии, эстетике, музыкальной теории. Несмотря на некоторую исторически обусловленную наивность выдвигаемых античной наукой обоснований этого явления, они могут служить хорошим свидетельством ее достаточной объективности и достигнутого ею высокого уровня в освещении вопросов музыкального мышления.

Это относится и к акустической стороне решения данной проблемы, так как, с точки зрения современной акустики, общеизвестным фактором увеличивающим степень физиологического восприятия, являются низкочастотные процессы [18]. Естественно, что относительная легкость восприятия низкочастотных звуков для слуха не могла не сказаться на музыкальном мышлении интересующего нас периода.

Музыка древности основывалась на вокальном начале: естественным и первоначальным источником звука был человеческий голос. Поэтому характер восприятия звучания

---

[15] Н. Успенский пишет, что русский народ в своей музыкальной терминологии пользуется образными выражениями, называя высокие звуки «тонкими», а низкие — «толстыми» или «густыми» (см. Н. Успенский, Древнерусское певческое искусство, М., 1965, стр. 192). Древнеиндийский грамматик Панини разделяет слоги на «низкие» — «тяжелые» (*гуру* — лат. gravis, греч. βαρύς) и «высокие» — «легкие» (*лагху* — лат. levis, греч. ὀξύς) (см. Ф. И. Кнауэр, Учебник санскритского языка, Лейпциг, 1908).

[16] См. П. И. Павлов, Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных, М., 1951, стр. 387.

[17] См. М. П. Блинова, Физиологические основы ладового чувства, «Вопросы теории и эстетики музыки», вып. 1, Л., 1962, стр. 89.

[18] См. Е. Скучик, Основы акустики, пер. с немецк., М., 1959, стр. 129; Р. Фельдкеллер, Э. Цвикер, Ухо как приемник информации, пер. с немецк., М., 1965; А. Ф. Мутли, Звук и слух, «Вопросы музыкознания», III, М., 1960, стр. 325.

должен был зависеть от него. Напряжение, с каким человеческий голос воспроизводил звуки значительной высоты, должно было воздействовать на характер их восприятия. «Слушающий» как бы вместе с «поющим» напрягался, что и влияло на оценку высокого звука. Осознанность зависимости между источником звука и его приемником подтверждается и специальными сочинениями древних авторов (Псевдо-Аристотель, XIX, 3; XIX, 4; XIX, 37) и другими произведениями [19].

Важнейший вопрос, который следует рассмотреть,— это влияние различий в характере восприятия звуков разной высоты на практику музыкального искусства античности.

Интересно проследить, как терминология древнегреческого звукоряда отражает охарактеризованный выше важнейший феномен восприятия высокого и низкого регистров. Нетрудно заметить, что в древнегреческой «совершенной системе» названия звуков отражают их расположение по ту или другую сторону от центра (μέση): вниз от центра — ὑπάτη, вверх — νέατη [20]. Этот принцип строения системы изложен Плутархом (De animae procreat. in Timaeo, XXXII, 3), который пишет: «Как известно, у древних были только две гипаты, три нэты, одна меса и одна парамеса». Таким образом, в слуховом сознании античности обязательно должен был отложиться какой-то определенный звуковой центр, по разные стороны от которого располагались области звукового пространства, воспринимавшиеся как явления качественно противоположные друг другу (высоко — низко), что и отразилось в специальной терминологии.

область «гипат»	— меса	— область «нэт»
(нижний регистр)	(центр)	(высокий регистр)

Это нашло свое отражение и в мифологических, и в космологических представлениях. Плутарх рассказывает (там же), что в Дельфах были три музы для обозначения звуков нэты, месы и гипаты. Они воплощали дифференцированное восприятие звуков различных регистров и олицетворяли первоначальные звуки неизменной совершенной системы (σύστημα τέλειον ἀμετάβολον) [21]. По Плутарху, древнейшая лира Греции имела всего три струны, настроенные по этим звукам. Диодор (I, 16) пишет, что Гермес создал лиру с тремя струнами как олицетворение трех времен года: высокая струна соответствовала лету, низкая — зиме, а средняя — весне [22].

Так различная слуховая качественная оценка высотного восприятия различных регистров повлияла на начало развития музыкальной системы древней Греции и на древний инструментарий, эволюция которого от трехструнной лиры к четырехструнной шла за счет октавного удвоения звукового центра:

	e	*a*	*d*	
Лира Гермеса:	гипата	меса	нэта	
	(два соединенных тетрахорда)			
	a	*d*	*e*¹	*a*¹
Лира Орфея:	гипата	меса	парамеса	нэта
	(два разделенных тетрахорда)			

Если рассмотреть эволюцию древнегреческой системы, то можно убедиться, что образование терминов для обозначения звуков также связано с первоначальным разде-

[19] Например, у Цицерона (De orat. III, 46, 181): «Нашему уху оказывается приятно то, что для легких говорящего не только доступно, но и легко» (цит. по изд.: «Античные теории языка и стиля», М., 1936, стр. 243 сл. пер. А. Н. Зограф).

[20] См. ниже, прим. 24.

[21] К этой же мысли приходит и К. Закс, считающий, что именно эти звуки были древнейшими названиями тонов в Элладе (см. K. Sachs, Musen und Töne, «Deutsche Jahrbuch der Musikwissenschaft für 1956—1957», Lpz, 1957—1958, стр. 9).

[22] Псевдо-Аристотель (XI, 17; 56; 62) объясняет эти аналогии по уже указанным принципам: зимой воздух становится менее «плотным», отсюда медленность движения, характерная для низких звуков, и т. д. Витрувий (VI, 1, 6—7) как бы суммирует все сведения античности, трактующие о космологических различиях между высокими и низкими звуками. В древнекитайской литературе встречаются аналогичные сопоставления (см. H. Pfrogner (hrsg.), Musik. Geschichte ihrer Deutung, Freiburg — München, 1954, стр. 26 сл.).

лением звукового пространства на высокий и низкий регистры: рядом с «гипатой» появляется «паргипата» (παρυπάτη — ближайшая к гипате), рядом с «месой» — «парамеса» (παραμέση), рядом с «нэтой» — «паранэта» (παρανεάτη). «Трита» (τρίτη — третья) была названа так, потому что считалась третьей струной от «нэты», но когда между ней и паранэтой была прибавлена новая струна, то «трита» потеряла свое название, так как уже не занимала третьего места от нэты. Это название перешло к новой струне, а прежняя «трита» стала называться «парамесой». Именно так описывает этот процесс Боэций (I, 20) [23].

Отсюда следует, что развитие ядра всей системы было лишь заполнением основных звуковых регистров, которые первоначально подразделялись на низкий, средний и высокий.

После того как лира стала восьмиструнной, рассказывает дальше Боэций, «Профраст Периот к нижней части добавил одну струну, так что сделал [лиру] девятиструнной, а так как эта струна находилась за гипатой, то ее назвали „гипергипатой“» [24]. И далее: «Гистиэй Колофонский к низкой части добавил десятую струну. Тимофей Милетский — одиннадцатую, которая, потому что была добавлена сверх гипаты и паргипаты, названа „гипатой гипат“, как самая большая из больших, самая низкая из низких и лучшая из лучших».

Если верить Боэцию, чье свидетельство, видимо, основывается на более древних источниках, развитие звукоряда направилось в сторону освоения только низкого регистра и поэтому область гипат по объему стала превосходить область нэт. Это естественно, так как соответствует уже выявленным принципам античного звуковысотного восприятия.

Д. Монро в своей известной работе [25] утверждал, что развитие древнегреческого звукоряда от одной октавы до двух совершалось посредством равномерного присоединения тетрахордов сверху и снизу, что по его мнению, было связано с процессом эволюции диапазонов музыкальных инструментов. Однако связывая развитие звукоряда только с «прогрессом в диапазонах музыкальных инструментов», исследователь не учитывал того, что этот прогресс есть результат работы музыкального мышления по освоению звукового пространства. Специфика же данного периода музыкального мышления требовала, в первую очередь, освоения низкого регистра. Отсюда — и неверное, на наш взгляд, освещение процесса эволюции системы.

Сама античность очень хорошо понимала неравномерность развития системы. Боэций (там же) констатирует, что так как в одиннадцатиструнной лире «меса, получившая это наименование из-за своего срединного положения, была более близка к нэте и очень отдалена от последних гипат, а потому не соответствовала своему месту, к тетрахорду присоединили другие [звуки], вверх от нэты [тетрахорда] разделенных, которые превзошли высотой нэту и расположены выше [ее], поэтому весь тетрахорд назвали сверхверхним» [26]. Затем прибавлением «просламбаномена» (προσλαμβανόμενος — добавочный) завершилась эволюция древнегреческой совершенной системы в том виде, как она представлена в музыкально-теоретической науке античности.

---

[23] Единственный звук системы, получивший название от исполнительского приема,— это «лиханос» (λίχανος — струна, звук которой извлекался указательным пальцем).

[24] При переводе древних авторов следует иметь в виду, что их представления о «верхе» и «низе» отличались от наших. Ср. Liddell — Scott, Greek-English Lexicon, s. v. ὑπάτη : «the highest of the three strings which formed the framework of the musical scale, but *the lowest in pitch*» (ср. s. v. νεάτη).

[25] D. B. Monro, The Modes of Ancient Greek Music, Oxf., 1894, стр. 37.

[26] ὑπερβολαῖος. В словаре И. Х. Дворецкого этот термин переводится как «верхний тон в гамме из четырех или пяти тетрахордов», в действительности древнегреческая музыкальная мысль понимала под ним самый верхний тетрахорд системы, ср. Liddell — Scott, стр. 1861. В том же словаре И. Х. Дворецкого παρανεάτη трактуется как «предпоследняя струна лиры» (стр. 1246), а τρίτη — как «третья струна в гептахорде» (стр. 1647 сл.), что не учитывает эволюцию системы, вместе с которой развивались и явления, выражающиеся этими терминами.

Этот краткий и довольно схематический очерк становления и эволюции системы в связи с ее терминологией показывает, что первичное развитие получил низкий регистр, а вторичное — высокий [27], и это, безусловно, соответствует всему характеру античного звуковосприятия [28].

Если теперь обратиться к проблеме «областей голоса» (τόποι φωνῆς), достаточно полно изложенной в древнегреческом теоретическом музыкознании, то и здесь можно ощутить влияние различной качественной оценки восприятия звуков низкого и высокого регистров. Общеизвестно, что древнегреческая эстетика различала три стиля: диастальтический, систальтический и гесихастический. Диастальтический характер выражал нравственное величие, возвышенность духа и мужество; систальтический — тот, при котором душа расслабляется и приводится в «смирение»; гесихастический характер определялся спокойствием, миролюбивым настроением. В диастальтическом стиле сочинялись трагедии, в систальтическом — погребальные песни, жалобы, плачи и номы, в гесихастическом — дифирамбы, пеаны, победные и панегирические песни, дидактические стихи и т. д. Всем трем стилям была свойственна особая ритмическая структура и особый регистр звучания. Аристид Квинтилиан (I, 12) пишет, что «номический стиль формируется около нэты, дифирамбический — около месы, а трагический — около гипаты» [29]. Этого сообщения еще недостаточно, чтобы делать какие-либо конкретные выводы [30]. Но существует источник, могущий уточнить наши сведения по этому вопросу: «Самый нижний [регистр], или гипатоид, распространяется от гиподорийской гипаты средних до дорийской месы; средний, или месоид,— от фригийской гипаты средних до лидийской месы; нэтоид — от лидийской месы до нэты соединенных; гиперболический — охватывает все выше последнего» (Клеонид, 64) [31].

Отсюда видно, что «область звуков», носящих диастальтический характер, отвечающая трагедии, самая объемная (большая септима); область, звуки которой олицетворяют гесихастический характер, отвечающая дифирамбическому стилю,— меньше (квинта), а область систальтического характера, в диапазоне которой исполнялись номы — кварта [32]. Такое распределение звукоряда еще больше подчеркивает значимость диастальтики как главенствующего музыкального направления и трагедии как важнейшего жанра древнегреческого искусства. Относительно большой диапазон диастальтики

[27] Даже часть терминологии тетрахордных построений соответствует специфике отношения к звуковому пространству: «тетрахорд нижних», «тетрахорд средних» и «тетрахорд сверхверхних».

[28] Аналогичные явления можно наблюдать и в старой русской церковной музыке. Н. Успенский, констатируя, что канонизированные церковные положения не разрешали выходить за пределы границ установленного «обиходного» звукоряда, пишет, что, «по-видимому, расширению звукоряда в верхнем регистре (разрядка моя.— *Е. Г.*) препятствовала своеобразная эстетическая оценка хоровой звучности» (см. Успенский, ук. соч., стр. 196).

[29] Цит. по изд. Aristidis Quintiliani De musica libri III, ed. A. Jahn, Berolini, 1882. В средневековой музыкальной эстетике Индии, которая восприняла многие положения древнеиндийской эстетики, считалось, что «каждый звук бывает в низком, среднем и высоком регистрах». Эти мысли Матанга («Брихаддеши» — VIII в. н. э.) также фиксируют деление звукоряда на три регистра (см. «Музыкальная эстетика стран Востока», стр. 124).

[30] Д. Монро именно этим оправдывает приблизительность своей схемы «областей голоса», которую он строит не на тексте Аристида Квинтилиана, а на аналогичном по содержанию фрагменте Псевдо-Эвклида (см. Monro, ук. соч., стр. 64).

[31] Цит. по изд.: «Гармоническое введение Анонима», пер. Г. А. Иванова, «Филологическое обозрение», VII, 1894, кн. I.

[32] Области голоса, диапазон которых предложил в свое время Р. Вестфаль (см. R. Westphal, Melik und Rhythmik des klassischen Hellenenthums, Bd. I, Lpz, 1883, стр. 415—419), не выдерживают критики, так как он подразделял древнегреческий хор на голоса по диапазону и тембру (т. е. на басы, баритоны, альты и сопрано). Но такое подразделение, как известно, отсутствовало в народном хоровом пении, которое было основой древнегреческого хорового искусства. Следует отметить, что четвертую область, указанную Клеонидом, Т. Рейнак (см. Th. Reinach, La musique grecque, P., 1926, стр. 64) также относит к области нома. Это предположение требует проверки.

тики в данном случае объясняется, прежде всего, естественностью и простотой восприятия низкого регистра, к которому она относится, и отнесением этой области к столь важному и значительному жанру, как трагедия.

Анализ сохранившихся образцов древнегреческого музыкального искусства [33] позволяет разделить их — по принципу общности диапазонов — на три группы: *а*) первый и второй дельфийские гимны Аполлону, гимн Немезиде, гимн Музе (диапазон септима); *б*) фрагмент хора из «Ореста» Еврипида (диапазон квинта); *в*) эпитафия Сейкила (диапазон кварта). Это подтверждает обоснованность указанных величин диапазонов, присущих жанрам древнегреческого музыкального искусства,— величин, выведенных только на основании музыкально-теоретических источников.

Диапазоны «звуковых областей» должны были изменяться и развиваться с увеличением звукового диапазона, осваивавшегося античным музыкальным мышлением. Существуют отдельные разрозненные свидетельства такой эволюции, принимающей в свете предыдущих выводов реальные очертания.

Плутарх (De mus. 28), не называя жанра музыкального произведения, приписывает Терпандру (первая половина VII в. до н. э.) введение особого вида мелодии, который назывался ὄρθιος. Судя по названию, регистр новой мелодии был отличен от применявшегося ранее в этом неизвестном нам жанре, но так как она звучала на более значительной высоте, чем допускали рамки, установленные традицией, то должна была восприниматься как более напряженная. Отсюда и ее название [34].

Плутарх также сообщает (De mus. 6), что «в древности нельзя было сочинять кифародии, как теперь..., в номах строго выдерживалась высота..., нельзя было нарушать узаконенную в каждом виде высоту» [35]. Отсюда следует вывод, что во времена Плутарха это общепринятое прежде положение нарушалось, и объем звукоряда, применявшегося в номах, изменялся. Нетрудно предположить, что изменение было направлено в сторону увеличения размеров звукоряда. Такова же была и эволюция дифирамба, связанная с добавлением новых струн на кифаре [36], что, безусловно, увеличивало звуковой диапазон.

Отголоски эволюции звуковых диапазонов жанров античного музыкального искусства, связанной с развитием этих жанров, можно найти и у Платона: «... Зачинщиками нестройного беззакония стали поэты, одаренные по природе, но не сведущие в том, что в музах справедливо и законно. В вакхическом восторге, более должного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гимнами, пеаны с дифирамбами... все соединяли вместе; невольно, по неразумию, извратили они мусическое искусство, точно оно не содержало никакой правильности...» (Plato, Leges 700 B—E) [37].

Как видно, «смешение» звуковых диапазонов френов, гимнов, пеанов и дифирамбов, вызывавшее возмущение Платона, отразило развитие этих жанров. Такие изменения должны были быть связаны в первую очередь с расширением их образно-эмоциональной сферы, которое, естественно, приводило и к увеличению их звуковых диапазонов. На соединение двух диапазонов в одном жанре, присутствовавшее в практике античного

---

[33] По изд. «Музыкальная культура древнего мира», под ред. Р. И. Грубера, Л., 1937, стр. 227—242.

[34] В греческой литературе слово ὀρθιος часто применяется для выражения повышения высоты голоса в похоронных плачах (Aesch., Pers. 389; Agam. 1153). В таких случаях ὀρθιος выступает как синоним ὀξύς.

[35] Перевод по изд. Plutarchi De musica, Lipsiae, 1856. Н. Томасов переводил τάσις довольно свободно — «звукоряд» (см. Плутарх, О музыке, пер. Н. Томасова, Пг, 1922). При таком переводе смысл данного отрывка мог трактоваться иначе: как признание за каждым видом нома индивидуальной ладовой структуры. Термин же τάσις в контексте музыкально-теоретических источников (например, Aristid. Quint., I, 5; Gaudentius, Harm. 2; Aristoxenus, Harm. I, 11; 13) имеет совершенно иной смысл: результат работы звукового движения, относительный итог звуковысотного развития, высотная напряженность.

[36] См. Ж. Комбарье, Музыка в античном театре, «Музыкальная культура древнего мира», Л., 1937, стр. 158.

[37] Пер. А. Н. Егунова, цит. по изд.: Творения Платона, XIII. Законы, Пг, 1923, стр. 111.

музицирования, указывает Плутарх (De EI apud Delphos, 9), когда приводит слова Эсхила о том, что «соединенному с воплями дифирамбу подобает сопровождать Диониса. Другому [38] же они поют пеан в качестве стройной и разумной музы» [39]. Такое указание определенно наводит на мысль, что музыкальная практика, связанная с мистериями Диониса, использовала два звуковых диапазона.

Поскольку античность воспринимала низкие звуки как менее напряженные, древнегреческие звукоряды на древнейшем этапе музыкального сознания строились сверху вниз, что и составляло характерную черту направленности мелодического движения.

Его окончание должно было быть связано с физиологическим фактором успокоения, стремлением к ликвидации напряженности, разрешением предыдущего мелодического развития. Такой способностью, с точки зрения восприятия, обладали низкие звуки. Желание окончить мелодию на низких звуках естественно вытекало из специфики определенного периода античного музыкального мышления, где звукоряды, так же как и мелодические формы в сфере практического музицирования, должны были строиться сверху вниз. В этом солидарны все авторы музыкальных трактатов, но наиболее полное выражение его можно найти в следующем отрывке из Псевдо-Аристотеля (X, 13, 33): «Отчего мы добиваемся большей гармоничности при перемещении от более высоких звуков к низким, чем когда двигаемся от низких к более высоким? Потому что такой порядок перемещения возникает при движении от начального звука; поскольку меса в тетрахорде будет одновременно исходным и самым высоким звуком [40]. Перемещение же от более низких к более высоким звукам будет движением не с начала, а с конца. Кроме того, низкие звуки и благородней высоких и благозвучней их».

Автор утверждает, что естественным окончанием звукового движения могут быть только низкие звуки. Ведь так как повышение ведет в область напряженных высоких звуков, а понижение, напротив,— в область низких, не напряженных, то и движение повышения должно было носить более напряженный характер, чем движение понижения.

Если обратиться к музыкальной культуре других древних цивилизаций, то можно отметить, что такое отношение к направленности мелодических движений на раннем этапе было общераспространенным во всем древнем мире. В древнеиндийской «Повести о браслете» (II в. н. э.) говорится, что «на лютне звуки шли справа налево, от высоких к низким...» [41]. Даже у позднейших средневековых восточных авторов это положение нашло достаточно полное освещение. Аш-Ширази (1236—1310 гг.) говорит, что мелодическое движение «обычно начинают с его верхнего тона по нисходящей линии постепенно опускаясь до нижнего его звука» [42]. Правда, несколько далее сообщается, что «иногда очень редко начинают с его нижнего тона по восходящей линии». Не надо, однако, забывать, что это уже XIII век, когда многие ощущения звуковысотных восприятий древности были утрачены и сохранились только как теоретические положения, например, у Джами (XV в.), который также указывает на то, что сочиняемые мелодии имели нисходящее направление, так как «музыканты-исполнители во время пения приступают к ним с высокой стороны» [43].

Приведенные сведения подчеркивают, что для всей античности в определенный период типичным движением мелодии была нисходящая мелодическая линия, так как она отвечала эстетическим требованиям древности, основанным на акустических и психофизиологических особенностях мышления. К такой мысли приходят в основном все исследователи музыки древнего мира. Так, К. Закс отмечает, что звукоряды древних

---

[38] Т. е. Аполлону.

[39] Цит. по кн.: А. Ф. Лосев, Античная мифология в ее историческом развитии, М., 1963, стр. 339.

[40] В системе соединенных тетрахордов меса является самым высоким звуком нижнего тетрахорда и самым низким — верхнего.

[41] «Повесть о браслете», пер. А. Я. Сыркина, М., 1966, стр. 42.

[42] «Музыкальная эстетика стран Востока», стр. 301.

[43] Абдурахман Джами, «Трактат о музыке», пер. с перс. А. Н. Болдырева, ред. и комм. В. М. Беляева, Ташкент, 1960, стр. 90.

народов строились в нисходящем направлении [44], но придерживается мнения, что это явление было типичным только до эпохи императорского Рима. Г. Гусман [45] ставит в прямую зависимость проблему нисходящей направленности мелодического движения в древнегреческой музыкальной культуре с несоответствием структур одноименных ладов античности и средневековья [46]. Он утверждает, что решение этого еще неразгаданного музыкознанием вопроса, связано с изменением направления мелодического движения в средневековый период. Тенденцию нисходящей направленности античной мелодии подчеркивал и Р. И. Грубер [47]. Все это говорит о популярности данного взгляда в исследовательских кругах.

Исследование древнейших произведений народного творчества народов, отдаленных друг от друга как значительным расстоянием (что говорит о трудностях и несистематичности культурного обмена между ними), так и различными временными промежутками, разделяющими разные этапы их культурного развития, свидетельствует о всеобщности и объективности этого явления для ранней стадии развития.

Об этом общеизвестном положении современного исторического музыкознания можно было бы, наверное и не упоминать, если бы иногда не раздавались мнения, отличные от общепринятых [48]. Кроме того, зачастую этот вопрос исследуется вне исторической перспективы. Ведь невозможно предполагать, что для всех этапов развития античного музыкального искусства была типичной только нисходящая мелодическая линия. Вслед за К. Заксом это отметил и Р. П. Виннингтон-Ингрэм. Последний считает направленность сверху вниз характерной чертой только «примитивной» мелодии, тогда как древнегреческая музыка, по его мнению, не была таковой и «нисходящий» алфавитный ряд нотной записи, а также традиция читать звукоряды сверху вниз еще не может служить доказательством нисходящей мелодической тенденции. Исследователь полагает, что окончательно этот вопрос может быть решен только после исследования теории родов о внутритетрахордных тяготениях, изучение которой в данное время он не может признать удовлетворительным [49].

Действительно, изучение внутритетрахордных тяготений опровергает мнение о всевременной нисходящей тенденции мелодической линии и приводит к мысли о существовании этапов, противоположных между собой по смыслу [50]. Излагающиеся же у Птолемея (II, 14) и Пахимера (Περὶ ἁρμονίας ἥ τε οὖν μουσικῆς) акустические структуры античных тетрахордов, отражающие очень древнюю традицию музыкальной практики, убедительно свидетельствуют о нисходящей тенденции мелодической линии. Анализ этих структур приводит к мысли о нижнем звуке тетрахорда как о ладовом устое, а следовательно, и о стремлении мелодического движения к нему. Поэтому следует говорить о нисходящей направленности мелодии только на раннем этапе древнегреческой музыкальной цивилизации.

---

[44] К. Закс, Музыкально-теоретические воззрения и инструменты древних греков, «Музыкальная культура древнего мира», Л., 1937, стр. 136.

[45] H. Husmann, Grundlagen der Antiken und Orientalischen Musikkulfur, B., 1961, стр. 59.

[46] Средневековье, как известно, термины «дорийский», «фригийский», «лидийский» и т. д. применяло к иным ладовым структурам, чем античность. Зачастую это объясняется либо «невежеством» теоретиков раннего средневековья, не понявших смысла таблиц Птолемея (Reinach, ук. соч., стр. 62—63), либо вообще предполагаемым отсутствием смысловой преемственности между античным и средневековым тонально-ладовым мышлением (см. Я. Рамм, Фрагмент музыкально-теоретического памятника раннего средневековья, «Вопросы музыкознания», т. I, вып. 2, М., 1953—1954, стр. 307). Эта проблема еще ждет своего решения, так как все попытки ее объяснения Р. Таннером (R. Tanner, La musique antique grecque, P., 1961, стр. 42), А. С. Оголевцом (А. С. Оголевец, Основы гармонического языка, М.— Л., 1947, стр. 252) и другими недостаточно убедительны.

[47] Р. И. Грубер, Всеобщая история музыки, I, М., 1960, стр. 21.

[48] М. Дабо-Перанич считает, что в древней Греции направление мелодического движения было снизу вверх (см. M. Dabo-Peranič, Les harmonies greques classiques, P., 1958, стр. 73).

[49] R. P. Winnigton-Ingram, Mode in Ancient Greek Music, Cambr., 1936, стр. 5.

[50] Аргументация этого положения отклонила бы нас от темы данной статьи.

Общеизвестно, что нисходящие интонации речи выражают законченность мысли, а восходящие — незаконченность [51]. Поэтому закономерно, что на той стадии развития, когда музыка только выделилась в самостоятельную форму, для ее движения были характерны те же черты, что и для речи. Психофизиолог М. П. Блинова пишет: «Перетягивание возбуждения идет в направлении от очагов верхних звуков к очагам нижних, создавая в коре головного мозга проторенные нисходящие пути» (разрядка автора) [52]; т. е. от очагов, образованных короткими звуковыми волнами (реакция на высокие звуки), к очагам от длинных (реакция слухового сознания на низкие звуки). М. П. Блинова отмечает, что «естественная» тренировка в проторении нисходящих путей является одной из причин большей легкости воспроизведения нисходящих звуковых последовательностей, чем восходящих [53]. Итак, ранняя музыкальная практика античности не могла игнорировать эти объективные закономерности, что подтверждается данными сравнительного музыкознания и музыкальной этнографии.

В древнегреческой музыке мелодия всегда звучала в низком регистре, а аккомпанемент — в высоком: «Отчего мелодию всегда подхватывает самая низкая струна?... Потому что более низкая струна шире по своему звучанию. Возьмем пример с чашами: внутрь большей чаши можно поместить меньшую» (Псевдо-Аристотель, XIX, 12). Такое наивно-научное объяснение вытекало из общего методологического направления античного музыкознания, но было тесно связано с музыкальной практикой.

Для «лучшего» восприятия мелодии ее звучание должно было соответствовать «лучшему» акустическому диапазону. Чтобы слушатель воспринимал мелодию «естественно», ей следовало звучать в регистре, не предполагавшем какого-либо напряжения самого исполнителя. Всем этим качествам как нельзя лучше отвечал нижний регистр, выражавший успокоение и завершенность, т. е. изложение мелодии в низком регистре [54] тоже явилось результатом различий в характере восприятия противоположных звуковых полюсов.

Общеизвестно, что наиболее распространенными ладами древности были дорийский, фригийский и лидийский: «Есть три рода ладов· дорийский, фригийский и лидийский, из них дорийский предназначается для образования более низкого звучания, лидийский — для более высокого, фригийский — для среднего» (Arist. Quint., I, 11). «Из всех ладов самым низким является дорийский и, действительно, он будет по характеру самым мужественным» (там же, I, 14). «Таким образом, в случае перемены гармонии, при одной и той же величине, но при более высоких тонах, она оказывает возбуждающее действие, тогда как при более низких — успокаивающее..., средние тоны, относящиеся к дорийскому ладу, могут быть сравнимы со скромным и устойчивым поведением, а те, которые повыше, как, например, принадлежащие к миксолидийскому ладу, сравнимы с более решительным и неустойчивым поведением» (Ptol., III, 7).

Из приведенных отрывков [55] видно, что основные лады различались между собой, прежде всего, по высоте звучания. Согласно первому фрагменту, самую низкую область занимает дорийский лад, среднюю — фригийский, а самую высокую — лидийский. Второй фрагмент приписывает мужественный характер звучания дорийскому ладу из-за низкого регистра, а третий говорит об «устойчивом» характере этого же лада, так как он звучит в среднем регистре. Нетрудно увидеть здесь аналогию с восприятием отдельных звуков этих же регистров [56].

[51] Г. Г. Егоров, О функциональном характере интонаций, «Вестник МГУ. Филология», 1968, № 5, стр. 60.

[52] Блинова, ук. соч., стр. 81.

[53] Там же.

[54] На это обратили внимание еще Ф. А. Геварт и Л. К. Фольграф (см. F. A. Gevaert, L. C. Vollgraff, Les problémes musicaux d'Aristote, Gand, 1903, стр. 324).

[55] Нет необходимости приводить здесь все свидетельства античности, касающиеся этической оценки ладов. Три данных отрывка выбраны как тексты, освещающие вопрос характера восприятия ладов в связи с высотой их звучания и как типичные для древнегреческого музыкознания.

[56] В древней Палестине эпические мелодии писались в дорийском ладу, плачи и жалобы — во фригийском, панегирические построения — в лидийском (см. Гру-

В связи с этим небезынтересен спор Гераклида Понтийского (VI—V вв. до н. э.) с музыкантами-теоретиками, которые при характеристике ладов руководствовались только их высотными принципами, а не внутренней структурой [57]. Это также наводит на мысль, что на каком-то определенном этапе развития античного музыкального мышления лады различались именно по их высотному звучанию.

Многие исследователи (в частности Вестфаль, Геварт, Лалуа и др. [58]) переводят συντονολυδιστί — ἀνειμενηλυδιστί — две разновидности одного и того же лидийского лада,— основываясь на характере их восприятия: первый — как «лидийский напряженный», «высокий лидийский» (aigüe, tendu), второй — «расслабленный лидийский», «лидийский пониженный» (lydien relâché, abaissé). Такие переводы правильно передают специфику античного восприятия разновысотных звуковых плоскостей [59].

Аристотель считает возможным использование «расслабленных» (ἀνειμένας) низких ладов как основы музицирования для тех, чей голос понизился с возрастом, и не способных петь в «напряженных» (συντόνους) ладах (Polit. VIII, 10, 1342a). Философ, сравнивая две основные формы государственного устройства, говорит о «высокозвучной» олигархии и об «ослабленной» «мягкой» форме народного правления — демократии. Эти мысли Аристотеля, безусловно, связаны с общим для античности характером восприятия ладов в зависимости от их высотного звучания.

Все приведенные мнения Аристида Квинтилиана, Птолемея, Аристотеля, Гераклида Понтийского (мы не останавливаемся здесь на хорошо известных высказываниях Платона по этому вопросу) подчеркивают, что, уделяя большое внимание высотному положению ладов, античность часто ставила их этическую характеристику в непосредственную зависимость от этого положения [60].

Особый интерес представляет последний фрагмент Птолемея. В нем речь идет непосредственно о том явлении, которое впоследствии получило название «модуляции»: «величина», понимаемая музыкально-теоретической мыслью античности как акустическое расстояние между звуками, характеризующее тетрахордную структуру родов, в своем неизменном виде переносится в различные высотные положения. Несмотря на сохранение этой «величины», при более высоком звучании гармония оказывает «возбуждающее» действие, а при более низком — «успокаивающее» [61]. Это свидетельство того, что модуляционные изменения были обычны в практике древнегреческой музыки и имели целью изменение характера образов произведения, что полностью соответствовало музыкальному мышлению того периода. Р. П. Виннингтон-Ингрэм справедливо пишет, что целью тональных модуляций было изменение высоты не ради нее самой, а ради «изменения мелодического характера» [62]. Значит, при буквальном перенесении

б е р, Всеобщая история музыки, I, стр. 87). Тут мы сталкиваемся с тем же положением, которое было в древней Греции.

[57] См. M o n r o, ук. соч., стр. 10—11.

[58] См. M. D a b o-P e r a n i č, Les recherches sur les harmonies grecques, II, P., 1958, стр. 128.

[59] Критика этих переводов М. Дабо-Пераничем (там же, стр. 129), основывающаяся только на этимологической стороне данных терминов и не принимающая во внимание характер античной дифференциации регистрового звуковосприятия, малоубедительна. Правда, в этой же работе на стр. 144 σύντονος переводится как vigoureux.

[60] В «Гиталанкаре» Бхарата упоминаются три основных звукоряда (grama) и три основных регистра (sthana) (см. «Музыкальная эстетика стран Востока», стр. 90 сл.). Не делая поспешных выводов, можно предположить, что эти древнеиндийские звукоряды, как и древнегреческие лады, в определенный период исторического развития музыкального мышления соответствовали определенному звуковому регистру. Подтверждением такого предположения является и текст VIII в. н. э. («Сангитамакаранда» Нарада): «...Звукоряду Шаджа благоприятствует зимнее время, мадхъяма — лето, а звукоряду гандхара — сезон зимних дождей» (там же, стр. 130). В нашем распоряжении, правда, пока нет свидетельств, что времена года в древнеиндийской музыкальной космологии соответствовали тем же явлениям высотности, что и в древнегреческой.

[61] Аристотель (Polit. VIII, 10) характеризует дорийский лад, как и Птолемей, в связи со средним регистром его звучания.

[62] W i n n i n g t o n-I n g r a m, ук. соч., стр. 66.

одной и той же ладомелодической формы с одного высотного уровня на другой изменялся и характер производимого ею впечатления. Это убеждает в том, что, как уже говорилось, в развитии античной музыки существовал период, когда известные термины «дорийский», «фригийский» и «лидийский» указывали не на структурные отличия ладовых образований, а на отличия регистровые — отличия разных участков используемого звукоряда.

Исследователь древнегреческого инструментария В. Ионсен, говоря об инструменте «тригон» (τρίγωνον), считает, что его струны образовывали три группы, одна из которых звучала в дорийском ладу, вторая — в лидийском, третья — во фригийском: «Это было в некотором роде соединение трех кифар...» [63]. Если принять мнение В. Ионсена, то, основываясь на вышеизложенном материале, можно предположить, что «тригон» состоял из групп струн трех регистров [64]. Совершенно очевидно, что высотно-регистровые различия, столь важные для музыкального сознания той эпохи, должны были отразиться и на структуре музыкальных инструментов. Если «тригон» действительно представлял собой соединение трех кифар, то можно было бы предположить существование в древнегреческом инструментарии трех видов кифар, отличавшихся между собой диапазонами и регистрами. Вспомним встречающиеся в древнегреческой литературе термины «фригийская флейта», «лидийская флейта» и т. д. Вполне вероятно, что не только струнные, но и духовные инструменты одного и того же вида могли звучать в различных регистрах.

Такая исполнительская практика была логическим оформлением и реализацией норм музыкального мышления. Пение различных по высоте голосов (с одной стороны мужских, с другой — женских и детских) должно было сопровождаться игрой на инструментах, звучащих в различных регистрах. А если так, то можно говорить о разнообразии тональностей, практиковавшихся античным музицированием [65]. Это подтверждается тем, что Плутарх (De mus. 4) пишет о номах, относящихся к категории τριμελής и, видимо, писавшихся в трех частях, каждая из которых была в новой тональности [66]. Свидетельство Плутарха и предыдущий анализ требует пересмотра мнения о том, что тональная модуляция и в архаическую, и в классическую эпохи была не характерна для музыкальной практики древней Греции и что главнейшим видом модуляции являлась модуляция ритмическая, тогда как первая была продуктом лишь позднего эллинистического периода [67]. Если предложенное понимание Плутарха верно, то уже ко времени жизни Полимнеста (VII в. до н. э.) тональное разнообразие должно было играть определенную роль в древнегреческой музыке. Кроме того, тональная модуляционность вытекала из общего характера и особенностей античного музыкального мышления.

Итак, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Античное музыкальное мышление воспринимало любой звук не статично, а

---

[63] W. Johnsen, Die Lyra. Ein Beitrag zur griechischen Kunstgeschichte, B., 1876, стр. 22.

[64] Этому положению не противоречит понимание «тригона» как инструмента со струнами одинакового диаметра, но различной длины (см. Liddell — Scott, s. v.).

[65] Конечно, термин «тональность» в связи с античным этапом развития музыкального мышления не следует понимать в современном значении, но только как ладово-тетрахордную организацию на различных высотных уровнях. Ошибка Р. П. Виннингтона-Ингрэма, на наш взгляд, как раз в том, что он трактует понятие тональности в древнегреческом искусстве «в современном смысле слова» (Winnington-Ingram, ук. соч., стр. 71). Рамки статьи не специальной направленности не дают возможности доказать практику тональных модуляций при помощи анализа феномена тетрахордных «родов» с мелкими акустическими делениями тона, являвшимися важнейшим средством не только тональных, но и ладовых модуляций.

[66] К таким выводам приходит Е. Браудо (см. комментарии к переводу Н. Томасова, стр. 34). Трактовка τριμελής как «состоящей из трех μέλη» (Liddell—Scott, Greek-English Lexicon) слишком обща. Взгляд на τριμελής как на «фантазию» Плутарха (Plutarque, De la musique, par F. Lasserre, Lausanne, 1954, стр. 159) ничем не обоснован.

[67] Такого мнения придерживается А. Ф. Лосев (см. А. Ф. Лосев, Античная музыкальная эстетика, М., 1960, стр. 86, 104).

динамично, так как всякий звук в слуховом сознании античности — результат движения, без которого нет звучания; движение — основной фактор звукового бытия.

2. Степень динамизма звукового восприятия зависела от высотного положения звуковой области. Объективность психофизиологических и акустических факторов определяла степень динамизма восприятия звуков различной высоты: чем выше звук, либо звуковая область, тем динамичнее характер восприятия.

Эти специфические особенности музыкального мышления античности повлияли на различные компоненты музыкальной жизни, эстетики и теории. Такое влияние выразилось в следующем: *а*) низкий регистр воспринимался как более естественный и более устойчивый, высокий—напряженно и динамично; *б*) отсюда — более естественным для раннего периода античной музыки было мелодическое движение вниз, обусловленное спецификой исторического этапа музыкального мышления; менее характерно было мелодическое движение вверх; первое по своему содержанию было движением от напряженности к разрядке, к законченности и завершенности; *в*) это отразилось и на развитии древнегреческой системы, которая при расширении своего диапазона вверх и вниз эволюционировала неравномерно, а с большей первоначальной тенденцией развития в сторону нижнего регистра; *г*) становление терминологии системы также основывалось на различном характере восприятия звуковых областей — регистров; *д*) такая черта античного мышления сказалась и в некоторых фактурных особенностях античного музицирования, как, например, изложение мелодии в низком регистре, а сопровождения — в высоком; *е*) благодаря этому в античном музыкальном сознании каждый звуковой регистр ассоциировался со специфически индивидуальными чертами, а поэтому характер образов музыкального произведения зависел от области-регистра, в котором оно исполнялось; ж) своеобразное отношение к динамике восприятия звуковой высотности повлияло на один из факторов ладового мышления античности: чем выше было звучание лада, тем больше была степень динамики его восприятия, что свидетельствует о практике применения тональных модуляций.

Е. В. Герцман

THE APPRECIATION OF HIGH AND LOW SOUND REGISTERS IN ANCIENT MUSICAL THOUGHT

by Ye. V. Gertsman

The author draws the following conclusions from a study of ancient treatises on music. The ancients perceived a sound not as a static entity but dynamically, since to their ear any given sound was the result of movement, without which sound had no musicality. The degree of dynamism in sound-perception depended on the height of the tonal area. Objective psychophysiological and acoustical factors determined the appreciation of sounds at various heights: the higher the key was pitched, the more dynamically the sound was perceived, and vice versa — in direct proportion. These specifica of musical thought in antiquity influenced different aspects of musical life, aesthetics and theory. A low register was felt as more natural and stable, a high register as tense and dynamic. Accordingly, for the ancients the downward movement of a melodic line was felt as being more natural than the less characteristic upward movement, since the former was a movement away from tensity towards relaxation, towards the finishing and perfecting of a musical statement. This found reflection in the development of the ancient Greek system: the upper and lower ranges evolved unevenly, with at first a stronger tendency to develop the lower register, and the terminology of the system developed accordingly. This tendency in musical thought was also expressed in certain peculiarities of ancient musical performance. For example, the melodic line was given in a lower register, the accompaniment in a higher register. Therefore to the ancient mucisal ear each tonal register was associated with specific qualities, and musical imagery was directly related to pitch. This attitude to the dynamics of high and low tonal registers influenced ancient modal theory: the higher a mode was pitched the more dynamically it was perceived, which testifies to the practice of key modulation.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.). Автографические копии, транскрипция, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., Изд-во «Наука», 1968, 306 стр.

Количество доступных специалистам «каппадокийских» табличек [1] пополнилось еще одной солидной публикацией клинописных текстов из Кюль-тепе, находящихся в собраниях Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Десять писем и четырнадцать документов, представленных в рецензируемом издании, были опубликованы В. С. Голенищевым еще в 1891 г. (без чтения и перевода), а шесть писем, столько же документов и несколько фрагментов были изданы В. К. Шилейко в 1921 г. (в частичной транслитерации с переводом). Пятнадцать документов из голенищевской коллекции стали известны специалистам по сборнику староассирийских юридических текстов, изданному Г. Эйссером и Ю. Леви (в 1930—1935 гг.). Все остальные таблички интересующего нас издания публикуются впервые и это особенно повышает интерес к данной публикации.

Автор рецензируемого труда делит все публикуемые тексты на письма (1—77) и документы (78—121), которые датируются, по его мнению, периодом II слоя и слоя Iб Кюль-тепе (абсолютная хронология: XIX — XVIII вв. до н. э.). По содержанию они близки известным до сих пор «каппадокийским» табличкам.

В начале Н. Б. Янковская рассматривает письма торговых организаций (kārum и wabartum, 1—8) о погашении кассовых средств и передаче долговой расписки (1), о сокрытии от дворцового контроля заказов города Ашшура и Каниша (3), о непредусмотренной выплате серебра по долговой расписке (5), об аресте товаров местным правителем (ru-bā'um — 8).

Письма торговых организаций разделены Н. Б. Янковской на информации (9—60) и распоряжения (61—77). К первым отнесены сообщения, например, об утверждении торгового дела с упоминанием правителя Шинахутума (ru-ba-um ša Ší-na-ḫu-tim; 10: y + 3), о распределении, регистрации и оплате тканей (15), о доставке плохой меди вместо хорошей с просьбой оформлять заказы письменно (21), о задержке посыльных (ṣuḫārum; 23), размерах розданных сумм (41), об участниках торгового дела (55), о должниках-компаньонах (56) и т. д. В разделе «Распоряжения» помещены тексты, например, о выплате пошлины дворцу (ēkallum; 61), вывозе товаров из района современного Эльбистана (64), о судебном решении одного дела (66), расходах на нужды торгового общества (68) и т. д.

Далее рассматриваются «Документы». В эту группу текстов входят обязательственные свидетельства (78—97) и особые документы (98—121). В первой подгруппе собраны тексты о ссудах без обеспечения (78—90: процент с просрочки платежа, процент с момента выдачи ссуды) и о ссудах с обеспечением (91—97: надписи под солидарную ответственность компаньонов, под ипотеку хозяйства и заложников из числа членов семьи должника). Вторая подгруппа включает в себя расписки о частичном возврате займа и процентов, а также о возврате займа полностью (98—100), отказы от исковых претензий (101—103), соглашения (104—105), судебные протоколы (106—108) и

[1] Из новых публикаций «каппадокийских» текстов следует отметить: K. Hecker, Die Keilschrifttexte der Universitätsbibliothek Giessen, Giessen, 1966; см. также рецензии на эту книгу: К. Деллер — Or, 37, 1968, № 4, стр. 471 слл.; Л. Матоуш — OLZ, 63, 1968, № 5/6, стр. 247 слл.

фрагменты документов и конвертов (109—121).

Автором рецензируемой книги проделана большая кропотливая работа по копированию клинописных текстов, в результате чего автографические копии интересующих нас документов являются одними из наиболее точных среди изданий «каппадокийских» табличек. Усердно обработанные тексты рецензируемого сборника представляют собой точные прорисовки клинописных табличек и фрагментов, что значительно облегчает чтение документов, в том числе и тех, которые уже были изданы раньше и местами скопированы неточно.

Сказанное выше отнюдь не означает, что все без исключения клинописные копии интересующего нас сборника читаются свободно и убедительно. В этих прорисовках все еще имеются отдельные места, которые не поддаются окончательному чтению. Однако это объясняется не неудовлетворительным качеством прорисовок, а плохой сохранностью некоторых текстов или же неразборчивостью почерка разных писцов. Благодаря остроумным догадкам во время чтений и великолепному знанию материала других клинописных текстов из Кюль-тепе автору удалось прочесть целый ряд неясных мест неопубликованных документов интересующего нас издания.

Автографические копии «каппадокийских» табличек разных изданий обычно не сопровождаются транслитерациями или переводами текстов [2]. Предложенные же Н. Б. Янковской транслитерации документов с переводами и комментариями дополнительно облегчают чтения табличек. Правда, порой приходится не соглашаться с пониманием отдельных слов или выражений того или иного документа (см. ниже), однако из-за далеко неясного написания клинописных знаков иногда трудно заменить их более надежным или окончательным чтением.

К сожалению, в транслитерациях автор не всегда придерживается одной определенной передачи отдельных терминов. Например, слово «мина» пишется то силлабически ma-na (1 : y + 3), то идеографически mana'um (в большинстве случаев); «одежда» написана то шумерограммой TÚG (7 : x +7, 8, 10; 15 : 3, 4, 11, 13 и т. д.), то аккадограммой ṣubātu (15 : 25; 25 : x + 2; 32 : x + 5 и мн. др.). Почти всегда употребляется аккадограмма maḫar, вместо которой иногда стоит и pān (110 : x + 13), и т. д. Сомнительно, что на поврежденных местах надписей сохранившийся знак la всегда обозначает «пусть» (34 : x + 8; 35 : x + 2; 61 : x + 8; 71:x + 2 и др.), а знак ša — «который; то, что» (3 : y + 16; 26 : x + 6; 33 : 9; 34 : x + 2; 35 : x + 1; 36 : x + 2; 42 : x + 9; 60 : x + 2 и др.). В таких случаях их следовало бы оставить без перевода.

Почти каждый текст имеет соответствующую опись, в подавляющем большинстве — лаконичную. Сомнения вызывает определение содержания лишь некоторых фрагментов, сохранивших отдельные клинописные знаки. Н. Б. Янковская старается выяснить содержание и таких фрагментов, восстанавливая их, однако эти восстановления не всегда убедительны.

Исключительный интерес вызывает «Введение» книги, отдельные положения которого публиковались автором и ранее [3]. Рассмотренные в этой части книги вопросы являются самыми актуальными для истории Малой Азии начала II тыс. до н. э.

После сжатого изложения вопросов стратиграфии и относительной хронологии Каниша, а также датировки публикуемых документов (стр. 14—24), Н. Б. Янковская дает краткий очерк характера деятельности Канишской торговой организации (стр. 24—36). Ограничиваясь извлечениями из книги П. Гарелли, автор передает картину торговых путей сначала Малой Азии начала II тыс. до н. э., а далее перечисляет центры добычи металлов (меди, олова, серебра) — основных объектов иноземной и малоазийской торговли. На многостепенном взаимном кредите держалась вся деятельность торгового объединения Каниша (стр. 34).

Вопросы административной структуры Каниша рассмотрены в тесной связи с вопросами внутренней организации канишского торгового объединения (стр. 36—65). Судя по приведенным автором многочисленным фактам, хозяевами положения в стране, включая и рыцки, были местные правители, а не иноземные купцы. Торговля велась на договорных началах, причем условия договоров диктовали сами правители, имевшие право конфискации товара и ареста виновного (стр. 53). В документах почти нет прямых доказательств существования политической власти ассирийцев в Малой Азии. Все это с достаточной ясностью показывает, что следует окончательно отказаться от распространенного в научной литературе мнения, согласно которому kā-

[2] Исключение составляет лишь несколько публикаций, в которых вместе с копиями даются транслитерации с переводом,— см., например, B. Kienast, Die altassyrischen Texte des Orientalischen Seminars der Universität Heidelberg und der Sammlung Erlenmeyer-Basel, B., 1960.

[3] Н. Б. Янковская, Международное торговое объединение Каниша, ВДИ, 1965, № 3, стр. 179 слл.; она же, A System of Rotation of Eponyms of the Commercial Association at Kaniš (Asia Minor XIX B. C.), ArOr, 35, 1967, 4, стр. 524 слл.

rum Каниша был якобы ассирийской колонией или «частью Ассирийской империи», или же «частью ассирийской политической структуры». Канишское объединение было международной, чисто коммерческой организацией, а не политическим институтом (стр. 65 и 90).

Нам кажется совершенно обоснованным перевод автором выражения ana šiprī ša ālim^{Kl} u kārim Kaniš как «послам городской и торговой общин Каниш(а)» [4], ибо ālum данного обращения явно не подразумевает город Ашшур. Согласно Н. Б. Янковской, существовали «посол торговой общины», «посол города», «посол правителя» и «дворцовые послы», причем она подчеркивает, что «сами послы правителя совсем не то же, что послы городской общины и послы торговой общины» (стр. 44). Остается только выяснить, идентичны ли «послы правителя» и «дворцовые послы»? Одновременно следует обратить внимание на то, что если местного правителя (rubā'um) тексты иногда действительно называют и «хозяином города» (bēl ālim), как полагает автор (стр. 44), то в таком случае более целесообразно отождествлять «послов правителя» с «послами города».

Согласно предлагаемой Н. Б. Янковской новой реконструкции внутренней организации канишского торгового объединения, следует различать «собственно местную торговую общину» (kārum) и «иноземное частное купечество» (wēdum). Местная торговая община подчинялась местным властям города, так как она оставалась элементом местной городской общины (ālum) Каниша (стр. 90). Иноземное же купечество (wēdum) было организовано в частные торговые общества, о характере которых подробно говорится во вводной части книги (стр. 53—65). К местной торговой общине было приписано иноземное частное купечество (стр. 65). Связи частных торговых обществ с местным купечеством диктовались целиком необходимостью взаимного товарного и денежного кредита.

В качестве основного аргумента предположения, что kārum Каниш — это торговая организация местных купцов, рассматривается то обстоятельство, что в текстах засвидетельствовано деление товаров торговой конторы (bīt kārim) на товары kārum'a и на товары частных лиц (wēdum, стр. 70). Видимо, торговая контора обслуживала как торговую общину Каниша, так и частных купцов (стр. 71). Здесь следует лишь заметить, что указанное деление товаров на о б щ и н н ы е и ч а с т н ы е вряд ли можно рассматривать как решающее доказательство четкого разграничения м е с т н о г о (т. е. собственно канишского, малоазийского) и и н о з е м н о г о купечеств, так как в частное купечество могли входить и местные частные купцы, существование которых трудно отрицать. Или же «п р о н и к н о в е н и е (разрядка наша.— *Г. Г.*) иноземных купцов в торговую общину Каниша» (стр. 34 сл.) явно предполагает и наличие kārum'a до «проникновения» в Каниш иноземного купечества, «с появлением которого образовалось уже международное торговое объединение» (стр. 65). В таком случае образование kārum'a Каниша придется рассматривать как местную, малоазийскую инициативу, что еще следует доказать (с привлечением и археологических данных). Кроме того, говоря о существовании местной торговой общины, особо следует выяснить, чем было вызвано ее исчезновение вместе с иноземным купечеством к концу I слоя kārum Каниша. Думается, что для окончательного решения поставленных выше вопросов нужно представить более веские доказательства.

Подробно рассматривает автор рецензируемой книги два термина, обозначающие два типа торговых поселений — kārum «пристанище» и wabartum «стан» (стр. 65—73). Оба они — временное местопребывание купцов, причем «стан» всегда представлял иноземный квартал. Н. Б. Янковская устанавливает разницу в характере этих поселений. По ее мнению, «пристанище» имело автономное управление типа городской общины, что не засвидетельствовано для «стана», который подчинялся «пристанищу» (стр. 66 сл.) [5].

Вполне соглашаясь с мнением Н. Б. Янковской, что торговое поселение wabartum административно подчинялось торговому поселению kārum, заметим, что если wabartum действительно лишь иноземный квартал, то почему в источниках не засвидетельствовано его существование почти во всех тех городах (за исключением Зальпы), в которых имелись исключительно поселения kārum? Ведь нам с достоверностью известно, что иноземные купцы проживали именно на территории поселения kārum? А это последнее обстоятельство не указывает ли на то, что там, где существовали торговые организации kārum, не имело смысла создавать торговые поселения wabartum? Мы же не знаем, что wabartum и kārum существовали в Зальпе «одновременно», как полагает автор (стр. 66). Они упомянуты не в одном тексте и притом не рядом друг с другом, а в разных докумен-

[4] Буквальный перевод: «Послам города и kārum'a Каниша».

[5] Нам кажется, что переводы терминов kārum и wabartum не совсем удачны. Не целесообразнее ли оставить эти термины без перевода, как это делает подавляющее большинство специалистов и писать по-русски просто *карум* и *вабартум*?

тах в отдельности [6]. Исходя из этих соображений нам кажется более приемлемым по этому вопросу мнение Х. Леви [7].

Н. Б. Янковская предлагает на редкость оригинальную гипотезу о системе чередования эпонимов торговой организации Каниша, отождествляя срок ḫamuštum с шестидневкой, а limmum — с тысячедневкой (стр. 73—87). Эта система замещения должностей обязательного присутствия имеет огромное значение не только для толкования и датировки юридических текстов, но и для определения срока существования самого торгового объединения. Правда, в связи с предложенной системой ряд положений еще нуждается в тщательной проверке, но новая идея о чередовании эпонимов безусловно остроумна и правдоподобна. Если дальнейшим исследованием подтвердится правильность указанной выше гипотезы, то это будет крупнейшим достижением ее автора.

Рецензируемая книга имеет глоссарий (а) специальных терминов, встречающихся в публикуемых текстах и во «Введении», (б) географических названий и (в) имен собственных, упомянутых в публикуемых документах. К книге добавлено обширное резюме на английском языке (стр. 241—261). Кроме замечаний общего характера, о которых речь шла выше, имеются еще следующие мелкие в отношении чтения документов и «Введения».

1 : y + 9. В транслитерации: mera. В копии: me-ra; там же, V + 10. В транслитерации: i-na kasap. Должно быть i-na kaspi. На стр. 202 (Addenda et corrigenda) вместо i-na kaspi na-ru(?)-qí указанной строки автор читает: i-na kaspi^pl ša a-na-[ki]. Чтение после слова kaspi все же остается сомнительным, так как в клинописной копии не имеется основания для такого чтения; там же, y + 11. В транслитерации: ù ma-lá ú-ta-ru. Вместо этого можно читать: šu-ma lá ú-ta-ru (перед šu стоит разделительный знак).

3 : y + 5. Сомнительно восстановление [i (?)-Kà(?)-n]i-iš. Там же. У автора рецензируемой работы a-na kaspim. Сомнительно чтение знака na. Там же, y + 6. i-na должно быть написано [i-na], так как эти знаки в клинописной копии не сохранились.

5 : 10. [a-li]-ik-ma(?) переводится как «он пошел». Если здесь действительно 3 л. ед. ч., то тогда следует читать [i-li]-ik-ma (allik — форма повелительного наклонения: «иди!»). Там же, 16. Вместо прежнего чтения ba(?)-ri Н. Б. Янковская на стр. 202 пишет, что первые два знака скорее читаются как идеограмма rābiṣum. В клинописной копии после двух неясных знаков написано i-na, после чего следуют разделительный клин и отдельные знаки du, ší (?), ma (?). Там же, 19: на стр. 202 автор исправляет прежнее чтение ša-aq (?)-lá интересующей нас строки на ša e-la. Однако второй знак стк. 16 явно не e; возможно, это gal, qal, и в таком случае все слово можно прочесть как ša-qal-lá.

6 : 4. В транслитерации: [na-áš-par-ta-a]m. Судя по сохранившейся части последнего знака, здесь нет am. Там же, y + 7. iš-tu вместо iš-tì.

8 : 1. В транслитерации: kà-ri-i[m]. Чтение ошибочно, так как второй знак слова не ri, а ḫu (вызывает сомнение и чтение первого знака как kà).

9 : x + 5. Малоубедительно чтение собственного имени Šu-^dSu-en, ибо последний знак слова трудно прочесть как en, а предпоследний как su. Вместо en мы читаем líl (этот знак похож на zu, ṣu), а вместо su — знак en. В итоге получаем: Šu-^dEn-líl.

11 : x + 2. Чтение lá-ta(?)-aq(?)-ni очень сомнительно. Здесь написаны знаки lá, šu и далее wa, ku, lí (ni). Данное место надписи, быть может, надо читать как EN(bēl) wa-ku-lí. Там же, x + 9: вместо Zu-na(?)-num возможно чтение ú-ki-num.

12 : 2. В транслитерации ú Ba-ni-ma. Не исключено, что здесь речь идет только об одном лице — отправителе письма, имя которого оканчивается на -bani. Ср. стк. 5, где, по всей вероятности, отправитель письма говорит в первом лице ед. ч. Там же, 9: более убедительной выглядит поправка автора (стр. 202), что вместо прежнего Bani данной строки можно читать предлог pāni.

13 : 13. Н. Б. Янковская читает: [...]ma(?)-tim «стране» (?). Возможно, это — окончание какого-либо слова (ср., например, ku-ru-ma-tim).

14 : y + 13. Несмотря на поправку автора чтения ú(?) ^dAmurru на [a]-na ^dAmurru (стр. 202), нам кажется более вероятным прежнее чтение данной строки, так как первый знак, судя по копии, явно не na.

15 : 9. В транслитерации [i(?)-la(?)]-pì-[it(?)]. Непонятно, чем обосновано такое восстановление.

16 : 1. Начало текста все же остается неясным. Ср. поправку автора (стр. 202). Там же, x + 14. В транслитерации: ší-it-tam. Согласно клинописной копии здесь написано что-то другое. Там же, x + 15. i-ré-dí(!). Там же. Автор читает: re-ba-at. Однако re вызывает сом-

---

[6] R. Hardy, The Old Hittite Kingdom. A Political History, AJSL, 58, 1941, 2, стр. 179, прим. 6.

[7] H. Lewy, Notes on the Political Organisation of Asia Minor at the Time of the Old Assyrian Texts, Or, 33, 1964, 2—3, стр. 196.

нение (так как написанный на этом месте знак вначале имеет два горизонтальных клина). Не исключено, что здесь стоял знак для ṣu, в таком случае получилось бы ṣu-ba-at. Там же, x + 16. a-la-ki. Возможно, здесь имеется в виду allāku «гонец, курьер». Там же, x + 18. Согласно транслитерации a-ba (?)-ta-aq, однако после первого знака стоит разделительный клин.

19 : 23—24. Автор переводит a-na ga(!)-lá-bu-tim как «на саперную работу», что неверно. Слово gallābūtu обозначает официальную стрижку волос у рабов — см. также CAD, Ṣ, стр. 233 (в интересующем нас месте текста речь идет о посыльном — ṣuḫāru); там же, 34. Слово ṣuḫrum переведено как «семья». Однако в специальной литературе данное слово переводится как «дети (в собирательном значении); юноша» (CAD, Ṣ, стр. 236).

20 : 8. mār вызывает сомнение, так как в клинописной копии на месте этого знака стоит ú. Там же, 15. kaspam-mí-in. Однако здесь возможно и чтение ša mí-in.

22 : 8. ù-pa-tù(du) вместо ù-pa-tá.

31 : 2. Сомнительно чтение Kà(?)-ni(?)-iš.

33 : 22. В транслитерации: a-na. В клинописной же копии трудно прочесть знак na. Там же, 23. Вместо i-dí-nu-ma следует читать i-din-nu-ma. Там же, 30. В транслитерации: u-še-bi_4-lu-šu-nu. В клинописной копии на месте u стоит i, а знака bi_4 вообще нет.

38 : x + 6. Вызывает сомнение восстановление [be(?)-ú(?)-lá-tá]m (?) sà-r[i-dam(?)], так как сохранились лишь знаки za (sà) и ri.

41 : 7. Автор читает a-na, однако на месте a в копии стоит один вертикальный клин, следовательно, здесь написано либо «1», либо же идеограмма ana, после которой следуют знаки na, a и др.

43 : x + 3 и x + 6. В этих строках вполне определенно читаются знаки ša, il_5, qá, tí (нет ли здесь имени собственного ša Il_5-qá-tí?). Поэтому поправка автора на стр. 203 кажется менее вероятной.

44 : x+6. Слова um-ma в копии вообще нет. Видимо, автор восстанавливает его.

46 : 4. В клинописной копии имеется цифра «20», а не «10». Кроме того, начало цифры повреждено.

55 : x + 10. Сомнительно чтение a-wa-tám. Там же, x + 13. опущен детерминатив перед Amurru-ba-ni.

62 : x + 1, x + 3. Здесь вызывает интерес написание детерминатива лиц перед Sà-ak-li-a и ší-ip-ri-ni.

66 : x + 3. В транслитерации: l[á] Kà-ni-$iš^{KI}$. Такое чтение кажется очень сомнительным. Во-первых, знак lá вообще не поврежден; во-вторых, к данной строке не относится клин ki, написанный в конце сткк. x + 6 (!); в-третьих, вместо kà должно быть am. Если в данном месте надписи действительно не написано lá Kà-ni-iš, то, возможно, здесь надо читать lá-am-ni-iš «скверно, сердито» (наречие от lamnu), что согласуется и с контекстом. Как нам кажется, не убедительны и чтения сткк. x + 6 (ku-ta-na) и x + 7 (lu-ta-ir (!)-šu-um), так как в данном случае необоснованы перестановки отдельных знаков с одной строки в другую. Судя по клинописной копии, в стк. 7 четко написано только mí-šu-um (ср. стк. x + 2 данной надписи), а не ir-šu-um, как полагает автор (именно к этим знакам присоединены lu-ta предыдущей строки). Прочесть сткк. x + 6 пока не удается, хотя отчетливо видны знаки в следующей последовательности: ku, ta, lu, ta, ki, na. Там же, x + 12. Чтение автора [ ]ù iš-tí; однако, если судить по сохранившейся части клина, вместо ù здесь написано [m]a, перед которым следует восстановить [qí-bí-]; в итоге получается: $_{x+10}$um-ma A-mur-ll-ma $_{x+11}$a-na Ku-uk-ra-an $_{x+12}$[qí-bí-m]a iš-tí...

67 : 18. Чтение автора $GUŠKIN^{NA}$ — неверно. В тексте имеем: kaspam gin-na (как у В. К. Шилейко). Как известно, ginnu — это знак на серебре, показывающий его качество. В документах засвидетельствовано и kaspu ginnu (CAD, G, стр. 79).

73 : 7. В транслитерации: [ni-is]-ḫa-tim. Подобное окончание имеется у многих слов, ср., например, [Bu-ru-uš]-ḫa-tim (см. 1 : 3; 14 : y + 3).

80 : 6. В транслитерации:]-a-tim. В копии:]-a-tum. Там же, y + 3 (в копии стк. 16) : [ú (?)]ṭá-tum. Однако возможно и [qá-]ta-tum (ср. 106 : 8).

99 : 1. Автор читает: 1 šiqlī ḫurāṣam ša ṣibtim (?). В клинописной же копии после ḫurāṣum стоит kī, «как, подобно». После ḫurāṣum (GUŠKIN/KÙ.GI) наречие kī встречается и в других текстах (ср., например, x MA.NAKÙ.GI kī kaspišunu CAD, H, стр. 241). Вызывает сомнение чтение последнего знака интересующей нас строки — ṣibtum, ибо здесь написано am (точно такую форму имеет этот последний клин и в 109 : 1).

В эпическом рассказе «Царь битвы» засвидетельствована форма Буршаханда (= хетт. Пурусханда), а не Бурушхаттум (стр. 18 сл.) — название, встречающееся в «каппадокийских» текстах. Кроме того, исходя из данных «каппадокийских» документов, нужно писать Хаттуш (когда дело касается периода указанных выше табличек), а не Хаттуша (стр. 22). Эта последняя форма употреблялась в хеттских текстах [8].

[8] Исключение составляет единственный текст из Мари, в котором использо-

На стр. 17 рецензируемого труда отмечено, что торговая контора bīt kārim на Кюль-тепе не обнаружена. Однако следует принять во внимание, что раскопки на территории kārum'a (как и на холме Каниша) пока еще не закончены.

Традиция аккадского периода, отражающая события военных походов в сторону Малой Азии, сохранилась еще в древнехеттскую эпоху, что хорошо видно из одного места «Анналов Хаттусили», согласно которому «Саргон (Аккадский) перешел Евфрат» [9].

На стр. 23 говорится о том, что «В архивах Амкувы (т. е. совр. Алишара) упоминается Питхана». Однако, как известно, в текстах из Алишара о Питхане нет и речи. В указанном архиве встречается только имя Анитты. Питхана и Анитта упомянуты вместе лишь один раз, в так называемой «Луврской» табличке [10], происхождение которой не установлено. Согласно автору, «Анитта — основатель хеттского Древнего царства» (стр. 23). Хеттологи же воздерживаются от такого заявления, так как сами хетты не считали Анитту «основателем» царства, считая таковым Лабарну.

Перечисляя торговые поселения wabartum (стр. 67), автор не упоминает Карахны (Karaḫna) [11]. Выражение «хеттские купцы» (стр. 72) неприемлемо для эпохи «каппадокийских» табличек. Лучше писать «малоазийские/местные купцы».

Заканчивая рецензию, считаем нужным еще раз напомнить читателям о трудоемкости работы, проведенной Н. Б. Янковской, без огромных усилий которой многие «каппадокийские» таблички, видимо, еще долго остались бы недоступными для исследования. Остается только поблагодарить автора рецензируемой книги, давшего возможность широким кругам специалистов ознакомиться со всеми клинописными текстами из Кюль-тепе, находящимися в различных собраниях СССР.

Г. Г. Гиоргадзе

вана форма Хаттуша,— см. G. Dossin, Une mention de Hattusa dans une lettre de Mari, RHA, 35, 1939, стр. 70 слл.

[9] H. G. Güterbock, Sargon of Akkad Mentioned by Ḫattušili I of Ḫatti, JCS, 18, 1964, 1, стр. 1 слл.

[10] J. Lewy, La chronologie de Bitḫāna et d'Anitta de Kuššara, RHA, 3, 1934, 17, стр. 1 слл.

[11] J. Lewy, On Some Institutions of the Old Assyrian Empire, HUCA, 27, 1956, стр. 59, прим. 251.

A. UGUZZONI, F. GHINATTI, Le tavole greche di Eraclea, Roma, 1968, 237 стр.

В последнее время кафедра древней истории Падуанского университета провела ряд исследований по истории древней Лукании, в том числе и Гераклеи; археологическое изучение территории древней Лукании предприняли Главное управление по изучению древностей Базиликаты и Археологическая миссия Гейдельбергского университета. В связи с этим кафедра древней истории Падуанского университета признала необходимым переиздание Гераклейских таблиц. Работа осуществлялась в сотрудничестве с кафедрой языкознания Болонского университета. Седьмым томом публикаций трудов кафедры древней истории вышли «Греческие таблицы из Гераклеи», состоящие из двух частей. Первая часть — «Лингвистический анализ» — написана Арианной Угудзони, вторая — «Исторический анализ» — Франко Гинатти.

Первая таблица трактует вопросы, связанные со сдачей в аренду священных земель Диониса, вторая, сохранившаяся неполностью, посвящена упорядочиванию угодий храма Афины Полиады [1].

Как явствует из данных первой таблицы, в условиях смутного времени отдельные землевладельцы самовольно прирезали к своим наделам участки священ-

[1] Перевод на русский язык см. в кн.: Э. Фельсберг, Исследования в области Ираклийских таблиц, Юрьев, 1905, стр. 23—34. См. частичный перевод первой таблицы — Г. Пригоровский, Греция, М.— Л., 1925, стр. 91—94.

ной земли. С восстановлением порядка в государстве народное собрание гераклеотов приняло решение упорядочить аренду храмовых земель, для чего была образована специальная комиссия ористов. От лица членов этой комиссии в преамбуле (сткк. 1—93) сообщается о проведенных ими мероприятиях по измерению и отмежевке священных земель от сопредельных частновладельческих угодий. В целях полного восстановления священных земель ористы провели тридцатидневный процесс против лиц, аннексировавших почти треть пахотных угодий храма Диониса. Ористы образовали четыре крупных участка, в которые наряду с пахотными землями были включены также пустошь, заросли и лес (см. приводимую ниже таблицу). Эти участки были сданы в пожизненную аренду (κατὰ βίω) в целом за 410 медимнов и 1 каддих зерна в год, 300 из которых приходились на арендную плату с возвращенных от частных лиц земель. Образованные ористами участки отграничивались сетью межевых знаков, местоположение которых было четко зафиксировано в надписи.

Со стк. 94 следует основной текст надписи — договор о сдаче земель Диониса в аренду. Договор заключается между магистратами города и арендатором, который обязывается соблюдать ряд условий. Прежде всего он должен каждые пять лет предоставлять поручителей и ежегодно выплачивать установленные меры зерна. Сдача ячменя в государственные амбары должна происходить в одно и то же время — накануне месяца Панама, однако не возбраняется и досрочная поставка зерна. Арендатор может завещать землю в наследство, передавать право пользования или передоверить ее другому лицу, которое в свою очередь обязано также предоставлять поручителей. Арендатор, не представивший поручителей или не выплативший арендную плату в срок согласно условиям договора, должен выплачивать полианомам и ситагертам двойную арендную плату и компенсацию, причем все насаждения и сооружения на арендуемой земле конфискуются в пользу государства. Далее следуют правила, которых должен придерживаться арендатор каждого из четырех участков в отдельности. Так, арендатору первого участка предписано засадить не менее десяти схенов виноградной лозы и не менее четырех олив на каждом схене пригодной для этого земли. Арендатор не должен сводить имеющиеся деревья (с некоторыми оговорками), возводить насыпи и рвы; он также не имеет права закладывать ни земли, ни строения.

Далее продолжается изложение условий сдачи в аренду определенных ористами четырех участков на священной земле. В заключение (сткк. 180—187) сообщается, кто и за какую цену снял в аренду эти участки.

Во второй таблице речь идет об аналогичных мероприятиях, предпринятых гераклейцами в отношении священных земель Афины Полиады. В своей вводной части этот документ аналогичен таблице I: сначала сообщается состав комиссии ористов, затем излагаются принятые ими меры по восстановлению храмовых угодий (сткк. 1—41). Далее говорится о том, какие участки и где были ими образованы и за какую плату каждый из них был сдан в аренду (сткк. 42—111). На описании шестого участка надпись обрывается.

В первой части рецензируемой книги приведены тексты обеих таблиц (перевод которых на итальянский язык, выполненный Франко Сартори, помещен в приложении), очерк фонетико-морфологических особенностей их языка (стр. 29—59) и небольшой словарик терминов, требующих особого разъяснения (стр. 59—74). В заключении (стр. 74—78) рассмотрены основные характерные черты языка надписи в их историческом аспекте.

Известно, что эти таблицы являются основным источником не только по гераклейскому говору [2], но и по тарентинскому [3], довольно скудно представленному в эпиграфических документах [4]. В диалектологии принимается, что гераклейские таблицы воспроизводят основные черты фонетического и морфологического строя тарентинского говора. А. Угудзони, сопоставив особенности языка Тарента и Лаконики, отмечает следующие основные отличия языка колонии от языка метрополии: 1) *di̯, *gi̯, *gʷi̯ > ζ; 2) обусловленное усечение (апокопа) предлога κατά; 3) сохранение интервокальной сигмы; 4) тематический инфинитив на -εν. Эти факты определяются независимой эволюцией двух говоров после общей фазы развития. В большей части этих случаев именно язык Тарента предстает более архаичным благодаря консервации того состояния, в котором должен был находиться язык Лаконики в эпоху вывода колонии (традиционная дата по Евсевию — 706 г.). Языку Тарента и Лаконики свойственны следующие основные моменты: 1) сужение ε в ι

---

[2] А. Угудзони, согласно принятой в западной литературе практике, употребляет термин диалект (гераклейский, тарентинский); в русской терминологии язык отдельного города правильнее называть говором.

[3] Гераклея была основана Тарентом и Фуриями в 432 г. на месте Сириса.

[4] E. Schwyzer, Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora, Hildesheim, 1963, № 58—61.

перед темными гласными; 2) контракция εε, οο, οε в η, ω; 3) отсутствие заменительного удлинения, обычно обуславливаемого падением *дигаммы*, после плавных и носовых. Однако, если судить строго, эти изоглоссы, распространяющиеся также и на другие говоры, не должны были бы рассматриваться в качестве типичных для связи метрополия — колония. Отсюда А. Угудзони полагает возможным определить язык Тарента как говор в себе, серией изоглосс связанный, главным образом, со «строгим» дорическим языком. С другой стороны, присутствие некоторых додорийских элементов в тарентинском говоре навело некоторых историков на мысль об участии аркадского этноса в основании Тарента [5].

Далее А. Угудзони отмечает, что датировка надписей концом IV в. подтверждается только лишь начавшимся влиянием койне на тарентинский говор. Если фонетическая система языка таблиц весьма архаична, то многие морфологические, синтаксические и лексические моменты довольно развиты.

Лингвистический анализ, проведенный А. Угудзони, справедливо заслуживает высокой оценки. Можно спорить лишь по поводу тех или иных дефиниций некоторых положений автора. Например, присутствующие в языке таблиц языковые факты, отличные от дорийских, вряд ли можно целиком приписывать только влиянию койне, как это делает автор (стр. 77). Гераклея, как известно, была основана совместно Тарентом и Фуриями (συνοικῆσαιμὲν κοινῇ — Антиох у Страбона, VI, I, 14), т. е. население ее было смешанным ионийско-аттическо-дорийским. Эта композитность населения Гераклеи отчетливо проявилась, например, в номенклатуре должностных лиц города (см. стр. 153 сл.). Смешанность населения Гераклеи не могла не сказаться и на ее говоре: гибридные формы Fείκατι и εἴκα, как и употребленное три раза hοι вместо обычного τοί, и являются, на мой взгляд, следствием узуса двух диалектальных форм в говоре одного города. В этой связи могу сослаться на факты современного новогреческого говора села Чердаклы (в Приазовье), где смешанность населения обусловила употребление различных лексических форм. Так, например, часть населения говорит mátia «глаза» (димотическое — matia), другая часть — máča (ti > či); čilía и tilía «живот» (при димотическом koeliá), а также bdária и pudária (димотическое podária) и т. д. В этих формах зафиксированы различные стадии прохождения ряда фонетических процессов свойственных в целом приазовскому новогреческому диалекту. Эти различные лексические формы бытуют в одном и том же селе именно благодаря смешанности населения, обусловленной в первую очередь брачными связями жителей греческих деревень.

С другой стороны, употребление тем Foικ- и Fεργ- без дигаммы, как и некоторые формы числительных, определенно можно приписать вместе с А. Угудзони общей тенденции — влиянию койне: совершенно аналогичное явление наблюдается, например, в близкой по времени и местонахождению дорийской надписи с Черной Керкиры: Foικ-, Fέτας без дигаммы, πρῶτος, τέσαρα [6].

Вторая часть исследования — «Исторический анализ» — состоит из трех глав: Факты; Гераклейское общество; Мероприятия полиса. В первой главе (стр. 89—106) разбираются следующие вопросы: внутренняя хронология, захват храмовых земель, примерная абсолютная хронология, упорядочивание аренды, процессы против крупных землевладельцев.

В противоположность некоторым исследователям автор справедливо отмечает, что принятие обоих документов отделено друг от друга небольшим промежутком времени (стр. 89—90). Весьма существенны суждения автора по поводу термина πόλεμος: войны или гражданские раздоры способствовали захвату отдельными лицами священных земель; сельское население бежало, земля приходила в упадок — необработанные площади составляют бóльшую часть всей земли (стр. 96 сл.). С течением времени положение улучшилось, и стали возможными мероприятия по упорядочиванию аренды священных земель. Далее делается попытка установить абсолютную хронологию обоих памятников (стр. 98—99). Город был долгое время в состоянии войны и беспорядка, которое сменилось периодом спокойствия и мира. Такое положение имело место после экспедиции Александра Молосского (326 г.) и войн Пирра. Большинство исследователей склоняется к первой дате. Затем автор рассматривает мероприятия гераклейцев по упорядочиванию системы землепользования (стр. 99—104).

Глава вторая (стр. 109—162) состоит из 4 разделов: географическая среда, этнический состав страны, политический строй государства, культы Афины и Диониса. В первом разделе (стр. 111—124) рассматривается экологическая среда Гераклеи и ее определяющая роль в отношении агрикультуры, охоты, рыболовства, ремесла и торговли. Автор, сум-

[5] G. Giannelli, Culti e miti della Magna Grecia, Firenze, 1963, стр. 26—27; P. Wuilleumier, Tarente, P., 1939, стр. 34 сл.

[6] Schwyzer, ук. соч., № 147.

мируя известные нам факты, показывает, что город в эпоху составления таблиц испытывал значительный экономический подъем. Уровень жизни был достаточно высок, процветала торговля с варварским населением окрестных гор и с греческими городами Южной Италии. Однако Гераклея уже стояла на пороге кризиса. Местное горское население, долгое время пребывавшее в мирных сношениях с греческим миром, уже начинало надвигаться на процветавшие эллинские города, привлекаемое лучшими условиями существования на прибрежной полосе.

Во втором разделе этой главы рассматривается этнический состав населения Гераклеи и ее хоры (стр. 125—145). Автор констатирует, что большинство жителей Гераклеи составляли греки, наряду с которыми было немало местного эллинизированного населения. В городе был небольшой слой метеков, связанных с торговлей и ремеслом, и совершенно незначительное число рабов. Граждане города разделялись на группы семейств, объединенных в ассоциации, которые имели целью защиту и сохранение родового имущества от разлагающего внешнего влияния, исходящего в основном от проникающих в город туземных элементов. Однако в целом гераклейское общество довольно динамично в этническом отношении. Встречающиеся в таблицах знаки, предшествующие именам ряда лиц, представляют собой эмблемы, являющиеся средством идентификации арендаторов и магистратов, сдававших в наем участки и несших ответственность за заключенный контракт. Эти эмблемы состоят из слова-символа, указывающего на принадлежность к определенной близко родственной группе, и двух букв алфавита под чертой, указывающих на то, что все семьи города были зарегистрированы под определенными знаками, которые выражали юридическое и социальное тождество каждой отдельной личности.

В третьем разделе второй главы (стр. 147—158) рассматривается организационная структура гераклейского общества. Магистратуры полиса были весьма разнообразны и обладали довольно узкой сферой деятельности, особенно те, которые были связаны с агрикультурой. Интересно сосуществование различных магистратур, присущих в отдельности дорийскому и ионийскому мирам; это явление обусловлено тем, что основатели Гераклеи происходили из дорийского Тарента и ионийских Фурий.

В третьей главе (стр. 165—218) подробно рассматриваются мероприятия города по упорядочиванию аренды священных земель Диониса и Афины. В заключении (стр. 221—223) вкратце суммируются результаты проведенного автором исследования гераклейских таблиц.

Прежде всего следует отметить, что работе Ф. Гинатти свойственны тщательность анализа, умелая систематизация фактического материала, осторожность суждений. Довольно широк и круг поставленных им проблем. В целом работа заслуживает высокой оценки. Вместе с тем некоторые вопросы могли бы быть разработаны более глубоко. В первую очередь это относится к исследованию ряда вопросов данных гераклейских таблиц об арендной плате за участки земель Афины и особенно Диониса.

Не буду спорить о том, насколько необходимы выведенные автором средние величины стоимости каждого участка земли Диониса, полученные путем деления размеров арендной платы на количество схенов культивированной земли (стр. 207, a, b, c, d). Эти цифры показывают в сущности лишь то, что эти участки были оценены полианомами по-разному, что ясно и без этого. Но выведенная автором средняя величина стоимости всей культивированной земли Диониса представляется необоснованной (стр. 206), так как нельзя смешивать землю, восстановленную для храма, с угодьями, всегда остававшимися у него: сами составители надписи четко различают эти две категории земли, особо выделяя размеры арендной платы за них в отдельности (сткк. 39—53).

Методика В. Кампса, которую Ф. Гинатти применил в расчетах, относящихся к IV участку (стр. 207—208), предполагает ряд допущений, поэтому следовало бы отметить, что в качестве посылки принимается одинаковое качество земель, отнятых как у Герода, так и у Финтии. Анализ аренды четвертого участка намного бы выиграл, если бы автор исследовал ее и при обратной посылке о неравноценности земель, возвращенных от Финтии и Герода. В основу этих расчетов можно было бы положить данные, сообщаемые в сткк. 39—53 первой таблицы.

Существенный недостаток работы Ф. Гинатти состоит в преувеличении роли виноградников при начислении арендной платы за тот или иной участок, что отчетливо можно видеть, при анализе аренды земель Афины. Автор относит большую разницу в арендной плате за различные участки в первую очередь на счет виноградников (стр. 186—190). Для большей ясности вопроса приведу округленные данные второй таблицы о размерах арендуемых участков и плате за них (см. следующую страницу).

Достаточно сослаться на участки II и III секторов, где разница в размерах виноградников мизерна, а в величине арендной платы — существенна, чтобы показать несостоятельность идеи автора о доминирующей роли виноградников в исчислении величины арендной платы.

Наиболее существенным недостатком

Участок	Площадь пустоши (ψιλᾶς) в схенах	Площадь виноградников (ἀμπέλων) в схенах	Ежегодная плата в медимнах	Примечания
I сектор				
1	133	4	53/54	
2	123	16	139	—
II сектор				
1	51	8	89/90	
2	63	8	126/127	Участок с домом
3	66	7	126	
4	68	15	126	
III сектор				
A	62	6	171/172	
B	59	6	91/92	Участок с домом
C	63	6	61/62	
D	48	6	47	
E	64	7	116	
F	30	8	—	

работы Ф. Гинатти представляется полное отсутствие использования эпиграфических параллелей при анализе обеих таблиц. Привлечение эпиграфических аналогий могло бы оказать существенную помощь в исследовании ряда вопросов. Я имею в виду прежде всего документы об аренде земельных угодий (типа IG, I², № 94, 325, 377 и др.). Так, например, меры по выполнению обязательств в отношении оливковых насаждений (I, сткк. 122—124) интересно сопоставить с аналогичными предписаниями гражданской присяги из Дрероса, устанавливающей штраф в 50 статеров [7]. Полученную автором среднюю стоимость одного схена виноградника (6,654 медимна) можно было бы сопоставить с данными одной из синхронных амфипольских купчих, в которой сообщается, что 6 плетров виноградника продано за 320 драхм [8]. Один схен виноградника в Амфиполе оценивался, таким образом, в 64 драхмы или, при средней стоимости одного медимна хлеба в 5 драхм, примерно в 13 медимнов, т. е. в два раза дороже, чем в Гераклее. Привлекая известные нам данные [9], можно было сравнить арендную и продажную стоимости различных категорий земли, в том числе и виноградников в Южной Италии и других областях эллинского мира.

Полезно было бы также привлечь аналогичный эпиграфический материал из Галикарнасса (продажа священных земель [10]) и Хиоса [11].

Мне трудно разделить оптимизм автора в отношении исследования так называемых родовых эмблем: несмотря на труды Г. Кайбеля [12], Ф. Сартори [13] и самого Гинатти, эти знаки еще прочно таят от нас свое подлинное значение. Единственное, что можно предполагать с некоторой долей уверенности,— это родственная связь лиц, в том или ином отношении связанных с арендой священных земель. Так, отцом арендатора Бормиона и его брата и поручителя Аркада мог быть орист Филота, сын Гистиея. Арендатор Дамарх, сын Филонима, видимо, приходится братом полианому Филониму, сыну Филонима; их отцом мог быть орист Филоним, сын Зопириска. Орист и поручитель Аполлоний, сын Гераклета, мог приходиться отцом полианому Аполлонию, сыну Аполлония. На мой взгляд, некоторые из лиц, имевших отношение к аренде земель Диониса, были связаны друг с другом родственными узами и, возможно, входили в определенную олигархическую группировку, в результате деятельности которой был нанесен существенный удар другой группе крупных землевладельцев, состоявшей из Финтии, сына Кратина, Герода и, видимо, Конеи, сына Диона, у которых были отняты крупные массивы узурпированной ими храмовой земли. Таким образом, можно предполагать, что в Гераклее в период, предшествовавший составлению таблиц, происходила борь-

[7] Schwyzer, ук. соч., № 193, сткк. 157—165 (III—II вв.).

[8] D. Lazaridis, Trois nouveau contrats de vente à Amphipolis, BCH, 85, № 2 (1961), стр. 431.

[9] E. Cavaignac, Prix de terres dans la Grèce..., REG, LXVI (1953), стр. 95 сл.; В. Н. Андреев, Цена земли в Аттике IV в. до н. э., ВДИ, 1960, № 2, стр. 47 сл.

[10] Schwyzer, ук. соч., № 745 (V в.).

[11] «Sammlung der griechischen Dialektinschriften», Bd 3, Hälfte 2, Göttingen, 1905, № 5661.

[12] IG, XIV, стр. 174.

[13] F. Sartori, Eraclea di Lucania, 1967, стр. 64—65 (мне недоступна).

ба олигархических группировок, в результате победы одной из которых была проведена реформа аренды земельных угодий Гераклеи.

Магнаты, захватившие в смутное время чуть ли не половину пахотной земли храма Диониса, были привлечены к суду (I, сткк. 36—50). Отнятые у Финтии и Герода земли (303,5 схена) были хорошо культивированы — за них начислено 300 медимнов годовой арендной платы, в то время как за 791,5 схена обработанной земли, остававшейся у храма,— всего 110 медимнов (сткк. 50—53). Средняя стоимость одного схена «возвращенной» обработанной земли равнялась медимну, а остававшейся у храма — 0,14 медимна. Один схен сданной в аренду земли Афины оценивался в 1,3 медимна. Не исключено, что начисление арендной платы производилось не только в соответствии с естественными качествами земли, но и в зависимости от того положения, в котором арендатор находился по отношению к правившей олигархической группе. Мне представляется, что политические соображения играли здесь не последнюю роль, так как одними естественными свойствами почвы ни в коей мере нельзя объяснить громадные колебания в арендной плате за одинаковые, подчас смежные участки земли Афины (см. приведенную выше таблицу).

Авторы рецензируемой книги провели большую библиографическую работу — ими было учтено и критически пересмотрено большое число исследований, посвященных лингвистическому и историческому анализу Гераклейских таблиц. Вне поля зрения Гинатти осталась лишь работа Э. Фельсберга. На мой взгляд, будет небезынтересным привести выводы этого исследователя. По мнению Фельсберга, священные земли Афины Полиады находились на правом берегу реки Акирис, к востоку от Гераклеи, а земли Диониса — на том же берегу, но к западу от города. Гераклейская система мер была заимствована из Египта: сначала земли Афины были разделены на гюи, в конце же IV века гераклейские ористы приняли другую, несколько большую меру — квадратный схен, каждая сторона которого равнялась 30 оргиям. Орегмат и фут как полевые меры обозначали не квадраты, а полосы в схен длиной, шириной же — в орегмат и $\frac{1}{4}$ орегмата соответственно. Гераклейский каддих — это обычный хой. Арендная плата за виноградники и хорошую пахотную землю была довольно высока, достигая трети урожая.

В заключение остается еще раз отметить не только высокую тщательность и скрупулезность лингвистического и исторического анализа данных Гераклейских таблиц, но и плодотворность творческого содружества историка и лингвиста.

В. П. Яйленко

J. H. SCHREINER, Aristotle and Perikles. A study in historiography, Osloae, 1968 (Symbolae Osloenses, fasc. supplet. XXI), 138 стр.

Заглавие книги норвежского ученого И. Г. Шрейнера обещает разбор тех мест в произведениях Аристотеля, которые посвящены Периклу и его деятельности. Главным образом речь должна идти об «Афинской Политии», отчасти о «Политике». В действительности автор ставит перед собой гораздо более широкую задачу — выяснить, какие источники лежат в основе всей исторической части «Афинской Политии» Аристотеля.

Решение этого важного источниковедческого вопроса у Шрейнера резко отличается от решений, предлагавшихся до сих пор другими учеными. Поэтому особого внимания требуют к себе самые предпосылки всех рассуждений Шрейнера, выдвинутые им во II главе книги (стр. 13—20).

Предпосылки эти следующие:

1. Аристотель, работая над «Афинской Политией», естественнее всего должен был обратиться к специальной литературе, непосредственно относившейся к его теме, т. е. к произведениям, в которых излагалась история Афин, к так называемым «Аттидам», притом к новейшим, опубликованным незадолго до этого времени.

2. Столь занятый автор едва ли имел перед собой более двух или максимум трех свитков, т. е. два или максимум три сочинения по истории Аттики.

3. У Аристотеля не было времени разбираться в «лабиринте греческой историографии IV века», не говоря уже о всемирной истории Эфора.

4. Труды Геродота и Фукидида могли быть полезны Аристотелю только для ограниченных периодов истории Афин. В отдельных случаях Аристотель заглядывал в них, о чем свидетельствует прямая ссылка на Геродота (14,4). Отсутствие указателей очень затрудняло наведение справок в свитках объемистых произведений Геродота и Фукидида.

5. Можно допустить обращение Аристотеля к документальному материалу, хранившемуся в архиве. Нам известно, что его перу принадлежит особое сочи-

нение об аксонах Солона, на которых были написаны законы,— это явное доказательство интереса Аристотеля к подлинным документам. Однако о непосредственном отражении официальных материалов в «Афинской Политии» Аристотеля мы имеем право говорить только в тех местах трактата, где этот материал прямо приводится.

6. Никто из исследователей, писавших об «Афинской Политии» Аристотеля, не сомневается в том, что последний использовал в качестве одного из своих источников «Аттиду» Клидема. Своеобразие точки зрения Шрейнера заключается в том, что он предлагает ссылки Аристотеля на δημοτικοί относить к одному только Клидему.

7. За ссылкой на ἔνιοι («некоторые»), по толкованию Шрейнера не демократы и не олигархи, скрывается аттидограф Андротион, «Аттида» которого появилась в конце 40-х гг. IV в. Этот Андротион был сыном Андрона, умеренного олигарха конца V в., из круга лиц, группировавшихся вокруг Ферамена. Отданный отцом в обучение Исократу, который, находясь в окружении демократов (слева) и олигархов (справа), искал себе союзников среди основателей афинской демократии (Солон, Клисфен), Андротион усвоил взгляды своего учителя, т. е. идеологически был далек как от крайней олигархии, так и от радикальной демократии. В конце 40-х гг. Андротион, опасаясь, вероятно, своего врага Демосфена, бежал в Мегары, чтобы уже больше не возвращаться в отечество. В изгнании он и написал свою «Аттиду», проникнутую, надо думать, враждебным отношением к радикальной демократии и чистой олигархии (так можно заключить на основании изучения взглядов Исократа). По всей вероятности, Ферамен, как вождь умеренных, изображался в Аттиде в самом благоприятном свете. Правда, сознается Шрейнер, у нас нет фрагментов Андротиона, подтверждающих такие предположения, зато есть, по-видимому, заимствованная у Андротиона характеристика Ферамена у Аристотеля и Эфора (у которого ее взял Диодор — XIV, 3—5) — тот и другой изображают Ферамена противником необузданной олигархии.

8. На время между опубликованием «Аттиды» Андротиона и временем работы Аристотеля над «Афинской Политией» приходится написание «Аттиды» Фанодема, от которой сохранились жалкие остатки. Обычно считается, что Аристотель не пользовался этим сочинением. Основанием для такого заключения служат два обстоятельства: во-первых, ни один фрагмент «Аттиды» Фанодема не отражен у Аристотеля; во-вторых, фрагменты Фанодема носят не политический, а антикварный характер, что дает повод думать о таком же характере всего сочинения. Шрейнер на это возражает: трудно полагать, что «Аттида» Фанодема была чужда вопросам политики и чтобы Аристотель, пользовавшийся трудами Клидема и Андротиона, оставил без внимания более новый труд Фанодема. Шрейнер делает попытку проникнуть в политическое содержание труда Фанодема. В этих целях он выдвигает «закон аттической историографии» (стр. 19), который формулируется так: «каждый историк противоречит своему предшественнику». Если Геродот защищал Перикла, то Гелланик критиковал его, а Фукидид возвратился к точке зрения Геродота. Андротион, придерживаясь взглядов «умеренных», на протяжении всего своего труда, конечно, опровергал демократа Клидема. Значит, заключает Шрейнер, Фанодем, друг оратора Ликурга, по всей вероятности, расходился с Андротионом во взглядах на внутреннюю историю Афин. Подтверждение своей догадки Шрейнер видит в том факте, что Фанодем получил от совета необычные почести как его член в 343/2 г., а этот год, возможно, был годом изгнания Андротиона. Фанодем, как показывает один фрагмент его «Аттиды», преувеличивал значение победы Кимона при Эвримедонте; по его показаниям, в битву вступило 600 вражеских кораблей, тогда как Эфор приводит меньшее число — 350 (Плутарх, Жизнеописание Кимона, 17). Фанодем — явно поклонник Кимона; следовательно, по мнению Шрейнера, Андротион не мог благоприятно судить о Кимоне.

9. В нашем распоряжении нет прямых данных для суждения о времени опубликования «Аттиды» Фанодема. Шрейнер стремится доказать, что она опубликована в 30-х гг. IV в. Если ее автор был булевтом в 343/2 г., то он мог родиться, самое позднее, в 373/2 г., а скорее всего немного ранее. Если так, то в 329/8 г. (последний засвидетельствованный год его жизни) он был пожилым человеком и к этому времени, вероятно, закончил свой труд. Более позднее появление «Аттиды» Фанодема исключало бы возможность использования ее Аристотелем. Сознавая слабость своего аргумента, сам Шрейнер не настаивает на нем: пример девяностолетнего Исократа, говорит он, показывает, что в древности литературная деятельность могла продолжаться долго. На помощь себе Шрейнер призывает другое соображение: если произведение Андротиона, написанное в опровержение произведения Клидема, было закончено через 10 лет после появления опровергаемого сочинения, то невероятно, чтобы «Аттиду» Фанодема отделял от опровергаемой ею «Аттиды» Андротиона более чем десятилетний промежуток времени. Шрейнер пытается еще с одной стороны обосновать свое мнение о выходе в свет «Аттиды» Фанодема до 329/8 г. Фанодем любит Кимона и Крития. Правда,

прямого указания на его отношение к Критию мы не имеем, приходится прибегнуть к косвенному доказательству. Оратор Ликург в своей единственной сохранившейся речи «против Леократа» с похвалой отзывается об одном постановлении против убитого изменника Фриниха, при этом упоминается и предложивший это постановление — Критий (§ 113). Шрейнер видит в этом доказательство благоприятного отношения оратора к Критию. Речь Ликурга датируется 331 годом. Шрейнер выражает уверенность в том, что сведения о постановлении против Фриниха взяты Ликургом из «Аттиды» Фанодема, которая, таким образом, оказывается уже написанной в 331 г.

10. Все то в «Афинской Политии» Аристотеля, что нельзя возвести к Клидему или Андротиону, все то, что связано с олигархической идеологией, вполне подходит для Фанодема, который был наряду с двумя упомянутыми аттидографами источником для Аристотеля. По-видимому,— таково мнение Шрейнера — Фанодем сочинил конституцию Драконта и обвинил Перикла в порче народного суда. То и другое заимствовал у него Аристотель.

Перед нами цепь суждений, логически связанных между собой и имеющих своим назначением дать надежную путеводную нить для источниковедческого изучения исторической части «Афинской Политии» Аристотеля. Построение Шрейнера, внешне довольно слаженное и посвоему изящное, требует все же проверки на прочность.

1. Начитанность Аристотеля, дающая себя знать во всех его произведениях, не позволяет категорически утверждать, будто он пользовался при написании «Афинской Политии» только новейшей литературой. Самый факт обращения к Геродоту (не требующий доказательства ввиду прямой ссылки на него) и Фукидиду (что трудно опровергнуть) достаточно красноречиво говорит об осведомленности Аристотеля не только в исторической литературе IV века.

2. В высшей степени неубедителен аргумент о занятости Аристотеля, не оставлявшей ему времени для ознакомления более чем с двумя-тремя новейшими произведениями аттидографического жанра. Вспомним, что тот же аргумент был в свое время пущен в ход Валентином Розе для доказательства неподлинности всех утраченных произведений Аристотеля[1]— тезис, даже в свое время не получивший признания. Известная нам организация труда в Ликее, привлечение учеников к участию в работах учителя лишают довод Шрейнера убедительной силы.

[1] V. Rose, Aristoteles pseudepigraphus, Lipsiae, 1863.

3. Предпринимая колоссальный труд составления Политий, Аристотель и его сотрудники не могли не отдавать себе ясного отчета в том, что без достаточной литературной базы их предприятие окажется безнадежным. Ученые Ликея нашли время ознакомиться с литературой по истории и современному им государственному устройству даже незначительных греческих государств. Не естественнее ли думать, что и они, и сам глава школы не слишком ограничивали себя в чтении исторической и политической (памфлетной) литературы, когда дело касалось Афин?

4. Само собой разумеется, Геродот и Фукидид, великие предшественники Аристотеля, не могли дать то, чего в их произведениях не было. Однако оба историка оказались полезными Аристотелю, как это приходится признать и Шрейнеру. Геродот оказал даже влияние в некоторых местах на способ выражения Аристотеля. О трудностях наведения справки в свитках при отсутствии указателей двух мнений быть не может, но могло ли это обстоятельство заставить Аристотеля отказаться от обращения к объемистым трудам предшественников? Помимо навыка античных людей цитировать по памяти, следует принять во внимание возможность пользования выписками, сделанными в процессе подготовительной работы.

5. Относительно спорадического характера обращения Аристотеля к материалу документального характера можно согласиться с Шрейнером. Впрочем, если бы даже оказалось, что все места, содержащие намеки на документы, или сами документы in extenso заимствованы автором «Афинской Политии» из литературных произведений (чего на самом деле не было), то это не доказывало бы правильности положения Шрейнера о скудной начитанности Аристотеля в литературе по истории Афин.

6. Толкование ссылки Аристотеля на δημοτικοί, означающей будто бы передачу мнения одного автора — Клидема, является в полном смысле слова произвольным. Согласно точному смыслу ссылки, имеются в виду несколько авторов, как это обычно и принято понимать.

7. Ничего обязательного в отнесении ссылки на ἔνιοι к одному автору (Андротиону), разумеется, нет. Характеристика аттидографа Андротиона, данная Шрейнером, отчасти основана на материале сохранившихся фрагментов его «Аттиды». Однако механическое присвоение Андротиону политических воззрений Исократа с тем, чтобы потом делать выводы не только об общей направленности труда аттидографа, но и об освещении им отдельных событий афинской истории и роли отдельных государственных деятелей, кажется нам, по меньшей мере, неосторожным.

8. Вопрос об использовании Аристотелем труда Фанодема, действительно, никем до сих пор не решался в положительном смысле. Причина в том, что фрагменты его «Аттиды» не содержат даже приближенного представления об общей политической направленности этого произведения. Дать преувеличенное представление о численности персидских кораблей в битве при Эвримедонте — не значит обязательно возвеличить командующего; мы не знаем, откуда идет числовой показатель Фанодема — он мог бы быть найден им у патриотически настроенного автора, думавшего о прославлении своего отечества. Странное впечатление производит «закон аттической историографии», открытый Шрейнером. Даже тот единственный пример, который приводится в книге для подтверждения этого «закона», лишен убедительной силы. Восторженное отношение Геродота к Периклу, отрицательное Гелланика, положительное Фукидида объясняются вполне просто, без привлечения каких-либо «законов» историографии. Геродот жил в Афинах во времена Перикла, был в какой-то степени близок к нему, участвовал в основании города Фурий — одном из важнейших политических актов Перикла. Гелланик Лесбосский, если допустить, что он действительно занимал враждебную Периклу позицию (ни один фрагмент не подтверждает этого), мог быть выразителем настроений в полисах, принадлежавших к морскому союзу, где оппозиция против Афин во время Пелопоннесской войны была очень сильна (восстание Митилены в 428 г.). Фукидиду импонировали не только выдающиеся способности Перикла (I, 139, 4), но и общий характер руководимого им Афинского государства — λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή (II, 65, 9).

9. Очень слабы те аргументы, которые должны служить опорой для датировки «Аттиды» Фанодема — 30-е гг. IV в. Последний известный по источникам год жизни Фанодема не засвидетельствован как год его смерти, которая могла произойти несколько позднее 329/8 г. Допустив, что он родился не в 373/2 г., а в 375/4 г., мы не впадем в абсурд, отнеся опубликование его «Аттиды» даже к 320/19 г., когда автору было 55 лет. Десятилетний период времени между появлением «Аттиды» Клидема и одноименного сочинения Андротиона и отсюда — такой же период между «Аттидами» Андротиона и Фанодема остается на совести Шрейнера. В качестве ultimum refugium Шрейнер прибегает к ссылке Ликурга на проведенное Критием постановление. Но, прежде всего, доказывает ли ссылка автора, соратника Демосфена, на это постановление какую-то симпатию к Критию? В речи есть ссылка на постановление, которое может служить прецедентом для решения дела о Леократе. Слова Κριτίου εἰπόντος придают ссылке документальную достоверность; более 70 лет прошло со времени гибели ненавистного демократам олигарха Крития, и имя его могло быть спокойно произнесено в афинском суде. Сведущий в законах и декретах государственный деятель Ликург вовсе не нуждался в чьей-либо «Аттиде», чтобы познакомиться с постановлением касательно Фриниха. Таким образом, опубликование «Аттиды» Фанодема в 30-х гг. IV в. и возможность знакомства с ней Аристотеля остается под сомнением.

10. Прямолинейный вывод Шрейнера: часть сообщений Аристотеля может быть возведена к Клидему, часть — к Андротиону, а все прочее должно быть отнесено к Фанодему — вызывает серьезные возражения. За исключением отдельных мест «Афинской Политии», давно уже и вполне обоснованно приведенных в связь с «Аттидами» Клидема (14,4) и Андротиона (10,1 — полемически), никакие другие места «Афинской Политии» нельзя с уверенностью и даже с достаточной долей вероятности связать с их «Аттидами». Что же касается «Аттиды» Фанодема, то как содержание сохранившихся ее фрагментов, так и неясность хронологического соотношения ее с трактатом Аристотеля настоятельно диктует воздержаться от всякого суждения.

В III главе книги Шрейнера речь идет об источниках Аристотеля, касающихся времени, предшествующего Периклу (стр. 21—62).

Автор имеет дело с тремя величинами: Клидем, Андротион, Фанодем. Фрагменты их «Аттид» содержат очень мало материала, который пригодился бы для темы Шрейнера. Поэтому он оперирует, главным образом, косвенными данными. Нужно реконструировать отношение Клидема к Тесею. Это делается следующим образом. Клидем благоприятно судил о Фемистокле (Плутарх, Жизнеописание Фемистокла, 10), строителе кораблей; Тесей, национальный герой, также построил флот (Плутарх, Жизнеописание Тесея, 19); следовательно, Клидем, в противоположность тем, кто считал роль флота в афинской истории гибельной, держался того мнения, что флот был исконным достоянием афинян. Вчитаемся в то, что дают фрагменты: о Фемистокле сказано, что он, применив хитрость, раздобыл деньги для афинян, покидавших свой город при нашествии персов,— если здесь и можно уловить благоприятную для Фемистокла нотку, то она касается изобретательности и не свидетельствует еще о характере отношения аттидографа к знаменитому государственному деятелю (ср. отношение Геродота: отдается должное находчивости Фемистокла, который, однако, в целом изображается в темных красках). О флоте

Тесея сказано: когда Девкалион, сын Миноса, потребовал выдачи Дедала, Тесей отклонил требование, ссылаясь на свое родство с Дедалом, и начал строить корабли, командуя которыми он затем разбил Девкалиона. Здесь рассуждения Шрейнера могут считаться приемлемыми в той своей части, которая касается фактической стороны истории афинского флота, роли его в борьбе Афин против внешнего врага (Крит, Персия), но не для внутренней истории Афин: ведь даже олигархически настроенный (с точки зрения Шрейнера) Фанодем отдает должное действиям афинского флота при Эвримедонте. Стремление узнать больше, чем дают источники, часто заводит Шрейнера слишком далеко. Так, за неимением каких бы то ни было данных об изображении правления Тесея Клидемом, норвежский исследователь считает возможным приписать аттидографу картину демократической монархии в духе высказываний Эврипида в «Умоляющих» (ст. 350—353, 403—408, 429 слл.). Молчание фрагментов Андротиона о Тесее побуждает Шрейнера искать взгляды аттидографа на древнего афинского царя у Исократа. Около 355 г. в своем «Ареопагитике» (VII, 16) оратор представил Солона основателем умеренной демократии. Когда же Клидем превратил Тесея во второго Фемистокла, а художник Эвфранор изобразил Тесея между персонификациями Демократии и Демоса, Исократ в 342—339 гг. в «Панафинейской речи» (XII, 127 слл.) перенес роль основателя умеренной демократии с Солона на Тесея. Так, по мнению Шрейнера, должен был смотреть на Тесея и Андротион. Путем таких комбинаций получаются две точки зрения: для демократа Клидема Тесей — родоначальник радикальной демократии, для «умеренного» Андротиона — основатель умеренной демократии. Фанодем, не любя Солона, придумал по своему вкусу более раннюю конституцию Драконта. В представлении Фанодема Тесей должен был быть виновником всех несчастий, так как он наполнил город Афины всяким сбродом из мелких городов Аттики.

Автор разбираемой книги усматривает у Аристотеля непоследовательность. Подобно тому как он поместил в «Афинской Политии» две конституции — Драконта и Солона, так и в более ранней истории Афин он предоставил поле действия двум деятелям — Иону и Тесею. Не желая присоединяться к резкому суждению Фанодема о Тесее, он прислушивается и к голосу Андротиона, дружественно расположенного к Тесею, и поэтому приписывает этому царю некий более поздний синойкизм, не отрицая в то же время соответствующей заслуги Иона. Здесь мы сталкиваемся с типичным рассуждением Шрейнера. Почти неизвестные воззрения Клидема и Андротиона подаются в уточненном виде на основании косвенных признаков, к ним добавляются совсем не известные нам воззрения Фанодема, улавливаемые уже чисто априорным путем на основе выдвинутых в предыдущей главе довольно шатких положений. Строя таким образом источниковедческую базу «Афинской Политии», Шрейнер затем, помогая себе новыми гипотезами, прикрепляет к этой базе сообщения Аристотеля.

Дальнейшие рассуждения Шрейнера в этой главе также вытекают из его предпосылок, разобранных выше; с помощью разного рода допущений и предположений наш автор хочет убедить читателя в том, что Аристотель считается с тремя источниками, каждый из которых отражал определенную политическую идеологию. Хотя мы в сущности не имеем рассказа Аристотеля о попытке Килона захватить власть, Шрейнер уверен в том, что автор «Афинской Политии», ознакомившись с разным освещением события, выбрал для себя средний путь (стр. 23). Клидем, с симпатией изображая Писистрата и Фемистокла, делал, вероятно, Килона героем; Андротион, вероятно, наоборот, защищал Алкмеонидов; Фанодем, конечно, должен был воспользоваться делом Килона в целях, враждебных Алкмеонидам, но он едва ли оправдывал изгнание их Солоном, так как последнего он не любил. В своем сообщении о Килоне Аристотель следовал версиям Андротиона и Фанодема. Создание конституции Драконта Шрейнер приписывает Фанодему (стр. 29), хотя фрагменты последнего не содержат никаких намеков на нее. Формула Аристотеля при переходе от одного периода истории Афин к другому — μετὰ δὲ ταῦτα — произвольно толкуется Шрейнером как переход от одного источника к другому (стр. 27, 29). Все сообщения аттидографов о Солоне (за исключением толкования сисахфии Андротионом) утрачены. Тем не менее, Шрейнер не только пытается примерно восстановить их, но и оперирует своими предположениями как бесспорными фактами. Конституция Солона реконструирована авторами конца V—IV вв. на основании стихотворений Солона, а также действовавших и вышедших из употребления законов. Отсюда, по Шрейнеру, возможность для каждого писателя по своему произволу изображать и самого законодателя, и его дело. Клидем — демократ, он, вероятно, защищал современный ему политический строй своего отечества и возводил его начало к деятельности мудреца и законодателя Солона. Андротион, недовольный порядками своего времени, по-своему изображал реформы Солона, который был в его глазах «умеренным». Фанодем разделял мнение Клидема о том, что Солон был основателем современной им демократии; в то же время он солидаризи-

ровался с Андротионом в своей антипатии к современному строю. Пуская в ход такого рода предположения, привлекая Исократа и Плутарха, непрестанно ссылаясь на возможность, вероятность, правдоподобие, проводя знак равенства между δημοτικοί Аристотеля с Клидемом, а οἱ βουλόμενοι βλασφημεῖν с Фанодемом, имея в своем распоряжении единственный бесспорный факт — своеобразное толкование Андротионом сисахфии Солона, наш автор проникается убеждением, что Аристотель в своем понимании сисахфии решительно расходится с Андротионом (факт бесспорный, всеми давно признанный) и воспроизводит объяснение Клидема и Фанодема (полное отсутствие упоминаний о Солоне во фрагментах этих историков делает более правдоподобным другое предположение: Аристотель следует установившейся традиции, которую пробовал опрокинуть Андротион) (стр. 33). Интересны подробности разбора традиции о Писистрате и Писистратидах (стр. 35—47). Сомнение вызывает только излишняя уверенность автора в том, что возможно точно определить позиции трех аттидографов по отношению к разным версиям афинских преданий, и объяснение свидетельств Аристотеля согласием их с сообщениями Клидема, сочувствовавшего Писистрату, и несогласием с сообщениями враждебных Писистрату Андротиона и Фанодема.

Под тем же углом зрения идет и рассмотрение реформ Клисфена (стр. 47—53), и дальнейших событий, и эволюции афинской конституции вплоть до эпохи Перикла (стр. 53—62). Несмотря на отдельные более или менее приемлемые наблюдения, глава в целом остается примером рассуждения, построенного на зыбком фундаменте необоснованных предпосылок.

Следующая, IV глава книги Шрейнера (стр. 63—99) ничего нового в смысле методики работы не приносит. И здесь мы читаем о тех же трех источниках «Афинской Политии» Аристотеля, между которыми автор книги стремится распределить сообщения Аристотеля об эпохе Перикла с помощью тех же приемов, какими он действовал и раньше.

Как следует, по Шрейнеру, представлять себе трактовку в греческой историографии личности и дела Эфиальта (ограничение деятельности ареопага)? Положительная оценка личности этого государственного деятеля и некоторые фактические данные в «Афинской Политии» (25, 1—2) взяты из Клидема, который изобразил Эфиальта вторым Аристидом. Точка зрения Андротиона должна быть совершенно иной: Эфиальт у него походил на хитрого и беспринципного Фемистокла. Мнение Андротиона, нигде не засвидетельствованное, должно было совпадать с мнением Эфора, которое известно нам из Диодора. Эфиальт — демагог, подстрекающий народ против ареопагитов и убедивший народное собрание умалить права ареопага и отменить славные прародительские установления (Diod., XI, 77, 6). У Плутарха оставили свой след обе версии. Рассказ Андротиона Шрейнер восстанавливает на основании двух параграфов «Афинской Политии» (25, 3—4), которые он гипотетически возводит к Андротиону. Последний, по мнению Шрейнера, должен был действовать против ареопага в личных целях, так как ему грозило судебное преследование за задолженные государству деньги (об этом — hypothesis к VII речи Исократа). Шрейнер строит такую гипотезу: имея под рукой «Аттиду» Андротиона, Аристотель взял из нее только действия Эфиальта против ареопага, но оставил за ним те положительные качества, которыми наделял его Клидем. Не без удивления узнаем мы о том, что в новое время Л. Кьельберг [2] предложил удалить из «Афинской Политии» гл. 25, 3—4 как интерполяцию. Русские читатели знают из известного труда В. П. Бузескула о гораздо более ранних попытках, сделанных еще в самые первые годы после открытия «Афинской Политии» [3].

В разделе, посвященном Периклу (стр. 66—99), Шрейнер продолжает свою прежнюю линию — при отсутствии прямых данных, основываясь только на более или менее правдоподобных допущениях об общей окраске того или иного из трех предполагаемых им источников Аристотеля, он хочет воссоздать полную картину отношений аттидографов к руководителю афинской демократии 40—30-х гг. V в. — Андротион, по мнению Шрейнера, предпринимает смелую операцию по оправданию Перикла в том смысле, что последний освобождался от участия в реформе Эфиальта, следовательно, в более ранней историографии Перикл выступал в качестве помощника Эфиальта. Так было, видимо, у Гелланика, от которого подобное представление перешло к Клидему. Ни один фрагмент Клидема не может служить опорой для такого мнения, но если у него поборниками демократии были Тесей, Солон, Писистрат, Клисфен Аристид, Фемистокл и Эфиальт, то к их числу должен был присоединиться и Перикл. Аристотель будто бы следует Клидему, когда он утверждает, что Аристид подсказал Эфиальту мысль лишить ареопаг узурпированных им прав (здесь нельзя не заметить, что этого у Аристотеля в гл. 41, 2 нет); согласно Шрейнеру, Аристид с успехом подстрекал афинян воспользоваться плодами своего господства над союзниками (гл. 24). Ни

[2] L. Kjellberg, Strena philologica Upsaliensis, Upsala, 1922, стр. 235.

[3] В. Бузескул, «Афинская Полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в., Харьков, 1895, стр. 426 сл.

один фрагмент Гелланика не относится к Периклу, но Шрейнер все же считает себя вправе построить следующую гипотезу: Перикл был у Гелланика союзником Эфиальта, и от Гелланика такое представление перешло к Клидему. Аристотель же, следуя Андротиону, датирует падение ареопага теми годами, когда Фемистокл был в первый раз обвинен в мидизме, т. е. до его остракизма. Перикл не упоминается в той главе «Афинской Политии», где речь идет об ограничении прав ареопага (гл. 25). Периклу целиком посвящена одна глава — 27, в двух других — 26 и 28 — он просто упоминается. Следуя своей методике, Шрейнер отдает одну из этих глав (26) Андротиону на том основании, что она отличается целостностью, а с Клидемом Аристотель расстался уже в одной из предыдущих глав (24) и начал присматриваться к Фанодему только в начале следующей главы (27 — «а после этого»).

Характерно обращение Шрейнера со свидетельством Аристотеля о том, что в 457/6 г. зевгиты впервые получили доступ к должностям архонтов, и первым был Мнесифид (26, 2). До сих пор никто не сомневался в достоверности этого сообщения. Иначе смотрит на это Шрейнер. Как все данные этой главы, так и упоминание о Мнесифиде заимствованы, по мнению Шрейнера (стр. 78 сл.), у Андротиона; последний не мог найти в списке архонтов-эпонимов указания на материальное положение Мнесифида. Андротион, питая антипатию к внуку этого Мнесифида, носившему одинаковое с ним имя и принадлежавшему к числу Тридцати тиранов (Xen. Hell., 3,2; Lys., XII, 12), пожелал набросить тень на всю семью, причислив архонта Мнесифида к зевгитам, т. е. к не очень состоятельным людям, и тем самым намекая на недавнее, т. е. бесчестное обогащение этой семьи. Всё рассуждение Шрейнера покоится на допущениях, из которых ни одно не имеет бесспорной убедительности: антипатия Андротиона к семье Мнесифида, происхождение Мнесифида-олигарха от Мнесифида-архонта, большие размеры имущества олигарха, невозможность для автора IV в. узнать, кто был первым зевгитом, легально ставшим архонтом-эпонимом.

Пропустим соображения Шрейнера о судьях по демам (стр. 80—83). Обратимся (чтобы закончить на этом) к его разбору вопроса о законе, закрывшем доступ в афинское гражданство тем, у кого один из родителей не принадлежал к афинским гражданам (стр. 83—99).

Аристотель приписывает этот закон, введенный при архонте Антидоте в 451/0 г., Периклу (гл. 26,4). Причиной установления такого закона оказывается многочисленность граждан — διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν, следовательно — стремление ограничить число граждан. Перечислив места из афинских и неафинских авторов, отражающие представление афинян об их «благородстве» (εὐγένεια) и автохтонности (стр. 83—85), Шрейнер высказывает мысль, что для Андротиона закон был продолжением старинной государственной практики афинян, имеющим прецеденты и являвшимся прецедентом для последующих времен — ограничение доступа к должностям со времен Тесея; пересмотр состава граждан при Клисфене; Ферамен и его конституция Пяти тысяч; неудавшаяся попытка Формисия (34, 3 и Dion. Hal., Lys. 32); отмена, по предложению Архина, широкого дарования прав гражданства Фрасибулом (41, 2). Закон, по Андротиону, должен был охранять чистоту афинской крови. Аристотель переменил мотивировку закона: у него назначение закона — восстановить нужное соотношение между высшими слоями, терпевшими большой урон во время военных действий, и народной массой. Шрейнер напоминает о том, что в «Политике» (VI, 1319b, 6 сл.) Аристотель говорит об обыкновении демагогов расширять состав гражданства путем наделения правами незаконных сыновей и лиц, у которых только один из родителей принадлежит к гражданам. Такой политике Аристотель противопоставляет то, что следовало бы делать для установления прочной демократии, а именно — присоединять новых граждан с таким расчетом, чтобы низшие слои количественно превосходили высшие и средние (вместе взятые), но заходить при этом не слишком далеко, иначе демократия становится более беспорядочной и вызывает раздражение высших слоев населения, что приводит к раздорам в государстве. Нечто подобное должен был иметь в виду аристотелевский Перикл, когда он ставил пределы увеличению численности афинского гражданства. Получается, как отмечает и Шрейнер, непоследовательность в отношении Аристотеля к Периклу. С одной стороны, Перикл — истинный демагог, который в своих личных целях вводит плату за участие в народном суде (гл. 27, 3—5), с другой,— он проявляет признаки умеренности, к которой Аристотель относится с одобрением (гл. 26, 4; 28, 1). Неблагоприятное освещение деятельности Перикла идет, по Шрейнеру, от Фанодема, благоприятное — от Андротиона. Не слишком ли механически действует, в представлении Шрейнера, Аристотель? В свете того, что мы знаем о политических воззрениях Аристотеля из его «Политики», не может быть ничего естественнее, чем его самостоятельная точка зрения на любого политического деятеля Афин, в частности и на Перикла, который одними сторонами своей деятельности, шедшими вразрез с политикой государственных людей прошлого, отталкивал от себя автора «Афинской По-

литии», а другими — заставлял Аристотеля отдавать ему предпочтение перед демагогами последующего времени.

В эпилоге (гл. V, стр. 100—103) вкратце подводятся итоги всему сказанному выше. В конце книги — Приложение (стр. 104—111), где рассматривается еще раз закон относительно приема в состав афинского гражданства. Шрейнер склонен принять то толкование закона, какое он приписывает Андротиону,— автором закона был Перикл, закон был принят в 451/0 г. и имел целью охранять чистоту афинской крови. Правда, в заключительной фразе этого Приложения (и всей книги) наш автор пишет: «Будем все же помнить, что источники того времени, когда был принят этот закон, столь скудны, что, очевидно, положительного знания о законе у нас быть не может».

Остается подвести итоги, иначе говоря, суммировать разбросанные в предлагаемой рецензии критические замечания и высказать те большие сомнения, которые, естественно, возникают при чтении труда Шрейнера.

1. Априорное ограничение круга источников Аристотеля тремя «Аттидами» — Клидема, Андротиона, Фанодема — не находит себе убедительного оправдания; при этом более ранняя дата выхода в свет «Аттиды» Фанодема сравнительно с «Афинской Политией» Аристотеля остается недоказанной.

2. Если даже согласиться с общей характеристикой, данной Шрейнером этим трем источникам, то из этого не следует, что по общей направленности произведения можно безошибочно восстановить освещение любого факта внутренней истории Афин каждым из трех авторов. Слишком частые оговорки Шрейнера («по-видимому», «вероятно» и т. п.) только обнаруживают недостаточную крепость его аргументации, а стремление вывести мнения трех аттидографов из данных «Афинской Политии» с той целью, чтобы затем вывести самые эти данные из построенных на их основе мнений (circulus vitiosus), не свидетельствует в пользу методики исследования Шрейнера.

3. Следуя за авторами новейших работ, подрывающих самые основы наших знаний по афинской истории VI и отчасти V в. до н. э., Шрейнер очень свободно приписывает своим аттидографам не только передвижение исторических фактов в довольно широких хронологических пределах, но даже создание самих фактов. Отсутствие у нас данных, подтверждающих сообщаемый «Афинской Политией» факт о допущении первого зевгита к должности архонта-эпонима в 458/7 г., не означает, впрочем, наличия данных, опровергающих это сообщение. Опровержение, придуманное самим Шрейнером, стоит на грани чистой фантастики. Не будет ли более целесообразным и осторожным признать, что существует целый ряд не вызывающих подозрений хорошо датированных событий?

4. Созданные автором рецензируемой книги подпорки для своего построения, вроде закона, по которому каждый историк должен был обязательно опровергать своего предшественника, или правила, согласно которому словесная формула «после этого» указывает на переход от одного источника к другому, оказывается очень удобным орудием для извлечения нужных выводов, но орудием слишком хрупким для поддержания тяжести всей постройки.

Не напоминает ли нам все рассуждение Шрейнера остроумную и занимательную игру с заранее данными правилами? Приняв правила, участники игры тем самым обязуются сообразоваться с ними в своих действиях, находя удовольствие в соблюдении правил и подавляя желание нарушить их. Так и читатели книги Шрейнера, подчинившись его исходным положениям, могут — и не без удовольствия — следовать за ходом его мысли. Однако, подобно игроку, отдающему себе полный отчет в условности соблюдаемых им правил, читатель разобранного ученого труда не может отрешиться от сознания условности его предпосылок и понимает, что эти предпосылки очень легко могут быть заменены другими (более надежными), которые приведут к результатам, не похожим на результаты Шрейнера.

А. И. Доватур

HANS-VEIT BEYER, Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion, Inaugural Dissertation, Berlin, 1969, 238 стр.

Тридцать шестая речь Демосфена, написанная им для Формиона, вольноотпущенника и преемника знаменитого афинского трапезита Пасиона, связана со сложными имущественными отношениями, сложившимися в этой семье после смерти ее главы. Несмотря на то, что к моменту смерти Пасиона его старшему сыну Аполлодору было уже 24 года (Dem., XXXVI, 22), опека над несовершеннолетним младшим сыном Пасиклом и руководство имущественными делами семьи было передано вольноотпущеннику Формиону. Более того, Формион женился на

вдове Пасиона Архиппе, получив за ней очень большое приданое. В течение ряда лет Формион, арендовавший трапезу и мастерскую щитов, распоряжался делами дома Пасиона, к возмущению и недовольству Аполлодора. Спорные вопросы несколько раз разрешались с помощью арбитража (Dem., XXXVI, 15—16; XLV, 4, 17); наконец, после совершеннолетия Пасикла был произведен окончательный раздел наследства Пасиона между его сыновьями, и Формион как будто мог считать себя свободным от дальнейших претензий Аполлодора.

В то время как дела у Формиона шли блестяще, состояние все возрастало и он за заслуги перед Афинским государством удостоился гражданских прав, Аполлодор растратил доставшееся ему в удел состояние. Много времени спустя после смерти Пасиона (370/369 г. до н. э.) и окончательного раздела наследства (361/360 г. до н. э.) Аполлодор возбудил судебное дело против Формиона [1], обвинив его в присвоении находившихся в трапезе денег Пасиона и других злоупотреблениях, в частности, в фальсификации завещания Пасиона и договора об аренде трапезы. Формион опротестовал с помощью так называемой παραγραφή правомерность самого иска (οὐκ εἰσαγώγιμος) на том основании, что спорные вопросы были разрешены соглашением сторон при арбитраже и Аполлодор тогда отказался от претензий к нему (ἄφεσις или ἀπαλλαγή) [2]. По афинским законам дело в этих случаях считалось оконченным и не подлежало судебному разбирательству по существу. Но решение о правомерности отклонения иска выносилось судом после выслушивания обеих сторон.

Речь, написанная Демосфеном для Формиона, считается лучшей из его «частных» речей. Она произвела такое сильное впечатление на судей, что они не пожелали даже выслушать Аполлодора. Протест Формиона был признан убедительным, что лишило Аполлодора права на какие бы то ни было дальнейшие претензии к нему. К тому же Аполлодор должен был уплатить штраф. Хотя тяжба формально на этом закончилась, Аполлодор в отместку привлек к суду Стефана, одного из свидетелей Формиона, с обвинением в лжесвидетельстве (δίκη ψευδομαρτυριῶν, Dem., XLV, XLVI).

Восемь речей демосфеновского Corpus'а связаны с делами Аполлодора (XXXVI, XLV, XLVI, XLIX, L, LII, LIII, LIX) и только одна из них написана для его противника. Принадлежность XXXVI речи Демосфену не вызывает сомнений, относительно XLV речи мнения расходятся, остальные шесть приписываются самому Аполлодору или какому-либо другому оратору. Политические противники Демосфена обвиняли его в том, что он почти одновременно сочинял речи и для Формиона против Аполлодора и для Аполлодора, угождая в корыстных целях обоим (Aesch., II, 165). Если считать XLV речь произведением Демосфена, то это обвинение в известной мере оправдано, так как изобличение Стефана в лжесвидетельстве было по существу изобличением Формиона. Независимо от авторства включенных в Corpus Демосфена речей, связанных с делами семьи Пасиона, они содержат чрезвычайно ценный материал об имущественных, социальных и правовых отношениях в Аттике IV в. до н. э. Вопрос наследственного права, различные аспекты деятельности трапез, роль рабов и вольноотпущенников в семье и хозяйстве, новые и коренные граждане, литургии, долговое право, юридические нормы деятельности афинских судов — таков далеко не полный перечень затрагиваемых в них вопросов.

Работа Бейера посвящена анализу XXXVI речи Демосфена и представляет собой развернутый историко-юридический и филологический комментарий к ней. В кратком введении обращение к этой теме объясняется стремлением показать правомерность изменения в позиции Демосфена: защищая Формиона против претензий Аполлодора (XXXVI речь), оратор, по мнению Бейера, выступал за неправое дело. Переход Демосфена на сторону Аполлодора (XLV речь) вызван не только политическими [3], но и морально-этическими мотивами, ибо прав в споре был не Формион, а сын Пасиона.

Анализируя характер судебного иска, возбужденного Аполлодором, Бейер заключает, что речь идет не о δίκη βλάβης, при которой ответчик повинен в нанесении кому-либо ущерба без материальных для себя выгод, а о δίκη ἀργυρίου — Формион обвинялся в присвоении денег Пасиона, вложенных последним в трапезу

Основная часть работы — *Interpretation* (стр. 25—167) — построена следующим образом; приводится отрывок из текста

[1] Датировка XXXVI речи Демосфена спорна. Наиболее вероятна дата 352/351 г. до н. э., которую принимает и Бейер (стр. 122—126).

[2] Dem., XXXVI, 23, 25; ср. XVIII, 224; XX, 147; XXIV, 54—55; XXXVIII, 16.

[3] Некоторые исследователи (Blass, Weil) объясняют непоследовательность Демосфена тем, что он обязан был Аполлодору, поддержавшему его антимакедонскую политику своим законопроектом об использовании средств из кассы феорикона на военные нужды ([Dem.], 59, 3, 5). Бейер (стр. 12) отвергает это по хронологическим соображениям, так как речь против Стефана была написана за несколько лет до внесения законопроекта.

речи и далее следует комментарий с привлечением речей других афинских ораторов и научной литературы. Текст рассматривается в последовательном порядке, от первого параграфа и до конца. Такая композиция позволяет дать законченный и детальный филологический и исторический анализ и свидетельствует о тщательности работы над текстом источника[4]. После этого следуют: исторический экскурс «К истории дома Пасиона» (стр. 169—207), приложение «К вопросу об аутентичности документов в первой речи против Стефана» (стр. 209—213), индексы (источники, реалии, просопография, грамматические и риторические особенности, современные авторы). Индексы очень подробны и полезны читателю. В начале книги приведена краткая библиография, включающая лишь специально относящиеся к теме работы (в основном комментированные издания речей Демосфена) начиная от XVIII в. (J. Reiske, 1767 г.) и кончая 50—60 годами XX в. (Gernet, Wolff). Учтены прежде всего работы на немецком языке. Ссылки на надписи даются по первому изданию IG.

Сопоставляя и анализируя приводимые в речи аргументы Формиона, Бейер опровергает их один за другим и приходит к выводу, что вольноотпущенник Пасиона подделал с помощью его вдовы завещание и договор об аренде трапезы, незаконно вошел в семью бывшего господина и обогатился за счет его детей, а законным и обоснованным протестам сына Пасиона он противопоставил лжесвидетелей. Решение афинского суда в пользу Формиона объясняется лишь талантом Демосфена, который смог представить своего клиента — плута и мошенника — верхом порядочности и благородства и так настроить судей против Аполлодора, что они и слушать не захотели его контрдоводов (Dem., XLV, 6)[5].

Бейер, сам или опираясь на своих предшественников, постулирует те или иные принципы аттического права, затем показывает, что факты, приведенные в деле, этим принципам противоречат, и заключает отсюда, что они вымышленны, сфальсифицированы или противозаконны. Между тем, материал, касающийся взаимоотношений в семье Пасиона после его смерти, приведенный как в XXXVI речи, так и в других речах, связанных с делами Аполлодора, не подтверждает справедливости такого вывода.

Так, Формион постоянно ссылается на то, что действовал согласно завещанию Пасиона, который назначил его опекуном младшего сына Пасикла и предлагал жениться на своей вдове Архиппе, получившей большое приданое (Dem., XLV, 28; XXXVI, 7—8). Бейер считает это завещание фальшивкой, сочиненной Формионом (стр. 50—60). При этом он опирается на следующие доводы: свидетели, подтвердившие, что видели документ с надписью «Завещание Пасиона», не знали его содержания; приданое Архиппы непомерно велико; по афинскому закону, приписываемому еще Солону, право завещания имели лишь те, у кого не было детей (Dem., XLVI, 14; Isae., X, 12—13; Plut., Solo, XXI); наконец, по другому закону опекун не вправе был жениться на матери сирот, если в случае смерти подопечных к нему переходило их имущество (Diog. Laert., I, 56). Приведя эти доводы, Бейер в то же время не прошел мимо общеизвестного факта, что отец Демосфена, имея сына (правда, малолетнего) и дочь, оставил завещание, по которому не только назначил опекунов, но распорядился судьбой жены и дочери, определив первой приданое, превышавшее то, которое она внесла в дом (Dem., XXVII, 4 слл.). Он заключает отсюда, что судьи в Афинах не очень были строги к букве закона и Демосфен в XXXVI речи поэтому мог доказывать им законность завещания Пасиона (стр. 61—63, 114, 187, 194).

Не говоря уже о том, что этим снимается один из доводов против подлинности завещания Пасиона, следует заметить, что само применение к приведенным случаям закона Солона о завещаниях неправомерно. В законе Солона речь идет о праве передавать свое имущество за пределы семьи или рода, и это разрешается только бездетным людям. Ни Демосфен старший, ни Пасион своими завещаниями не лишали детей наследства. Право же обеспечить жену, даж при наличии детей, вряд ли исключалось законами Афин[6]. К тому же Архиппа по происхождению не была афинской гражданкой и, очевидно, не имела в Афинах родственников — отца или брата, которые могли бы о ней позаботить-

[4] Автор, обосновывая свое понимание текста, приводит различные варианты рукописного чтения и толкования издателей и комментаторов. Убедительными представляются предлагаемые переводы § 3, 4, 5, 7, 22, 30, 55, 57 (стр. 30—33, 38—40, 98, 109—110, 158—160).

[5] В первой речи против Стефана (Dem., XLV, 57 слл.) Аполлодор жалуется, что в запечатанном ящичке с предъявлявшимися суду документами не оказалось важного для него свидетельства. Он прямо обвиняет в этом Стефана. Бейер (стр. 165, прим. 1) выдвигает необоснованное предположение, что еще раньше, при обсуждении παραγραφή Формиона, Аполлодор высказал подозрение против готовившего дело архонта и этим вызвал такое раздражение судей, что они не позволили ему говорить.

[6] Ср. аналогичные установления в вавилонских законах II тыс. до н. э.: ЗХ, 150.

ся [7]. Хотя сын ее и Пасиона Аполлодор был уже совершеннолетним к моменту смерти отца, но последний, очевидно, не очень на него полагался. Он и предприятия свои и малолетнего сына доверил другим людям (Dem., XLV, 27). Что касается очень больших размеров приданого, завещанного Архиппе (более 3 талантов), то это может быть объяснено как огромным состоянием Пасиона, так и желанием еще более привлечь Формиона к своей семье.

Непонятен довод Бейера относительно опекуна, которому достается наследство в случае смерти сирот. Если в Афинах и существовал такой закон, то он к данному случаю не подходит. Формион не унаследовал бы имущества Пасикла, если бы тот умер во время опеки, так как у Пасикла был брат Аполлодор. Более серьезным доводом против достоверности завещания Пасиона является то, что к моменту его смерти Формион был только вольноотпущенником и еще не имел гражданских прав [8]. Здесь, очевидно, следует учесть, что ни сам Пасион, ни Архиппа не были коренными афинянами, что Формион оказался единственным человеком, которому Пасион мог спокойно вверить судьбу своего дела и семьи. Не исключена возможность и того, что Пасион не только надеялся, но и заручился обещаниями своих влиятельных друзей, что Формион в конце концов станет афинским гражданином. Перед ним был открыт тот же путь, который прошел его бывший господин [9].

Видя в Формионе ловкого плута, Бейер считает неосновательным его утверждение, что Аполлодор, резко протестовавший вначале против брака матери с вольноотпущенником его отца, признал потом законность этого брака, когда согласился после смерти Архиппы разделить ее приданое с детьми Формиона (стр. 81—85, 114, 119). По мнению Бейера, право на приданое умершей матери имели только дети от второго брака, и то, что Формион согласился выделить доли детям от первого брака — Аполлодору и Пасиклу, свидетельствует о его стремлении загладить вину и прикрыть беззаконность своих действий. Однако в афинских источниках, насколько нам известно, нет прямых указаний на существование подобного принципа наследования. Приводимые в пользу этого примеры о втором браке вдовы или разведенной жены (Dem., XL, 6, 7) [10] не подходят во всяком случае к Архиппе. Она не перешла в дом Формиона, а осталась жить в доме первого мужа. Если прибегнуть к аналогии, то стоит напомнить законы Переднего Востока относительно имущественных прав женщины и ее детей, в которых учитывалось, перешла ли она в дом мужа, или он пришел к ней [11]. Нам представляется, что все дети Архиппы имели право на долю в ее приданом [12]. То, что Аполлодору досталось несколько больше, чем остальным детям (подарки матери при ее жизни), вполне может быть объяснено его старшинством, наглой требовательностью и желанием Архиппы и Формиона прекратить семейные распри. Характерно, что ни младший сын Пасиона Пасикл, ни тесть Аполлодора Дейний, не выступают против Формиона (Dem., XXXVI, 22; XLVI, 55, 83). Относительно Пасикла Аполлодор не стесняется намекать, что он незаконный сын Формиона (Dem., XLV, 3, 27, 83; XLVI, 21), но позицию Дейния он не мог объяснить, прибегая к инсинуациям против покойной матери.

Бейер считает сфальсифицированным не только завещание Пасиона, но и текст договора об аренде трапезы, во всяком случае в последней его части, где говорится о долге Пасиона трапезе в размере 11 талантов (Dem., XXXVI, 4—6). По сути дела эта претензия и лежит в основе последнего иска Аполлодора к Формиону. Он, правда, оценен в 20 талантов, но предполагают, что в него вошли накопившиеся за длительный срок проценты. Аполлодор уверяет, что при сдаче трапезы в аренду там были оставлены личные средства Пасиона (первоначальный оборотный капитал — ἀφορμή). Это категорически отрицает Формион, привлекая в качестве свидетелей своих преемников по аренде. У Аполлодора нет никаких доказательств, кроме принятого в греческой риторике довода εἰκός (наиболее вероятное, правдоподобное): столь высокую арендную плату никто не стал бы платить только за оборудование: следовательно, была ἀφορμή. Бейер считает этот довод убедительным, а свидетельство преемников Формиона по аренде объясняет тем, что это были его люди.

[7] Упоминаемый в двух афинских надписях (334/333 г. и 325/324 г. до н. э.) Архипп, сын Формиона, из дема Пирей был, очевидно, сыном Формиона от Архиппы. Имя по матери характерно для людей рабского происхождения, не имевших генеалогии даже в ближайших поколениях. Любопытно, что Либаний в ὑπόθεσις к XXXVI речи Демосфена называет Архиппу πιλλακή Пасиона.

[8] Он получил их только в 361/360 г. до н. э. (Dem., XLVI, 13).

[9] Сохранились свидетельства о литургиях Формиона, о том, что он в числе самых богатых жителей Афин возглавлял симморию плательщиков эйсфоры (Dem., XXI, 157).

[10] В толковании вопроса о праве детей на приданое матери Бейер ссылается на Вольфа (H. J. Wolff, RE, 23, I (1957), стб. 154, s. v. προίξ).

[11] См., например, ЗХ, 172; САЗ III, 26—29; ХЗ, 27.

[12] Ср. ЗХ, 167, 173—174.

Однако эти четыре арендатора, бывшие рабы Пасиона, получили свободу от его сыновей, т. е. с согласия Аполлодора, который легко мог бы воспротивиться этому. Кроме того, неоспоримым представляется контрдовод, что размер арендной платы сохранился и при смене арендаторов, при которой речи не было о какой бы то ни было ἀφορμή (Dem., XXXVI, 12).

Анализируя свидетельство о средствах трапезы и состоянии Пасиона, Бейер останавливается на этом, вызвавшем много толкований, месте (Dem., XXXVI, 5): Демосфен говорит, что у Пасиона было более чем на 20 талантов недвижимого имущества (ἔγγειος ... οὐσία), кроме того, более 50 талантов, отданных взаймы (ἀργύριον ... δεδανεισμένον ἴδιον πλέον ἢ πεντήκοντα τάλαντα). Из них 11 талантов, отданных в рост из вкладов трапезы ἐν οὖν τοῖς πεντήκοντα ταλάντοις τούτοις ἀπὸ τῶν παρακαταθηκῶν τῶν τῆς τραπέζης ἕνδεκα τάλαντα ἐνεργὰ ἦν). Смысл последней части неясен: если 50 талантов принадлежали Пасиону, то почему они отнесены к вкладам трапезы? Если же только 11 талантов взяты были из вкладов, почему они включены в общую цифру 50? Короче говоря, как отделить здесь личные средства Пасиона от денег вкладчиков?

Приводя различные предложенные в литературе толкования, Бейер заключает (стр. 410): «Aus dem Wirrwar kann ich nicht herauskommen», однако предлагает все же гипотетическое объяснение: если считать, что всего в трапезе было 50 талантов, а спор идет об 11 из них, причем Аполлодор утверждает, что они принадлежали Пасиону, Формион — вкладчикам, тогда надо вычеркнуть слово ἴδιον. Но Бейер присоединяется к толкованию Hornbostel'a (стр. 42, 44—45): 50 талантов, по словам Аполлодора,— деньги Пасиона. Затем в интересах Формиона оратор расчленяет их на собственный капитал и депозиты. Пасион, кроме земельных владений, имел в займах privat verliehenes Eigenkapital в размере свыше 50 талантов. Сюда включены 11 талантов, инвестированных (gewinnbringend angelegt) из депозитов. Смысловое ударение лежит не на ἐνεργά, ибо это относится ко всем 50 талантам, а на ἀπὸ τῶν παρακαταθηκῶν, ибо остальные 39 талантов не относятся к вкладам. У Пасиона при сдаче трапезы в аренду было там своих 11 талантов, и претензия на них Аполлодора обоснована.

Мне представляется, что слово ἴδιον имеет смысловую связь не с ἀργύριον, а с δεδανεισμένον и говорит не о принадлежности денег Пасиону (это было бы излишне подчеркивать при перечне его имущества), а о том, что эти деньги были одолжены им «от себя» [13]. Когда же он передавал дело, надо было точно разграничить личные средства Пасиона от денег вкладчиков. Вряд ли случайно, что займы из средств вкладчиков — 11 талантов — обеспечивались недвижимым имуществом. Что касается займов из средств самого Пасиона, то они могли быть даны под различное обеспечение. Эти займы, хотя и внесенные при Пасионе в книги трапезы, очевидно, исключены были из ведения арендаторов. Известно, что Аполлодор в течение ряда лет и через суд и по договоренности взыскивал следуемые его отцу суммы (Dem., XXXVI, 36, 38). Это никак не отражалось на арендной плате и арендаторы трапезы, по-видимому, не имели к этим деньгам отношения.

Бейер вместе с Аполлодором оспаривает долг Пасиона трапезе (11 талантов), считая это последующей припиской Формиона к тексту арендного договора (стр. 45—46). Формион мотивировал этот долг тем, что, поскольку при сдаче трапезы в аренду он еще не имел гражданских прав, он не смог бы воспользоваться правом кредитора на захват заложенного имущества неисправных должников. Поэтому Пасион взял на себя эти долги трапезе. Бейер отвергает это объяснение, заявляя, что Пасиону незачем было это делать, так как взыскание долгов мог взять на себя Аполлодор, сохранявший права собственника на сданную в аренду трапезу. Однако здесь получается circulus vitiosus. Аполлодор взыскивал только те долги, которые следовали самому Пасиону, а не вкладчикам. Если эти 11 талантов принадлежали вкладчикам, их взысканием должны были заниматься арендаторы трапезы. Древнегреческая практика аренды, в отличие от римской, предполагала полное освобождение собственника имущества от каких бы то ни было хозяйственных забот.

Таким образом, попытки целиком и полностью оправдать претензии Аполлодора и представить действия Формиона цепью жульнических махинаций оказываются неубедительными. В то же время следует учитывать исключительную тенденциозность такого рода источников, как судебные речи. Когда читаешь Трапезитик Исократа, вина Пасиона, жестоко обманувшего доверие своего боспорского клиента, представляется бесспорно доказанной [14]. Между тем, как явствует из последующей карьеры Пасиона,

[13] Не исключена возможность, что в последний период жизни Пасиона, когда он фактически утратил свою дееспособность, он привлек Формиона к делам в качестве компаньона.

[14] Остроумно, хотя и не может быть доказано, предположение Бейера, что у Пасиона был тайный сговор с боспорским правителем Сатиром, представителям которого он выдал часть хранившихся у него средств юного боспорца (стр. 170—174).

афинский суд не признал его виновным. Правда, обманчивое впечатление от судебных речей возникает в результате того, что обычно мы имеем дело с показаниями лишь одной стороны и нет возможности следовать обязательному принципу: audiatur et altera pars. Однако как раз в случае с тяжбой Аполлодора — Формиона непостоянство Демосфена поставило нас в счастливое положение — у нас две его речи, написанные для обеих спорящих сторон (XXXVI и XLV), и можно сопоставить их аргументы и контрдоводы. Кроме того, о различных сторонах деятельности Аполлодора известно из других его судебных процессов, от которых, правда, не сохранились речи его противников. Сопоставляя все данные, мы видим, что далеко не все упреки Формиона в адрес Аполлодора справедливы. Аполлодор не уклонялся от трат на литургии, а напротив, проявлял иногда чрезмерную щедрость (Dem., L. passim). Он охотно помогал попавшим в беду друзьям (Dem., LIII). В то же время многие бесспорные факты свидетельствуют о его неспособности продолжать дело отца, о непомерной расточительности, стремлении жить напоказ. Не Формион был повинен в материальных затруднениях Аполлодора, который умел легко тратить, но не приобретать. Если Формион и извлек для себя материальные выгоды из своей опеки и аренды трапезы, то его заслуги в сохранении и приумножении наследства Пасиона были немалыми.

В столкновении Аполлодора с Формионом проявляются два начала в экономической и социальной жизни Афин IV в. до н. э. Аполлодор, новоиспеченный афинский гражданин, сын бывшего раба, стремится жить по старым традициям, занимаясь немного сельским хозяйством, но в основном активно участвуя в политической жизни и уклоняясь от предпринимательской деятельности. Формион, человек того же социального круга, прошедший тот же путь от раба до афинского гражданина, построил свою жизнь иначе: он всю свою энергию вкладывает в дела — кредитные операции, торговлю, предпринимательство. И победа не только в судебной тяжбе, но и во всей жизненной практике оказывается на его стороне. Младший сын Пасиона Пасикл, не пошедший по стопам Аполлодора, а избравший тесное сотрудничество с Формионом, преуспел гораздо больше, чем старший брат.

Несогл сие с основными выводами Бейера относительно характера судебной тяжбы между Аполлодором и Формионом не умаляет положительной оценки его работы. Она выполнена очень тщательно [15]. Подробные филологический и исторический анализы текста будут полезны любому исследователю, который вновь обратится к этим источникам, отражающим картину сложных имущественных и социальных отношений в Аттике IV в. до н. э. на примере одной семьи. Значение этого материала тем более велико, что здесь выступает перед нами характерное для IV в. до н. э. расширение гражданского коллектива за счет людей, выступающих носителями новых тенденций в экономической и социальной жизни греческого полиса.

Л. М. Глускина

[15] Замеченные опечатки и неточности: стр. 32 — в цитате из Dem., XXXVI, 49 написано τηλιαύτην вместо τηλικαύτην; стр. 201 — в цитате из Dem., XXI, 157 написано Λυσιθειδη вместо Λυσιθείδης; стр. 204 — написано τρήρες вместо τριήρεις, там же неверно дана ссылка на статью H. Fränkel'a — AM 37 (1922), а надо AM 38 (1923); стр. 229, s. v. Deinias — написано Schiegervater вместо Schwiegervater.

ДВЕ НОВЫЕ РАБОТЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФРАКИИ

БЕЛИЗАР ВЕЛКОВ, Робството в Тракия и Мизия през античноста, София, 1967, 153 стр.; *АЛЕКСАНДР ФОЛ, Демографска и социална структура на древна Тракия I хилядолетие преди новата ера*, София, 1970, 282 стр.

Работы В. Велкова и А. Фола в значительной мере посвящены проверке распространенной в современной историографии точки зрения на древнюю Фракию как на общество, могущее быть причисленным к рабовладельческим в классическом понимании этого термина.

Книга В. Велкова содержит: предисловие, семь глав (Историография; Рабство во Фракии в предримскую эпоху; Фракийские рабы в греческих полисах; Фракийские рабы в Риме; Рабство во Фракии в римскую эпоху; Рабство в Мезии в римскую эпоху; Рабство в диоцезе-

Фракия в поздней античности), заключение и указатель использованных источников. Она построена на тщательным образом собранных и систематизированных источниках. Автор учел все — в общем весьма немногочисленные — данные, и литературные, и эпиграфические, о рабах-фракийцах как вне территорий, заселенных фракийцами, так и на этих территориях.

Начинает он свое исследование с Гомера, а именно, с анализа упоминания рабов и слуг в доме фракийского жреца, принимавшего у себя Одиссея. Опираясь на работы Я. А. Ленцмана, В. Велков приходит к выводу, что данное место у Гомера никак не может служить доказательством развития рабовладения у фракийцев уже в начале I тыс. до н. э. Гомер, говорит он, считал рабов и слуг непременной принадлежностью дома богатого и знатного человека, а потому его описание дома и хозяйства фракийского жреца соответствует скорее определенному стандарту, чем реальной действительности. Неправомерно, по мнению В. Велкова, делать далеко идущие выводы о рабстве у фракийцев и на основании известных строк Архилоха.

Рабство, несомненно, было известно в V в. до н. э. в Одрисском царстве. В рабов там обращали пленных, захваченных в межплеменных войнах, и затем массами продавали в Грецию Но именно масштабы экспорта рабов-военнопленных показывают, что в самой Фракии рабский труд широкого применения не находил. Рабы там использовались, судя по свидетельствам Ксенофонта, только в качестве пастухов и слуг у самых богатых и высокопоставленных лиц, а может быть, также в рудниках и оружейном деле, высоко развитом у фракийцев. Ограниченные возможности применения рабского труда во Фракии В. Велков связывает с отсутствием в ней полисов, базировавшихся на античной форме собственности. В доримскую эпоху, заключает он, рабство во Фракии существовало, но в незначительных размерах, рабы использовались лишь знатью и в основном в непроизводственных сферах. Развивалось рабство в греческих колониях, полисах Черноморского побережья. Туда продавали рабов из глубинных районов Фракии, и оттуда они перепродавались в Грецию. В самой Греции, по данным авторов эпиграфики (главным образом манумиссий), ономастики, рабов-фракийцев было немало, но для эллинистической эпохи заметно явное преобладание рабынь над рабами. По предположению В. Велкова, мужчины-фракийцы в то время в большом числе поступали на службу в наемные войска и реже попадали в рабство, чем женщины.

В Риме в III—II вв. до н. э. рабов-фракийцев мало, во всяком случае сведения о них скудны. В I в. до н. э. в связи с войнами Митридата они появляются в большом количестве, о чем свидетельствует роль фракийцев в восстании Спартака. Еще больше возрастает число рабов из Фракии в результате войн римлян на Дунае. В I в. н. э. увеличивается число надписей рабов-фракийцев в Риме. Об их этнической принадлежности можно судить как по именам, так и по указаниям на место рождения. Многие фракийские рабы попадали в гладиаторы. В Италии и провинциях надписей рабов-фракийцев мало. Во II в. н. э. они вообще почти исчезают, даже в самом Риме. Общую их сравнительную малочисленность В. Велков объясняет как тем, что, поскольку уроженцев Фракии всегда охотно брали в армию, их порабощение ограничивалось, так и тем, что в связи с умножением античных полисов в самой стране там возрастала потребность в рабах и их меньше экспортировали.

Правда, данных о рабах во Фракии мало, но они позволяют полагать, что в римскую эпоху рабство стало здесь проникать в основные отрасли производства. Так, на найденном в Амфиполе надгробии работорговца I в. н. э., отпущенника А. Каприлия Тимофея, изображен раб-каменотес и рабы, несущие амфоры с вином, очевидно виноделы. Другая надпись работорговца датируется II веком; видимо, в самой Фракии расширяется торговля рабами. Однако широкому распространению рабства препятствовала живучесть и крепость сельской общины. Поскольку никаких сведений о рабах в селах до нас не дошло, можно заключить, что общинники работали сами.

Рабы, во всяком случае, в качестве администрации, а может быть, и рабочей силы использовались в императорских сальтусах и хозяйствах городских собственников. С городских территорий происходят надписи рабов-акторов, виликов и других, не указывавших свои занятия. Надпись от 210 г., перечисляющая дары городу, предусматривает, в частности, предоставление масла для умащивания в бане гражданам, чужеземцам и рабам, очевидно, составлявшим некоторую часть городского населения. Один рельеф изображает рабов-виноделов. Никаких упоминаний о рабах-ремесленниках нет, но в рудниках рабы использовались. Во всяком случае, из рабов и отпущенников состояла администрация рудников. Императорские рабы и отпущенники были заняты в управленческом аппарате. Сведений об отпущенниках частных лиц немного. Видимо, практика отпуска рабов расширяется к IV в., о чем свидетельствует и закон Константина об отпуске рабов в церквах. В общей сложности надписей, упоминающих рабов, для Фракии известно лишь два десятка.

Из Мезии таких надписей происходит около сотни. Условия для распростране

ния здесь рабства были более благоприятны, чем во Фракии с ее сильной общиной, отсутствием воинских частей и колоний ветеранов. Первые упоминающие рабов надписи из Мезии датируются первой половиной I в. В основном они относятся к отпущенникам солдат. Затем рабство распространяется в связи с урбанизацией и умножением числа императорских имений. Со времени Флавиев появляются надгробия ветеранов-землевладельцев, похороненных в их имениях рабами и отпущенниками. Последние часто были наследниками господ, отпущенницы — их женами. В наиболее плодородных районах Мезии укрепляется землевладение частных лиц, имевших там виллы. Их акторы также известны из надписей. Акторы и сельскохозяйственные рабы ветеранов в надписях не засвидетельствованы. В. Велков предполагает, что это связано с практикой сдачи ветеранами наделов в аренду местному населению.

Ряд надписей сделан императорскими акторами и виликами, которые ведали отдельными виллами, входившими в сальтусы. Администрации императорских имений и пастбищ принадлежали и найденные в Мезии печати. Раскопки одной из вилл на территории императорского сальтуса позволяют полагать, что там в виноделии и выращивании зерновых были заняты трудившиеся под надзором отпущенников рабы. Рабский труд засвидетельствован в ремесле, а также в торговле. Рабы и отпущенники местных и находившихся в Италии и других провинциях торговых компаний действовали в качестве их агентов. Из рабов набирались слуги, между прочим, непременно фигурировавшие на многочисленных надгробиях с изображением «загробной трапезы». О распространении рабства свидетельствует и значительный процент отпущенников в составе населения городов.

В Мезии рабство было менее распространено, чем в Дакии, где найдено около 150 надписей, упоминающих рабов и отпущенников, и чем в Далмации, где таковых известно около 500, но значительно больше, чем во Фракии. Автор объясняет это характером отношений, господствовавших в этих провинциях: община во Фракии, военные города и императорские имения в Мезии, исконная муниципальная организация в Далмации. Только для последней можно говорить о широком распространении рабского труда. Во Фракии, хотя рабство там было известно по крайней мере со времен Одрисского царства, его развитие тормозила община. В Мезии оно достигло более высокой ступени, но и там не охватило целиком производства, так как ее экономика стала развиваться в то время, когда уже появились симптомы кризиса рабовладельческого способа производства. Уже в первые века Империи здесь начали формироваться отношения типа колонатных за счет поселения на землях провинции иноземных племен и наделения отпущенников земельными участками. С конца III в. этот процесс усиливается. И хотя в IV в. в имениях число рабов в результате многочисленных войн даже увеличивается, значение рабства падает по сравнению со все возрастающим значением колоната.

Таким образом, исследование В. Велкова, собравшего все данные о рабах в населенных фракийцами областях, со всей возможной при скудости материала убедительностью показало, что рабство было слабо развито во Фракии и несколько больше в Мезии (но все же меньше, чем в ряде других провинций, не говоря уже об Италии). Книга В. Велкова подтвердила также и высказывавшиеся уже раньше в нашей литературе предположения об общих закономерностях движения античного рабовладельческого способа производства: его развитие органически связано с античной формой собственности, с античным городом. Только в рамках полисной организации рабство становится господствующим, определяющим элементом производственных отношений. Там, где преобладали иные социально-экономические уклады (например, община во Фракии, сальтусы, возделывавшиеся колонами во Фракии и Мезии, эпохи поздней Империи), рабство, хотя и существовало, таким основным, определяющим элементом не являлось.

Выводы о рабстве во фракийских областях, сделанные В. Велковым, в значительной мере были положены А. Фолом в основу предпринятого им теоретического исследования господствовавшего во Фракии способа производства и его эволюции. Книга А. Фола состоит из краткого введения, пяти глав (Сельская община рабовладельческой эпохи; Статистика или модель отношений; Общее описание фракийского этноса; От патриархального рода к общинно-территориальной организации; Антагонистические противоречия во Фракии и их социально-политические результаты), заключения, указателей (использованных источников, именного и географического), резюме на русском и английском языках.

Рассмотрев различные точки зрения участников дискуссий об «азиатском способе производства» и опубликованные в ВДИ статьи И. М. Дьяконова об общине на древнем Востоке, А. Фол формулирует свою точку зрения. Констатация наличия общины в том или ином обществе, говорит он, еще не определяет формационной принадлежности этого общества, поскольку общины того или иного типа, включая и гражданскую общину — полис, существовали во всех докапиталистических формациях. Охарактеризованные К. Марксом азиатская и герман-

ская общины не исчерпывали характера производственных отношений общества в целом, так как в различных конкретных исторических условиях их эволюция могла привести к возникновению различных способов производства, в которых община оказывалась лишь одним из элементов. По мнению автора, в общине любого типа заложены возможности генезиса рабовладельческого способа производства во всех его вариантах, с соответственными типами социальной и политической организации. Наиболее благоприятные для вышего расцвета рабовладельческой формации предпосылки заложены в такой общине, как полис, со всеми присущими ему противоречиями. Но и другие типы не отличны принципиально от полиса; они представляют собой или предшествующие ему, или следующие за ним этапы развития. К последним А. Фол относит города Римской империи, к первым — сельские общины «варварской» периферии, также вошедшей в состав Империи и служившей основой развития городов. Устойчивость Римской империи, говорит он, объясняется именно сосуществованием и взаимодействием в рамках рабовладельческой формации полисной и сельской общин со многими переходными и смешанными формами.

Одной из областей Империи, где община обладала особенной стабильностью, была Фракия, социальную историю которой под соответственным углом зрения рассматривает А. Фол.

Фракийские области, пишет он, дают образец перехода от доклассового к классовому обществу на базе общинной структуры и неклассического рабства. Как конкретно шел этот процесс, можно понять, изучая соотношение различных видов собственности [по схеме: семья — община — государство, или: индивид — коллектив — общность коллективов (персонифицированная или нет)] и, соответственно, выясняя характер различных социальных групп внутри и вне общины, форм эксплуатации, распределения материальных благ. Все это даст возможность осветить процесс генезиса государства и государственных институтов.

Рассмотрение указанных проблем, продолжает автор, тормозилось отсутствием четкой методологической базы, стремлением вывести происхождение государства только из противоречий между рабами и рабовладельцами, хотя такой путь был отнюдь не всеобщим, поскольку, как установлено в последнее время, государство может возникнуть и в результате противоречий внутри общины. Именно таков был путь Фракии. При этом автор не соглашается с теми, кто квалифицирует подобные государства как нерабовладельческие, «предфеодальные», «протофеодальные». Такая точка зрения, замечает А. Фол, базируется на представлении, будто сельская община «германского типа» порождает непременно феодализм, но это не так: тип общины может только благоприятствовать развитию рабовладельческой или феодальной формации, но не определять это развитие. Необходимо сочетание многих исторических факторов, приводящих в движение механизм взаимодействия компонентов общины, открывающей путь развитию определенного способа производства. Фракия, как и ряд иных областей Азии, Балкан и др., развивалась не так, как греческие полисы или Рим, но все они стояли не вне рамок рабовладельческой формации, а принадлежали к ней, хотя в них рабовладельческий способ производства и не достиг расцвета.

Свое конкретное исследование А. Фол начинает с подробного анализа 1157 надписей Рима, Италии и провинций, в которых упомянуты фракийцы, и заключает, что: 1) фракийцев там было больше, чем других этнических групп; 2) солдат значительно больше, чем рабов; 3) среди солдат преобладали уроженцы сельских местностей, которые, выйдя в отставку, возвращались на родину. Фракийцы в другие области Империи попадали по принуждению, как солдаты и рабы, а не добровольно (например, не как купцы). В новых местах они не ассимилировались, держались своих односельчан (convicani) и своих культов и стремились вернуться домой. В саму Фракию эллинизация и романизация тоже проникали слабо; слабо проникал в села любой чужеродный элемент. Основой социальной структуры Фракии было разделение ее населения на крестьян, объединенных в территориальные сельские общины, и знать, также входившую в общины, но составлявшую особый — эксплуатировавший своих сообщинников — класс-сословие. Эта структура на протяжении веков оставалась непоколебленной. Каждая семья имела свою парцеллу, коллективным владельцем парцелл и общинных угодий, коллективным арендатором и налогоплательщиком оставалась община, независимо от того, кто был верховным собственником земли — император, город или частное лицо.

Данные эпохи Империи не противоречат более ранним. В эпоху эллинизма уроженцы Фракии оказывались вне ее тоже в качестве рабов или солдат. Поселения последних в государствах Птолемеев и Селевкидов воспроизводили фракийскую сельскую общину. Все это подтверждает, что в течение многих веков фракийское общество неизменно базировалось на стабильной сельской общине.

Проблема ее генезиса, продолжает автор, тесно связана с проблемой этногенеза фракийцев. Он рассматривает соответственные данные авторов (начиная с Гомера), данные ономастики, лингвистики и приходит к выводу, что этни-

ческая целостность фракийского населения не нарушалась проникновением греков, кельтов, римлян, вторгавшихся или переселявшихся на территорию Фракии племен. Сами же фракийцы в значительном числе проникали в другие страны, например в Вифинию, где правила фракийская династия.

Еще во II тыс. до н. э., в эпоху бронзы, во фракийском обществе выделяется знать, присваивавшая себе жреческие, судебные и полководческие функции, что приводит к возникновению ранних «царств», по типу сходных с ахейскими. Переход (в середине II тыс.) от бронзы к железу не означал резкого разрыва в эволюции фракийского общества, но привел к ряду существенных изменений. Перестройка хозяйства, расселение на новые территории обусловили разложение рода, следы которого сохранялись лишь в культе и традиционных обрядах. К середине I тыс. до н. э. господствующей стала патриархальная семья, подтверждение чему А. Фол видит в свидетельствах о многоженстве у фракийцев: жены, по его мнению, использовались как рабочая сила. Описания боевого строя фракийцев показывают, что к тому времени сложились и их основные классы — тяжеловооруженная конница состояла из сословия знати, легковооруженная конница и пехота — из крестьян. Тогда же стали складываться и административно-территориальные единицы, не совпадавшие с племенами. Во всяком случае, стратегии, существовавшие в начале Империи во Фракии, возникли еще в доримские времена (возможно в Одрисском царстве) как области, управлявшиеся царскими наместниками. В то же время административными единицами становятся села. Таким образом, в период V—I вв. до н. э. формируются мелкие и крупные территориальные комплексы: село (кома) — группа сел (комархия) — группа комархий (хора) — несколько хор, стратегия.

Села были различных типов. Фракийская «пара» — открытое поселение части племени, состоявшее из отдельных домов с их хозяйственными постройками, иногда с кузницами. Основной производственной ячейкой была патриархальная семья, ставшая к началу нашей эры моногамной. Имущество семьи принадлежало ей на основе частной собственности. Другой тип села, тоже весьма распространенный,— фракийская «диза» — укрепленное поселение, возникавшее или как убежище для окрестных жителей во время войн, или как крепость для гарнизона племенных вождей и царей. Такие крепости становились и ядром городских поселений. Города —«бриа»— не были полисами античного типа, не имели статуса самостоятельной организации с оформленной администрацией.

Полисы, по мнению автора, здесь не возникли, так как хозяйство носило не интенсивный, а экстенсивный характер, и рабство, не игравшее особой роли, не развивалось. Кроме того, когда стали возникать классы, аристократия претендовала на господство не локальное, а над всей Фракией, борьба шла между целыми племенными объединениями. Из городов-крепостей и резиденций царей, обычных во всех ранних обществах с примитивной общинной структурой, полисы могли возникнуть лишь при сочетании ряда благоприятных условий, не сложившихся во Фракии. Здесь основная линия развития шла в направлении шедшего внутри общин разделения общинников на знать — фактического собственника — и крестьянство — фактического владельца земли. Знать консолидируется в особый класс, ставит в зависимость от себя рядовых общинников, обязанных ей различными повинностями. На этой основе возникают начиная с V в. до н. э. различные государственные образования. Хотя, помимо основных классов, во фракийском обществе стали появляться торговцы и принадлежавшие знатным семьям рабы, они не играли роли, столь заметной, чтобы развить заложенные во фракийской общине возможности перехода к полисному устройству и государству классического античного типа. Лишь в эпоху Империи во Фракии возникли кое-какие античные города.

Крестьяне, сидевшие на землях аристократии, имели разный статус, в зависимости от местных особенностей и традиций. Однако, по мнению А. Фола, ошибаются те, кто допускает наличие во Фракии свободных крестьян. Некоторые считают, что из них вербовались наемники в армии, но они могли быть и членами зависимых общин, а затем, после отставки, как то было и при Империи, возвращались в родное село. Вообще, замечает А. Фол, свободный крестьянин — это крестьянин, не входящий в общину, а таких до капитализма не существовало. Сельская община не могла быть свободной, ибо платила дань центральному правительству или собственнику земли, так что село всегда было владельцем, а не собственником средств производства. Крестьянин всегда зависел от вышестоящих в административном и социальном отношении институтов и юридических лиц, был связан круговой порукой — участием в уплате податей и повинностей, наложенных на общину.

Противоречие между знатью и рядовыми общинниками было противоречием между антагонистическими классами, поразному относившимися к средствам производства. Их антагонизм — движущая сила развития фракийского общества и его политических институтов. Это было раннеклассовое общество с не реализовавшимися возможностями развития в общество рабовладельческое и вклю-

ченное во времена Империи в рабовладельческую систему. Хотя, как показало исследование В. Велкова, рабов во Фракии было мало, потому что сельская община тормозила проникновение рабского труда в производство, зависимость крестьян фактически была рабской. Поэтому Фракию, полагает А. Фол, можно считать предклассическим, предполисным раннерабовладельческим обществом, а фракийское государство охарактеризовать как предклассическое, раннерабовладельческое государство, укреплявшее права знати на землю.

Не обязательно, заключает А. Фол, стараться искать рабов и рабовладельцев, чтобы найти место Фракии и многим подобным ей обществам в системе рабовладельческой формации.

Работы В. Велкова и А. Фола представляют большой интерес как по собранному в них материалу, так и по выводам. Они лишний раз подтверждают, сколь важно конкретное изучение отдельных областей античного мира для суждения о закономерностях его эволюции. Так, например, теперь, когда появился уже ряд работ по истории римских провинций до и после римского завоевания, становится все более очевидным, что Империю нельзя рассматривать как некое единое, монолитное целое, развивавшееся в едином ритме. На первый план выступает ее многоукладность — сложное переплетение и взаимовлияние различных укладов. Особое значение приобретает взаимодействие социально-экономических отношений, сложившихся в той или иной стране до римского завоевания, с теми, которые это завоевание привносило. Господствовавшее раньше в нашей науке представление о почти полной нивелировке различных областей Империи, о безраздельном господстве в них высокоразвитого античного рабовладельческого способа производства в свете новых исследований оказывается слишком прямолинейным. Становится ясным, что античный рабовладельческий способ производства не смог до конца разложить и вытеснить иные отношения, как не смог этого сделать в колониальных странах даже капитализм, обладавший гораздо большей соответственной потенцией. Такие отношения не только не исчезали, но, напротив, продолжали развиваться и крепнуть.

Исследования Л. Тейтча, Т. Котулы и особенно И. Колендо [1] показали, что даже в римской Африке, где города античного типа и рабовладельческие виллы были очень многочисленными и где на территории Карфагена существовали старые традиции рабовладельческого хозяйства, оставалось еще множество пережитков отношений, сложившихся до римского завоевания. Особенно же важно, что издавна существовавшие отношения между крупными землевладельцами из туземной знати и мелкими земледельцами, обрабатывавшими их имения, не только не были вытеснены рабовладельческими, но чем далее, тем более укреплялись в сальтусах. Работа И. Колендо убедительно демонстрирует, сколь шаток тезис о замене в латифундиях труда рабов трудом колонов в результате кризиса рабовладельческого производства, о «плавном» переходе от классического рабства к формам эксплуатации, предвосхищавшим феодальные. Его исследование показало, что мелкая аренда мелких зависимых держателей, впоследствии осмысленная как колонат, возникла в Африке задолго до присоединения к римской державе в результате внутреннего развития и в крупных имениях никогда не была вытеснена рабством. Колонат не сменил рабство, а сосуществовал с ним, укреплялся в ходе развития рабовладельческого способа производства [2]. Когда же этот способ производства стал приходить в упадок, основанное на колонате крупное землевладение выступило на передний план как носитель элементов нового способа производства, новой феодальной формации.

Книги В. Велкова и А. Фола показывают нам другой вариант взаимодействия античного рабовладения с господствующими туземными отношениями, а именно — с сильной сельской общиной. В нашей историографии аналогичная проблема применительно к Малой Азии разрабатывалась и разрабатывается.

[1] L. Teutsch, Das römische Städtewesen in Nordafrika, B., 1962; T. Kotula, Les curies municipales en Afrique romaine, Wrocław, 1968; J. Kolendo, Kolonat w Afryce Rzymskiej w I—II wieku, Warszawa, 1962.

[2] Этот процесс имел множество прямых и косвенных проявлений. Развитие рабства давало владельцам сальтусов возможность создавать в своих имениях мастерские с рабами-ремесленниками, укреплять состоявшую из рабов и отпущенников поместную администрацию. Распространение городов и расширение имперской торговли создавало рынок для продукции колонов, изымавшейся в форме ренты. По мере того как земельные магнаты вливались в состав правящего класса Империи, особенно в сословие сенаторов, усиливалась их власть над сидевшими на их землях людьми и увеличивались возможности подчинять своему влиянию свободных мелких собственников, тоже так или иначе попадавших в зависимость от них. В результате постепенно формируются самодовлеющие производственные комплексы в крупных сальтусах, ставших главными носителями сепаратистских тенденций в поздней Империи.

Е. С. Голубцовой и И. С. Свенцицкой. Можно пожалеть, что А. Фол не обратился к их работам, и проводя параллели между Фракией и другими, по его терминологии, «раннеклассовыми обществами», в частности Вифинией, не использовал эти работы для сопоставления истории фракийской и малоазийской общин в эллинистическую и римскую эпохи. Подобное сопоставление, возможно, помогло бы выявить различие судеб общин в зависимости от их большего или меньшего соприкосновения с античными городами или, иными словами, значение взаимодействия античных рабовладельческих отношений с местными. Таким образом, высказанный в общей форме несомненно правильный тезис В. Велкова о том, что развитие античного рабства тормозилось влиянием общины и стимулировалось распространением античной формы собственности, мог бы быть детализирован и на примере Фракии.

В данной связи можно заметить, что, как нам представляется, А. Фол преувеличил замкнутость и устойчивость (по крайней мере, для римского времени) фракийских общин, никак их не дифференцируя. По-видимому, такое преувеличение связано с другим его положением — о том, что фракийцы не смешивались с другими племенами и народами, сохраняя при любых условиях свою самобытность. Вспомним, однако, хотя бы о повсеместном распространении грекоязычных надписей, об идентификации туземных богов с греческими (как по их именам, так и по иконографии) — все это предполагает не только не раз констатировавшееся влияние фракийских культов на греческие, но и обратное влияние. Что же касается более частного вопроса об общине, то, как известно, во многих надписях, происходящих из сельских местностей и сельских святилищ, упоминаются и ветераны, и лица с римскими родовыми именами, скорее всего, римские граждане. А. Фол, подчеркнув, что набранные из фракийских областей солдаты возвращались после отставки домой, как бы подразумевает, что они возвращались и к тому же положению (каково бы оно ни было), какое занимали до военной службы. Однако это противоречит всему, что известно нам о положении ветеранов. Где бы они ни получали землю, в городе или селе, они получали ее в собственность, с освобождением от повинностей и приравнивались по своему статусу к декурионам. По-видимому, можно не сомневаться в том, что они, как и другие римские граждане, всегда выделялись из общины, почему в совместных надписях сельских жителей из разных мест отдельно указываются сельчане и ветераны, римские граждане, поссессоры, причем последний термин в социальном и юридическом смысле, очевидно, равнозначен двум предыдущим. Поссессоры, выделившись из общины, могли сохранять тесные связи с односельчанами (отсюда — convicanus et conpossessor в петиции скаптопоранских сельчан, совместные надписи упомянутых групп сельского населения, надпись vicus et villa из Интерцизы, «благодеяния», оказывавшиеся поссессорами сельчанам в некоторых надписях из Галлии), но к общине они уже не принадлежали. Появление собственников земли на территории общины не могло ее не подрывать, особенно в те более поздние периоды, когда ветераны стали получать земли в основном уже не в городах, а в селах, где складывается новый слой землевладельцев, отличный от старой знати.

С тем же кругом вопросов связано и другое, упоминавшееся уже утверждение А. Фола — об отсутствии во Фракии свободных крестьян. Как мы видели, свободным он считает только крестьянина эпохи капитализма, поскольку тот не включен в общину, связанную повинностями. Однако, став на такую точку зрения, придется прийти к выводу, что в древности вообще не было свободных людей. Ведь (как справедливо подчеркивает и сам А. Фол) полис тоже был общиной, но можем ли мы на этом основании признать несвободными и граждан городов, во всяком случае,— в системе римской державы, когда город в целом отвечал за наложенные на него подати и повинности. Обязательства, налагавшиеся государством (даже несмотря на то, что в Риме оно выступало не только как суверен, но и как верховный собственник провинциальных земель), никак не могут считаться признаками зависимости, а тем более рабской (как ее определяет А. Фол) зависимости общин, владевших этой землей. Вообще о зависимости в таком контексте речь может идти только, если будет доказано, что собственник земли (будь то император или частное лицо) стеснял ту свободу, которую В. И. Ленин называл — в отличие от политической свободы — «гражданской». В брошюре «К деревенской бедноте» он указывал, что при крепостном праве крестьянин не имел не только политической, но и гражданской свободы, т. е. свободы распоряжаться своими личными и имущественными делами, своим трудом, выбирать, какому хозяину он будет отдавать свой труд[3]. Сходный характер носила узаконенная в поздней Империи зависимость некоторых категорий колонов, продававшихся вместе с землей, уход с которой затруднялся, лишенных права неограниченно распоряжаться своим имуществом, принимавшихся в армию лишь с дозволения землевладельца, который и в ряде других вопросов имел над ними власть и стоял между ними и го-

[3] См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 134.

сударством. Никаких данных о подобном положении фракийских сельчан не имеется. Напротив, приток фракийцев в эллинистические и римскую армии, многочисленные надписи, упоминающие их дары богам и, наконец, особые условия закона о колонате во Фракии, более позднего и более мягкого, чем для других местностей Империи, свидетельствуют о «гражданской свободе» если не всех, то значительной массы фракийских общинников. А если так, то недостаточно убедительна и попытка А. Фола охарактеризовать фракийское общество как «раннерабовладельческое» на том основании, что зависимость фракийских крестьян была будто бы рабской.

Полностью убедительным представляется соображение А. Фола, что ни наличие общины в том или ином обществе, ни даже ее тип сами по себе еще не дают возможности судить о природе и направлении эволюции этого общества. Достаточно известна точка зрения В. И. Ленина на этот вопрос (формулировавшаяся применительно к условиям пореформенной России, но приложимая и к другим эпохам). Поскольку класс мелких земледельцев, большей частью объединенных в общину того или иного типа, существовал во все эпохи до развитого капитализма, он формацию не определяет. Судить о ней можно на основании тех отношений, того способа производства, которые возникают в результате расслоения этого класса, социально-экономической дифференциации внутри и вне общины. Даже одна только констатация имущественного расслоения еще ничего не дает, показательно лишь производство в целом, т. е. его натуральный или рыночный характер, характер распределения собственности, формы эксплуатации, присвоения и распределения прибавочного продукта, социальная структура, политические институты. А. Фол полемизирует с Т. Д. Златковской, считавшей, что во Фракии в результате расслоения общины и консолидации двух антагонистических классов-сословий (определявшихся их отношением к земле), возникновения укреплявшего права знати на землю государства (все эти процессы отмечены А. Фолом) складывается «предфеодальное общество». Не вдаваясь в вопрос о том, насколько удачен самый термин, нельзя все же отрицать, что от подобных отношений возможен — хотя и не обязателен — гораздо более прямой и непосредственный переход к феодализму, чем к античному рабовладельческому способу производства. А. Фол считает, что переход к полисному строю не совершился во Фракии потому, что там менее интенсивным было хозяйство и менее развитым рабство. С первым, если в понятие интенсивности хозяйства включить известную степень развития товарно-денежного обращения, можно согласиться. Второе же, на наш взгляд, меняет местами причину и следствие. Не полис возник вследствие высокого развития рабства, а напротив, становление полиса обусловило его развитие. Ведь полис сложился, когда рабство далеко еще не овладело производством, и отнюдь не уровнем развития рабства отличался от того строя, который А. Фол находит во Фракии.

Разложение первобытнообщинного строя в общинах, впоследствии ставших античными полисами, вначале шло тем же путем, который А. Фол прослеживает для Фракии и многих иных стадиальн схожих с нею обществ. Так же зарождались классы землевладельческой аристократии и земледельцев, эксплуатация которых принимала разные формы — от долгового рабства до клиентской зависимости. Но — по причинам, на подробном анализе которых мы здесь лишены возможности остановиться,— это развитие было прервано в результате более или менее полной победы народа (состоявшего из различных социальных слоев) над знатью и установлением более или менее демократических, но сходных в основных принципах своей организации гражданских общин, античных городов-государств. Если сравнить эти принципы с основными чертами обществ типа фракийского, каким его рисует А. Фол, и феодальных, то оба последних типа окажутся ближе между собой, чем каждое из них — с античной гражданской общиной. Так, отношение к земельной собственности в них определялось сословной принадлежностью, в полисе же — гражданским статусом, и лишь в поздней античности появляется сословная собственность в виде экзимированного сенатского землевладения. Основной формой эксплуатации, развившейся при дифференциации сельской общины, была эксплуатация землевладельцами обязанных теми или иными видами ренты земледельцев, наделенных средствами производства, более или менее зависимых — лично или юридически — от собственника земли, но входивших в общинную организацию, в которую входил и он. Государство было органом класса земельной знати, укрепляя ее права на землю и труд земледельцев. Производство в значительной мере оставалось натуральным, торгово-ремесленные слои играли бо́льшую или меньшую, но сравнительно слабую роль. Рабство существовало, но также не становилось основным, определяющим элементом производства. В античном полисе дифференциация, правда, тоже приводила к появлению кабальных должников, арендаторов, батраков, но, во-первых, она тормозилась наделением неимущих землей (которое могло проводиться различными способами) и государственной субсидией, почему соответственные формы эксплу-

атации не могли долгое время стать основными, а во-вторых, в системе гражданской общины они не смогли привести к возникновению личной и юридической зависимости одних граждан от других. Именно поэтому основной формой эксплуатации становится эксплуатация стоявших вне институтов и права гражданской общины рабов, которые могли быть фактическими, но никак не юридическими владельцами средств производства, и прибавочный продукт которых присваивался непосредственно, а не в виде ренты. Государство (совпадало ли оно с гражданской общиной, как то было на первых этапах, или выделялось в особый орган) в основном охраняло право граждан на землю и другое имущество, постоянно (за исключением некоторых кризисных периодов) вступая в конфликт с крупнейшими собственниками, ограничивая теми или иными мерами их притязания. Наконец, самый характер распределения собственности, наряду с другими условиями, предопределял развитие товарного производства в античном обществе ставшем, по выражению Ф. Энгельса, «обществом простых товаропроизводителей», с соответственной ролью ремесла, торговли, денежного обращения.

С конституированием (по мере одерживавшихся народом побед) античной гражданской общины сужение возможности экспроприации и эксплуатации сограждан предопределяло развитие античного рабства и соответствовавшего ему основного антагонизма. И хотя в ранних Афинах или раннем Риме число рабов могло быть очень незначительным, эти общества могут быть, учитывая детерминированное их структурой направление эволюции, названы раннерабовладельческими. К обществам же типа фракийского этот термин вряд ли приложим, ибо без коренной перестройки их структуры они так же не могли стать обществами классического рабовладения, как последние не могли стать путем плавной эволюции феодальными.

А. Фол видит подтверждение своему представлению о рабовладельческой природе фракийского общества в том обстоятельстве, что, попав под власть Рима, оно было «интегрировано с рабовладельческим способом производства». Однако вряд ли такое доказательство можно считать убедительным. На всем протяжении мировой истории известны случаи, когда завоевание ускоряло переход к новому способу производства. Так было, в частности, и с переходом Западной Римской империи к феодализму, ускоренному варварскими завоеваниями. В ряде случаев то же имело место и в результате присоединения той или иной области к римской державе. Оно могло сыграть роль того переворота, который некогда привел к конституированию античных городов-государств. Экспроприация провинциальных крупных собственников из туземной знати, наделение землей сидевших на ее землях людей (о чем известно из агрименсоров), ликвидация зависимости одних племен от других, стимулировавшееся правом выделения поссессоров из общин, широкое распространение муниципальной организации — все это были предпосылки развития рабовладельческого способа производства. Соответственный процесс достаточно хорошо изучен для ряда районов Испании, Галлии, Северной Африки, Дунайских провинций и т. д. И совершенно прав В. Велков, ставя в непосредственную связь степень распространения в провинциях античной формы собственности и рабства. Он прав также, отмечая, что крепкая сельская община представляла собой барьер на пути развития рабства. Области, где сохранялись общины и крупное внегородское землевладение, которое римские правители по тем или иным причинам не хотели или не могли разрушить, оставались «внутренней периферией» этого способа производства, из которой черпались необходимые для его функционирования людские и материальные ресурсы, но сама она не становилась рабовладельческой. А. Фол совершенно прав, когда в начале своей книги пишет, что стабильность Римской империи обусловливалась сосуществованием в ней, взаимосвязью полиса и сельской общины. Действительно, ее многоукладность и многообразные формы связи между укладами давали оптимальное в тех условиях решение проблемы соотношения античного и неантичного мира, проблемы, возникшей с самого начала существования первого. Но это не значит, что самая многоукладность исчезла и вся Империя стала совершенно однотипной.

Как и почему на той или иной ее территории распространялось античное рабство? Какова при этом была роль сознательно проводившейся Римом политики, а какова роль отношений, сложившихся до римского завоевания? В чем проявлялось сложное взаимодействие укладов, их взаимопроникновение и взаимовлияние, насколько самостоятельными были пути развития отдельных укладов вплоть до их перехода к феодализму? Все это проблемы, подлежащие дальнейшему изучению. Без их разработки невозможно отдать себе отчет ни в механизме функционирования Империи, ни в глубинных причинах ее кризиса и гибели. Книги В. Велкова и А. Фола вносят свой немалый вклад в разрешении этих вопросов.

Е. М. Штаерман

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1969 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

1. *Алексин Э.*, Искусство пропаганды в древнем мире, ВИ, 1969, № 12, с. 89—102.
2. *Алимухамедов А.* История античной литературы. Учебник для филол. фак. ун-тов и фак. узб. яз. и литературы пед. ин-тов, Ташкент, «Укитувчи», 1969, 400 с. [На узбек. яз.].
3. *Андреев И. Л.*, Экономические предпосылки складывания классов, «Труды Тюмен. индустр. ин-та», вып. 7. Проблемы социального развития, ч. 2, 1969, с. 3—29.
4. Античный роман, отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М., «Наука», 1969, 404 с.
Содержание: Беркова Е. А., Стрельникова И. П., Введение. Краткий очерк изучения античного романа в зарубежном, русском и советском литературоведении, с. 7—31, *Беркова Е. А.*, Греческий любовный роман. Харитон. Ксенофонт Эфесский. Ахилл Татий, с. 32—74; *Беркова Е. А.*, Буколический роман Лонга, с. 75—92; *Зембатова Н. П.*, Роман Гелиодора «Эфиопика» и его место в истории жанра, с. 92—106; *Кузнецова Т. И.*, Роман о Нине и другие папирусные отрывки греческого романа, с. 107—131; *Кузнецова Т. И.*, Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского», с. 132—155; *Кузнецова Т. И.*, Любовно-фантастический роман. Анатолий Диоген. Ямвлих, с. 156—185; *Кузнецова Т. И.*, Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре», с. 186—229; *Грабарь-Пассек М. Е.*, Философский роман. Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», с. 230—255; *Стрельникова И. П.*, От греческого романа к римскому. Аристид. Варрон, с. 256—272; *Стрельникова И. П.*, Сатирико-бытовой роман. Петроний, с. 273—331; *Стрельникова И. П.*, «Метаморфозы» Апулея, с. 332—364; *Кузнецова Т. И.*, Состояние изучения греческого романа в современном зарубежном литературоведении, с. 365—402.
Рец.: Покровская З., «Вопросы литературы», 1970, № 11, с. 214—217.
5. Антология мировой философии в 4-х томах, т. 1. Философия древности и средневековья, ч. 1 и 2, М., «Мысль», 1969, 936 с.
Из содержания: Античная философия. Гомер и Гесиод, с. 262—267. *Милетская школа*, с. 267—268; Фалес, с. 268—270; Анаксимандр, с. 270—273; Анаксимен, с. 273—274; Гераклит, с. 275—280; *Пифагорейская школа*, с. 280—286; Пифагор, с. 286—288; Алкмеон, с. 288; Филолай, с. 288—290; *Элейская школа*, с. 290—292; Ксенофан, с. 292—293; Парменид, с. 293—296; Зенон, с. 296—299, Эмпедокл, с. 299—308; Анаксагор, с. 308—315; *Софисты*, с. 315—316; Протагор, с. 316—318; Горгий, с. 318—319; Продик, с. 319; Фразимах, с. 319—320; Гиппий, с. 310; Антифонт, с. 320—321; Левкипп — Демокрит, с. 321—346; Эпикур, с. 346—360; Лукреций, с. 360—370; Платон, с. 370—407; Аристотель, с. 407—475; Стоики, с. 475—503; Сенека, с. 503—519; Марк Аврелий, с. 519—525; Секст Эмпирик, с. 525—536; Плотин, с. 536—554; Прокл. с. 554—576; *Раннехристианская философия.* Августин, с. 581—605; Ареопагитики, с. 606—620.
Рец.: ВФ, 1970, № 2, с. 161 [без подписи].
6. *Борев Ю.*, Эстетика, М., Издательство политической литературы, 1969, 350 с.
Рец.: ВФ, 1970, № 5, с. 163 [без подписи].
7. *Виткин М. А.*, Некоторые особенности развития докапиталистических формаций, «Философские проблемы исторической науки», М., «Наука», 1969, с. 113—132.
8. Вопросы классической филологии, вып. I, М., Изд-во МГУ, 1965, 218 с.
9. Вопросы классической филологии, вып. II, М., Изд-во МГУ, 1969, 225 с.
10. *Гаджиев В.*, К. Маркс и античное искусство, «Ученые записки Азерб. гос. ун-та. Серия языка и литературы», Баку, 1968, № 5, с. 97—103. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.].

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1968 гг. см. ВДИ, 1967, № 1 и 3; 1969, № 4; 1970, № 4. Работы, вышедшие до 1969 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под №№ 8, 10, 11, 23, 24, 41, 47, 63, 77, 98, 110, 112, 123, 124, 126, 128, 158, 160, 170, 177, 178, 204, 232, 292, 343. В «Указатель» включены также работы по классической филологии. Работы, опубликованные в ВДИ, в «Указатель» не вошли, за исключением рецензий на включенные в «Указатель» издания.

11. *Gerfasa L., Fomine T.*, Antikas literaturas vēsture, Rīgā, «Zvaigzne», 1968, 369 с.
12. *Главман М. С.*, О единстве познавательной и художественной деятельности в эпоху классической античности, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. 261. Философия, вып. 16. М., 1969, с. 42—58.
13. Древности Восточной Европы. [К 70-летию А. П. Смирнова], М., «Наука», 1969, 303 с.
14. *Думчюс Й., Кузавинис К., Миронас Р.*, Латинский язык. Учебник для студентов филол. и ист. фак. высш. учеб. заведений ЛитССР, Вильнюс, 1969, 257 с. (М-во высш. и сред. спец. образования, Вильнюсский ун-т им. В. Капсукаса).
15. *Иванов В. В.*, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии, «Ученые записки Тартуского гос. ун-та», вып. 236. Труды по знаковым системам, 4, 1969, с. 44—75.
16. IV Конференция по классической филологии. Ноябрь, 1969. Тезисы докладов (Секция греческого и латинского языков). Тбилиси, 1969, 91 с. (Тбилисск. гос. ун-т).
17. IV Конференция по классической филологии. Ноябрь, 1969. Тезисы докладов [Секции: истории античной литературы, античной культуры, античность и современность]. Тбилиси, 1969, 140 с. (Тбилисск. гос. ун-т).
18. *Логинова Л. В.*, История античной литературы. Учеб. пособие для студентов заочников I курса филол. фак., Горький, 1969, 63 с. (Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
19. *Мирзаханян Е. А.*, Классики марксизма об античном обществе, «Вестник Ерев. ун-та. Обществ. науки», 1969, № 1 (7), с. 16—26. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
20. *Нахов И. М.*, Эстетические и литературные взгляды киников, *в № 9*, с. 3—79.
21. Очерк истории этики, под ред. Б. А. Чагина, М. И. Шахновича, З. Н. Мелещенко. М., «Мысль», 1969, 428 с.
Рец.: *Архангельский Л. М., Котов Л. И., Киселев В. А. Тундыков В. Ф.*, 1969, № 5, с. 153—155.
22. *Повилонис Ю., Пулейкис С.*, Латинский язык. Конспект, Каунас, 1969, 63 с. (М-во высш. и сред. спец. образования Лит. ССР. Каунасское мед. училище).
23. *Федоров Н. А.*, История античной литературы. Метод. указания для студентов-заочников I курса филол. фак. и фак. журналистики гос. ун-тов. 6-е изд., испр. и доп. М., Изд-во МГУ, 1969, 1968, 64 с. (М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Науч.-метод. кабинет по заочному и вечернему обучению Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова).
24. *Церетели С. Б.*, Античная философия, Тбилиси, Изд-во Тбилисск. ун-та, 1968, 451 с. [На груз. яз.].
25. *Челидзе М. И.*, От наивной диалектики древних греков до формирования марксистской диалектики. Тбилиси, «Сабчота Сакартвело», 169 с. [На груз. яз.].

PERSONALIA

В. Д. Блаватский

26. *Кобылина М. М.*, Владимир Дмитриевич Блаватский. К 70-летию со дня рождения, «Вестник Моск. ун-та. История», 1969, № 6, с. 92—94.
27. *Кругликова И. Т.*, К 70-летию Владимира Дмитриевича Блаватского, СА, 1969, № 4, с. 108—111.

В. Ф. Гайдукевич

28. Виктор Францевич Гайдукевич. [Некролог], КСИА, вып. 116, 1969, с. 3—7. Список печатных работ В. Ф. Гайдукевич, с. 7—10.

А. О. Маковельский

29. А. О. Маковельский. [Некролог], ВФ, 1970, § 3, с. 183—184.

Б. Н. Граков

30. *Мелюкова А. И., Смирнов К. Ф., Шелов Д. Б.*, К 70-летию Бориса Николаевича Гракова, СА, 1969, № 4, с. 112—116.

С. А. Жебелев

31. *Максимова М. И.*, Из воспоминаний о С. А. Жебелеве, СА, 1969, № 3, с. 86—90.

М. Е. Массон

32. *Б. В. Лунин*, К 70-летию Михаила Евгеньевича Массона, СА, 1969, № 2, с. 126—129.

С. И. Радциг

33. Сергей Иванович Радциг. [Некролог], «Вестник Моск. ун-та. Филология», 1969, № 1, с. 89—91.

РАЗНОЕ

34. *Аверинцев С.*, Похвальное слово филологии, «Юность», 1969, № 1, с. 98—102.

35. *Ельницкий Л. А.*, Был ли в древности известен Гольфстрим? ВИ, 1969, № 2, с. 201.
О статье Г. В. Кларка «Древние знания о Гольфстриме».
36. *Козловская В. И.*, Проблемы древнейшей истории Испании в советской историографии, в кн. «Методологические вопросы современной науки. Материалы научной конференции», Воронеж, изд-во Воронежск. ун-та, 1969, с. 153—155.
37. *Костюхин Е.*, Древнегреческий «Роман об Александре» и его судьба в средневековой Европе, «Русская и зарубежная литература», вып. I, Алма-Ата, 1969, с. 5—14.
38. *Кузищин В. И.*, Журнал «Вестник древней истории», ВИ, 1969, № 11, с. 162—168.
39. *Мальований О. М.*, З історії боротьби іллірійських племен з рабовласницькими державами Балканського півострова у VII—III ст. до н. е., «Укр. іст. журн.», Київ, 1969, № 8, с. 90—95.
40. *Масленников Н. С.*, Изучение в ЛГПИ истории древнего мира и средневековья, «XXI Герценовские чтения (межвузовская конференция). Исторические науки», Л., 1969, (Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
41. *Нахов И. М.*, Ломоносов и античность. (К 200-летию со дня смерти), *в № 8*, с. 3—41.
42. *Немировский А. И.*, *Веллас Г. Я.*, Становление марксистской методологии истории в современной греческой историографии (по работам Я. Кордатоса), в кн. «Методологические вопросы современной науки. Материалы научной конференции», Воронеж, Изд-во Воронежск. ун-та, 1969, с. 148—150.
43. *Нейхардт А. А.*, *Шишова И. А.*, Семь чудес древнего мира, Таллин, «Валгус», 1969, 119 с. [На эст. яз.].
44. *Павелко О. П.*, Міф, народна творчість, філософія. (Образ Прометея в інтерпретації революційних демократів), «Проблеми філософії», Київ, 1969, вып. 13, с. 95—101.
45. *Радциг С. И.* Из истории кафедры классической филологии Московского университета, *в № 8*, с. 181—217.
46. *Фролов Э. Д.*, Из истории университетской школы антиковедения, «Вестник Ленингр. ун-та», 1969, № 2. История. Язык. Литература, вып. 1, с. 121—129.
47. *Численко Н. Д.* Новолатинская литература и университетское образование, *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1968, с. 172—176.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1969 г.

48. Античная древность и средние века Сб. ст. по истории древнего мира средних веков кафедры всеобщей истории Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького, вып. 1—5, под ред. М. Я. Сюзюмова, Свердловск, 1960—1966.
Рец.: *Курбатов Г. Л.*, *Рутенбург В. И.*, «Византийский временник», XXX, М., «Наука», 1969, с. 243—247.
49. Античная эпистолография, М., «Наука», 1967, 285 с.
Рец.: *Любарский Я.*, Эпистолярный жанр в античной литературе, «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 216—219.
50. *Асмус В. Ф.*, История античной философии. (Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных вузов и фак-тов), М., «Высшая школа», 1965, 320 с.
Рец.: *Поварков Я. Я.*, В мире античной философии, ВФ, 1967, № 5, с. 157—160.
51. *Блаватский В. Д.*, Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., «Наука», 1964.
Рец.: *Казаманова Л. Н.*, ВДИ, 1967, № 2, с. 249—256.
52. *Давыдов Ю. Н.*, Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля, М., «Наука», 1968, 285 с.
Рец.: *Яранцева Н. О.*, Соціологічний аналіз античної естетики, «Філос. думка», Київ, 1970, № 5, с. 124—127.
53. *Доватур А. И.*, Политика и политии Аристотеля, М.— Л., «Наука», 1965, 390 с.
Рец.: *Каллистов Д. П.*, ВДИ, 1967, № 1, с. 149—154.
54. *Лапин В. В.*, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, «Наукова думка», 1966.
Рец.: *Захарук Ю. К.*, СА, 1968, № 4, с. 287—189; *Тереножкин А. И.*, СА, 1968, № 4, с. 290—296.
55. *Светоний*, Жизнь двенадцати Цезарей. [Дополн.: О знаменитых людях. Фрагменты], изд. подготовили М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман, М., «Наука», 1964, 375 с.
Рец.: *Аверинцев С. С.*, ВДИ, 1966, № 2, с. 183—191.
56. *Сергеенко М. Е.*, Ремесленники древнего Рима, Л., «Наука», 1968, 152 с.
Рец.: *Доватур А. И.*, ВДИ, 1969, № 3, с. 171.
57. *Соломоник Э. И.*, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, «Наукова Думка», 1964, 196 с.
Рец.: *Белецкий А. А.*, СА, 1969, № 3, с. 267—270; *Андрейчук И. И.*, ВДИ, 1967, № 4, с. 164—167.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

58. *Ахилл Татий*, Левкиппа и Клитофонт; *Лонг*, Дафнис и Хлоя; *Петроний*, Сатирикон; *Апулей*, Метаморфозы, или Золотой осел, [переводы В. Чемберджи, С. Кондратьева, Б. Ярхо, М. Кузмина, Вст. ст. «Об античном романе» С. Поляковой, примеч. В. Чемберджи, М. Грабарь-Пассек, Б. Ярхо, С. Маркиша], М., «Художественная литература», 590 с.
59. *Еврипид*. Трагедии, пер. Иннокентия Анненского, [вст. ст. «Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии» и примеч. В. Ярхо], т. I—II, М., «Художественная литература», 1969, 637 и 718 с.
60. *Катулл, Гай Валерий*, Лирика, [пер. с латин., коммент. и послеслов. Г. Забулиса], Вильнюс, «Вага», 1969, 102 с. [На литов. яз.].
61. *Каухчишвили Т. С.*, Сведения греческих писателей о Грузии. 2. Аристотель, Николай Дамасский, Клавдий Элиан, Тбилиси, «Мецниереба», 1969, 223 с. [На груз. яз.].
См. ВДИ, 1969, № 4, с. 189. Указатель за 1966—1967 гг., № 141.
62. *Ливий, Тит*, Сицилийская смута, «Прометей», № 7, М., 1969, с. 380—393.
Пересказ сочинения Тита Ливия. Предисловие С. Маркиша.
63. *Плавт, Тит Макций*, Избранные комедии, [пер. с лат., вступ. ст. и примеч. С. Ошерова], М., «Художественная литература», 1967, 663 с.
64. *Платон*, Извлечение из диалога «Пир», *в № 80*, с. 236—241.
65. *Тацит, Корнелий*, Сочинения в двух томах, т. I. Анналы. Малые произведения, издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко; т. II. История, издание подготовили Г. С. Кнабе, М. Е. Грабарь-Пассек, И. М. Тронский, А. С. Бобович, Л., «Наука», 1969, 369 и 443 с.
Рец.: *Миль Л.*, «Новый мир», 1970, № 5, с. 277—283.
См. также № 5, 135, 137.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

66. *Казаманова Л. Н.*, Введение в античную нумизматику. Учебное пособие для студентов ист. фак. ун-та. М., Изд-во Моск. ун-та, 1969, 302 с.
67. *Капанадзе Д. Г.*, Грузинская нумизматика, Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1969, 233 с. [На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз.].
68. *Карышковский П. О.*, Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. до н. э.), Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук, Л., 1969, 35 с. (Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова).
69. *Книпович Т. Н.*, О некоторых особенностях греческого лапидарного письма в новых надписях Ольвии, КСИА, вып. 116, М., 1969, с. 20—22.
70. *Кравченко А. А.*, Клад кизикских статеров из Одесской области, СА, 1969, № 1, с. 274—277.
71. *Нудельман А. А.*, Античный клад из с. Лэргуца, *в кн.* «Труды Историко-краеведческого музея МолдССР», вып. 2, Кишинев, 1969, с. 129—134.
72. *Нудельман А. А.*, Монеты Истрии и Тиры из с. Дороцкое. (Предварительное сообщение), *в кн.* «Труды Историко-краеведческого музея МолдССР», вып. 2, Кишинев, 1969, с. 121—128.
73. *Федорова Е. В.*, Латинская эпиграфика, М., Изд-во Моск. ун-та, 1969, 373 с.
74. *Федорова Е. В.*, Латинские надписи города Львова, *в № 9*, с. 207—225.
75. *Цехмистренко В. И.*, Античные керамические клейма как исторический источник. (Опыт библиографии вопроса), «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 294, 1969, с. 209—224.
76. *Шелов Д. Б.*, Ольвийские монеты в Поволжье, *в № 11*, с. 296—299.
См. также № 111, 164, 220, 231, 250, 300, 317, 328, 329, 346.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

77. *Аверинцев С. С.*, Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон»), *в № 8*, стр. 160—180.
78. *Андреев В. Н.*, Перспективы социологического исследования в области афинской ономастики и просопографии, «XXII Герценовские чтения (межвузовская конференция). Ленинград, апрель, 1969. Исторические науки», Л., 1969, с. 195—197. (Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
79. *Анпеткова-Шарова Г. Г.*, Образ Пенфея в «Вакханках» Еврипида, «Вестник Ленингр. ун-та», 1969, № 20. История. Язык. Литература, вып. 4, с. 110—117.
80. *Асмус В. Ф.*, Платон, М., «Мысль», 1969, 247 с.

Рец.: ВФ, 1969, № 12, с. 163 [без подписи].

81. Атлантида... в Греции, «Преподавание истории в школе», 1969, № 2, с. 125 [без подписи].
82. *Билимович З.*, Бронзовая пластика Греции с середины VI до IV в. до н. э. (По материалам Эрмитажа), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения, Л., 1969, 17 с. (Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Акад. художеств СССР).
83. *Блаватский В. Д.*, О рабах-меотах, КСИА, вып. 116, 1969, с. 68—69.
84. *Бритова Н. Н.*, Греческая терракота, М., «Искусство», 1969, 180 с. [Рез. на англ., франц. и нем. яз.].
85. *Васильев*, Эпоха Перікла, «Трибуна лектора», Київ, 1969, № 9, с. 47—49.
86. *Венедиктов И.*, Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии, СА, 1969, № 3, с. 77—78. [Рез. на франц. яз.].
87. *Гайденко В. П.*, Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении, ВФ, 1969, № 9, с. 88—98.
88. *Гайдукевич В. Ф.*, О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском, КСИА, 1969, вып. 116, с. 11—19.
89. Гелон, о котором писал Геродот, «Преподавание истории в школе», 1969, № 2, с. 123—124 [без подписи].
90. *Глускина Л. М.*, Вольноотпущенники в экономике Афин в IV в. до н. э., «Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 307, 1969, с. 268—275.
91. *Глускина Л. М.*, Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н. э., «Ученые записки Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 307, 1969, с. 276—309.
92. *Глускина Л. М.*, К вопросу о конфискации имущества в древних Афинах, «XXII Герценовские чтения (межвузовская конференция), Ленинград, апрель, 1969. Исторические науки», Л., 1969, с. 192—194. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
93. *Гринбаум Н. С.*, Язык Пиндара. (Именное словосложение), «Ученые записки Кишин. гос. ун-та», т. 107, 1969, с. 23—34.
94. *Гринбаум Н. С.*, Язык Пиндара. (Фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук, М., 1969, 32 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
95. *Гринбаум Н. С.*, Язык Пиндара и древнегреческие надписи, *в № 9*, с. 190—206.
96. *Данов Х. М.*, Древняя Фракия, Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук, Л., 1969, 93 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
97. *Джафарли Т.*, Этические категории в моральном учении Аристотеля, «Труды Тбил. гос. пед. ин-та», т. 22, 1969, с. 87—96. [Рез. на груз. яз.].
98. *Думчюс Й.*, Проблема дидактики в древнегреческой трагедии, *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады». Вильнюс, 1968, с. 177 — 182. [На лит. яз.].
99. *Думчюс Й.*, Является ли Еврипид рационалистом или иррационалистом? «Ученые записки высших учебных заведений ЛитССР», т. 12. Серия литературная, вып. 3. Античная и зарубежная литература, Вильнюс, «Минтис», 1969. [На лит. яз. Рез. на русск. яз.].
100. *Ельницкий Л. А.*, Народное движение в Сиракузах в 356 г. до н. э. и идея социального равенства. О статье английского ученого А. Факса.
101. *Зайцев А. И.*, «Гимн Диоскурам» Алкмана и его эпические источники, Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук., Л., 1969, 15 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
102. *Карапетян А. А.*, Критическое введение в историю древнегреческой лирики, *в кн. Карапетян А. А.*, По путям научного мировоззрения, Ереван, «Айастан», 1969, с. 317—426. [На арм. яз.].
103. *Катрич В. М.* Історія рабовласницької держави та права стародавньої Греції, Київ, 1969, 80 с. (Київський держ. ун-т ім. Т. Г. Шевченко. Юрид. фак-т., кафедра теорії та історії держави і права).
104. *Кобов И. У.*, Лингвистические исследования древнегреческих софистов, *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1969, с. 182—186.
105. *Козовик И. А.*, Миф о Елене в античной литературе. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, Киев, 1969, 20 с. (Киевск. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко).
106. *Комарова В. Я.*, К текстологическому анализу античной философии. Вып. I. Первые философские школы в древней Греции, Л., 1969, 67 с.
107. *Либан Н. Н.*, Древняя Греция и Тезей; ВИ, 1969, № 2, с. 216—219.
108. *Лосев А. К.*, История античной эстетики. Софисты. Сократ, Платон, М., «Искусство», 1969, 715 с.

109. *Манцевич А. П.*, Бронзовые пластины из второго Мастюгинского кургана. (К вопросу о фракийских шлемах). «Гос. Эрмитаж. Археологический сборник», вып. 11. Исследования по археологии каменного, бронзового веков и скифского времени, Л., «Советский художник», 1969, с. 104—113.

110. *Маркиш С.*, Гомер и его поэмы, М., «Художественная литература», 1962, 126 с.

111. Монетный двор Креза, «Вопросы и ответы», Рига, 1960, № 20, с. 19—20.

112. *Нахов И. М.*, Киники против Платона. (К истории борьбы материализма и идеализма в античности), *в № 8*, с. 97—139.

113. *Паффенгольц К. Н.*, О пути отступления «десяти тысяч» греков. (По «Анабазису» Ксенофонта), «Вестник обществ. наук» (АН АрмССР), 1969, № 11, с. 78—85. [Рез. на арм. яз.].

114. *Пиленкова-Новикова Т. Ф.*, Древнегреческий полис как основа античной рабовладельческой демократии, *в кн.* «Вопросы истории. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса», Уфа, 1969, с. 241—244.

115. *Полякова Г. Ф.*, Социально-политическая структура пилосского общества. (По данным линейного письма *Б*). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, М., 1969, 24 с. (Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина).

116. *Рабуни В.*, Анализ «Категорий» Аристотеля. Критический текст, перевод с древнеарм. и предисловие Г. О. Григоряна. Под ред. С. С. Аревшатяна, Ереван, 1967, 261 с. (Матенадаран. Ин-т древних рукописей имени Маштоца при Совете Министров АрмССР). [На русск. и древнеарм. яз.].

117. *Радциг С. И.*, Опыт историко-литературного анализа «Медеи» Еврипида, *в № 9*, с. 80—106.

118. Раскопки древнего Пафоса, «Преподавание истории в школе», 1969, № 2, с. 127 [без подписи].

119. *Ривкин Б. И.*, В долине Алфея. Олимпийские игры в искусстве древней Греции, М., «Искусство», 1969, 79 с.

120. *Семашко Л. М.*, Представление Гераклита о противоположностях, *в кн.* «Историко-философский сборник», отв. ред. А. С. Богомолов, М., Изд-во МГУ, 1969, с. 3—23.

121. *Симкин Я. Р.*, Полномочия истории, «Вестник Московского ун-та. Журналистика», 1969, №. 1, с. 40—45.

122. *Славятинская М. Н.*, Значение аористного суффикса -s- в греческом языке древнейшего периода, *в № 9*, с. 175—189.

123. *Славятинская М. И.*, К вопросу об употреблении имперфекта у Гомера, *в № 8*, стр. 140—159.

124. *Содомора А.*, Біля джерел грецької лірики, «Жовтень», Львів, 1969, № 3, с. 17—24.

125. *Содомора А.*, Способы сохранения колорита оригинала в переводах песен Алкея и Сапфо, *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1968, с. 196—202.

126. *Содомора А.*, Художественное мастерство лесбийских лириков и проблемы поэтического перевода их песен. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, Киев, 1968, 21 с. (Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко).

127. *Стратилатова В. П.*, Роль страдания в трагедиях Софокла, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», т. 220. Зарубежная литература, вып. 11, 1968, с. 121—138.

128. *Стратилатова В. П.*, Театр Софокла. (Герой и хор), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения, М., 1969, 15 с. (Гос. ин-т театр. искусства им. А. В. Луначарского).

129. *Стратилатова В. П.*, Хор в античной трагедии, «Театр», 1969, № 2, с. 78—84.

130. *Тахо-Годи А. А.*, Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним, *в № 9*, с. 107—125.

131. *Тахо-Годи А. А.*, О некоторых особенностях языка и жанра комедии Менандра «Дискол» («Ненавистник»), *в № 8*, с. 42—74.

132. *Тахо-Годи А. А.*, Синтаксис сложного предложения в комедии Менандра «Дискол» в связи с общими проблемами синтаксиса, *в № 8*, с. 75—96.

133. *Титов В. С.*, Неолит в Греции. Периодизация и хронология, М., «Наука», 1969, 254 с.

134. *Фролов Э. Д.*, Монархическая идея у Исократа, *в кн.* «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969, с. 3—20.

135. *Фролов Э. Д.*, Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. (Материалы и документы), Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1964, 150 с.

136. *Хлопин И. Н.*, Этнография державы Ахеменидов по Геродоту, *в кн.* «Страны и народы Востока», вып. 8, М., 1969, с. 287—291.

137. *Шакир-Заде, Аддин Садраддин Оглы*, Эпикур, М., Соцэкгиз, 1963, 223 с. Предисл. чл.-корр. АН СССР А. О. Маковельского.

См. также №№ 4, 5, 8, 9, 42, 108, 200, 201.

V. ЭЛЛИНИЗМ

138. *Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И.*, Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э., М., «Наука», 1969, 321 с.
139. *Веллас Г. Я.*, Личность и деятельность Александра Македонского в оценке Янниса Кордатоса, «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 8, 1969, с. 269—276.
140. *Долгоруков В. С.*, Эллинистическая агора, СА, 1969, № 2, с. 55—67. [Рез. на франц. яз.].
141. *Ейне А.*, Александрия Великая, ВИ, 1969, № 11, с. 201—208.
142. *Жигунин В. Д.*, Греческие тирании под покровительством Македонии при ранних Антигонидах, *в кн.* «Казанский ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Сборник аспирантских работ, кн. I. Гуманитарные науки. Право, история», Казань, 1969, с. 121—127.
143. *Зельин К. К., Трофимова М. К.*, Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода, М., «Наука», 1969, 244 с.
144. *Пикус Н. Н.*, Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э., Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук, М., 1969, 36 с. (МГУ им. М. В. Ломоносова).
145. *Саркисян Г. Х.*, Антиох III Селевкид и армянские государства, «Вестник Ереван. ун-та. Общественные науки», 1969, № 1 (7), с. 41—61. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
146. *Сопова Н. К.*, Проблема эллинизма в советской историографии, «Ученые записки Хабар. гос. пед. ин-та», т. 21, 1969, с. 137—151.
147. *Тахо-Годи А. А.*, Эллинистическое понимание термина «история» и родственных с ним, *в № 9*, с. 126—157.
148. *Шифман И. Ш.*, Царские люди в эллинистической Сирии и Малой Азии, «Палестинский сборник», вып. 19(82). Вопросы истории и культуры на Ближнем Востоке. (Древность и средневековье), 1969, с. 32—38. [Рез. на нем. яз.].

См. также №№ 4, 6, 8, 9.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ

149. *Безбородько Н. И.*, Функциональное соотношение причастных конструкций и придаточных предложений времени в архаической латыни (на материале комедий Плавта «Шкатулка», «Пленники», «Амфитрион»), «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1969, № 2, с. 64—72.
150. *Борисковская С. П.*, О некоторых ранних формах этрусской керамики буккеро, СА, 1969, № 2, с. 44—53. [Рез. на франц. яз.].
151. *Буриан Я., Моухова Б.*, Взгляд в этрусский микромир, СЭ, 1969, № 5, с. 106—118.
152. *Васильева Т. В.*, Концепция природы у Лукреция, ВФ, 1969, № 7, с. 131—141.
153. *Васильева Т. В.*, Философия и поэзия Лукреция как выражение единого мироощущения, «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1969, № 4, с. 21—31.
154. *Васильева Т. В.*, Эстетические принципы творчества Лукреция. (К вопросу об аутентичности рукописного текста поэмы «О природе вещей»), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, М., 1969, 24 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
155. *Вейцківський І. І.*, До історії спартаківського повстання 73—71 рр. до нашої ери, «Вісн. Львівского держ. ун-ту, сер. іст.», 1969, вип. 5, с. 89—99.
156. *Гигаури Ц.*, «Аргонавтика» Валерия Флакка, «Цискари» [«Заря»], Тбилиси, 1969, № 8, с. 133—142. [На груз. яз.].
157. Древний Рим. Книга для чтения, под ред. Д. П. Каллистова и С. Л. Утченко, 3-е изд., доп. и перераб., М., «Просвещение», 1969, 390 с.
158. *Забулис Г.*, Мораль индивидуализма в конце Римской республики. (К вопросу о мировоззрении Катулла), *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1968, с. 211—219.
159. *Ингатенко А. В.*, Эволюция института комплектования римских легионов в период Республики, *в кн.* «Свердловский юридический институт. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за

1968 г. Материалы», Свердловск, 1969, с. 234—239.

160. История Византии в трех томах, отв. ред. С. Д. Сказкин, т. I, М., «Наука», 1967, 523 с.
Рец.: *Корсунский А. Р.*, От Восточной Римской империи к Византии, «Виз. Врем.», XXIX, М., 1969, с. 300—304.

161. *Казлаускас Б.*, «Георгики» Вергилия. Первая книга, «Ученые записки высших учебных заведений ЛитССР» т. 12. Серия литературная, вып. 3. «Античная и зарубежная литература». Вильнюс, «Минтис», 1969, с. 27—33. [На лит. яз. Рез. на русск. яз.].

162. *Каракулаков В. В.*, Марк Теренций Варрон и его место в истории языкознания. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук, Л., 1969, 36 с. (АН СССР. Ин-т языкознания. Ленингр. отделение).

163. Колесницы и саркофаг, «Преподавание истории в школе», 1969, № 2, с. 128 [без подписи].

164. *Кузьмина А. Г.*, К вопросу о взаимоотношениях Рима с полисами Северного Причерноморья по нумизматическим данным, «Ученые записки кафедры истории Тульского гос. пед. ин-та», вып. 2, 1969, с. 236—252.

165. *Ляст Р. Е.*, К. Маркс об особенностях античного города. (На примере экономического развития Остии), *в кн.* «Вопросы истории. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса», Уфа, 1969, с. 231—236.

166. *Маадла Ю. И.*, Судьба произведений Вергилия в эпоху заката язычества (IV в. н. э.), «Ученые записки Тартуского гос. пед. ин-та», вып. 234. Труды по эстонской филологии, № 2, 1969, т. 396—402.

167. *Неверов О. Я.*, Портрет в римской глиптике I в. до н. э.— I в. н. э. и его роль в формировании и утверждении идеологии принципата, Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения, Л., 1969, 21 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

168. *Немировский А. И.*, *Харсекин А. И.*, Этруски. Введение в этрускологию, Воронеж, Изд-во Воронежск. ун-та, 1969, 192 с.

169. *Нечай Ф. М.*, Барацьба рымскага плебсу за зямлю і дэмакратызацыю канституцыі (366—265 гг.), «Вестн. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. Філасофія. Эканоміка. Права, Мінск, 1969, № 2, с. 38—44.

170. *Олійник Т. І.*, М. Туллій Цицерон про оратора Л. Ліцінія Красса, *в кн.* «Одеський ун-т ім. І. І. Мечникова. Наукова конференція молодих учених. Матеріали», Одеса, 1968, с. 190—193.

171. *Полонская К. П.*, Некоторые особенности композиции комедий Плавта, *в № 9*, с. 158—174.

172. *Попова Т. В.*, Литературная деятельность Флавия Клавдия Юлиана. (К истории греческой литературы IV в. н. э.), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук, М., 1969, 23 с. (АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького).

173. Рисунки этрусков. (Находки археологов на юге Италии), «За рубежом», 1969, № 11, с. 30—31.

174. *Саникидзе Л. Д.*, Римская империя, I. Принципат, Тбилиси, изд-во. Тбилис. ун-та, 1969, 199 с. [На груз. яз.].

175. *Семчинський С.* Реабілітація Овідія, «Всесвіт», Київ, 1969, № 2, с. 142—143.

176. *Сиротенко В. Т.*, Международные отношения в Европе второй половины IV — начала VI вв., Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук, Пермь, 1969, 44 с. (Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького).

177. *Скоробогата Е. И.*, Грецизмы в комедиях Плавта «Близнецы», «Купец» и «Хвастливый воин», *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1968, с. 191—195.

178. *Ступинская А. Г.*, Основные клаузуальные формы и их производные в произведениях А. Корнелия Цельса, *в кн.* «Литовская республиканская конференция по вопросам германской, романской и классической филологии. Доклады», Вильнюс, 1968, с. 203—207.

179. *Суздальский Ю. П.*, *Селецкий Б. П.*, *Герман М. Ю.*, На семи холмах. Очерки культуры древнего Рима, Каунас, 1969, 355 с. [На лит. яз.].

180. *Тихонов И. А.*, К вопросу о характере и социальной сущности политики Юлия Цезаря в современной буржуазной историографии, «Ученые записки Горьковского пед. ин-та, сер. ист. наук», вып. 108, 1969, с. 27—33.

181. *Туркина Л. Г.*, К вопросу об освещении кризиса и падения Римской Республики в советской историографии, «Некоторые вопросы всеобщей истории», вып. 4, Челябинск, 1969, с. 3—21.

182. *Утченко С. Л.*, Древний Рим. События. Люди. Идеи, М., «Наука», 1969, 324 с.
Рец.: *Гулиа Г.* Слово о древнем Риме, «Лит. газета», 1969, 29 окт., с. 6.

183. *Шиловцева В. С.*, Російські дворянські та буржуазні історики 40—

50-х років XIX ст. про кризу та падіння Римської республіки, «Вісн. Харк. ун-ту», № 35, 1969. Іст. сер., вип. 3, с. 95—104.

184. *Шиловцева В. С.*, Проблема кризи і падіння Римської республіки в російській історіографії першої чверті XIX ст., «Питання історії народів СРСР», вип. 6, Харків, 1969, с. 128—134.

См. также №№ 4, 9, 35, 193, 236, 295, 330.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

185. *Белова Н. Н.*, О предпосылках возникновения вилл в римской Галлии (I—II вв.), *в сб.* «Античная древность и средние века», вып. 6 («Ученые записки Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького», № 101, серия историческая, вып. 17), Свердловск, 1969, с. 155—175.

186. *Бондарь Р. Д.*, Новый гето-дакийский могильник в Нижнем Подунавье, *в № 198*, с. 281—282.

187. *Иванов Т. К.*, Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае (НРБ), СА, 1969, № 4, с. 184—199. [Рез. на франц. яз.].

188. *Капошина С. И.*, Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска, КСИА, 1969, вып. 116, с. 76—79.

189. *Малеваный А. М.*, Иллирийцы и их борьба против экспансии рабовладельческих государств. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Воронеж, 1969, 25 с. (Воронежский гос. ун-т).

190. *Мурыгина Н. Ф.*, К вопросу о развитии фракийской общины в I—II вв. н. э., «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 294, 1969, с. 135—158.

191. *Ременников А. М.*, Роль племен Подунавья в падении Рима. «Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та», вып. XX. Проблемы всеобщей истории, сб. II, 1969, стр. 410—435.

192. *Сиротенко В. Т.*, К вопросу об оценке вандальского завоевания Северной Африки, «XXII Герценовские чтения (межвузовская конференция). Ленинград, апрель, 1969. Исторические науки», с. 189—191. (Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

193. *Тиханова М. А.*, О находке римского оружия на Южной Волыни, КСИА, № 116, М., 1969, с. 36—39.

См. также №№ 15, 176.

ХРИСТИАНСТВО *

194. *Ельницкий Л.*, Геракл и миф о Христе, «Прометей», № 7, М., 1969, с. 7—16.

195. *Крывелев И. А.*, Что знает история об Иисусе Христе? М., «Советская Россия», 1969, 300 с.
Рец.: ВФ, 1970, № 6, с. 160 [без подписи].

196. *Ленцман Я. А.*, Сравнивая евангелия, Рига, «Лиесма», 1969, 198 с. [На латышск. яз.].

197. *Фурман Д. Е.*, К вопросу о становлении христианства как мировой религии, ВФ, 1969, № 20, с. 105—115.

См. также № 5.

* Работы по истории христианства в настоящий указатель включены выборочно.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ **

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

198. Археологические открытия 1968 года, отв. ред. Б. А. Рыбаков, М., «Наука», 1969, 463 с.

199. Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме, ред.-сост. О. И. Домбровский и Э. И. Соломоник, Симферополь, «Крым», 1969, 51 с.
Рец.: *Степанов Ф. Ф.*, «Укр. іст. журн.», Київ, 1970, № 9, с. 145.

200. Древние фракийцы в Северном Причерноморье, М., «Наука», 1969, 190 с.
Содержание: *Смирнова Г. И.*, Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье, с. 7—34; *Златковская Т. Д.*, *Полевой Л. Л.*, Городища Прутско-Днестровского Междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов, с. 35—60; *Мелюкова А. И.*, К вопросу о границе между скифами и гетами, с. 61—80; *Романовская М. А.*, Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка, с. 81—95; *Манцевич А. П.*, Парадный меч из кургана Солоха, с. 96—118; *Вязьмитина М. И.*, Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра, с. 119—134; *Щеглов А. Н.*, Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического, с. 135—177; *Рикман Э. А.*, О фракийских элементах в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья, с. 178—188.

201. *Карасев В.*, Известия древнегреческих авторов о Северном Причерно-

** См. также раздел III.

морье времен Митридатовых войн, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», т. 332. Всеобщая история, вып. 11, 1969, с. 3—17.

202. *Петренко В. Г.*, Конференция по вопросам скифо-сарматской археологии, КСИА, вып. 119, 1969, с. 131—134.

203. *Сокольский Н. И.*, Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья, М., «Наука», 1969, 190 с.

204. *Струве В. В.*, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., «Наука», 1968, 355 с.

Содержание: Новые данные по древней истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, с. 7—20; Экскурс I. Родовые общины Западной Армении конца V в. до н. э., с. 21—22; Экскурс II. Общественный строй Урарту и древних Армении и Грузии, с. 22—23; Восстание в Маргиане при Дарии I (по данным Бехистунской надписи), с. 24—40; Реформа письма Дария I (§ 70 Бехистунской надписи) и крупнейшее достижение культуры мидийского народа, с. 40—51; Поход Дария I на саков-массагетов, с. 51—66; Геродот и политические партии Ирана в эпоху Дария I, с. 67—85; Хронология VI века до н. э. в труде Геродота и дата похода Дария I на скифов Причерноморья, с. 86—102; Дарий I и скифы Причерноморья, с. 103—114; Религия персов и надпись Ксеркса о «дэвах», с. 115—125; Родина зороастризма, с. 125—146; Древнейший историк СССР, с. 147—200; Восстание Савмака, с. 200—215; Примечания, с. 216—268; Приложение: Эрмитажные стелы, с. 271—306; Указатель, с. 307—354.

205. *Щепинский А. А.*, Крымская охранно-археологическая экспедиция, *в № 198*, с. 249—250.

См. также № 164.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

206. Античные древности Подонья — Приазовья, Отв. ред. Д. Б. Шелов, М., «Наука», 1969, 286 с.

Содержание: От редактора, с. 3—5; *Болтунова А. И.*, *Каменецкий И. С.*, *Деопик Д. В.*, Раскопки Западного района Танаиса, с. 6—97; *Арсентьева Т. М.*, Исследование вала на западном участке городища Танаиса, с. 98—103; *Болтунова А. И.*, Раскопки оборонительной стены Западного района Танаиса, с. 104—135; *Каменецкий И. С.*, Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса, с. 136—172; *Арсентьева Т. М.*, Лепная керамика Танаиса. II. Горшки, с. 173—219; *Шелов Д. Б.*, Находки в Танаисе «мегарских» чаш, с. 220—247; *Амброз Л. К.*, Фибулы из раскопок Танаиса, с. 248—272; *Цалкин В. И.* Фауна Танаиса, с. 273—285.

207. *Арсентьева Т. М.*, *Каменецкий И. С.* Опыт графической фиксации стратиграфии одного из участков Недвиговского городища, КСИА, вып. 119, 1969, с. 121—127.

208. *Арсентьева Т. М.*, Раскопки в Танаисе, *в № 198*, с. 116—118.

209. *Бессонова С. С.*, Раскопки некрополя Пантикапея в 1963—1964 гг. СА, 1969, № 1, с. 137—146. [Рез. на франц. яз.].

210. *Болтунова А. И.*, Неизданные надгробия из пантикапейского некрополя, КСИА, № 116, 1969, с. 49—54.

211. *Болтунова А. И.*, Раскопки Порфмия, *в № 198*, с. 303—304.

212. *Грач Н.*, О раскопках Нимфея в 1966—1967 гг. «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. 30, Л., 1969, с. 56—57.

213. *Драчук В. С.*, О царских знаках Боспора Киммерийского. «Археологія», т. XXII, Київ, «Наукова думка», 1969, с. 232—235. [На укр. яз. Рез. на русск. яз.].

214. *Зеест И. Б.*, Архаическая импортная черепица Пантикапея, КСИА, № 116, 1969, с. 40—44.

215. *Зеест И. Б.*, Раскопки Гермонассы, *в № 198*, с. 109—111.

216. *Кастанаян Е. С.*, Стенная роспись сельской усадьбы эллинистического времени близ Пантикапея (опыт реконструкции), КСИА, вып. 116, 1969, с. 45—48.

217. *Кобылина М. М.*, Раскопки Фанагории, *в № 198*, с. 90—92.

218. *Кобылина М. М.* Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории, КСИА, вып. 116, 1969, с. 98—104.

219. *Коровина А. К.*, Раскопки некрополя Тирамбы, *в № 198*, с. 113—114.

220. *Кругликова И. Т.*, Клейма на амфорах из раскопок поселения у дер. Семеновки, КСИА, вып. 116, 1969, с. 93—97.

221. *Кругликова И. Т.*, Некрополь поселения у дер. Семеновки, СА, 1969, № 1, с. 98—119. [Рез. на франц. яз.].

222. *Кругликова И. Т.*, Раскопки сельских поселений Боспорского царства, *в № 189*, с. 307—309.

223. *Кругликова И. Т.*, *Смирнова Т. М.*, Раскопки Горгиппии, *в № 198*, с. 115—116.

224. *Крушкол Ю. С.*, Раскопки на хуторе Рассвет, *в № 198*, с. 108.

225. *Кубланов М.*, Раскопки некрополя Илурата, «Наука и религия», 1969, № 11, с. 47—48.

226. *Максимова М. И.*, Заметка об ахтанизовском кладе, КСИА, вып. 116, 1969, с. 55—58.

227. *Марченко И. Д.*, Раскопки Пантикапея, *в № 198*, с. 301—303.
228. *Мацкевой Л. Г.*, Работы Керченской первобытной экспедиции, *в № 198*, с. 268—269.
229. *Грач Н. Л.*, Нимфейская экспедиция, *в № 198*, с. 299—300.
230. *Петерс Б. Г.*, *Ефимова Г. М.*, Раскопки античного городища у с. Михайловки, *в № 198*, с. 306—307.
231. *Пругло В. И.*, Группа фасосских аморфных клейм из Мирмекия, КСИА, вып. 116, 1969, с. 29—35.
232. *Случанко Б.*, Таємниця кіммерійської богині, «Людина і світ», Київ, 1968, № 8, с. 63.
233. *Сокольский И. И.*, О гончарном производстве в азиатской части Боспора, КСИА, вып. 116, 1969, с. 59—67.
234. *Сокольский Н. И.*, Работы Таманской экспедиции, *в № 198*, с. 88—90.
235. *Сокольский Н. И.*, *Стручалина Р. А.*, Раскопки Патрея, *в № 198*, с. 112—113.
236. *Сорокина И. П.*, К вопросу об экономических связях государств Северного Причерноморья в I в. н. э., *в № 13*, с. 217—221.
237. *Устинова В. О.*, Аспургта аспургіани, «Вісн. Харк. ун-ту», № 35. Іст. сер., вып. 3, 1969, с. 58—64.
238. *Цветаева Г. А.*, Охранные раскопки в Анапе в 1965 г., КСИА, вып. 116, 1969, с. 105—110.
239. *Шелов Д. Б.*, Полемон и Танаис, КСИА, вып. 116, 1969, с. 70—75.
240. *Шургая И. Г.*, Раскопки Илурата, *в № 198*, с. 305—306.
241. *Яковлева Е.*, Консервация изделия из бронзы в полевых условиях. (Из опыта нимфейской экспедиции 1962 г.), «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. 30, Л., 1969, с. 50—51.
242. *Яковенко Е. В.*, Про соціальній устрій місцевого населення европейского Боспору в V—III ст. до н. е., «Укр. іст. журн.», Київ, 1969, № 11, с. 102, 104.

См. также №№ 204, 263, 281, 346.

ХЕРСОНЕС

243. *Белов Г.*, Раскопки в Херсонесе в 1967 г., «Сообщения Эрмитажа», т. 30, Л., 1969, с. 57—58.
244. *Белов Г. Д.*, Раскопки в Херсонесе, *в № 198*, с. 284—285.
245. *Белов Г. Д.*, Стеклоделательная мастерская в Херсонесе, КСИА, вып. 116, 1969, с. 80—84.
246. *Белов Г. Д.*, Херсонес-Корсунь, Л., «Советский художник», 1969, 47 с.
247. *Блаватский В. Д.*, *Петерс Б. Г.*, Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава, СА, 1969, № 3, с. 151—158. [Рез. на франц. яз.].
248. *Борисова В. В.*, Раскопки римской цитадели в Херсонесе, *в № 198*, с. 288—289.
249. *Высотская Т. Н.*, Древнегреческое поселение в пос. Межводное, *в № 198*, с. 295—296.
250. *Гилевич А. М.*, Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э., *в № 198*, с. 285—286.
251. *Дашевская О. Д.*, Античная башня на городище Беляус, КСИА, вып. 116, 1969, с. 85—92.
252. *Дашевская О. Д.*, Два склепа Беляусского могильника, КСИА, вып. 119, 1969, с. 65—73.
253. *Дашевская О. Д.*, Исследования в Северо-Западном Крыму, *в № 198*, с. 297—299.
254. *Дашевская О. Д.*, Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма, *в № 13*, с. 52—61.
255. *Кадеев В. И.*, Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса, СА, 1969, № 3, с. 159—170. [Рез. на франц. яз.].
256. *Кадеев В. И.*, Исследования в портовой части Херсонеса, *в № 198*, с. 286—287.
257. *Кадеев В. И.*, Про торгівлю Херсонеса с населенням Південно-Західного Криму в I—IV вв. н. е., «Питання історії народів СРСР», вип. 9, Харків, 1970, с. 151—155.
258. *Кадеев В. И.*, Торговля Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э., Харьков, 1969, 46 с.
259. *Коновалов А. А.*, Раскопки курганов близ городища Чайка, *в № 148*, с. 294—295.
260. *Савеля О. Я.*, Поиски в окрестностях Севастополя, *в № 198*, с. 289—290.
261. Сообщения Херсонесского музея, № 4, Симферополь, «Крым», 1969. *Содержание*: *Стржелецкий С. Ф.*, XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона), с. 7—29; *Даниленко В. Н.*, Надгробные стелы, с. 29—44; *Колесников Л. Г.*, Воинские надгробия, с. 44—54; *Соломоник Э. И.*, Памятники с надписями, с. 55—57; *Стржелецкий С. Ф.*, Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э., с. 77—89; *Гилевич А. М.*, Определение монет, с. 90—91; Литература о Херсонесе, вышедшая в 1963—1965 гг., с. 92—95.
Рец.: *Щеглов А. Н.*, ВДИ, 1970, № 3, с. 172—178.
262. Херсонесский историко-археологический музей. Севастополь. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам, Симферополь, «Крым», 1969, 119 с.
263. *Щеглов А. Н.*, Новый метод определения величины рыбы по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму

в I в. до н. э., КСИА вып. 119, 1969, с. 128—130.
264. *Щеглов А. И.*, Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове, *в № 198*, с. 290—291.
265. *Яценко И. В.*, Полевые исследования Крымской экспедиции, *в № 198*, с. 291—294.
См. также № 204.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН

266. *Горбунова К. С.*, Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа, *в № 198*, с. 272—273.
267. *Горбунова К. С.*, Древние греки на острове Березань, Л., «Советский художник», 1969, 44 с.
268. *Горбунова К.*, Раскопки некрополя на острове Березань в 1967 г., «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. 30, Л., 1969, с. 56.
269. *Зуц В. Л.*, Територія Ольвийскої держави догетського часу, «Археологія», т. XXII, Київ, «Наукова думка», 1969, с. 80—89. [Рез. на русск. яз.].
270. *Козуб Ю. И.*, Раскопки Западного района Ольвии, *в № 198*, с. 282—283.
271. *Крижицкий С. Д.*, Елліністичні житлові будинки Ольвии, «Археологія», т. XXII, Київ «Наукова думка», с. 90—119. [Рез. на русск. яз.].
272. *Мелентьева Г. М.*, Ольвийский керамический комплекс первых веков н. э., КСИА, вып. 116, М., 1969, с. 23—28.
273. *Никитина И. П.*, Правовое положение отдельных категорий населения Ольвии догетского периода. «Ученые записки Уральского гос. ун-та», № 101. Сер. ист., вып. 17. Античная древность и средние века. вып. 6, Свердловск, 1969, с. 139—154.
274. *Никонов И. Е.*, Новая цистерна в Ольвии, «Сборник научных работ аспирантов. Ун-т дружбы народов. Ист.-филол. фак.», вып. 4, М., 1969, с. 136—139.
275. *Никонов И. Е.*, Светильники, хранящиеся в Ольвийском заповеднике, «Сборник научных работ аспирантов. Ун-т дружбы народов. Ист. филол. фак.», вып. 4, М., 1969, с. 122—135.
276. *Нудельман Д. И.*, Древние поселения на прилегающей к Ольвии территории, «Волгогр. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича, Материалы XXIII научной конференции», Волгоград, 1969, с. 58—60.
См. также № 68, 69, 76, 109, 236.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

277. *Абрамова М. П.*, Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время, *в № 13*, с. 3—11.
278. *Абрамова М. П.*, Нижне-Джулатский могильник, *в № 198*, с. 119—120.
279. *Абрамова М. П.*, О керамике с зооморфными ручками, СА, 1969, № 9, с. 69—84. [Рез. на франц. яз.].
280. *Алексеева Е. П.*, Городище меотосарматского времени у хут. Дружба, *в № 198*, с. 107—108.
281. *Анфимов И. В.*, Скотоводство у синдо-меотских племен Прикубанья, «Научные труды Краснодар. гос. пед. ин-та», вып. 103, 1969, с. 3—17.
282. *Артамонов М. І.*, Загадки скіфської археології, «Укр. іст. журн.», Київ, 1970, № 1, с. 23—30.
283. *Бідзіля В. І.* Унікальні твори античного мистецтва, «Вісн. АН УРСР», Київ, 1969, № 8, с. 53—57.
284. *Блаватский В. Д.*, О северной окраине Скифии Геродота, *в № 13*, с. 29—32.
285. *Богданова-Березовская И. В.*, Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского. (Химико-технологическое исследование), СА, 1969, № 1, с. 277—280.
286. *Брашинский И. Б.*, Раскопки на Нижнем Дону, *в № 198*, с. 111—112.
287. *Брашинский И. Б., Демченко А. И.*, Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г., КСИА, вып. 116, 1969, с. 111—117.
288. *Вязьмитина М. И.*, Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии, СА, 1969, № 4, с. 62—77. [Рез. на франц. яз.].
289. *Галанина Л. К.*, Античный бронзовый таз из Курджипского кургана, «Гос. Эрмитаж. Археологический сборник», вып. 11. Исследования по археологии каменного, бронзового веков и скифского времени, Л., «Советский художник», 1969, с. 92—103. [Рез. на англ. яз., с. 116].
290. *Диамант Э. И.*, Раскопки некрополя Кошарского городища, *в № 198*, с. 276—279.
291. *Елагина Н. Г., Петренко В. Г.*, Раскопки курганов на Ингульце, *в № 198*, с. 252—253.
292. *Засецкая И. П.*, Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья, «Гос. Эрмитаж. Археологический сборник», вып. 10. Материалы и исследования по археологии СССР, Л., «Советский художник», 1968, с. 35—53.
293. *Кожин П. М.*, О сарматских повозках, *в № 13*, с. 92—95.
294. *Котович В. М.*, Новые наскальные изображения горного Дагестана, *в № 198*, с. 92—95.
295. *Кропоткин В. В.*, Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР, КСИА, вып. 119, М., 1959, с. 32—36.

296. *Лесков А. М.*, Раскопки Каховской экспедиции, *в № 198*, с. 253—255.
297. *Лесков О.* Старожитності херсонських степів, «Наука і суспильство», Київ, 1970, № 2, с. 44—48.
298. *Максимов Е. К.*, Ново-липовские курганы, *в № 198*, с. 154—156.
299. *Манцевич А. П.*, О щитах скифской эпохи, СА, 1969, № 1, с. 19—30. [Резюме на франц. яз.].
300. *Махнева О. А.*, Находка гераклейских амфор в Крыму, СА, 1969, № 4, с. 257—259.
301. *Мелюкова А. И.*, Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э., *в № 198*, с. 279—280.
302. *Моруженко А. О.*, Городища скифського часу на території лісостепу східної Европи, «Вісн. Харк. ун-та», № 35, Іст. сер., вып. 3, 1969, с. 65—73.
303. *Моруженко А. А.*, Раскопки городищ у сел Каменка и Сосенка, *в № 198*, с. 275—276.
304. *Мошкова М. Г.*, Погребения VI—IV вв. до н. э. в Челябинской группе курганов, *в № 13*, с. 138—147.
305. Население Среднего Дона в скифское время, М., «Наука», 1969, 144 с. *Содержание*: Введение, с. 3—4; *Либеров П. Д.*, Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных, с. 5—26; *Либеров П. Д.*, Савроматы ли сирматы? с. 27—37; *Дебец Г. Ф.*, Черепа из курганов Среднего Подонья, с. 38—40; *Пузикова А. И.*, Поселения Среднего Дона, с. 41—81; *Пузикова А. И.*, Раскопки могильника скифского времени из с. Дуровка в 1965 г., с. 82—95; *Москаленко А. Н.*, *Пряхин А. О.*, Поселения раннего железного века у хут. Титчиха, с. 96—104; *Корнюшин Г. И.*, Курган у с. Левашовка, с. 105—108; *Гуляев В. И.*, Зооморфные крючки скифского периода, с. 109—127; *Цалкин В. И.*, Фауна из раскопок городищ скифского времени на Среднем Дону, с. 128—136; *Черных Е. Н.*, *Барцева Т. Б.*, Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции, с. 137—142; *Лисицына Г. Н.*, Результаты анализа растительных остатков из курганов и поселений бронзы и раннего железного века, с. 143—144.
306. *Нечитайло А. Л.*, Зеленокумский курган, *в № 198*, с. 99—100.
307. Портрет сарматской царицы, «Преподавание истории в школе», 1969, № 1, с. 128 [без подписи].
308. *Пьянков И. В.*, Аргиппеи. (Источники), «Ученые записки Уральского гос. ун-та», № 101. Серия историческая, вып. 17. Античная древность и средние века, вып. 6., Свердловск, 1969, с. 104—115.
309. *Рикман Э. А.*, Микрорайон с памятниками первых веков новой эры вокруг селища и могильника Будешты, «Труды историко-краеведческого музея МолдССР», вып. 2, Кишинев, 1969, с. 91—105.
310. *Рикман Э. А.*, Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э., КСИА, вып. 119, 1969, с. 24—31.
311. *Рутківська Л. М.*, Кочовики та землероби на території Степової України в середині I тис. н. е., «Археологія», т. XXII, Київ, «Наукова думка», 1969, с. 149—160. [Рез. на русск. яз.].
312. *Смирнов К. Ф.*, *Попов С. А.*, Сарматское святилище огня, *в № 13*, с. 210—216.
313. *Сымонович Э. А.*, Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре, КСИА, вып. 119, 1969, с. 74—80.
314. *Федоров Г. Б.*, Позднесарматский могильник у с. Криничное, *в № 13*, с. 248—253.
315. *Фодор И.*, Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем, СА, 1969, № 3, с. 251—253.
316. *Хавлюк П. И.*, Исследования на Южном Буге, *в № 198*, с. 256—258.
317. *Чеботаренко Г. Ф.*, Некоторые редкие находки второй половины I тыс. до н. э. с поселения Калфа, «Труды Историко-краеведческого музея МолдССР», вып. 2, Кишинев, 1969.
318. *Черненко Е. В.*, Работы Краснознаменской экспедиции, *в № 198*, с. 251.
319. *Шкуро А. И.*, Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии, СА, 1969, № 1, с. 31—39. [Рез. на франц. яз.].
320. *Шмаглий Н. М.*, *Черняков И. Т.*, Раскопки курганов в низовьях Днестра, *в № 198*, с. 255—256.
321. *Шрамко Б. А.*, Исследования Западного и Восточного Бельских городищ, *в № 198*, с. 273—275.
322. *Шрамко Б. А.*, Орудия скифской эпохи для обработки железа, СА, 1969, № 3, с. 53—70. [Рез. на франц. яз.].
323. *Шульц П. Н.*, Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского, СА, М., 1969, № 1, с. 120—136. [Рез. на франц. яз.].
324. *Щепинский А. А.*, Крымская охранно-археологическая экспедиция, *в № 198* с. 249—250.
325. *Яковенко Э.*, Скифы Восточного Крыма в V—III вв. до н. э. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, М., 1969, 23 с. (Ин-т археологии АН СССР).
326. *Яковенко Э. В.*, Резной молоток из Среднего Поднепровья, СА, 1969, № 2, с. 246—249.

См. также №№ 83, 109, 188, 200, 202, 204, 252, 253, 254, 347, 350.

ЗАКАВКАЗЬЕ

327. *Абрамян А. Г.*, Проблема авторства «Ашхарацуйца», «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1969, № 3 (46), с. 226—240. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].

328. *Авакян С. А.*, Новые этимологии и дешифровки в армянских надписях, «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1969, № 6, с. 39—50. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].

329. *Алиев К.*, К вопросу о земледелии и скотоводстве в древней Кавказской Албании, «Ученые записки Дагест. филиала АН СССР и Ин-та истории, яз. и лит.», т. 19. Сер. общ. наук, кн. 2, Махачкала, 1969, с. 29—40.

330. *Алиев К.*, Тацит и древний Азербайджан, «Известия АН АзербССР. Серия истории, философии и права», 1969, № 3, с. 132—133.

331. *Апакидзе А. М.*, Древний город — Археополис — Нокалакеви, «Друзья памятников культуры», сб. 19, Тбилиси, 1969, с. 16—25. [На груз. яз. Рез. на русск. яз., с. 73—74].

332. *Аракелян Б. Н.*, *Тирацян Г. А.*, *Хачатрян Ж. Д.*, Археологические памятники Армении, 3. Памятники древней эпохи, вып. 1. Стекло древней Армении (I—IV вв.), Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1969, 70 с. [Текст парал. на арм., русск. и англ. яз.].

333. *Аракелян Б. Н.*, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», № 4 (47), с. 157—174. [Рез. на арм. яз.].

334. *Аракелян Б.* Размышления археолога о прошедшем 1968 г., «Армения сегодня», Ереван, 1969, № 8—9, с. 26—28.

335. *Аракелян Б. Н.*, Скульптура в древнейшей Армении (IV в. до н. э.—III в. н. э.), «Историко-филологический журнал АН АрмССР», № 1 (44), с. 43—68. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].

336. *Голубкина Т. И.*, О технике ювелирного дела Кавказской Албании, «Летопись науки в Азербайджане. Техника», т. 2, Баку, 1969, с. 218—236.

337. *Еремян С. Т.*, Эребуни-Ереван на путях международной торговли, «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1969, № 12, с. 16—25. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].

338. *Есаян С. А.*, Армянское войско в эпоху Ервандидов, «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1969, № 12, с. 63—69. [Рез. на арм. яз.].

339. *Есаян С. А.*, Ереван. Археологический очерк, Ереван, «Айастан», 1969, 112 с.

340. *Есаян С.*, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1969, № 4 (47), с. 285—291.

341. *Карбелашвили Л.*, Из истории территориального деления Грузии античного времени, «Экономика», Тбилиси, 1969, № 1, с. 368—403. [На груз. яз.].

342. *Каухчишвили С.*, Очередной успех грузинской историографии, «Мнатоби», «Светоч», Тбилиси, 1969, № 7, с. 186—190. [На груз. яз.].

343. *Кахидзе А. Ю.*, К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху. (Кобулети Пичвнари), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Тбилиси, 1965, 29 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

344. *Ломоури Н. Ю.*, Грузино-римские взаимоотношения, Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук, Тбилиси, 1969, 34 с. (АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

345. *Ломоури Н. Ю.*, История Эгрисского царства. (С возникновения до V в. н. э.), Тбилиси, Изд-во Тбилисск. ун-та, 1968, 152 с. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.].

346. *Лордкипанидзе М. Н.*, Корпус памятников глиптики древней Грузии, Тбилиси, «Мецниереба», 1969, 162 с. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].

347. *Погребова М. Н.*, Железные топоры скифского типа в Закавказье, СА, 1969, № 2, с. 179—188. [Рез. на франц. яз.].

348. *Расулова М. М.*, Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н. э.—III в. н. э. (Торгово-экономические и культурные), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Баку, 1969, 22 с. (Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова).

349. *Саакян Н.*, Гарни, «Литературная Армения», Ереван, 1969, № 8, с. 54—59.

350. *Трапш М. М.*, Труды, в четырех томах, т. 2. Древний Сухуми. Сост. тома и отв. ред. А. Х. Халиков, Сухуми, «Алашара», 1969, 373 с.

351. *Тирацян Г. А.*, Материальная культура Армении VI—IV вв. до н. э. «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1969, № 4 (47), с. 147—155. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].

352. *Хидашели М. Ш.*, К истории художественной металлообработки в античной Грузии, Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Тбилиси, 1969, 18 с. (АН ГрузССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

См. также №№ 61, 145, 204, 326.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ*

353. Афрасиаб, Сборник, отв. ред. Я. Г. Гулямов, вып. I, Ташкент, «Фан», 1969, 331 с. (АН УзбССР. Ин-т истории и археологии. Афрасиабская комплексная археол. экспедиция).
354. *Горбунова Н.*, Работы Ферганской экспедиции в 1965—1967 гг. «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. 30, 1969, с. 62.
355. *Кабанов С. К.*, Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, № 1, с. 183—198. [Рез. на франц. яз.].
356. *Литвинский Б. А.*, *Мухитдинов Х.*, Античное городище Ваканохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, с. 160—177. [Рез. на франц. яз.].
357. *Обельченко О. В.*, Шахматный конь с городища Афрасиаб, «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 6, с. 47—48.
358. *Пачос М.*, Новые находки терракот на Афрасиабе, «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 2, с. 68—69.
359. *Пугаченкова Г.*, Кушанская скульптура из Дальверзин-тепе, М., «Искусство», 1970, № 2, с. 60—65.
360. *Пьянков И.*, У истоков истории Самарканда, «Памир», Душанбе, 1969, № 5, с. 68—75.

* Работы по истории Средней Азии в настоящий указатель включены выборочно.

361. *Тургунов Б. А.*, Каменные архитектурные детали из Айртама, «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 4, 1969, с. 207—216.
362. *Усманова З. И.*, Эрк-кала. Городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья. (К истории развития древних городов Средней Азии), Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Ташкент, 1969, 22 с. (Ташкент, гос. ун-т им. В. И. Ленина).
363. *Хлопин И.*, Парфянский пласт в топонимике Туркменистана. (К методике изучения), «Памятники Туркменистана», Ашхабад, 1969, № 1, с. 25—27.
364. *Шишкина Г. В.*, Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук Ташкент, «Фан», 1969, 32 с. (АН УзбССР. Ин-т истории и археологии).
365. *Шишкина Г. В.*, О местонахождении Мараканды, СА, 1969, № 1, с. 62—75. [Рез. на франц. яз.].
366. *Юркевич Э. А.*, История изучения кушанских памятников Афганистана. СА, 1969, № 2, с. 103—115. [Рез. на франц. яз.].

Сост. *И. Е. Борщ*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1970 г.

С 10 по 16 апреля 1971 г. в Тбилиси проходили заседания археолого-этнографической сессии, проводившейся Отделением истории АН СССР, Отделением общественных наук АН ГрузССР, ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР, Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Археологической комиссией АН ГрузССР, Институтом истории, археологии и этнографии АН ГрузССР им. И. А. Джавахишвили. Сессия была весьма представительной. В ее работе приняли участие свыше 400 археологов и этнографов, представлявших более 30 научно-исследовательских центров нашей страны. Работа сессии проходила в нескольких секциях: каменного века; энеолита и бронзы; раннего железного века; культур античного времени; средневековой археологии СССР; этнографии народов Кавказа; этнографии Европейской части СССР; современных этнических процессов; народного искусства и фольклора; историко-этнографического картографирования. В общей сложности на пленарных и секционных заседаниях было заслушано свыше 300 докладов и сообщений. Заседание сессии 10 апреля открыл академик Б. А. Рыбаков. Затем с вступительным словом и приветствием от Академии наук СССР выступил академик Е. М. Жуков. С приветствием и пожеланием успеха работе конференции выступил также секретарь ЦК КП Грузии тов. М. Г. Гигочайшвили. От имени Академии наук ГрузССР приветствовал собравшихся президент Академии академик И. В. Абашидзе. Учитывая профиль ВДИ и круг интересов его читателей в нашем сообщении будет дана информация только о тех пленарных докладах, которые были посвящены античной тематике; будет освещена также работа секции «культур античного времени».

В день открытия на пленарном заседании было заслушано три доклада. *Б. Б. Пиотровский* (Ленинград) в докладе «100 лет археологического изучения Южного Кавказа» остановился на этапах развития археологической науки на Кавказе. Интерес к древностям в Грузии начался после того, как в 1871 г. около Мцхета был случайно открыт древний могильник. Организация в этом же году в Тбилиси Кавказского археологического комитета, реорганизованного в 1873 г. в «Общество любителей кавказской археологии», и предпринимаемые любителями-дилетантами раскопки способствовали привлечению внимания к древностям Кавказа центральных научных учреждений. В 1881 г. в Тбилиси был созван V Всероссийский археологический съезд, оказавший значительное влияние на развитие археологического изучения Южного Кавказа. С 1888 г. Московское археологическое общество начинает издание серии «Материалы по археологии Кавказа». С 1892 г. на Южном Кавказе начинает работы Императорская археологическая комиссия. Этот начальный период археологического изучения Южного Кавказа, в котором принимали деятельное участие русские, грузинские и армянские археологи, был преимущественно периодом интенсивного накопления богатейшего археологического мате-

риала. После Великой Октябрьской социалистической революции в республиках Закавказья началось создание научно-исследовательских институтов и музеев, которые взяли на себя ведение планомерной работы по изучению древних памятников и составлению археологических карт. Развитию археологической науки содействовало создание республиканских академий наук. От музейного собирательства древностей археология Южного Кавказа перешла к изучению памятников материальной культуры прошлого как исторического источника и от изучения отдельных культур — к изучению взаимоотношений между культурами. Углубленное исследование отдельных районов Южного Кавказа дало прочную основу для периодизации древнейших этапов истории Южного Кавказа. В заключение Б. Б. Пиотровский подчеркнул, что научные исследования и научно-популярные работы ввели археологический материал по Кавказу в историю мировой культуры.

А. М. Апакидзе (Тбилиси) был сделан доклад «50 лет грузинской советской археологии», в котором были даны основные направления грузинской археологии. Интерес в Грузии к археологическим предметам, сказал докладчик, наблюдался уже в древности. Но археологические раскопки и более или менее систематическое собирательство предметов старины начались во второй половине XIX в. В результате деятельности Кавказского музея, Общества любителей кавказской археологии, подготовительного Комитета V Всероссийского археологического съезда и весьма энергичных действий отдельных ученых и общественных деятелей в Кавказском музее был собран многочисленный и разнообразный археологический материал, на основе которого дореволюционным ученым и любителям удалось создать ряд важных исследований. Археология как наука начала развиваться в Грузии только после Великой Октябрьской социалистической революции. В результате планомерных археологических исследований удалось многосторонне осветить историю человека каменного века, выявить своеобразные черты палеолита в Грузии и наметить связи с синхронными культурами сопредельных стран. А. М. Апакидзе указал на успешное проведение исследования мезолитических и энеолитических культур, основных этапов развития неолита, на археологическое изучение так называемых раннеземледельческих культур юго-восточной Грузии, в результате чего выявлены локальные варианты этих культур, изучены типы поселений, степень развития древнейшей металлургии, связи с синхронными культурами Кавказа, Ближнего Востока и Передней Азии. Проводилось также исследование памятников эпохи раннего железа на территории Грузии. Большое внимание, продолжал докладчик, уделялось также изучению городов и поселений античной эпохи, раскопки которых дали уникальные памятники. Накопление огромного археологического материала потребовало разработки вопросов периодизации памятников Грузии и Кавказа. Проводились и археологические исследования средневековых городов, культовых и производственных центров, городов-крепостей. Докладчик указал на улучшение методики полевых и лабораторных исследований, на введение в археологию методов естественных и технических наук, на постоянную публикацию добытых материалов. В заключение А. М. Апакидзе подчеркнул, что все эти успехи грузинской археологии были бы невозможны без постоянной помощи, внимания и заботы о развитии науки со стороны партийных и советских органов республики.

Доклад *Б. А. Рыбакова* (Москва) «Века Трояни» был посвящен анализу имеющихся в «Слове о полку Игореве» выражений: трояны века, троянья земля, троянья тропа. Отметив, что литературоведы и историки категорически отвергли римского императора Траяна в качестве основной фигуры, с помощью которой можно разъяснить все «трояны» прилагательные, Б. А. Рыбаков считает, что с реальным императором Траяном можно связывать только «тропу Трояню», горную дорогу через Балканский хребет, действительно построенную Траяном при завоевании Дакии. Что касается «трояньих веков», то множественное число «века» позволяет допустить, что киевский поэт XII в. имел в виду эпоху, начавшуюся царствованием Траяна и закончившуюся IV в., т. е. II—IV вв. н. э. Археологический и нумизматический материал, происходящий с территорий, занятых восточнославянскими племенами, особенно обилен

именно от эпохи императора Траяна, что позволяет считать, что в это время славянские племена лесостепной зоны впервые познакомились с римской культурой. Это время II—IV вв. н. э. (в согласии с нумизматическими и археологическими данными) представлялось автору «Слова о полку Игореве» временем благоденствия славян. Под «землей Трояней», считает Б. А. Рыбаков, следует понимать все причерноморские греко-римские поселения, с которыми славяне при Траяне вступали в контакт.

На пленарных заседаниях 11 апреля были прочитаны доклады, посвященные вопросам истории скифов и киммерийцев, и доклады, в которых обобщались результаты исследования важнейших древних памятников на территории Армении. В своем докладе «Переселение киммерийцев и скифов в Азию и их возвращение в Северное Причерноморье около 585 г. до н. э.» *М. И. Артамонов* (Ленинград) выступил против мнения, согласно которому скифы якобы по ошибке оказались в Передней Азии, преследуя киммерийцев. На самом деле бóльшая часть кочевных скифов в 70-х гг. VII в. до н. э. из Северного Причерноморья переселилась в бассейн р. Аракса, севернее озера Урмии, и оставалась там почти 100 лет. Так как переселение их произошло примерно через 50 лет после ухода киммерийцев в Малую Азию, докладчик не сомневается в том, что эти события не связаны между собой, но полагает, что и те и другие знали, куда идут, и переселились независимо друг от друга. В рассказе Гекатея — Геродота о том, что, теснимые скифами, киммерийцы, собравшись на Днестре, решили оставить родину, но странным образом двинулись навстречу врагу и проникли в Малую Азию по восточному берегу Черного моря, скифы же, преследуя их, сбились с пути и вдоль западного побережья Каспийского моря попали в Переднюю Азию, как считает докладчик, объединены два разновременных события — уход киммерийцев с Днестра на Балканский полуостров и в Малую Азию в конце эпохи бронзы (наступление срубной культуры — скифы — на катакомбную — киммерийцы) и переселение оставшейся в Азово-Каспийском междуречье части киммерийцев в Малую Азию в середине или последней четверти VIII в. до н. э. В настоящее время еще невозможно выделить археологическую культуру этих киммерийцев в Азово-Каспийском междуречье, так как культура всего населения южной части Восточной Европы в конце бронзы и начале железа характеризуется общими чертами, присущими сабатиновскому и белозерскому этапам срубной культуры. Вероятной причиной переселения и киммерийцев, и скифов М. И. Артамонов считает наступление в южной части Восточной Европы засушливого периода, неблагоприятные последствия которого в степях и полупустынях Прикаспия сказались раньше и сильнее, чем в Северном Причерноморье. Скифы оставались в Передней Азии более 90 лет, принимая самое активное участие в политических событиях Ближнего Востока. После захвата Вавилоном Ниневии в 612 г. они получили северные области Ассирии, которыми и владели те 28 лет, о которых говорит Геродот. Около 549 г. изменнически убив скифских царей, мидяне начали вытеснять скифов из их владений; вмешательство в эту борьбу Лидии на стороне скифов им не помогло, и в 585 г. был заключен мир, по которому все владения скифов отошли к Мидии. В результате этого поражения и скифы, и киммерийцы вынуждены были вернуться в Северное Причерноморье, куда и принесли культуру, сложившуюся в условиях постоянных контактов с древневосточными цивилизациями и малоазийскими греками. В результате длительной борьбы с потомками оставшейся части скифского населения (скифов-кочевников и скифов-земледельцев) вернувшиеся скифы под именем скифов-царских утвердили свое господство. Что же касается киммерийцев, то они поселились в Прикубанье, в стране меотов, и с течением времени слились с туземным населением (возможно, синдами).

В докладе *А. И. Тереножкина* (Киев) «Киммерийцы и Кавказ» рассматривалась позднейшая киммерийская культура и ее вклад в культуры народов Кавказа. Ранее неизвестные памятники VIII—VII вв. до н. э. в степях Северного Причерноморья были выявлены в результате исследований, проводившихся в послевоенные годы. А. А. Иессен считал их принадлежащими древнейшим скифам и близким к ним по культуре киммерийцам, однако докладчику представляется более верным, вслед за Е. И. Крупновым и А. А. Щепинским, видеть в них памятники только киммерийцев. Киммерийский археологический комплекс известен преимущественно по материалам из впускных могил

в курганах бронзового века в Подонье, Донецком бассейне, Степном Поднепровье и у Симферополя. Развитие киммерийской культуры этого времени ознаменовалось процессом перехода от бронзового века к железному. Культура эта представлена главным образом различными предметами вооружения и снаряжения верхового коня. Киммерийская степная культура оказала сильное воздействие на соседние территории — Среднее Поднепровье, Волго-Камский бассейн и др., в том числе и Кавказ. Многие элементы ее, особенно железные кинжалы с бронзовыми крестовидными рукоятями и конский уздечный набор, получили широкое распространение на Северном Кавказе в кобанской и протомеотской культурах, причем наиболее яркое проявление это влияние обнаруживает в памятниках кобанского типа Кабарды и района Пятигорска. Большое количество таких вещей привело исследователей к ошибочному, по мнению докладчика, заключению, что они местного северокавказского происхождения. Однако ареал распространения этих форм свидетельствует, по мнению А. И. Тереножкина, о том, что Северный Кавказ, как и области Волго — Камы, украинской лесостепи и Центральной Европы, составляли периферию по отношению к срединной территории их распространения. Следовательно, как считает докладчик, бронзовые двукольчатые удила, железные кинжалы с бронзовыми крестовидными рукоятями и другие сопутствующие им предметы возникли в киммерийской среде в Причерноморских степях, откуда и распространились далее. Если в отношении двукольчатых удил данный вывод еще нуждается в подтверждении данными археологии, то северопричерноморское происхождение железных кинжалов с бронзовыми рукоятями может быть проверено благодаря находкам их прототипов под Одессой и в Среднем Поднепровье. Кроме того, рассматриваемые категории вооружения совершенно не свойственны кобанской культуре к югу от Главного кавказского хребта, а также родственной ей колхидской культуре в Западной Грузии.

Как полагает А. И. Тереножкин, то обстоятельство, что киммерийским влиянием были охвачены на Северном Кавказе только кобанская и протомеотская культуры, проливает свет на многие особенности юго-восточных культурных, экономических и политических контактов киммерийцев. Не исключено, что киммерийцы способствовали распространению первого железа среди населения северных склонов Кавказа, куда оно могло попадать и из Закавказья. Ясно, что киммерийцы не проникали через Главный кавказский хребет на юг; их контакты с Кавказом носили иной характер, чем контакты скифов, в результате которых начиная с VII в. до н. э. скифский культурный элемент получил распространение не только к северу, но и к югу от Главного хребта.

В докладе *Б. Н. Аракеляна* (Ереван) «О некоторых результатах изучения археологических памятников древней Армении» был дан обзор объектов и направлений, по которым изучалась материальная культура древней Армении периода от падения Урарту до зарождения в стране феодального общества (VI в. до н. э. — III в. н. э.). Отметив, что систематические раскопки крепости Гарни, древнего Армавира и столицы древней Армении — Арташата дали разнообразный и богатый археологический материал, докладчик дал характеристику этого материала (архитектура, скульптура, монументальная живопись, обработка металлов, керамика, стекло), отметил предварительные итоги его изучения и указал на задачи дальнейшего исследования. Он отметил, что в культуре древней Армении наблюдается два основных направления — традиционно-народное и направление господствующей верхушки. Последнее отражало внешние влияния, но между обоими направлениями существовало взаимопроникновение. Оба направления легли в основу культуры Армении раннефеодальной эпохи.

В докладе *А. А. Мартиросяна* (Ереван) «Данные по социально-экономической структуре города Аргиштихинили» на основании археолого-архитектурных и эпиграфических памятников были определены социальные группы населения этого города. Напомнив, что он был одним из крупнейших центров Ванского царства, докладчик дал характеристику экономики города: наличие государственных, храмовых и частновладельческих хозяйств, базировавшихся на ирригационном орошении, находившемся в руках государства. Занимались в городе земледелием (хлебные злаки, бахчевые куль-

туры и виноград) и скотоводством, которые составляли основу экономики города. Были высоко развиты ремесла — металлургическое, строительное, каменотесов, гончарное, ткацкое, плотницкое, продукция которых шла на внутренний и внешний рынок. (Раскопки обнаружили мастерские; клейма на керамических изделиях свидетельствуют о цеховой организации гончарного производства.) Социальная структура города слагалась из военно-административной знати, высшего и среднего купечества, представителей среднего хозяйственного персонала, ремесленников, воинов, городского гарнизона, низших сословий и рабов. Прослеживаются отдельные этнические группы из Месопотамии, Восточного средиземноморья. Подобные крупные городские центры, заключает докладчик, были основой централизованной власти и военно-экономической мощи Урарту.

Работа секций «Культуры античного времени» проходила 12 и 13 апреля в двух подсекциях. На ее заседаниях было заслушено около 50 докладов. Вначале мы остановимся на работе первой подсекции, где рассматривались вопросы взаимоотношения античных центров Северного Причерноморья со скифами, сарматами и племенами Северного Кавказа, а также излагались результаты археологических исследований отдельных поселений.

С докладом «Экономические связи Северного Кавказа в I тыс. н. э.» выступил *В. В. Кропоткин* (Москва). Если письменные источники по этой теме весьма скудны, то археологические и нумизматические, напротив, очень обильны, но до последнего времени не были сведены, изучены и введены в научный оборот. Доклад В. В. Кропоткина и является итогом комплексного изучения всего круга источников. Географическое положение Северного Кавказа на стыке Европы и Азии издавна определило основные направления его экономических и культурных связей. Импортные изделия сравнительно легко поддаются количественной и качественной оценке, но характер и размеры вывоза известны только по письменным источникам. Картографирование импортных изделий и монет привело докладчика к выводу о том, что экономические связи Северного Кавказа находились в прямой связи с его военно-политической историей. В I—IV вв. в прибрежные районы и Прикубанье в большом количестве поступали греко-римские товары из причерноморских городов (амфоры, краснолаковая и простая керамика, стеклянные сосуды, серебряная и бронзовая посуда, фибулы, бусы, геммы, оружие и т. д.). Вторжение гуннов на Северный Кавказ привело к опустошению земледельческих районов Прикубанья, многие причерноморские города были взяты штурмом и разрушены. Экономические связи в V—VII вв. резко сокращаются, падает ввоз вина, ремесленных изделий, украшений. В городах и поселках Северного Причерноморья находят сравнительно много привозных изделий, тогда как в глубинные районы Прикубанья импортные изделия поступают в малом количестве. Арабское завоевание и возникновение Хазарского каганата резко изменили политическую обстановку на Северном Кавказе. С VIII в. увеличивается ввоз из Византии, Северного Причерноморья, Закавказья, Арабского халифата и Средней Азии (стеклянная и глиняная посуда, вино, шелковые ткани, украшения и т. д.). В раннем средневековье на Северном Кавказе четко выявляются сферы торгового влияния Византии (его западные районы) и стран Арабского халифата (восточные районы).

В своем докладе «К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусств» *А. И. Мелюкова* (Москва) выступила против получившей распространение в болгарской и румынской литературе, особенно последних лет, точки зрения о самостоятельном, независимом от скифов формировании и развитии звериного стиля в искусстве фракийских племен; при этом главную роль в создании фракийского искусства отводят влиянию торевтики персов доахеменидского и ахеменидского периодов. Не отрицая участия переднеазиатского искусства в формировании искусства фракийцев V—IV вв. до н. э., докладчик выражает решительное несогласие с таким взглядом на происхождение фракийского звериного стиля. Выполненные в этом стиле предметы, происходящие с территории фракийских племен, главным образом гетов, делятся на две численно неравные группы. К первой принадлежат изделия, ничем не отличающиеся от найденных в Северном Причерноморье (наиболее ранние — второй половины VI в. до н. э.); видимо,

они были привезены из Скифии или скопированы по скифским образцам. Более многочисленную группу составляют предметы, не имеющие прямых аналогий в Северном Причерноморье,— именно они особенно характерны для звериного стиля в искусстве фракийцев (это преимущественно украшения конской узды конца V—IV вв. до н. э.). Однако, несмотря на своеобразие, эти вещи также нельзя рассматривать в отрыве от скифских и считать появившимися независимо от них; по мнению А. И. Мелюковой, в основе их тоже лежали скифские образцы, творчески переработанные и дополненные элементами местного, греческого и персидского искусства. С другой стороны, со второй половины IV в. до н. э. в степной Скифии появляются вещи, выполненные фракийскими мастерами. На украшениях парадных уздечек наряду с местными особенностями ощущается и сильное фракийское влияние. Взаимосвязь между скифским и фракийским искусством докладчик объясняет тесными контактами этих двух соседних народов, близких по уровню социально-экономического развития.

«Обычай побратимства у скифов и его социальное значение» был темой доклада *А. М. Хазанова* (Москва). Важную роль, которую играл этот обычай в скифском обществе, подметили греки; об обычае побратимства сообщают Геродот и Лукиан, зафиксирован он и иконографическим материалом. Как показывает этнографический и исторический материал, обычай побратимства известен во многих обществах на определенном этапе их развития, когда старые связи теряют свое значение, а государство еще не возникло — в таких условиях индивид ищет в побратимстве новую линию защиты. Данные о скифском побратимстве относятся в основном к V—IV вв. до н. э., т. е. к переходному времени, когда родовые связи теряли свое значение. В обычае побратимств наряду с другими данными А. М. Хазанов находит подтверждение мнения о том, что у скифов в геродотово время государства еще не существовало.

Влиянию греческой культуры на позднескифское государство был посвящен доклад *Д. С. Раевского* (Москва) «К истории отношений позднескифского царства с греческими государствами Северного Причерноморья». Отметив, что взгляд на позднескифское государство как на «греческое» в последние годы был опровергнут, докладчик указал, что степень влияния греческой культуры на это царство и удельный вес греков в составе его населения остаются еще недостаточно изученными. Материал из раскопок как городских слоев, так и некрополя позднескифской столицы Неаполя позволил Д. С. Раевскому наметить три этапа в истории взаимоотношений позднескифского царства с греческими государствами Северного Причерноморья. Первый этап падает на конец II — начало I в. до н. э. Это время довольно сильной эллинизации верхних слоев скифского общества, причем источником греческого влияния является в основном Ольвия. В культуре рядового населения это влияние почти не прослеживается. На втором этапе (I в. до н. э.— начало I в. н. э.) наблюдается падение греческого влияния. Начало третьего этапа отмечено подчинением скифов Боспору в конце первой трети I в. н. э. Наряду с сильной сарматизацией в это время происходит увеличение греческого влияния, но уже на культуру всего населения Скифского царства.

О двухлетних раскопках Реутской археологической экспедицией Института истории АН МолдССР могильника культуры фракийского Гальштата у с. Селиште (Оргеевского р-на МолдССР) сообщил *В. Л. Лапушнян* (доклад «Раскопки могильника культуры фракийского гальштата у с. Селиште в Молдавии», Кишинев). В 1969—1970 гг. на площади около 1,5 тыс. кв. *м* было обнаружено 21 погребение (обряд трупосожжения, урновый и безурновый) с небогатым погребальным инвентарем, состоящим преимущественно из лощеной и грубой керамики, характерной для памятников среднего этапа культуры Гальштата Молдавии и Румынии. Железные удила принадлежат к типу удил, распространенных в Северном Причерноморье и на Кавказе. Предварительно могильник датируется докладчиком VII—VI вв. до н. э.

В 1962, 1965 и 1969 гг. Мельнице-Подольская экспедиция Государственного исторического музея УССР продолжала изучение поселения раннескифского времени в с. Иванэ-Пустэ Тернопольской обл. (доклад *О. Д. Ганиной* «Результаты исследования поселения раннескифского времени в с. Иванэ-Пустэ Тернопольской области в 1962,

1965, 1969 годах», Киев). Открыты два наземных жилища, прямоугольных в плане, с остатками печей; оба они погибли от пожара. Основные находки — обломки лепной керамики, различной кухонной и столовой посуды местной работы, глиняные катушки, пряслица и пуговицы, изделия из металла (бронзовая шпилька, железный нож, крючок) и камня (обломки зернотерок, точильных камней). В помещениях и ямах найдены комочки просяной лузги, несколько зерен хлебных злаков, кости животных. Местные лепные сосуды находят полную аналогию в материалах из кургана Западной Подолии и имеют общие черты с лепной керамикой Побужья и Среднего Приднепровья. Сероглиняная кружальная керамика обнаруживает сходство с раннефракийским материалом из раскопок на территории Болгарии и дакийским — из Румынии. Анализ новых данных уточняет ранее установленную датировку поселения — VI в. до н. э., показывает, что основу хозяйственной деятельности населения Западной Подолии в это время составляло земледелие, и свидетельствует о его тесных торговых и культурных связях с античным миром и юго-западными соседями.

За последние годы в Крыму исследовалось несколько могильников, давших новые материалы по истории полуострова. В 1969 и 1970 гг. экспедицией Государственного исторического музея раскапывался могильник Бельбек IV, расположенный у пос. Любимовка Нахимовского р-на Севастополя (доклад *И. И. Гущиной* «О результатах исследования нового могильника I—II вв. н. э. в юго-западном Крыму», Москва). Открыто 51 погребение I — первой половины II в. Среди погребального инвентаря преобладает красноглиняная и краснолаковая керамика разнообразной формы, лепные сосуды встречаются редко. Многие сосуды находят аналогии среди керамики Херсонеса; есть посуда, попавшая сюда из городов Малой Азии, очевидно, через Херсонес. Много также украшений (браслеты, фибулы, перстни, бусы), причем типы их хорошо известны по памятникам Северного Причерноморья первых веков н. э. Следует упомянуть, кроме того, о стеклянных сосудах и предметах из египетского фаянса (бусы, скарабеи и др.). Материал могильника Бельбек IV наряду с материалами других могильников Бельбекской долины характеризует население этого района как скифо-сарматов, в экономическом и культурном отношениях тесно связанных с Херсонесом.

В ходе раскопок Усть-Альминского некрополя (близ с. Песчаное, доклад *Т. Н. Высотской* «Могильник I в. до н. э.— III в. н. э. близ с. Песчаное в Крыму», Симферополь) было вскрыто 58 погребальных сооружений разного характера, в том числе 10 склепов, 5 кенотафов и 5 погребений коней. Разнообразный и подчас богатый погребальный инвентарь (украшения, посуда и пр.) позволяет датировать некрополь I в. до н. э.— III в. н. э. Усть-Альминский могильник отражает сложные процессы этнического смешения населения в первые века н. э.— докладчик выделяет несколько этнокультурных групп: скифскую, сарматскую, античную и др., причем скифский элемент преобладает.

Краткая характеристика раннескифских памятников Восточного Крыма была дана в докладе *Э. В. Яковенко* «Раннескифские памятники Восточного Крыма» (Киев). Это орудия труда, предметы вооружения, украшения в зверином стиле и керамика середины VII — рубежа VI—V вв. до н. э., т. е. периода появления и утверждения в Северном Причерноморье скифской культуры, полученные в ходе раскопок ряда городов (Нимфей, Пантикапей, Тиритака, Мирмекий) и некрополей. Несмотря на малочисленность этих находок, анализ их, по мнению докладчика, позволяет пересмотреть гипотезу А. М. Лескова о пребывании на Керченском полуострове в VI—V вв. до н. э. тавров. Как считает Э. В. Яковенко, следует скорее всего согласиться со свидетельством Геродота о том, что тавры обитают до Скалистого полуострова, населенного скифами.

Два доклада были повящены Илурату. При исследовании этого городища ставится цель выявить специфику материальной культуры, и прежде всего градостроительные особенности боспорского города-крепости. В 1970 г. раскопки проводились на юго-западном участке городища (доклад *И. Г. Шургая* «Исследование Илурата в 1970 г.», Ленинград). Открыта новая улица (ширина ее 1,2 — 1,5 *м*), перекрещивающаяся с другой широкой улицей, соединяющей юго-западные ворота с центром города. Расчищены также

два помещения двух смежных жилых комплексов, изучение которых начато в предыдущем сезоне. Одно из этих помещений имело хозяйственное назначение; в нем обнаружена также каменная плита с углублением и следами огня — по мнению докладчика, примитивный алтарь, связанный с земледельческим культом, известным в Илурате и по другим материалам. В 1969—1970 гг. раскапывался также Верхний некрополь Илурата (доклад *М. М. Кубланова* «Новый погребальный комплекс некрополя Илурата», Ленинград), на южном участке которого выявлен ряд погребальных сооружений, которые докладчик рассматривает как единый комплекс, объединенный, вероятно, узами родства и некоторой зависимости. В вырубленной в скале катакомбе было похоронено лицо, занимавшее высокое общественное положение, а вокруг, по закраинам курганной насыпи этой катакомбы, находилось несколько рядовых могил с коллективными захоронениями. Докладчик считает данный комплекс существенным элементом в характеристике этнокультурных групп илуратского общества.

О результатах организованных ИА АН СССР разведок в Приазовье сделал доклад «Разведки в Приазовье» *И. С. Каменецкий* (Москва). Основное внимание было уделено памятникам по течению р. Кирпили и в районе лиманов у гор. Приморска-Ахтырска. Несколько городищ осмотрено также на правом берегу Кубани, ниже Краснодара, и ряд городищ у границ Синдики. По течению Кирпилей и в районе Приморско-Ахтырска обследовано 17 городищ. О дате их возникновения говорить пока трудно; прекращают же они свое существование, судя по собранному материалу, на рубеже н. э. В целом этот материал не отличается от находок на городищах римского времени на Дону. Однотипность культурного слоя и синхронизм прекращения жизни по течению Кирпилей и возникновения городищ по Дону существенно подкрепляют гипотезу о переселении жителей с Кирпилей на Дон на рубеже н. э. Однако есть и некоторые различия: на Дону отсутствует внутреннее членение городищ, на Кирпилях значительно более распространена кружальная керамика античного облика, но, вероятно, местного производства и др. Городища на Кирпилях различаются по сложности устройства от очень простых — одна площадка, окруженная рвом,— до весьма сложных; по предположению докладчика, эта сложность городищ возникла в процессе их постепенного роста. Границы между Синдикой и другими местами в культурном отношении проходила, вероятно, где-то в районе Батарейного городища, которое дает смесь меотских традиций с античными.

Итоги исследования Елизаветовского городища и некрополя, которые проводились в 1966—1970 гг. Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения, подвел *И. Б. Брашинский* в докладе «Итоги исследования Елизаветовского городища и курганного могильника на Нижнем Дону в 1966—1970 гг.» (Ленинград). Городище стояло на перекрестке древних путей, связывающих скифский мир с Востоком (Задонье и Заволжье) и Кавказом, а также было на протяжении нескольких веков (V—III вв. до н. э.) основным центром греко-варварской торговли на Нижнем Дону. Раскопки курганного некрополя последних лет позволили отодвинуть дату его возникновения с конца V — начал IV в. до н. э. в первую половину V в. до н. э. Были выявлены специфические черты погребального обряда; особого упоминания заслуживает ряд погребений женщин с оружием. Работы на городище были сосредоточены главным образом в его центральной части, где открыты жилые, хозяйственные, а возможно, и общественные здания IV — первой половины III в. до н. э. Начато также изучение оборонительной системы. Полученный в ходе раскопок материал характеризует хозяйственную деятельность и культуру населения. Особое значение для жителей городища имело рыболовство, зафиксирована также обработка металла, ткачество и другие виды ремесла. В местной культуре проявляются сильные связи с Северным Кавказом (меотский мир) и приднепровскими скифами и сарматами. Как считает докладчик, имеются основания предполагать значительное воздействие на местное население эллинской культуры, в частности проникновение греческих культов и их приспособление к местным религиозным представлениям. Очень значителен был ввоз греческих товаров, особенно вина (обмен был натуральным). По объему и разнообразию импорта Елизаветовское городище выделяется среди других синхронных

варварских поселений. Раскопки последних лет позволили выделить ряд новых греческих центров, из которых товары ввозились в дельту Дона с начала V в. до н. э.— Самос, Коринф, Менда и др. Но доминировал в IV—III вв. импорт из причерноморских городов, особенно из Гераклеи Понтийской. С середины III в. до н. э. в результате основания Танаиса Елизаветовское городище приходит в упадок и к концу III — началу II в. до н. э. прекращает свое существование.

Анализ прикубанских изваяний был дан в докладе *П. Н. Шульца* «Прикубанские изваяния скифского времени» (Ленинград). Выделенная впервые А. А. Миллером, эта группа за последние годы пополнилась двумя новыми памятниками. Одно обнаружено близ станицы Бесскорбной, в долине р. Уруп; это изображение вооруженного скифа конца VI — начала V в. до н. э. Вторая статуя найдена близ с. Ковалевского Новокубанского р-на и тоже изображает вооруженного скифа. Но по своему характеру эти памятники очень различны: если первый строится фронтально, формы его компактны, членение фигуры резко подчеркнуто, то во втором никаких признаков фронтальности уже нет, фигура построена асимметрично и дана в движении, формы ее пластичны, ощущается влияние античной скульптуры. Вместе с ранее известными (первое краснодарское изваяние и колоссальные изваяния из станицы Преградной) эти памятники, как считает докладчик, рисуют сложный процесс развития прикубанских изваяний от VI—V до IV—III вв. до н. э., от собственно скифских через локальный кубанский вариант к статуям северокавказского варианта меотской культуры скифского времени.

А. Х. Пшеничнюк ознакомил с новыми материалами по истории сармат, полученными одним из археологических отрядов ИИЯЛ ФБАН СССР в ходе раскопок в 1969—1970 гг. Уязыбашевского и Чумаровского курганных могильников, расположенных в южных степных районах Башкирии («Новые материалы по сарматам Башкирии», Уфа). Всего было вскрыто 10 курганов с захоронениями, погребальный инвентарь которых состоит в основном из глиняных сосудов и предметов вооружения, датируемых рубежом н. э. Интерес данных памятников обусловлен тем обстоятельством, что они дали материал по слабоизученному среднесарматскому периоду.

О раскопках Черноярским отрядом Астраханской археологической экспедиции курганов на Нижней Волге рассказала *Е. В. Шнайдштейн* («О раскопках курганов на Нижней Волге в 1970 г.», Астрахань). Курганы расположены на правом берегу Волги, между селениями Черный Яр и Барановка. Вскрытые здесь погребения относятся к различным хронологическим периодам и свидетельствуют о непрерывном заселении этого района Поволжья от эпохи бронзы вплоть до средневековья. Среди разнообразного богатого инвентаря сарматских погребений (I в. до н. э.— I в. н. э.) — два бронзовых котла и золотые украшения (браслеты, гривны, кольца, подвески).

Культура катакомбных погребений на территории Азербайджана послужила темой доклада *И. Алиева* и *Г. Асланова* (Баку) «Культура катакомбных погребений на территории Азербайджана». Анализ материалов мингечаурского некрополя — устройство катакомб, характер погребального обряда и инвентаря, наличие конских захоронений,— все это позволило докладчикам связать данные катакомбные погребения с племенами сармато-аланского круга. Появившись на рубеже н. э. на территории Предкавказья, а затем и Северного Кавказа, в первые века н. э. они проникли в отдельные области Дагестана, Грузии и Азербайджана, совершая отсюда набеги на Иран.

Новые данные о культуре ранних кочевников Алтая были получены в ходе четырехлетних (1964—1967 гг.) исследований, проводившихся Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в труднодоступном высокогорье Алтая, лежащем к югу от Катунского и Южно-Чуйского хребтов (доклад *С. С. Сорокина* «Новые данные о культуре кочевников Алтая», Ленинград). Кроме могильников тюркского времени в долине рек Джазатера, Ак-Алахи и Кок-су было выявлено значительное количество курганов ранних кочевников. Как показали раскопки курганов в верхнем течении Аргута и недалеко от устья Кок-су, погребальный обряд совпадает в главных чертах с обрядом погребений пазарыкского и других памятников Горного и Центрального Алтая, инвентарь также находит параллели среди вещей, бытовавших на Алтае и соседних с ним территориях в середине и второй половине I тыс. н. э.

Доклады второй подсекции были посвящены итогам археологических исследований античных центров и поселений античного времени Северного Причерноморья и Кавказа.

И. А. Антонова (Севастополь) в докладе «Новые данные о фортификации Херсонеса по результатам археологических исследований в 1970 г.» сообщила о том, что раскопками 1970 г. была выявлена передовая стена города (протейхизма) античного времени, которая прослеживается на протяжении 70 *м*. На всем пространстве она перекрыта протейхизмой средневековой эпохи, фундамент которой был установлен на античной стене. В кладке этой античной протейхизмы были обнаружены фрагменты (75 штук) надгробий, которые разнотипны и не одновременны — IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э., что дает возможность датировать протейхизму временем не ранее II в. н. э. Докладчик остановился также на результатах обследования пристенных склепов (1013 и 1014) и на работах по исследованию 21 куртины, приведших к открытию нескольких новых помещений терм. Размещение терм и ряд других данных, отметил докладчик, подтверждают разделение города на отдельные районы.

В докладе *О. И. Домбровского* (Симферополь) «Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970 г.» были изложены итоги возобновившихся раскопок херсонесского театра, когда были полностью открыты остатки амфилеммы театра II в. н. э. и выяснены особенности ее сооружения. Раскопки показали, что ранее на месте театра существовал некрополь III в. до н. э. Были обнаружены также остатки поселения тавров, датируемого IV—III вв. до н. э. Разведочные раскопки внутри средневекового храма позволили уточнить периодизацию театра: *1*) возведение театра произошло во второй половине III в. до н. э., *2*) во время войн Диофанта театр не действовал и был частично разрушен; *3*) восстановлен театр был при Нероне; *4*) во II в. н. э. он был реконструирован и совмещал функции театра, одеона и цирка. Разрушение театра и средневековая застройка на его месте относится к концу IV в. н. э.

О. Я. Савеля (Севастополь) в докладе «Об организации сельскохозяйственной территории Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в первых веках н. э.» поставил вопрос о размежевании земель Херсонеса в восточной части Гераклейского полуострова, относительно которых принято считать, что находившиеся здесь земли были общественным фондом города и не были заселены и разделены на участки. Работами Херсонесского музея 1967—1970 гг., сказал докладчик, в восточной части Гераклейского полуострова был открыт могильник протяженностью около 2 *км*, несколько сельскохозяйственных усадеб и ограды земельных участков. Эти данные, раскопки И. Н. Бороздина в 1924 г., открывшего могильник II—IV вв. н. э. в размежеванной части Гераклейского полуострова, исследование склепа IV в. и усадьбы, открытые в восточной части Гераклейского полуострова, свидетельствуют, по мнению докладчика, об освоении восточной части Гераклейского полуострова. Размежевание общественных земель докладчик связывает с упадком полисного землевладения в Херсонесе.

Итоги работы двух последних сезонов экспедиции Государственного Эрмитажа в центральной части Нимфея, ранее не исследовавшейся, были изложены в докладе *Н. Л. Грач* (Ленинград) «Раскопки на территории боспорского города Нимфея». Раскопки дали слои от V в. до н. э. по II—III вв. н. э. и остатки отдельных сооружений: здание культового или общественного назначения второй половины V — начала IV вв. до н. э.; вымостка двора эллинистического времени III в. до н. э., богатая усадьба римского времени с хозяйственными помещениями и керамической печью для обжига светильников, ряд домов, отделенных друг от друга улицами или переулками, датируемых I в.— началом II в. н. э. Эти сооружения несут следы пожарищ и насильственных разрушений. От периода II—III вв. дошли незначительные остатки построек. В это время центральная часть города была почти не заселена. Открытая раскопками часть прямоугольной башни свидетельствует о том, что город был укреплен в эллинистическое и римское время.

Результаты раскопок одного из сельских поселений европейской части Боспора были изложены в докладе *И. Т. Кругликовой* (Москва) «Сельское поселение у деревни Андреевки». Поселение было основано в VI в. до н. э.— начале V в. до н. э. с жилищами-

полуземлянками. В конце V в. до н. э. на этом месте возникло несколько отдельных усадеб с каменными стенами. В конце IV в. до н. э. возводится одно большое здание сельскохозяйственной усадьбы с хозяйственными постройками, помещениями для скота и рабов. В конце III в. до н. э. усадьба прекратила свое существование.

Доклад *Н. И. Сокольского* (Москва) «Раскопки в Кепах в 1970 г.» показал, что греческое поселение Кепы существовало с IV в. до н. э. до средневековой эпохи. Сохранность отдельных напластований различна. От средневековой эпохи дошли фрагменты керамики и земляные ямы; от слоя III—IV вв. н. э.— ряд фундаментов построек, пифосов и керамика; от слоя II—III вв. н. э. строительных остатков не сохранилось; нижележащие слои представлены комплексом мелких находок. Докладчик подчеркнул, что в Кепах впервые достаточно полно обнаружены слои VI — первой половины V в. до н. э. Была открыта также подвальная часть дома архаической эпохи, построенного из сырцовых кирпичей, с подвалом амфор для вина первой половины V в. до н. э. Раскопки дали две греческие надписи (на донце килика и мраморном блюде), подтверждающие большое значение культа Афродиты в Кепах.

В докладе *И. Д. Марченко* (Москва) «Раскопки Пантикапея в 1969—1970 гг.» были изложены результаты раскопок на северном склоне горы Митридат, которые проводила экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина. Здесь был открыт производственный комплекс конца VI — начала V в. до н. э.— гончарная мастерская с обжигательной печью и примитивная кузница, располагавшаяся вблизи дома оружейника. В западной части раскопа была обнаружена оборонительная стена и башня акрополя.

В докладе *А. К. Коровиной* (Москва) «Раскопки некрополя Тирамбы за 1969—1970 гг.» сообщалось о том, что проводимая ГМИИ им. А. С. Пушкина археологическая экспедиция за последние два года вскрыла площадь некрополя Тирамбы, греческого поселения в азиатской части Боспора, на 332 кв. *м* — погребения VI—V вв. до н. э., IV в. до н. э., III—II вв. до н. э. и I в. до н. э.— I в. н. э. Погребения VI—V вв. до н. э. дали привозной погребальный инвентарь. Были обнаружены также погребения детей в корчагах, датируемых II в. до н. э. Среди погребений I в. до н. э.— I в. н. э. интересен склеп, содержавший пять скелетов, давших характерный для данного времени погребальный инвентарь (краснолаковая и стеклянная посуда, светильники, бронзовые зеркала).

В докладе *П. А. Закарая* и *В. А. Леквинадзе* (Тбилиси) «Археологические раскопки в Зиганисе в 1970 г.» были представлены результаты исследования этого пункта (около совр. с. Гудава в Гальском р-не ГрузССР), позволяющие отождествить его с римским военным лагерем, где в конце IV в. стояли римские вспомогательные войска. Археологические раскопки выявили остатки римской крепости — оборонительную ограду, сохранившуюся на высоту 0,5 *м*, дали римские монеты Константина и Лициния, фрагменты римской краснолаковой керамики и стеклянной посуды. Основная часть археологического материала из Зиганиса датируется IV—V вв. н. э. Существование в Зиганисе в VII—IX вв. одной из четырех епископских кафедр Западной Грузии подтверждает важность этого пункта и историческую преемственность в его развитии от античности к средневековью.

А. Ю. Кахидзе (Батуми) в докладе «Итоги полевых исследований могильника греков-пришельцев в Пичвнари» сообщил об итогах раскопок городища Пичвнари (около совр. Кобулети). На территории этого городища, сказал докладчик, хорошо сохранились слои доантичной, классической, эллинистической и раннефеодальной эпох, открыты ремесленные участки, культовые места и довольно обширный могильник. Раскопки 1966—1967 гг. открыли 75 грунтовых погребений местного населения, давших памятники колхидской культуры раннеантичного времени. Раскопками 1966—1968 гг. вскрыто 22 погребения V в. до н. э., давших ионийскую, аттическую чернолаковую и краснофигурную керамику, хиосские и фасосские амфоры, золотые украшения, бронзовые зеркала, стрелы, золотые монеты Кизика, пантикапейские и нимфейские монеты. Большинство погребений ингумационные, некоторые из них имеют площадки тризны. Раскопки выявили также 36 погребений раннеэллинистической эпохи. В заключение докладчик сказал, что материалы раскопок показывают, что городище

Пичвнари играло значительную роль в торгово-экономических и культурных взаимоотношениях эллинского мира со странами понтийского побережья.

В докладе *Т. Ш. Карумидзе* (Тбилиси) «Уплисцихе (архитектура и строительные периоды цитадели)» были представлены итоги раскопок древнейшего города-крепости Картли — Уплисцихе («Крепость владыки»), высеченного в скале. Этот город-крепость принадлежит раннеэллинистическому времени. Как показал докладчик, крепость была размещена не по характерному для скальной архитектуры пещерно-ярусному расположению помещений, но по принципу застройки развернутого на большой площади наземного строительства. Докладчик остановился на особенностях архитектуры скальных зданий. Второй строительный период Уплисцихе относится ко времени принятия христианства Картли. Скальный город существовал и в средние века и использовался для постоянного жительства сельского населения. Количество зданий, парадность архитектурных форм, грандиозность всего ансамбля в скальном массиве и само наименование, заключает докладчик, подтверждают особое государственное значение этого города.

Ю. М. Гагошидзе (Тбилиси) в докладе «Раскопки городища Самадло» познакомил с результатами изучения последних остатков городища на возвышенности Самадло (Мцхетский р-н). Были вскрыты остатки оборонительных сооружений, склеп с двумя деревянными саркофагами эллинистического времени и коллективным захоронением, черепица (калиптеры, солены), крупные красноглиняные сосуды (пифосы, кратерообразные сосуды), впервые открытые в Грузии, покрытые росписью (сцены охоты, ритуального танца). Памятники, обнаруженные на городище Самадло, датируются концом IV—II вв. до н. э.

В докладе *В. А. Толордавы* (Тбилиси) «Археологические раскопки в Даблагоми в 1970 г.» излагались результаты раскопок одного из отрядов Ванской археологической экспедиции в Даблагоми (юго-восточнее Вани на левом берегу р. Риони). Были открыты некрополи с кувшинными погребениями второй половины IV в. до н. э. (сероглиняные пифосы колхидского типа). Погребальные сосуды зарывались в землю в вертикальном положении, горловиной вниз; умерший помещался в сосуд в сильно скорченном положении. В каждом погребении обнаружена монета-колхидка, глиняные сосуды, украшения.

В докладе *Н. Ш. Кигурадзе* (Тбилиси) «Даппарский некрополь» содержалась информация о раскопках в с. Даппари, на левом берегу р. Риони (древнего Фазиса) могильника IV—III вв. до н. э. Могильник занимает территорию около 50 *га*, захоронения проводились в больших сосудах типа пифосов. Рядом с могильником находилось селище Даппари, состоявшее из отдельных усадеб.

Результатам исследования поселения Гиенос был посвящен доклад *Д. Д. Качаравы* (Тбилиси) «Город Гиенос в античную эпоху». Раскопки этого поселения (у совр. гор. Очамчире) начались в 30-х годах нашего века. К настоящему времени установлено, что поселение располагалось на трех искусственных холмах и примывающей к ним равнине у устья р. Джикумур. Первые поселенцы обосновались в Гиеносе в середине V в. до н. э. В развитии города прослеживаются три периода: V—IV вв. до н. э.— период основания и развития поселения; III—I вв. до н. э.— эллинистический период; III—V вв. н. э.— период возрождения поселения. Раскопки дали множество импортной керамики (аттическая чернолаковая керамика V—IV вв. до н. э., хиосские амфоры V в. до н. э., единицы фасосской продукции; от эллинистического времени дошли фрагменты синопской керамики, мегарских чаш, чернолаковой посуды из малоазиатских центров). Была найдена также местная керамика колхидского типа и золотые украшения. Сам тип поселения, погребальные обряды, гончарное производство, отмечает докладчик, имеют типично колхидский характер. Среди его населения были и греки. Очевидно, заключает докладчик, здесь мы имеем дело с торговой факторией.

В докладе *С. М. Казиева*, *И. А. Бабаева*, *Ф. Л. Османова* (Баку) «Новые археологические исследования античной Кабалы» (Азербайджан) были изложены результаты раскопок на городище и некрополе Кабалы, упоминаемой Плинием в качестве главного города античной Албании. Культурный слой на городище Кабалы датируется эпохой

бронзы и IV в. до н. э.— I в. н. э. Раскопками выявлено здание, построенное из сырцового кирпича, толщина стен здания более 2 *м*, площадь его отдельных помещений — 56, 87 и 118 кв. *м*. Здание погибло в конце I — начале II в. н. э. Были найдены также фрагменты глиняной и стеклянной посуды, кости животных и птиц и др. Некрополь дал семь погребений — четыре кувшинных (детские) и три грунтовых (взрослые) и сопровождающий их инвентарь.

В докладе *Г. А. Тирацяна* (Ереван) «Раскопки древнего Армавира 1970 г.» были показаны результаты раскопок урартской крепости Аргиштихинили: раскрыта западная оборонительная стена крепости и остатки здания ахеменидского — эллинистического времени. Верхние слои раскопанного участка датируются X—XIII вв. н. э. Раскопки дали также фрагменты керамики и металлические предметы соответствующих периодов.

Часть докладов была посвящена анализу и характеристике античной или местной керамики. В докладе *В. В. Борисовой* (Москва) «Опыт классификации торговой тары Херсонеса» было обращено внимание на встречающиеся при раскопках Херсонеса и скифских городищ и поселений остродонные амфоры, служившие в качестве торговой тары. Эти амфоры докладчик классифицировал в три группы в хронологическом и типологическом отношениях. Производство таких амфор в Херсонесе следовало гераклейским и синопским типам. Эволюция самой формы амфор с конца IV в. до н.э. и до начала I в. до н. э. происходила в сторону более вытянутых пропорций. Клейма херсонесских амфор этого периода дают возможность разделить эти амфоры на четыре хронологические группы. Находки клейменых херсонесских амфор за пределами Херсонеса, заключает докладчик, свидетельствуют об интенсивности торговых связей Херсонеса с античными городами и Скифией.

В докладе *Р. А. Стручалиной* (Саратов) «Патрейские амфоры» сообщалось о местном производстве амфор в Патрее и отмечалось, что находки в 1965 г. в Патрее остатков гончарной печи I—II вв. н. э. с остатками керамического материала, реконструированной Н. И. Сокольским (КСИА, вып. 116, 1968, стр. 63—66), и происходящие из раскопок Патрея фрагменты амфор дают возможность говорить о местном их производстве и установить три типа этих амфор. Они отличаются формой горла, тулова и объемом.

В докладе *Р. В. Путуридзе* (Тбилиси) «Колхидские амфоры эллинистического и позднеантичного времени» была рассмотрена группа амфор, известная в литературе как амфоры из «коричневой глины». Самые ранние амфоры этого типа датируются IV в. до н. э. и происходят из поселений колхидской культуры — Вани, Даблагоми, Даппари и др. Характерной особенностью этих амфор является спиралевидный завиток на дне. Во II—I вв. до н. э. форма колхидских амфор несколько меняется, но сохраняется спиралевидный завиток. Производство этих амфор продолжалось до VI в. н. э. Их количество особенно увеличивается в IV в. н. э.

В докладе *Н. Н. Матиашвили* (Тбилиси) «К изучению керамического производства Колхиды эллинистической эпохи» были изложены результаты исследования местной керамики из Ванского городища. Эта керамика делится на две группы и датируется III—II вв. до н. э. и I в. до. н. э. Для первого этапа этой керамики характерно сосуществование местных и античных форм, для второго — преобладание местных форм, но отмеченных греческим влиянием, чему способствовало, считает докладчик, ограничение греческого импорта в связи с войнами Митридата. Тенденции развития местной керамики, заключает докладчик, проявляющиеся в подражании греческой, дают основания судить о широком распространении эллинистической культуры в Колхиде.

В докладе *Ф. И. Тер-Мартиросова* (Ереван) «Расписная керамика Армении III—I вв. до н. э.» было отмечено, что расписная керамика зародилась в раннеармянский период и достигла расцвета в III—II вв. до н. э. Для этого времени обязательны ангоб и лощение; роспись большей частью полихромная; орнаменты — геометрический, растительный и зооморфный. В I в. до н. э. отмечается упадок расписной керамики.

В докладе *Н. П. Сорокиной* (Москва) «О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья» было обращено внимание на не изучавшиеся еще специально стеклянные сосуды и кубки с орнаментом в виде капель синего стекла. Такие сосуды,

отметил докладчик, известны от времени поздней античности в восточных и западных провинциях Римской империи. В Северном Причерноморье они входили в состав погребального инвентаря и были найдены в основном на Боспоре, в Херсонесе и Ольвии, в районе совр. Сухуми и Пицунды. Часть сосудов была импортного происхождения, часть — местного производства. Докладчик выделяет три типа этих сосудов и отмечает, что они встречаются с начала IV в. н. э. до середины V в. н. э.

Анализ и толкование эпиграфических памятников были даны в докладах Э. И. Соломоник и А. И. Болтуновой.

Э. И. Соломоник (Симферополь) в докладе «Новые данные о государственном строе Херсонеса во II в. н. э.» на основании новых находок и составления считавшихся ранее фрагментарными надписей сопоставила списки должностных лиц из херсонесских декретов II в. н. э. Наблюдаемое перечисление одних и тех же лиц в нескольких декретах позволяет выявить, считает докладчик, строгую систему иерархии в прохождении городских магистратур, своеобразный cursus honorum, отмеченный, по мнению докладчика, только в Херсонесе и связанный с новой системой управления государством. Анализ имен показал возрастающее число магистратов, получавших право римского гражданства, и средоточие власти в руках таких лиц.

В докладе *А. И. Болтуновой* (Москва) «К надписи Веспасиана из окрестностей Мцхета» было вновь обращено внимание на толкование имени в стк. 15 этой известной надписи — читать ли его как ΙΑΜΑΣΑΣΠΩ или как ΙΑΜΑΣΑΣΠΟΙ и понимать под ним в первом случае мужское имя — сына царя Фарасмана, т. е. брата Митридата, или во втором случае видеть в нем женское имя — матери царя Митридата. По мнению докладчика, чтение ΙΑΜΑΣΑΣΠΟΙ не бесспорно и понимание его как имени матери царя не может быть обосновано. Она считает, что следует предпочесть истолкование его как имени брата царя Митридата. Текст надписи, по мнению А. И. Болтуновой, свидетельствует об «усилении», т. е. укреплении уже существующей крепости путем строительства дополнительных оборонительных сооружений.

Вопросам античной топографии был посвящен доклад *К. К. Шилика* (Ленинград) «К реконструкции топографии археологических памятников прибрежной зоны Черного моря», в котором были сообщены результаты его работы в Ольвии над изучением уровня новочерноморской и нимфейской трансгрессий (эпохи повышения уровня моря). По мнению докладчика, нимфейская трансгрессия началась в I в. н. э., датировать новочерноморскую трансгрессию пока не удалось. Полученные результаты, считает докладчик, позволяют построить уточненную кривую изменения уровня Черного моря от максимума новочерноморской трансгрессии до начала нимфейской трансгрессии, т. е. примерно от конца III тыс. до н. э. и до начала I тыс. н. э. Эта кривая может быть распространена, по его мнению, почти на весь черноморский бассейн. Что касается Ольвии, то здесь, считает докладчик, уровень моря в I в. н. э. был на 7—9 *м* ниже современного, и Березань в древности действительно могла быть полуостровом.

14 апреля возобновились пленарные заседания, во время которых были прочитаны доклады Д. Б. Шеловым, Дж. А. Халиловым — И. А. Бабаевым, Р. М. Мунчаевым — И. Т. Кругликовой и О. Д. Лордкипанидзе.

«Нефть в Восточной Европе в древности и в средние века» была темой доклада *Д. Б. Шелова* (Москва). Как указывают Плиний и другие античные авторы, а также данные археологии, нефть, асфальт и другие битуминозные вещества были достаточно хорошо известны в древнем мире и находили некоторое применение в строительном деле, сельском хозяйстве, медицине, в быту (для светильников), для освещения маяков и др. Наиболее ранним свидетельством использования нефти в Восточной Европе до недавнего времени была находка в Тиритаке в 1939 г. амфоры IV — V вв. с нефтью керченского происхождения, предназначенной скорее всего для светильников. Однако совсем недавно при раскопках Танаиса в юго-восточной части городища было обнаружено около ста целых и разбитых амфор с надписью «нефть», нанесенной на горла и плечики сосудов красной краской. Амфоры датируются первой половиной III в. н. э. и находились в помещении, погибшем при разрушении Танаиса неприятелем в 40-х гг. III в. Анализ остатков этой нефти показал, что она происходит из тех

же керченских месторождений, что и нефть из тиритакской амфоры. Как предполагает докладчик, запас нефти в Танаисе был создан с целью снабжения города горючим для светильников и маяка, находившегося на одной из городских башен и указывавшего морякам вход из Меотиды в устье реки Танаис (совр. Дон). Эксплуатация нефтяных месторождений Керченского и Таманского полуостровов продолжалась и в средние века, о чем свидетельствует Константин Багрянородный и археологические находки.

Дж. А. Халилов и *И. А. Бабаев* (Баку) сделали доклад «О возникновении и развитии городов в Кавказской Албании античной эпохи». Возникновение городов в Кавказской Албании относится, по мнению докладчиков, к середине I тыс. до н. э., когда в социально-экономических отношениях страны происходят коренные сдвиги, характеризующиеся углублением имущественной дифференциации, что привело к образованию классов и государства. Литературные свидетельства о городах Албании весьма незначительны, причем древнейшие из них относятся уже к I — II вв. Как сообщает Плиний Старший (I в. н. э), главным городом Кавказской Албании была Кабала; Клавдий Птолемей (II в.) упоминает 29 городов и больших населенных пунктов Албании. Именно на этих письменных источниках и строили свои исследования ученые начиная с середины XIX в. Новый важный материал для изучения городов Кавказской Албании дали развернувшиеся в последние годы археологические работы. Раскопки в Мингечауре, Тазакенте, Кабале, Шемахе, Сары-тепе, Кара-тепе и др. проливают некоторый свет на вопросы, связанные с зарождением и развитием городов. При раскопках Кабалы (вблизи с. Чухур-Кабала Куткашенского р-на) в слоях IV в. до н. э. — I в. н. э. были вскрыты остатки различных зданий. При строительстве их использовали сырцовый и обожженный кирпич и камень; крыши покрывали черепицей. Обнаружены также остатки большого общественного комплекса, площадь отдельных помещений которого 58, 87, 118 кв. *м*, причем в каждом из них стояли по две базы колонн. Подобные каменные базы известны и в Тазакенте. Работы в Хыныслах (у гор. Шемаха) позволили отождествить городище с древней Шемахой, упоминаемой Птолемеем как Мамахея или Кемахея. Здесь раскопаны большие здания, найдены базы колонн, кровельная черепица и другие остатки городской культуры. На поселении городского типа у с. Тазакент Ждановского р-на, отождествляемом с гор. Пайтакараном, открыт ряд памятников, датируемых последними веками до н. э. — первыми веками н. э., в том числе большое общественное здание и небольшой клад серебряных денариев Августа. Разнообразные материалы для изучения городов и их культуры дают также некрополи. Могильники в Мингечауре, Шемахе, Кабале и др. показывают многотипность погребальных сооружений. Их инвентарь весьма различен, в зависимости от социальной принадлежности погребенного, и представлен местными и привозными изделиями: глиняными, стеклянными и металлическими сосудами, предметами украшения, монетами и др. Города Кавказской Албании были не только административными, но и ремесленными, торговыми и культурными центрами страны. О внешней торговле свидетельствуют предметы торевтики и глиптики, стеклянная посуда, бусы и другие предметы импорта из Ирана, Сирии, Египта, Рима и др., а также монеты. На высокий уровень денежного обращения в городах Албании указывают находки не только отдельных монет, но и крупных кладов. Самые значительные из них хыныслынский, зарытый в середине I в. до н. э., и кабалинский — в 20-е гг. II в. до н. э. Древнейшими в них являются монеты Александра Македонского и Лисимаха. Наряду с привозными среди монет этих кладов много подражаний драхмам и тетрадрахмам Александра (в кабалинском — около 500). Есть основания предполагать, как считают докладчики, что местные подражания в Албании начали чеканить не позднее III в. до н. э. За пределами Кавказской Албании они не обнаружены, поэтому, по всей вероятности, предназначались для удовлетворения внутреннего рынка, предъявлявшего на монеты большой спрос.

«Итоги работ Иракской и Афганской экспедиций АН СССР» были темой совместного доклада *Р. М. Мунчаева* и *И. Т. Кругликовой* (Москва). В 1969 г. начала и в 1970 г. продолжила свои работы в Северном Афганистане советско-афганская экспедиция

крупного города кушанского времени Емши-тепе (вблизи гор. Шебергана), проводилось исследование Акчинского и Гератского оазисов. В результате двухлетних разведок открыто 151 поселение, относящееся ко времени от неолита до средневековья. На городище Емши-тепе раскапывался жилой квартал, состоявший из нескольких жилых помещений и двориков; изучалась также система обороны города — выявлено устройство стен и примыкавшего к ним рва. Многочисленные находки — керамика, терракотовые статуэтки, монеты — не выходят за пределы кушанского периода. К северо-востоку от гор. Акчи обнаружен мертвый оазис с остатками поселений от эпохи бронзы до раннего средневековья, причем с течением времени жители постепенно передвигались к югу — если группа поселений эпохи бронзы занимает северную часть оазиса, то в греко-бактрийское и кушанское время они основываются в самой южной его части. Ко II тыс. относится городище Дашлы I — прямоугольное в плане, оно было обнесено мощными оборонительными стенами с круглыми башнями по углам. Дома имели отопительную систему. Раскопаны также большое здание с башенкой, возможно культового назначения, и погребение священного быка. Находки с городища свидетельствуют о культурных связях с Средней Азией и восточным Ираном. Неизвестный ранее центр оазиса был открыт в результате раскопок городища Дальверзин-тепе. Это укрепленный город греко-бактрийского и кушанского времени, почти квадратный в плане, обнесен стенами (длиной около 400 *м*), с высокой цитаделью в центре. В ходе изучения городских стен открыты высокие башни, стрелковые галереи, а также примыкавшие к стене помещения со стенной росписью и помещения хозяйственного назначения. Одна из этих росписей представляет сцену чествования сасанидского полководца; над головами изображенных сохранились следы надписи, вероятно на бактрийском языке. В северо-восточном углу городища раскапывалась культовая постройка, стены которой тоже были расписаны; обнаружена и полихромная скульптура. Вне городских стен хорошо заметны остатки усадьбы, ремесленные кварталы, величественные здания, возможно культового назначения. Здесь изучался комплекс построек, включающий большое здание, которое состояло из центрального, перекрытого сводом помещения с лежанками вдоль стен и обводного канала. Кроме того, прослежены глинобитные стены оазиса и следы каналов, подводивших к городу воду. Находки — керамика, терракоты, монеты — кушанского времени (самая поздняя монета — Васудевы).

Тема доклада *О. Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) — «Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы)». Планомерные раскопки этого городища начались в 1947 г. и (с перерывом в 1963 — 1965 гг.) ведутся до настоящего времени Ванской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН ГрузССР. Древнейший обнаруженный пока материал — отдельные фрагменты керамики VIII—VII вв. до н. э. Историю древнего Вани докладчик делит на два периода. Первый охватывает VI—IV вв. до н. э. и представлен немногими остатками жилищ, главным же образом культурным слоем и погребениями. В это время Вани было местом пребывания родовой аристократии и, по мнению О. Д. Лордкипанидзе, представляло один из важнейших политических, торгово-экономических и культурных центров Колхиды. Именно к этому периоду относятся богатые погребения с великолепными золотыми и серебряными украшениями (диадемы, разнообразные серьги, подвески, браслеты) и изделиями из бронзы. Поскольку Вани и его окрестности, по всей видимости, входили тогда в ареал расселения западногрузинских племен, докладчик склонен называть VI — IV вв. до н. э. «колхидским периодом» в истории города. В этот период довольно ярко проявляются культурные связи с иранским миром, а торгово-экономические связи засвидетельствованы с Грецией, главным образом с Аттикой. Для истории Колхиды во второй половине IV в. до н. э. большой интерес представляет погребение «знатного воина», в котором наряду с традиционными элементами обнаруживаются некоторые новые черты, вызванные контактами с греческим и скифо-иранским миром.

Второй этап в истории Вани совпадает с эпохой эллинизма и датируется III — I вв. до н. э. Город по-прежнему расположен на том же холме, разделенном на три террасы

и укрепленном оборонительными сырцовыми стенами толщиной в 2,70 *м*. Наиболее важные архитектурные памятники этого времени: комплекс городских ворот с привратным святилищем и мощенной булыжником мостовой; ступенчатый алтарь III — II вв. до н. э.; «круглый храм», построенный во второй половине III в. до н. э. на прямоугольном фундаменте более раннего здания; святилище II в. до н. э. с мозаичным полом; «здание с контрфорсами» II — I вв. до н. э. Среди весьма разнообразных находок выделяются массивные головы львов от водостоков местной работы и обломки бронзового сосуда, украшенного горельефными головками дионисийского круга и статуэткой Ники. Влияние эллинизма проявляется довольно ярко, сочетаясь с местными культурными традициями. По мнению докладчика, в это время Вани представляло храмовый город.

Представленный в нашем сообщении краткий обзор докладов античной тематики свидетельствует, сколь разносторонними были рассматривавшиеся на ней вопросы в этноисторическом, географическом и хронологическом отношениях. Сессия показала, что в результате археологических и этнографических работ 1970 г. в историческую науку введен новый и богатейший материал как в виде источников, так и в виде конкретных исследований. Успешной работе сессии, которая носила деловой, творческий характер, содействовало гостеприимство грузинских коллег. Участникам сессии была предоставлена возможность ознакомиться с интереснейшими и уникальными памятниками культуры Грузии, с прекрасными коллекциями ее музеев.

Ю. К. Колосовская, Л. П. Маринович

«СОКРОВИЩА КИПРА»

В конце 1970 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве и затем в Государственном Эрмитаже в Ленинграде впервые в нашей стране правительством Республики Кипр была организована выставка «Сокровища Кипра». Выставка пользовалась большим успехом, ее посетили более 150 тыс. зрителей, кроме многих миллионов телезрителей, которым удалось посмотреть телепередачу из залов ГМИИ им. А. С. Пушкина. До того как попасть в нашу страну, выставка демонстрировалась в Париже, Мюнхене, Милане, Женеве, Белграде, Афинах и Праге. Выставка включала большое число первоклассных памятников искусства, происходящих из различных музеев Кипра, церквей и монастырей, а также из ряда частных собраний; всего было представлено 252 предмета. В экспозиции нашли отражение наиболее интересные этапы развития самобытного искусства Кипра: античного искусства, искусства византийского периода и народного прикладного искусства XIX — начала XX века. Большая часть представленных на выставке памятников древнего искусства происходила из богатой коллекции Археологического музея в Никозии — крупнейшего музея по истории кипрского искусства, интенсивно пополняющего свои коллекции в последние десятилетия в результате больших археологических раскопок, которые ведутся на острове учеными Кипра.

Первый раздел выставки охватывал большой период времени начиная от неолита (VI—IV тыс. до н. э.) и кончая I веком до н. э. Представленные на выставке древнейшие памятники — три каменные вазы VI тыс. до н. э., относящиеся к периоду «докерамического неолита»,— были найдены при раскопках неолитического поселения в Хирокитии, основанного первыми жителями острова, переселившимися сюда, как полагают, из Малой Азии. Эти сосуды, имеющие вид неглубоких чаш с носиками-сливами, сохраняют форму простых речных голышей, из которых они изготовлялись. При всей своей тяжести и массивности эти первые изделия рук человека свидетельствуют об известном мастерстве в обработке камня. В экспонировавшихся рядом с сосудами из Хирокитии ожерельях — одно из них из раковин и сердолика — проявилось желание создать красивую вещь.

В еще большей степени эти черты видны в изделиях среднего и позднего неолита (IV — первая половина III тыс. до н. э.), которые были представлены на выставке

Рис. 1. Сосуд с росписью (вторая половина IV тыс. до н. э.)

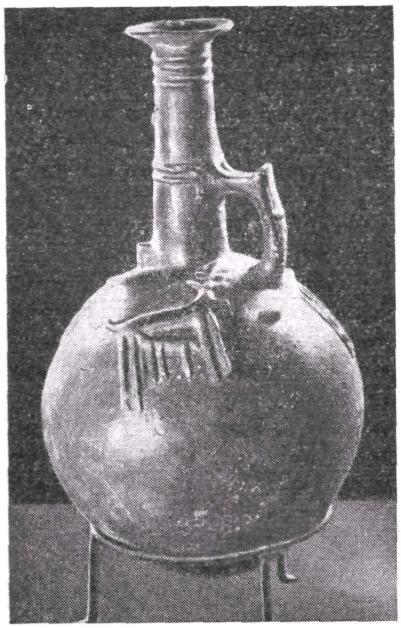

Рис. 2. Сосуд краснополированный (начало II тыс. до н. э.)

небольшими амулетами и крестообразными фигурками идолов, изображающими женское божество. Все они изготовлены из стеатита, за исключением одной фигурки из известняка. В этот период широко распространяется посуда, сделанная из глины. На выставке экспонировались два больших сосуда тыквообразной формы, датирующиеся второй половиной IV тыс. до н. э. Поверхность их украшена росписью, исполненной красной краской в виде широких вертикальных и горизонтальных полос. Поверх росписи нанесен процарапанный «гребенчатый» орнамент.

Овладение искусством обработки меди, которой так богат был остров Кипр, и изготовление бронзы открыло новую эпоху — бронзы (вторая половина III—II тыс. до н. э.). На выставке этот интереснейший период истории Кипра был представлен прекрасными образцами посуды и мелкой пластикой. В начале II тыс. до н. э. широкое распространение получает так называемая краснополированная керамика. Эти разнообразные большие и маленькие сосуды сочетают округлые формы тулова, напоминающие изделия более раннего времени, с четкой профилировкой деталей — горла, венчика, ручки, воспроизводящих металлические прототипы. Великолепная обработка поверхности, окрашенной красной краской и отполированной до блеска, и тонкий гравированный орнамент или рельефный декор характерны для этой группы посуды. Интересны два больших узкогорлых кувшина, рельефный декор которых примитивно, но выразительно передает изображения живых существ. На одном из них представлен олененок, сосущий свою мать, на другом — извивающиеся по поверхности вазы змеи. Следует отметить также небольшой кувшинчик, увенчанный скульптурной головой животного. Распространены были вазы, тулово которых воспроизводило схематизированную форму тела птицы. В краснополированной технике изготовлялись и фигурки идолов, простые геометрические уплощенные формы которых хорошо сочетаются с линейным орнаментом. Прямыми линиями или насечками обозначены руки, ожерелья, прически, и лишь уши и нос намечены пластически. На выставке демонстрировались две такие фигурки.

Наряду с краснополированными в начале II тыс. до н. э. существовали и сосуды с черной полированной поверхностью. Одна из таких ваз, показанных на выставке,

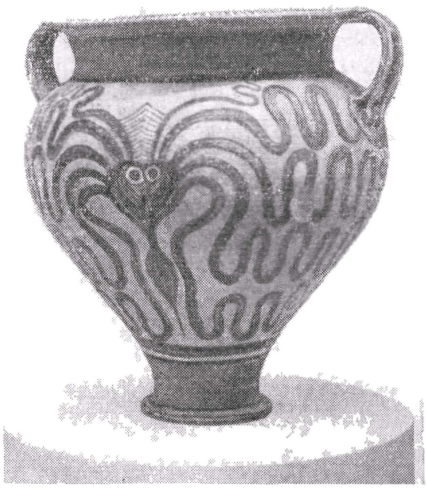

Рис. 3. Амфора с изображением осьминогов (XIV—XIII вв. до н. э.)

Рис. 4. Сидящая богиня. Терракота (XIV—XIII в. до н. э.)

имевшая форму черпака, была украшена резным орнаментом в виде косых полос и концентрических кругов, вторая — декором в виде ромбов и горизонтальных полос. Эти узоры, заполненные белой пастой, эффектно выделялись на блестящей черной поверхности сосудов.

В первой половине II тыс. до н. э. под воздействием усиливающихся связей со странами Ближнего Востока на Кипре распространяется керамика с геометрической росписью. Ее образцы были довольно обильно представлены на выставке. Из них особенно интересен кувшин с широким и высоким горлом, светлая поверхность которого покрыта орнаментом из коричневых вертикальных и горизонтальных линий, а также сетчатых ромбов, расположенных по вертикали. Коричневым орнаментом по белой обмазке украшены также два фигурных сосудика в виде животных. Этот орнамент характерен для керамики сиро-палестинского круга и, видимо, именно оттуда проник на Кипр.

Новый этап в истории Кипра начинается во второй половине II тыс. до н. э., когда на острове впервые появляются представители крито-микенского мира. Поселившиеся на Кипре микенские торговцы и ремесленники принесли с собой традиции своего искусства, отличительной особенностью которого было широкое использование форм живой природы. Под влиянием этих традиций на Кипре появляются такие произведения, как ваза в виде фигуры быка, живо передающая характерный облик животного. В вазописи создается своеобразный кипро-микенский стиль, распространившийся в XIV—XIII вв. до н. э. во всем Восточном Средиземноморье. Для этого стиля свойственно включение в роспись больших сосудов фигур людей и животных. На выставке демонстрировались две больших амфоры, на одной из которых изображена колесница с воинами, на другой — осьминоги — наиболее популярные темы кипро-микенских росписей.

Пластическое искусство этого времени было представлено двумя терракотовыми фигурками женского божества; по условности передачи форм человеческого тела они еще близки идолам более раннего времени, но все детали лица, грудь, руки исполнены уже пластически. Особенно интересна фигурка сидящей богини со сложенными на животе руками.

Рис. 5. Амфора полихромного стиля (VII в. до н. э.)

Знакомство с крито-микенской культурой способствовало проникновению на Кипр письменности. Во второй половине II тыс. до н. э. здесь распространяется так называемое кипро-минойское слоговое письмо. Интересна амфора с тремя ручками, тулово которой украшено незамысловатым орнаментом в виде полос и точечных розетт. На двух ручках вазы вырезаны знаки этого письма.

На выставке были представлены также золотые изделия, по характеру орнамента очень близкие микенским золотым украшениям, — например, золотая диадема в виде прямоугольной полосы с двумя рядами рельефно исполненных цветов или эпистомион — эллипсоидная пластинка, клавшаяся на рот покойника, в центре ее изображены губы, вокруг — рельефные спирали; оригинальны массивные серьги с подвесками в виде скульптурных голов быков.

В XII в. до н. э., после гибели крито-микенской цивилизации, часть греков-ахейцев, вытесненных дорянами из Пелопоннеса, нашла убежище на Кипре. Поселившись в уже существовавших городах или основав новые, ахейцы постепенно ассимилировались с местным населением; на всем острове распространилась микенская культура, религиозные верования, язык, искусство. Под воздействием микенских традиций, длительное время сохранявшихся на Кипре, здесь в первые века I тыс. до н. э. складывается своеобразное искусство, не имеющее аналогий ни в одной из стран Восточного Средиземноморья. Наиболее ярким его проявлением следует считать вазопись так называемого полихромного стиля, превосходные образцы которой были широко представлены на выставке. IX—VIII веками до н. э. датируются большие двуручные блюда; они украшены геометрическими росписями, исполненными красной и черной красками. С микенскими традициями связан декор ойнохои с силуэтной фигурой быка, свободно расположенной на светлом фоне вазы. В VII в. до н. э. полихромный стиль достигает своего расцвета. Пышные гирлянды лотосов, фризы многолепестковых розетт, фантастические птицы, заключенные в метопообразные обрамления, украшают поверхность больших амфор, изящных ойнохой и кубков. Сюжеты, непосредственно восходящие к микенской вазописи, такие, как фигурки птиц, обогащаются мотивами, заимствованными из искусства Египта и переднеазиатских стран (например лотосы); с этими странами сблизился Кипр, подпавший в конце VIII в. до н. э. под власть Ассирии. Но эти отдельные заимствования не наложили заметного отпечатка на самобытные росписи полихромного стиля. С удивительным мастерством кипрские вазописцы сочетают нарядные яркие орнаменты, исполненные черной, красной и желтовато-белой красками, со строгими формами сосудов. Представленная на выставке большая полихромная амфора справедливо считается одним из лучших образцов этого своеобразного стиля.

Большого развития в VII в. до н. э. достигла мелкая пластика Кипра. На выставке были показаны интересные ее образцы. Особенно выразительна группа, изобража-

ющая возницу, стоящего на двухколесной колеснице. Лаконизм скульптурной лепки дополняется живой, яркой раскраской, перекликающейся с полихромными росписями ваз. В этот период высокого подъема кипрского архаического искусства зарождается и монументальная скульптура Кипра, достигающая расцвета в VI в. до н. э.

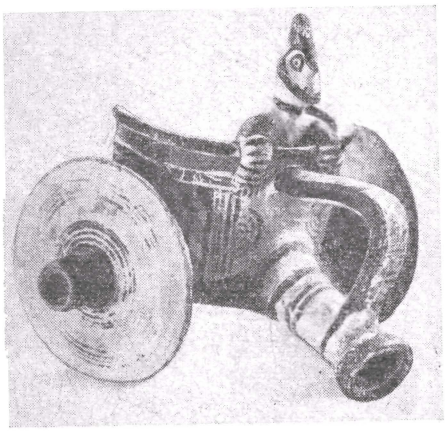

Рис. 6. Возница на колеснице. Терракотовая группа (VII в. до н. э.)

Первые архаические терракотовые статуэтки своими плоскими столбообразными телами напоминали древних идолов. Все внимание коропластов сосредоточено на их лицах, трактованных более детально, со скульптурно исполненными большими выпуклыми глазами и выступающими носами. Особенно тщательно передаются украшения — диадемы, венчающие головы этих фигур, большие сложной формы серьги в их ушах, пышные ожерелья на груди. Превосходный образец подобной терракотовой скульптуры — женская голова натуральной величины — демонстрировалась на выставке. Она была частью статуи, бывшей, как и другие подобные произведения, вотивным приношением в храм.

Наряду с глиной, исконным материалом кипрских скульпторов, с конца VII в. до н. э. стал широко использоваться мягкий камень — известняк, реже — песчаник. Прямо стоящие фигуры людей в длинных одеждах типичны для кипрской скульптуры VI—V вв. до н. э. Две таких статуэтки и ряд скульптурных голов можно было видеть в витринах выставки. Тела трактованы нерасчлененно, детали одежды обозначены красной краской. Наибольшее внимание уделено исполнению голов. В статуэтке первой половины VI в. до н. э., изображающей воина, увенчанного остроконечным шлемом, можно отметить черты, заимствованные из ассирийского искусства, в других головках трактовка головных уборов напоминала египетские скульптуры.

Представленные на выставке образцы кипрской скульптуры позволили проследить ее развитие от подобных обобщенно моделированных изделий первой половины VI в. до н. э. к более тонко и тщательно исполненным произведениям конца VI—V вв. до н. э. К этому периоду — времени расцвета кипрской монументальной скульптуры — относятся лучшие из экспонировавшихся на выставке скульптур. Такова голова юноши в пышном венке, волосы и усы его переданы насечками, лицо оживлено легкой улыбкой; та же условная улыбка видна на лице девушки, увенчанной высокой диадемой со скульптурными фигурками сфинксов. На формирование подобных произведений несомненное воздействие оказало греческое искусство эпохи архаики. Это воздействие стало особенно заметным именно в конце VI — начале V в. до н. э., когда Греция и Кипр объединили свои усилия в борьбе с персами, овладевшими островом и пытавшимися покорить Грецию. И хотя для Кипра эта борьба не увенчалась успехом и он оставался под властью персов вплоть до походов Александра Македонского, в его культуре и искусстве с этого времени стали явно доминировать греческие традиции. Ярким образцом их среди представленных на выставке вещей служит большая голова бородатого мужчины, датирующаяся началом V в. до н. э. Его спокойное величавое лицо напоминает изображения греческих божеств. В традициях греческой позднеархаической скульптуры исполнена и небольшая, удивительно изящная статуэтка коры с цветком в руке первой четверти V в. до н. э. Однако греческие традиции своеобразно претворяются кипрскими мастерами, создающими специфически свой, несколько консервативный стиль, отличающийся лаконизмом, простотой и обобщенностью в трактовке человеческого лица в сочетании с подчеркнуто тщательной передачей волос, украшений и других деталей.

Рис. 7. Голова девушки в диадеме (V в. до н. э.)

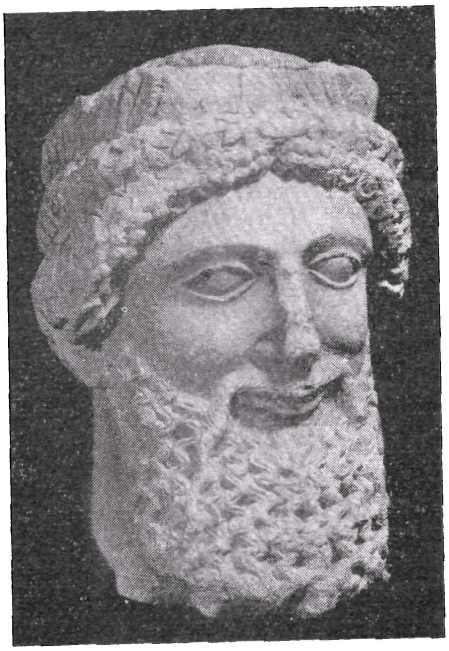

Рис. 8. Голова бородатого мужчины (начало V в. до н. э.)

Сложившийся в конце VI — начале V в. до н. э. стиль господствовал в кипрской скульптуре в течение всего V века, он постепенно утрачивает свежесть и выразительность, становясь все более традиционным, повторяющим раз найденные формы. Лучшие образцы кипрской скульптуры второй половины V в. до н. э., такие, как голова бородатого мужчины, представленная на выставке, отличаются от более ранних большей мягкостью исполнения. Лишь в IV в. до н. э. появляются на Кипре произведения, сближающиеся с греческим классическим искусством. На выставке можно было видеть несколько небольших женских головок такого типа. В эпоху же эллинизма, когда Кипр находился под властью птоломеевского Египта, его искусство утратило присущую ему ранее самостоятельность; в это время на острове распространяются изделия типов, свойственных всему эллинистическому Средиземноморью. Несколько терракот этого времени было представлено на выставке.

Раздел, посвященный искусству Кипра эпохи средневековья, состоял в основном из богатого собрания кипро-византийских икон: эти памятники тем более интересны, что совсем недавно они почти не были известны, даже на самом Кипре. Они происходят в основном из различных церквей и монастырей, расположенных в городах и селениях острова. Скрытые тяжелыми драгоценными окладами, покрытые слоями многочисленных позднейших записей, иконы были недоступны даже для специалистов. Понадобились многие месяцы упорного труда, чтобы из разбросанных по всему острову сокровищ составить единую коллекцию, рассказывающую о развитии искусства иконописи на Кипре, чтобы расчистить и реставрировать эти иконы, многие из которых были в очень плохом состоянии.

После падения Римской империи вместе с другими районами Восточного Средиземноморья Кипр вошел в состав византийского государства. В IV в. христианство стало здесь господствующей религией. Немногие сохранившиеся на острове памятники V—VII вв. н. э., такие, как церковь Панагии Ангелоктисты (Богоматери с ангелами) в Кити с ее великолепной златофонной мозаикой в абсиде, свидетельствуют о высоком расцвете искусства в этот период. Из находившихся на выставке вещей

Рис. 9. Фрагмент иконы: три апостола (X—XI вв.)

к этому времени относились тончайшие золотые украшения VI в. — ожерелье из ажурных медальонов, серьги, ожерелье из аметистов, а также пять больших серебряных блюд VII в. — часть клада, найденного в Ламбусе еще в прошлом веке. Блюда эти представлены в копиях, сделанных в том же материале, что и подлинники. Особенно интересны блюда с рельефными сценами из истории Давида. Бросается в глаза близость этих рельефов к античным прообразам.

Несомненно, в этот период на Кипре существовала также и иконопись, однако ранних икон здесь не сохранилось. Новый расцвет искусства наступает на Кипре в X—XI вв., после длительного перерыва, вызванного набегами на остров арабов. Самая ранняя из представленных на выставке икон — небольшой фрагмент с ликами трех апостолов. Несмотря на плохую сохранность, эта икона запоминается выразительностью очень индивидуальных лиц апостолов. Графический стиль исполнения заставляет связывать ее с искусством Ближнего Востока.

Последующее столетие было для Кипра временем высокого расцвета искусства иконописи. На острове работают архитекторы и художники из Константинополя, строится большое число монастырей и церквей, стены которых украшаются богатыми фресковыми росписями. В кипрской иконописи этого времени отмечается большая

близость к столичной византийской школе. Одна из лучших икон этого периода — Богоматерь из деисусного чина церкви св. Неофита. Плоскостный характер живописи, построенной на сочетании полутонов, подчеркивает бестелесность, духовность образа. Тонкостью исполнения отличается изображение Богоматери с младенцем; на этой иконе от старой живописи сохранились лишь лики, а вся одежда была переписана позже.

В 1191 г. Кипр был захвачен крестоносцами во главе с английским королем Ричардом Львиное Сердце, передавшим остров во владение французского рыцаря Ги де Лузиньяна. Династия Лузиньянов, утвердившаяся на Кипре на несколько столетий, вместе с католической религией принесла сюда западноевропейские обычаи и традиции средневекового искусства Европы. Великолепные образцы готической архитектуры сохранились в Никозии, Фамагусте и других центрах острова. Однако латинизация коснулась лишь верхушки кипрского общества, а подавляющее большинство населения осталось верным старым обычаям. В XIII и последующих веках строятся церкви византийского типа, хотя и более скромные, чем раньше, продолжают изготовляться иконы по установившимся канонам константинопольской иконописи.

Традиции ее ясно видны в иконах Архангела (около 1200 г.), апостола Петра, Иоанна Предтечи (XIV в.). К сожалению, пострадало лицо на превосходной иконе Архангела Михаила конца XIV в., запоминающейся красивым сочетанием насыщенного красного тона с блеклым зеленым. Особая эмоциональность, отличающая эти образы, возможно, результат известного воздействия католического искусства.

В XIII в. в кипрской иконописи, наряду с константинопольским, появляется иное, чисто местное направление, создающее свои варианты традиционных византийских образов. Наиболее ярким примером его является икона апостола Павла с ее плоскостно-схематическим рисунком и локальным колоритом. Близка ей по характеру икона Богоматери с младенцем начала XIV в. Рельефный фон этих икон, характерный для кипрской живописи, отражает знакомство с искусством средневековой Европы.

Интересно изображение св. Параскевы конца XIV — начала XV в. Этот образ необычен своей формой — подобные узкие вертикальные иконы встречаются только на Кипре. Вероятно, они украшали столбы, поддерживающие купол. К таким сильно вытянутым иконам относятся образы св. Элевтерия и Христа Пантократора. Обращают внимание помещенные на этих и ряде других икон изображения донаторов — заказчиков — в виде маленьких фигур у ног главного изображения. Эти фигурки носят более светский характер, свободнее располагаются на фоне иконы, в них следует видеть воздействие традиций искусства раннего итальянского Возрождения.

На выставке была представлена группа икон, в которых связь с «латинским» искусством заметна не только в образах донаторов, но и во всем изображении в целом. Таковы «Сошествие во ад», «Вход в Иерусалим». Следует отметить, что воздействие западного, прежде всего итальянского, искусства на кипрское было исключительно стилистическим: иконографически все эти изображения следуют строго установившимся византийским канонам. Известным исключением является диптих, на котором в 16 миниатюрных клеймах представлены главные церковные праздники. Здесь широко применены архитектурные композиции, напоминающие произведения раннего итальянского Возрождения. Иконопись позднего времени (XV—XVI вв.), демонстрировавшаяся на выставке, продолжает традиции раннего времени, но в художественном отношении представляет значительно меньший интерес.

Прикладное искусство позднего средневековья на Кипре было представлено на выставке поливной керамикой XIV в., довольно однообразной по форме, украшенной гравированным орнаментом. На выставке демонстрировались также образцы народного искусства XIX — начала XX в. (вышивки, резьба по дереву и т. д.).

Знакомство со столь интересными предметами искусства Кипра, дошедшими от различных периодов его истории, способствовало расширению представлений о культурном и историческом прошлом этой страны. Выставка несомненно содействовала установлению контактов между археологами, историками и искусствоведами Кипра и учеными нашей страны, изучающими культуру и историю этого одного из древнейших центров античной цивилизации.

А. К. Коровина, Н. А. Сидорова

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ. II

(Открытия и публикации 1954—1970 гг.)

Окончание

*

УКАЗАТЕЛИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ. II*

НАДПИСИ РУСА, СЫНА АРГИШТИ

448

В 1962 г. на Кармир-блуре в верхних слоях одного из помещений были найдены базальтовые блоки, семь из них — с надписями, которые составляют единый текст. Одна небольшая часть этой надписи была найдена в другом помещении. Эти камни составляли два ряда, причем на камнях второго ряда (два блока и три обломка) непосредственно продолжался текст, начатый на трех камнях первого ряда.

Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, текст I.

1 ^{D}ḫal-di-e EN ŠÚ i-ni É su-si-e ^{I}ru-sa-a-še [^{I}a]r-giš-te-ḫi-ni-še ši-di-iš-tú-ni e-'a ^{D}ḫal-di-[ni-li^{GIŠ} KÁ-li]

2 ba-du-si-e ^{I}'a-za-i-ni KUR-ni ^{D}IM-ni URU ku-šú-ni [at-q]a-na-du-ni ^{D}ḫal-di-e ^{I}ru-sa-a-še a-li qar-[bi sal-zi ma-nu?]

3 KI^{TIM} qu-ul-di-ni ú-i gi-[i iš-ti-ni ši-da-[ú]-ri i-ú-me ^{D}ḫal-di-še LUGÁL-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-[di ^{LÚ}AD-si-ni?]

4 e-si-i LUGÁL-tú-ḫi-ni-i še-ir-ḫi-ni i-ni-li ^{D}ḫal-di-ni-li KÁ ši-di-iš-tú-ú-li ba-du-si-e ^{D}ḫal-di-ni bi-di [^{D}ḫal-di-na-ni?]

5 ^{GIŠ}KÁ bi-di ma-ni-ni ul-gu-še pi-ṣu-še al-su-i-še e-ia ar-di-še ar-ni uš-ma-še ^{I}ru-sa-a ^{I}ar-giš-[te-ḫi LUGÁL DAN. NU LUGÁL]

6 ^{KUR}šú-ra-u-e ^{KUR}bi-a-i-na-u-e ^{I}ru-sa-a-še a-li ^{D}ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KÁ bi-di-ni gu-ni ar-di-še gu-ni ar-[....]

7 ma-nu-li qu-[d]u-la-ni šú-ḫi-na-ṣi MÁŠ. TUR ^{D}hal-di-e ni-ip-si-du-li GUD ^{D}ḫal-di-e TAG UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni [še-ḫa-di DINGIR a-ni-qu ÁB?]

8 ^{D}'a-ru-ba-i-ni-e UDU ^{D}ḫal-di-na-u-e BE. LI UDU ^{D}ḫal-di-na-u-e KÁ UDU ^{D}i-ár-šá-a ^{I}ru-sa-a-še a-li ^{D}ḫal-[di.....]

9 si-li-iš-t[i?]-li ma-si-ni-li ^{GIŠ}KÁ al-zi-na-i ^{D}ḫal-di-na-a KÁ bi-di su-u-i-ú-li ta-nu-li-ni i-na-a [...]

10 e-di-ni ⌜ši⌝-du-li-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni a-še ta-nu-li MÁŠ TUR ^{D}ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-[i-ni ^{GUD}pa-ḫi-ni?]

11 ^{D}ḫal-di-e TAG ÁB ^{D}'a-ru-ba-i-ni a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li MÁŠ. TUR ^{D}ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-ni ⌞GUD⌟ [^{D}ḫal-di-e TAG?]

12 .....] ÁB ^{D}'a-ru-ba-i-ni a-še ^{D}'ḫal-di-e-i É. BÁR-ṣi TUR-li a-gu-li MÁŠ. TUR ^{D}ḫal-di-e ni-⌜ip⌝-si-du-li

13 .....]-ṣi TUR ur-di-a-li iš-ti-ni ka-qu-li 'a-ḫu-li-ni KI^{TIM}-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni

---

* Окончание. Начало см. ВДИ, 1971, № 3, стр. 227—255.

14 .....] a-li ^{D}ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KÁ UDU e-ra-ši-ni ú-ú-li a-li ^{LÚ}pa-la-gi ma-nu-li áš-du-li-ni ^{D}ḫal-di-ni-e É
15 .....] ku-ši-i-ni ^{D}ḫal-di-i-ka ^{D}'a-ru-ba-i-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni za-di-i-ni TAG É si-ir-ḫa-ni-ni ma-ri-a-ḫi-ni
16 .....] a-li i-ni ú-li ^{KUR}šú-ri-li$_9$ ú-ú-la-li áš-du-li$_9$-ni É si-ir-ḫa-ni-ni su-si-na-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni
17 .....] ^{D}ḫal-di-e i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni TAG ^{D}ḫal-di-na-ni KÁ-ka a-lu-si me-ri-ip-te ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni
18 .....] ^{D}ḫal-di-na-ni KÁ-ka-i a-li ur-pu-a-ṣi ^{D}ḫal-di-na-ni KÁ šú-i-ni-ni zi-el-di ŠÀ ^{I}ru-sa-a ar-du-li-ni
19 .....] a-še LUGÁL-ni ^{D}IM-ni URU ma-nu-li kam-ni-ni TAG-ṣi-ni-ni bar-za-ni zi-el-di LUGÁL-e ar-du-li-ni a-li-e
20 .....] a-šú-li ^{D}ḫal-di-ni É ku-i ZI[^{MEŠ}?] zi-el-di ši-la-ni-ni i-šá-ni ši-i-ni É si-ir-ḫa-ni-ni ma-ni-ni na-ḫi-zi-e
21 .....]-ši al-di kam-ni su-ri ku-i ZI ši-la-ni-ni ^{D}ḫal-di-ni É me-i a-i-ni-i zu-ma-gi áš-du-ú-ni a-li áš-du-li-e
22 .....] ši-na-am-di-ni mu-ri-e a-ši-i-ni a-še ši-ú-li zu-ma-ṭè-i-ni-e É si-ir-ḫa-ni-ni a-li zu-ma-gi-e

. . . . . .

Богу Халди, своему владыке, этот susi Руса, сын Аргишти, построил, а также величественные (?) ворота бога Халди города Тейшебаини страны Аза он воздвиг (и) посвятил богу Халди.

Руса говорит: скала (?) была крутой (?), земля — пустынной; ничего здесь не было построено. Когда мне бог Халди царство дал и я воссел на наследственное царственное место, эти величественные (?) ворота бога Халди я построил. Со стороны бога Халди, со стороны ворот бога Халди да будет жизнь, радость, величие, а также сила, милость (и) могущество Руса, сыну Аргишти, царю могущественному, царю (многих) стран, царю страны Биаинили.

Руса говорит: со стороны ворот бога Халди .... козленок пусть будет зарезан (?) богу Халди, овца — богу Тейшеба, овца —богу Шивини .... корова — богине Варубани, овца — оружию бога Халди, овца — оружию бога Халди, овца — богу Иарша.

Руса говорит: (*дальше, возможно, речь шла о том, что если означенные «ворота бога Халди» разрушатся, они должны быть вновь сооружены и когда их сооружат*) козленок богу Халди пусть будет зарезан (?), бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова — богине Варубани. Когда построит ... козленок путь будет зарезан (?) богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди .... корова — богине Варубани. Когда в храм бога Халди подростков введет — козленок богу Халди путь будет зарезан (?)...

(*Дальше упоминаются* «Ворота бога Халди», «Дом бога Халди», *что-то совершается* «перед богом Халди и богиней Варубани» «перед susi», *говорится о жертвоприношениях в связи с домом — sirḫani, в связи с* «воротами бога Халди», *а также в связи с посещением царем города Тейшебаини и т. д.*)[1].

[1] К переводу текста см. Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, стр. 40—41 и др.

449

В 1961 г. на Кармир-блуре, в яме средневекового слоя был обнаружен полностью сохранившийся базальтовый блок из кладки стены с одиннадцатью строками клинописи. Эта надпись была высечена на нескольких камнях, и дошедший до нас текст, таким образом,— лишь фрагмент более обширного текста. Как отмечает издатель

надписи Н. В. Арутюнян, недостает, по крайней мере, по одному камню сверху и снизу обнаруженного камня, а также трех камней слева (т. е. в начале строк). Судя по восстанавливаемым отрывкам, правосторонние камни, один из которых и дошел до нас, очевидно, были примерно в полтора раза больше, чем левосторонние. Дошедший до нас фрагмент обширной надписи обнаруживает большое сходство с опубликованной П. Хюлиным в 1959 г. (New Urartian Inscriptions from Adilcevaz, «Anatolian Studies», IX) надписью из Адыльджеваза (см. в данном сборнике надпись № 451). Они в известной мере дополняют друг друга и широко привлечены Н. В. Арутюняном для восстановления и интерпретации некоторых мест этой надписи, высеченной, видимо, почти в идентичной форме царем Руса II, сыном Аргишти, как в Кармир-блуре, так и Адыльджевазе. Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, текст II.

x + 1 [.....] TAG bar-za-ni zi-el-di LUGÁL-e ar-du-li
[.....]-ni a-li ^{LÚ}a-u-e(?)-i-tè-ni zu-ma-gi a-šú-li
[..... ku-ul-mu-li-ni a-li-e] BE.LI ga-zu-li te-ir-du-li-ni ši-si-ni
[.....]-li a-še e-si ma-nu-li i-šá-ḫi-ni te-ir-du-li$_9$
x + 5 [a-li-e i-ni ú-li ...] te-ir-du-li-ni É a-du-nu-si-ni ^{I}ru-sa-a-še
[a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu]-še BE.LI SIKIL ^{D}ḫal-di-na-ni KÁ ḫa-ú-bi
[NA$_4$ 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e] a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-še GIŠ
[.....a]-mu-li-ni KI^{TIM}-a qul-di-ni-ni a-li KÙ
[iš-ti-ni ma-nu te-ir]-du-li-ni É a-du-nu-si-ni ^{I}ru-sa-a-še
x + 10 [a-li a-li-e ^{D}ḫal-di]-ni É áš-du-li ḫa-ab-ti-ni KIN (?) ma-nu-ni
[.... GÍR BAR áš-ka-tè]-ni ši-e-du-li me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še [ma-nu-ni.....]

Надпись содержит разные культовые реляции, в которых встречаются упоминания «Дома бога Халди», «Дома — adunusi», «прекрасного оружия». *Встречается упоминание о* «жертвоприношении» *и т. д. О содержании надписи см. у издателя: Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, стр. 53.*

450

Рассматриваемый текст составлен из обнаруженных на Кармир-блуре в разное время фрагментов. Один из этих фрагментов был найден еще в 1936 г. (УКН, № 284), а два других — во время раскопок 1962 г.

Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, текст III.

x + 1 i-si i-[....]-e me-i [g]i-e-i i-na-a-ni
ba-ú-ši-[na-ni me-i ? GU] D (?) TUR-ia ar-[d]i-a-ni me-i TUR^{HÁ}-ni
gu-ni i-e-še [.... ^{I}ru-s]a-a-še ^{I}ar-[giš]-te-ḫi-ni-še a-li
a-lu-še i-ni [DUB-te tú]-li-e a-lu-še pi-tú-li-e a-lu-še
x + 5 še-ir-du-li-[e a-lu-še ú-li i-ni-li du-l] i-e a-lu-še ti-ú-li-e
i-e-[še za-du-bi?.....]-ni(?)-še(?) a-lu-še šu-si-e
[e-si-ni-ni ši-ú-li-e tú]-ri-ni-ni
[^{D}ḫal-di-še ^{D}IM-še ^{D}UTU]-še ^{D}MARDUK-še
[me-i ti-i-ni me-i ar-mu]-zi ^{D}UTU-ni pi-e-i
x + 10 [..... a-ú-i]-e ú-lu-li-e
(свободная строка, без текста)

Текст в основном содержит встречающиеся и в других надписях трафаретные выражения формулы проклятия. Новым является упоминание среди богов, призываемых для наказания осквернителя надписи, бога Мардука — верховного бога вавилонян (стк. 8), хотя под его идеограммой, возможно, подразумевается какое-нибудь местное божество. Обращает на себя внимание также упоминание идеограммы TUR в начале нашего текста. Н. В. Арутюнян склонен полагать, что она употреблена в смысле глагола

«быть маленьким» и т. п., однако знак множественности (ḪÁ) при ней скорее указывает, что здесь перед нами нарицательное имя, возможно в значении «дитя, подросток».

451

Адыльджеваз. Надпись на строительном камне. Открыта в 1956 г. P. Hulin, «Anatolian Studies», IX, 1959, надпись № 1. См. ряд поправок в чтении на основании вновь открытой кармирблурской надписи: Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, стр. 52—53, 77—78.

1 . . . . . .
ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE.LI ga-zu-li-e te-ir-du-li-ni š[i-.....
a-še e-si ma-nu-li i-šá-ḫi-ni[1] te-ir-du-li-ni a-li-e i-ni ú-[.....
[I]ru-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE.LI SIKIL [D]ḫal-di [.....
5 NA$_4$ 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-l[i.....
a-mu-li-ni KI[TIM]-a qu-ul-di-ni-ni a-li-e KÙ iš-ti-ni ma-nu t [e-.....
[I]ru-sa-a-še a-li a-li-e [D]ḫal-di-ni-e É áš-du-li-e ḫ[a[2].....
GÍR BAR áš-ka-ṭè[3]-ni ši-e-du-li-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma[.....
a-li-e ú-i uš-ta-ku-ni áš-du-li-ni ši-e-du-li-ni me-i 'e'-[.....
10 [D]ḫal-di-ni-i a-ma-ni i-gi-di ip-ḫi-e [D]ḫal-di-ni [...
'a-ḫu-li-ni KI[TIM]-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še[.....

К интерпретации надписи см. P. Hulin, «Anatolian Studies», IX, 1959, стр. 192—194, прим., а также Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи (особенно стр. 53).

[1] Чтение Н. В. Арутюняна. П. Хюлин: ma-nu-li-i NÍG-ḫi-ni.
[2] Так Н. В. Арутюнян. П. Хюлин: za.
[3] Так Н. В. Арутюнян. П. Хюлин: ne.

452

Адыльджеваз. Надпись на строительном камне. Обнаружена в 1956 г. P. Hulin, «Anatolian Studies», IX, 1959, надпись № 2.

1 .....
...] nu-bi ú-i
i-e-še e-i
ši-di-iš-tú-bi
5 šá-tú-ú-bi TAR
ti-i-ni [D1]
[I]ar-giš-te-ḫi
[KUR]tap-la-a-ni
] za-du-u-bi [LU]i-
10]-u-bi al-zi-na-i
z] u[2]-ne[3]-a-ni me-i
] [I]ru-sa-a
. . . . . .

Можно выделить и перевести отдельные слова надписи: «Я построил» (*стк. 4*), «я взял» (*стк. 5*), «имя» (*стк. 6*), «я сделал» (*стк. 9*), *отрицание* mei (*стк. 11*) *и т. д. Встречается имя* «Руса» (*стк. 12*), «сын Аргишти» (*стк. 7*), *упоминается страна Тапла(ни)* (*стк. 8*).

[1] П. Хюлин: an.
[2] Или: su.
[3] Может быть: ṭè?

453 а—х

Адыльжеваз. Надписи на строительных блоках. Были открыты в 1965 г.

E. Bilgiç — B. Öğün, Second Season Excavation at Kef Kalesi of Adilcevaz (1965), «Anadolu» (Anatolia), IX, 1965, Ankara, 1967, стр. 18, табл. XXIV.

В приведенной здесь автографии первой строки надписи читается:

^{D}[h̲] al-d [i]-n[i] -n[i] al-su-i-ši-ni ^{I}ru-sa-a-še ^{I}ar-giš-te-h̲i-ni-še i-ni

Здесь же приводится перевод надписи: «Rusas, son of Argištiš, has built this place of cult for drinking sacrifice, thanks to the grandeur of God Haldi. Its found was ill maintained ....., was not. Rusas have built. No matter whoever destroys this inscription ..... Whoever place ...., and the things entrusted to me by God Haldi, let him be annihilated by Utu (God of Sun)».

454

Топрак-кале (Ван). Раскопки Афифа Эрзена. Посвятительная надпись на бронзовом щите. Руса II. Щит находится в Музее Анкары.

Упоминается у M. J. Mellink, AJA, 66, 1962, № 1.

НАДПИСЬ САРДУРИ, СЫНА РУСА

455

Кармир-блур. Надпись Сардури, сына Руса, на глиняной табличке; открыта при раскопках 1956 г.

Н. В. Арутюнян, «Историко-филологический журнал», 1958, № 3, стр. 201—213; он же в кн. «Festschrift Johannes Friedrich», Heidelberg, 1959, стр. 35—51; УКН, издание 1960 г., послесловие, № 64; О. О. Карагезян, Указ Сардури III, «Известия АН АрмССР. Обществ. науки», 1960, 10, стр. 80—81; УПД, № 1.

1 $^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-i-še
^{I}ru-sa-a-h̲[i-n]i-[še]
a-ru-ú-ni [ba]-^{r}ú^{1}-[še][1]
^{LÚ}ú-^{din} / tin || ^{I}šá-ni-^{r}e^{1}-h̲[i]-n[i][2]
5 KI$^{TIM.MEŠ}$ || ^{URU}qu-du-na
II-di (?) ^{LÚ}ERUM-di (?) qu-ṭu-ra-di (?)[3]
É-ni || bi-di-i
^{I}h̲u-er(?)[4]-a-i || ^{I}qu-tú-bi-li-^{r}i^{1}
^{I}d̲i[5]-di-i-ni-še ^{LÚ}[.....][6]
10 ^{I}a-bi-li-a-ni-še ^{LÚ}NA$_4$ [DIB][7]
^{NA_4}pu-lu-si-ni-[e(?)][8]
^{I}a-al-di-tú-ú-[ni][8]
-ri ^{I}ru-sa^{I} ^{D}sar$_5$-du-ri

Табличка, очевидно, является царским приказом. В начале надписи говорится: «(Царь) Сардури, сын Руса, отдал приказ» (*стк. 1—3*). *Таким образом, в первый раз в урартских текстах появляется имя царя Урарту Сардури III, сына Руса (царствовал в 645—635 гг. до н. э.?), о существовании которого мы знали до сих пор лишь из ассирийских надписей эпохи Ашшурбанапала. Дальше в надписи упоминаются* «земли в поселении Куду» (*стк. 5*), «два раба» (*стк. 6*), «дом» (*стк. 7*). *Затем названы какие-то два человека* (*может быть, те* «два раба», *о которых идет речь в 6 стк.*), *а также еще два должностных лица в связи со стелой. И. М. Дьяконов переводит надпись следующим образом*: «Сардури Руси [н (сын)] дал [приказ] о виноделах (?) шанийских: на землях поселения Куду (?) двум рабам —

quṭurele — дом (участок) верни — (это дом неких) Хука и Кутубиле. Ведини [+(звание)], (и) Абилиани „[держатель] печати“ стелу разыскали(?).

(Печать)

Руса. Сардури»[9].

[1] И. М. Дьяконов (в УПД, № 1) вместо [ba]-ʿúʾ-[še] читает: [x-r]u-[x], предполагая также какое-то слово, обозначающее «приказ».

[2] И. М. Дьяконов в начале этой строки читает LÚÉ.TIN, придавая этой идеограмме значение: «винодел(ы)», «виночерп(ии)» (см. УПД, стр. 42), а затем Išá-né-e-[ḫ]i-[n]é.

[3] В этой строке во всех трех случаях вместо di И. М. Дьяконов предлагает чтение: -u-e(?).

[4] И. М. Дьяконов: ka.

[5] И. М. Дьяконов: u-e.

[6] Н. В. Арутюнян здесь читает: LÚBI.LUL. И. М. Дьяконов воздерживается от чтения этих знаков.

[7] И. М. Дьяконов читает здесь идеограмму LÚNA$_4$. [DIB] «[держатель] печати». Н. В. Арутюнян: LÚZÁ.[DÍM. MA?].

[8] Восстановление И. М. Дьяконова.

[9] Видимо, надпись относится ко времени, когда Сардури был лишь соправителем своего отца Руса.

НАДПИСЬ ЦАРЕВИЧА РУСА, СЫНА РУСА

456

Кармир-блур. Надпись Руса, сына Руса, на открытой в 1955 г. глиняной табличке.

Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, табл. XXXIII$_1$; УКН, издание 1960 г., послесловие, № 63; УПД, № 4. Приводим текст в чтении и переводе И. М. Дьяконова.

1 [I....]-še || b[a]-ú-še
[ši-ú-]ni || ti-i-e
[I...]-li-i-di LÚNA$_4$.DIB-d[i(?)]
[I]ku(?)-lu-gi-i LÚNA.KAD
5 [z]a-ni-da-bi TI DINGIR || gu-ni
I || ta-ta-a-še LÚERUM GAŠAN$_x$ (?)-i
MÍN.TUR || ir-bu-ni || ú-i
u-e (?)[1]-ir-ṭu-še || a-ri-a-ni
ḫi-ni || a-la-gi z/ṣa-di-e
10 ú-ši-e || at-ḫi-e || a-r[i(?)]

(Печать)

1 Iru-sa-a-i Iru-sa-ḫi
2 KIŠIB LÚA.NIÑ-li

[Руса (??)] слово послал,— скажи [....] ли, «держателю печати», для Кулу (?), старшего пастуха: любезна (??) будет жизнь (твоя) (?) богу воистину! Тата, раб, (у), госпожи девушку похитил (или: Тата, раб госпожи, девушку похитил), добровольно (??) не хочет отдать. Теперь хозяйку сделай,— отправься (?), найди, от[дай (?)].

(Печать)

Русы, Русина (сына).
Печать сына царицы[2].

[1] Вместо u-e, возможно, следует читать di.

[2] И. М. Дьяконов полагает, что царевич Руса был сыном Руса II, сына Аргишти, родился после его смерти и надпись должна быть отнесена ко времени не ранее 625—620 гг. до н. э. По его мнению, этому царевичу принадлежит также надпись № 277а (см. ВДИ, 1971, № 3; УПД, стр. 62).

НАДПИСЬ ЭРИМЕНА

457

Кармир-блур. Надпись Эримена на глиняной табличке, открытой в 1957 г. УПД, № 3. Приводим текст в чтении и переводе И. М. Дьяконова.

Лицевая сторона

1 LUGAL-še || a-li || ti-i-e
ᴵḫal-di-ERUM-di ᴸᵁ̆KUGᴹᴱŠ
ᴵa-lu-a-ni-ni ᴸᵁ̆MUᴹᴱŠ
za-ni-da-bi TI DINGIR || gu-ni
5 ˢᴬᴸsi-la-a || šú-si-e
ᴵmu-i-da-a-i ᴸᵁ̆MU||
MÍN-e ma-nu-ú-bi ||
É. GAL-ni ḫi-ni-e
LUGAL-še bi-du-ú-ni
10 ᴵa-l[u]-a-ni-gi ᴸᵁ̆MU
mi-i a(?)-[l]u(?)-[š]á-i-ni ||

Оборотная сторона

1 bi-di [a(?)]-ri-e(-e)
a-l[i]-ú-ni
(Печать)
ᴵ]e-[r] i-me-n[a-n] i ᴵa[r (??)...] (или: ᴵr[u(??)...])

Царь вот что (говорит),— скажи Халдибуре, «человеку денег», об Алуани, пекаре (поваре): любезна (??) будет жизнь (твоя?) богу воистину. Дочь одну Муиды, пекаря (повара), женой его я дал быть. Из двора теперь царь вернул ее Алуани, пекарю (повару). Безотлагательно (?) верни, [от]дай (?) .....

(Печать)

Э[р]имен[а] А[р...] (или: Р[у....(??)])

НАДПИСЬ РУСА, СЫНА ЭРИМЕНА

458

Надпись на камне; открыта на холме Арин-берд в 1968 г. См. Н. В. Арутюнян, К. Л. Оганесян, Новые урартские надписи из Эребуни, ВДИ, 1970, № 3, стр. 111, надпись № 10.

1 ᴵru-sa-še ᴵe-ri-me-na-ḫi-ni-še
2 i-ni É 'a-ri-e šu-ú-[ni]
3 VI LIM VIII ME XL VIII ka-pi iš-ti-ni

Руса, сын Эримена, это зернохранилище устроил. 6848 *капи* есть там (в нем).

458а

Как сообщает Афиф Эрзен в своей статье «Untersuchungen in der urartäischen Stadt Toprak-kale bei Van in den Jahren 1959—1961» (AA, 1962, H. 2, стр. 406), во время раскопок на Топрак-кале (Ван) был открыт щит с изображением львов и быков и с трафаретной надписью царя Руса, сына Эримена. Надпись в приведенном там же переводе Э. Бильгича гласит:

«Могущественному богу Халди, своему владыке, этот щит Руса, сын Эримена, посвятил ради своей жизни. Величием бога Халди Руса, сын Эримена, царь могущественный ..... правитель Тушпа-города».

НАДПИСИ САРДУРИ, СЫНА САРДУРИ

459

Кармир-блур. Надпись на обломках бронзового щита, найденных в 1957 г. УКН, издание 1960 г., послесловие, № 69; Б. Б. Пиотровский, в кн. УПД, стр. 6; И. М. Дьяконов, УПД, стр. 65.

[....] [ul-gu-ši-a-ni]-e-di-ni ^{D}ḫal-di-ni-ni al-[su-ši-ni] $^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-e[1]-[še] $^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-ḫi-ni-še LŪGÁL DAN.NU LUGÁL al-su-i-ni a-lu-si ^{URU}ṭu-uš-pa-[e URU] uš-tú-ni

[....] ради жизни величием бога Халди Сардури, сын Сардури, царь могущественный, царь великий, правитель Тушпа-города, посвятил.

[1] На щите стоит «а» (описка писца?).

460

Кармир-блур. Надпись на обломке глиняной таблички, найденной в 1957 г. По мнению И. М. Дьяконова, принадлежит Сардури IV, сыну Сардури III, преемнику Руса III, сына Эримена.

УПД, № 5. Приводим надпись в чтении и переводе И. М. Дьяконова.

Лицевая сторона

(недостает 6—10 строк)

x + 1 [.....] x x x [....]
[.....] li x [.....]
[I]a-bi-li-ú-qu-[ni(?) .....]
É-gi ^{URU}ú-x [.....]
x + 5 ú-i-me-e || u-e(?)[1]-[.....]
[I](?) [x x]-a-ni || e-'[...]
[x x] TUR-ḫi u-e (?)-n[i(?) ...]
L[Ú(?)]-ú(?)-tú-ḫi || ^{KUR}e-b[a-ni-a]
ma-nu-li ḫi-ni || a-l[a-g]i
x + 10 áš-ka-dè || ka-i-pi-ú(?)

Оборотная сторона

1 z/ṣa-di-e || ú-ši-e šú-i-ni
bi-di-[i || at(?)-ḫ]i-e || a-ri-e
[I] ^{D}[x x x]-ni ^{LŪ}ŠE.NUMUN-ḫu

(Печать)

[I] ^{D}Sa[r$_5$-du-ri(?)[I]] ^{D}s[a]r$_5$-d[u(?)]-ḫi

[.....] Абилиуку[ни (?),....] дому (селения) у ... [.....] мне не .... [.....] [(имя собственное)] и [....] маленький ... [.....] п[ленн]ыми (?)[в (?)] стр[ане] были. Теперь хозяину, чтобы (?) .... у тебя (?), сделай, отправься, все (?) вер[ни, разы]щи (?), отдай [(имя лица)], «человеку посева».

(Печать)

Са[рдури (?)], С[а]рд[у]⟨ри⟩ев (сын).

[1] Здесь и ниже (сткк. x + 7) u-e условно; И. М. Дьяконов так читает знаки, которые вместе могут быть обозначением di.

НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

461

Кармир-блур. Надпись на обломке верхней части глиняной таблички, найденной в 1957 г.

УПД, № 6. Приводим текст в чтении И. М. Дьяконова.

1 [I]TUR-ta-ta-a-še ba-ú-še
[ši]-ú-ni ti-i-e
[x x]-x-di ^{LŪ}NA$_4$.DIB-di
[.....] x MÁŠ.TUR
5 [.....] x

(Отбито 6—10 строк)

TUR-тата слово [по]слал, — скажи [....], «держателю печати»: [...] козленок [.....].

462

Кармир-блур. Надпись на глиняной табличке, найденной в 1957 г. УПД, № 7. Приводим надпись в чтении и переводе И. М. Дьяконова.

Лицевая сторона

1 ^{I}i-nu-uš-ši-la-a-še || ba-ú-še š[i-ú-ni]
ti-e ^{I}ur-ma-a-di ^{LÚ}NAM-di
^{I}a-li-a-ú-ni ^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu ^{I}a-lu(?)-na-ta-a-[ni]
^{URU}ur-ki-a-ni || za-ni-da-bi || TI DINGIR || gu-ni
5 II ^{LÚ}ši-ar-di-a-li ^{ID}ḫal-di-ERUM-a-ni
^{I}ú-ra-di-ni ʾa-al-du-ú-lu-li
LUGAL-ka || ú-ú-šá-a-li pa-ru-ul-tú-ú-bi
LUGAL-li I ANŠU.KUR.RA || I su-ḫur-da-ḫi tar-a-ni
I || da-ú-še I GÌR.NUN.NA XXX ^{GIŠ}zu^{1}-li-e XX su-ri
10 ḫi-il-ḫi-li || II ka-pi-tú-ni || NÍG^{MEŠ}nu-n[a]-a-li
pa-ri-e ||^{KUR}ar-ṭè-ni-e du-di-gi-e-di
ši-a-bi || ka-ga-a-ni V ^{I}ṣi-pa-a-ni ^{LÚ}a-ḫu-pa
^{LÚ}DUMU || ^{URU}ir-di-ú-ni su-du-uš-tú-ú-ni
i-bi-ra-a-ni ^{I}ú-ra-di-ni || ka-ru-ú
15 ḫu-tú-ni-pi || III-še UD^{ME} || na-ú-bi || ^{ID}ḫal-di-ERUM
ir-ḫa-ma-tú-ú-ni || ḫi-ni || za-ab-zi-gi-e-di
ḫu-šá-a-gi-e || I ANŠU.KUR.RA ir-bu-ú-ni
i-šá-ni ||^{KUR}e-ba-ni || pa-ra-tú-ú-bi
^{I}ṣi-pa-a-ni || LUGAL-ka || ma-nu-ú-bi

Оборотная сторона

1 di-da-gi-e || a-di-AL(?) si-du-ú-ni
LUGAL-ka || ú-i gi-[n]i-ni || pa-li-a-bi
te-ir-tú-ú-bi || qa-sa(?)-a-ni ^{KUR}e-ba-ni
[LÚ] i-ni ú-na-u-e^{2} || ḫi-ni || a-la-gi-e
5 a-di-ri ši-ú-di-li z/ṣ a-di ú-ši-e
a-li-e LÚ i-ni ú-na-a-i-ni ú-še
ka-pi-e a-gu-li te-e || ar-šú-di-a-še-ni
su-du-me-ni-e-di a-li-li su-du-uš-tú-ú
te-ri-e ba-ú-ši-ni-li || ^{GIŠ}za-lu-i-na
10 e-ʾa LÚ i-ni ú-li a-li-a-še || i-ni É ||
a-[g]u-li te-e gu-ni LUGAL-ka || ši-ni-ni
ú-ú-la-ni || pa-ru-li-li || e-ku-ri-e
LÚ i-ni ú-ni-li

(Печать)
KIŠIB ^{LU}A.NIN-li

Инуш-шила слово по[слал,—] скажи Урме, наместнику, о (сообщениях?) Алиау, «человека посева», (и) Алупаты уркийца: любезна (??) будет жизнь (?) (твоя) богу (?) воистину! 2 лазутчиков (??), Халдибуру (и) Уради, я нашел (??) (или: «я распорядился относительно 2 лазутчиков, Халдибуры и Уради»), к царю приношение (?) я доставлю: царю 1 лошадь, 1 большой ..., 1 ...., 1 мул, 30 (орудий) ..., 20 ... (эпитет), 2 ...,— (все эти) вещи прибыли до (горы) Артейской, к межевому столбу (?). Прибыло от него 5 (людей) aḫupa, (принадлежащих некоему) Ципе, граждан Ирдивских. Он их ... всех. Уради подвергнут (?) допросу (??). 3 дня я ждал (??) Халдибуру, он запаздывает (??). Теперь к ...; 1 лошадь он похитил, на ту

сторону области я отведу (ее). Ципе у царя я дал быть, долю ((?) ..... он .... перед царем ни в чем он не лгал (??) я установлю ... страну этот (?) [человек] ....; теперь хозяину (??) .... сделай, отправься, этого человека, который .... чтобы (?) ...., которые (?) ... установи обстоятельства (?) ... и этого человека ... этот дом ... поистине перед царем .... пусть приведут их ... этот (?) человек . . .

[1] Ср. Н. В. Арутюнян, Новые урартские надписи, стр. 35, прим. 102, а также УПД, стр. 140.

[2] u-e: возможно также чтение di.

(Печать)
Печать царевича

463

Кармир-блур. Надпись на глиняной табличке, открытой в 1955 г.

Н. В. Арутюнян, ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149; Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, табл. XXII, 1; УКН, издание 1960 г., послесловие, № 62; УПД, № 10.

1 ^{D}'a[1] URU-e
^{I}'a-za-a ^{KUR}e-ba
XXVI KUŠ GUD || ZAG[2]
LIM[3] AB[4] XII || TÚG SÍG XIV [?][5] UDU[6]
5 I ME XC VIII ZAG[2] LIM[3] XXV
TÚG SÍG I ME LXX II KUŠ[7] šú-še
X VI[8] KUŠ ÚZ

Городу бога Тейшеба (?) в стране Аза: 26 воловьих кож ZAG тысячу AB, 12 шерстяных тканей, 14 того же (?) бараньих. 198 (воловьих кож) ZAG тысячу 25 шерстяных ткани, 172 кожи бараньи, 16 кож козьих.

[1] Возможно, как полагает И. М. Дьяконов, описка — стоит вместо сходного по начертанию знака ^{D}IM «(бог) Тейшеба».

[2] Так И. М. Дьяконов. Н. В. Арутюнян читает: TUR (?).

[3] И. М. Дьяконов: ŠI.

[4] Чтение И. М. Дьяконова.

[5] Три вертикальных или слегка наклонных клина, вроде цифры IX, которые можно разобрать в этом месте, по мнению И. М. Дьяконова, возможно, являются знаком повторения, относящимся к слову KUŠ «кожа» — см. УПД, № 10, прим. 2 (стр. 38).

[6] Так И. М. Дьяконов. Н. В. Арутюнян: SIG.

[7] В тексте стоит zu; считают, что здесь описка.

[8] См. И. М. Дьяконов, УПД, № 10, прим. 4 (стр. 38).

464

Кармир-блур. Раскопки 1954 г. Надпись на обломке богато орнаментированной нащечной пластины.

Б. Б. Пиотровский, ЭВ, XI, 1956; УКП, издание 1960 г., послесловие № 21.

NÍG É a [ ]

Принадлежность дома [ ]

465—466

При раскопках на Чавуштепе урартского храма в 1965 г. были открыты две клинописные таблички. Надписи готовит к публикации Эмин Билгич.

Упоминается у M. J. Mellink, AJA, 70, 1966, № 3, стр. 281.

467—501

Кармир-блур. 35 разных обозначений на карасах, открытых в 1951 г. в трех кладовых для вина.

Б. Б. Пиотровский, ЭВ, XI, 1956; УКН, издание 1960 г., послесловие, № 25—59. Поправку одного из этих обозначений см. Б. Б. Пиотровский, в кн. УПД, стр. 6, прим. 8.

467 IV a I ṭí
468 III a IV ṭí 1/2
469 IV a I ṭí
470 III a VII ṭí
471 III a V ṭí
472 III a 1/2
473 III a IV ṭí 1/2
474 III a
475 IV a 1/2
476 III a III tí
477 III a VI ṭí 1/2
478 III a IV ṭí
479 III a V tí
480 IV a I ṭí
481 [ ] a IV [ ]
482 III a 1/2
483 IV a III tí 1/2
484 IV a
485 IV a I tí 1/2
486 III a VIII tí 1/2
487 IV a I ṭí 1/2
488 III a VIII ṭí 1/2
489 III a VIII ṭí
490 [ ] IV ṭí 1/2
491 IV a 1/2
492 III a VII ṭí 1/2
493 III a V ṭí
494 III a VI ṭí 1/2
495 III a III [ ]
496 III a V ṭí 1/2
497 IV a [ ]
498 IV a III ṭ[í]
499 [ ] I ṭ[í]
500 [ ] IV ṭí
501 [ ] II ṭí 1/2

502 a — x

Арин-берд. Обозначения емкости на открытых в 1959 г. карасах из кладовой для вина.

УКН, издание 1960 г., послесловие, стр. 456. Фотоснимок одного из этих карасов с обозначением емкости (VI a [ ]) см. К. Л. Оганесян, Раскопки урартского города Эребуни, СА, 1960, № 3.

503 a — x

При раскопках Давти-блура (западная крепость древнего Аргиштихинили) в одном из вновь открытых винных погребов обнаружено 68 карасов с иероглифическими и клинописными обозначениями мер емкости — см. А. А. Мартиросян, Раскопки Аргиштихинили, СА, 1967, № 4, стр. 228.

504

Шушанц. Обозначение емкости.

F. W. König, Hadnbuch, Inc. 21, табл. 101 (по Hyvernnat, inéd. VII); Bericht, 179; идентично, по мнению Кёнига, запланированному GICh, 188.

III a-qar-qi VI [ṭí-ru-si]

505 a — x

Адыльджеваз. Раскопки Баки Огюна и Эмина Билгича в 1964 г. Два ряда больших сосудов (карасов), по 8 карасов в каждом, с клинописными обозначениями на них емкости. Упоминаются у M. J. Mellink, AJA, 69, 1965, № 2, стр. 142.

На фотоснимках отдельных карасов, опубликованных в статье: E. Bilgiç — B. Öğün, Excavations at Kef Kalesi of Adilcevaz, 1964, «Anatolia», VIII, Ankara, 1965, табл. IV—V, различаются некоторые из этих обозначений (IV a IV ṭí)

506—522

Адыльджеваз. Обозначения емкости на карасах.

E. Bilgiç — B. Öğün, Second Season Excavation at Kef Kalesi of Adilcevaz (1965), табл. XIII—XIV.

Таблица XIII

IV a I ṭí 1/2
IV a V ṭí
IV a V ṭí 1/2
IV a II ṭí
IV a IV ṭí
III a IV ṭí 1/2
III a V ṭí 1/2

Таблица XIV

IV a I ṭí
IV a V ṭí 1/2
IV a
IV a II ṭí 1/2
VII a II ṭí
VI a IV ṭí
IV a IV ṭí
III a III ṭí
VII a III ṭí 1/2
V a ⌜V⌝ ṭí

523 a — x

Обозначения емкости на сосудах, открытых Афифом Эрзеном при раскопках, производимых в Топрак-кале (Ван).

Упоминаются у M. J. Mellink, AJA, 67, 1963, № 2, стр. 182.

524 a — x

Имеется указание об открытии в Алтинтепе карасов со знаками, обозначающими емкость «урартским письмом» («Anatolian Studies», XIII, 1963, стр. 23).

525

При раскопках 1967 г. дворцового сооружения в Чавуштепе был открыт большой карас с клинообразным обозначением емкости («Anatolian Studies», XVIII, 1968, стр. 29).

* * *

В литературе имеются сведения также об указанных ниже надписях, открытых в основном в последнее время в Турции; более подробной информации о них у нас нет.

526

Патноц. Бронзовый наконечник копья с надписью. Возможно, из урартского храма Анзавуртепе. Был приобретен у крестьян.

Упоминается у M. J. Mellink, AJA, 69, 1965, № 2, стр. 142.

527

Надпись на строительном камне. Фиксируется Кёнигом —«Handbuch», № 141. В его распоряжении находился неудовлетворительный фотоснимок, поэтому он и не приводит транскрипцию этой надписи. См. также УКН, издание 1960 г., послесловие, № 7.

528

При раскопках на Чавуштепе (в 25 км к юго-востоку от Вана) в юго-западной крепости в 1965 г. (руководитель работ — Афиф Эрзен) был найден камень с четырехстрочной клинообразной надписью. Надпись готовит к публикации Эмин Билгич — см. M. J. Mellink, AJA, 70, 1966, № 3, стр. 281.

529

Четырехстрочная надпись на камне; найдена в южном углу урартского храма на Чавуштепе (раскопки 1965 г.) Надпись готовит к публикации Эмин Билгич — см. у M. J. Mellink, AJA, 70, 1966, № 3, стр. 281.

530

Надпись на камне; найдена в северо-западном углу урартского храма на Чавуштепе (раскопки 1965 г.). Содержит шесть строк клинописного текста. Текст готовит к публикации Эмин Билгич — см. M. J. Mellink, AJA, 70, 1966, № 3, стр. 281.

531

Надпись на камне; найдена при раскопках западной стороны урартского храма на Чавуштепе. Содержит две строки клинообразного текста, а также восемь подготовленных для надписи строк, которые, однако, остались ненанесенными на камень (раскопки 1965 г.). Надпись готовит к публикации Эмин Билгич — см. M. J. Mellink, AJA, 70, 1966, № 3, стр. 281.

532

Чавуштепе, урартский храм. Надпись выгравирована с большой точностью налево от дверного проема, см. обзор раскопок 1966 г.— M. J. Mellink, AJA, 71, 1967, № 2, стр. 164.

533

В Чавуштепе при раскопках урартского храма в 1967 г. были найдены фрагменты урартской надписи в юго-восточном углу двора, см. M. J. Mellink, AJA, 73, 1969, № 2, стр. 212; «Anatolian Studies», XVIII, 1968, стр. 29.

УКАЗАТЕЛИ

Указатели составлены по тому же принципу, что и указатели в первом сборнике «Урартских клинообразных надписей». Они состоят из трех частей: 1) идеограммы и детерминативы, 2) урартские слова в фонетическом написании, 3) собственные имена и географические названия.

При указании дается номер надписи и строка; например, 389_8 означает: надпись № 389, строка 8. Если то или иное слово, собственное имя и т. д. в одной и той же строке встречается несколько раз, то и это отмечается указанием несколько раз на одну и ту же строку, например $448_{20,20}$ и т. д.

В указателях не отражена степень поврежденности приводимого материала; таким образом, некоторые урартские слова, идеограммы, детерминативы, собственные имена или географические названия, на наличие которых в урартских текстах имеются ссылки в указателях, восстановлены в соответствующих местах надписей, причем в некоторых случаях эти восстановления вызывают сомнения, что отмечено в транскрипциях надписей вопросительными знаками. В указателе отмечается значение приводимых идеограмм, детерминативов, урартских слов, когда оно известно. Соответственно поясняются и собственные имена и географические названия.

I. ИДЕОГРАММЫ И ДЕТЕРМИНАТИВЫ

I — детерминатив мужских имен и племенных названий

$14 + 16_{1,1,2,2}$; $15+118_{1,1,2,2,3,3}$; 149 а л. ст.$_2$ об. ст.$_1$; 277 $a_{1,2,2}$; 286 л. ст. $_{1,1,2,3,5}$ об. ст.$_7$; 333 л. ст.$_{1,3,4,5}$ об. ст.$_{2,2}$; $371_{1,1,2,2}$; $372_{1,2,6,6,13,13,20,21,23,23,28}$; $373_{1,1,4,4,11,11,17,18,21,22,30}$; $374_{1,4,5}$; $375_{2,2,5,6}$; $376_{2,3,11,12,19,20,24,27,28}$; 377 шир. ст.$_{2,2}$. узк. ст.$_{2,3}$; $378_{2,2}$; $379_{2,3,5,10,11}$; $380_{1,1}$; $381_{1,1}$; $382_{3,3,19,20,21,21,26,26,42,43,44}$ об. ст.$_{2,2}$; 383_1; 384_1; 385_1; $386_{2,4}$; $388_{2,2,8,8}$; $389_{2,2,7,10}$; $390_{2,3,7,7}$; $391—394_1$; $395_{2,3,4}$; $396—397_{2,2,3,6}$; $399_{1,2}$; $401_{1,2}$; $402_{2,3}$; 404_4; $405_{1,1}$; 407_1; $408_{1,2}$; $409_{1,2}$; 410_1; $411a—x_1$; $412—413_1$; $414_{1,1}$; 415_1; 416_1; $416a_1$; $417_{2,5,5,6,9}$; $418_{1,1,3,8,11,11}$; $419_{3,4,13,14}$; $420_{1,2}$; $421_{1,2}$; $422_{3,4}$; $423_{3,4}$; $426_{3,4}$; 427_1; 428_1; 429_1; $430_{1,2}$; 431 $a—x_{1,1}$; 432 $a—x_1$; 433 $a—x_1$; $435—440_1$; 441_1; 442_1; $443_{1,3}$; $445_{1,2,9}$; $446_{2,2,10}$; $448_{1,1,2,2,5,5,6,8}$; $449_{5,9}$; $450_{3,3}$; $451_{4,7}$; $452_{7,12}$; 453 $a—x_{1,1}$; $455_{1,2,4,8,8,9,10,13,13}$; $456_{1,3,4,6}$ печать $_{1,1}$; 457 л. ст.$_{2,3,6,10}$ печать$_{1,1}$; $458_{1,1}$; $459_{1,1}$; 460 л. ст.$_{3,6}$ об. ст.$_3$ печать $_{1,1}$; 461_1; 462 л. ст.$_{1,2,3,3,5,6,12,14,15,19}$; 463_1.

AB 463_4.

ÁB «корова» $448_{7,11,12}$.

^{LÚ}AD-si-ni «отцовск(ий, ая, ое)». 448_3.

AN 328 b_2.

^{LÚ}A.NIN-li «царевич» 456 печать$_2$; 462 печать$_1$.

^{LÚ}ANŠU.GÌR.NUN.NA «погонщик мулов». 286 об. ст.$_8$.

ANŠU.KUR.RA «лошадь» 333 л. ст.$_7$; 462 л. ст.$_{8,17}$.

BANEŠ мера емкости *капи* $419_{9,10,12}$.

BAR 449_{11}; 451_8.

BE.LI «оружие» 448_8; $449_{3,6}$; $451_{2,4}$.

D — детерминатив божеских имен

$14 + 16_{1,1,2}$; 149а л. ст.$_1$; $318x_{+4}$; 333 л. ст.$_4$, об. ст.$_2$; $371_{1,1,2}$; $372_{1,2,5,5,8,11,11,12,20,23,26,26}$; $373_{1,1,3,3,6,9,9,10,}$

$_{17,21,25,26,26}$; $374_{1,4,5}$; $375_{1,4}$; $376_{1,5,9,17}$; 377 шир. ст.$_{1,3}$ узк. ст.$_{1,4}$; $378_{1,3}$; $379_{1,9}$; 381_1; 382 л. ст.$_{1,2,4,15,16,17,20,22,23,24,25,27,38,39,40,43}$ об. ст.$_{3,9,10,10}$; $382a_{x+8}$; $383_{10,10,11,13}$; 386_1; $388_{1,7}$; 389_1; 390_1; 391—394_1; 395_1; 396—397_1; 402_1; 404_1; 405_1; 406_1; 408_1; 409_1; $416a_1$; $417_{1,3,5,6,9}$; $418_{1,1,2,2,3,3,4,6,8,8,8,10,11}$; $419_{1,3,13}$; 420_1; 421_1; $422_{1,3}$; $423_{1,3}$; 426_3; $427_{1,1}$; $428_{1,1}$; 429_1; 430_1; 431 a—x_1; 432 a—x_1; 433 a—x_1; 435—440_1; 441_1; 442_1; 445_1; 446_1; $448_{1,2,2,3,4,4,4,7,7,7,7,8,8,8,8,8,9,10,11,11,11,11,12,12,12,14,14,15,15,17,17,18,18,19,20,21}$; $449_{6,10}$; $450_{8,8,8,8,9}$; $451_{4,7,10,10}$; 452_6; 453 a—x_1; $455_{1,13}$; $459_{1,1,1}$; 460 об. ст.$_3$ печать$_{1,1}$; 462 л. ст.$_{5,15}$; 463_1.

DAN.NU «могущественный», «могучий» $376_{13,29}$; 379_{12}; 381_1; 388_9; $389_{9,10}$; 390_8; 396—397_6; $416a_1$; 417_9; 418_{11}; 419_{15}; 426_5; 448_5; 459_1.

DINGIR «бог» 333 л. ст.$_6$; 448_7; 456_5; 457 л. ст.$_4$; 462 л. ст.$_4$.

DINGIR^{MEŠ}-a-še 382 a_{x+9}.

DINGIR^{MEŠ}-it 372_{26}; 373_{26}.

DINGIR^{MEŠ}-še 382 об. ст.$_{10}$; 383_{11}.

DUB «надпись».

DUB-te 382 об. ст.$_{3,5,6}$; 383_2; 384_1; 446_{11}; 450_4.

DUB-ti-ni-e $419_{8,10}$.

DUMU «сын» 286 л. ст.$_2$.

^{LÚ}DUMU 462 л. ст.$_{13}$.

E «дом» 15 + $118_{1,2,3}$; $371_{1,2}$; 378_4; $379_{4,6}$; 380_1; 388_1; 391—394_1; 395_2; 396—397_1; 418_1; 419_5; 420_3, 421_3; 422_5; $448_{1,14,15,16,20,20,21,22}$; $449_{5,7,9,10}$; 451_7; 458_2; 462 об. ст.$_{10}$; 464_1.

É-gi 460 л. ст.$_4$.

É-ni 455_7.

É.BÁR «храм».

É.BAR-ni-i-ni 286 л. ст.$_6$.

É.BÁR-ṣi $448_{12,13}$.

É.GAL «дворец», «крепость» [286 об. ст.$_1$; $372_{4,25}$; $373_{2,25}$; $374_{3,6}$; 375_3; 376_7; 378_5; 379_7; 388_3; 389_3; 390_4; 417_6; 445_8.

É. GAL-a [ ] 376_{21}.

É.GAL-i 286 об. ст.$_2$.

É.GAL-ni $277a_{2,2,2}$; 457 л. ст.$_8$.

EN «господин», «владыка» 409_1; 418_1; 427_1; 428_1; 448_1.

EN-še 418_4.

^{LÚ}ÊRUM «раб», «слуга» 456_6.

^{LÚ}ERUM-di 455_6.

^{LÚ}É.TIN^{MEŠ}-ni «винодел» (?) 286 об. ст.$_4$.

^{SAL}GAD-ḫi-e «женщина полотна», «ткачиха» (?) 286 л. ст.$_{13}$.

GÁN «поле» 372_{27}; 373_{27}; 418_7.

GAŠAN-i «госпожа» 456_6.

GIBIL — «новый» 418_7.

GÍR 449_{11}; 451_8.

GÌR.NUN.NA «мул» 462 л. ст.$_9$.

GIŠ «дерево»; также детерминатив деревьев и деревянных вещей 286 об. ст.$_9$; 329 л. ст.$_{x+1}$; 409_1; $417_{1,2}$; $418_{7,7,7}$; $448_{1,5,6,9,14}$; 462 л. ст.$_9$ об. ст.$_9$; 449_7.

GUD «бык», «крупный рогатый скот» 333 л. ст.$_8$; $448_{7,10,11}$; 450_2; 463_3.

HÁ «много», «множество»; также знак множ. числа 450_2.

ÍD «река» 445_5; 446_5.

^{D}IM «бог Тейшеба».

^{D}IM-a 448_7.

^{D}IM-ni $448_{2,19}$

^{D}IM-še 382 об. ст.$_{10}$; 383_{10}; 450_8.

KÁ «ворота» 372_2; 373_1; 374_5; 376_6; 377 шир. ст.$_3$ узк. ст.$_4$; 382 л. ст.$_{4,11,16,34,39}$; $418_{2,6,8}$; $448_{4,8,9,18}$; 449_6.

KÁ-ka 448_{17}.

KÁ-ka-i 448_{18}.

^{GIŠ}KÁ $448_{5,6,9,14}$.

^{GIŠ}KÁ-li 448_1.

KI^{TIM} «земля».

KI-ni 404_2.

KI^{TIM} 448_3; 455_5.

KI^{TIM}-a 448_{13}; 449_8; $451_{6,11}$; 455_5.

KIN 449_{10}.

KIŠIB «печать» $277a_{1,1}$; 333 об. ст.$_2$; 456 печать$_2$; 462 печать$_1$.

KÙ «чистый» (?) $449_{6,8}$; $451_{4,6}$.

^{LÚ}KUG «человек денег» — название должности 457 л. ст.$_2$.

KUR «страна»; также детерминатив названий стран и областей 286 л. ст.$_{3,5}$ об. ст.$_{10}$; $372_{7,10,11,15,15,16,16,22,24,25,25,28}$; $373_{5,8,9,13,13,14,14,20,23,24,24,29}$; 375_7; $376_{14,15,30}$; 379_{13}; 386_3; $388_{5,6,9}$; $389_{5,6}$; 390_9; 396—397_7; 404_2; $417_{2,3,10}$; 419_{15}; $445_{2,3,4,5,6,6,7,10,10}$; $446_{3,3,6,6,7}$; $448_{6,6,16}$; 452_8; 460 л. ст.$_8$; 462 л. ст.$_{11,18}$ об. ст.$_3$; 463_1.

KUR.KUR^{MEŠ} 417_{10}; 446_8.

KUR.KUR^{MEŠ}-di 418_{11}.

KUR-ni $445_{3,4}$; 448_2.

KUR-ni-e 386_4; 418_5.

^{LÚ}KUR.KUR^{MEŠ}-e 286 л. ст.$_{15}$.

KÚR «вражеский» 445_{10}.

KURUN «счастливый», «прекрасный», «отличный» 418_{10}.

KUŠ «кожа» $463_{3,6,7}$.

LÚ «человек»; также детерминатив названий профессий, групп, категорий людей 286 об. ст.$_{11}$; 456$_{3,4,6}$ печать$_2$; 460 об. ст.$_3$; 461$_3$; 462 л. ст.$_{2,3,5,12,13}$ об. ст.$_{4,6,10,13}$ печать$_1$.
LÚ-ú-tú-ḫi 460 л. ст.$_8$.
LUGAL «царь» 286 л. ст.$_2$.
LUGAL-ka 462 л. ст.$_{7,19}$ об. ст.$_{2,11}$.
LUGAL-li 462 л. ст.$_8$.
LUGAL-ni 286 л. ст.$_4$.
LUGAL-še 457 л. ст.$_{1,9}$.
LUGÁL «царь» 375$_{6,7,7}$; 376$_{13,13,14,15,29,29,30}$; 379$_{12,12,13}$; 381$_1$; 388$_{9,9}$; 389$_{10}$; 390$_{8,8,9}$; 396—397$_{6,6,7}$; 416a$_1$; 417$_{2,9,9,10,10}$; 419$_{15,15}$; 426$_5$; 448$_{5,5}$; 459$_{1,1}$.
LUGÁL-e 448$_{19}$; 449$_1$.
LUGÁL^{MEŠ} 372$_{18}$; 373$_{15}$.
LUGÁL-ni 448$_{19}$.
LUGÁL-nu-si 417$_8$.
LUGÁL-tú-hi 448$_3$.
LUGÁL-tú-ḫi-ni 418$_{16}$.
LUGÁL-tú-ḫi-ni-i 448$_4$.
^{D}MARDUK-še «бог Мардук» 450$_8$.
MÁŠ.TUR «козленок» 448$_{7,10,11,12}$; 461$_4$.
MEŠ — знак множ. числа 286 л. ст.$_{4,10,15,16}$; 372$_{18,26,27}$; 373$_{15,27}$; 377 шир. ст.$_3$ узк. ст.$_{4,6}$; 382 об. ст.$_{10}$; 382 a$_{x+9}$; 383$_{11}$; 417$_{6,7,10}$; 418$_{7,7,10,10}$; 445$_{7,10}$; 446$_8$; 448$_{20}$; 455$_5$, 457 л. ст.$_{2,3}$; 462 л. ст.$_{10}$.
MÍN-e «жена» 457 л. ст.$_7$.
MÍN.TUR «девочка», «девушка» 456$_7$.
MU «год» 286 л. ст.$_1$; 372$_{22}$; 373$_{20}$.
^{LÚ}MU «пекарь», «повар» 457 л. ст.$_{3,6,10}$.
NA$_4$ «камень»; детерминатив названий камней и каменных предметов 376$_{18}$; 449$_7$; 451$_5$; 455$_{11}$.
^{LÚ}NA$_4$.DIB «[держатель] печати» 333 л. ст.$_3$; 455$_{10}$.
^{LÚ}NA$_4$.DIB-di 459$_3$; 461$_3$.
^{LÚ}NA.KAD «старший пастух» 456$_4$.
^{LÚ}NAM-di «наместник» 462 л. ст.$_2$.
NAPḪARU «итого», «целиком» 286 л. ст.$_{9,11}$; 419$_{12}$.
NÍG «собственность», «принадлежность» 149a об. ст.$_1$; 410$_1$; 462 л. ст.$_{10}$; 464$_1$.
NÍG.BA «собственность», «принадлежность» 149a л. ст.$_2$; 427$_1$; 428$_1$.
^{LÚ}NÍG.ŠID.DA-ka-i «человек счета» (название должности) 286 л. ст.$_{12}$.
SAL детерминатив женских имен 286 л. ст.$_{13}$; 386$_7$; 457 л. ст.$_5$.
SÍG «шерсть» 463$_{4,6}$.
SIG$_7$-ni см. GAŠAN$_x$ 328a$_1$.
SIKIL «чистый», «яркий», «блестящий» 449$_6$; 451$_4$.
ṢALMU-ni «благополучие» 382 л. ст.$_{22,45}$.
ŠÀ «сердце», «внутренность» 448$_{18}$.
ŠADU «гора» 386$_5$.
^{LÚ}ŠÀ.RĒŠI «евнух» 286 л. ст.$_{10}$ об. ст.$_2$.
^{GIŠ} ŠAMŠE «хлеб (в поле)» 418$_7$.
^{ŠAM}ŠE 372$_{27}$; 373$_{27}$.
^{LÚ}ŠE.NUMUN-ḫu «человек посева» — название должности или профессии 460 об. ст.$_3$; 462 л. ст.$_3$.
ŠÚ «его» 409$_1$; 418$_1$; 427$_1$; 428$_1$; 448$_1$.
TAG «жертвовать», «пожертвование» 448$_{7,11,11,15,17}$; 449$_1$.
TAG-ṣi-ni-ni 448$_{19}$.
TAR «увозить» (?) 452$_5$.
TI «живой» 333 л. ст.$_6$; 456$_5$; 457 л. ст.$_4$; 462 л. ст.$_4$.
TÚG «платье», «одежда» 463$_{4,6}$.
TUR «малый», «маленький» 448$_{13}$.
TUR^{UÁ}-ni 450$_2$.
TUR-ḫi 460 л. ст.$_7$.
TUR-ia 450$_2$.
TUR-li 448$_{12}$.
UD^{ME} «день» 417$_7$; 418$_{10}$; 462 л. ст.$_{15}$.
UDU «овца», «мелкий рогатый скот» 448$_{7,7,8,8,8,14}$; 463$_4$.
^{LÚ}UKÙ^{MEŠ}-se «народ», «люди» 286 л. ст.$_{16}$.
URU «город», «населенный пункт»; также детерминатив городов, населенных пунктов 286 л. ст.$_1$; 372$_{3,9,10,14,14,15,17,21,24,26}$; 373$_{2,7,8,12,12,13,15,19,23,25}$; 374$_{2,6}$; 375$_{8,8}$; 376$_{16,16,32,32}$; 379$_{14,14}$; 381$_{1,1}$; 388$_{4,10,10}$; 389$_4$; 390$_{10,10}$; 396—397$_{7,7}$; 405$_1$; 409$_2$; 416a$_{1,1}$; 417$_{7,7,8,10,10}$; 419$_{16,16}$; 426$_{6,6}$; 445$_{6,9}$; 446$_{7,8}$; 448$_{2,19}$; 455$_5$; 459$_{1,1}$; 460 л. ст.$_4$; 462 л. ст.$_{4,13}$.
URU-e 463$_1$.
URU-ri-še 333 л. ст.$_{10}$.
^{LÚ}UR.ZÍR «псарь» 286 л. ст.$_{14}$.
^{D}UTU «бог Шивини» (бог солнца) 372$_{26}$; 373$_{26}$.
^{D}UTU-ni 383$_{13}$; 448$_7$; 450$_9$.
^{D}UTU-ni-ka-i 418$_{10}$.
^{D}UTU-še 382 об. ст.$_{10}$; 383$_{11}$; 450$_8$.
ÙZ «коза» 463$_7$.
^{D}X «бог Тейшеба» 372$_{26}$; 373$_{26}$.
ZAB «воин» 329 л. ст.$_4$.
ZAB-a-di 333 л. ст.$_7$.
ZAG 463$_{3,5}$.
ZI «душа», «человек» 448$_{20,21}$.
ZÍZ «эммер», «полба» 333 л. ст.$_7$.

II. УРАРТСКИЕ СЛОВА В ФОНЕТИЧЕСКОМ НАПИСАНИИ

a-di-AL 462 об. ст.$_{1}$.
a-di-ri 462 об. ст.$_{5}$.
a-du-nu-si-ni 449$_{5,9}$.
agu- «уводить», «вести».
a-gu-li 448$_{12}$; 462 об. ст.$_{7,11}$.
agununi «укрепленный».
a-gu-nu-ú-ni 417$_{8}$.
ʾaḫu-
ʾa-ḫu-li-i-ni 449$_{7}$; 451$_{5}$.
ʾa-ḫu-li-ni 448$_{13}$; 451$_{11}$.
LÚ$_{a}$-ḫu-pa 462 л. ст.$_{12}$.
aini «кто-нибудь».
a-i-ni-i 383$_{5}$; 384$_{3}$; 448$_{21}$.
aišei «когда-нибудь».
a-i-še-e-i 372$_{19}$; 373$_{16}$.
akuki какое-то указательное местоимение. По мнению И. М. Дьяконова, «вот этот самый».
a-ku-ki 286 л. ст.$_{1}$.
alagi (alaji) «хозяин».
a-la-gi 456$_{9}$; 460 л. ст.$_{9}$.
a-la-gi-e 462 об. ст.$_{4}$.
a-la-ša-ši-li 446$_{4}$.
al-di 448$_{21}$.
ʾaldu- «позаботиться» (?), «беречь» (?), «щадить» (?).
ʾa-al-di-tú-ú-ni 455$_{12}$.
ʾa-al-du-bi 445$_{7}$; 446$_{10}$.
ʾa-al-du-ú-lu-li 462 л. ст.$_{6}$.
ali «когда».
a-li 386$_{6}$.
ali относительное местоимение «который».
a-li 382 об. ст.$_{4,5}$; 448$_{2,6,8,14,14,16,18,21,22}$; 449$_{2,6,8,10}$; 450$_{3}$.
a-li-e 448$_{19}$; 449$_{3,5,7,10}$; 451$_{2,3,5,6,7,9}$; 462 об. ст.$_{6}$.
a-li-li 462 об. ст.$_{8}$.
a-li-a-še 462 об. ст.$_{10}$.
ale (ali) «(он) говорит».
a-li 382 л. ст.$_{3,26}$; об. ст.$_{3}$; 384$_{1}$; 386$_{2}$; 389$_{7}$; 395$_{4}$; 396—397$_{3}$; 445$_{2}$, 446$_{2}$; 451$_{4,7}$; 457 л. ст.$_{1}$.
a-li-e 383$_{1}$; 417$_{6}$; 418$_{3}$; 446$_{11}$.
a-li-ú-ni 457 об. ст.$_{2}$.
alsu(i/e)(ni) «великий».
al-su-(i)-ni 375$_{7}$.
al-su-i-ni 376$_{13,29}$; 379$_{12}$; 396—397$_{6}$; 459$_{1}$.
al-su-ú-i-e 417$_{9}$.
al-su-ú-i-ni 390$_{8}$.
alsuiše «величие».
al-su-i-še 418$_{8}$; 448$_{5}$.
al-su-i-ši-i-ni 422$_{2}$.
al-su-i-ši-ni 375$_{5}$; 381$_{1}$; 388$_{7}$; 391—394$_{1}$; 416a$_{1}$; 423$_{2}$; 445$_{1}$; 446$_{1}$; 453 a—x$_{1}$.
al-su-ši-ni 379$_{9}$; 386$_{1}$; 390$_{1,6}$; 459$_{1}$.
al-su-u-i-ši-i-ni 376$_{10}$.
al-su-ú-i-ši-i-ni 376$_{26}$.
al-su-ú-i-ši-ni 419$_{2}$.
aluki относительное местоимение.
a-lu-ki 404$_{6}$.
alusi «правитель», «господин».
a-lu-si 375$_{8}$; 376$_{16}$; 379$_{14}$; 381$_{1}$; 388$_{10}$; 390$_{10}$; 396—397$_{7}$; 416a$_{1}$; 417$_{10}$; 419$_{16}$; 426$_{5}$; 448$_{17}$; 459$_{1}$.
a-lu-ú-si-e 376$_{31}$.
a-lu-šá-i-ni 457 л. ст.$_{11}$.
aluše урартское относительное местоимение в эргативном падеже: «кто», «который».
a-lu-še 382 об. ст.$_{7,8,8}$; 382a$_{x+3,x+5}$; 383$_{2,3,5,7}$; 384$_{1,2,3}$; 446$_{11}$; 449$_{6}$; 450$_{4,4,4,5,5,6}$; 451$_{4}$.
a-lu-uš-ni 382 об. ст.$_{7}$.
al-zi-na-i 448$_{9}$; 452$_{10}$.
a-ma-ni 404$_{6}$; 451$_{10}$.
a-mu-li-ni 449$_{8}$; 451$_{6}$.
andani «с одной стороны» (?) (M. Salvini).
an-da-ni 419$_{8}$.
aqarqi (a — сокращенное написание «aqarqi») название одной из урартских мер емкости жидких тел. 467—501; 505 a—x; 506—522.
a-qar-qi 504$_{1}$.
ar(a)ni «милость» (?).
ar-a-ni 382 л. ст.$_{22,45}$
ar-ni 418$_{9}$; 448$_{5}$.
ardiše «сила», «власть», «повеление», «приказ».
ar-di-še 418$_{9}$; 448$_{5,6}$.
ardu «давать».
ar-di-a-ni 450$_{2}$.
ar-du-li 449$_{1}$.
ar-du-li-ni 448$_{18,19}$.
ʾari «зернохранилище».
ʾa-a-ri 399$_{3}$; 402$_{4}$.
ʾa-ri 401$_{3}$; 420$_{3}$; 421$_{3}$; 422$_{5}$; 423$_{5}$.
ʾa-ri-e 458$_{2}$.
ʾa-ri-li 419$_{7}$.
armuzi «семья» (?).
ar-mu-zi 383$_{12}$; 450$_{9}$.
arniuše «деяние», «подвиг».
ar-ni-u-ši-ni-li 389$_{9}$.
URU$_{ar}$-ṣu-ni-ú-i-ni 382 об. ст.$_{1}$.
LÚ$_{ar}$še «дитя», «отрок».
LÚ$_{ár}$-še 286 л. ст.$_{11}$.
ar-šú-di-a-še-ni 462 об. ст.$_{7}$.

aru «давать».
a-ri 456_{10}.
a-ri-a-ni 456_{8}.
a-ri-e 460 об. ст.$_{2}$.
a-ri-e(-e) 457 об. ст.$_{1}$.
a-ru-ni 418_{4}; 448_{3}.
a-ru-ni-e 372_{20}; 373_{17}.
a-ru-ú-ni 455_{3}.
ašdu «превращать», «определять».
áš-du-li 449_{10}.
áš-du-li-e 448_{21}; 451_{7}.
áš-du-li-ni 448_{14}; 451_{9}.
áš-du-li$_{9}$-ni 448_{16}.
áš-du-ú-ni 448_{21}.
aše «когда».
a-še 286 л. ст.$_{4}$; $448_{10,11,12,19,22}$; $449_{4,7}$; $451_{3,5}$.
aše «щит».
a-še 405_{1}; 406_{1}.
ʾa-še «мужчина» 386_{7}.
ašgu «захватывать».
áš-gu-bi 417_{7}.
áš-ḫa-áš-ti-ni 448_{16}.
a-ši-ḫu-si 419_{5}. Ср. 403.
a-ši-i-ni 448_{22}.
áš-ka-dè 460 л. ст.$_{10}$.
áš-ka-ṭè-ni 449_{11}; 451_{8}.
ašu «оставлять», «поселять».
a-šú-li 448_{20}; 449_{2}.
a-šú-me 286 л. ст.$_{4}$.
^{LÚ}ate «отец».
^{LÚ}a-te-i-ni 373_{5}.
atḫu «разыскивать» (?) «находить» (?) (И. М. Дьяконов).
at-ḫi-e 456_{10}; 460 об. ст.$_{2}$.
atqanadu «пожертвовать», «посвящать».
at-qa-na-du-ni 418_{2}; 448_{2}.
^{LÚ}a-u-e-i-ṭè-ni 449_{2}.
auie «где-нибудь» (?)
a-ú-i-e 450_{10}.
baba «гора»; babani «горный».
ba-ba-ni 417_{3}.
^{ŠADU}ba-ba-na-ni 386_{5}.
badusi/e «величественный» (?), «великолепный» (?).
ba-a-du-ú-si-e 375_{4}.
ba-a-du-ú-si-i-e 376_{8}; 378_{6}; 379_{8}.
ba-du-si 388_{3}; 389_{3}.
ba-du-si-e 374_{6}; 382 об. ст.$_{3}$; 390_{4}; 418_{2}; $448_{2,4}$.
ba-du-si-i-e $371_{1,2}$; 372_{4}; 373_{2}; 374_{3}; 376_{23}; 377 шир. ст.$_{5}$.
ba-du-si-i-e^{MEŠ} 377 узк. ст.$_{6}$.
ba-du-si-ni 14 + 16_{1}.
bar-za-ni 448_{19}; 449_{1}.
bar-zi-di-bi-du-ni $379_{4,6}$.
ba-at-qi-i-a-ni $382a_{x+6}$.
bauše «слово», «приказ».
ba-a-u-ši-ni 372_{5}; 373_{3}.
ba-u-še 462 л. ст.$_{1}$.
ba-ú-še 333 л. ст.$_{1}$; 455_{3}; 456_{1}; 461_{1}.
ba-ú-ši-na-ni 450_{2}.
ba-ú-ši-ni-li 462 об. ст.$_{9}$.
b^{e}/i di «позади», «раньше».
be-di 14 + 16_{1}.
b^{e}/i di(ni) «сторона», «со стороны».
be-di-i-ni 382 л. ст.$_{5,38}$.
be-di-ni 382 л. ст.$_{16,39}$.
bi-di $448_{4,5,9}$.
bi-di-ni $418_{8,8}$.
bidia «повернуться», «поворачиваться».
bi-di-a-di 445_{5}; 446_{5}.
bi-di-i-a-di 386_{6}.
bidu «вернуть», «возвращать».
bi-di 457 об. ст.$_{1}$.
bi-di-i 455_{7}; 460 об. ст.$_{2}$.
bi-du-ú-ni 457 л. ст.$_{9}$.
da-ú-še 462 л. ст.$_{9}$.
dida «доля» (?) «имущество» (?) (И. М. Дьяконов).
di-da-gi-e 462 об. ст.$_{1}$.
dudi «межевой столб» (?) (И. М. Дьяконов).
du-di-gi-e-di 462 л. ст.$_{11}$.
du «делать».
du-li-e 382 об. ст.$_{9}$; 383_{6}; 384_{6}; 450_{5}.
durubaie «восставший», «мятежник».
du-ru-ba-i-e 373_{20}.
du-ur-ba-i-e $372_{8,22}$; 373_{6}.
eʾa (eia) «и», «также».
e-ʾa 333 л. ст.$_{11}$; 376_{5}; 382 л. ст.$_{11,11,12,22,23,34,35,45,46}$; $418_{2,6}$; 419_{6}; 445_{8}; 446_{7}; 448_{1}; 462 об. ст.$_{10}$.
e-ia 448_{5}.
^{KUR}eba(ni) «страна», «область».
^{KUR}e-ba 463_{2}.
^{KUR}e-ba-a-ni $372_{11,25}$, $373_{9,24}$.
^{KUR}e-ba-a-ni-i 372_{15}; 373_{13}.
^{KUR}e-ba-ni 462 л. ст.$_{18}$ об. ст.$_{3}$.
^{KUR}e-ba-ni-a 460_{8}.
^{KUR}e-ba-ni-e 417_{3}.
edini «оттуда»; также в значении послелога «из», «от», «ради».
e-di-ni 382 об. ст.$_{12}$; 395_{5}; 426_{2}; 448_{10}.
e-ku-ri-e 462 об. ст.$_{12}$.
e-li-a-ʾi 333 л. ст.$_{9}$.
el-mu-še 395_{7}; $448_{10,13}$; 449_{11}; $451_{8,11}$.
e-ra-ši-ni 448_{14}.
esi «место».
e-si 372_{7}; 373_{5}; 449_{4}; 451_{3}.

e-si-i 286 л. ст.$_4$; 448$_4$.
e-si-ni 382 a$_{x+10}$.
e-si-ni-ni 450$_7$.
LÚ ešiate «слуга» (?) (И. М. Дьяконов).
LÚ e-ši-a-te 286 об. ст.$_1$.
e-ši-me-ṣi 395$_7$; 448$_{10,13}$; 449$_{11}$; 451$_{8,11}$.
e-ú-e 382a$_{x+8}$.
euri «господин», «владыка».
e-u-ri-e 405$_1$; 406$_1$.
e-ú-ri-e 149a л. ст.$_1$; 376$_{1,17}$; 388$_1$; 389$_1$; 408$_1$; 418$_3$.
e-ú-ri-i-e 378$_3$; 395$_1$.
[ ]-ri-e 407$_1$.
LÚ GIŠ ga-ru-ur-da-a 286 об. ст.$_9$.
gazuli «хороший», «прекрасный».
ga-zu-li 449$_3$.
ga-zu-li-e 451$_2$.
gi(ei) «что-нибудь».
gi-e-i 14 + 16$_1$; 396—397$_5$; 450$_1$.
gi-i 448$_3$.
gi-ni-ni 462 об. ст.$_2$.
gu-u-nu-u-e 373$_{27}$.
gu-u-nu-u-i-e 372$_{27}$.
guni «истинный» (?) «правильный» (?), «воистину» (?) (И. М. Дьяконов).
gu-ni 333 л. ст.$_6$; 448$_{6,6}$; 450$_3$; 456$_5$; 457 л. ст.$_5$; 462 л. ст.$_4$ об. ст.$_{11}$.
gunuše «битва», «война».
gu-nu-ša 417$_8$.
gu-nu-šá-a 445$_8$; 446$_8$.
gurbini (?) «колчан» (?).
gur-bi-ni 428$_1$.
ḫa-ab-ti-ni 449$_{10}$.
ḫaiu «брать», «захватывать», «завоевывать».
ḫa-a-i-a-la-a-ni 372$_{19}$; 373$_{16}$.
ḫa-a-ú-ni 372$_{14}$; 373$_{18}$.
ḫa-ú-bi 386$_3$; 417$_{6,8}$; 445$_{6,8}$; 446$_8$; 449$_6$.
ḫa-u-ni 373$_{12,23}$.
ḫa-ú-ni 372$_{14,21,24,24}$; 373$_{12,23}$.
ḫa-ú-ú-li 445$_7$; 446$_9$.
LÚ ḫal-bi-ú-ni 286 об. ст.$_3$.
ḫi-il-ḫi-li 462 л. ст.$_{10}$.
ḫin^e/i «теперь» (И. М. Дьяконов).
ḫi-ni 456$_9$; 460 л. ст.$_9$; 462 л. ст.$_{16}$ об. ст.$_4$.
ḫi-ni-e 457 л. ст.$_8$.
ḫi-ša-ni-be 372$_{27}$; 373$_{27}$.
ḫušagie (ḫušaje) форма причастия от ḫušu «бросать».
ḫu-ša-a-gi-e 462 л. ст.$_{17}$.
ḫu-tú-ni-pi 462 л. ст.$_{15}$.
ibirani «целиком» (?), «полностью» (?).
i-bi-ra-a-ni 462 л. ст.$_{14}$.
ieše «я» (эрг. п.).
i-e-še 383$_8$; 418$_4$; 450$_{3,6}$; 452$_3$.
i-gi-di 451$_{10}$.
ikukani «тот самый», «тот».
i-ku-ka-a-ni 372$_{22}$; 373$_{20}$.
ina «тут» (?); «здесь» (?) (от ini?).
i-na-a 382 об. ст.$_{5,6}$.
ini «этот», «это».
i-na-a-[ ] 448$_9$.
i-na-a-ni 450$_1$.
i-na-ni 404$_3$.
i-na-ni-i 395$_5$.
i-ni 14 + 16$_{1,2}$; 15+118$_{1,2,3}$; 149a л. ст.$_2$; 371$_{1,2}$ 375$_3$; 376$_{4,18}$; 379$_4$; 380$_1$; 383$_2$; 384$_1$; 388$_1$; 390$_4$; 391—394$_1$; 395$_2$; 396—397$_1$; 399$_3$; 401$_3$; 402$_4$; 405$_1$; 406$_1$; 407$_1$; 409$_1$; 418$_1$; 419$_5$; 420$_3$; 421$_3$; 422$_5$; 423$_5$; 427$_1$; 428$_1$; 445$_8$; 448$_{1,16}$; 449$_5$; 450$_4$, 451$_3$; 453 a—x$_1$; 458$_2$; 462 об. ст.$_{4,6,10,10,13}$.
i-ni-e 446$_{11}$.
i-ni-e-i 372$_{27}$; 373$_{27}$.
i-ni-li 382 об. ст.$_9$; 383$_6$; 384$_3$; 419$_6$; 448$_4$; 450$_5$.
inuki «этот (самый)».
i-nu-ki 14 + 16$_1$.
ipḫie форма повелительного наклонения от ipḫu «разбивать»?
ip-ḫi-e 451$_{10}$.
irbu «забирать», «захватывать».
ir-bu-ni 456$_7$.
ir-bu-ú-ni 462 л. ст.$_{17}$.
ir-ḫa-ma-tú-ú-ni 462 л. ст.$_{16}$.
ir-nu-tú-ḫi-e 373$_{30}$.
iridu «изменять (место)».
i-ru-i-du-li 449$_7$; 451$_5$.
i-si 450$_1$.
isiqi какой-то предмет из дерева.
i-si-qi 409$_1$.
i-šá-ḫi-ni 449$_4$; 451$_3$.
išani «с той (стороны)», «оттуда».
i-šá-ni 445$_5$; 446$_5$; 449$_{15,17,20}$; 462 л. ст.$_{18}$.
ištini «там».
iš-ti-ni 389$_9$; 396—397$_5$; 399$_4$; 401$_4$; 402$_6$; 418$_7$; 419$_{9,11,12}$; 420$_4$; 422$_6$; 423$_7$; 449$_{3,9,13}$; 451$_6$; 458$_3$.
iu «когда».
i-ú 372$_7$; 373$_5$; 409$_2$.
i-ú-me 448$_3$.
kagani (kajani) «перед ним» (И. М. Дьяконов).
ka-ga-a-ni 462 л. ст.$_{12}$.
kaguki (kajuki) «передо мной».
ka-gu-ú-ki 418$_5$.

kaipiu «у (перед) тебя» (И. М. Дьяконов).
ka-i-pi-ú 460 л. ст.$_{10}$.
kam-ni 448_{21}.
kam-ni-ni 448_{19}.
kapi мера сыпучих тел. Идеографическое написание: BANEŠ (см.). В новоассирийскую эпоху в Месопотамии содержал 25—26 литров— см. M. Salvini. «Studi Micenei ed Egeo-Anatolici», fasc. 9, 1969, стр. 20, а также G. A. Melikišvili, Die Urartäische Sprache, Rome, 1971, стр. 105.
ka-pi 399_4; 401_4; 420_4; 422_6; 423_7; 458_3.
ka-pi-e 402_6; 462 об. ст.$_7$.
ka-pi-tú-ni 462 л. ст.$_{10}$.
ka-qu-li 448_{13}.
karu «покорить», «подчинить».
ka-ru-bi 445_5; $446_{3,6}$.
ka-ru-bi-e 445_3.
ka-ru-ni $372_{8,9,10}$; $373_{,7,8}$; 417_2.
ka-ru-ú 462 л. ст.$_{14}$.
^{LÚ}kirini «чашеносец» (?) (И. М. Дьяконов).
^{LÚ}ki-ri-ni-e-i 286 л. ст.$_8$.
kubuše «шлем».
ku-bu-še 427_1.
ku-bu-še-e 407_1.
kuiu — «воздвигать» (?).
ku-gu-ni $376_{4,21}$.
kui усилительная частица «же», «даже».
ku-i $448_{20,21}$.
kulmu «обогащать» (?). Ср. kulme.
ku-ul-mu-li-ni 449_3; 451_2.
ku-me-mu-še 449_6; 451_4.
kuruni «могучий», «мощный».
ku-ru-ni $372_{11,12}$; $373_{9,10}$.
ku-ru-ni-ni $417_{3,4}$.
ku-ur-ni 404_5.
kušu «воздвигать», «строить».
ku-ši-i-ni $448_{15,16}$.
ku-šú-ni 418_2; 448_2.
kuṭia-, kutu- («продвигаться (к)» (?), «доходить (до)» (?).
ku-ṭè-a-di 446_4.
ku-ṭu-ni 372_{15}; 373_{13}.
ku-ú-ṭè-a-di 445_4.
ḷi-li 329 л. ст.$_{x+3}$.
^{KUR}lulu(inili) «вражеская (страна)».
^{KUR}lu-lu-e 404_2.
^{KUR}lu-lu-i-na-ú-[ ] 388_6; 389_6.
^{SAL}lutu «женщина».
^{SAL}lu-tú 386_7.
mani «его».
ma-a-ni 382 об. ст.$_{11}$; 383_{12}.
manu «быть», «существовать».
ma-a-nu 385_2; 396—397_4.
ma-a-nu-li 382 л. ст.$_{18,41}$.
ma-a-nu-li-ni 382 л. ст.$_{23,46}$.
ma-a-nu-ú-ni-e 395_8.
ma-ni-ni 418_7; $448_{5,20}$.
ma-nu 372_8; 373_6; 389_8; 448_2; 449_9; 451_6.
ma-nu-li $448_{7,14,17,19}$; 449_4; 451_3; 460 л. ст.$_9$.
ma-nu-ni $448_{10,13}$.
ma-nu-ú-bi 457 л. ст.$_7$; 462 л. ст.$_{19}$ об. ст.$_1$.
ma-nu-ú-lu 372_{23}; 373_{21}.
ma-ri-a-ḫi-ni 448_{15}.
^{LÚ}mari «знатный» (И. М. Дьяконов).
^{LÚ}ma-ri-gi 286 л. ст.$_9$.
^{LÚ}ma-ri-ḫi $328a_4$.
masi «свой».
ma-si-ni 372_8; 373_6.
ma-si-ni-e 417_1.
ma-si-ni-li 448_9.
mei запретительная отрицательная частица «пусть не»; также в значении союза «но».
me-i 395_7; $448_{10,13,21}$; $449_{9,9,11}$; $450_{1,2}$; $451_{8,9,11}$; 452_{11}.
mi-i 457 л. ст.$_{11}$.
me-na-ni 395_5.
meru
me-ri-ip-te 448_{17}.
me-ru-ni 448_{17}.
meše «дань».
me-ši-ni 445_7; 446_9.
muna «река» (?)
mu-na-i-di 445_5; 446_5.
mur i/e род строения.
mu-ri-e 448_2.
naḫa-(naḫi-) «приходить», «восходить (на трон)».
na-ḫa-a-be 372_7; 373_5.
na-ḫa-di 448_3.
na-a-ḫi-i-be 373_{28}.
na-ḫi-be 372_{28}.
na-ḫi-zi-e 448_{20}.
napaḫia «усмирение» (?).
na-a-pa-ḫi-a-i-di 445_{10}.
na-pa-ḫi-a-i-di 388_6; 389_6.
nau
na-ú-bi 462 л. ст.$_{15}$.
nipsidu «зарезать» (?).
ni-ip-si-du-li $448_{7,12}$.
ni-ip-si-du-li-i-ni 448_{10}.
ni-ip-si-du-li-ni 448_{11}.
nu-lu-uš-tú-ú-i-ni-ni $382a_{x+7}$.

nuna «прийти», «приходить».
nu-na-a-li 462 л. ст.$_{10}$.
paḫazuli род строения (мн. ч.?).
pa-ḫa-zu-li 448_{11}.
^{GUD}pa-ḫi-ni «бык», «крупный рогатый скот».
^{GUD}pa-ḫi-ni 448_{10}.
^{LÚ}palagi (^{LÚ}palaji?) название какой-то категории служителей храма? (Н. В. Арутюнян).
^{LÚ}pa-la-gi 448_{14}.
palia «лгать» (И. М. Дьяконов).
pa-li-a-bi 462 об. ст.$_{2}$.
pari «до».
pa-ri $372_{16,16}$; $373_{14,14}$; 445_{4}; 446_{4}.
pa-ri-e $382a_{x+9}$; 462 л. ст.$_{11}$.
paru «уводить» (см. И. М. Дьяконов, УПД, стр. 90).
pa-ra-tú-ú-bi 462 л. ст.$_{18}$.
pa-ru-bi 386_{7}.
parulu «уводить» (И. М. Дьяконов, УПД, стр. 90).
pa-ru-li-li 462 об. ст.$_{12}$.
pa-ru-ul-tú-ú-bi 462 л. ст.$_{7}$.
pi(ei) «под».
pi-e-i 446_{9}; 450_{9}.
pi-i 445_{7}.
pini «из-под».
pi-i-ni 383_{13}.
pišuše «радость».
pi-šu-še 418_{9}; 448_{5}.
pišušini «радостный».
pi-šu-ši-ni-li 418_{10}.
pitu «разбить», «уничтожить».
pi-tú-li-e 382 об. ст.$_{7}$; 450_{4}.
pi-tú-li-i-e 384_{2}.
pi-tú-ú-li-e 383_{4}.
$^{(NA_4)}$pulusi «стела (с надписью)», «надпись».
pu-lu-si 376_{4}; 382 об. ст.$_{1,6}$.
^{NA_4}pu-lu-si-ni-e 455_{11}.
^{NA_4}pu-lu-ú-si 376_{18}.
qabqaršu «овладевать».
qa-ab-qa-ar-šu-u-tú-u 373_{15}.
qa-ab-qa-ar-šú-ú-tú-ú 372_{18}.
qarbi «скала» (?).
qar-bi 448_{2}.
qarqarani «панцирь».
qar-qa-ra-ni 149a л. ст.$_{2}$.
qa-sa-a-ni 462 об. ст.$_{3}$.
qiura «земля».
qi-ú-ra-a-ni 382 об. ст.$_{12}$; $396—397_{4}$.
qi-ú-ra-a-še 382 об. ст.$_{10}$.
qi-u-ra-ni-372_{26}; 373_{26}.
qi-ú-ra-ni 389_{7}.
qudulani «храм» (?) (Н. В. Арутюнян).
qu-du-la-ni 448_{7}.
quldini «пустынный» (?).
qul-di-ni-ni 448_{13}; 449_{8}; 451_{11}.
qu-ul-di-i-ni 389_{8}; $396—397_{4}$.
qu-ul-di-ni 449_{3}.
qu-ul-di-ni-ni 451_{6}.
quṭura категория рабов (?) (И. М. Дьяконов).
qu-ṭu-ra-di 455_{6}.
salmatḫi «с другой (стороны)» (?) (M. Salvini).
sal-ma-at-ḫi 419_{10}.
salzi «крутой» (?).
sal-zi 448_{2}.
^{SAL}sila «дочь».
^{SAL}si-la-a 457 л. ст.$_{5}$.
sidu
si-di-tú-bi 333 л. ст.$_{8}$.
si-du-li-i-e 382 a_{x+4}.
silištili (sil-išt-?) — ср.
silua-, silunini (Н. В. Арутюнян).
si-li-iš-ti-li 448_{9}.
si-ip-ru-gi-ni 418_{10}.
sirḫani «дом» (É) sirhani» — какое-то культовое сооружение.
si-ir-ḫa-ni-ni $449_{15,16,20,22}$.
su-du-me-ni-e-di 462 об. ст.$_{8}$.
suduštu
su-du-uš-tú-ú 462 об. ст.$_{8}$.
su-du-uš-tú-ú-ni 462 л. ст.$_{13}$.
su-ḫur-da-ḫi 462 л. ст.$_{8}$.
^{S}uluštu «склоняться», «пасть ниц».
su-lu-uš-tú-ú-ni 333 л. ст.$_{12}$.
susi вид культового сооружения.
su-si 418_{1}.
su-si-e 378_{4}; 448_{1}.
su-si-ni-ka 448_{16}.
su-u-si-e $396—397_{1}$.
suiu
su-u-i-ú-li 448_{9}.
su-nu-e 449_{7}; 451_{5}.
su-ri 448_{21}; 462 л. ст.$_{9}$.
^{LÚ}ṣi-pi-ka-a-ni 286 об. ст.$_{5}$.
ṣi-pu-li-ni 395_{6}.
šaei род дерева.
^{GIŠ}ša-e-i 409_{1}.
šaša «войти» (?), «вступать» (?).
šá-šá-di 445_{2}.
šatu «брать».
šá-tú-ú-bi 452_{5}.
šeirdu «отделять», «скрывать».
še-ir-du-li-e 382 об. ст.$_{8}$; 450_{5}.
šeirḫini «отделенное», «выделенное» (?) (Н. В. Арутюнян).

$\check{s}e$-ir-$\underline{h}$i-ni 448_4.
^{LÚ}$\check{s}e$-e-lu-i-ni-e 404_5.
$\check{s}eri$ (эрг. п. мн. ч.— $\check{s}eraše$) «отдельный», «другой», «чужой».
$\check{s}e$-ra-a-$\check{s}e$ 372_{17}; 373_{15}.
$\check{s}ia$ «уходить», «отправляться».
$\check{s}i$-a-bi 462 л. ст.$_{12}$.
^{LÚ}$\check{s}iardi$ «посылаемый» (?) «лазутчик» (?) (И. М. Дьяконов).
^{LÚ}$\check{s}i$-ar-di-a-li 462 л. ст.$_5$.
$\check{s}idištu$ — «построить», «сооружать»
$\check{s}i$-di-iš-tú-a-li 372_3; 373_2; 377 шир. ст.$_4$ узк. ст.$_5$.
$\check{s}i$-di-iš-tú-bi 418_6; 445_8; 452_4.
$\check{s}i$-di-iš-tú-li 448_{11}.
$\check{s}i$-di-iš-tu-ni 375_3; 409_2.
$\check{s}i$-di-iš-tú-ni $14+16_{1,2}$; $371_{1,2}$; $372_{4,25}$; $373_{2,25}$; $374_{3,6}$; 376_7; 378_4; 388_3; 389_3; $396—397_3$; 418_1; 448_1.
$\check{s}i$-di-iš-tú-ŠI 374_5.
$\check{s}i$-di-iš-tú-ú-a-li 376_6.
$\check{s}i$-di-iš-tú-ú-li 448_4.
$\check{s}i$-di-iš-tú-ú-ni 376_{22}; 378_5; 379_7; 395_3.
$\check{s}i$-i-di-i-iš-tú-ú-ni 390_5.
$\check{s}idu$ «строить», «воздвигать».
$\check{s}i$-da-ú-ri $14+16_2$; 448_3.
$\check{s}i$-da-ú-ri-e $396—397_5$.
$\check{s}i$-du-li-ni 395_6; 448_{10}.
$\check{s}i$-e-du-li 449_{11}.
$\check{s}i$-e-du-li-ni $451_{8,9}$.
$\check{s}i$-i-ni $448_{15,17,17,20}$.
$\check{s}i$-la-ni-ni $448_{20,21}$.
$\check{s}i$-ni-ni 462 об. ст.$_{11}$.
$\check{s}i$-si-ni 449_3.
$\check{s}iu$ «отправлять», «посылать».
$\check{s}i$-ú-li 448_{22}.
$\check{s}i$-ú-li-e 450_7.
$\check{s}i$-ú-ni 333 л. ст.$_{2,10}$; 456_2; 461_2; 462 л. ст.$_1$.
$\check{s}i$-ú-di-li 462 об. ст.$_5$.
$\check{s}u\underline{h}i$ «новый».
$\check{s}$ú-$\underline{h}$i $382a_{x+6}$; 418_7.
$\check{s}$ú-$\underline{h}$i-na-$\check{s}$i 448_7.
$\check{s}uia$ «вражеский».
$\check{s}u$-ia-i-di 418_{11}.
$\check{s}$ú-ia-ni 386_5.
$\check{s}uini$ «иной» (?), «чужой» (?) «другой» (?), «всякий» (?) (И. М. Дьяконов).
$\check{s}$ú-i-ni 460 л. ст.$_1$.
$\check{s}$ú-i-ni-ni 448_{18}.
$\check{s}uki$ «как» (?).
$\check{s}$ú-ú-ki 418_4.
$\check{s}u$ ('') «создавать», «устраивать».
$\check{s}u$-'a-li 419_7.
$\check{s}$ú-ni 420_3.
$\check{s}u$-u-ni 399_3;] 423_5.
$\check{s}$ú-u-ni 401_3; 421_3; 422_5.
$\check{s}u$-ú-ni 402_4; 458_2.
^{GIŠ}$\check{s}uri$ «оружие» (?).
^{KUR}$\check{s}uri$ «народ-войско страны», совокупность стран (народов), «мир» (?).
^{KUR}$\check{s}$ú-ra-u-e 448_6.
$\check{s}u$-ri-e 372_9; 373_7.
$\check{s}u$-ri-i 372_{12}; 373_{10}.
^{GIŠ}$\check{s}$ú-ri-i 417_4.
^{GIŠ}$\check{s}$ú-ri-i-e 417_1.
^{KUR}$\check{s}$ú-ri-li_9 448_{16}.
^{KUR}$\check{s}$ú-ú-ra-a-ú-e 376_{14}.
$\check{s}usi$ «один», «некий» (?).
$\check{s}$ú-si-e 457 л. ст.$_5$.
$\check{s}u$-si-e 450_6.
$\check{s}u\check{s}e$ «мелкий рогатый скот».
$\check{s}$ú-$\check{s}e$ 463_6.
$tanaṣi$ «подсвечник».
ta-na-a-$ṣi$ 443_2.
$tanu$ «делать», «создавать», «сооружать».
ta-nu-li 448_{10}.
ta-nu-li-ni 448_9.
$tara(e)$ «большой», «великий», «старший».
tar-a 286 л. ст.$_2$.
tar-a-i-e 375_6.
tar-a-ni 462 л. ст.$_8$.
^{LÚ}tar-da-áš-$\underline{h}$i-e л. ст.$_7$.
tar-ur [ ] 329 л. ст.$_{x+3}$.
$tequ$ «повергать».
te-qu-ni 418_5.
$terdu$ «класть», «ставить», «установить».
te-ir-di-la-ni $382a_{x+2}$.
te-ir-du-li_9 449_4.
te-ir-du-li-ni $449_{3,5,9}$; $451_{2,3}$.
te-ir-tú-ú-bi 462 об. ст.$_3$.
$teru$ «поставить», «установить».
te-e-la-a-ni $382a_{x+10}$.
te-ri-e 462 об. ст.$_9$.
te-ru-bi 388_4; 389_4; $418_{7,7}$; 445_9.
te-ru-ni 376_{23}; 418_{11}.
te-ru-ú-bi 382 л. ст.$_{12,35}$ об. ст.$_{4,5,6}$.
$tiau$ «сказать», «говорить».
te-e 462 об. ст.$_{7,11}$.
ti-e 462 л. ст.$_2$.
ti-i-e 333 л. ст.$_2$; 456_2; 457 л. ст.$_1$; 461_2.
ti-ú-li-e 383_8; 450_5.
$tini$ «имя».
ti-i-ni 376_{25}; $382a_{x+2}$; 450_9; 452_6.
ti-ni 379_6; 388_4; 389_4; 445_9.
$turu$ «разбивать», «уничтожать».
tú-li-e 382 об. ст.$_7$; 383_3; 446_{12}; 450_4.
tú-ú-li-i-e 384_2.
tú-ri-ni-ni 383_9; 450_7.

tú-ru-ti-ni-e-ni 382 об. ст.$_{11}$.
ṭirusi мера емкости жидких тел.
ṭí (сокращенное написание ṭirusi) 467—501; 505$_{a-x}$; 506—522.
ṭí-ru-si 504$_1$.
ú-a-ni-še 418$_9$.
udida
u-di-da-be 372$_{26}$.
ú-di-da-be 373$_{25}$.
^{LÚ}ú-din/tin 455$_4$.
^{ue}ú-e 382 a$_{x+4}$.
ú-i-e 382 a$_{x+5}$.
u-e-ir-ṭu-še 456$_8$.
u-e-ni [ ] 460 л. ст.$_7$.
ui отрицательная частица.
ú-i 14 + 16$_1$; 333 л. ст.$_{10}$; 396—397$_5$; 448$_3$; 451$_9$; 452$_2$; 456$_7$; 457$_7$; 462 об. ст.$_2$.
ú-i-me-e 460 л. ст.$_5$.
ú-kan 382 л. ст.$_{13,36}$.
ula «идти».
ú-la-bi 286 л. ст.$_3$.
ú-ú-la-li 448$_{16}$.
ú-la-a 382 a$_{x+3}$.
$^{(GIŠ)}$uldi «виноградник».
ul-da 333 л. ст.$_8$.
^{GIŠ}ul-di 418$_7$.
^{GIŠ}ul-di-e 372$_{27}$; 373$_{28}$.
ulguše «жизнь».
ul-gu-še 418$_8$; 448$_5$.
ul-gu-ši-a-ni-e-di-ni 459$_1$.
ulḫu «повелевать» (?) «приказывать» (?).
ul-ḫi 418$_5$.
uli «другой».
ú-li 448$_{16}$; 449$_5$; 450$_5$; 462 об. ст.$_{10}$.
ú-li-e 382 об. ст.$_9$.
ú-li-še 383$_7$.
ú-ú-li 448$_{14}$.
ulu «вести», «водить».
ú-lu-li-e 450$_{10}$.
ú-na-a-i-ni 462 об. ст.$_6$.
ú-na-u-e 462 об. ст.$_4$.
ú-ni-li 462 об. ст.$_{13}$.
^{LÚ}un-qa-i-ta-a-ni 286 об. ст.$_6$.
urbini «жертвенный» (?).
ur-bi-ni-e-di 333 л. ст.$_{11}$.
ur-di-a-li 448$_{13}$.
urišḫi «оружие» (?).
ú-ri-iš-ḫi 410$_1$; 411 a—x$_1$; 412—413$_1$; 416$_1$.
urišḫusi «оружейный» (?).
ú-ri-iš-ḫu-si-ni-i 443 надпись на стержне$_4$, на чаше$_1$.
urpue «жертва». Ср. urbini.
ur-pu-a-ṣi 448$_{18}$.

uše «мольба» (?), «просьба» (?) (И. М. Дьяконов).
ú-še 462 об. ст.$_6$.
ú-ši-e — И. М. Дьяконов считает формой повелительного наклонения глагола u(š)-št в значении непереходном «выходить», «выступать» и переходном «посылать» (УПД, стр. 92). 456$_{10}$; 460 об. ст.$_1$; 462 об. ст.$_5$.
ušmaše «мощь», «сила», «могущество».
uš-ma-a-še 388$_5$.
uš-ma-a-ši-i-ni 375$_1$.
uš-ma-a-ši-ni 372$_{12}$; 373$_{10}$; 377 шир. ст.$_1$; 378$_1$.
uš-ma-še 389$_5$; 418$_9$; 448$_5$.
uš-ma-ši-i-ni 374$_{1,4}$.
uš-ma-ši-ni 14 + 16$_1$; 371$_{1,2}$; 372$_{1,5}$; 373$_{1,3}$; 377 узк. ст.$_1$; 379$_1$; 402$_1$.
ušta «выступать в поход», «направиться», «отправиться».
uš-ta-a-be 372$_{8,13}$; 373$_{6,11}$.
uš-ta-a-bi 417$_1$.
uš-ta-be 372$_{23}$.
uš-ta-bi 417$_4$.
uš-ta-i-be 373$_{21}$.
uš-ta-ku-ni 451$_9$.
uštu «преподносить», «дарить», «посвящать», «отправить».
uš-tu-ni 405$_1$.
uš-tú-ni 408$_2$; 459$_1$.
uš-tú-ú-bi 333 л. ст.$_9$.
uš-tú-u-ni 406$_1$.
ú-te — возможно, ошибочное написание вместо ú-i (см.). 372$_{19}$; 373$_{16}$.
ú-ú-la-ni 462 об. ст.$_{12}$.
(w)uša «снабжение» (?), «довольствие» (?), «обеспечение» (?) (И. М. Дьяконов).
ú-ú-šá-a-li 462 л. ст.$_7$.
za-ab-zi-gi-e-di 462 л. ст.$_{16}$.
zadu «делать», «строить».
za-di 462 об. ст.$_5$.
za-di-e 456$_9$; 460 об. ст.$_1$.
za-a-du-ú-ni 15 + 118$_{1,2,3}$; 380$_1$, 391—394$_1$.
za-di-a-li 372$_{28}$; 373$_{29}$.
za-di-i-ni 448$_{15}$.
za-di-ni 448$_{17}$.
za-du[ ] 318$_{x+3}$; 414$_1$.
za-du-bi 382 об. ст.$_1$; 383$_9$; 450$_6$.
za-du-ni 379$_5$; 409$_2$; 419$_6$.
za-du-ú-bi 452$_9$.
za-du-ú-li 389$_8$.
^{GIŠ}zaluini род орудия или деревянного предмета.
^{GIŠ}za-lu-i-na 462 об. ст.$_9$.

zanida «быть любезным» (?) (И. М. Дьяконов).
za-ni-da-be 462 л. ст.$_4$.
za-ni-da-bi 333 л. ст.$_6$; 456$_5$; 457 л. ст.$_4$.
^{GIŠ}zari «(фруктовый) сад».
^{GIŠ}za-ri 418$_7$.
zašgu «умерщвлять», «убивать».
za-aš-gu-ú-ni 373$_{19,22}$.
za-aš-gu-ni 372$_{22,24}$.
zieldu «притеснять», «угнетать».
zi-el-di 448$_{18,19,20}$; 449$_1$.
zilibi «семя», «потомство».
zi-li-bi 382 об. ст.$_{12}$.
zule род орудия или деревянного предмета (И. М. Дьяконов).
^{GIŠ}zu-li-e 462 л. ст.$_9$.
zu-ma-gi 448$_{21}$; 449$_2$.
zu-ma-gi-e 448$_{22}$.
zu-ma-ṭè-i-ni-e 448$_{22}$.
[ ]-a-ḫi-ni 333 л. ст.$_5$.
[ ]-a-ṣi 445$_3$.
[ ]-du-ši-li 446$_3$.
[ ]-nu-bi 452$_2$.
[ ]-ri-li 418$_{10}$.
[ ]-ši-na-am-di-ni 448$_{22}$.
[ ]-zu-ne-a-ni 452$_{11}$.

III. СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

D'a — бог Тейшеба (?) 463$_1$.
^{I}abiliani — должностное лицо («держатель печати» ?).
^{I}a-bi-li-a-ni-še 455$_{10}$.
^{I}abiliuqu — мужское собственное имя.
^{I}a-bi-li-ú-qu-ni 460 л. ст.$_3$.
^{I}aka'a — собственное имя наместника страны Мана.
^{I}a-ka-'a-a 286 л. ст.$_3$.
^{I}aliau — собственное имя «человека посева».
^{I}a-li-a-ú-ni 462 л. ст.$_3$.
^{I}aluani — собственное имя пекаря (повара).
^{I}a-lu-a-ni-gi 457 л. ст.$_{10}$.
^{I}a-lu-a-ni-ni 457 л. ст.$_3$.
^{URU}aludiri — поселение у совр. Анзавур-тепе (около Патноца).
^{URU}a-lu-di-e-ri-i-e 374$_{2,6}$.
^{URU}a-lu-di-ri-i-e 372$_3$; 373$_2$.
^{I}alunata — собственное имя мужчины из поселения Уркиа.
^{I}a-lu-na-ta-a-ni 462$_3$.
^{KUR}alzi — страна в районе верхнего течения Тигра (поздн. армянск. Alznik, античн. Arzanene).
^{KUR}al-zi-e 372$_{22,24}$; 373$_{20,23}$.
^{I}argišti — имя нескольких урартских царей: 1) Аргишти I, сын Менуа (упоминается в надписях №№ 149а, 386—442) (786—764 гг. до н. э.?); 2) Аргишти II, сын Руса (упоминается в надписях №№ 286, 445—454) (714—685 гг. до н. э. ?).
^{I}ar-gi-iš-ti-i-še 390$_2$.
^{I}ar-gi-iš-ti 149а об. ст.$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti[ ] 407$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti-e-ḫi 419$_{14}$.
^{I}ar-gi-iš-ti-ḫi-ni-i 432а—x$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti-i 410$_1$; 411 а—x$_1$; 412—413$_1$; 416$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti-i-ni 389$_{10}$.
^{I}ar-gi-iš-ti-i-še 391—394$_1$; 395$_4$; 396—397$_2$; 402$_2$; 409$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti-ni 388$_8$; 390$_7$; 416а$_1$.
^{I}ar-gi-iš-ti-še 386$_2$; 388$_2$; 389$_{2,7}$; 395$_2$, 396—397$_3$; 405$_1$, 406$_1$.
^{I}ar-giš-te-ḫi 448$_5$; 452$_7$.
^{I}ar-giš-te-hi-ni 286 л. ст.$_1$.
^{I}ar-giš-te-ḫi-ni-še 448$_1$; 450$_3$; 453а—x$_1$.
^{I}ar-giš-ti[ ] 415$_1$.
^{I}ar-giš-ti-e 404$_4$.
^{I}ar-giš-ti-e-ḫi 426$_4$.
^{I}ar-giš-ti-e-ḫi-e 417$_5$.
^{I}ar-giš-ti-ḫi-ni-i 429$_1$; 430$_1$; 431а—x$_1$.
^{I}ar-giš-ti-ḫi-ni-še 418$_{1,11}$; 419$_4$; 420$_2$; 421$_2$; 422$_4$; 423$_4$; 427$_1$.
^{I}ar-giš-ti-i 414$_1$.
^{I}ar-giš-ti-i-še 399$_1$; 401$_1$.
^{I}ar-giš-ti-ni 396—397$_6$.
^{I}ar-giš-ti-še 149а л. ст.$_2$; 408$_1$; 446$_{2,10}$.
^{I}ar-ti-giš-še 445$_1$.
[ ]-i-še 394$_1$.
^{I}ar-giš-te-i-ir-du — поселение в Иранском Азербайджане 445$_9$.
^{KUR}arḫi — по-видимому, та же страна, которая упоминается в УКН, 127 III, по соседству с Бушту; следует локализовать юго-восточнее от центральных областей Урарту.
^{KUR}ar-ḫu-ú-e 445$_2$.
^{KUR}arṭe(ni) область или, как полагает И. М. Дьяконов, гора.
^{KUR}ar-ṭè-ni-e 462 л. ст.$_{11}$.
^{D}arubani — верховная богиня урартийцев.

^{D}'a-ru-ba-i-ni 449_{12}.
^{D}'a-ru-ba-i-ni-e 448_{8}.
^{D}'a-ru-ba-i-ni-ka 448_{15}.

^{I}'aza — название племени и занимаемой им области в Араратской долине.
^{I}'a-za-a 463_{2}.
^{I}'a-za-i-ni 448_{2}.

^{KUR}biainili — местное название страны Урарту.
^{KUR}bi-a-i-na-a-ú-e 379_{13}.
^{KUR}bi-a-i-na-u-e 448_{6}.
^{KUR}bi-a-i-na-ú-e 375_{7}; 388_{5}; 389_{5}; $396—397_{7}$; 417_{10}; 419_{15}.
^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e 390_{9}.
^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e $376_{15,30}$.
^{KUR}bi-i-a-na-ú-e 388_{9}.

^{KUR}b/pu-li-ú-ḫi-e 286 об. ст.$_{10}$.

^{KUR}buqu страна на территории Иранского Азербайджана.
^{KUR}bu-qu[ ] 446_{3}.
^{KUR}bu-qu-ú-e 445_{4}.

^{KUR}buštu — страна к югу от Урмийского озера.
^{KUR}bu-uš-tú-u-e 373_{14}.
^{KUR}bu-uš-tú-ú-e 372_{16}.

^{I}didini — мужское собственное имя.
^{I}di-di-i-ni-še 455_{9}.

^{I}erimena — царь Урарту (635—625 гг. до н. э.?).
^{I}e-ri-me-na-ḫi-ni-še 458_{1}.
^{I}e-ri-me-na-ni 457 печать$_{1}$.

^{KUR}gi-ar-ni-a-ni — совр. Гарни 386_{3}.

^{URU}gidimaru.
^{URU}gi-di-ma-ru-ni 373_{12}.
^{URU}gi-di-ma-ru-ú-ni $372_{10,14}$; 373_{8}.

^{KUR}girdu — страна в Иранском Азербайджане.
^{KUR}gi-ir-du-ni 446_{6}.
^{KUR}gír-du-ni 445_{5}.

^{KUR}gituḫani — страна в Иранском Азербайджане.
^{KUR}gi-tú-ḫa-ni-ni 445_{6}; 446_{6}.

^{D}ḫaldi — бог Халди — верховное божество урартийцев.
^{D}ḫal-di[ ] 318_{x+4}; 382 л. ст.$_{1,2,24,25}$; 448_{8}; 451_{4}.
^{D}ḫal-di-e 149a л. ст.$_{1}$; $376_{1,17}$; 388_{1}; 389_{1}; 405_{1}; 408_{1}; 409_{1}; $418_{1,3}$; 427_{1}; 428_{1}; $448_{2,7,7,10,11,11,11,12,17}$.
^{D}ḫal-di-e-i 448_{12}.
^{D}ḫal-di-i-e 378_{3}; 395_{1}.
^{D}ḫal-di-i-ka 448_{15}.
^{D}ḫal-di-i-ni 382 л. ст.$_{15,38}$.
^{D}ḫal-di-i-ni-ni $374_{1,4}$; $376_{9,25}$; 419_{1}; 422_{1}.
^{D}ḫal-di-iš-me 418_{4}.
^{D}ḫal-di-na-a 448_{9}.
^{D}ḫal-di-na-ni 382 л. ст.$_{16,39}$; 418_{8}; $448_{4,6,14,17,18,18}$; 449_{6}.
^{D}ḫal-di-na-u-e $448_{8,8}$.
^{D}ḫal-di-ni 286 л. ст.$_{4}$; $372_{8,11,23,26}$; $373_{6,9,21,25}$; 382 л. ст.$_{22,45}$; $417_{1,3,4}$; 418_{8}; $448_{4,20,21}$; 449_{10}.
^{D}ḫal-di-ni[ ] 408_{2}; 451_{10}.
^{D}ḫal-di-ni-e 372_{11}; 373_{9}; 382 об. ст.$_{3}$; 448_{14}; 451_{7}.
^{D}ḫal-di-ni-i 451_{10}.
^{D}ḫal-di-ni-li 372_{2}; 373_{3}; 374_{5}; 376_{5}; 377 шир. ст.$_{3}$ узк. ст.$_{4}$; 382 л. ст.$_{4,27}$; $418_{2,6}$; $448_{1,4}$.
^{D}ḫal-di-ni-ni 14+16_{1}; 371_{1}; $372_{1,5,5,12}$; $373_{1,3,3,10}$; $375_{1,4}$; 377 шир. ст.$_{1}$ узк. ст.$_{1}$; 378_{1}; $379_{1,9}$; 381_{1}; 386_{1}; 388_{7}; $390_{1,6}$; $391—394_{1}$; 402_{1}; 404_{1}; 406_{1}; 416a$_{1}$; 423_{1}; 445_{1}; 446_{1}; 453a—x$_{1}$; 459_{1}.
^{D}ḫal-di-še 372_{20}; 373_{17}; 382 об. ст.$_{9}$; 383_{10}; 448_{3}; 450_{8}.

$^{I\,D}$ḫaldi-ERUM мужское собственное имя.
$^{I\,D}$ḫal-di-ERUM 462 л. ст.$_{15}$.
$^{I\,D}$ḫal-di-ERUM-a-ni 462 л. ст.$_{5}$.
^{I}ḫal-di-ERUM-di 457 л. ст.$_{2}$.

$^{I\,D}$ḫal-di-x-di 333 л. ст.$_{4}$.

^{I}ḫa-nu-ni 333 л. ст.$_{5}$.

^{I}ḫu-ir-a-i — собственное имя раба 455_{8}.

^{URU}ḫuradinaku.
^{URU}ḫu-ra-di-na-ku-ni 372_{21}.
^{URU}ḫu-ra-di-na-ku-u-ni $373_{12,15}$.
^{URU}ḫu-ra-di-na-ku-ú-ni $372_{9,17,17}$; $373_{7,19}$.

^{I}i-nu-uš-ši-la-a-še 462 л. ст.$_{1}$.

^{URU}ir(e)buni — крепость Ирбуни (Эребуни) на окраине гор. Еревана.
^{URU}ir-bu-ni-ni 409_{2}.
^{URU}ir-bu-ú-ni-ni 388_{4}; 389_{4}.
^{URU}ir-e-bu-ni-e-di 405_{1}.

^{URU}ir-di-ú-ni 462 л. ст.$_{13}$.

^{D}Irmuši — бог Ирмуши 424.

^{I}išpuini — царь Урарту. Сын царя Сардури I сына Лутипри; последняя четверть IX в. до н. э.
^{I}iš-pu-i-ni-ḫi-ni-še 382 л. ст.$_{3,26}$.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-e 379_{10}.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-i-e 382 л. ст.$_{19,42}$.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-e-ḫé $372_{6,13}$; $373_{4,11}$.
^{I}iš-pu-u-i-ni-e-ḫi $376_{12,28}$.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi 375_{6}; 381_{1}.

^{I}iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-i-ni-še 380_{1}.
^{I}iš-pu-u-i-ni-e-ḫi-ni-e 372_{21}.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-e 373_{18}; 382 л. ст.$_{21,44}$.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-e-ḫi-ni-še 15 + $118_{1,2,3}$.
^{I}iš-pu-u-i-ni-ḫi-ni-e 372_{23}.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-e 373_{22}.
^{I}iš-pu-u-i-ni-ḫi-ni-še 372_{2}; 373_{1}; $376_{3,20}$; 378_{2}; 379_{3}.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še 374_{5}; 375_{2}; 377 шир. ст.$_{2}$ узк. ст.$_{3}$; 382 об. ст.$_{2}$.
^{I}iš-pu-ú-i-ni-še 14 + $16_{1,2}$; $371_{1,2}$.
$^{(KUR)}$išqugulu — ср. УКН, № 127 V, 133 — страна близ Эриахи (район совр. Ленинакана).
iš-qu-gu-ul-ḫi-e 286 л. ст.$_{2}$.
^{D}i(u)arša — бог Иварша.
^{D}i-ú-ár-šá-a 396—397_{1}.
^{D}i-ár-šá-a 448_{8}.
^{I}kadiau — царь страны Пулуади.
^{I}ka-di-a-ú-ni 417_{2}.
^{I}ku-lu-gi-i 459_{4}.
^{URU}libliu — поселение в Иранском Азербайджане.
^{URU}li-ib-li-i-ú-ni 417_{7}.
^{KUR}ma-al-ma-li-i-e 372_{16}; 373_{14}.
^{KUR}mana — страна в районе Урмийского озера.
^{KUR}ma-na-i-di 286 л. ст.$_{3}$.
^{I}menua — царь Урарту: 810—786 гг. до н. э.?
^{I}me-i-nu-a-ḫi-ni-še 402_{3}.
^{I}me-i-nu-a-ni 381_{1}.
^{I}me-i-nu-ú-a 372_{20}; 373_{17}.
^{I}me-i-nu-ú-a-ḫi-ni-e-še 391—394_{1}.
^{I}me-i-nu-u-a-hi-ni-še 390_{3}.
^{I}me-i-nu-ú-a-ni $376_{11,27}$; 379_{10}.
^{I}me-i-nu-ú-a-še 15 + $118_{1,2,3}$; $376_{2,19}$; 377 узк. ст.$_{2}$; 379_{2}; 380_{1}.
^{I}me-nu-a 372_{23}; 373_{21}; 382 л. ст.$_{21,44}$.
^{I}me-nu-a-ḫi 388_{8}, 390_{7}.
^{I}me-nu-a-hi[ ] 414_{1}.
^{I}me-nu-a-ḫi-ni-še 382_{2}; 389_{2}; 395_{3}; 396—397_{2}; 399_{2}; 401_{2}, 405_{1}; 406_{1}; 409_{2}.
^{I}me-nu-a-i-ḫi-ni-e-še 408_{2}.
^{I}me-nu-a-i-ni-e 372_{28}; 373_{30}.
^{I}me-nu-a-ni $372_{6,13}$; $373_{4,11}$.
^{I}me-nu-a-še 372_{1}; 373_{1}; 374_{1}; 375_{2}; 377 шир. ст.$_{2}$; 378_{2}; 382 л. ст.$_{3,26}$; 383_{1}; 384_{1}.
^{I}me-nu-ú[ ] 385_{1}.
^{I}me-nu-ú-a-i 379_{5}.
^{I}me-nu-ú-a-ni 375_{5}.
^{I}me-nu-ú-a-še 382 об. ст.$_{2}$.
^{I}menuaḫinili — город в Араратской долине, у южного склона горы Арарат.
^{I}me-nu-a-ḫi-ni-li 376_{24}.
^{I}muida — имя собственное пекаря (повара?).
^{I}mu-i-da-a-i 457 л. ст.$_{6}$.
^{D}nala — урартское божество.
^{D}na-a-la-a-i-ni 382 л. ст.$_{17}$.
^{D}na-a-la-i-ni 382 л. ст.$_{40}$.
^{KUR}puluadi — страна в Иранском Азербайджане.
^{KUR}pu-lu-a-di-e-ḫi 417_{2}.
^{I}p/b u-x-x-di 333 л. ст.$_{3}$.
^{KUR}qilbani — наименование области.
^{KUR}qi-il-ba-ni-ka 286 л. ст.$_{5}$.
^{URU}qudu — поселение.
^{URU}qu-du-na 455_{5}.
^{I}qu-tú-bi-li-i — имя собственное раба 455_{8}.
^{URU}qutume — поселение.
^{URU}qu-ṭu-me-e $372_{24,26}$; $373_{23,25}$.
^{I}rusa — имя нескольких урартских царей: 1) Руса I, сын Сардури II (735—714 гг. до н. э.?) (в надписях №№ 443, 444); 2) Руса II, сын Аргишти II (685—645 гг. до н. э.?) (в надписях №№ 286, 333, 448—455); 3) Руса, сын Эримена (в надписи № 458); 4) Руса, сын Руса (в надписи № 456) (царевич).
^{I}ru[ ] $277a_{1}$.
^{I}ru-sa 455_{13}.
^{I}ru-sa-a 286 л. ст.$_{1}$; $448_{5,18}$; 452_{12}.
^{I}ru-sa-a-ḫé 333 об. ст.$_{2}$.
^{I}ru-sa-a-ḫi-ni-še 455_{2}.
^{Ir}u-sa-a-i 443_{1}; 456 печать$_{1}$.
^{I}ru-sa-a-i-ni-i 443 надпись на чаше$_{1}$.
^{I}ru-sa-a-še $448_{1,2,6,8}$; $449_{5,9}$; 450_{3}; $451_{4,7}$; 453 a—x_{1}.
^{I}ru-sa-ḫi $277a_{2,2}$; 456 печать$_{1}$.
^{Ir}u-sa-ḫi-ni-še 445_{2}; 446_{2}.
[ ]-sa-i-ni $277a_{1,1}$.
^{I}ru-sa-i-ni-i 443_{3}.
^{I}ru-sa-še 458_{1}.
^{I}rusaḫinili — город — совр. Топрак-кале на окраине г. Вана.
^{I}ru-sa-a-ḫi-na 286 л. ст.$_{5}$.
^{URU}ru-u-tum-ni-e — поселение в Иранском Азербайджане 445_{6}.
$^{I\ D}$sarduri — имя нескольких урартских царей: 1) Сардури I, сын Лутипри (в надписях №№ 14 + 16, 319—325, 371, 382) (30-е годы IX в. до н. э.);

2) Сардури II, сын Аргишти (764—735 гг. до н. э.?) (в надписях №№ 417—442); 3) Сардури, сын Руса (в надписях №№ 333, 455) и 4) Сардури, сын Сардури (в надписях №№ 459, 460) — начало VI в. до н. э.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ḫi 460 печать$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri 333 об. ст.$_2$; 455$_{13}$; 460 печать$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-e 418$_8$; 441$_1$; 442$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-e-še 459$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-ḫi-ni-še 14 + 16$_{1,2}$; 371$_{1,2}$; 459$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-i 429$_1$; 430$_1$; 431a—x$_1$; 432 a—x$_1$; 433 a—x$_1$; 435—440$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-i-ni 419$_{13}$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-i-še 418$_1$; 419$_3$; 420$_1$; 421$_1$; 422$_3$; 455$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-ni 417$_{5,9}$; 426$_3$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ri-še 417$_6$, 418$_{3,18}$, 423$_3$, 427$_1$, 428$_1$.

$^{I\,D}$sar$_5$-du-ú-ri-e-ḫi-ni-e 382 л. ст.$_{20,43}$.

^{I}si-lu-ni 386$_4$.

^{I}ṣipa — собственное имя мужчины.

^{I}ṣi-pa-a-ni 462 л. ст.$_{12,19}$.

^{KUR}šašnu

^{KUR}ša-aš-nu-ú-i-ni-i 372$_{25}$; 373$_{24}$.

^{I}šaga сын царя страны Ишкугулу (Ишкигулу) (?).

^{I}šá-ga 286 л. ст.$_2$.

^{I}šá-ni-e-ḫi-ni 455$_4$.

^{KUR}šatiru

^{KUR}ša-ti-ru-u-i 373$_{13}$.

^{KUR}ša-ti-ru-ú-i 372$_{15}$.

^{KUR}ša-ti-ru-ú-ni 372$_{7,10}$; 373$_{5,8}$.

^{KUR}šu-ri-li-pi 372$_{28}$; 373$_{29}$.

^{KUR}tap-la-a-ni 452$_8$.

^{URU}tar-zu-'a-a-na-a-na-ni 372$_{15}$.

^{URU}tar-zu-'a-na-a-na-ni 373$_{13}$.

^{I}tata — имя собственное раба.

^{I}ta-ta-a-še 456$_6$.

^{I}TUR-tata.

^{I}TUR-ta-ta-a-še 461$_1$.

^{KUR}ṭuišdu — область в Иранском Азербайджане.

^{KUR}ṭu-iš-du-ni 445$_6$; 446$_7$.

^{URU}ṭušpa — столица Урартского царства (совр. гор. Ван).

^{URU}ṭu-uš-pa 376$_{16}$; 396—397$_7$; 416a$_1$; 417$_{18}$; 419$_{16}$; 426$_6$.

^{URU}ṭu-uš-pa-a 376$_{32}$; 381$_1$.

^{URU}ṭu-uš-pa-a-e 375$_8$; 388$_{10}$.

^{URU}ṭu-uš-pa-e 379$_{14}$; 390$_{10}$; 459$_1$.

^{D}ua — урартское божество.

^{D}ú-a-ni 382 л. ст.$_{23,46}$.

^{I}ubiabi — имя собственное должностного лица.

^{I}ú-bi-a-bi-i-ka-i 286 об. ст.$_7$.

^{I}uradi 462 л. ст.$_{6,14}$.

^{I}ú-ra-di-ni 462 л. ст.$_{6,14}$.

^{URU}ur-ki-a-ni 462 л. ст.$_4$.

^{I}urma — имя собственное наместника.

^{I}ur-ma-a-di 462 л. ст.$_2$.

^{KUR}ušuluni — область в Иранском Азербайджане.

^{KUR}ú-šu-lu-ni-i 445$_3$.

^{I}zu[ ]$_a$ — имя собственное наместника.

^{I}zu-[x]-a-še 333 л. ст.$_1$.

^{I}[ ]-li-i-di 456$_3$.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3 229
Надписи, зафиксированные в первом издании УКН («Вестник древней истории», 1953 г., № 1—4) . . . . . » 230
Надпись Ишпуини, сына Сардури . . . . . » 234
Надписи Менуа, сына Ишпуини . . . . . » 235
Надписи Аргишти, сына Менуа . . . . . » 242
Надписи Сардури, сына Аргишти . . . . . » 248
Надписи Руса, сына Сардури . . . . . » 253
Надписи Аргишти, сына Руса . . . . . » 254
Надписи Руса, сына Аргишти 4 267
Надпись Сардури, сына Руса . . . . . » 271
Надпись царевича Руса, сына Руса . . . . . » 272
Надпись Эримена . . . . . » 272
Надпись Руса, сына Эримена . . . . . » 273
Надписи Сардури, сына Сардури . . . . . » 273
Надписи неизвестной принадлежности . . . . . » 274
Указатели . . . . . » 280
I. Идеограммы и детерминативы . . . . . » 280
II. Урартские слова в фонетическом написании . . . . . » 283
III. Собственные имена и географические названия . . . . . » 290

ИСПРАВЛЕНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ ВДИ, 1971, № 3

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
231	6 сверху	надписать	надпись
»—»	13 » »	ar	ar
»—»	1 снизу	1109	1009
236	21 сверху	$D_{ka\text{-}ru\text{-}ni}$	ka-ru-ni
»—»	» »	$KUR_{\check{s}a\text{-}ti\text{-}ru\text{-}\acute{u}\text{-}ni}$	$KUR_{\check{s}a\text{-}ti\text{-}ru\text{-}\acute{u}\text{-}i}$
»—»	29 сверху	ḫa-a-i-la-a-ni	ḫa-a-i-a-la-a-ni
238	17 сверху	$KUR_{ṭu\text{-}u[\check{s}\text{-}pa\text{-}a\text{-}URU]}$	$URU_{ṭu\text{-}u[\check{s}\text{-}pa\text{-}a\text{-}URU]}$
240	1 сверху	e [-ḫi	e]-ḫi
245	22 сверху	qì-ú-ra-a-ni	qi-ú-ra-a-ni
246	13 сверху	31045	32045
250	11 сверху	VI	V

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Полякова Галина Федоровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, занимается историей древней Греции раннего периода.

Маринович Людмила Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, занимается историей древней Греции.

Голенко Константин Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, специалист по античной нумизматике.

Виноградов Юрий Германович, аспирант сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, специализация — история и эпиграфика Северного Причерноморья.

Пугаченкова Галина Анатольевна, доктор искусствоведения, чл.-корр. АН УзССР, зав. сектором истории искусства и архитектуры Института искусствознания им. Хамзы, специальность — история художественной и материальной культуры Среднего Востока.

Ртвеладзе Эдвард Васильевич, младший научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы, специальность — археология Средней Азии и Северного Кавказа.

Аракелян Бабкен Николаевич, доктор исторических наук, чл.-корр. АН АрмССР, зав. сектором археологии Института истории АН АрмССР, специальность — античная археология и история древнего Рима.

Палмайтис Летас, сотрудник Центральной библиотеки АН ЛитССР, семитолог-эпиграфист.

Зельин Константин Константинович, доктор исторических наук, консультант сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории древней Греции и эллинизма.

Скржинская Марина Владимировна, кандидат исторических наук, специалист по истории древней Греции.

Крис Хава Иосифовна, младший научный сотрудник Института археологии АН СССР, специальность — археология Северного Причерноморья.

Соколов Глеб Иванович, кандидат искусствоведения, доцент Московского государственного университета, специализация — искусство древнего Рима.

Герцман Евгений Владимирович, преподаватель Дальневосточного института искусств, музыковед.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічі памятки
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИ — Вопросы истории
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского Археологического общества
ЗНОРАО — Записки нумизматического отделения Русского Археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПС — Палестинский сборник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СП — Северное Причерноморье
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ТИИА АН УзбССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции
ЭВ — Эпиграфика Востока
AJA — American Journal of Archaeology
AJSL — American Journal of Semitic Languages and Literatures
AION — Annali dell'Instituto Orientale Universitario di Napoli
ArOr — Archiv Orientální
BA — The Biblical Archaeologist
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BMC — British Museum Catalogue
BSOAS — Bulletin ol the School of Oriental and African Studies, University of London
CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago
CAH — Cambridge Ancient History
CIH — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones himyariticae et sabaes continens, P., 1889—1931
CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
EW — East and West
H. Mattingly, BMC, Emp. I; BMC, IV—VI—H. Mattingly, Coins of the Roman Empire in the British Museum, vol. I, IV, V, L., 1923—1950; R. A. G. Carson, Coins of the Roman Empire..., vol. VI, L., 1962
HUCA — Hebrew Union College Annual

IEJ — Israel Exploration Journal
JA — Journal Asiatique
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JJP — Journal of Juristic Papyrology
JRS — Journal of Roman Studies
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan
MMAJ — Mémoires de la Mission archéologique en Iran
NC — The Numismatic Chronicle
NNM — Numismatic Notes and Monographs
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
Or — Orientalia
RB — Revue Biblique
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg von W. Kroll
REG — Revue des Etudes Greques
RES — Répertoire d'epigraphie sémitique, V—VII, rédigés par C. Ryckmans, 1929—1950
RHA — Revue hittite et asianique
RIC — The Roman Imperial Coinage
RNS SP — Royal Numismatic Society. Special Publication (London)
W. Wroth, BMC, Parth.— W. Wroth, A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of the Coins of Parthia, L., 1903

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» за 1971 год

СТАТЬИ

XXIV съезд КПСС и советская историческая наука о древнем мире . . . 2 3

К. В. Голенко (Москва) — Заметки об обращении римской монеты в Закавказье . . . 4 47

А. И. Доватур (Ленинград) — Феогнид и Мегары . . . 3 38

Юлия Заблоцка (Познань) — К вопросу о земельных отношениях в малоазийских городах I—III вв. н. э. (*Надпись Аттала Адраста из Афродисии*) . . . 1 17

П. О. Карышковский (Одесса) — Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э. . . . 2 36

Ю. К. Колосовская (Москва) — Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии . . . 2 57

Л. П. Маринович (Москва) — ΠΑΡΑΜΟΝΗ в дельфийских манумиссиях римского времени . . . 4 27

В. М. Массон (Москва) — Первые земледельцы Месопотамии (К проблеме происхождения) . . . 3 3

Г. Ф. Полякова (Москва) — К интерпретации надписей серии Cn . . . 4 3

И. В. Пьянков (Душанбе) — Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов . . . 3 16

И. С. Свенцицкая (Москва) — К вопросу о положении λαοί в царстве Селевкидов . . . 1 3

В. М. Строгецкий (Уссурийск) — Африканская и сицилийская экспедиции Дориэя . . . 3 64

Э. Д. Фролов (Ленинград) — Выступление и приход к власти Дионисия Старшего . . . 3 47

Эдит Шенерт-Гейс (Берлин) — Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок (VI—I вв. до н. э.) . . . 2 25

В. П. Яйленко (Москва) — К интерпретации декрета иссейцев о разделе земли колонистами . . . 2 9

В. Н. Ярхо (Москва) — О значении эпических прилагательных с префиксом ὑπερ- . . . 3 78

ПУБЛИКАЦИИ

Б. Н. Аракелян (Ереван) — Латинские надписи из столицы древней Армении—Арташата . . . 4 114

С. П. Борисковская (Ленинград) — Вазы буккеро с рельефами из района Вульчи . . . 1 29

М. Г. Быстрикова (Ленинград) — Коптская ткань V—VI вв. из собрания Государственного Эрмитажа . . . 3 107

Ю. Г. Виноградов (Москва) — Древнейшее греческое письмо с острова Березань . . . 4 74

К. В. Голенко (Москва), *А. Н. Щеглов* (Ленинград) — Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма . . . 1 41

Б. А. Литвинский (Душанбе), *Н. О. Турсунов* (Ленинабад) — Ленинабадский кратер и луврская ваза Сосибия (*Неоаттическое искусство и Средняя Азия*) 3 92
Н. А. Померанцева (Москва) — Две скульптурные модели собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина . . 3 87
Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе (Ташкент) — Новые монетные находки из Правобережной Бактрии 4 101
Н. В. Пятышева (Москва) — Мраморная статуэтка Гигиейи из Херсонеса (*К вопросу о культе богов-врачевателей в Северном Причерноморье*) . . 2 57

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Д. Блаватский (Москва) — Культура Афин времени Фидия 2 101
А. А. Вайман (Ленинград) — Клинописный текст TCL, II, 5499 . . . . 1 48
Ю. Г. Виноградов (Москва) — Новые материалы по раннегреческой экономике 1 64
М. Л. Гельцер (Вильнюс) — Санкции по отношению к лицам, не выполнявшим своих повинностей (*Термин pauyāli в Угарите*) 2 78
Е. В. Герцман (Владивосток) — Восприятие разновысотных звуковых областей в античном музыкальном мышлении (*Положения античного музыкознания как отражение практики искусства*) 4 181
Б. Н. Граков (Москва) — Еще раз о монетах-стрелках 3 125
Л. А. Ельницкий (Москва) — Социально-политические аспекты «Бронтоскопического календаря» П. Нигидия Фигула 2 107
К. К. Зельин (Москва) — Новые работы о философии Анаксимандра 4 127
Т. Д. Златковская (Москва) — О характере рабства во Фракии VII—V вв. до н. э. 1 54
В. И. Кадеев (Харьков) — К вопросу о составе херсонесского совета (ἡ βουλή) в первых веках н. э. 3 127
В. И. Козловская (Воронеж) — Древнейшая письменность иберов и ее средиземноморские связи (*Из истории исследования*) 3 138
Х. И. Крис (Москва) — О таврах и кизил-кобинской культуре 4 156
И. Т. Кругликова (Москва) — Горгиппия в период Спартокидов 1 89
И. В. Куклина (Ленинград) — Анахарсис 3 113
М. Е. Мерхасина (Ленинград) — Московская рукопись Диона Хрисостома 1 101
Л. Палмайтис (Вильнюс) — Аммонитская надпись I тысячелетия до н. э. 4 119
А. Е. Паршиков (Куйбышев) — Аристотель (Ath. Pol. 23, 5) и организация первого афинского морского союза 1 76
Н. Н. Пикус (Москва) — О «планировании» посева в эллинистическом Египте 3 130
М. Е. Сергеенко (Ленинград) — Columella II, 12, 7—8 (*Опыт комментария*) 2 116
М. В. Скржинская (Ленинград) — Тема тирании в поэзии Феогнида . . 4 150
Г. И. Соколов (Москва) — Женский портрет из Одесского археологического музея 4 170
А. Я. Сыркин (Москва) — Заметки о стилистике ранних *упанишад* . . . 2 93
И. М. Тронский (Ленинград) — Некоторые итоги развития микенологии 2 84
И. Ш. Шифман (Ленинград) — Социально-правовые группы в сирийском обществе эллинистическо-римского времени 2 119

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Е. Борщ (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1969 г. 4 226
Ю. Г. Виноградов (Москва) — Handbuch der Archäologie. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. Hrsg von U. Hausmann, München, 1969 . . 3 169
М. Л. Гельцер (Вильнюс) — J. Nougayrol, Textes suméro-accadiens des Archives privées d'Ugarit; Ch. Virolleaud, Les nouveaux textes mythologiques et liturgiques de Ras Shamra (XXIV-e Campagne, 1961) — «Ugaritica», V, P., 1968 . . . . . 1 106
Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) — A. Kammenhuber, Die Arier im Vorderen Orient, Heidelberg, 1968 . . . . . 1 120
Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) — H. Otten, Die Hethitischen historischen Quellen und die altorientalische Chronologie, Meinz, 1968 . . . . . 3 155
Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) — Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.), М., 1968 . . . . . 4 195

Л. М. Глускина (Ленинград) — Hans-Veit Beyer, Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion, B., 1969 . . . . . 4 212
М. А. Дандамаев (Ленинград) — D. B. Weisberg, Guild Structure and Political Allegiance in Early Achaemenid Mesopotamia, New Haven — London, 1967 . . . . . 2 129
А. И. Доватур (Ленинград) — G. H. Schreiner, Aristotle and Perikles, Osloae, 1968 . . . . . 4 205
И. Л. Духин (Краснодар) — Imre Trencsényi-Waldapfel, Von Homer bis Vergil, B.— Weimar, 1969 . . . . . 2 139
А. П. Каждан (Москва) — D. De Decker, La politique religieuse de Maxence, «Byzantion», XXXVIII, 1968 (1969) 1 137
Г. С. Кнабе (Москва) — Donald R. Dudley, The World of Tacitus, L., 1968 . . . . . 3 177
Г. А. Кошеленко (Москва) — Mithraism in Ostia. Mystery Religion and Christianity in the Ancient Port of Roma, Northwestern University Press, 1967 . . . . . 1 129
В. Г. Луконин, М. А. Дандамаев (Ленинград) — Walter Hinz, Altiranische Funde und Forschungen, B., 1969 . . . . . 3 157
А. Г. Лундин (Ленинград) — H. Tschinkowitz, «Sammlung Eduard Glaser, VI». Kleine Fragmente. I. Teil, Wien, 1969 . . . . . 2 135
А. И. Немировский (Воронеж) — H. Mühlestein, Die Etrusker im Spigel ihrer Kunst, B., 1969 . . . . . 2 142
В. В. Павлов (Москва) — Elisabeth Riefstahl, Ancient Egyptian Glass and Glazes in the Brooklyn Museum, Brooklyn, 1968 . . . . . 3 153
А. Е. Паршиков (Куйбышев) — О некоторых теориях в фукидидовской литературе (*Фукидид и Афинская держава*) 2 148
Н. Н. Пикус (Москва)—W. Peremans et E. Van't Dack, Prosopographia Ptolemaica VI. La cour, les relations internationales et les possessions extérieures, La vie culturelle, № 14479—17250 par W. Peremans, E. Van't Dack, L. Mooren, W. Swinnen («Studia Hellenistica», 17, Louvain, 1968) 1 134
Н. Е. Семпер (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии (*Краткие аннотации*) 3 182
А. Я. Сыркин (Москва) — Ivo Fišer, Indian Erotics of the Oldest Period, Praha, 1966 . . . . . 3 165
И. Ф. Фихман (Ленинград) — Das Archiv des Petaus (P. Petaus), hrsg von U. und D. Hagedorn, L. C. und H. C. Youtie, Köln und Opladen, 1969 . . . . . 2 157
В. В. Шеворошкин (Москва) — Hans Jensen, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, B., 1969 . . . . . 2 136
Е. М. Штаерман (Москва) — Две новые работы по социально-экономической истории Фракии 4 217
И. Г. Шургая (Ленинград) — A. Bernard, Alexandrie la Grande, P., 1966 1 124
В. П. Яйленко (Москва) — A. Uguzzoni, F. Ghinatti, Le tavole greche di Eraclea, Roma, 1968 . . . . . 4 200

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. Б. Брашинский (Ленинград) — Научная конференция памяти Б. В. Фармаковского 3 219
Ю. К. Колосовская, Л. П. Маринович (Москва) — Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. 4 241
А. К. Коровина, Н. А. Сидорова (Москва) — «Сокровища Кипра» 4 257
В. И. Кузищин (Москва) — V Международный конгресс экономической истории. Секция экономической истории древнего мира 3 209
В. М. Смирин (Москва) — XIII Международный исторический конгресс. Секция древней истории 1 140

Ю. Г. Виноградов (Москва) — Б. Н. Граков (1899—1970) 1 201
К. В. Голенко (Москва)—Д. Г. Капанадзе (1898—1971) 3 256

С. Л. Утченко (Москва) — Академик Н. И. Конрад (1891—1970) 1 203
Н. А. Чистякова (Ленинград), *В. Н. Ярхо* (Москва) — И. М. Тронский (1897—1970) 2 162

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юлий Павел, Пять книг сентенций к сыну. Перевод и комментарий *Е. М. Штаерман* (Москва) 1 171
Юлий Павел, Пять книг сентенций к сыну. Перевод и комментарий *Е. М. Штаерман* (Москва) (*окончание*) 2 169
Доминиций Ульпиан, Фрагменты. Перевод и комментарий *Е. М. Штаерман* (Москва) 2 184
Г. А. Меликишвили (Тбилиси) — Урартские клинообразные надписи. Открытия и публикации (1954—1970) 3 227
То же (*окончание*) 4 265
Указатель к урартским клинообразным надписям 4 280

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Ф. Полякова (Москва) — К интерпретации надписей серии Cn 3
Л. П. Маринович (Москва) — ПАРАМОНН в дельфийских манумиссиях римского времени 27
К. В. Голенко (Москва) — Заметки об обращении римской монеты в Закавказье 47

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. Г. Виноградов (Москва) — Древнейшее греческое письмо с острова Березань 74
Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе (Ташкент) — Новые монетные находки из Правобережной Бактрии 101
Б. Н. Аракелян (Ереван) — Латинские надписи из столицы древней Армении — Арташата 114

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. Палмайтис (Вильнюс) — Аммонитская надпись I тысячелетия до н. э. 119
К. К. Зельин (Москва) — Новые работы о философии Анаксимандра . . . 127
М. В. Скржинская (Ленинград) — Тема тирании в поэзии Феогнида 150
Х. И. Крис (Москва) — О таврах и кизил-кобинской культуре 156
Г. И. Соколов (Москва) — Женский портрет из Одесского археологического музея 170
Е. В. Герцман (Владивосток) — Восприятие разновысотных звуковых областей в античном музыкальном мышлении (*Положения античного музыкознания как отражение практики искусства*) 181

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси) — Н. Б. Янковская, Клинописные тексты из Кюльтепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.), Москва, 1968 195
В. П. Яйленко (Москва) — A. Uguzzoni, F. Ghinatti, Le tavole greche di Eraclea, Roma, 1968 200
А. И. Доватур (Ленинград) — G. H. Schreiner, Aristotle and Perikles, a study in historiography, Osloae, 1968 205
Л. М. Глускина (Ленинград) — Hans-Veit Beyer, Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion, Inaugural Dissertation, Berlin, 1969 212
Е. М. Штаерман (Москва) — Две новые работы по социально-экономической истории Фракии 217
И. Е. Борщ (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1969 г. 226

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ю. К. Колосовская, Л. П. Маринович (Москва) — Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. 241
А. К. Коровина, Н. А. Сидорова (Москва) — «Сокровища Кипра» 257

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. Меликишвили (Тбилиси) — Урартские клинообразные надписи. II . Открытия и публикации 1954—1970 гг. (*окончание*) 265
Указатель к урартским клинообразным надписям 280
Содержание 294

Указатель статей, помещенных в ВДИ в 1971 г. 298

CONTENTS

G. F. Polyakova (Moscow) — On the Interpretation of the *Cn* Texts from Pylos 3
L. P. Marinovich (Moscow) — ΠΑΡΑΜΟΝΗ in Delphic Manumissions of the Roman Period 27
C. V. Golenko (Moscow) — Notes on the Circulation of Roman Coins in the Transcaucasia 47

PUBLICATIONS

Yu. G. Vinogradov (Moscow) — A Greek Letter from Berezan 74
G. A. Pugachenkova, E. V. Rtveladze (Tashkent) — New Coin Finds from North Bactria 101
B. N. Arakelyan (Erevan) — Latin Inscriptions from Artashat, Capital of Ancient Armenia 114

REPORTS AND COMMUNICATIONS

L. Palmaitis (Vilnius) — The First Ancient Ammonite Inscriptions of the I Millennium B. C. 119
K. K. Zelyin (Moscow) — New Works on the Philosophy of Anaximander . . 127
M. V. Skrzhinskaya (Leningrad) — The Theme of Tyranny in the Poetry of Theognis 150
H. I. Kris (Moscow) — The Taurians and the Kizil-Kobin Culture 156
G. I. Sokolov (Moscow) — Female Portrait Head in the Odessa Archaeological Museum 170
Ye. V. Gertsman (Vladivostok) — The Appreciation of High and Low Sound Registers in Ancient Musical Thought 181

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

G. G. Giorgadze (Tbilisi) — N. B. Jankovskaja, *Klinopisnye teksty iz Kul-tepe v sobranijakh SSSR (pisma i dokumenty torgovogo ob'jedinenija v Maloi Azii XIX v. do n. e.*, ch. I-II, Moskva 1968 195
V. P. Yailenko (Moscow) — A. Uguzzoni, F. Ghinatti, *Le tavole greche di Eraclea*, Roma 1968 200
A. I. Dovatur (Leningrad)—G. H. Schreiner, *Aristotle and Perikles. A Study in Historiography*, Osloae 1968 205
L. M. Gluskina (Leningrad) — Hans-Veit Beyer, *Über den Sachverhalt der Demosthenischen Rede für Phormion*, Berlin 1969 212
E. M. Shtaerman (Moscow) — Two New Works on the Social and Economic History of Thrace 217
I. Ye. Borshch (Moscow)—Index to New Soviet Literature on Ancient History 226

SCIENTIFIC EVENTS

Yu. K. Kolosovskaya, L. P. Marinovich (Moscow) — All-Union Conference on the Results of Archaeological and Ethnographic Field Work in 1970 . . . 241
A. K. Korovina, N. A. Sidorova (Moscow) — «The Treasury of Cyprus» . . . 257

SUPPLEMENT

G. A. Melikishvili (Tbilisi) — Urartian Cuneiform Inscriptions. II. Discoveries and Publications, 1954—1970 (*conclusion*) 265
Index to Urartian Cuneiform Inscriptions 280
Contents 294

Index of Articles Published in *VDI*, 1971, 1—4 298

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 20/VIII-1971 г. Подписано к печати 12/XI 1971 г. Тираж 3080 экз.
Зак. 2741 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 26,6 + 4 вкл. Бум. л. 9¹/₂ Уч. изд. л. 31,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10